ТАЙНАЯ СИЛА

АЛЕКСАНДР КОСТИН

ЗАГОВОР ГОРБАЧЁВА И ЕЛЬЦИНА

КТО СТОЯЛ ЗА ХОЗЯЕВАМИ КРЕМЛЯ?

УДК 82-94
ББК 66.2
К 72

Костин А.Л.

К 72 Заговор Горбачева и Ельцина. Кто стоял за хозяевами Кремля? – М.: ТД Алгоритм, 2016. – 608 с. – (Тайная сила)

ISBN 978-5-906817-87-7

История России изобилует заговорами в борьбе за высшую власть. Но заговор Горбачева — Ельцина не имеет себе подобных по катастрофическим последствиям для нашей страны.

В своей книге А.Л. Костин возвращает читателя к истокам этого заговора, показывая, как на политическую арену вышел альянс Горбачева – Ельцина, что привело к развалу Советского Союза.

Но сами «хозяева Кремля» не были способны разрушить всего за несколько лет советскую сверхдержаву — за ними стояли мощные силы Запада, использующие все имеющиеся средства для уничтожения СССР.

УДК 82-94
ББК 66.2

© Костин А.Л., 2016
© ООО «ТД Алгоритм», 2016

ISBN 978-5-906817-87-7

Массово-политическое издание

Александр Львович Костин
ЗАГОВОР ГОРБАЧЕВА И ЕЛЬЦИНА
Кто стоял за хозяевами Кремля?

Редактор О.В. Селин
художник Б.Б. Протопопов,

ООО «ТД Алгоритм»

Оптовая торговля:
ТД «Алгоритм» +7 (495) 617-0825, 617-0952
Сайт: http://algoritm-izdat.ru
Электронная почта: algoritm-kniga@mail.ru

Сдано в набор 01.11.15. Подписано в печать 10.12.15.
Формат 84x108 1/32.
Печать офсетная.
Усл. печ. л. 19 Тираж 1500 экз. Заказ № .

Глава I
УРАЛЬСКИЙ САМОРОДОК

1.1. Суровое детство, бесшабашная юность

Мы все глядим в Наполеоны,
Двуногих тварей миллионы…

А.С. Пушкин

Борис Николаевич Ельцин родился 1 февраля 1931 года в селе Бутка Талицкого района Свердловской области в крестьянской семье. Отец его — Николай Игнатьевич Ельцин и мать — Клавдия Васильевна (в девичестве Старыгина), как и все их предки, были потомственными крестьянами. Борис был старшим ребенком. Позднее у него появился младший брат Михаил и сестра Валентина (они оба пережили Бориса Николаевича).

По свидетельству своего верного оруженосца — охранника Александра Коржакова, Ельцин тяготился своим крестьянским происхождением и «…любил напускать туману насчет своей родословной. При росте 186 сантиметров, нога у него была маленькая: 41-го размера. Это — он считал — признак аристократии, и полушуткой, полувсерьез рассказывал всем, что у него какие-то аристократические корни. Даже сравнивал себя с Петром Первым: у того нога тоже была 41-го размера.

Когда Ельцина стали называть «царем» — первым запустил это кремлевский завхоз Бородин — Борис Николаевич на полном серьезе принялся размышлять вслух: может, он и вправду потомок царской фамилии?

Но обувь он все равно старался носить большую. Специально покупал на два размера больше: чтобы казаться крупнее»[1].

Когда Ельцин станет Первым Президентом России (ППР) многие биографы попытаются обнаружить в его генеалогическом древе аристократические корни, но чего не дано, того не дано. Однако эти исследования не пропали даром, поскольку позволили восстановить родословную ППР вплоть до начала XVIII века.

---

[1] Цит. по: *А. Хинштейн*. Ельцин. Кремль. История болезни. М.: «Олма Медиа Групп», 2008. С. 63.

В первой половине XVIII века в селе Басмановское Буткинской волости Шадринского уезда Пермской области проживал государственный крестьянин Сергей Елцын, которого удалось идентифицировать в качестве предка Б.Н. Ельцина по отцовской линии.

А. Хинштейн, ссылаясь на историка Дмитрия Панова — наиболее удачного биографа ППР, пишет: «…род Елцыных попал на Урал в период освоения его выходцами из Великого Новгорода. Правда, утверждение это базируется на весьма шатких доказательствах: в писцовых книгах Сытинского погоста за 1495 год Панов якобы обнаружил некоего Елизарко Ельца, хотя по той же логике ельцинские корни можно приписать к древнему городу Ельцу.

Но одно историки установили несомненно: исконная фамилия нашего героя звучит совсем иначе — Елцын… Лишь в 1921 году в написании фамилии впервые появился мягкий знак. А трудно произносимая буква «ы» сменилась на доступное «и» еще позднее: отца будущего президента записывали уже как «Ельцин»[1].

С легкой руки самого Б.Н. Ельцина отечественная историография связывает с деревней Бутка весь род Ельциных (Елцыных), поскольку в своих мемуарах он решительно утверждает: «Я родился 1 февраля 1931 года в селе Бутка Талицкого района Свердловской области, где жили почти все мои предки. Пахали землю, сеяли хлеб, в общем существовали, как и многие другие.»[2] Однако это далеко не так, поскольку, начиная с XVIII века, Елцыны жили в селе Басмановском (Басманово), а в Бутке семья Ельциных оказалась уже в Советское время и далеко не по собственной воле.

До революции семья Ельциных (Елцыных) считалась зажиточной. Игнат Елцын — дед будущего президента — был церковным старостой и владел обширным хозяйством: водяная и ветреная мельницы, молотилка, жатка, пять лошадей и четыре коровы — то есть типичное хозяйство кулака. В 1930 году деда раскулачили, лишили гражданских прав и выслали в Сибирь. По другим источникам, «раскулаченный» дед Б. Ельцина «ушел в бега». «Бегал» от закона дед будущего президента РФ, очевидно, недолго, поскольку в своей книге ППР сообщает, что вскоре его родственники «вступили в колхоз», а в 35-м году Игнат Ельцин уже не скрывался[3].

Отца будущего президента России — Николая Игнатьевича и его младшего брата Андриана Игнатьевича выслали из родно-

---

[1] Цит. по: *А. Хинштейн*. Ельцин. Кремль. История болезни. М.: «Олма Медиа Групп», 2008. С. 14.

[2] *Б. Ельцин*. Исповедь на заданную тему. Ассоциация уральских издателей. 1990. С. 21.

[3] Там же. С. 18.

го села и определили им место проживания деревню Будку, что в пятнадцати верстах от Басманово, где они прожили всего-то около двух лет. В том, что братьев Ельциных не выслали вместе с отцом в Сибирь, нет ничего необычного. Уральских и сибирских кулаков, как правило, далеко от родимых мест не выселяли, все равно худших условий жизни не найти.

Именно здесь, в Бутке, и появился на свет будущий ППР, здесь же он был и крещен. С крещением младенца связан забавный, если не сказать большее, — трагический эпизод, в результате которого Россия вполне могла лишиться своего Первого Президента. Впрочем, слово самому Б.Н. Ельцину.

«Мне рассказывала мама, как меня крестили. Церквушка со священником была одна на всю округу, на несколько деревень. Рождаемость была довольно высокая, крестили один раз в месяц, поэтому этот день был для священника более чем напряженный: родителей, младенцев, народу — полным-полно. Крещение проводилось самым примитивным образом — существовала бадья с некоей святой жидкостью, то есть с водой и какими-то приправами, туда опускали ребенка с головой, потом визжавшего поднимали, крестили, нарекали именем и записывали в церковную книгу. Ну, и как принято в деревнях, священнику родители подносили стакан бражки, самогона, водки, кто что мог…

Учитывая, что очередь до меня дошла только ко второй половине дня, священник уже с трудом держался на ногах. Подали ему меня, священник опустил в эту бадью, а вынуть забыл, давай о чем-то с публикой рассуждать и спорить… Родители, Клавдия Васильевна и Николай Игнатьевич, были на расстоянии от этой купели, не поняли сначала, в чем дело. А когда поняли, мама, крича, подскочила и поймала меня на дне, вытащила. Откачали… Не хочу сказать, что после этого у меня сложилось какое-то определенное отношение к религии, конечно же, нет. Но тем не менее такой курьезный факт был. Кстати, батюшка сильно не расстроился. Сказал: «Ну, раз выдержал такие испытания, значит, самый крепкий и нарекается у нас Борисом». Так я и стал Борис Николаевич»[1].

Борис — Борющийся (славянское). Обычно целеустремленны, оптимисты, любознательны, с образным мышлением. Иногда вспыльчивы, непредсказуемы. Судьба, бывает, испытывает их. В конце концов, тяготеют к дому, к семье. Малые дети им всегда в радость. В точку попал батюшка!

Работа в колхозе братьям Ельциным пришлась не по душе, и они двинулись на заработки. В 1932 году они осели в Казани, уст-

[1] *Б. Ельцин*. Исповедь на заданную тему. С. 22.

роились плотниками на строительстве авиационного завода. Однако жизнь в Казани также не задалась. О трудностях, которые испытывала в этот период семья Ельциных, ППР в своих мемуарах написал достаточно красочно, «перепутав», однако, время и место действия описываемых событий.

«Мы жили бедновато. Домик небольшой, корова. Была лошадь, но она вскоре пала. Так что пахать было не на чем. Как и все — вступили в колхоз… В 1935 году, когда уже и корова сдохла и стало совсем невмоготу, дед, ему было уже где-то около шестидесяти, начал ходить по домам — класть печки. Он, кроме того, пахарем был, умел еще и столярничать, плотничать…

(Автор не уточняет, о каком деде идет речь, возможно по матери, тогда это дед Василий. Дед по отцовской линии — Игнат к этому времени либо откладывал ссылку в Сибирь, либо находился «в бегах».)

Отец тогда решил все-таки податься куда-нибудь на стройку, чтобы спасти семью. Это был так называемый период индустриализации. Он знал, что рядом, в Пермской области, на строительстве Березниковского калийного комбината требуются строители — туда и поехали. Сами запряглись в телегу, побросали последние вещички, что были, — и на станцию, до которой шагать 32 километра.

Оказались в Березниках. Отец завербовался на стройку рабочим. Поселили нас в барак — типичный по тем временам, да и сохранившийся кое-где еще и сегодня, — деревянный, дощатый, продуваемый насквозь. Общий коридор и 20 комнатушек, никаких, конечно, удобств, туалет на улице, на улице же и вода из колодца. Дали нам кое-что из вещей, мы купили козу. Уже родился у меня брат, родилась младшая сестренка. Вот мы вшестером, вместе с козой, — все на полу, прижавшись друг к другу, и спали. С шести лет, собственно, домашнее хозяйство было на мне. И за младшими ребятишками ухаживать — одну в люльке качать, за другим следить, чтобы не нахулиганил, и по хозяйству — картошку сварить, посуду помыть, воды принести…»[1]

По рассказу самого Ельцина получается, что семья переехала в Березники в 1935 году непосредственно из деревни Будка, а где же казанский период жизни? Почему Ельцин даже не упомянул об этом, утверждая, что в вышеупомянутом бараке они прожили десять лет?

На самом деле жизненные обстоятельства семьи Ельциных, после переезда ее в Казань, сложились весьма драматично, о чем бу-

[1] Там же. С. 23.

дущему президенту вспоминать не хотелось, а возможно он кое-что из-за малости лет подзабыл, а потом перепутал даты и события.

В архиве УКГБ по Республике Татарстан (ныне УФСБ) сохранилась агентурная разработка «Односельчане», заведенная оперуполномоченным Татарского ОГПУ Исмагиловым на «группу кулаков в количестве 6 человек». Двое из этой группы были братья Ельцины — Николай Игнатьевич и Андриан Игнатьевич, которые трудились на строительстве Казанского авиационного завода. Вот выписка из разработки «Односельчане»:

«Имея тесную связь друг с другом, систематически проводят антисоветскую агитацию, распространяют провокационные слухи, разлагающие действуют на окружающую среду рабочих, используя в контрреволюционных целях недостатки в питании, зарплате и неполадках стройки, призывают рабочих к уходу со стройки…»[1]

Конечно, братья Ельцины никакой контрреволюционной деятельностью не занимались и как могли трудились на стройке: Николай Игнатьевич был бригадиром плотников, а Андриан Игнатьевич работал в его бригаде. Жизнь была тяжелой и братья естественно жаловались на то, что людей плохо кормят, заставляют насильно подписываться на заем, а также жертвовать из своих скудных заработков на помощь мировому пролетариату.

В ночь с 27 на 28 апреля 1934 года братьев Ельциных вместе с другими фигурантами из разработки «Односельчане» арестовали. В обвинительном заключении по делу бывших кулаков говориться, что они «…проводили систематически антисоветскую агитацию среди рабочих, ставя своей целью разложение рабочего класса и внедрение недовольства существующим правопорядком. Используя имеющиеся трудности в питании и снабжении, пытались создать нездоровые настроения, распространяя при этом провокационные слухи о войне и скорой гибели Советской власти. Вели агитацию против займа, активно выступали против помощи австрийским рабочим — т.е. совершили деяние, предусмотренное статьей 58-10 УК»[2].

Десятый пункт статьи 58 УК предусматривал наказание за «антисоветскую пропаганду и агитацию». Судебная «тройка» ГПУ Татарской АССР 23 мая 1934 года приговорила Николая Игнатьевича Ельцина и его брата к трем годам исправительных лагерей.

28 мая братья Ельцины вместе с их подельниками были этапированы в Дмитровский Исправительно-трудовой лагерь («Дмитлаг»), заключенные которого использовались при строительстве

---

[1] Цит. по: *А. Хинштейн.* Ельцин. Кремль. История болезни. М.: «Олма Медиа Групп», 2008. С. 15.

[2] Цит. по: *Л. Млечин.* Борис Ельцин. Послесловие. М.: «Центрполиграф», 2007. С. 38.

канала им. Москвы в районе подмосковного города Талдома. Семья поехала за отцом, жили в бараке. Вскоре, однако, семью Ельциных приютила в своем доме Нина Васильевна Петрова — жена заключенного Василия Петрова, с которым сдружился Ельцин-старший. Именно в доме Петровых в Талдоме родился младший брат Ельцина — Михаил.

По воспоминаниям Нины Васильевны, Борис рос очень активным ребенком, а по причине отсутствия игрушек очень любил сооружать из поленьев всевозможные конструкции, дома, пирамиды. Возможно, эти сучковатые поленья и предопределили дальнейший жизненный путь будущего строителя, а затем и ППР.

В своих мемуарах Б.Н. Ельцин ни разу не упомянул имя своей спасительницы — Нины Петровой, возможно, эти детские эпизоды просто выпали из памяти. Если проанализировать все три «мемуара» Б.Н. Ельцина («Исповедь на заданную тему», «Записки президента» и «Президентский марафон»), таких провалов памяти набирается достаточно большое количество, что свидетельствует о серьезном заболевании сосудов головного мозга автора мемуаров.

Следуя А. Хинштейну, будем проводить краткий медицинский диагноз по тому или иному заболеванию ППР:

«Провалы памяти — выпадение из памяти конкретных отрезков времени или определенных событий, их место заполняется часто ложными воспоминаниями. Атеросклероз сосудов головного мозга ведет к расстройствам умственной деятельности»[1].

Однако жена Ельцина, Наина Иосифовна нашла все-таки возможность отблагодарить семью Нины и Василия Петровых. Уже будучи первой леди России, она отыскала в Казани их дочь Нину Васильевну, которая в тридцатых годах, будучи совсем еще девочкой, заботилась о маленьком Борисе. На свои деньги президент Ельцин купил ей двухкомнатную квартиру[2].

Однако «провалы памяти» у Б.Н. Ельцина имели одну характерную особенность — они носили заданно временной характер. В другое время и при других обстоятельствах «провалившиеся» в небытие эпизоды вдруг вспыхивали яркой звездой, и впору было кричать, уподобившись известному древнегреческому философу, — «Эврика!».

Так, о тюремных этапах отца Ельцин публично вспомнит лишь во второй своей книге, которая появиться уже в 1994 году, когда наличие репрессированных близких родственников перестанет считаться чем-то крамольным и никак не сможет повлиять на карьеру.

---

[1] Цит. по: *А. Хинштейн*. Ельцин. Кремль. История болезни. М.: «Олма Медиа Групп», 2008. С. 17.

[2] *Л. Млечин*. Борис Ельцин. Послесловие. М.: «Центрполиграф», 2007. С. 38.

Вдруг ярко всплыл эпизод ареста отца, запечатлевшийся в сознании малыша немногим более трех лет от роду:

«Я до сих пор помню тот ужас и страх, — пишет Ельцин в «Записках президента». — Ночь, в барачную комнату входят люди, крик мамы, она плачет. Я просыпаюсь. И тоже плачу. Я плачу не от того, что уходит отец, я маленький, еще не понимаю, в чем дело. Я вижу, как плачет мама и как ей страшно. Ее страх и ее плач передаются мне. Отца уводят, мама бросается ко мне, обнимает, я успокаиваюсь и засыпаю»[1].

Скрывал ли Ельцин неблагоприятные по тем временам некоторые обстоятельства своей биографии? Безусловно скрывал, и свидетельством тому старые анкеты, которые Борис Николаевич заполнял собственноручно. Один из свердловских исследователей биографии Ельцина внимательно изучил все анкеты советского периода, и ни в одной из них нет упоминания о том, что его родные были репрессированы[2].

Однако, первая книга воспоминаний Ельцина «Исповедь на заданную тему» была написана в 1989 году, когда его отец уже был реабилитирован (15 июля 1989 года). Казалось бы, к чему наводить тень на плетень и не написать ту самую правду, о которой он «вспомнит» в 1994 году уже в новой книге: «Отец никогда об этом не говорил со мной, — неуклюже объяснит он свое первое умолчание. — Он вычеркнул из своей памяти этот кусок жизни, как будто его не было. Разговор на эту тему у нас в семье был запрещен».

То есть отец ничего не рассказывал, а сам Борис Николаевич, естественно, ничего не помнил по малости лет, хотя, как мы могли убедиться, он детально воспроизвел картину ареста отца.

Однако не надо забывать, что первая книга воспоминаний хотя и вышла на закате Советской власти, но именно в 1989 году Ельцин вел решительную борьбу за свою политическую реабилитацию в качестве кандидата в народные депутаты Верховного Совета СССР. Борьба шла за каждый голос, он хотел нравиться всем без исключения, а упоминание об отце-антисоветчике и деде-кулаке могло лишить его какого-то количества избирателей.

Другое дело, почему наличие репрессированных близких родственников не помешало простому инженеру-строителю впоследствии стремительно продвигаться по ступеням руководящей хозяйственной, а затем партийной лестницы? «Как же наши чекисты его пропустили?» — изумлялся впоследствии его «крестный отец» Яков Петрович Рябов, порекомендовавший Ельцина на пост

---

[1] Цит. по: *А. Хинштейн*. Ельцин. Кремль. История болезни. М.: «Олма Медиа Групп», 2008. С. 16.

[2] *Л. Млечин.* Борис Ельцин. Послесловие. М.: «Центрполиграф», 2007. С. 39.

Первого секретаря Свердловского обкома КПСС. Не зря изумлялся Яков Петрович. По строго заведенному правилу при рассмотрении кандидатур на высокие руководящие должности, и на любые должности в системе КГБ СССР, «компетентными органами» тщательно изучалась родословная кандидата, как минимум, до третьего колена. При наличии репрессированных родственников, несмотря на самые блестящие характеристики деловых и идейно-политических качеств, «компетентные органы» накладывали вето, причем это делалось, как бы это ни звучало парадоксально, в интересах самого кандидата. В будущем такому «выдвиженцу» могут стать доступным следственные дела своих родственников, изучение которых может отравить всю его последующую жизнь и отрицательно сказаться на исполнении порученного дела, чему есть немало примеров.

Детство Б. Ельцина было безрадостным: беспросветная нужда, недоедание, свирепость обиженного на весь белый свет отца, хорошо помнившего зажиточную жизнь в семье кулака и холодные нары «Дмитлага». Вернувшись из лагеря в сентябре 1936 года, Николай Ельцин вместе с семьей возвратился на Урал, в захолустный город Березники, где нанялся работать строителем Березниковского калийного комбината. Живут бедно, в том самом дощатом бараке, который уже описан выше со слов самого Б. Ельцина. К этому следует добавить следующие воспоминания будущего Президента России:

«Может, потому мне так ненавистны эти бараки, что до сих пор помню, как тяжело нам жилось. Особенно зимой, когда негде было спрятаться от мороза, — одежды не было, спасала коза. Помню, к ней прижмешься — она теплая, как печка. Она нас спасала и во время всей войны. Все-таки жирное молоко, хотя и давала меньше литра в день, но детям хватало, чтобы выжить. Ну, и конечно, уже тогда подрабатывали. Мы с мамой каждое лето уезжали в какой-нибудь ближайший совхоз: брали несколько гектаров лугов и косили траву, скирдовали, в общем, заготавливали сено: половину колхозу (или совхозу? — *А.К.*), половину себе. А свою половину продавали, чтобы потом за 100—150 рублей, а то и за 200, купить буханку хлеба.

Вот, собственно, так детство и прошло. Довольно безрадостное, ни о каких, конечно, сладостях, деликатесах или о чем-нибудь вроде этого и речи не шло — только бы выжить, выжить, выжить и выжить»[1].

---

[1] *Б. Ельцин.* Исповедь на заданную тему. Ассоциация уральских издателей. 1990. С. 25.

Клавдия Васильевна — мать Б.Н. Ельцина вспоминала, как впервые у ее малолетнего сына появился протест против социальной несправедливости. Очень рано будущий «непримиримый борец» со спецпайками и спецмагазинами для партийной элиты понял, что не все живут в такой ужасной бедности, как их семья: «В каком-то магазине, куда пришли они с малолетним Борисом Николаевичем, пытливый ребенок обнаружил особый отдел — для избранных. Он даже пролез туда, обалдел от представленного ассортимента — сыр, пшеничный хлеб, американская тушенка — словом, все то, чего и на картинках люди тогда не видывали.

На расспросы сына мать объяснила: это, Боречка, специальная секция, для начальников, нам отовариваться там не положено.

Интересна реакция дошкольника: «Мама, — заявил он в ответ, — несмотря ни на что, я буду начальником».

Он исполнит свое детское обещание матери. Еще при жизни Клавдии Васильевны он, пройдя суровую школу «борьбы» со спецраспределителями для прежней партийной и государственной элиты Советского Союза, превратит в «спецраспределитель» для своей семьи и «семьи» всю Россию со всеми ее несметными богатствами.

Детские впечатления и привязанности — самые крепкие, а детские страхи — самые живучие. Недаром заметил в свое время французский писатель де Сент-Экзюпери, что все мы родом из детства. Что, кроме ощущения постоянного чувства голода на всю жизнь запечатлелось в сознании, да и в подсознании, Б.Н. Ельцина? Это чувство страха перед неминуемым наказанием со стороны властного, невежественного и сильно пьющего отца за любую провинность, с одной стороны, и чувство обиды за нанесенные оскорбления, а также чувство мести, откладываемой на более благоприятные времена, с другой. Действительно, Б. Ельцин на всю жизнь запомнил тяжелую руку отца — домашнего деспота, обладающего неуравновешенной психикой. Припадки бешенства возникали у отца столь часто, что ребенок воспринимал экзекуции, как неотъемлемую часть самого себя. Он даже не задумывался о том, что могут быть иные «педагогические» приемы воспитания, и стоически, без криков и слез, сносил отцовские измывательства, плотно стиснув зубы, отчего пьяный родитель распалялся еще сильнее.

Эти экзекуции продолжались вплоть до самого окончания школы, где Ельцин был неформальным лидером.

«Своей активностью, напористостью я выделялся среди ребят, и так получалось, что с первого класса и до последнего, хотя учился я в разных школах, всегда меня избирали старостой клас-

са, — вспоминал впоследствии Б.Н. Ельцин. — С учебой всегда было все в порядке — одни пятерки, а вот с поведением — тут похвалиться мне труднее, не один раз я был на грани того, что со школой придется распрощаться. Все годы был заводила, что-нибудь да придумывал»[1].

Порой «придумки» юного классного лидера граничили с ЧП: то всем классом выпрыгнут через окна со второго этажа перед началом урока немецкого языка, преподавателя которого люто ненавидели. То этой же учительнице воткнут в стул патефонные иголки острием вверх и садистски наслаждались, когда она с криком вскакивала со стула. То затевали опасные игры на реке Зырянке, по которой в весенний паводок сплавляли лес. Забава заключалась в том, чтобы как можно скорее перебежать по плывущим бревнам с одного берега на другой. Нередко эти «забавы» заканчивались скандалами, вызовами «лидера» на педсовет, а его родителей к директору школы. Конечным итогом этих разборок были домашние экзекуции, во время которых лихой предводитель дерзких «операций» вновь становился безответным, бессловесным ребенком.

А еще в юности Борис Ельцин любил подраться. В этих драках, порой по сценарию «стенка на стенку», обязательно до крови, а порой до серьезных травм он с мазохистским наслаждением вымещал на других злобу, копившуюся у него на ненавистного отца. Вот как азартно дрались под руководством своего «предводителя» его однокашники:

«Еще у нас бои проходили — район на район: человек по 60—100 дрались. Я всегда участвовал в этих боях, хотя и попадало порядочно — вспоминает в своих мемуарах уже «политический драчун» — Б. Ельцин. — Когда стенка на стенку, какой бы ловкий и сильный ни был, все равно, в конце концов, по голове перепадет. У меня переносица до сих пор как у боксера — оглоблей саданули. Упал, думал, конец, все потемнело в глазах. Но ничего, все-таки очухался, пришел в себя, дотащили меня до дома. До смертельных исходов дело не доходило, мы хоть и с азартом дрались, но все-таки некие рамки соблюдались. Скорее, это было спортивное состязание, но на очень жестких условиях»[2].

Бойцовский характер у Ельцина сохранился на всю жизнь. Правда, оглоблей его больше не били, но доставалось ему изрядно, пожалуй, больше, чем любому другому политическому деятелю его поколения, взять хотя бы «знаменитое» падение в речку с моста 25-метровой высоты.

---

[1] *Б. Ельцин.* Исповедь на заданную тему. Ассоциация уральских издателей. 1990. С. 25.

[2] Там же. С. 26.

Но вот этот «боец» возвращается с очередного ристалища домой и здесь получает очередную порцию унизительной порки от отца.

Первый раз юный Ельцин взбунтовался лишь в четырнадцать лет, по окончании семилетки, когда вместо аттестата принес домой, по его собственному выражению, «волчий билет», свидетельствующий о том, что ученик Ельцин прослушал курс школьной программы без права поступления в 8-й класс на всей территории страны. Вот так описывает обстоятельства получения «волчьего билета» сам Б.Н. Ельцин:

«Однажды меня из школы все-таки выгнали. Это произошло после окончания семилетки. В зале собрались родители, преподаватели, школьники, настроение веселое, приподнятое. Каждому торжественно вручают свидетельство. Все шло по привычному сценарию… И тут вдруг я попросил слово. Почти как на Октябрьском Пленуме ЦК. Ни у кого не было сомнений, что я выйду и скажу слова благодарности и все такое прочее, все-таки экзамены сдал отлично, в аттестате одни пятерки, поэтому меня сразу пустили на сцену. Я, конечно, сказал добрые слова тем учителям, которые действительно дали нам немало полезного в жизни, развивали привычку думать, читать. Ну, а дальше я заявляю, что наш классный руководитель не имеет право быть учителем, воспитателем детей — она их калечит. Учительница была кошмарная. Она могла ударить тяжелой линейкой, могла поставить в угол, могла унизить парня перед девочкой, и наоборот. Заставляла у себя дома прибираться. Для ее поросенка по всей округе класс должен был искать пищевые отбросы, ну и так далее… Я этого, конечно, никак не мог стерпеть. Ребята отказывались ей подчиняться, но некоторые все-таки поддавались.

Короче, на этом торжественном собрании я рассказал, как она издевалась над учениками, топтала достоинства ребят, делала все, чтобы унизить любого ученика — сильного, слабого, среднего и с довольно яркими примерами, очень резко обрушился на нее. Скандал, переполох. Все мероприятие было сорвано.

На следующий день педсовет, вызвали отца, сказали ему, что свидетельство у меня отнимают, а вручают мне так называемый «волчий билет» — это такой беленький листочек бумажки, где сверху написано, что прослушал семилетку, а внизу — «без права поступления в восьмой класс на территории страны». Отец пришел домой злой, взялся, как это не редко бывало, за ремень, — и вот тут-то я и схватил его за руку. Первый раз. И сказал: «Все!

Дальше я буду воспитывать себя сам». И больше уже никогда я ни в углу не стоял целыми ночами, и ремнем по мне не ходили»[1].

О реакции отца на протестное заявление вдруг повзрослевшего сына в мемуарах ничего не говориться. Надо полагать, Ельцин-старший от такого поворота событий оторопел, но было поздно. Послушный ребенок в одночасье сделался взрослым и постоянных унижений со стороны деспотичного отца больше уже терпеть не желал.

Эти качества, приобретенные в детстве, — умение стиснув зубы, упрямо ждать своего часа — в последующей жизни пригодятся ему не один раз. Именно благодаря этим качествам он и станет тем самым Ельциным, который за обиды, нанесенные ему партийной номенклатурой в конце 1987 года, сполна рассчитался с ней, картинно подписав, после неудавшегося путча 1991 года, указ о запрете деятельности КПСС.

Даже трудно себе вообразить, как сложилась бы новейшая история нашей страны, если бы не отцовский ремень, или, скажем, если бы отец погиб на фронте Великой Отечественной войны. Стоп! Какой фронт? И почему здоровый мужчина, в расцвете лет (в начале войны ему было 36 лет) не был призван в армию? Об этом в мемуарах Б. Ельцина ни слова. В то же время измывательства над ребенком не могли не привести к стойким психологическим отклонениям в характере уже взрослого человека:

«Насилие над детьми непременно наносит психологическую или физическую травму ребенку. Психологическое насилие выражается в длительном неадекватном поведении взрослых, подавляющем личность ребенка, его творческий и интеллектуальный потенциал. Садистские наклонности родителей обычно формируют у детей мазохистские наклонности.

Следствием перенесенного насилия является повышенная конфликтность, легковозбудимость, сохраняющаяся и во взрослом возрасте. Сформировавшийся в детстве комплекс неполноценности требует постоянной самореализации путем унижения окружающих, демонстрации различных успехов, стремления к достижению поставленных перед собой амбициозных целей»[2].

Да, сложный был характер у Ельцина-старшего, но Ельцин-младший был тоже не подарок. Отец и сын — они стоили друг друга, яблочко от яблоньки! Очень трудным был этот сорви-голова, он вечно откуда-то падал, лихо дрался, постоянно ходил в си-

---

[1] *Б. Ельцин.* Исповедь на заданную тему. Ассоциация уральских издателей. 1990. С. 26—28.

[2] Цит. по: *А. Хинштейн.* Ельцин. Кремль. История болезни. М.: «Олма Медиа Групп», 2008. С. 11.

няках и ссадинах — один проломленный нос чего стоил, а искалеченная левая рука? Однако судьба, на беду всей России, словно хранила его: он и в огне не горел, и в воде не тонул. Все это действительно так, начиная с купели во время крещения и кончая неоднократными «купаниями» в ледяной воде во время акробатического преодоления реки по скользким бревнам. В огне тоже не сгорел, хотя и в переносном смысле. Однажды, уже будучи учеником старших классов, он едва не угорел в бане, но в последний момент был вытащен на воздух одним из одноклассников, о чем тот впоследствии не раз сожалел.

А разве не мифическая сила отвела его от верной гибели, когда в руках любопытствующего подростка Ельцина взорвался запал боевой гранаты. Впрочем, дадим слово самому Б. Ельцину.

«А с потерей дух пальцев (на левой руке.. — *А.К.*) случилась вот такая история.

Война, все ребята стремились на фронт, но нас, естественно не пускали. Делали пистолеты, ружья, даже пушку. Решили найти гранаты и разобрать их, чтобы изучить и понять, что там внутри. Я взялся проникнуть в церковь (там находился склад военный). Ночью пролез через три полосы колючей проволоки и, пока часовой находился на другой стороне, пропилил решетку в окне, забрался внутрь, взял две гранаты РГД-33 с запалами и, к счастью, благополучно (часовой стрелял бы без предупреждения) выбрался обратно. Уехали километров за 60 в лес, решили гранаты разобрать. Ребят все же догадался уговорить отойти метров за сто: бил молотком, стоя на коленях, а гранату положил на камень. А вот запал не вынул, не знал. Взрыв… и пальцев нет. Ребят не тронуло. Пока добирался до города, несколько раз терял сознание. В больнице под расписку отца (началась гангрена) сделали операцию, пальцы отрезали, в школе я появился с перевязанной белой рукой»[1].

В этом бойком рассказе не хватает одного — юридической оценки содеянного подростком Ельциным. А ведь было совершено тягчайшее преступление — хищение боеприпасов с охраняемого военного склада, да еще совершенного в военное время, что является отягчающим обстоятельством!

Даже по нормам ныне действующего Уголовного кодекса в соответствии со ст. 226 (Хищение или вымогательство оружия, боеприпасов взрывчатых веществ и взрывных устройств) деяние, совершенное Ельциным наказывается лишением свободы от трех

---

[1] *Б. Ельцин*. Исповедь на заданную тему. Ассоциация уральских издателей. 1990. С. 28—29.

до семи лет. Учитывая, что фактически хищение гранат совершалось по предварительному сговору группой лиц, то срок увеличивается: от пяти до двенадцати лет. Однако лихие подростки подпадали еще и под ст. 223 (Незаконное изготовление оружия), поскольку «мемуарист» вспоминает: «Делали пистолеты, ружья, даже пушку». Насчет пушки он, пожалуй, как бы помягче сказать, сильно преувеличил, а вот самодельные пистолеты и ружья-обрезы — это вполне возможно: вот вам еще «от двух до четырех лет»!

И это все по ныне действующему УК и в мирное время. По законам военного времени тут и вышкой пахнет. Но о последствиях своего дерзкого рейда в военный арсенал в мемуарах ни слова. Молчат и биографы о столь серьезном преступлении. Уж не придумал ли все это новоявленный Мюнхгаузен?

Упорству и настойчивости подростка Ельцина можно только позавидовать. В немалой степени формированию этих качеств способствовал спорт, как верное средство, способное доказать окружающим свое превосходство над ними в достижении поставленных целей. Он перепробовал практически все виды спорта, доступные ученику провинциальной школы. Занимался лыжами, гимнастикой, легкой атлетикой, боксом, борьбой, десятиборьем, но в конце концов выбрал волейбол, где достиг довольно высоких результатов. В «Исповеди» он вспоминает:

«Меня сразу пленил волейбол, и я готов был играть целыми днями напролет. Мне нравилось, что мяч слушается меня, что я могу взять в неимоверном прыжке самый безнадежный мяч… Все время находился с мячом, даже ложась спать, засыпал, а рука все равно оставалась на мяче. Просыпался, и сразу тренировка — сам для себя, — то на пальце кручу, то об стенку, то об пол. У меня нет двух пальце на левой руке, поэтому трудности с приемом мяча были, и я специально отрабатывал собственный прием, особое положение левой руки, и у меня своеобразный, неклассический прием мяча»[1].

Успехи в волейболе были налицо. Учась старшеклассником в новой школе, он уже выступал за сборную команду своего города. В школу имени Пушкина он поступил после вышеприведенного конфликта с классным руководителем по окончании семилетки в прежней школе. Об этом в «Исповеди» Б. Ельцин пишет:

«Конечно же, я не согласился с решением педсовета, стал ходить повсюду: в районо, гороно… Кажется тогда первый раз узнал, что такое горком партии. Я добился создания комиссии, ко-

---

[1] *Б. Ельцин.* Исповедь на заданную тему. Ассоциация уральских издателей. 1990. С. 28.

торая проверила работу классного руководителя и отстранила ее от работы в школе. И это абсолютно заслуженно, ей противопоказано было работать с людьми. А мне все-таки выдали свидетельство. Хотя среди всех пятерок красовалось «неудовлетворительно» за дисциплину: я решил в эту школу не возвращаться, поступил в восьмой класс в другую школу имени Пушкина, о которой у меня до сих пор остались теплые воспоминания: прекрасный коллектив, прекрасный классный руководитель Антонина Павловна Хонина. Вот это, действительно, была настоящая учеба»[1].

Видимо глубоко «достала» Б. Ельцина бывший классный руководитель — преподаватель ненавистного ему немецкого языка, поскольку в своей «Исповеди» посвятил «немке» полторы страницы текста — больше, чем всему Горбачевскому Политбюро, вместе взятому. Однако Ельцин умолчал о том, по какой такой причине он так долго терпел «издевательства» «немки», ограничиваясь мелкими «уколами», как в прямом (патефонные иголки в стуле), так и в переносном смысле — организация срывов уроков, а обрушился на нее лишь только после окончания семилетки. Ответ ясен. Ему нужна была «победа», добытая публично, как это будет потом, на Октябрьском Пленуме ЦК в 1987 году, когда он с тем же правдоискательским вожделением взобрался на трибуну и, неожиданно прозрев, обрушился на перестройку Горбачева. Масштабы, безусловно, разные, но суть одна — победить на глазах изумленной публики.

Ему важно было достичь победы не только над реальными или воображаемыми противниками, но и над самим собой, преодолеть врожденные или приобретенные недостатки. Профессиональная игра в волейбол с исковерканной рукой — ярчайший тому пример. А взять многодневный и многотрудный поход по незнакомым таежным местам, который он организовал с группой одноклассников после окончания девятого класса. Поход едва не закончился трагически, все участники заболели брюшным тифом, долго пролежали в больнице и вынуждены были все, кроме Ельцина, пропустить целый год учебы. Но не таков был этот упрямый юноша, чтобы позволить себе так расслабиться:

«Мы пролежали в больнице почти три месяца с брюшным тифом. Лекарств особых не было. Ну а тут десятый класс, последний выпускной, а я практически ни разу за парту не сел. Но, начиная со средины учебного года, то есть с третьей четверти, я начал заниматься. Взял программу десятого класса. Очень много читал и учил, буквально день и ночь. И, когда начались выпускные экза-

[1] *Б. Ельцин*. Исповедь на заданную тему. С. 28.

мены, пошел сдавать. А мои друзья, кто со мной участвовал в этом драматическом походе, решили просто десятый класс пропустить.

Пришел в школу сдавать экзамены, а мне говорят, что нет такой формы — не бывает экстерна в выпускном классе, и что я могу гулять. Опять пришлось, учитывая, что дорожка уже знакомая, идти по проторенному пути: районо, гороно, исполком, горком. Тогда я уже выступал за сборную города по волейболу. К счастью, знали меня, был чемпионом города среди школьников по нескольким видам спорта, чемпионом области по волейболу. Короче, разрешили сдать экстерном, — правда, всех пятерок не удалось получить, по двум предметам поставили четверки. Вот с таким багажом я должен был поступать в институт»[1].

Впрочем, пора подвести итог детским и юношеским годам Б. Ельцина, в том числе и с медицинской точки зрения, воспользовавшись заключением психиатра, выдержки из которого приводятся ниже.

«Из анализа представленных сведений о детском периоде жизни Ельцина Б. можно сделать вывод о его повышенной истероидности, расторможенности. Конфликтен. Легко возбудим. Любит подчинять окружающих. Самооценка явно завышена.

Предпочитает действовать в экстремальных, стрессовых ситуациях. При этом нуждается в постоянном позитивном восприятии со стороны окружающих, любит, чтобы им восхищались. Так, возникший скандал во время выпускного вечера происходит в присутствии большого количества людей, что могло сыграть решающую роль. Ранее у Ельцина Б. имелись все возможности, чтобы высказать преподавателю свое недовольство, однако он предпочел это сделать «на публике»[2].

В какой институт поступать, какую профессию избрать, чтобы на всю жизнь? Раздумывать долго не пришлось, поскольку его устраивал любой вариант, лишь бы вырваться наконец-то из вечной нищеты, покончить с унылой жизнью в обществе вечно пьяного отца, с его деспотизмом в семье.

«Подростком я мечтал поступить в судостроительный институт, изучал корабли, пытался понять, как они строятся, причем сел за серьезные тома, учебники. Но как-то постепенно привлекла меня профессия строителя, наверное потому, что я и рабочим уже поработал, и отец строитель, а он к тому моменту кончил курсы мастеров и стал мастером, начальником участка»[3].

---

[1] *Б. Ельцин*. Исповедь на заданную тему. С. 31.

[2] Цит. по: *А. Хинштейн*. Ельцин. Кремль. История болезни. М.: «Олма Медиа Групп», 2008. С. 13.

[3] *Б. Ельцин*. Исповедь на заданную тему. Ассоциация уральских издателей. 1990. С. 31.

Однако и другая, более веская причина была виной тому, что Б. Ельцин выбрал строительный факультет Уральского политехнического института (УПИ), где на прошлое абитуриентов смотрели не столь придирчиво, чем при поступлении на факультеты, где готовили специалистов военно-промышленного профиля. Для подобных институтов слишком одиозным было досье Б. Ельцина: сын репрессированного чернорабочего, внук кулака, вечно битый хулиган и драчун, получивший в свое время «волчий билет». Да и совершенное им преступление с хищением боевых гранат (кража оружия со взломом в составе вооруженной группы) наверняка фигурировало в личном деле абитуриента. Травма левой руки делала Б. Ельцина «белобилетником» и путь в институты и факультеты, где были военные кафедры, готовившие офицеров запаса по военной специальности, близкой к профильной гражданской специальности, был для него заказан по медицинским показателям.

Итак, строительный факультет УПИ, где на прошлое абитуриентов смотрели сквозь пальцы. С одинаковой легкостью туда мог поступить и сын репрессированного, и правоверный еврей, и «белобилетник» с искореженной кистью руки.

1.2. Годы студенческие, дела строительные

О витязь, то была Наина!

А.С. Пушкин

В 1949 году Ельцин поступил на строительный факультет Уральского политехнического института имени С.М. Кирова, но прежде чем сдать вступительные экзамены, он прошел своеобразный «практикум» на пригодность к делам строительным — построил деревенскую баню по «проекту» своего семидесятилетнего деда. В «Исповеди» снова не уточняется, о каком деде идет речь: или это дед Игнат, который десять лет назад клал деревенские печи, либо просто кто-то из знакомых односельчан. Здесь наш «герой» дал волю своей фантазии: он один и сосны валил, и на себе бревна перетаскал из леса, что в трех километрах от строительной площадки, и в одиночестве поднимал верхние венцы и проч.

Банька вместе с предбанником получилась на славу, дед работу принял с оценкой «отлично» и дал «отмашку» на поступление в институт. Поступил в институт легко, всего две четверки, остальные пятерки. И началась «странная» студенческая жизнь, прочно связанная с игрой в волейбол. Впрочем, лучше дать слово самому бывшему студенту:

«Началась студенческая жизнь: бурная, интересная. С первого курса окунулся в общественную работу. По линии спортивной — председатель спортивного бюро, на мне — организация всех спортивных мероприятий. Волейболом тогда уже занимался на достаточно высоком уровне, стал членом сборной города по волейболу, а через год участвовал в составе сборной Свердловска в играх высшей лиги, где играло 12 лучших команд страны. Все пять лет, пока я был в институте, играл, тренировался, ездил по стране, нагрузки были огромные. Занимали, правда, мы 6—7 места, чемпионами не стали, но все воспринимали нас серьезно»[1].

Здесь не до учебы. Мы не находим в мемуарах Б. Ельцина воспоминаний о профессорах и преподавателях УПИ имени С.М. Кирова (случай с профессором Регицким приятное исключение), о работе в студенческих кружках или студенческом научном обществе института, о сделанных им докладах на студенческих научных конференциях, какие темы курсовых работ или проектов пришлось ему отрабатывать, кого из своих профессоров-наставников он запомнил на всю оставшуюся жизнь. Ничего этого нет, словно он студент не УПИ, а какого-то института физкультуры или, по крайней мере, штатный тренер по волейболу на кафедре физкультуры того же УПИ. Некогда ему заниматься научной работой, сдать бы очередную сессию и снова в бой.

«Волейбол оставил действительно в моей жизни большой след, поскольку я не только играл, но потом и тренировал четыре команды: вторую сборную УПИ, женщин, мужчин, — в общем у меня уходило на волейбол ежедневно часов по шесть и учиться (а поблажек мне никто не давал) приходилось только поздно вечером или ночами, уже тогда я приучил себя мало спать, и до сих пор я как-то к этому режиму привык и спал по 3,5-4 часа…»[2]

Полноте, без поблажек, конечно, не обходилось. «Мы все учились понемногу…» и прекрасно знаем, в каких привилегированных условиях неизменно находились спортивные звезды институтов и университетов. Ради спортивной чести института деканат спокойно закрывал глаза на любые прогулы, отлучки, да и строго с таких студентов никто не спрашивал: лишь бы завоевывали побольше дипломов, кубков, вымпелов.

При таком раскладе спортивная звезда, в принципе, вообще может не посещать занятия, а лишь вовремя являться на зачеты и экзамены, подготовка к которым напоминала штурм крепости. Та-

---

[1] *Б. Ельцин.* Исповедь на заданную тему. Ассоциация уральских издателей. 1990. С. 33.

[2] Там же.

кие студенты «осваивали» семестровый курс любого предмета за 4—5 дней, что породило известный студенческий анекдот: на вопрос — «за сколько дней можно освоить китайский язык, последовал вопрос — а когда сдавать?» Так что для студентов-спортсменов все предметы по курсу обучения были своеобразной «китайской грамотой». Профессор Регицкий, читавший курс по теории пластичности материалов, видимо, был в институте «белой вороной», поскольку требовал от студентов отчитаться за семестр по своему предмету, невзирая на спортивные достижения. Вот он единственный и попал в ельцинские мемуары:

«Однажды профессор Регицкий на экзамене по теории пластичности предложил мне ответить сразу, без подготовки. Он говорит: «Товарищ Ельцин, возьмите билет и попробуйте без подготовки, вы у нас спортсмен, чего вам готовиться?» А у всех на столах тетради, записи. Дело в том, что в теории пластичности есть некоторые формулы, которые писать надо не на одной странице, запомнить невозможно. Разрешалось пользоваться учебниками и конспектами. Профессор решил поставить надо мной эксперимент. Долго мы с ним сражались. Но поставил он мне все-таки четверку, жалко»[1].

Фактически студент Ельцин живет на износ. Ежедневные тренировки по шесть и более часов, длительные поездки по городам страны в составе сборной команды города по волейболу, занятия урывками по 4—5 часов по вечерам и даже до глубокой ночи рано или поздно должны были отразиться на его здоровье. Вот его собственные воспоминания по этому поводу:

«Однажды мой любимый волейбол чуть не свел меня в могилу. В какой-то момент, тренируясь по шесть-восемь часов и занимаясь предметами по ночам (хотелось в зачетке иметь только оценку «отлично»), видимо, я перенапрягся. А тут, как назло, заболел ангиной, температура сорок, а я все равно пошел на тренировку, и сердце не выдержало. Пульс 150, слабость, меня отвезли в больницу. Сказали лежать и лежать, тогда есть шанс, что месяца через четыре, как минимум, сердце восстановиться, а иначе — порок сердца»[2].

Однако пациентом Ельцин оказался весьма недисциплинированным — через несколько дней совершил романтический побег из больницы, спустившись с верхнего этажа по импровизированному канату, сплетенному из больничных простыней. Долечиваться уехал к родителям в Березники, где снова стал втягиваться

---

[1] *Б. Ельцин*. Исповедь на заданную тему. С. 36.

[2] Там же. С. 36—37.

в спортивные тренировки и уже через месяц снова стал играть в волейбол. Лечение затянулось: периоды, казалось бы, полного выздоровления сменялись рецидивами слабости, апатией, в конечном итоге ему пришлось остаться на второй год. Так что институт он закончил лишь в 1955 году на год позже, чем его однокашники, с которыми он начинал учебу. Худа без добра не бывает, поскольку в результате он оказался на одном курсе с Анастасией Гириной, которая через несколько лет станет его женой — Наиной Иосифовной Ельциной.

Как Анастасия Гирина стала Наиной Ельциной — отдельный вопрос. Анастасия Гирина родилась 14 марта 1932 года в старообрядческой семье, но, несмотря на церковнославянское имя — Анастасия, в доме ее звали Наей, а в школе Наиной, что послужило поводом для биографов семьи Ельциных отыскивать еврейские корни в родословной Наины Иосифовны Гириной (Ельциной). По свидетельству Александра Коржакова версию о еврейском происхождении Наины Иосифовны, активно поддерживала мать Б. Ельцина — Клавдия Васильевна. Так, в интервью экс-главы президентской охраны газете «Завтра» (1998, №43) он, в частности, сказал:

«Ельцин всем говорит, что она русская. Хотя уже само имя сомнительно: в русской семье, где знают «Руслана и Людмилу» Пушкина, никогда таким именем девочку не назовут, ибо Наина там — гений зла, колдунья, ведьма…

Так вот, Клавдия Васильевна (мать Ельцина) поведала журналисту, что Наина Иосифовна — еврейка, но «хорошая еврейка».

Когда произошло сближение Березовского, Смоленского, Гусинского, Малашенко, Ходорковского, Юмашева, Филатова — это все люди одной национальности, — я сначала не мог понять Таню (дочь Ельцина): как она часами может выслушивать того же Бориса Абрамовича?.. Увы, материнские гены. Родное окружение».

Долгие годы будущая первая леди России жила под двойным именем: по паспорту Анастасия, а в обиходе — Наина. Даже Борис Ельцин, уже будучи женатым не знал о существовании двойного имени у своей жены. Во всяком случае, Наина Иосифовна утверждала это в интервью прессе (а как же они оформляли брак и рождение первой дочери?). И лишь в 60-м году, после рождения второй дочери она написала заявление в ЗАГС и положила конец всей этой путанице.

О будущей жене Б. Ельцин в своих мемуарах пишет очень мало и сдержано: «В водовороте бурной студенческой жизни у нас сложилась своя компания: шесть ребят и шесть девчонок. Жили рядом, двумя большими комнатами, встречались вместе почти каждый вечер. Само собой, в девчат кто-то влюблялся, мне

тоже кто-то нравился, но постоянно в нашей большой дружной студенческой семье я все больше и больше стал замечать одну — Наю Гирину…

Всегда была скромная, приветливая, какая-то мягкая. Это очень подходило к моему неуемному характеру. Наши взаимные симпатии нарастали постепенно, но виду мы не подавали и даже если с ней целовались, то как со всеми девчатами, в щечку. И так наши платонические отношения продолжались долго, хотя я внутренне понимал, что влюбился, влюбился крепко и никуда тут не деться»[1].

Из всех девушек в сложившийся студенческой компании Наина Гирина была самой неприметной и тихой. Выросшая в старообрядческой семье, где не то что выпивка — крепкое слово почиталось грехом, она поражала своих друзей покорностью и незлобливостью.

Для отчаянного заводилы студенческих пирушек с перебитым оглоблей носом — партия довольно странная. Но, как считает А. Хинштейн, все решила весьма прозаичная подоплека: «Настя отменно (по студенческим меркам) готовила. Приходя в девичью комнату, Ельцин неизменно сметал со стола испеченные ей пирожки, заедал домашним борщом и постепенно проникался симпатией к милой, домашней барышне.

Их союз стал наглядным подтверждением тезиса о том, что путь к сердцу мужчины лежит через желудок.

Рискну предположить, что вкусная домашняя еда символизировала для будущего президента тепло семейного очага. Сам-то он сызмальства питался впроголодь, заманчивые разносолы видел только в книге «О вкусной и здоровой пище» и совершенно искренне высшим наслаждением почитал сосиски, сваренные с добавлением сливочного масла»[2].

По другой версии молодых людей сблизил спорт, об этом, например, пишут А.А. Мухин и П.А. Козлов: «С Борисом Ельциным Наина познакомилась, как известно, на втором курсе института — Борис Николаевич был председателем спортбюро строительного факультета, а Наина занималась легкой атлетикой. На спортивной ниве они и сошлись»[3].

---

[1] *Б. Ельцин.* Исповедь на заданную тему. Ассоциация уральских издателей. 1990. С. 89—90.

[2] Цит. по: *А. Хинштейн*. Ельцин. Кремль. История болезни. М.: «Олма Медиа Групп», 2008. С. 23.

[3] *А. Мухин, П. Козлов.* «Семейные» тайны или неофициальный лоббизм в России. М.: Центр политической информации. 2003. С. 143.

Видимо обе версии имеют право на существование, тем более что сам Б. Ельцин это подтверждает в другой своей книге «Записки президента»:

«Когда мы несколько лет жили в общежитии в соседних комнатах, у нас не было «любви» в современном понимании этого слова. Мне, кстати, сначала нравилась другая девчонка из их группы. Потом влюбился в Наю. Но завести настоящий роман не получалось. Мы жили какой-то брызжущей через край коллективной жизнью — бурной, активной.. Наши две комнаты — «девочек» и «мальчиков» — называли «колхозом», меня выбрали «председателем», а Наю «сангигиеничкой». Самую аккуратную. Была у нас девушка — «казначей», все деньги шли в один котел, вместе питались, вместе хохмили, вместе в кино ходили, «капустники» устраивали, ну… просто жили. И, конечно, спорт, бесконечный волейбол — матчи, тренировки, я на площадке, Ная на скамейке, и я вижу ее лицо, спокойное и сияющее»[1].

Все это так, но не хватает чего-то главного, чтобы объяснить столь долгий, но надежный путь к сердцу Наины. Свою симпатию по отношению к ней он тщательно скрывал как от своих друзей, так и от нее самой. Как истинный лидер в образовавшемся «колхозе», он вел себя по «царски». Всех девушек, влюбленных в него, и даже симпатичную себе Наину он держал на изрядной дистанции. Не может же царь быть доступным для всех и каждого! Он понимал и чувствовал, что, сделай он шаг навстречу к той или иной подружке — и все, прощай свобода! Ему не хотелось разменивать свои силы, которые он предполагал и рассчитывал вложить в свою карьеру, на любовные приключения.

Он решил, что и для Наины не станет делать исключения. Пусть пройдет время, оно лучше покажет, подходят они друг другу или нет. Эмоции — продукт скоропортящийся, а значит, нельзя руководствоваться при создании семьи только ими. Должно быть нечто большее, что удерживает двух людей вместе на всю жизнь.

Известно, что самые счастливые браки — те, где у супругов совпадает система ценностей, совпадают интересы, когда они смотрят в одном направлении, видят одинаковые картины мира, говорят на одном языке, понимают друг друга с полуслова.

Но для того, чтобы убедиться во всем этом, нужно время и поэтому Ельцин держит Наину на дистанции, продолжая при этом тщательно отслеживать любой ее взгляд, жест, фразу, поступок, — делал умышленно пренебрежительный вид, давал понять, что пироги — пирогами, спорт — спортом, а Ная для него всего лишь

[1] *Б. Ельцин*. Записки президента. Публикация в Интернете.

одна из многих красивых девушек, которые пытаются завоевать его сердце. А он — главный приз в этом соревновании. Завоюй, кто сможет!

Спрашивается, как же скромной, застенчивой Наине удалось обойти всех своих умных и привлекательных сокурсниц, влюбленных в красивого спортивного лидера факультета? Как удалось именно ей стать избранницей будущего президента России? До конца этого она, скорей всего, не осознает и сама. Тем более, что и особых-то усилий никаких к тому не прикладывала. Просто была сама собой.

А. Гранатова, хорошо изучившая биографические тонкости семейного клана Ельциных, пишет:

«Можно с большей вероятностью предположить, что Борис увидел в Нае материнскую заботливость, хозяйственность и чистоплотность. И все же главным отличием от всех ее «конкуренток» был невероятно терпеливый и выносливый характер. Психологическая гибкость, готовность к компромиссам. Он был — как ледокол, идущий напролом, с треском крушащий и ломающий на своем пути льдины, никогда не отклоняющийся от взятого курса. А она — как вода в океане, тоже сильная и энергичная, но способная гибко принять любую форму… Они — жесткий металл и мягкая вода — две стихии, два человека, очень даже подходили друг другу»[1].

Сказано, на наш взгляд, ключевое слово, определившее судьбу этих двух совершенно разных в психологическом плане личностей, как это у поэта:

Они сошлись — вода и камень,
Стихи и проза, лед и пламень…

И слово это «материнская заботливость». Наина Иосифовна стала для Ельцина на всю оставшуюся жизнь — «женой-матерью». Из трех категорий женщин — будущих жен («жена-любовница», «жена-мать», «жена-дочь») для такой неуемной натуры, как Б. Ельцин, только «жена-мать», какой и была Наина Иосифовна, могла стать незаменимой половиной строптивого супруга. Будучи всегда в тени своего мужа, спокойная и рассудительная, беспрекословно снося его всевозможные срывы и выходки, она ненавязчиво, плавно помогала ему раскрываться. Именно Наина Иосифовна сыграла решающую роль в становлении Ельцина таким, каким знает его вся страна. Без нее он бы просто спился, о чем примеры еще впереди.

---

[1] *А. Гранатова.* Клан Ельциных. М.: «Алгоритм». 2008. С. 15.

Да и сам Ельцин хорошо понимал это, если в своих воспоминаниях нашел несколько теплых слов в адрес своей половины, «снизошел», так сказать:

«Вся дальнейшая жизнь показала, что это была судьба. Это был именно тот выбор — один из тысячи. Ная приняла меня и полюбила таким, каким я был,— упрямым, колючим и, конечно, ей было со мной не так просто. Ну, а про себя я не говорю — полюбил ее, мягкую, нежную. Добрую, — на всю жизнь»[1].

Таким образом, выбор в качестве спутницы жизни «жены — матери» не случаен, он тоже родом из детства. Жестокость отца, к которому у сына должна бы быть естественная привязанность, подтолкнула его к матери, которая была заступницей за любимого сына при пьяных выходках отца. У ребенка медленно, но верно развивался «эдипов комплекс» — неестественная любовь к матери и естественная отзывчивость к женским проблемам. Например, в институте он был тренером женской волейбольной команды, а на руководящих должностях в Свердловске он всегда находил общий язык с женскими бригадами и лично занимался благоустройством женских бытовок. Вообще в женской аудитории он чувствовал себя намного увереннее, чем в мужской, с одной стороны, и быстрее находил у них понимание, с другой[2].

Отношения Ельцина с отцом привели к развитию и других комплексов, таких, как завышенные требования к себе — быть лидером в любой обстановке, с одной стороны, и страх перед одиночным существованием, с другой. Учась и работая на всех должностях, Ельцин так планировал свой рабочий день, чтобы как можно большее время находиться «на людях». Например, по некоторым данным, он исключил субботу из своих выходных дней и всегда работал, чтобы быть на виду. Ельцин тяготился обязательными воскресными обедами, которые устраивала Наина Иосифовна, считая время отдыха напрасно потерянным временем. Отдых у него всегда был коллективным, о чем он с восторгом пишет в «Исповеди…», что и после окончания института будут отдыхать вместе, всем «колхозом», невзирая ни на какие жизненные перипетии:

«И после 1955 года, когда мы закончили институт, прошло 34 года (год написания «Исповеди» — 1989-й. — *А.К.*), и мной эта традиция ни разу не нарушалась! А один раз мы собрались даже с детьми, На эту встречу приехали уже 87 человек. Ни в коем случае не в санатории, а только диким образом: мы прошли по тайге, по Уралу, по Золотому Кольцу, однажды купили путевки на па-

---

[1] *Б. Ельцин.* Исповедь на заданную тему. Ассоциация уральских издателей. 1990. С. 91.

[2] *Е. Клепикова*. Борис Ельцин. М., 1992. С. 181.

роход — и проехались по Каме, Волге. Другой раз жили в Геленджике, на берегу моря в палаточном городке, однажды плавали по Енисею до острова Диксон. Все время придумывали новые варианты, и всегда они были интересные и веселые»[1].

Эта черта характера позволила некоторым исследователям говорить о имеющем место «недоразвитии Ельцина, крайнем примитиве чувств и неразработанности интимной стороны жизни»[2]. Недостаток в интимном плане он компенсировал «трудовым максимализмом», который, в результате, привел к формированию комплекса «селф-мэйд-мэн», «сделавшего себя» человека. Такому человеку искренне кажется, что ему все под силу и нет таких вещей, которые он не смог бы понять и сделать. Такой человек живет совсем в другой системе координат, где нет места эмоциям, и все должно крутиться вокруг одного человека, то есть вокруг его, любимого.

А. Хинштейн не стал скрупулезно анализировать эти психоэмоциональные тонкости своего «героя» и рубанул по рабоче-крестьянски: «Такое чувство, что женщины Ельцина вообще не интересовали. Или интересовали постольку-поскольку. Черт его знает, может от спорта и трудовых подвигов удовлетворения он получал больше, чем от секса?»[3] И в заключении приводит медицинский диагноз:

«Сексуальные расстройства, не обусловленные органическими нарушениями, появляются при фактическом отклонении от возрастных и конституциональных норм. Они могут выражаться в форме полного или относительного безразличия и представителям противоположного пола и в проявлении явной сексуальной инфантильности»[4].

Наина Иосифовна прошла рядом с мужем-самодуром весь его непростой жизненный путь. Видимо он по-своему любил свою половину, но слишком занят был карьерой. Наталья Константиновна, бывший работник пресс-службы Кремля вспоминает: «Возможно все эти сорок с лишним лет (фактически они прожили 51 год. — *А.К.*) ей не хватало тепла и заботы, хотя какая женщина признается об этом вслух. Только однажды вырвалось в разгово-

---

[1] *Б. Ельцин.* Исповедь на заданную тему. Ассоциация уральских издателей. 1990. С. 38.

[2] *Е. Клепикова*. Борис Ельцин. М., 1992. С. 172.

[3] *А. Хинштейн.* Ельцин. Кремль. История болезни. М.: «Олма Медиа Групп», 2008. С. 172.

[4] Цит. по: *А. Хинштейн*. Ельцин. Кремль. История болезни. М.: «Олма Медиа Групп», 2008. С. 25.

ре с младшей дочерью Татьяной о семейном житье-бытье: «Если бы меня мой муж каждую минуту так целовал, как твой Леша…»[1]

Борис Николаевич бывал с ней грубоват, мог прикрикнуть, при этом сам признавал за собой этот недостаток: «Я человек жестковатый, не отрицаю. Наине со мной трудновато приходится»[2].

Как-то Александр Шохин наблюдал и впоследствии описал характерную сцену. Кто-то из приближенных наполняет Ельцину рюмку. Наина Иосифовна пытается его остановить:

— Борь, ну не пей!

— Цыц, женщина!

Приносят борщ. Ельцин берет солонку. Наина Иосифовна предостерегает:

— Борь, ты попробуй сначала. Борщ соленый.

Не обращая внимания на ее слова, начинает трясти солонку…»[3]

Пройдут годы, и первая леди России будет неловко улыбаться, не зная, что сказать людям по поводу своих синяков на руках. Она же не сможет в высшем обществе признаться в том, что именно так проявляет себя в гневе ее любящий муж, президент России.

«Видимо, зная о том, что он всегда останется неукротимым бунтарем, и адреналин в его крови будет всегда зашкаливать, чувствуя, что ему не раз в жизни придется идти не только напролом, но и по лезвию бритвы, а в этой экстремальной ситуации важна страховка, и в том числе, психологическая поддержка со стороны семьи, — Борис Ельцин искал жену, обладающую безграничным терпением», — пишет А. Гранатова[4].

И он, как показала их долгая совместная жизнь, в своем выборе не ошибся. Упомянутая выше Наталья Константиновна свидетельствует: «Наина Иосифовна — волевая, сильная женщина, иначе она не смогла бы жить с человеком такого трудного характера. Она была бесконечно предана ему. Когда он стал болеть, повсюду с ним ездила, ухаживала за мужем. Никогда не жаловалась и не рассказывала о семейных проблемах. Говорила журналистам: «Мы никогда с Борисом Николаевичем всерьез не ссорились. Наши дети никогда не слышали ссор. Да и повода не было всерьез поссориться. Мы с ним были как одно целое»[5].

По некоторым данным Ельцина всегда отличал утилитарный подход к людям. В этой связи интересен такой эпизод из его прошлого. На одном из собраний после эмоционального выступления

---

[1] Цит. по: *Л. Млечин*. Борис Ельцин. Послесловие. М.: «Центрполиграф», 2007. С. 47.

[2] Там же.

[3] Цит. по: *Л. Млечин*. Борис Ельцин. Послесловие. М.: «Центрполиграф», 2007. С. 48.

[4] *А. Гранатова*. Клан Ельциных. М.: «Алгоритм», 2008. С. 16.

[5] Цит. по: *Л. Млечин.* Борис Ельцин. Послесловие. М.: «Центрполиграф», 2007. С. 48.

Ельцина начальника домостроительного комбината А.Л. Микуниса хватил удар и он умер. Его место занял не кто-нибудь, а Ельцин[1].

Кульминационным по эмоциональности моментом в его жизни были 20 и 21 марта 1993 года, когда он фактически осуществил государственный переворот, а на следующий день скончалась его мать, Клавдия Васильевна. Сам Ельцин рассматривал ее уход из жизни как «жертву» трагических обстоятельств, которые он сам и создал. Интересно также, что брат Бориса Ельцина Михаил, который жил в Екатеринбурге и работал простым рабочим, уклонялся всячески от встреч с Президентом России, считая, видимо, его виновным в смерти матери. Впрочем Борис Ельцин вряд ли от этого страдал, поскольку напрочь забыл о существовании как брата, так и сестры. Никто из его домочадцев, не говоря уже о самом Ельцине, не поздравил Михаила с 60-летием со дня рождения.

В обиде на своего земляка и жители деревни Бутка, где он родился. В 2001 году, после того, как он не поздравил односельчан с 325-летним юбилеем села, они во всеуслышание объявили, что не будут более посылать ему поздравлений с днями рождения и праздниками.

Вернемся, однако, к заключительному этапу студенческой жизни Б. Ельцина. Учебу в институте он заканчивал все в том же бешеном темпе, которым жил все эти годы. Из пяти месяцев, выделенных на разработку дипломного проекта, фактически он использовал только один месяц, а все остальное время потратил на разъезды по стране с волейбольной командой, поскольку в это время шло первенство страны, самый его разгар, и команда переезжала из города в город:

«Когда вернулся в Свердловск, остался месяц до защиты. Тема дипломной работы «Телевизионная башня». Тогда их почти не было, поэтому до всего нужно доходить самому. До сих пор не представляю, как мне это удалось. Столько умственных, физических сил я потратил, это было невероятно. Причем тут и особо помочь-то никто не может, тема новая, никому не известная — чертишь сам, расчеты делаешь сам, все от начала до конца — сам. И все-таки сдал диплом, защитился на «отлично»«[2].

Защитившись, уже через час, едва забежав в общежитие, он поехал в Тбилиси на игры первенства страны: «Так получилось, что все лето 1955 года после окончания института я проездил по соревнованиям: то первенство страны, то вузовский турнир в Ле-

---

[1] *Е. Клепикова.* Борис Ельцин. М., 1992. С.183.

[2] *Б. Ельцин.* Исповедь на заданную тему. Ассоциация уральских издателей. 1990. С. 37—38.

нинграде, то кубок страны в Риге… уехал на игры не поинтересовавшись даже, куда меня распределят…»[1]

Зато этим вопросом живо интересовалась Наина и была очень огорчена, когда узнала, что их распределяют в разные города Урала. Ее — домой, в Оренбург, а его — в Верхнюю Исеть Свердловской области. Правда Борис Николаевич, как всегда, страдает некоторыми провалами в памяти, и о Верхней Исети начисто забывает:

«Вернулся (из многодневного турне по всему Советскому Союзу. — *А.К.*) 6 сентября и пошел оформляться на работу, куда меня направили по распределению, в трест Уралтяжтрубстрой. …узнал, что меня оставили здесь, в Свердловске, а ее отправили в Оренбург. Обычно в один город молодых распределяли только тогда, когда у них были свидетельства о регистрации брака. А у нас имелось в наличии только объяснение в любви. И решили мы проверить нашу любовь — крепка ли она, глубока ли»[2].

Кто это решал? Так ли было дело? Воспитанная в старообрядческих традициях, а также на поэзии Э. Асадова и С. Шипачева, Наина никогда не снизошла бы до объяснений, и не могла потребовать дачи соответствующих обязательств от своего экспрессивного ухажера, а лишь плакала по ночам в подушку и упорно ждала, когда же он попросит ее руки. И узнав о распределении в разные города, не дождавшись предложения от Ельцина, который завихрился на несколько месяцев в турне по стране, она, грустная и обманутая в своих мечтах и светлых чувствах, уехала в Оренбург, свято веря, что никогда больше не увидит Бориса Николаевича.

А Б. Ельцин продолжает витийствовать: «Договорились так: она уезжает в Оренбург, я остаюсь работать в Свердловске, но ровно через год мы встречаемся на нейтральной территории — не в Оренбурге или Свердловске, а в городе Куйбышеве. (Ну детектив какой-то! Почему именно в Куйбышеве, это выяснится несколько ниже. В силу специфики своей памяти, склонной к провалам, он просто перенес один эпизод своей жизни из будущего в настоящее. — *А.К.*).

Там, решили мы, окончательно и поймем, остыли за это время наши чувства или, наоборот, — сохранились, выросли. Так оно и случилось»[3].

---

[1] *Б. Ельцин*. Исповедь на заданную тему. С. 43, 90.

[2] Там же.

[3] Там же.

А случиться это ровно через год, а пока молодой специалист с головой окунулся в работу. Отбыв некую «трудовую повинность» на строительстве в Верхней Исети, он возвращается в Свердловск, где ему, как выпускнику профильного вуза, руководство треста «Уралтяжтрубстрой» предложило должность мастера строительного участка. Однако от должности мастера Ельцин отказался и решил испробовать себя в качестве простого рабочего.

Сам он этот свой экстравагантный шаг объяснил следующим образом: «…сразу руководить стройкой, людьми, не пощупав все своими руками, — я считал большой ошибкой. По крайней мере, точно знал, что мне будет очень трудно, если любой бригадир, с умыслом или без, сможет обвести меня вокруг пальца, поскольку знания его непосредственно связаны с производством. Поэтому я решил для себя, что год посвящу тому, чтобы освоить 12 строительных специальностей. Каждый месяц — по одной»[1].

Диво дивное, освоить и сдать на разряд в течение года двенадцать рабочих профессий, да каких: каменщик, плотник, столяр, стекольщик, штукатур, маляр, бетонщик, водитель грузового автомобиля, машинист башенного крана, что еще? Зарапортовавшийся новый Мюнхгаузен забыл указать еще три профессии, ну, например (добавим от себя), плиточник-мозаичник, электрик и паркетчик, на освоение каждой из них в профтехучилищах соответствующего профиля отводится от года до трех лет, каково? Послушаем этот лихой рассказ и усомнимся во всем сказанном, разве что кроме нескольких эпизодов. Во-первых, о реакции рабочих, то есть истинных специалистов своего дела на это шапкозакидательство: «Рабочие хоть и посмеивались над жаждой молодого специалиста пойти, так сказать, в народ, тем не менее, помогали мне, подбадривали, в общем, внутренне поддерживали меня»[2].

Конечно, посмеивались только, конечно, подбадривали — а как же иначе, ведь этот горе-стахановец через год станет их непосредственным начальником. Хохотали-то они уже в своих курилках, да делились своими наблюдениями за новым Дон Кихотом в семейном кругу. Верится также, что освоил он профессию «бетонщика» в том объеме, о котором всем нам и поведал, — это, во-вторых:

«Вскоре я получил профессию… бетонщика. Кстати, очень тяжело мне давалась именно работа бетонщика, хотя физически вроде крепкий, но по очень узким и высоким лесам быстро бежать с тачкой жидкого бетона было очень сложно. Если ее накренить, то сразу центр тяжести перемещается, и несколько раз

---

[1] *Б. Ельцин*. Исповедь на заданную тему. С. 43—44.

[2] Там же. С. 44.

я вместе с тачкой летел метра три вниз; к счастью, все кончалось благополучно. Потом все-таки я и это дело освоил»[1].

Слава богу, что освоил. Только причем здесь профессия бетонщика. Тачки возить и бетонировать, это, как говорят в Одессе, «две большие разницы». Да и зачем надрываться и по лесам (видно не одноэтажный же дом строился) с тачками бегать, — а кранто подъемный на что? Ведь уже на следующей странице «Исповеди…» он живописует о том, как «освоил» профессию крановщика, да к тому же чуть не угробил эту дорогостоящую технику. Так что, не профессию бетонщика освоил наш «многостаночник», а всего лишь навык разнорабочего на стройке — «поди туда — прикати на тачке то» — не больше.

С профессией водителя самосвала ЗИС-585, на котором он целый месяц возил бетон — вообще скандал. Это как он мог возить бетон не имея прав водителя? В институте на права не сдавал, — некогда было, все было посвящено волейболу, тогда спрашивается — когда успел научиться водить машину: может по вечерам, когда осваивал профессию каменщика и бетонщика, окончил курсы водителя? Если это даже и так, то надо было посмотреть в глаза тому начальнику автослужбы (гаража), который выпускал на линию «водителя», не имеющего ни водительских прав, ни дня опыта практического вождения автомобиля? А о том, что машины глохнут на железнодорожном переезде за секунды до прохождения поезда — это уж такой застарелый штамп, что с головой выдает зарапортовавшего лгунишку. Лучше послушаем А. Коржакова, который не понаслышке знает, каким водителем был ППР.

«Насчет того, что спасал он якобы застрявшую на переезде машину с бетоном — вранье. Это Ельцин придумал специально для книжки. Он машину не научился водить до сих пор. Я его лично экзаменовал по вождению: чуть всех нас не угробил. А тем более бетономешалка. Там лишнее движение-то делать опасно; не дай Бог, резче на газ нажмешь.

Помню, году в 1994-м был случай: с «АвтоВАЗа» пригнали в Кремль новую модель «Жигулей» — «десятку» — еще опытный образец. Борис Николаевич решил на ней прокатиться. Поскольку он уже с обеда был «хорош», то ездил исключительно зигзагами: от столба — к столбу. Нам пришлось даже экстренно закрывать Кремль для посетителей: спасать людей от президента»[2].

И уж совсем зарапортовался наш «многостаночник», когда красочно описывал эпизод с едва не случившейся аварией ба-

---

[1] *Б. Ельцин*. Исповедь на заданную тему. С. 44.

[2] Цит. по: *А. Хинштейн.* Ельцин. Кремль. История болезни. М.: «Олма Медиа Групп», 2008. С. 64.

шенного крана, на котором он как раз осваивал очередную рабочую профессию — машиниста башенного крана. С замиранием сердца следишь за нашим героем, который ночью, в грозу в одних трусах стремительно взбирается по лестнице в кабину крана, чтобы прекратить его самопроизвольное движение. Не успей он за какие-то секунды проделать необходимые манипуляции со стрелой и грохнулся бы кран вместе с будущим президентом страны. Кто знает, по какому пути пошла бы многострадальная Россия, случись такое «несчастье» в ту грозовую ночь?

Позвольте, спросит дотошный читатель, а в чем же зарапортовался наш герой, ничего не скажешь именно герой и без всяких кавычек? А послушайте и догадайтесь сами, в чем, как ныне говорят, фишка:

«Заскочил в кабину, а там тоже темно, ничего не видно, стал лихорадочно думать и правильно сообразил, что надо отпустить с тормоза стрелу. И она сразу повернулась по ветру, перестала парусить, скорость (движения крана. — *А.К.*) несколько снизилась. Но тем не менее кран все-таки продолжал двигаться. Тогда я включил движение крана в обратную сторону и на полную скорость. И, смотрю, кран начал потихоньку снижать скорость и остановился в нескольких сантиметрах от конца путей. Это был, конечно, жуткий момент — внимание уважаемый читатель! — За мной выскочила жена, кричит: «слезай, упадет, погибнешь, а я нет — решил все-таки спасать кран. Остановил эту махину, спустился вниз, установил зацепы. Ну конечно, уснуть этой ночью мы уже не смогли, успокоиться было трудно. Долго мне еще снились сны, как я лезу по башенному крану вверх и падаю вместе с ним»[1].

Это еще что за жена? Наина в Оренбурге, испытательный год еще не закончился — не все рабочие профессии освоены, — а тут жена! Уж не ППЖ (походно-полевая жена) ли, да не может такого быть, он избегал женщин по вышеприведенным причинам. Тогда как объяснить этот казус? Кроме как с медицинской точки зрения, никак:

«Основными чертами пациентов с истерической психопатией является отсутствие объективной правды как по отношению к другим, так и по отношению к себе. Стремление постоянно находиться в центре внимания побуждает этих субъектов играть какую-нибудь роль: яркого талантливого человека, неотразимого гения, выдающегося специалиста во всех областях»[2].

---

[1] Б. Ельцин. Исповедь на заданную тему. Ассоциация уральских издателей. 1990. С. 46.

[2] Цит. по: А. Хинштейн. Ельцин. Кремль. История болезни. М.. «Олма Медиа Групп», 2008. С. 22.

Таким образом, к концу года наш «многостаночник», по его рассказу, успешно освоил двенадцать рабочих специальностей, получив двенадцать профессиональных разрядов, и был готов к выполнению любых задач уже в качестве руководителя, пускай даже мастера строительного участка. Было ли это так на самом деле — трудно сказать, хотя два эпизода, связанных с предаварийными ситуациями на железнодорожном переезде и на башенном кране, явно созрели в момент написания «Исповеди». Трудно себе представить хотя бы одного здравомыслящего человека, который бы поверил, что не имеющего водительских прав человека посадили за руль автобетономешалки, а затем пересадили на башенный кран без прохождения специального обучения и стажировки под руководством опытных специалистов.

А. Коржаков неоднократно отмечал, что: «Борис Николаевич, действительно, уделял слишком много внимания форме, а не содержанию. Он ставил сам себе какие-то абсурдные цели, а потом с гордостью их «достигал». Несколько раз, например, он хвалился мне, что прочитал все собрание сочинений Ленина, все 53 тома. Причем — дважды.

Я ему говорю: «Борис Николаевич, зачем целиком-то читать? Всякую переписку с Каутским? Вам это в жизни точно не пригодиться».

— Ты не понимаешь. Я должен знать все»[1].

Или другой пример:

«То, что он был активным руководителем, ничего не скажешь. Но зачастую эта активность граничила с глупостями и кампанейщиной.

Он все время хвалился, например, что единственный из всех первых секретарей посетил в Свердловске (наверное, все-таки в Свердловской области?. — *А.К.*)двести птицефабрик. «Зачем? — спрашиваю. — Проблемы-то у всех хозяйств одинаковые. Достаточно съездить на две-три». «Нет, я себе дал такой зарок: объехать все до единой». А сколько при этом горючего было сожжено, сколько людей понапрасну от работы отвлекли — это его не волновало. «Я решил и все!»[2]

А вот к чему за этот беспокойный год пристрастился наш герой, так это к пьянству. Тяга к алкоголю была у него заложена в генах.

В роду Ельциных (Елцыных) склонность к выпивке переходила из поколения в поколение. И вполне возможно, что пьянство засосало бы начинающего строителя, окончательно поставив

---

[1] Цит. по: А. Хинштейн. Ельцин. Кремль. История болезни. С. 63.

[2] Там же. С. 65.

крест на его карьере. Без бутылки в стройуправлении не решался ни один вопрос. Пили все — от начальника СУ до простого рабочего, каждый день начинался и заканчивался стандартно: со стакана. Сколь ни крепок физически был Б. Ельцин, сколь ни удивлял он сослуживцев своими недюжинными способностями к питию и рекордами выносливости, рано или поздно он скатился бы на самое дно социального бытия, а вершиной карьеры стала бы должность пьющего строительного начальника средней руки.

«Бытовой алкоголизм — начальная стадия алкогольной зависимости, при которой еще не так сильны признаки опьянения, когда напитки только поднимают настроение, жизненный тонус и двигательную активность. Хотя подъем жизненной активности может периодически сменяться длительными периодами раздражительности и конфликтности»[1].

Остановить грозящую жизненную катастрофу мог только один человек — Наина! Недаром он пристально изучал ее несколько лет и, расставаясь после окончания института, твердо пообещал жениться на ней через год, назначив якобы место встречи в г. Куйбышеве. Так совпало, что ровно через год проходили зональные соревнования по волейболу именно … в Куйбышеве! Что первично, что вторично в этой истории с Куйбышевым — пойди разберись. Однако слово самому жениху:

«И вот зональные соревнования по волейболу, у меня — матч в Куйбышеве. Сначала я позвонил ей, а потом решил — вдруг не приедет? — дам телеграмму. Долго мучился, что писать. Решил отстучать такое, чтобы была полая гарантия — не то что приедет, прилетит. Посылаю: «Приезжай, у Бориса плохо с сердцем». И без подписи. Конечно, телеграмма та еще… Но вполне в духе наших студенческих розыгрышей.

И хотя она мой характер знала, но действительно — примчалась сломя голову, нашла нашу гостиницу и тут же увидела меня…»[2]

«…выйдя из гостиницы, я увидел ее на площади. Сердце готово было вырваться от нахлынувших чувств, я поглядел на нее, и мне все стало ясно — мы будем теперь вместе всю жизнь. Провели мы весь вечер и всю ночь гуляя, говорили друг другу о многом-многом. Вспоминали и студенческие времена, и то, что произошло за год (наверное и историю с башенным краном «припомнили». — *А.К.*). Хотелось слушать и слушать любимого человека, смотреть на него день и ночь, просто молчать, потому что и так, без слов, все было понятно»[3].

---

[1] Цит. по: А. Хинштейн. Ельцин. Кремль. История болезни. С. 27.

[2] Цит. по: *А. Гранатова*. Клан Ельциных, М.: «Алгоритм». 2008. С.17.

[3] Цит. по: *Б. Ельцин*. Исповедь на заданную тему. Ассоциация уральских издателей. 1990. С. 91.

Свадьбу играли «комсомольскую» — трезвую и веселую. Многие друзья Бориса, приехавшие из разных городов страны, куда они были распределены по окончании института, были очень удивлены его выбором, поскольку во время учебы ничто не предвещало такого исхода. Вот секретная парочка! «Мы думали, что между вами ничего нет. Вы так отстраненно, так формально… на такой большой дистанции общались друг с другом в вузе… — разинув от изумления рты, признавались однокурсники. — Ну что ж, горько!»[1]

Наивные все вы люди! Девичью тайну Анастасии — Наины надежно хранила ее студенческая подушка, не единожды промокавшая от слез.

После свадьбы Наина Иосифовна вернулась в Свердловск, устроилась по своей специальности — водоснабжение и канализация — в проектный институт «Водоканалпроект», в котором добросовестно проработала 29 лет, вплоть до переезда семьи в Москву. Была главным инженером проекта, руководителем проектной группы, при этом пользовалась авторитетом у своих коллег, который ценили ее за добросовестность и природную скромность.

Менее чем через год после бракосочетания в семье родилась дочь Елена, а через три года 17 января 1960 года и вторая дочь — Татьяна.

В начале служебной карьеры успехи у молодого мастера, а затем начальника строительного участка, были довольно скромными. В должности мастера ему довелось строить пожарную станцию, или, по-простому, «пожарку». По воспоминаниям сослуживцев он сильно возмущался, что ему, «освоившему» двенадцать рабочих профессий, поручили столь непрестижный объект. Затем его назначают прорабом и поручают строительство пятиэтажного жилого дома, который и по сей день стоит на улице Грибоедова в городе Екатеринбурге.

Движение по карьерной лестнице идет со скрипом, к своему тридцатилетию он всего лишь старший прораб и особых перспектив не предвиделось, тем более, что на одном из строительных участков при строительстве камвольного комбината случилось ЧП, которое едва не привело Б. Ельцина на скамью подсудимых. После пуска основного цеха комбината, здание вдруг начало шататься и вся громадная железобетонная махина могла рухнуть, похоронив под своими обломками новейшее оборудование и обслуживающих станки работников. Старший прораб пережил громадный стресс:

---

[1] Цит. по: *А. Гранатова*. Клан Ельциных, М.: «Алгоритм». 2008. С.18.

«Пришлось остановить станки. Я сразу — в политехнический институт к профессору Бычкову. Сделали вместе расчет всех конструкций и пришли к выводу, что в проекте была ошибка — прочности опоры плит перекрытий оказалось совершенно недостаточно для полной устойчивости здания. И вторую причину мы нашли — прядильные станки, установленные по движению только в одном направлении. Когда их включают, то их амплитуда совпадает с амплитудой вибраций корпуса, и он начинает раскачиваться (то есть наступает явление резонанса, когда частота колебаний станков приближается или совпадает с частотой собственных колебаний конструкции здания, в результате чего амплитуда колебаний конструкции резко возрастает, что могло привести к его разрушению. — *А.К.*). Этот вопрос решили довольно просто: переставили станки и вибрацию сняли, а с укреплением опор пришлось повозиться»[1].

Из приведенного эпизода видно, что глубоких инженерных знаний у Б. Ельцина, пробегавшего по волейбольной площадке все пять лет обучения в институте, не было. За консультациями к институтским профессорам не набегаешься, а стало быть нужно было менять имидж малограмотного инженера на что-то другое, что позволило бы ему без всяких «сопроматов» и иных мудреных теорий более быстрыми темпами взбираться по служебной лестнице.

Первое, что успел усвоить уже не совсем молодой специалист, что без партийного билета нечего и думать о высших должностях. Тем более, что к началу 70-х годов у него возникли серьезные конфликты с управляющим трестом Н.И. Ситниковым, о котором у Б. Ельцина остались самые нелестные воспоминания:

«…Николай Иванович Ситников — человек оригинальный, мягко говоря, упрямый, злой и его упрямство доходило иногда до элементарного самодурства… Едешь с ним в машине, поспоришь, он останавливает машину где-нибудь на полпути: «Вылезай!» — «Не вылезу. Довезите до трамвайной остановки». Стоим полчаса, стоим час, наконец, он не выдерживает, поскольку куда-то опаздывает, хлопает дверкой и довозит до трамвая. Или, скажем, вызывает к себе, начинает ругать последними словами: такой-рассякой, что-нибудь не так, хватается за стул, ну, и я тоже, идем друг на друга. Я говорю: «Имейте ввиду, если вы сделаете хоть малейшее движение, у меня реакция быстрее — я все равно ударю первый». Вот такие были отношения»[2].

---

[1] Цит. по: *Б. Ельцин.* Исповедь на заданную тему. Ассоциация уральских издателей. 1990. С. 48.

[2] Там же. С. 48—49.

Отношения — хуже не бывает, но ведь и у самого Б. Ельцина отношения с подчиненными были еще более крутыми — о чем речь впереди. А отношения с управляющим зашли столь глубоко, что последний обращался в суд о привлечении Ельцина к ответственности за нарушение финансовой дисциплины. Когда суд оправдал Б. Ельцина, он подал заявление о вступлении в партию, после чего карьерный рост коммуниста Ельцина пошел гораздо быстрее.

В 1963 году он назначается главным инженером Свердловского домостроительного комбината, а через три года уже возглавил его.

Необходимо отметить, что на всех участках работы Б. Ельцин выделялся не новаторскими идеями профессионального характера, а постоянно проводил какие-то эксперименты, внедрял стахановские методы, организовывал всевозможные почины и ставил рекорды.

Так, одна из подчиненных ему бригад вдвое повысила производительность труда за счет того, что эта бригада в ущерб другим обеспечивалась всеми необходимыми материалами в первую очередь. «Почин» получил высокую оценку у начальства, а Б. Ельцин получил очередное повышение и стал главным специалистом домостроительного комбината.

Стиль его руководства, отношения к подчиненным были под стать критикуемому им стилю своего начальника. Он отличался неизменной жесткостью, порой переходящей в жестокость. Он был резок и груб с подчиненными, требовал от них такого же фанатизма в работе, каким выделялся сам, работая на пределе физических сил — на износ.

По своей жестокости по отношению к починенным он недалеко ушел от своего отца, только вместо порки ремнем, к которой прибегал родитель, Б. Ельцин применял административные порки вплоть до увольнения непокорных работников. Будучи начальником Свердловского ДСК, он установил жесткую систему штрафов, согласно которой безжалостно увольнял специалистов при малейшем подозрении на непрофессионализм.

Как сам Б. Ельцин оценивал свой стиль работы?

«Вообще мой стиль работы называли жестким. И это правда. Я требовал от людей четкой дисциплины и выполнения данного слова, …моими главными аргументами в борьбе за дисциплину была собственная полнейшая отдача в работе, постоянная требовательности и контроль и плюс вера в людей, в справедливость моих действий. Если дал слово — сдержи, а не сдержал — отвечай перед людьми. Эти ясные, понятные отношения создавали, мне кажется, человеческий, доверительный климат в коллективе»[1].

---

[1] *Б. Ельцин*. Исповедь на заданную тему. Ассоциация уральских издателей. 1990. С. 53.

Стиль стилем, но и инженерные знания были бы не лишними, тогда не случалось бы нелепых казусов на строительных объектах, руководимых Ельциным. На том же камвольном комбинате, при подготовке к сдаче его государственной комиссии, вдруг обнаружилось, что отсутствует подземный переход из одного корпуса в другой протяженностью 50 метров. Причина такого разгильдяйства — утеряны чертежи на переход! Это как же нужно было знать строительный объект, чтобы упустить такую «мелочь». Как о чем-то очень обыденном явлении главный строитель заявляет:

«Невероятно, но факт. На этот переход существовал отдельный чертеж, ну а он затерялся. Вдруг в последний момент обнаружили, что перехода-то нет! А объект крупнейший, на виду у города, да и всей страны, — шесть миллионов метров ткани ежегодно должен выпускать»[1].

Но зато как эффектно выглядит наш «герой» при авральных работах по устранению этого «пустякового» недостатка. За каких-то полчаса путем мозговой атаки было решено к утру следующего дня восстановить этот проклятый переход. И что же тут началось!

«Все высчитали по минутам, земляные работы — со стольки-то до стольки, бетонирование, отделка, сюда перекидывается одна бригада, затем другая. Экскаватор начинает копать траншею, за ним идет следующий, за ним следующий. Я на месте, не отхожу ни на минуту. Каждый отвечает за свой участок. Никакой лишней суеты, все организовано предельно точно. Утром, шесть часов, уже укладывали асфальт на этот проклятый подземный переход, все было готово, мы успели»[2].

Герой, да и только! А ведь за такое геройство не то чтобы с должности снимать, а под суд нужно отдавать за вопиющее нарушение технологии строительных работ. Подумать только, за одну ночь прорыть траншею, забетонировать полы и стеновые панели, тут же произвести асфальтирование и покрасочные работы, установить электрику. Все это «великолепие» в самое ближайшее время начнет давать осадку, разрушаться и придет в аварийное состояние. Сколько месяцев затем после сдачи «объекта» будут «колдовать» над устранением этих недостатков в «Исповеди…» ничего не говориться.

К чему приводит спешка, авралы в строительстве Ельцин убеждался не раз на собственном опыте. Так, назначение его на должность директора Свердловского ДСК в 1966 году ознамено-

---

[1] *Б. Ельцин.* Исповедь на заданную тему. Ассоциация уральских издателей. 1990. С. 54.

[2] Там же. С. 54—55.

валось громким ЧП: обрушилась недостроенная пятиэтажка, которую возводил именно ельцинский ДСК, когда он был еще главным инженером этого комбината. Причина аварии банальна — спешка строителей, заливавших фундамент в зимнее время. На морозе бетон не успел схватиться, а когда наступило лето, бетон начал «таять» и здание буквально «поплыло».

В момент обрушения здания на объекте не было ни души, в противном случае вся история России могла бы пойти совсем по другому пути. Ельцин отделался легким испугом, хотя первый секретарь обкома КПСС Николаев требовал привлечь его к строгой партийной ответственности и отстранить от работы. Однако, благодаря ходатайству второго секретаря обкома Я. П. Рябова он не только не был наказан, но вскоре получил свою первую награду — орден «Знак Почета». Злые языки говорили, что эта награда и есть «наказание» для Ельцина за «ЧП», в противном случае он должен был получить по итогам пятилетки высшую награду страны — орден Ленина.

Яков Петрович Рябов не единожды выручал Ельцина в трудные для него моменты жизни. Так, именно по рекомендации Рябова Ельцин был назначен на должность главного инженера ДСК в 1963 году. В своих мемуарах он вспоминает: «В те годы 32-летний Ельцин производил впечатление перспективного молодого человека. Борис взялся за работу со всей своей настырностью. Он схватывал все на лету»[1].

В другом интервью он оценивает работу Б. Ельцина уже в должности директора ДСК: «Объективно говоря, работал он неплохо. Через 2 года мы выдвинули его на должность директора этого комбината. Горком партии и руководство Главсредуралстроя (начальником ГСУС в то время был С.В. Башилов, а его заместителем работал Н.И. Ситников, который был у истоков создания ДСК) следили за работой Ельцина, спрашивали с него за ввод жилья, и в то же время серьезно помогали. Особенно в конце года, когда за 2—2,5 месяца до его окончания необходимо было сделать по 100—150 тыс. кв.м. жилья»[2].

Напомним читателю, что упомянутый в интервью Я. Рябова заместитель начальника ГСУС Н.И. Ситников, который «серьезно помогал» Ельцину в становлении его в качестве директора ДСК, это тот самый Ситников, который в свое время учил уму-разуму непокорного начальника строительного управления и который, судя по оценке Ельцина, был его злейшим врагом. Судите сами:

---

[1] *Я. Рябов.* Мой XX век (Записки бывшего секретаря ЦК КПСС) М.: Русский биографический институт. 2000. С. 141.

[2] Там же.

«Самодурство управляющего (Н.И. Ситникова. — *А.К.*) продолжалось до тех пор, пока меня не направили на работу главным инженером домостроительного комбината, который был крупнее, чем его трест», — со скрытым торжеством закончил Ельцин двухстраничный пассаж в своей «Исповеди…» о происках старинного врага»[1].

Как видим, у Ельцина злоба на Ситникова осталось на всю жизнь, в то время как тот, не в пример строптивому подчиненному, на стал сводить с ним счеты, напротив, помогал ему, будучи снова на более высокой должности. Я.Рябов, будучи в должности первого секретаря Свердловского Горкома КПСС, конфликт между этими руководителями видит совсем в ином свете:

«Напрасно он (Б. Ельцин. — *А.К.*) оплевывает старших товарищей по работе, которые его оберегали, растили и рекомендовали на выдвижение по службе. Особенно неприятно, что он Н.И. Ситникова выставил в негативном плане. А этот специалист-строитель с довоенным стажем был во многом честней и квалифицированней Бориса»[2].

Медицинский диагноз.

«У лиц с неустойчивой психопатией наблюдается беспричинная вспыльчивость, подчас раздражительность. Они бывают достаточно злобными даже при незначительных конфликтных ситуациях. Эти вспышки непродолжительны и могут сменяться состояниями апатии или пониженного настроения. Если эти аффекты резко выражены и более продолжительны, носят постоянную злобную окраску и сопровождаются агрессией, то речь идет о возбудимом типе психопатии»[3].

И далее:

«Маниакальные состояния включают в себя переоценку собственной личности, легко переходящие в манию величия — ощущение могущества и неограниченных способностей, уверенности в своей гениальности и избранности»[4].

Борис Ельцин двенадцать лет проработал на стройках, прежде чем в 1968 году его пригласили на партийную работу, чем он обязан все тому же Якову Петровичу Рябову, который к этому времени был уже первым секретарем Свердловского обкома КПСС.

---

[1] *Б. Ельцин*. Исповедь на заданную тему. Ассоциация уральских издателей. 1990. С. 50.

[2] *Я. Рябов.* Мой XX век (Записки бывшего секретаря ЦК КПСС) М., Русский биографический институт. 2000. С. 142.

[3] Цит. по: *А. Хинштейн*. Ельцин. Кремль. История болезни. С. 30.

[4] Там же. С. 33.

1.3. Вверх по партийной лестнице

Целые народы пришли бы в ужас, если бы
узнали, какие мелкие люди властвуют над ними.

Талейран

Карьере партаппаратчика Б. Ельцин целиком обязан своему покровителю Я.П. Рябову, который впоследствии не единожды пожалеет о том, что вовремя не «разглядел» в нем задатки диктатора макиавеллевского типа. Как мы уже отмечали, Рябов не раз выручал Ельцина в трудных ситуациях и упорно продвигал его по служебной лестнице. Будучи назначенным вторым секретарем обкома, Рябов курировал строительную индустрию области. Это был ответственный участок деятельности, и поэтому Рябов задумал сменить заведующего отделом строительства, поскольку прежний руководитель показался ему не очень энергичным, да и возраст — 54 года не предполагал к «всплеску» активности в работе. И тут он «вспомнил» о Ельцине, которому шел 37-й год, и энергия у которого «хлестала» через край. Некоторые работники обкома, хорошо знавшие Ельцина, пытались отговорить Рябова, о чем он в своих мемуарах вспоминает и с запозданием сожалеет:

«Как-то встретился я с друзьями, они мне задают вопрос: «Яков Петрович, вы собираетесь заменить Гуселетова (бывший заведующий отделом строительства. — *А.К.*), вроде рассматриваете кандидатуру Бориса Ельцина? Имейте в виду, у него неуравновешенный характер». Как оказалось, многие мои друзья учились с Борисом, знали его со студенческих лет и прямо говорили о его властолюбии, амбициях, устремлениях к власти любым путем. Как говориться, он готов перешагнуть не только через товарищей, но если потребуется, — и «через мать родную»»[1].

Задуматься бы Якову Петровичу над этими далеко не лестными характеристиками на его выдвиженца, не упрекал бы он себя задним числом, что своими руками «сотворил» эдакий «подарок» для России. И уж в который раз приходиться прибегать к сослагательному наклонению, неизвестно каким бы путем пошла Россия, если бы этот «уральский самородок», с легкой руки Рябова, не попал на партийный Олимп сначала областного масштаба, а затем и союзного? Не послушал он добрых советов близких ему людей. Свое решение Рябов объяснит впоследствии тем, что личные ка-

[1] *Я. Рябов.* Мой XX век (Записки бывшего секретаря ЦК КПСС) М., Русский биографический институт. 2000. С. 185.

чества кандидата волновали его меньше всего: «Зато Ельцин «разобьется», но выполнит любое поручение начальства». Это мазохистское признание не к лицу такому умному и разносторонне образованному человеку, каким был на самом деле Рябов. Скорее всего, на его решение повлияло то, что относился он к Ельцину с отеческой заботой, несмотря на небольшую разницу в возрасте — всего-то три года. Он тоже вышел из самых низов — из семьи плотника — и детство провел в таком же точно дощатом бараке, в каком вырос Б. Ельцин. Импонировало ему и то, что Ельцин увлекался спортом, поскольку сам он был мастером спорта по классической борьбе. Он с первого момента их знакомства сумел оценить трудовой фанатизм Ельцина, поскольку сам работал много и с большим удовольствием, да и других мог заставить работать с полной отдачей, не хуже своего выдвиженца.

Да и характер у Рябова был далеко не благостным, по его же собственным словам — вот его кредо: «Я всегда объясняю: тех, кто не выполняет моих заданий, я могу раз предупредить, второй раз. А третьего предупреждения уже не будет. Я так говорю: или ты должен уходить или я. Но я-то не уйду, меня может освободить только вышестоящий орган. Так лучше я тебя уберу, не стану ждать, пока насчет меня примут решение»[1].

Принцип известный, на нем была построена вся командно-административная система страны: умри сначала ты, а потом я! Так делались карьеры как на партийном, так и на хозяйственном поприще. И Рябов — не исключение, а дитя этой системы — плоть от плоти. Вверх шли по головам менее изворотливых и более совестливых. Так что Ельцин впитывал эти правила, как губка впитывает воду, ничему иному партийно-хозяйственная школа его научить не могла. И не стоит возмущаться и удивляться тому, что Ельцин, став впоследствии Первым секретарем Свердловского обкома КПСС, а затем Московского городского, безжалостно ломал судьбы своих подчиненных, не способных обеспечивать ему успех. Он так же, как и его учитель, рвался вверх, и рядом с ним выживали только те, кто был способен помочь ему подняться еще на одну ступеньку иерархической партийной лестницы. И всю свою профессиональную жизнь он без сожаления расставался с теми, кто стал ему не нужен, как расстался с Гуселетовым Я. Рябов под предлогом ухода того на пенсию (это в 54 года!. — *А.К.*)

Но партийные бонзы тоже люди и ничто человеческое им не чуждо. Рябову чисто по человечески нравился этот «37-летний

---

[1] *Я. Рябов.* Мой XX век (Записки бывшего секретаря ЦК КПСС) М., Русский биографический институт. 2000. С. 186.

зрелый мужчина, высокого роста, спортивного телосложения» и он захотел сделать из Ельцина своего преемника. Он упорно проталкивал своего протеже вверх, закрывая глаза на его многочисленные огрехи и недостатки. Он уверовал и убедил себя в том, что именно этот «коренник» поможет ему самому шагнуть на заветный партийный Олимп, находящийся в Москве. Что впоследствии так и случилось.

А насчет недостатков Ельцина он не заблуждался. Это потом, когда Ельцин потряс не только Москву, но и всю Россию, он с большим опозданием стал посыпать свою голову пеплом и каяться в содеянном: «Как я понял, но, к сожалению, значительно позже, Борис вел себя как типичный подхалим и карьерист, старался исполнить все мои пожелания, и мне это импонировало. Я и в мыслях не думал, что это его тактика для дальнейшего стратегического рывка в карьере, а наоборот, считал, что молодец, Борис, наконец-то понял задачи области и делает все, чтобы их осуществить. Мы продолжали дружить семьями. Я почему-то в него верил»[1].

Полноте, Яков Петрович! Все-то вы прекрасно изначально знали, какого джина вы выпускаете из бутылки. Припомните, пожалуйста, реакцию Ельцина на ваше замечание относительно его тяжелого характера. А разговор был в вашем кабинете перед самым назначением Ельцина на первичную партийную должность:

— Вот меня предупредили, что у тебя есть такие-то и такие-то недостатки…

Ельцин тут же довольно странно отреагировал и спросил:

— Интересно, кто же вам, Яков Петрович, мог это сказать?

Вы его тут же одернули:

— Борис Николаевич, разве такой вопрос надо задавать? Следует, наоборот, сказать: да это во мне есть, постараюсь исправить…

В дальнейшем, по вашим словам, Ельцин вычислил всех, кто давал ему нелестные характеристики, и потом не давал им ходу. Никто из его критиков в люди выйти так и не смог[2].

Ну ладно, ошибся малость Я. Рябов при назначении на эту, далеко не престижную для Ельцина должность, но ведь через семь лет, когда, казалось бы, вы его изучили вдоль и поперек, не вы ли упорно продвигали его на должность секретаря, а затем и первого секретаря обкома КПСС. Упорно и настойчиво рекомендовали его Л.И. Брежневу, несмотря на то, что он был всего лишь секретарем обкома, то есть через одну ступень (по неписанным законам

---

[1] *Я. Рябов*. Мой XX век (Записки бывшего секретаря ЦК КПСС) М., Русский биографический институт. 2000. С. 196.

[2] *Л. Млечин*. Борис Ельцин. Послесловие. М.: «Центрполиграф», 2007. С. 42-43.

партийный кадровой политики на освободившуюся должность первого выдвигался Второй секретарь обкома КПСС. — *А.К.*).

Здесь-то, чем вы руководствовались? Вам-то уже было безразлично, кто сядет в освободившееся кресло, поскольку вы уже взлетели на вожделенный Олимп. Напротив, зная в какую зависимость от этого, уже сложившегося алкоголика, вы по слабости попали, нужно было бежать от него без оглядки, как от холеры или чумы. Да, слаб человек, и зачастую его личные проблемы заслоняют общественные, государственные.

Слово А. Коржакову, который в своих мемуарах приводит рассказ Б. Ельцина о том, как ему удалось «подловить» Рябова и «уважать себя заставить»:

«Когда Рябов был первым секретарем Свердловского обкома, они еженедельно ходили в баню. Парились и, понятно, выпивали. Причем пили на равных, но всякий раз почему-то выходило, что Ельцин оказывался более пьяным, чем Рябов. Борис Николаевич здорово это переживал. Как же так! У меня, мол, и рост, и габариты — больше, а перепить его не могу.

И вот приходят они однажды в баню. Мокнулись в бассейн, тут же на бортик ставят поднос со стопками и фужерами. И Рябов, видно, расслабился. Опрокинул рюмку, взял фужер с водой и как будто запивает. А на самом деле он водку набирал в рот, а потом незаметно выплевывал ее в фужер. Ельцин это дело просек.

— Я, говорит, таким зверем на него посмотрел. Рябов замельтешил, засуетился. И с тех пор стал пить на равных и приходить с Ельциным домой вместе: жили они в одном доме»[1].

С тех пор Я. Рябов был не в «авторитете» у Б. Ельцина и он всегда о нем отзывался весьма нелестно. «Всячески его костерил», — вспоминает все тот же А. Коржаков. Впрочем, так ему и надо — бог шельму метит.

Однако вернемся к самому началу восхождения начальника Свердловского домостроительного комбината по ступеням партийной лестницы. Сам Б. Ельцин вспоминает по этому поводу в «Исповеди…»:

«14 лет проработал на производстве (явно не в ладах с арифметикой, фактически 12 лет. — *А.К.*) — и вдруг предложение возглавить отдел обкома партии, отдел строительства. Сильно этому предложению не удивился, я постоянно занимался общественной работой. Но согласился без особого желания. Работа начальником комбината у меня получалась: коллектив постоянно выпол-

[1] Цит. по: *А. Хинштейн*. Ельцин. Кремль. История болезни. М.: «Олма Медиа Групп», 2008. С. 64.

нял план, в общем, работалось хорошо, плюс была приличная зарплата… И все-таки пошел. Захотелось попробовать сделать новый шаг. Кажется, я до сих пор так и не могу понять, куда он меня привел»[1].

Зато хорошо это знает многострадальный народ России.

Как всегда, Б. Ельцин с головой окунулся в новую для него работу: мотается по области, инспектирует стройки, лазает по грязи и завалам. Особое напряжение испытывает накануне праздников, по окончании кварталов, полугодий, года — сдача объектов, отчеты, раздача премий и зуботычин. Вечный аврал, но для Ельцина — это родная стихия. Он чувствует себя в эти периоды — как рыба в воде. Работы он не избегает, наоборот, он ищет ее сам. Но при всем этом — грубость с подчиненными, порой переходящая в хамство, однако, никогда не позволяет себе ругаться матом и другим не позволял это делать. Для партийного работника такого масштаба невнимание к подчиненным — это нонсенс, поскольку каждый партаппаратчик зарубил себе на носу, чтобы карьера шла «мягко» — главное внимание людям, забота об их нуждах и запросах, о чем сам Ельцин фарисейски распространяется в своих мемуарах.

К покровителю Ельцина Я. Рябову все чаще поступают сигналы о грубости его подчиненного, с просьбой: «Уйми ты его наконец!» Но уже и сам Рябов понял, что унять Ельцина невозможно, стиль его работы — хамство, но это и образ его жизни. И тут нет никому пощады, в том числе самым близким к нему людям. «Подвыпив, Ельцин мог прикрикнуть, нахамить своей жене, — вспоминал Рябов. — После одной из таких посиделок я вызвал Ельцина к себе и сказал ему: «Как ты можешь так вести себя со своей женой?! Она же мать твоих детей!» Борис как всегда лишь хмурил брови и отводил глаза в сторону. Наина Иосифовна в те годы была кроткой и скромной. Двух своих дочек они воспитывали очень строго. Лена и Таня знали, что если они что-то натворят, — поблажки не будет»[2].

По воспоминаниям бывшего обкомовского водителя, Ельцину ничего не стоило высадить жену где-нибудь посреди поля — не важно, дождь или снег — если позволит она что-нибудь непочтительное, например, мягко упрекнет супруга в чрезмерном объеме, взятом на грудь. Оставшиеся километры Наине Иосифовне приходилось преодолевать пешком. «Вечерние приходы Ельцина домой напоминали посещение падишахом гарема. Вся семья —

---

[1] *Б. Ельцин.* Исповедь на заданную тему. Ассоциация уральских издателей. 1990. С. 55.

[2] Цитата по: *А. Хинштейн.* Ельцин. Кремль. История болезни. М.: «Олма Медиа Групп», 2008. С. 38.

Наина Иосифовна, дочери — выбегали в прихожую, вперемежку с поцелуями и объятиями, стаскивали с него пальто, снимали ботинки, подсовывали мягкие тапочки, торжественно вели к загодя накрытому столу»[1]. Начальник охраны ППР А. Коржаков, тогда фактически чуть ле ни член семьи, подтверждает:

«Приходы Бориса Николаевича домой я сам видел. Тысячу раз. Прямо в прихожей Наина с Татьяной бросались к нему, а он только руки и ноги приподнимал, изображая изнеможение. Раздевали целиком — прямо до белых трусов: он носил трусы исключительно белого цвета»[2].

В должности завотделом Ельцин проработал почти семь лет и это сумасшедшая, однообразная работа уже давно стала его тяготить. Он постоянно мечтал о карьерном росте, но Рябов придерживал его, сам уже став в 1971 году первым секретарем обкома. С этого момента Ельцин только и мечтал о повышении своего статуса. Рябов прекрасно знал о настроениях Ельцина, но старался попридержать его на старой должности. Где-то интуитивно он чувствовал, что нельзя давать этому карьеристу власть над людьми: «Он стал грезить о карьерном росте. Жаждал повышения по партийной линии», — вспоминал Рябов, добавляя при этом, что никаких авансов амбициозному подчиненному он не давал. Напротив, еще и отговаривал от сторонних, весьма заманчивых предложений — стать, например, секретарем Костромского обкома (с предложением выходил первый секретарь Костромского обкома Баландин), или зампредом Госстроя СССР, куда приглашал его председатель Госстроя Новиков. По иронии судьбы он станет-таки через 15 лет заместителем председателя Госстроя, которым в то время будет руководить Юрий Петрович Баталин.

Рябов пытается «перевоспитать» этого грубого администратора: «Я ему неоднократно намекал, что если он изменит свой характер — рост ему гарантирован… Он в общем-то заметно изменился, его как будто подменили. В своем поведении он поменял тактику, начал искать дружеские контакты со своими коллегами в обкоме партии, заигрывать с членами бюро и секретарями обкома, с облисполкомом и другими вышестоящими кадрами»[3].

Навряд ли Рябов верил сам в то, что говорил о метаморфозе, якобы происходящей с Ельциным. Это признание ничто иное, как запоздалое самооправдание за свои ошибки по выдвижению Ельцина на все более высокие должности. Надо же как-то было

---

[1] Цит. по: *А. Хинштейн*. Ельцин. Кремль. История болезни. С. 38.

[2] Там же. С. 63.

[3] Цит. по: *А. Хинштейн*. Ельцин. Кремль. История болезни. М.: «Олма Медиа Групп», 2008. С. 40

оправдать назначение его в 1975 году на освободившуюся должность секретаря обкома КПСС. Знал Яков Петрович, что «черного кобеля не отмоешь до бела», знал, но вопреки самому себе все-таки «двинул» его на вышестоящую должность, на которой он и года не проработав, выскочит «в дамки», то есть займет должность самого Я.Рябова. И это несмотря на то, что жалобы на Ельцина возобновились с новой силой, как только он добился желанного повышения.

С ним произошла обратная метаморфоза. Едва Борис Николаевич удобно уселся в кресло секретаря обкома, как разом улетучилась его напускная вежливость и политкорректность. Он снова становится грубым, неотесанным Ельциным, снова Рябову пришлось «воспитывать» своего протеже, упрекать его в высокомерии, грубости и нетактичности в обращении с людьми. Потребовал поработать над собой. По каким позициям проводил первый секретарь работу по перевоспитанию своего подчиненного? Эти позиции он отметил в своем рабочем дневнике, их пять:

«Вынужден ему снова сделать замечания:

1. За его высокомерие.

2. Не уважение к товарищам по работе, в том числе и к членам бюро ОК КПСС, грубость, резкость в обращении и ненароком напоминание им, что вы, мол не лезьте не в свое дело, если не понимаете.

3. Это выражается в том, что он очень болезненно воспринимает замечания в адрес строителей, как обиду для себя.

4. Сам резок с людьми, даже груб и нетактичен, до оскорбления, в то же время обидчив и вспыльчив даже при законной просьбе.

5. Никак не может отойти от ведомственности, а это плохо, даже пагубно»[1].

Чувствуется, что два человека боролись в первом секретаре: один — честный и принципиальный руководитель давно понял, что этого деспота и грубияна нельзя на пушечный выстрел допускать к людям, нельзя ему давать над ними власть, тем более абсолютную, ибо это обернется горем для всех, кто будет с ним соприкасаться. Другой — растерянный человек, с гораздо слабой волей, по сравнению с Ельциным, да еще попавший в ловушку, расставленную макиавеллистом — без чести и совести, который пойдет на любое предательство для достижения своей цели. Ловушка эта не что иное, как совместные посиделки за бутылкой коньяка, или по-простому — бытовое пьянство.

---

[1] Цит. по: *А. Хинштейн*. Ельцин. Кремль. История болезни. М.: «Олма Медиа Групп», 2008. С. 40—41.

Так что Борис Николаевич был абсолютно уверен в своей непотопляемости. За широкой и надежной спиной первого он чувствовал себя в абсолютной безопасности и мог позволить себе все, что ему вздумается. Это подтверждает и медицинский диагноз Ельцина, как личности:

«Параноидальные психопаты воображают себя людьми наполеоновского масштаба, которым, в отличие от остальных, позволено все. Они высокомерны, грубы, отрицательно реагируют на критику. Это люди несокрушимой воли, для которых важно претворение в жизнь любой своей идеи. Последствия их деятельности бывают тем тяжелее, чем большей властью они обладают»[1].

Не прошло и года после назначения Б. Ельцина на должность секретаря ОК КПСС, как пробил его «звездный час» — освободилась должность первого, поскольку Рябова забрали в Москву — секретарем ЦК КПСС, курирующим Военно-промышленный комплекс (ВПК), — вместо Дмитрия Федоровича Устинова, назначенного министром обороны.

Эта новость застала Б. Ельцина в Москве, где он повышал свою квалификацию на курсах в Академии общественных наук. Совпадение оказалось довольно удачным, поскольку вскоре Бориса Николаевича вызвали на Старую площадь. На следующий день после состоявшегося Пленума ЦК КПСС, на котором Я.П. Рябов был утвержден в должности Секретаря ЦК, Б. Ельцина вызвали в ЦК на собеседование. Впрочем, слово самому «имениннику»:

«…во время лекции к микрофону подходит руководитель курсов Королев и объявляет: Ельцина приглашают к 11-ти часам в ЦК. А народ все опытный, сразу вокруг меня стал кучковаться, спрашивать, что и как? Я знать ничего не знаю, по какому вопросу меня приглашают. Хотя, конечно, где-то в душе чувствовал, какой может произойти разговор, но старался эти мысли отогнать. В общем, поехал в ЦК»[2].

Лукавит Борис Николаевич, впрочем это он делает не впервой, прекрасно он знал для чего его вызывают в ЦК, однако маска застенчивого скромника нравится ему куда больше, чем реальное лицо расчетливого карьериста. Новым взлетом в своей карьере он вновь был обязан своему неизменному покровителю — Я.П. Рябову, который сумел предубедить Генерального секретаря ЦК КПСС Л.И. Брежнева, что лучшей кандидатуры на вакантное место «хозяина» Свердловска не найти.

---

[1] *А. Хинштейн*. Ельцин. Кремль. История болезни. С. 41.

[2] *Б. Ельцин.* Исповедь на заданную тему. Ассоциация уральских издателей. 1990. С. 59.

Какие неопровержимые аргументы смог привести при этом Рябов, чтобы убедить руководство партии согласиться на нестандартный шаг — назначить на должность первого секретаря не второго, который дышал в затылок первому, а просто секретаря, да еще проработавшего в этой должности меньше года — сия тайна останется за плотными дверями кабинетов руководства ЦК. Процедура согласования предстоящего решения о назначении Б. Ельцина на должность первого секретаря Свердловского обкома КПСС состоялась в кабинетах Секретарей ЦК Капитонова, Кириленко и Суслова. Как нужно было себя вести на приеме у этих партийных бонз, накануне Ельцина тщательно проинструктировал Рябов, который, похоже, волновался не меньше, чем кандидат, поскольку от этого зависела карьера самого Рябова (Это к вопросу о якобы совершенно неожиданном вызове в ЦК!). И вот пройдена процедура собеседования (фактически согласования) у трех секретарей ЦК и настал тот счастливый момент, когда нужно предстать перед самим Брежневым. Слово кандидату на Свердловский партийный престол:

«Надо ехать в Кремль. Сопровождали меня два секретаря ЦК — Капитонов и Рябов. Мы зашли в приемную, помощник тут же сказал: «Заходите, вас ждут». Я впереди, они за мной. Брежнев сидел в торце стола для заседаний. Я подошел, он встал, поздоровался. Потом, обращаясь к моим провожатым, Брежнев говорит: «Так это он решил в Свердловской области власть взять?» Капитонов ему объясняет: да нет, он еще не о чем не знает. «Как не знает, раз уже решил власть взять?» Вот так, вроде всерьез, вроде и в шутку начался разговор. Брежнев сказал, что заседало Политбюро и рекомендовало меня на должность первого секретаря Свердловского обкома партии… «Ну как?» — спросил Брежнев. …я сказал, если доверят, буду работать в полную силу, как могу»[1].

Мимоходом, как бы невзначай, Ельцин дал «краткую характеристику» второму секретарю Свердловского обкома, которого он обходил на пути к заветному креслу: «В тот момент вторым секретарем обкома в Свердловске был Коровин, то есть нарушалась привычная перестановка. Получалось, что рядовой секретарь выдвигается на должность первого, а второй остается на своем месте. Хотя, объективно говоря, Коровин, конечно, для первого секретаря со своим характером не годился. Это понимали все»[2].

Конечно, Ельцин со своим характером подходил на эту должность идеально! И это тоже понимали все, поскольку на плену-

---

[1] *Б. Ельцин*. Исповедь на заданную тему. Ассоциация уральских издателей. 1990. С. 60.

[2] Там же.

ме Свердловского обкома 2 ноября 1976 года он был единогласно избран первым секретарем. Выступив на пленуме с короткой, тезисной программой вновь испеченный первый секретарь изложил свое политическое кредо: «…надо прежде всего заботиться о людях, а на добро они всегда откликнуться с повышенной отдачей. Это кредо осталось у меня и сейчас, и я в него верю»[1].

Жаль, что это кредо Ельцина не имело обратной силы. О Якове Петровиче Рябове, который сделал так много хорошего лично для Ельцина, он как-то сразу забыл, да и в своей «Исповеди…» практически не упомянул на добром слове. Словно это не Рябов сделал из строителя средней руки, да к тому же с такими недостатками, о которых говорилось выше, хозяином крупнейшего региона страны.

Тут же новый хозяин области «озаботился» о близких к нему людях, с которыми проработал бок о бок столько лет: второго секретаря обкома Коровина передвинул на должность председателя Облсовпрофа, отправил на пенсию председателя облисполкома Борисова, безжалостно перетасовал всю областную кадровую колоду с тем, чтобы сформировать свою команду из преданных лично ему людей.

«И начался период бурной работы. На закрытых бюро обкома партии было принято, чтобы каждый высказывал те претензии, которые имелись, в том числе и ко мне. Я преднамеренно создавал такую деловую, открытую обстановку, чтобы любые критические замечания в мой адрес были нормальным, рабочим явлением, хотя сам я не всегда был согласен с критикой, как-то это задевало самолюбие, но старался себя переломить»[2].

Но так ли было на самом деле? Ельцин категорически не мог терпеть критики в свой адрес и всеми силами боролся с людьми, допускающими такой грех, и безжалостно от них избавлялся.

Медицинский диагноз:

«Параноики не терпят никаких возражений. Они постоянно выясняют отношения и вступают в тяжелые конфликты с окружающими, требуя от них беспрекословного подчинения. Всех вокруг они подозревают в недоброжелательном к себе отношении. Они обычно высокого мнения о себе и своих умственных способностях»[3].

У биографов Б.Ельцина неизменно возникал вопрос — каким образом ему удалось проскочить через сито КГБ? Действительно,

---

[1] Там же. С. 61.

[2] Там же. С. 62.

[3] Цит. по: *А. Хинштейн.* Ельцин. Кремль. История болезни. М.: «Олма Медиа Групп», 2008. С. 43-44

назначение на должность первого секретаря Свердловского обкома КПСС — это не поступление в институт. Здесь кандидат должен быть проверен не до третьего колена, а значительно глубже. А тут все, как говориться, на виду: дед — репрессированный кулак, отец — враг народа. Да с такой родословной к сановному креслу его и близко не должны были допустить. Но ведь допустили, и при этом мало кто сомневался, что личное дело и биография Б.Ельцина были изучены до малейшей запятой. Однозначного ответа на этот сакраментальный вопрос не существует. Одни считают, что работники КГБ по простой неряшливости упустили этот вопрос из виду, поскольку вся деятельность Б.Ельцина была на виду. Он, как танк, продвигался вперед и вверх, его лидерские качества были настолько очевидны, что провинциальные чекисты были очарованы этим самородком и не заглянули даже в его личное дело. А если и заглянули, то, не увидев в нем прямых признаков «крамолы», не стали «копать» глубже.

Так, А. Хинштейн в этом абсолютно убежден и бросает упрек не только свердловским чекистам, но и чекистам других регионов, пропустивших на партийный Олимп людей, имеющих сомнительную родословную.

«Кто он, тот неведомый растяпа из Свердловского УКГБ, не удосужившийся когда-то детально покопаться в его (Б.Н. Ельцина. — *А.К.*) личном деле? Без этой спецпроверки взять в обком Ельцина попросту не могли. Но взяли. А уж потом, когда оказался он в строю небожителей, кому же в голову придет разглядывать секретаря обкома под микроскопом. Наш, проверенный товарищ.

А ведь, окажись этот опер из далекого 1968-го подотошнее, не ограничься он формальным изучением анкеты, а съездил бы к проверяемому на родину или хоть запроси местный райотдел, вся история страны могла пойти по другому пути.

Так ленца одного-единственного майора или капитана определили последующую судьбу планеты»[1].

Круто, не правда ли? Поленился один капитан исполнить, как следует, свой профессиональный долг и вот результат — трясет матушку Россию уж второй десяток лет. Все вроде бы логично, да и сам Александр Хинштейн родом из этих самых спецорганов и видно хорошо знает царившие там порядки. Так что хочется верить.

Но не вериться! Мы ведь тоже в сегодняшнюю Россию не из какой-нибудь либеральной Швейцарии приехали и хорошо знаем этих «ребят» с очень хорошим профессиональным нюхом, не

[1] *А. Хинштейн*. Ельцин. Кремль. История болезни. С. 44.

хуже, чем у спаниелей, отыскивающих наркотики. Не прав ты, Александр! Слишком молод ты, чтобы так сказать о чекистах далеких семидесятых. Обижаешь! Эти «ребята» профессионально копались не только в биографиях «объектов», но не смущались покопаться и в их грязном белье. И сколько было загублено прекрасных специалистов и руководителей (по-нынешнему — менеджеров), которых бес нечаянно толкнул в ребро.

Поверить в эту сказку про неведомого лопухастого растяпу из провинциального УКГБ можно было бы при одном условии, а именно, если бы случай с Б.Ельциным был бы единственным и неповторимым. Но ведь сам А. Хинштейн пишет, что это не так.

«Вообще, халатность провинциальных чекистов дорого обошлась Союзу, ибо не один только Ельцин произошел из семьи репрессированных. Многие из тех, кто встал у руля в 80-х, имели врагов народа в своем роду. И у Шеварднадзе, и у Горбачева, и у Бакатина (и у Егора Кузьмича Лигачева. — *А.К.*) папы с дедушками тоже прошли через молох НКВД»[1].

Не надо обладать незаурядным умом аналитика, которым, безусловно, обладает А. Хинштейн, чтобы в приведенных им примерах увидеть зловещую закономерность. Даже школьник младших классов хорошо знает, что: единственный случай — это случайность; два аналогичных случая — это досадное совпадение; ну, а если три и более — это уже закономерность, это система. А тут такой ряд выстраивается: Горбачев, Шеварднадзе, Бакатин, Ельцин — так это же передовой отряд разрушителей КПСС и Советского Союза! О Е.К. Лигачеве — несколько ниже.

И вот А. Хинштейн вздумал нас убедить, что: «Это вовсе не значит, что они сводили счеты с советской властью и развалили СССР в отместку за невинно убиенных предков. Все эти параноидальные идеи о вселенском заговоре, масонах и агентах ЦРУ, обманом пробравшихся к руководству партии, — годятся разве что для читателей газеты «Завтра»»[2].

Далась вам, Александр, эта газета «Завтра», читателей-то у которой с гулькин нос, да и главный ее редактор уважаемый А. Проханов, порой пропагандируют такие либеральные идеи, что Чубайс вместе с Гайдаром отдыхают. А потом, где же ваша аналитика: если они и «сводили счеты с советской властью и развалили СССР в отместку за невинно убиенных предков», то зачем им приспичило бежать записываться в масоны и наниматься в качестве

---

[1] Цит. по: *А. Хинштейн*. Ельцин. Кремль. История болезни. М.: «Олма Медиа Групп», 2008. С. 44.

[2] Там же. С. 44.

агентов ЦРУ, у них и так аргумент железобетонный — мстим за отцов и дедов!

Не один А. Хинштейн так думает. Вот и «известный историк» и «писатель-стахановец» Л. Млечин, словно сговорившись, пишет: «Некоторые исследователи считают, что внук и сын кулака Ельцин затаил ненависть к советской власти и потому, став президентом, запретил КПСС и развалил Советский Союз. Однако такие романтические мстители встречаются только в плохих авантюрных романах. Репрессированные родственники были и у Егора Кузьмича Лигачева, и у других видных партийных руководителей, что не мешало им до последнего (видимо, дыхания. — *А.К.*) отстаивать преимущества реального социализма. Большую часть жизни Ельцин тоже находился во власти представлений того времени»[1].

Полно, Леонид! Ельцин «затаил ненависть» не к Советской власти, которая дала ему буквально все, чтобы взметнуться к вершинам этой самой власти, а как раз к своему отцу, который порол его, как «сидорова козла». А уж «разваливать Советский Союз» в отместку за деда и отца, которых он напрочь забыл, вырвавшись из родительского дома, он и не помышлял. А вот Егора Кузьмича Лигачева вы зря «пристраиваете» в один ряд с Горбачевым и К°. Он в эту «теплую компанию», составленную по единственному признаку — якобы мстители за поруганных предков, пристроен для отвода глаз, для усыпления бдительности истинных коммунистов: смотрите, мол, и Лигачев с нами! Не «быстрый разумом» Л. Млечин так и не заметил, что он попался в ловушку тех «аналитиков», которые ловко поменяли местами причину и следствие. Нет, это, скорее всего, не агенты ЦРУ и даже, возможно, и не масоны, хотя оных тоже развелось так густо, что согласно известной пословице: «кинь палку в собаку — непременно в масона попадешь», развалили КПСС и Советский Союз. Это наши, доморощенные Герострaты натворили делов.

Любому здравомыслящему человеку и в голову не может такая мысль прийти, что, к примеру, вышеприведенная «четверка» взялась разваливать Советский Союз и крушить КПСС в отместку за поруганных предков. Они, пожалуй, не хуже того же Б. Ельцина, и имен-то своих дедушек да прадедушек давно не помнят, не то чтобы за них Советской власти мстить. Речь-то как раз идет о другом, почему это сверхбдительные «компетентные органы» не «зарубили» им дорогу к вершинам власти по причине «нездоровой» родословной. Вот в чем вопрос? А если еще точнее, то вопрос заключается в следующем: кто дал возможность этим самым «ком-

[1] Цит. по: *Л. Млечин.* Борис Ельцин. Послесловие. М.: «Центрполиграф», 2007. С. 39.

петентным органам» безнаказанно пропускать «через сито КГБ» целый отряд сомнительных личностей, которые в конечном итоге развалили КПСС и СССР совсем не из мести за поруганных предков, а по какой-то более серьезной причине, которую Л. Млечин уловить не в состоянии, а А. Хинштейн, как нам представляется, прекрасно знает, но наводит тень на плетень.

Воспользуемся случаем и обратимся к Александру Хинштейну — «одному из самых известных российских публицистов, признанному мастеру журналистских расследований, инициатору множества громких коррупционных скандалов, яркому и успешному политику», для которого «после избрания депутатом Государственной думы… не осталось больше закрытых дверей и запретных тем»[1]. (Уж не сам ли А. Хинштейн писал аннотацию к своей книге? Даже если это и так, нам до этого дела нет, правда — она и в Израиле правда, лишь бы польза была в задуманном нами проекте) со следующей нижайшей просьбой.

Уважаемый Александр Евсеевич, разъясните нам потолковее, что же вам думалось, когда вы выводили в своей книге следующие, на наш взгляд, «исторические» строки:

«Мне думается, дело здесь совсем в другом (какое совпадение! И нам тоже думается, что в другом, но только не знаем в чем. — *А.К.*). Всем этим людям (напомним читателям, пропущенным лопухастыми капитанами и майорами органов КГБ из-за элементарной лени в высшие эшелоны власти. — *А.К.*) — так или иначе («иначе» — это значит не «так», или как?. — *А.К.*) — советскую власть любить было не за что. Они лишь вступали с ней в брак по расчету. А потом, по тому же самому расчету, развалили страну, ибо каждый рассчитывал урвать кусок пирога пожирнее»[2].

Разъясните народу эти свои «думки» в очередной книге, чтобы никто больше не сомневался в истинных причинах, толкнувших руководителей КПСС к самоликвидации таким страшным путем (пострашнее того харакири, коим японские самураи сводили счеты с жизнью), и не путался в «параноидальных идеях о вселенском заговоре, масонах и агентах ЦРУ», даже если они по наивности своей почитывают от скуки прохановскую газету «Завтра». Объясните нам «серым», за что же так не любили, а вернее, яростно ненавидели, советскую власть, КПСС и в целом СССР перечисленные вами VIP-персоны: Горбачев, Шеварднадзе, Ельцин и примкнувший к ним Бакатин?! За Е.К. Лигачева мы спокойны —

---

[1] Из аннотации к книге *А. Хинштейна.* Ельцин. Кремль. История болезни. М., «Олма Медиа Групп», 2008, вынесенной на обложку книги.

[2] Цит. по: *А. Хинштейн.* Ельцин. Кремль. История болезни. М.: «Олма Медиа Групп», 2008. С. 44.

любил он Советскую власть и дальше собирался любить, иначе же жаловался бы на то, что не дали ему осуществить голубую мечту: «чертовски хочется поработать!» Мы вам даже некую схемку можем набросать для написания этой книги, следуя Ветхому завету: Андропов — родил Горбачева (и Лигачева — кстати), Горбачев — родил Шеварднадзе, Ельцина (и А.Н. Яковлева — кстати), Ельцин совместно с Горбачевым — родил Бакатина. Вам, уважаемый Александр Евсеевич, следует ответить только на вопрос: Кто «родил» Андропова Юрия Владимировича, ибо нам это не под силу — нет нам ходу в те двери, где лежат документы, способные открыть сию великую тайну, а для вас, повторимся: «…не осталось больше закрытых дверей и запретных тем». Не забудьте при этом опровергнуть устойчиво культивируемый миф, что Ельцина — родил Лигачев. Не по своей воле помчался на «смотрины» в Свердловск товарищ Лигачев — это была воля уже отходящего в мир иной Ю.В. Андропова. Знал Генеральный об уральском самородке; знал, да не успел лично убедиться в уникальных способностях этого будущего громилы КПСС и СССР. Никому кроме Вас, уважаемый Александр Евсеевич, сей тайны не раскрыть, как бы ни бились всеми нами уважаемые — журналист и бывший помощник Е.К. Лигачева — Валерий Легостаев (погибший при загадочных обстоятельствах после публикации своего «убойного» материала «Гебист магнетический») и вечный «диссидент», писатель и бывший цековский работник — Сергей Семанов со своим политическим бестселлером[1].

Кем был на самом деле Ю.В. Андропов — «тайным либералом» и реформатором, задумавшим «перестроить» Советский Союз не западный лад, или «затаившимся сталинистом», задумавшим навести в стране «железный порядок», т.е. повернуть колесо истории вспять, нам не ведомо. Но мы хорошо знаем по многочисленной мемуарной литературе, как высоко ценил долголетний шеф КГБ ответственных исполнителей его распоряжений и просьб. Да, именно просьб, поскольку его знаменитые записки в Политбюро ЦК КПСС чаще всего заканчивались словами: «просьба рассмотреть». Скромно так — рассмóтрите положительно — хорошо, значит, поняли заботу КГБ СССР, оставите без внимания — дело хозяйское, наше дело просигналить, мы не обидимся, но память у нас хорошая. Вот один эпизод из многогранной деятельности шефа КГБ, которому ко всему было дело, в том числе и к «дому Ипатьева», расположенному в центре Свердловска, ставшем местом паломничества людей, испытывавших смешанные чувства к погибшей в подвале этого дома царской семье.

---

[1] *С. Семанов.* Председатель КГБ Юрий Андропов. М.: «Алгоритм», 2008.

Ю.В. Андропов посчитал, что подобное поведение советских людей подрывает основы Советской власти и обращается в Политбюро ЦК КПСС со следующей запиской:

«Секретно.
ЦК КПСС.

О сносе особняка Ипатьева в городе Свердловске.

Антисоветскими кругами на Западе периодически инспирируются различного рода пропагандистские кампании вокруг царской семьи Романовых, и в этой связи нередко упоминается бывший особняк купца Ипатьева в г. Свердловске.

Дом Ипатьева продолжает стоять в центре города. В нем размещается учебный пункт областного управления культуры. Архитектурной и иной ценности особняк не представляет, к нему проявляет интерес лишь незначительная часть горожан и туристов.

В последнее время Свердловск начали посещать зарубежные специалисты. В дальнейшем круг иностранцев может значительно расшириться, и дом Ипатьева станет объектом их серьезного внимания.

В связи с этим представляется целесообразным поручить Свердловскому обкому КПСС решить вопрос о сносе особняка в порядке плановой реконструкции города. Проект постановления ЦК КПСС прилагается. Просим рассмотреть.

Председатель Комитета госбезопасности
При Совете Министров СССР
Ю. Андропов.

26 июля 1975 года».

Достаточно оперативно, а именно 4 августа 1975 года, было принято секретное решение Политбюро ЦК КПСС, которым инициатива Ю.В. Андропова была одобрена. Решение было направленно в Свердловск для исполнения. Однако особняк, в бытность первым секретарем обкома Я.П. Рябова, снесен… не был. И лишь в ночь с 27 на 28 июля 1977 года, то есть ровно через два года после записки Ю.В. Андропова особняк был снесен, при следующих обстоятельствах. Дадим слово тогдашнему первому секретарю обкома Б.Н. Ельцину, который, напомним читателю, заступил на этот пост 2 ноября 1976 года. Поскольку это первое крупное преступление, совершенное Б. Ельциным на столь высоком посту. Цитата из его «Исповеди…» будет длинной, отчего заранее приносим извинения читателям.

«Нынче в эпоху гласности, идет много разговоров о доме Ипатьевых, в подвалах которого были расстреляны бывший царь и его семья. Возвращение к истокам нашей искореженной, изодран-

ной ложью и конъюнктурой истории — процесс естественный. Страна хочет знать правду о своем прошлом, в том числе и страшную правду. Трагедия семьи Романовых — это как раз та часть нашей истории, о которой было принято не распространяться.

Именно в те годы, когда я находился на посту Первого секретаря обкома, дом Ипатьевых был разрушен. Расскажу, как это произошло.

К дому, где расстреляли царя, люди ходили всегда, хоть и ничем особенным он сильно от соседних старых зданий не отличался, заселяли его какие-то мелкие конторки, но страшная трагедия, случившаяся здесь в 1918 году, заставляла людей подходить к этому месту, заглядывать в окна, просто молча стоять и смотреть на старый дом (когда-то сюда водили на экскурсии пионеров и иностранных гостей — расстрелом врагов трудового народа гордились. — *А.К.*).

Как известно, расстреляли семью Романовых по решению Уральского совета. Я сходил в областной архив, прочитал документы того времени. Еще совсем недавно факты об этом преступлении практически никому не были известны, существовала фальсифицированная версия в духе «Краткого курса», поэтому легко представить, с какой жадностью я вчитывался в страницы, датированные 18-м годом. Только в последнее время о последних днях семьи Романовых были опубликованы несколько подобных документальных очерков в нашей прессе, а тогда я оказался одним из немногих, кто прикоснулся к тайне жестокого расстрела царя и его семьи. Читать эти страницы было тяжело.

Близилась одна из дат, связанная с жизнью последнего русского царя (59-летие расстрела. — *А.К.*). Как всегда, на западе, в газетах и журналах, появились новые исследования, что-то из этих материалов передавали западные радиостанции на русском языке. Это подхлестнуло интерес к дому Ипатьевых, люди приезжали посмотреть на него даже из других городов. Я к этому относился совершенно спокойно, поскольку совершенно понятно было, что интерес этот вызван не монархическими чувствами, не жаждой воскресения нового царя.

Здесь были совсем другие мотивы — и любопытство, и сострадание, и дань памяти, обыкновенные человеческие чувства.

Но по каким-то линиям и каналам информация о большом количестве паломников к дому Ипатьевых дошла до Москвы. Не знаю, какие механизмы заработали, чего наши идеологи испугались, какие совещания и заседания проводились, тем не менее получаю секретный пакет из Москвы.

Читаю и глазам своим не верю: закрытое постановление Политбюро о сносе дома Ипатьевых в Свердловске. А поскольку

постановление секретное, значит обком партии должен на себя брать всю ответственность за это бессмысленное решение.

Уже на первом же бюро я столкнулся с резкой реакцией людей на команду из Москвы. Не подчиниться секретному постановлению Политбюро было невозможно. И через несколько дней, ночью, к дому Ипатьевых подъехала техника, к утру от здания ничего не осталось. Затем это место заасфальтировали.

Еще один печальный эпизод эпохи застоя. Я хорошо себе представлял, что рано или поздно всем нам будет стыдно за это варварство. Будет стыдно, но ничего исправить уже не удастся»[1].

Не будет стыдно Б. Ельцину за это преступление по одной простой причине — ни стыда, ни совести у этого перевертыша и в помине не было и никогда не будет. И вся описанная трогательная история, как он «боролся» со своей совестью — беспардонная ложь и бессовестное фарисейство:

«Не выполнить постановление Политбюро? Я, как первый секретарь обкома, даже представить себе это не мог. Но если бы даже и ослушался — остался бы без работы. Не говоря уж про все остальное. А новый первый секретарь обкома, который бы пришел на освободившееся место, все равно выполнил бы приказ» — это уже цитата из другой книги Б. Ельцина — «Записки президента», вышедшей в 1994 году[2].

Видимо какие-то остатки совести сохранились, если спустя 8 лет он снова принялся оправдываться за совершенное святотатство. Но какой цинизм. Пресловутое постановление Политбюро пролежало два года, бывший первый секретарь обкома Я.П. Рябов и не думал его исполнять, потому что краеведы убедили его, что особняк купца Ипатьева необходимо сохранить как памятник истории. В своих мемуарах он не делится, как ему удалось убедить Москву, что нет необходимости в сносе дома, в котором размещался учебный пункт областного управления культуры, о чем даже в записке Ю.В. Андропова сказано, а не «какие-то мелкие конторки». Однако Б. Ельцину нужно было «преподнести подарок» к годовщине расстрела царской семьи и отчитаться перед Москвой о выполнении уже забытого там напрочь постановления — вот и наплел сто боченков с чертями (а заодно уколол либерального предшественника, а вернее донес, что тот не исполнил своевременно секретное постановление Политбюро ЦК КПСС).

---

[1] *Б. Ельцин.* Исповедь на заданную тему. Ассоциация уральских издателей. 1990. С. 72—73.

[2] Цит. по: *А. Хинштейн*. Ельцин. Кремль. История болезни. М.: «Олма Медиа Групп», 2008. С. 58.

Такое рвение не осталось незамеченным инициатором всего этого безобразного мероприятия, а потому уже тогда был взят в разработку компетентными органами уральский погромщик с далеким прицелом на разгром более «крупных объектов» (КПСС, СССР, России).

Таким образом, за преступление, совершенное в годовщину расстрела семьи Романовых и абсолютно невинных людей из их обслуги, несут равную ответственность бывший Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного совета СССР Юрий Владимирович Андропов и бывший первый Президент Российской Федерации Борис Николаевич Ельцин. Преступление такого рода не имеют срока давности, и Россия, рано или поздно, предъявит им иск и сурово осудит, как осудил современный Ватикан преступления инквизиторов Средневековья и «извинился» перед их жертвами.

Через двадцать один год после совершенного святотатства, в июле 1998 года президент Ельцин примет личное участие в торжественном перезахоронение останков царской семьи. Испытывал ли он хотя бы в эти минуты чувство раскаяния, сотворил ли в глубине своей черной и черствой души покаяние за совершенное им преступление? Судя по суровому лицу и сжатым губам, как это запечатлели телекамеры, не испытал и не сотворил. Он снова играл хорошо отрепетированную роль, а его артистизму и театральным талантам можно только позавидовать.

А на месте снесенного Ельциным особняка купца Ипатьева ныне стоит православный храм, на церемонию освещения которого в 2003 году он приехать не смог, или побоялся — Бог ему судья.

Еще одно чрезвычайное происшествие, которое произошло в Свердловске весной 1979 года, носило и продолжает носить признаки преступления против ни в чем не виновных людей, и к которому прямое отношение имел первый секретарь обкома Б. Ельцин, а в последующем он же, но уже в качестве Президента Российской Федерации.

По официальной версии произошла вспышка эпидемии сибирской язвы. До сих пор никто не знает точное количество жертв этой трагедии: официально была названа цифра 64 человека, но впоследствии выяснилось, что погибло от 1000 до 2000 и даже больше человек. До сих пор не ясно до конца, что стало «пусковым механизмом» этой страшной трагедии. Беда невидимая и страшная, которую десятилетиями держали в тайне как от своего народа, так и мировой общественности. Она перестала в какой-то мере быть военным секретом лишь благодаря книге профессора Л. Федорова «История биологического оружия в России».

Вот некоторые фрагменты из этой книги, которая стала сенсацией, поскольку никто и никогда не осмелился бы сказать правду об «эпидемии сибирской язвы», случившейся в том памятном году в г. Свердловске.

«В апреле 1979 года в Чкаловском районе Свердловска (Екатеринбурга), расположенном в южной части города, случились события, забыть которые мы не сможем даже при жесточайшей информационной блокаде. Ничего не подозревавшие жители попали в облако биологического оружия, погубившего множество людей. Вылетело то облако из недр 19-го военного городка — секретного микробиологического центра Министерства обороны Советского Союза (в/ч 47051). Эти события, известные в настоящее время как «ЭПИДЕМИЯ СИБИРСКОЙ ЯЗВЫ В СВЕРДЛОВСКЕ В 1979 ГОДУ», было КРУПНЕЙШЕЙ БИОЛОГИЧЕСКОЙ КАТОСТРОФОЙ ВЕКА, которая сопровождалась множеством прямых и отложенных последствий. Она же была прямым доказательством готовности Советского Союза к масштабной биологической войне.

Неаккуратная работа завода биологического оружия оказалась причиной того, что из подземной штольни, которая соединяет военные городки №19 и №32, ранним утром 30 марта вырвалось облако биологического оружия, накрывшее южную часть Свердловска. 2 апреля наступила первая смерть человека от сибирской язвы, работника города Свердловск-19 Ф.Д. Николаева. 4 апреля — прибыл в Свердловск начальник 15-го управления Генштаба Вооруженных сил СССР генерал-полковник Е.И. Смирнов, а вслед за ним — специалисты Минздрава СССР — замминистра здравоохранения СССР генерал П.Н. Бургасов и главный инфекционист Минздрава СССР В.Н. Никифоров, а также заместитель председателя КГБ СССР генерал В.П. Пирожков.

13 апреля 1979 г. — начало организованных похорон погибших, число которых исчисляется уже сотнями. Несмотря на многочисленные смерти и официальный статус диагноза «сибирская язва», его не позволили вписывать в свидетельства о смерти граждан, которые погибли, по официальным сообщениям, от этой болезни. Стандартные записи были иными — ОРЗ, пневмония, бактериальная пневмония, отравление неизвестным ядом, сепсис, инфаркт и другие. В первые же дни трагедии стало ясно, что статистика будет убийственной, и что, самое главное, ничто не сможет изменить это. Против биооружия не было противоядий. Военные биологи и КГБ изъяли в семьях погибших практически все свидетельства о смерти. Главный эпидемиолог Чкаловского района В.Н. Перлин, имевший доступ в военный городок №19 до эпидемии, лишен пропуска на территорию. 21 апреля

1979 г. — начало сплошной вакцинации гражданского населения. Привито порядка 50 тыс. человек. Состав вакцины неизвестен поныне. Часть людей стали инвалидами. 12 июня 1979 г. — смерть последнего погибшего в районе эпидемии «сибирской язвы». Ноябрь 1979 г. — публикация в русскоязычном журнале, издавшемся в Западной Германии, что в апреле из-за аварии на военном заводе в пригороде Свердловска смертоносные бактерии попали в атмосферу. 12 июня 1980 г. — сообщение ТАСС о том, что события 1979 года в Свердловске были связаны с «естественной вспышкой сибирской язвы среди домашних животных». Август-ноябрь 1990 г. — попадание в советскую печать первой информации о реальном источнике смертоносного облака — военном городке Свердловск-19, а также о реальной статистике.

В основу операции прикрытия, разработанной КГБ СССР, легла «мясная» версия событий. На стенах домов появились красочные плакаты с нарисованной коровой и подписью «сибирская язва». Наиболее изощренным элементом операции прикрытия можно считать распоряжение о сжигании конфискованного мяса в печах керамического завода. По свидетельству генерала КГБ А.Я. Миронюка, «была разработана целая программа по дезинформации общественного мнения в стране и в мире. Респектабельный советский генерал-академик П. Бургасов свою часть «программы» выполнил на «отлично». Комитетчики подсунули ему данные об «обнаружении» в «26 населенных пунктах вдоль Челябинского тракта, соединяющего Свердловск и Челябинск… 27 случаев заболевания скота сибирской язвой». П. Бургасов не только охотно проглотил эту чекистскую стряпню, но и столь же охотно понес ее дальше во время своей поездки в США в 1988 году. Сделаем оговорку: легочная форма сибирской язвы, на основе которой и было создано биооружие, не имеет ничего общего с кожной формой, поражающей коров и никогда не вызывающей среди людей эпидемий. Об этом написали американские и европейские газеты, старающиеся разбить в пух и прах чекистскую легенду. Спустя много лет от легенды насчет пресловутого «Челябинского тракта» открестился самый знающий человек — главный ветеринар Свердловской области. Как оказалось, за 20 лет его работы на этом посту сибирская язва не попадала от скота в пищевую сферу ни разу.

Цифра погибших — 64 человека, которую озвучил генерал — врач П.Н. Бургасов во время поездки по США, несерьезна. Фактическое число смертей было в 20—30 раз выше официальной цифры. Речь идет о цифрах 1000—2000 умерших, из них четверть — военнослужащие, это жертвы, соответствующие вирулентности микроба».

Трагедию в военном городке Свердловск-19 федеральные военные и чекисты взяли под свой полный контроль. Первому секретарю обкома КПСС Б. Ельцину давали весьма скудную информацию о произошедшем, чему он втайне радовался, что ему не придется отвечать за гибель мирного населения и военнослужащих городка. И он, возможно, в итоге забыл бы об этой трагедии, как и многих других событиях в своей жизни.

Так, в своей «Исповеди…», спустя всего лишь семь лет после трагедии, он с трудом вспоминает о сути произошедшего, акцентируя внимание на почти анекдотическом эпизоде, случившемся в его кабинете:

«Однажды у нас произошел трагический случай, связанный с вспышкой заболевания сибирской язвой. Для проверки, выяснения обстоятельств в Свердловск приехал заместитель председателя КГБ В.П. Пирожков. Это было в первые годы моей работы (первым секретарем обкома. — *А.К.*). Сидели у меня втроем — я, Пирожков, Корнилов (генерал-майор Ю.И. Корнилов в то время был начальником УКГБ Свердловской области. — *А.К.*). Шла спокойная беседа, и Корнилов, между прочим, сказал, что Управление КГБ работает дружно с обкомом партии. И вдруг Пирожков рявкнул: «Генерал Корнилов, встать!» Тот соскочил, руки по швам. Я тоже в недоумении. Пирожков, чеканя каждую фразу, произнес: «Зарубите себе на носу, генерал, во всей своей деятельности вы должны не дружно работать с партийными органами, а вы должны работать под их руководством, и только». Такая вот забавная сцена произошла»[1].

Однако, История дама весьма капризная и непредсказуемая, она «заставила» уже президента России Б. Ельцина «вспомнить» о тех, отнюдь не «забавных» печальных событиях. Вот как об этом пишет профессор Л. Федоров:

«В конце 1991 года президент России Б.Н. Ельцин поручил своему советнику по вопросам экологии и медицины А.В. Яблокову разобраться в существе вопроса, связанного с трагедией в Свердловске.

Процесс этот изобиловал драматическими моментами.

Некоторое представление о них дает фрагмент беседы президента России Б.Н. Ельцина с американским президентом Д. Бушем. В изложении самого Б.Н. Ельцина это выглядело так: «Я сказал: мы вас, господин Буш, все еще обманываем. Мы обещали ликвидировать бактериологическое оружие. Но некоторые эксперты

---

[1] *Б. Ельцин.* Исповедь на заданную тему. Ассоциация уральских издателей. 1990. С. 75.

сделали все возможное, чтобы я не узнал правды. Было нелегко, но я их перехитрил. Поймал с поличным. Нашел два полигона. Засевают грядки сибирской язвой, потом пускают туда зверье и смотрят, как и когда животные дохнут. Моя забота, чтобы…смертельная угроза, нависшая над некоторыми районами страны, была бы грамотно ликвидирована».

На президентском уровне эта история закончилась решением, то есть, Указом №390 от 11 апреля 1992 года «Об обеспечении выполнения международных обязательств в области биологического оружия», где устанавливалась, «что на территории Российской Федерации не допускается разработка и осуществление биологических программ в нарушение Конвенции о запрещении разработки, производства и накопления запасов бактериологического (биологического) и токсинного оружия и об их уничтожении».

Что касается пострадавших людей, то тут дело обстоит сложнее. Утверждается, что в период своего недолгого управления Советским Союзом Ю.В. Андропов будто бы хотел оказать материальную помощь семьям, в которых были погибшие при эпидемии сибирской язвы 1979 года.

Так это или не так, установить уже не возможно. Однако о реальной практике можно судить по событиям 1991—1992 годов, когда возможность обеспечить социальную защиту пострадавших была и когда она вполне сознательно не была использована государственной бюрократией».

А события эти таковы. Народный депутат РСФСР, избранный по избирательному округу г. Свердловска Л.П. Мишустина обратилась к Президенту Б.Ельцину с депутатским запросом следующего содержания:

«Президенту РСФСР Б.Ельцину.
Депутатский запрос.

Уважаемый Борис Николаевич!

Мой запрос касается события, Вам хорошо известного. В апреле 1979 г. в Свердловске была вспышка сибирской язвы. Это — официальная версия. Я думаю, что Вы не хуже меня знаете, что смерть около семидесяти человек была следствием выброса бактериологического оружия, прошедшего в, так называемом, 19-м военном городке. Я прошу Вас познакомиться с публикациями в «Литературной газете» (22.08.90 г. и 2.10.91 г.).

Прошу Вас провести официальное расследование случившегося, так как это прошлое стучится в наше настоящее. Военные продолжают отрицать свою причастность к происходящему. Но останутся открытыми все вопросы. Семьи погибших получили по 50 рублей, но, мне кажется, те богатейшие ведомства, чью вину

пока никто не хочет доказывать, должны хотя бы материально оправдаться перед семьями погибших.

Борис Николаевич! Сегодня, на мой взгляд, необходимо вернуться к этой теме. Я понимаю, для Вас данный шаг будет непростым, но настаиваю на этом.

Прошу Вас не оставлять без ответа мой депутатский запрос.

Народный депутат РСФСР *Л.П. Мишустина.*

Свердловск».

Не дает «покоя» Президенту Государственный советник РСФСР по экологии и здравоохранению академик А.В.Яблоков.

«Президенту РСФСР Ельцину Б.Н.

Глубокоуважаемый Борис Николаевич!

Анализ показал, что для улучшения материального обеспечения семей умерших необходимо доказать, что заболевания были связаны с деятельностью предприятий Минобороны СССР. В этом случае, в соответствии с Законом РСФСР «О государственных пенсиях», можно ставить вопрос о максимальной пенсии, как при военной травме или заболеваниях, полученных в период военной службы.

По сведениям Госкомсанэпиднадзора РСФСР, все документы, касающиеся этого события, были изъяты КГБ и военной прокуратурой СССР. По данным КГБ, все первичные документы были уничтожены.

Сейчас к этой проблеме вновь привлечено внимание миллионов в СССР и за рубежом, аргументировано критикуется версия происшедшего.

Представляется целесообразным: а) восстановить социальную справедливость и назначить повышенные пенсии семьям погибших; б) по примеру США ввести в законодательство уголовную ответственность за разработку биологического оружия.

Государственный советник РСФСР
по экологии и здравоохранению *А.В. Яблоков.*

2 декабря 1991 г.»

Были подготовлены предложения Министерства социальной защиты населения России об улучшении пенсионного обеспечения семей граждан, умерших вследствие заболевания, вызванного «неизвестными» бактериями, однако упорно называемого «сибирской язвой»:

«При рассмотрении вопроса об улучшении пенсионного обеспечения семей граждан, умерших вследствие заболевания сибирской язвой, Министерство считало бы возможным рассмотрение следующих предложений:

1. Установить, что пенсии по случаю потери кормильца семьям граждан, умерших в апреле — мае 1979 года в г. Свердловске, назначаются в порядке, предусмотренном действующим пенсионным законодательством в размере возмещения фактического ущерба, определяемого в соответствии с Правилами возмещения предприятиями, учреждениями, организациями ущерба, причиненного рабочим и служащим увечьем либо иным повреждением здоровья, связанными с исполнением ими трудовых обязанностей, утвержденным постановлением Совета Министров СССР от 3 июля 1984 года, но не ниже размеров, предусмотренных Законом РСФСР «О государственных пенсиях в РСФСР».

2. Установить, что пенсии по случаю потери кормильца вследствие заболевания сибирской язвой семьям граждан, умерших в апреле — мае 1979 года в г. Свердловске, назначаются в порядке и по нормам, установленным Законом РСФСР «О государственных пенсиях в РСФСР» для пенсий по случаю потери кормильца вследствие военной травмы.

Заместитель министра социальной
защиты населения РСФСР *А.А. Климкина.*

28 февраля 1992 г.»

Далее профессор Л. Федоров пишет:

«На рубеже 1991—1992 годов обстановка в России была такова, что положительное решение этого, в общем, если рассуждать прагматично, не очень дорогостоящего вопроса вполне могло быть достигнуто. Во всяком случае, начиная с декабря 1991 года, на основании депутатского запроса народного депутата РСФСР Л.П. Мишустиной при активном участии государственного советника РСФСР по экологии и здравоохранению А.В. Яблокова началась подготовка соответствующего правового акта. Однако деятельность государственного чиновничества по активному торможению подобного рода решений была более успешной.

И хотя 4 апреля 1992 года президент РФ Б.Н. Ельцин подписал необходимый закон, который вошел в действие с 1 мая 1992 года, цитировать его не имеет никакого смысла — по этому закону не получил и не получит компенсацию НИКТО.

Причин несколько.

Во-первых, ни у одного человека, погибшего во время эпидемии 1979 года, свидетельство о смерти не фиксирует факта смерти именно «вследствие заболевания сибирской язвой».

Во-вторых, не было никакой возможности преодолеть отсутствие диагноза с помощью иных медицинских документов. В медицинских учреждениях города после тотальной чистки, устроенной силами КГБ, не было уже ни одного документа, который бы

касался тех прискорбных событий и который бы мог служить основанием для защиты людей если не в рамках специального закона, то хотя бы в суде.

В-третьих, в законе России было указано, что вред здоровью рабочих и служащих, возникший от заболевания, должен быть жестко связан с «исполнением ими трудовых обязанностей». Нельзя не отдать должного изяществу этого бюрократического изыска, если учесть, что большинство гражданских лиц было накрыто смертоносным облаком не на рабочем месте, а прямо на улицах города: они пострадали не в процессе своего «труда», а совсем иначе.

В-четвертых, все предыдущие рассуждения ничего не стоят без главного — официального признания Минобороны России самого факта утечки возбудителя сибирской язвы весной 1979 года. Разумеется, этого признания нет, и оно не появится никогда.

Таким образом, отдавая должное мужеству тех, кто пытался обеспечить социальную защиту жителей Свердловска, в той или иной форме пострадавших в 1979 году в результате непредумышленного (будем так надеяться) преступления, мы вынуждены сделать пессимистичный вывод. Никто из тысяч людей, попавших под военно-биологическую колесницу, не был защищен государством. И уже никогда не будет».

Переживал ли Борис Николаевич, в самом деле, о той трагедии? Что было для него важнее во время переговоров с американским президентом Д. Бушем — искреннее сострадание к пострадавшим людям или же собственные амбиции? Хотелось ли Ельцину на примере Свердловска показать американцам порочность военной системы советских лет? Не думаем, что в его черную душу пробился хотя бы слабенький росток сострадания. Скорее всего ему страстно хотелось засвидетельствовать перед американским президентом свою рабскую преданность, что он проделает в своей жизни еще не раз, продавая оптом и в розницу многострадальный народ России.

После поездки Б. Ельцина в Соединенные Штаты Америки, где он фактически выдал президенту Бушу секреты особой важности, поскольку СССР занимался разработкой новейших видов биологического оружия в нарушение Международной конвенции, запрещающей такую деятельность государствам, подписавшим Конвенцию, он больше уже не был так откровенным. Похоже, ему популярно разъяснили, что соблюдать закон «О государственной тайне» должны все граждане России, в том числе и ее Президент. Трагедия в Свердловске до сегодняшнего дня остается государственной тайной, вот почему во всех вышеприведенных

документах болезнь, от которой погибли люди, называется «сибирская язва». Возможно, что возбудителем неизвестной болезни действительно был один из штаммов вируса сибирской язвы. Другие специалисты полагают, что, судя по симптомам, это была или Q-лихорадка, или лихорадка Марбурга.

К уголовной ответственности никто не был привлечен, поскольку дезинформация населения была организована столь «грамотно», а все документы, где хоть что-то могло указывать на истинный характер разыгравшейся трагедии были уничтожены или «вычищены» столь тщательно, что виновников трагедии обнаружить не удалось, несмотря на свидетельства вышеприведенных специалистов, которые пытались донести до общественности правду о Свердловской трагедии. Осудили лишь одного человека — профессора Л. Федорова, который выступил в средствах массовой информации с разоблачительными материалами по поводу трагедии. Он знал, о чем говорил, поскольку длительное время сам работал по аналогичной тематике в одном из военных НИИ. Вина его очевидна — разглашение сведений, составляющих военную и государственную тайну. Вина военных и Хозяина Свердловской области не столь очевидна, а по прошествии времени она вообще испарилась, «как сон, как утренний туман».

Б. Ельцин, заступив на должность первого секретаря обкома, любил повторять, что он в Свердловске и одноименной области «Хозяин» и ему подвластны решения многих вопросов:

«А вообще, конечно же, в те времена первый секретарь обкома партии — это Бог, Царь. Хозяин области… власть Первого — практически безгранична… Мнение Первого секретаря практически по любому вопросу было окончательным решением. Я пользовался этой властью, но только во имя людей, и никогда — для себя. Я заставлял быстрее крутиться колеса хозяйственного механизма. Мне подчинялись, меня слушались, и благодаря этому, как мне казалось, лучше работали предприятия»[1].

Так почему же «Хозяин» области, который все может, а бесстрашия ему не занимать, вдруг спасовал перед московскими чиновниками, которые были озабочены лишь тем, как надежнее скрыть преступление? Почему он не пошел на них напролом, чтобы защитить людей, поверивших в него, как в Бога? Куда девалась его хваленная отвага, благодаря которой он в разгар ночной бури, рискуя жизнью, забирался в одних трусах на башенный кран, или отгонял перед носом мчавшегося поезда на переезде машину с

---

[1] *Б. Ельцин.* Исповедь на заданную тему. Ассоциация уральских издателей. 1990. С. 75.

бетоном? Вот когда выяснилось, что все вышесказанное — блеф, самореклама, банальное вранье и хвастовство, короче байки «дедушки Бориса».

А когда случилась страшная трагедия с многочисленными человеческими жертвами, куда девалась его партийная принципиальность, его человеколюбие, граничащее с самоотречением, бесстрашие, наконец?

Это чудовищное преступление Президента Б. Ельцина осталось безнаказанным, как и другие преступления, о которых уже сказано выше и о которых нам еще предстоит рассказать. Тяжесть этого преступления усугубилась тем, что людям, пострадавшим от последствий произошедшей катастрофы, беззастенчиво лгали, им не была оказана необходимая помощь, хотя все возможности для этого были. Издав федеральный закон-пустышку, Президент Ельцин как бы прикрыл преступление, подобно фиговому листку, прикрывающим срам у древнегреческих скульптур, но ничего для семей пострадавших фактически не сделал.

Ну ладно, преступник президент, как напакостивший кот, который при этом льнет к ногам хозяина, формально извинился перед народом в канун нового XXI века, досрочно уходя в отставку, но его невыполненные обязательства перед пострадавшими в Свердловской катастрофе остались! Почему преемник Б. Ельцина — президент Путин, отсидев два срока на престоле, не взял на себя ответственность за грех своего предшественника? Ему-то, покрывшему все преступления Б. Ельцин своим Указом о статусе ППР, чего стоило вернуться к этому вопросу и расставить наконец-то все точки над известной буквой.

Не расставил, забыл, а скорее всего сделал вид, что не знал, не помнил. Так и передал эстафету с тяжкими грехами предшественника своему преемнику — Президенту Д. Медведеву. Обращаемся к Президенту Д.А. Медведеву.

Уважаемый Дмитрий Анатольевич!

Вы уже проявили себя в качестве ответственного хозяина страны за народные страдания. Вот уже пообещали не ранее, чем закончиться срок Вашего правления, обеспечить всех (буквально всех!!) участников и инвалидов Великой Отечественной войны, нуждающихся в улучшении жилищных условий — отдельными квартирами. Низкий Вам поклон от лица этих Великих воинов — страдальцев на наше нынешнее существование.

Убедительно просим Вас, решите эту проблему, отмените ельцинский закон-пустышку и верните людям надежду на компенсацию тех безвозвратных потерь, которые явились следствием непредсказуемого применения биологического оружия против собственных граждан.

Интересна, на наш взгляд, литературная версия случившегося в обработке замечательного психолога А. Гранатовой, изложенная в книге «Клан Ельциных» (М., «Алгоритм», 2008. С. 52-58): «Борис Ельцин — невольный участник катастрофы» и «Микробы в погонах». Приводим эти главы книги без изъятий:

«БОРИС ЕЛЬЦИН — НЕВОЛЬНЫЙ УЧАСТНИК КАТАСТРОФЫ.

НАША ВЕРСИЯ[1]:

...Теплое весеннее утро не предвещало никакой беды. Четвертого апреля 1979 года в приемной Бориса Ельцина объявились незваные гости из Москвы. Ранее этих людей он никогда не видел, и их появление не на шутку напугало первого секретаря обкома. Еще бы! КГБ был силой, которая могла напугать кого угодно.

— Борис Николаевич, к вам — зампредседателя КГБ СССР, генерал Пирожков, — доложила обеспокоенная секретарша.

Борис Николаевич машинально провел ладонью по лбу. Увидеть столь высокого гостя у себя в кабинете он никак не ожидал. После всех репрессий, обрушившихся на его семью по линии КГБ, от этого ведомства Борис Ельцин ничего хорошего не ожидал. И только в самом страшном сне ему могло привидеться, как его вызывают на Лубянку в Москву. Но чтобы всесильная элита КГБ сама выезжала в провинцию... Такого быть не могло! И все же это было реальным фактом. Значит, случилось что-то серьезное.

Генерал Пирожков вошел в кабинет быстрой уверенной походкой. Без тени улыбки на лице. Даже формальной. Ого! Это настораживало еще больше. Ельцин сделал несколько шагов навстречу и официально протянул руку для рукопожатия. Пирожков сжал ее изо всех сил, что называется, до слез. «Вот она, железная чекистская хватка», — мелькнуло в голове. По напряженному лицу генерала глава обкома понял, что с ним в бирюльки играть не собираются.

Пирожков сел без предупреждения в кожаное кресло напротив Ельцина. Поставил рядом пухлый кожаный портфель. Ельцин испытующе глядел на комитетчика.

— Вам уже доложили о гибели товарища Федора Николаева? — осведомился генерал тяжелым баритоном.

Николаева? Какого еще такого Николаева? И при чем тут он, Борис Ельцин? И как это связано с КГБ?

Глава обкома пожал плечами.

— Нет. А кто это, Николаев?

— Обычный житель Свердловска. Он скончался 2 апреля.

---

[1] То есть версия А. Гранатовой. — *А.К.*

Обычный житель? Вот это да! Да мало ли обычных работников погибает? Даже если он погиб какой-то удивительной смертью, причем тут КГБ? Не достаточно ли заняться этим делом местной свердловской милиции. Что за чертовщина? Почему из-за этого Николаева перед главой обкома сейчас сидит действующий генерал комитета госбезопасности?!

— Простите, товарищ генерал, но я не понимаю, каким образом гибель этого... Николаева связана с вашим визитом.

— Вам в самом деле ничего не известно?.. Ваши подчиненные вас плохо информируют.

— Возможно. Я оставлю их без премиальных и объявлю строгий выговор с занесением в личное дело, — бросил первое пришедшее в голову Борис Ельцин, и дрогнувшим голосом добавил: — Объясните, что случилось. Я рад быть полезным комитету госбезопасности.

Генерал Пирожков долгим пронзительным взглядом оценивал главу свердловского обкома. Казалось, что чекист опустил какой-то зонд в самое нутро Ельцина, отчего тот почувствовал неприятный нервный холод.

— Товарищ Николаев скоропостижно скончался от легочной формы сибирской язвы.

Этим было сказано все.

«Свердловск-19» — мелькнуло в голове у Ельцина. Да! Тот самый засекреченный военный объект, где шли работы с боевыми штаммами сибирской язвы.

— Эта смерть — первая, но к сожалению, не последняя, — продолжил генерал, тяжело роняя слова. — Я здесь для того, чтобы оценить масштабы ЧП в военном городке, а также чтобы привлечь вас к операции прикрытия.

«Привлечь к операции прикрытия!», — мысленно повторил Ельцин, разглядывая генеральские погоны. — Уже хорошо, что не к ответственности».

Глава обкома заерзал в своем кожаном кресле, и оно под ним натужно заскрипело.

— Борис Николаевич, в приемную подошли начальник 15-го управления Генштаба Вооруженных сил, генерал-полковник Смирнов, а вместе с ним замминистра здравоохранения генерал Бургасов и главный инфекционист Минздрава СССР товарищ Никифоров, — доложила секретарша.

Ельцин вздрогнул и вопросительно посмотрел на зампреда КГБ.

— Приглашайте, Борис Николаевич, — кивнул головой Пирожков. — Эти люди подошли как раз по нашему вопросу.

Ельцин неуклюже встал с кожаного кресла и торопливо пошел открывать дверь гостям. Они вошли, все как один с тревожно сдвинутыми к переносице бровями. Ельцин тогда подумал, что вот как может людей сближать трагедия даже лица становятся похожими.

Вслед за незваными гостями вошла секретарь и внесла на посеребренном серебряном подносе чайный сервиз с темно-синей кобальтовой гжельской росписью. Это была формальность. К чаю никто даже не собирался притрагиваться.

Ельцин широким жестом правой руки пригласил всех за стол переговоров.

— Каковы оперативные данные по аварии в городке Свердловск-19? — начал разговор зампред КГБ.

Гости потянулись к пухлым портфелям и достали какие-то сводки. Появилась и топографическая карта города. Ее разложили на огромном столе.

— Вот здесь, — начал густым басом генерал Смирнов, — находится закрытый военный городок. — С этими словами руководитель 15 управления Генштаба ткнул в карту отточенным карандашом. — А вот сюда направилось облако со спорами сибирской язвы...

— Насколько это опасно? — перебил Пирожков, обращаясь к военному медику.

— Это очень опасно, — покачал головой замминистра Минздрава Бургасов, — Ведь это не обычная сибирская язва. Это особая культура, вызывающая легочную форму болезни и поражающая преимущественно мужчин призывного возраста... Смертность близка к 100%. — Генерал-врач намеренно избегал слов «биологическое оружие».

— Количество жертв может исчисляться сотнями, если не тысячами, — кивнул главный инфекционист Минздрава Никифоров.

— Что мы можем сделать для сокращения количества жертв? — спросил Пирожков. — Вакцинацию провести можем?

На мгновение зависла пауза. Слышно было звон весенней капели за окном.

— Можем. Но эффект будет минимален. У нас... нет сейчас достаточно эффективной вакцины против сибирской язвы... — опустив голову, сказал генерал-врач Никифоров, — Это ведь... особая культура, с четкой вирулентностью, то есть повышенными поражающими свойствами.

— Как же так? — вскипел Ельцин. — Вы, медики, изобретаете новые формы болячек, а противоядия к ним не создаете!

— Борис Николаевич, я вас прошу помолчать! — командным тоном отрезал чекист Пирожков. — Такие формы, как вы вырази-

лись, болячек, — не вопрос медицины. Это вопрос политики. Международной политики. Россия находится в состоянии холодной войны. — И затем уже мягче добавил: — Вы нам лучше скажите, кто в городе обладает достаточной компетенцией по инфекционным заболеваниям и кто может разобраться в картине происходящего?

— Наш главный городской эпидемиолог, — пожал плечами Ельцин и как-то неуверенно добавил, заглянув в официальный телефонный справочник, — Виктор Перлин. А что, он нам нужен?

— Нет, не нужен. Этим делом будем заниматься только мы, — сказал Пирожков, — А вам, Борис Николаевич, я поручаю: блокировать этому эпидемиологу и людям его уровня компетенции доступ к информации по ЧП.

— Наши свердловские медики вам не нужны?

— Для них это дело слишком серьезно. Итак, первое. Их всех надо лишить пропуска в военный городок Сведловск-19. Далее... Так, берите ручку и записывайте...

Под тяжелым взглядом чекиста Ельцин послушно, как школьник, потянулся за авторучкой и бумагой.

— Вся рабочая информация, а именно: карты, медицинские справки, свидетельства о смерти — все это должно быть передано в архив КГБ. Нарушители этого распоряжения будут наказаны. И все-таки, что мы можем сделать для людей? — Пирожков оглядел собравшихся. — Как нам уменьшить количество человеческих жертв?

— Как бы события ни развивались, мы не должны допустить паники в городе, — нарушил паузу эпидемиолог Никифоров, — А также утечки информации в прессу, особенно в зарубежную... Все, что мы сейчас можем сделать для людей реально, — это сохранить их психическое здоровье. Необходимо засекретить всю информацию по ЧП.

— И более того — необходимо разработать операцию прикрытия! — по-военному четко отрапортовал генерал Смирнов. Мы начинаем войну на особом фронте, и методы работы нам потребуются военные. Необходима грамотная дезинформация населения, отечественной и зарубежной прессы. Готов, как специалист Генштаба, предложить план... Сибирской язвой, к счастью, болеют не только люди, но и животные...

— Это совсем разные формы, — вставил Никифоров. — У животных это кожная форма, и она никогда не вызывает людских эпидемии. А здесь — легочная форма особого штамма...

— А мне идея товарища Смирнова нравится, — отреагировал генерал-врач Бургасов, мгновенно уловивший суть сказанно-

го. — Это только мы с вами, только врачи вроде меня, защитившего докторскую по сибирской язве, разбираемся в клинике. А население-то ничего не знает...

Микробы в погонах

Наконец-то Борис Ельцин оказался дома. Голова трещала — сегодня он устал больше обычного. Наина Иосифовна пошла на кухню — разогревать котлеты. Подавая ужин, жена обеспокоенно посмотрела на мужа.

— Боря... Я уж боюсь теперь тебя котлетами кормить.

— Да?!

— Да. Больше делать, наверно, не буду эти котлеты...

— Почему? — Борис высоко поднял брови, уплетая за обе щеки аппетитную домашнюю котлету с поджаристой корочкой.

— Я сегодня видела в городе несколько плакатов... с больной коровой. Написано, что надо опасаться употребления в пищу говядины. Санитарные врачи обнаружили на нашем городском рынке мясо, зараженное сибирской язвой. Представляешь, какой кошмар? Приходили эпидемиологи… С какими-то приборами. Брали пробы мяса. Теперь все боятся покупать мясо. На рынке — все в панике. И продавцы, и покупатели. Люди говорят, что в городе началась эпидемия сибирской язвы.

Борис красноречиво махнул рукой.

— Не обращай внимания!

— Что значит, «не обращай внимания»? Я была не только на рынке. Знаешь, как народ переполошился? Говорят, на нашем керамическом заводе уже начали сжигать трупы зараженных сибирской язвой коров...

«Вот это да! Неплохо работает чекистская операция прикрытия, даже жену мою умудрились напугать», — мелькнуло в голове у Ельцина, но как утешить Наину, как сказать ей, что коровы, которых сжигают в печах керамического завода, выполняют функцию «дезинформации населения» и не имеют ничего общего с реальной картиной?! О реальной картине говорить ему запретили строго-настрого.

— Ная, если бы произошло что-то серьезное, то мне обязательно доложили бы, — попытался утешить жену глава обкома. — Но пока мне никто ничего не говорил. Я завтра обязательно все разузнаю по поводу плакатов с коровой, которые тебя так напугали...

Раздался телефонный звонок. Наина сняла трубку. Звонила старшая дочь Елена. Она едва не рыдала в трубку.

— Мам, здравствуй! Говорят, в городе началась эпидемия страшной болезни. Вроде, сибирской язвы. Что делать? Мне противопоказаны любые прививки, я ведь жду ребенка...

— Лена, успокойся. Только что об этой эпидемии я говорила с твоим отцом, он говорит: паника преждевременна. Он убежден, что вообще нет повода волноваться.

— Ну конечно! — Лена едва не кричала. — Он мужчина, и ему нет повода, а мне — рожать!

— Скажи Ленке, что я даже котлеты из говядины ем спокойно, — не отходя от обеденного стола, бросил Борис. — Пусть прекратит дергаться!

А в глубине души про себя подумал: «Ох уж эти военные, вечно мирным жителям не дают спасть спокойно. Была бы на них управа, я бы их научил уму-разуму...»»

Интересно отметить, что А. Хинштейн, для которого, повторимся: «…не осталось больше закрытых дверей и запретных тем», по прошествии, без малого, тридцати лет очень скромно «осветил» в своей книге свердловскую трагедию 1979 года:

«В 1979 году в Свердловске вспыхнула эпидемия сибирской язвы. Появились жертвы. По сей день причины произошедшего до конца не ясны. Экологи убеждены, что виной всему — утечка «исследовательских материалов» из военно-биологического центра Минобороны, более известного в народе как городок №19.

Центр этот занимался разработкой сверхсекретного бактериологического оружия. Захоронение его отходов велось в Седельниковской свалке в непосредственной близости от города. И якобы «материалы» из подземных стоков-накопителей просочились наружу, попали в воду и вместо потенциальных врагов штаммами сибирской язвы попотчеваны честные советские труженики (совсем неуместная ирония, Александр. — *А.К.*).

По версии экологов, одним из тех, кто несет прямую ответственность за случившееся, был первый секретарь обкома. Именно Ельцин не принял упреждающих мер, не предотвратил трагедию, а потом сокрыл всю правду от жителей и на суровых репрессиях к виновным не настоял»[1].

Дались тебе, Александр, эти дотошные экологи, сорвавшие в итоге так тщательно спланированную операцию прикрытия трагедии вашими коллегами по ведомству. Правильно говорят, что бывших чекистов не бывает, и корпоративные интересы превыше всего. Один ли Ельцин «сокрывал всю правду от жителей», и по своей ли «доброй» воле он ее «сокрывал». Не наградили ли часом генерала В.П. Пирожкова и иже с ним других высокопоставленных персон высокими правительственными наградами за

---

[1] *А. Хинштейн.* Ельцин. Кремль. История болезни. М.: «Олма Медиа Групп», 2008. С. 56.

тщательно спланированную и блестяще проведенную операцию по дезинформации перепуганного населения Свердловска и сокрытию правды о произошедшей трагедии от советского народа и мировой ответственности? Поделились бы своими, безусловно более глубокими, чем у Анны Гранатовой, знаниями тонкостей всей этой истории — «народ хочет знать»! Однако не всем дано иметь мужество — поделиться своими знаниями, как у профессора Л. Федорова, который ради правды сознательно взошел на Голгофу. Вам, уважаемый, Александр Евсеевич, подобная Голгофа уже не грозила бы, а вот несколько восторженных эпитетов к вышецитированной характеристике ваших журналистских, государственных и общечеловеческих достоинств, безусловно, было бы добавлено.

Между тем авторитет первого секретаря обкома стараниями подхалимов и лизоблюдов взметнулся на небывалую высоту, и Б. Ельцин возомнил себя первым после Бога. Все успехи области неизменно относились на его счет, словно он один возводил новые шахты, дороги и прежде всего знаменитую магистраль на север области до города Серова, метрополитен в Свердловске, новые жилые районы в областном центре и других городах области, десятки помпезных объектов и зданий: Дом актера, Театр драмы, Дворец молодежи, Дом политпросвещения и вершина всего его строительного гения — новое здание обкома партии — одно из шикарнейших в стране.

Каким образом он добивался признания своей исключительной роли в возрождении области и всенародной любви за отеческую заботу и внимательное отношение к их нуждам и запросам, говорит следующий, по сути незначительный, но весьма показательный эпизод его бурной деятельности, каковых было на его карьерном пути несметное множество. Пример этот взят из книги А. Хинштейна, а ему об этом поведал один из свердловских функционеров, пожелавший остаться неизвестным.

«В Свердловске остро не хватало колхозных рынков. Жители одного из городских районов много писали в обком, требовали свежих овощей и фруктов. В результате решение о строительстве рынка было принято, но когда к Ельцину пришли подписывать бумаги, он отложил их в сторону: «Пока не время».

А через несколько месяцев, приехав на встречу с жителями этого района, принялся расспрашивать: «Какие проблемы? Чем помочь?»

Граждане, понятно начинают талдычить о строительстве рынка. Ельцин внимательно их выслушал и прямо на месте, «идея навстречу пожеланиям трудящихся», чуть ли не на коленке подпи-

сывает решение о строительстве рынка. Еще и подчиненным досталось — «за нечуткое отношение к просьбам населения».

(Как похоже это на будущие его эффектные акции, типа подписания на броне БТРа указа о прекращении чеченской войны.)»[1]

О том, сколь значим был Б. Ельцин для всего трудового народа Свердловска и области, он без всякого смущения поведал в своих «Записках президента». Приводим эту довольно длинную цитату, которая, на наш взгляд красноречивее любых комментариев:

«Сегодня 7 ноября. Часть народа по привычке празднует, часть — иронически ухмыляется, глядя на красные знамена. Странное у меня отношение к этому празднику.

В Свердловске 7 ноября был для меня одним из самых напряженных рабочих дней. Организация народных торжеств в масштабе города с миллионным населением — занятие ответственное и утомительное. Однажды накануне праздника я возвращался в Свердловск. Ехать надо было километров шестьдесят, водитель сбился с пути, и в конце концов машина капитально застряла в какой-то канаве. Что делать? Темно, ничего не видно. В машине нет телефона, связаться с городом невозможно. Посмотрели по карте: до ближайшей деревни восемнадцать километров. Время — одиннадцать вечера. А в девять утра я должен быть в Свердловске. Если первое лицо в области не появляется 7 ноября, в главный праздник страны, на трибуне — это не катастрофа, это хуже. Такого не может быть. Значит, он либо умер, либо его сняли. А я не умер, меня не сняли, я полтора часа пытался вытащить «газик» из канавы, и во втором часу ночи стало понятно, что сегодня мы на этой машине никуда не уедем. Что будет завтра?

А у нас было не как в Москве, где на Красную площадь выходили только представители коллективов и демонстрация продолжалась два часа. У нас шли семьями через главную площадь, проходил весь город, и длилось это часа четыре-пять. Глаза закрою — и вижу эти бесконечные колонны людей, украшенные флагами и цветами, улыбающиеся, счастливые лица.

...И вот мы втроем, по колено в снегу, в кромешной тьме, бредем в сторону деревни, а я про себя считаю: по хорошей дороге быстрым шагом человек делает пять километров в час, значит, к тому времени, как мы по этому снегу добредем до деревни, уже утро настанет. Было градусов десять мороза, от нас валил пар. Вскоре мы уже падали с ног от усталости, хотелось лечь в снег и

---

[1] Цит. по: *А. Хинштейн.* Ельцин. Кремль. История болезни. М.: «Олма Медиа Групп», 2008. С. 49.

уснуть. Главное — не садиться, потом не встанешь... Один раз все-таки не выдержали, сели, и сразу — моментальное расслабление, тянет в сон, и потом встать просто невозможно. А шли по пашне, не по дороге.

Все-таки дошли до деревни часа в три ночи. Вся деревня, как назло, в дымину пьяная! В какой дом ни постучишь — все в стельку. Мы спрашиваем, где тут телефон, где можно трактор найти? Никто ничего ответить не может. Они уже вовсю празднуют.

Наконец, нашли трактор. Посадили тракториста, тоже пьяного, с собой в кабину. Время уже к шести. Меня дрожь берет. Покажи, где телефон, кричу трактористу, где телефон!.. Ничего понять не может. Все-таки нашли сельсовет, открыли дверь, дозвонились до начальника областной милиции. Я говорю: операцию надо провести быстро, точно, как вы умеете. Первое: срочно высылайте вертолет на ближайшую трассу. На место, куда мы доедем на тракторе, вышлите трезвого водителя, чтобы трактор отправить обратно в деревню. Продумайте маршрут по городу, чтобы я успел быстро доехать до дома. (В городе уже перекрывают движение, строятся колонны. А жил я от площади буквально в трех минутах ходьбы.) Исполняйте! Я должен быть на трибуне в половине десятого, максимум без двадцати...

В девять мы добрались без приключений на тракторе до дороги, вертолет уже кружит. Летчик видит нас, садится. Я впрыгиваю в вертолет, взмываем. В полдесятого вертолет садится на площадку аэропорта, к самому трапу подъехали машины, «скорая» и ГАИ. Прекрасно сработали гаишники — по городу промчались за какие-то минуты. Милиция на несколько секунд останавливала колонны, «разрезала» их, мы проскакивали, и колонны продолжали движение. Прямо со свистом доехали до моего дома, уже без пятнадцати десять. В этот момент я должен подниматься на трибуну. Дома все были предупреждены, и когда я открыл дверь, семья кинулась мне навстречу, кто с костюмом, кто с рубашкой, кто с галстуком. Все меня переодевали, а я в это время брился. С боем часов, в десять ноль-ноль я торжественно поднялся на трибуну. Успел!

Почему-то обязательно нужно успеть на трибуну, не опозориться. Страшная тревога. При малейшем ощущении своей беспомощности, скованности охватывает меня эта знакомая тревога»[1].

После этого злоключения и сам Борис Ельцин, и вся его семья жили в Свердловске одной мыслью: в Москву! в столицу! Сбудется и эта мечта Б. Ельцина и его семьи, дайте только срок!

Б. Ельцин был поистине публичным человеком, в самом, что ни на есть прямом смысле этого слова. «Может быть, сам того не

---

[1] *Б. Ельцин*. «Записки президента». Публикация в Интернете.

подозревая, он все время боролся с собственным комплексом неполноценности, намертво вбитым в него отцовским ремнем. Потому-то все свои подвиги Борис Николаевич неизменно совершает на публике. Подобно мифическому Антею, черпавшему свои силы из земли, Ельцин заряжался энергией от зрителей. Без них он просто недвижим…

Годы ельцинского правления в Свердловске ознаменовались проведением множества шумных кампаний. Он едва ли не первым в стране начал возводить МЖК — молодежно-жилищные комплексы, строящиеся силами самих же потенциальных новоселов; изобрел великий почин «коллективной ответственности», когда за прогул или любую другую серьезную провинность одного премий и наград лишали весь коллектив»[1].

При этом он утверждал и искренне верил в это сам, что он пользовался уважением и безграничной любовью окружающих его сотрудников и широких народных масс. Приведем один эпизод из его бурной, насыщенной делами жизни, о котором рассказал в своих мемуарах его верный оруженосец А. Коржаков:

«Очень показательной была его поездка в Чехословакию во главе свердловской делегации. В Праге у них возникло свободное время, и они зашли в оружейный магазин. От ружей, которые он увидел, Борис Николаевич ошалел: таких в Союзе отродясь не бывало. Но особенно ему запал в душу карабин «Зброевка». Уж он и прикладывался к нему, и прицеливался, только денег — все одно — не было. Даже руководителю делегации в загранкомандировки давали гроши. Ельцин грустный ушел.

А перед самым отлетом ему вдруг преподносят эту самую «Зброевку». Оказалось, что Федор Михайлович Мирщаков — секретарь обкома (он потом будет у нас работать управделами в Кремле) — обобрал всю делегацию, чтобы потрафить первому секретарю. Вытряс всю валюту до копейки.

Так Ельцин искренне посчитал, что это — знак любви подчиненных. Когда он пересказывал мне эту историю, специально подчеркивал: Видите, как люди меня любили. Уж так любили, что ни детям, ни внукам — подарков, ни больной матери — лекарство: последний кусок дорогому Борису Николаевичу»[2].

Однако все более стали заметны симптомы внутренней усталости. Девять лет, хотя и разнообразной и напряженной работы, срок достаточно большой, чтобы начать тяготиться ею. Чтобы ис-

---

[1] *А. Хинштейн.* Ельцин. Кремль. История болезни. М.: «Олма Медиа Групп», 2008. С. 50—51.

[2] Цит. по: *А. Хинштейн*. Ельцин. Кремль. История болезни. М.: «Олма Медиа Групп», 2008. С. 65.

пытать новый прилив сил и энергии Б. Ельцину требовалось сменить обстановку, начать виток новой работы на более высокой орбите. Он все чаще подумывает о Москве, сожалеет, что порвал со своим верным учителем — Я. Рябовым, о котором забыл сразу же, едва только тот переехал в Москву. Причина такой забывчивости крылась в том, что Рябов, хотя и собутыльничал с ним, но все-таки сдерживал его от чрезмерного увлечения алкоголем.

«Все чаще Борис Николаевич прикладывается к бутылке. Для него было в порядке вещей за обедом и ужином выпивать по стакану водки: причем не залпом, а прихлебывая, как компот. Те, кто играл с ним в волейбол, перед матчем в обязательном порядке должны были употребить по 150 граммов. За компанию с застрельщиком, ясное дело.

В минуты особого душевного расположения, то есть где-то после четвертой рюмки, Ельцин частенько демонстрировал подчиненным свой коронный номер — двустволку: широко распахивал рот и вливал в себя водку сразу из двух бутылок.

Стрельба из двустволки кончилась печально. В 1982 году у Ельцина случился первый сердечный приступ и эти показательные выступления пришлось сворачивать»[1].

К концу своей работы в Свердловске Б. Ельцин окончательно сформировался в качестве алкоголика.

«Длительное употребление чрезмерного количества алкоголя повреждает многие органы, в первую очередь печень, головной мозг и сердце. От воздействия спиртных напитков у больного может возникнуть патологический ритм сердечных сокращений (аритмия) и острая сердечная недостаточность»[2].

Наина Иосифовна, как могла, боролась с прогрессирующим пьянством супруга, но что она могла сделать с этим самовлюбленным человеком, для которого окружающие его люди воспринимались, как малые планеты, вынужденные вращаться вокруг Бога — Солнца. Подобно сонму подчиненных, она тоже была лишь пылинкой, малой планетой в орбите Ельцина.

Она прекрасно понимала, что если существующее служебное положение мужа — это вершина его карьеры и если они навсегда останутся в Свердловске, то Борис Николаевич очень плохо кончит. Поэтому она тоже мечтала о Москве, где училась ее младшая дочь Татьяна и где она стала работать по окончании факультета вычислительной математики и кибернетики Московского госу-

---

[1] Там же. С. 54.

[2] Цит. по: *А. Хинштейн.* Ельцин. Кремль. История болезни. М.: «Олма Медиа Групп», 2008. С. 55.

дарственного университета. Мало того, Татьяна уже дважды успела выйти замуж и родить внука для счастливых бабушки и дедушки, которого в честь деда назвали Борисом.

Стремление в Москву стократно возросло, но никаких предложений для Б. Ельцина не поступало, а внуку Борису уже четыре года и он жил со «стариками», тогда как ему очень требовалось постоянно ощущать материнское тепло. Семья должна во что бы то ни стало объединиться.

Однако родители уже давно поняли, что Татьяна ни за что не бросит полюбившуюся ей Москву, и если семье суждено объединиться, чтобы внук Борис рос в здоровой семейной обстановке, нужно как можно быстрее перебираться в Москву. Старшая дочь Елена их беспокоила меньше всего, она прочно обосновалась в Свердловске, второй раз вышла замуж (за пилота Валерия Окулова), поскольку первый брак был неудачным, хотя в этом браке в 1979 году родилась первая внучка четы Ельциных, которую назвали Катей.

Все помыслы о дальнейшей жизни у Ельциных были связаны только с Москвой. Стала мечтать о Москве и старшая дочь Елена. Второй брак оказался более удачным. В 1983 году у них родилась вторая дочь Мария (Валерий Окулов удочерил старшую дочь Елены — Екатерину, так что она не знала даже фамилию своего родного отца — Сергея Фефелова).

И вот свершилось! В апреле 1985 года в жизни семьи Ельциных произошли кардинальные изменения, «неожиданно» Б. Ельцину позвонил секретарь ЦК КПСС Егор Кузьмич Лигачев и от имени Генерального секретаря ЦК КПСС Горбачева предложил ему должность заведующего отделом строительства, от чего отказываться было бы совершенно неуместно, поскольку вся семья уже буквально грезила Москвой.

Итак, в памятный для всей страны день 12 апреля (День Космонавтики) 1985 года Борис Николаевич Ельцин приступил к работе в Москве.

Глава II
ВЗЯТИЕ МОСКВЫ

2.1. Кремлевские интриги

Москва! Как много в этом звуке
для сердца русского слилось.
Как много в нем отозвалось.

А.С. Пушкин

Перевод Б. Ельцина в Москву проходил по давно устоявшемуся ритуалу, сложившемуся в верхнем эшелоне всемогущего партийного аппарата. Любое предложение провинциальному руководителю о переводе его в Москву тщательно прорабатывалось в Секретариате и Политбюро ЦК КПСС и выносилось в качестве проекта соответствующего решения Политбюро на рассмотрение Генеральному секретарю. В случае одобрения со стороны последнего, машина кадрового перемещения кандидата начинала работать в обратном направлении с тем, чтобы то ответственное лицо, с которого начиналось изучение всей подноготной кандидата и под начало которого пойдет назначенец, сделал ему предложение, якобы исходящее и от него самого. Как правило, предварительное обсуждение кандидатуры происходило строго конфиденциально, чтобы не вызвать у последнего ненужных эмоций и преждевременных надежд, что, безусловно, скажется на качестве его работы на прежнем месте, в случае, если по каким либо причинам перемещение не состоится.

С небольшими нюансами и отступлениями от стереотипа в отношении Б. Ельцина все происходило именно так. Изучением вопроса о перемещении Б. Ельцина в Москву занимались Е.К. Лигачев и сам М.С. Горбачев, но предложение ему по телефону сделал секретарь ЦК В.И. Долгих, в подчинение которому как раз попадал Б. Ельцин в случае его согласия занять предложенный пост.

Слово самому «выдвиженцу», который в суете повседневных дел и забот, связанных с подготовкой к посевной кампании, вдруг вечером 3 апреля 1985 года, сразу же после проведения очеред-

ного бюро обкома, получил по телефону предупреждение, что с ним хочет переговорить товарищ Долгих:

«Не предполагал я, что именно в этот вечер мысли мои будут совсем в другом месте. В машине раздался телефонный звонок из Москвы. «Вас соединяют с кандидатом в члены Политбюро, секретарем ЦК товарищем Долгих». Владимир Иванович поздоровался, спросил, для вежливости, как дела, а затем сказал, что ему поручило Политбюро сделать мне предложение, переехать работать в Москву, в Центральный Комитет партии, заведующим отделом строительства. Подумав буквально секунду-две, я сказал, что нет, не согласен»[1].

Б.Н. Ельцин, как та невеста на выданье, с первого раза не согласился, обставив весьма «аргументированно» свой отказ, хотя по давно установившемуся правилу первое предложение следовало вежливо отклонить. Таков был партийный ритуал: необходимо было продемонстрировать готовность трудиться на своем старом месте, чтобы, чего доброго, наверху не подумали, что кандидат уже давно рвется в Москву и сидит на чемоданах. Тонкости этой «игры» Б. Ельцин знал превосходно, а потому практически мгновенно, не задумываясь, вежливо предложение В.И. Долгих отклонил, а «про себя подумал о том, о чем Владимиру Ивановичу не сказал». — О чем же подумал Б. Ельцин?: «…здесь я родился, здесь жил, учился, работал. Работа мне нравиться, хоть и маленькие сдвиги, но есть. А главное — есть контакты с людьми, крепкие, полноценные, которые строились не один год. А поскольку я привык работать среди людей, начинать все заново, не закончив дела здесь, я посчитаю невозможным»[2].

Все точно, по ритуалу. Как же можно бросить на полпути все, что задумано? Согласно этой логике никакое продвижение по службе вообще невозможно, поскольку всех дел по старой должности не переделаешь, они повторяются с закономерной периодичностью и давно уже превратились в повседневную рутину. Действительно, за девять лет на посту первого секретаря обкома Б. Ельцин познал все, увлечение работой на первых порах сменилось неизбежной усталостью, нужны были новые стимулы, чтобы заработать с прежней энергией. Нужно было снова таранить проблемы наподобие бульдозера, постоянно сворачивать горы. Но «Уральские горы», в понимании Б. Ельцина, были уже «своротчены». Что дальше? Уход на пенсию? Тихая заслуженная старость.

---

[1] *Б. Ельцин*. Исповедь на заданную тему. Ассоциация уральских издателей. 1990. С. 84.

[2] Там же.

Конечно же, нет. Зачем же тогда все эти новации, рекорды, громкие почины, постоянное стремление выделиться? Затем, чтобы заметили и выделили среди равных, таких же «хозяев» других краев и областей.

Нет, отказываясь от первого предложения, Б. Ельцин конечно соблюдал ритуал, но не только: «В тот момент я себе в этом отчет не дал, но, видимо, где-то в подсознании мысль засела, что члена ЦК, первого секретаря обкома со стажем девять с половиной лет — и на заведующего отделением строительства ЦК — это было как-то не очень логично. Я уже говорил, Свердловская область — на третьем месте по производству в стране, и первый секретарь обкома партии, имеющий уникальный опыт и знания, мог бы быть использован более эффективно. Да и по традиции так было: первый секретарь Свердловского обкома партии Кириленко ушел в свое время в секретари ЦК. Рябов — секретарем ЦК, а меня назначают завотделом. В общем, на его достаточно веские доводы я сказал, что не согласен. На этом наш разговор закончился»[1].

Вот это — уже ближе к делу! Не «подсознанием» Ельцин руководствовался, а обидой, поскольку он уже все сознательно просчитал и терпеливо ждал предложения о своем повышении. Он понимал, что рано или поздно соответствующее предложение должно поступить — не сидеть же ему в Свердловске до пенсии с его то «уникальными опытом и знаниями». Наверняка он уже давно прокрутил в своей «уникальной» голове все возможные варианты своего карьерного роста. Но только в Москву, и никак иначе!

И вот оно — долгожданное предложение, и тут же проблема. От первого предложения надо отказаться, но так, чтобы этот отказ прозвучал как безусловное согласие! Не попасть бы в глупое положение, как в том анекдоте про «продвинутых» леди и джентльменов. Мудрецу задали вопрос: почему выдающиеся умом джентльмены не женятся на столько же продвинутых красавицах леди? Ответ был следующий: леди на первое предложение всегда отвечают отказом, а джентльмены второй раз предложений не делают, так воспитаны.

Б. Ельцин с нетерпением ждал второго предложения, провел бессонную ночь, размышляя о предстоящей жизни в Москве. Кроме страстного желания «покорить» Москву, были также тревоги и сомнения. Возраст уже — 54 года, снова все начинать сначала: «В столице предстояло заново самоутверждаться, в Свердловске же авторитет и влияние Ельцина были безграничны» — отмечал в своих мемуарах верный оруженосец президента генерал Коржаков.

---

[1] *Б. Ельцин*. Исповедь на заданную тему. С. 85.

Однако, когда на второй день позвонил секретарь ЦК КПСС, член Политбюро Е.К. Лигачев с тем же предложением, Ельцин понял — надо соглашаться, поскольку третьего звонка может и не последовать. Для виду немного поломавшись, он дал свое согласие. Вот как сумел «уговорить» Е. Лигачев этого уральского упрямца: «… зная о предварительном разговоре с Долгих, он повел себя более напористо. Тем не менее я все время отказывался, говорил, что мне необходимо быть здесь, что область уникальная, огромная, почти пять миллионов жителей, много проблем, которые еще не решил, — нет, я не могу. Ну, и тогда Лигачев использовал беспроигрышный аргумент, повел речь о партийной дисциплине, о том, что Политбюро решило, и я, как коммунист, обязан подчиниться и ехать в Москву. Мне ничего не оставалось, как сказать: «Ну, что ж, тогда еду», — и 12 апреля я приступил к работе в Москве»[1].

Некоторые авторы, пишущие о первом Президенте России, утверждают, что Е. Лигачев «уламывал» Б. Ельцина не по телефону, а непосредственно в личной с ним беседе, для чего он якобы по указанию М.С. Горбачева специально прилетал в Свердловск. Так, Л. Млечин утверждает, что после «проработки» кандидатуры Б. Ельцина, которого сам М.С. Горбачев предложил на освободившуюся должность заведующего отделом строительства ЦК КПСС, он поинтересовался мнением Николая Рыжкова — секретаря ЦК КПСС по экономике. Мнение Рыжкова для Горбачева было весьма существенным, поскольку он ему всецело доверял. К тому же, Н. Рыжков очень хорошо знал Б. Ельцина, поскольку длительное время проработал директором Уральского машиностроительного завода (Уралмаша), и отозвался о нем весьма недоброжелательно.

— Намыкаетесь вы с ним. Я его знаю и не стал бы рекомендовать.

Тогда Горбачев поручил Егору Лигачеву, ведавшему кадрами, еще раз взвесить все за и против. Лигачев поехал в Свердловск и через несколько дней позвонил Горбачеву:

— Я здесь пообщался, поговорил с людьми. Сложилось мнение, что Ельцин — тот человек, который нам нужен. Все есть — знания, характер. Масштабный работник, сумеет повести дело.

— Уверен, Егор Кузьмич? — строго переспросил Горбачев.

— Да, без колебаний»[2].

Впоследствии Е.К. Лигачев постарается «забыть» этот эпизод, свидетельствующий о том, что именно он так настойчиво доби-

---

[1] *Б. Ельцин*. Исповедь на заданную тему. С. 85.

[2] *Л. Млечин.* Борис Ельцин. Послесловие. М.: «Центрполиграф», 2007. С. 53.

вался перевода Б. Ельцина в Москву, а значит несет моральную ответственность за эту кадровую ошибку Политбюро. А вот о том, что он в свое время действительно ездил в Свердловск «присматриваться» к Б. Ельцину по поручению Ю.В. Андропова, который в то время был Генеральным секретарем ЦК КПСС, он вспоминает охотно. Дело в том, что это поручение Генерального он получил сразу же после своего назначения на должность секретаря ЦК по кадровым вопросам, не имея еще того опыта с кадрами, который он приобрел за полтора года, прошедшие с тех пор, как он встречался с Б. Ельциным до его назначения в апреле 1985 года.

В своих воспоминаниях Е.К. Лигачев весьма подробно описывает последнюю встречу с Ю.В. Андроповым перед своим назначением. Мы приведем несколько фрагментов из его воспоминаний, которые, с одной стороны, показывают личные отношения второго человека в партийной элите после М.С. Горбачева к бывшему Генеральному секретарю, а с другой, стиль работы Андропова с кадрами незадолго до своей кончины.

«Приближался декабрьский (1983 года. — *А.К.*) Пленум ЦК КПСС, и Михаил Сергеевич однажды сказал мне:

— Егор, я настаиваю, чтобы тебя избрали секретарем ЦК. Скоро Пленум, я над этим вопросом усиленно работаю.

За минувшие полгода мы с Горбачевым еще больше сблизились, проверили друг друга в деле. Наступил такой этап наших взаимоотношений, когда мы начали понимать друг друга с полуслова, разговор всегда шел прямой, откровенный.

Поэтому я не удивился, когда через несколько дней мне позвонил П.П. Лаптев, помощник Андропова:

— Егор Кузьмич, вам надо побывать у Юрия Владимировича. Он приглашает вас сегодня в шесть часов вечера.

Андропов уже был тяжело болен и заседаний Политбюро не проводил. Он лежал в больнице и я слабо представлял себе, как и где может состояться наша встреча, о чем я прямиком и сказал помощнику.

— За вами придет машина, и вас отвезут, — ответили мне.

Машина, которая везла меня к Андропову, свернула на Рублевское шоссе (а затем. — *А.К.*) в Кунцевскую больницу.

Поднялись на второй этаж, разделись. И мне указали, как пройти в палату Юрия Владимировича. Палата выглядела очень скромно: кровать, рядом с ней несколько каких-то медицинских приборов, капельница на кронштейне. А у стены — маленький столик.

В первый момент я не понял, что это Андропов. Я был потрясен его видом и даже подумал, что может быть это вовсе не Юрий Владимирович, а какой-то еще товарищ, который должен проводить меня к Андропову?

Но нет, это был Андропов, черты лица которого до неузнаваемости изменила болезнь. Негромким, незнакомым голосом — говорят, голос у взрослого человека не меняется на протяжении всей жизни, — он пригласил:

— Егор Кузьмич, проходи, садись.

Я присел на приготовленный для меня стул, но несколько минут просто не мог прийти в себя, пораженный тем, как резко изменилась внешность Андропова. Поистине, на его лицо уже легла печать близкой кончины. Юрий Владимирович, видимо, почувствовал мое замешательство, но, надеюсь, объяснил его другими причинами — скажем, просто волнением. И, удивительное дело, стал меня успокаивать:

— Расскажи-ка спокойно о своей работе, какие у тебя сейчас проблемы?

Я знал, что предстоит встреча с человеком больным, которому вредно переутомляться, а потому заранее приготовился к ответу, который занял бы не более десяти минут. Но Андропов прервал минут через семь.

— Ну ясно, хватит… Я тебя пригласил для того, чтобы сообщить, что Политбюро будет выносить на предстоящий Пленум вопрос об избрании тебя секретарем ЦК. — И, снова перейдя на «вы», как бы полуофициально добавил: — Вы для нас оказались находкой…

Принесли чаю, и мы неторопливо беседовали еще минут пятнадцать о текущих делах в стране… Я вглядывался в его лицо и по-прежнему не узнавал того Андропова, которого привык видеть в работе. Внешне это был совсем другой человек, и у меня щемило сердце от жалости к нему. Я понимал: его силы на исходе.

Попрощались мы спокойно, по-мужски. Больше мне не пришлось увидеть Юрия Владимировича живым, и я навсегда сохранил в памяти тот декабрьский вечер в больничной палате»[1].

Однако это была не последняя беседа генерального секретаря с Е. Лигачевым. Незадолго до своей кончины (9 февраля 1994 года. — *А.К.*) в самом конце декабря 1993 года Ю.В. Андропов попросил соединить его по телефону с уже утвержденным в должности Секретаря ЦК Е. Лигачевым. В ходе телефонного разговора он попросил при случае побывать в Свердловске и «посмотреть» на Ельцина. Это не был вопрос: мол, разузнайте, хорош или нет свердловский первый секретарь? Похоже, что ответ у Андропова уже был, он уже был готов на его перемещение в Москву, но нужно было соблюсти раз и навсегда установленные формальности.

---

[1] *Е. Лигачев*. Кто предал СССР? М.: «Алгоритм»-«Эксмо», 2009. С. 24—27.

Андропов не мог не обратить внимания на то, с какой готовностью и подобострастием Ельцин в свое время выполнил секретное постановление Политбюро о сносе особняка купца Ипатьева, которое пытался «замотать» его предшественник. Знал он и о «темных» местах в родословной Б. Ельцина, поскольку никто кроме него не мог дать установку на продвижение по партийной лестнице сравнительно молодых политфункционеров, близкие родственники которых были репрессированы. Напрасно «грешит» А. Хинштейн на «халатность провинциального чекиста». Халатных чекистов не бывает, а если в кои-то веки такой и затесался бы в их среде, то он был бы очень скоро «вычислен» и «вычищен». А вот исполнительность всех чекистов, в том числе и провинциальных, всегда была на высоте, они изыщут и приобщат, при необходимости, в досье «объекта» и такие факты из его жизни и деятельности, которые ему и в страшном сне не могли объявиться. Если это, конечно, потребуется в интересах власти.

Нет, не было никакой ошибки в работе «компетентных» органов, собиравших под знамена задуманной Ю.В. Андроповым реформы политической и экономической жизни страны политфункционеров с «темным» прошлым своих близких родственников. Тонкий психолог, Андропов прекрасно знал, что комплексы страхов и обид, заложенные в человеке в раннем детстве, наиболее устойчивы, хотя, повзрослев, человек кажется основательно о них забывает и живет полноценной жизнью советского человека, преданного делу партии и родного правительства. Эти комплексы дадут себя знать в переломные моменты жизни, именно тогда, когда от человека потребуются ответы на животрепещущие вопросы: «кто виноват?», «что делать?» и «с кем ты?» Перестройка, задуманная Андроповым, востребует именно таких ее «знаменосцев», которые ответят на эти вопросы, не задумываясь, так, как это понадобится ее архитектору, то есть — Юрию Владимировичу Андропову.

О том, что удалось и что осталось невыполненным в этой глубоко продуманной программе перестройки, и, особенно, что помешало ее выполнить, несколько ниже. Вернемся к нашему «герою».

Егор Кузьмич Лигачев был опытным «царедворцем», он прекрасно понял, что от него требуется, и выполнил поручение Генерального немедленно. В январе он приехал в Свердловск для участия в областной партконференции — это чисто формальный повод, а на самом деле «посмотреть» на Ельцина. Нет никаких сомнений, что опытный Лигачев сумел «рассмотреть» «Хозяина» Свердловской области, он реально увидел диктаторские замашки и хамское поведение этого деспота макиавеллевского толка. Но что же он будет докладывать Андропову? По законам жанра,

только то, что тот хотел услышать, а именно, что Генеральный секретарь, как всегда, прав при наборе кадров. Не исключено, что некоторые черты характера Ельцина ему импонировали, например, его энергичность, решительность при принятии решений, умение убеждать людей в своей правоте, то есть те черты характера, которые были свойственны самому Лигачеву.

Однако назначение Ельцина в начале 1994 года не состоялось по причине смерти Андропова. Обновление кадров кремлевской элиты приостановилось, поскольку к власти пришел К.У. Черненко, который из-за тяжелой болезни практически ничем не мог заниматься, какие уж тут кадры. Тем более, что о замыслах Андропова, о характере перестройки и ее исполнительских кадрах он ничего не знал.

После смерти К.У. Черненко, которая наступила 10 марта 1985 года, и прихода к власти М.С. Горбачева, вопрос о пополнении рядов руководящего авангарда перестройки возобновился, и о Ельцине вспомнили. Впоследствии он очень гордился тем, что М.С. Горбачев вспомнил о нем буквально через десять дней после своего назначения, решив включить его в свою команду. Изучив досье Ельцина, ответственные работники ЦК поспешили доложить Генеральному, что Ельцин является опытным руководителем и вполне достоин войти в команду Горбачева. Выслушал Генеральный секретарь также мнение Я.П. Рябова, стараниями которого Б. Ельцин в свое время оказался в кресле первого секретаря Свердловского обкома КПСС. А Лигачеву, который к тому времени по занимаемой должности был вторым человеком в партийной иерархии, снова пришлось играть роль человека, хорошо знающего Ельцина — поскольку мнение Горбачева он уже уловил. Тем более, что его с Ельциным роднила бешеная энергия и, как ошибочно думал Егор Кузьмич, отсутствие иных интересов, кроме работы. Н.И. Рыжков, флегматично наблюдая за возней вокруг Ельцина, предупреждал, что именно эти качества, которые роднили Лигачева и Ельцина, рано или поздно приведут к конфликту между ними, что нанесет невосполнимый ущерб делу перестройки: «как одноименные заряды, они обязаны были рано или поздно оттолкнуться друг от друга…»[1]

Ну, а что Горбачев? Знал ли он Ельцина настолько, чтобы без всякого сомнения пригласить его в свою команду? Безусловно знал и внимательно следил за успехами Свердловского первого секретаря. Были они с Ельциным хорошо знакомы уже давно: еще с тех пор, когда Горбачев работал на равнозначной должности в

[1] Цит. по: *Л. Млечин.* Борис Ельцин. Послесловие. М.: «Центрполиграф», 2007. С. 54.

Ставрополье. Отношения у них была хоть и не близкие, но достаточно теплые. Они при встречах даже обнимались и, по заведенному Л.И. Брежневым ритуалу, троекратно целовались.

После перевода Горбачева в Москву, что было сделано с подачи Андропова, на должность секретаря ЦК, курирующего сельское хозяйство, отношения между ним и Ельциным продолжали укрепляться. Немаловажным фактором приближения к себе свердловского бунтаря послужило и то, что на него своевременно обратил внимание Андропов, крестный отец самого Горбачева, который уже до него «проработал» кандидатуру Ельцина. Он был твердо убежден в том, что Андропов не мог заблуждаться относительно деловых, политических и иных качеств Б. Ельцина. Ему было приятно вспоминать, как настойчиво и терпеливо «работал» в свое время Ю.В. Андропов, чтобы оценить «выдающиеся» достоинства и самого Горбачева, с тем, чтобы вытянуть его из ставропольской глубинки в Москву.

Как это происходило на самом деле, свидетельствует один из прорабов перестройки (если Андропова считать ее архитектором), осторожный идеологический аппаратчик, директор академического Института США и Канады Г. Арбатов, который был очень близок к тогдашнему руководителю Лубянки — Ю.В. Андропову. В своих воспоминаниях, очень осмотрительных и весьма взвешенных, он сообщает о Горбачеве довольно неожиданную подробность. При этом, не надо забывать, что Арбатов был советником у Андропова по внешней политике, а отнюдь не по сельскому хозяйству. Итак, слово Г. Арбатову:

«Впервые эту фамилию услышал именно от Андропова в 1977 году, весной. Дату помню, поскольку начался разговор с обсуждения итогов визита С. Вэнса (Госсекретарь США. — *А.К.*), потом перешел на болезнь Брежнева. И я здесь довольно резко сказал, что идем мы к большим неприятностям, так как, судя по всему, на подходе слабые, да и по политическим взглядам часто вызывающие сомнение кадры. Андропова это разозлило (может быть, потому, что он в глубине души и сам с такой оценкой был согласен), — и он начал резко возражать: ты, мол, вот говоришь, а ведь людей сам не знаешь, просто готов все на свете критиковать. «Слышал ли ты, например, такую фамилию — Горбачев?» Отвечаю: «Нет». — «Ну, вот видишь. А подросли ведь люди совершенно новые, с которыми действительно можно связывать надежды на будущее».

Не помню, чем тогда закончился разговор, но во второй раз я фамилию Горбачева услышал от Юрия Владимировича летом

1978 года, вскоре после смерти (или убийства? — *А.К.*) Ф.Д. Кулакова, бывшего секретаря ЦК, отвечающего за сельское хозяйство»[1].

О том, как сумел простоватый ставрополец Горбачев попасть в поле зрения Андропова, который в то время усиленно работал над программой реформ в экономической и политической жизни страны, а также над способом «ускорения» отхода в мир иной Л.И. Брежнева, при жизни которого никакой речи о реформах нельзя было вести, мы расскажем несколько ниже, а сейчас вернемся к нашим «героям».

Заметим предварительно, что согласно вышеизложенным фактам, Андропов почти одновременно выделил из своего ареопага первых секретарей крайкомов и обкомов, именно Ставропольского Горбачева и Свердловского Ельцина. Ельцина понятно за что — за верноподданческую операцию по сносу особняка купца Ипатьева в центре Свердловска. Кстати, своеобразно был «отмечен» Андроповым и либеральный Я.П. Рябов, продержавший полтора года под сукном постановление Политбюро по этому вопросу. После избрания Ю.В. Андропова Генеральным секретарем он немедленно был отправлен послом во Францию. А за что он «выделил» Горбачева — несколько ниже.

Так что знал Горбачев, кого он призывал под свои знамена. Это уже потом, когда Б. Ельцин «переиграл» Горбачева в совместно затеянной ими «игре» (не к ночи сказано) по развалу Советского Союза и уничтожению КПСС, он начнет старательно уверять всех, что перевод Ельцина в Москву в 1985 году совершался не по его инициативе. Открещиваясь задним числом от предавшего его партнера по преступлению, он фарисейски заявил: «Лично я знал его мало, а то, что знал, настораживало»[2].

Горбачеву не впервой отрекаться не только от своих верных соратников по перестройке, он и кумира своего, вытащившего его «из грязи в князи», сдаст со всеми его потрохами.

Один из ближайших сподвижников М. Горбачева — В.И. Болдин, рассказывал: «Однажды Горбачев сказал: «Да что Андропов сделал для страны? Думаешь, почему бывшего председателя КГБ, пересажавшего в тюрьмы и психушки диссидентов, изгнавшего многих из страны, средства массовой информации у нас и за рубежом не сожрали с потрохами? Да он полукровок, а они своих в обиду не дают»[3].

Совершенно ясно, о какой именно «половине крови» намекал Горбачев, о той самой, о которой в «нормальном» обществе

---

[1] Цит. по: *С. Семанов.* Председатель КГБ Юрий Андропов. М.: «Алгоритм», 2008. С. 142.

[2] *Л. Млечин.* Борис Ельцин. Послесловие. М.: «Центрполиграф», 2007. С. 52.

[3] *В. Болдин.* Крушение пьедестала. М.: «Республика», 1995. С. 235.

говорить не принято. Этим своим признанием он явно внес смуту в ряды многочисленных «исследователей» этнических корней Ю.В. Андропова. Одни утверждали, что его подлинная фамилия — Либерман, другие не соглашались с этим, поскольку подлинная фамилия Андропова, якобы, — Файнштейн. Непримиримый спор шел о том, кто был из его предков Либерман, а кто Файнштейн. Тут бесконечное сочетание возможностей: от отца либо от отчима, поскольку после смерти отца мать вторично выходила замуж; другие утверждают, что это девичья фамилия матери, которая была якобы чистокровной еврейкой (какая из двух вышеприведенных версий верная — вопрос вкуса «исследователя»).

Теперь достоверно известно, что сам Андропов обо всех этих разговорах на свой счет был вполне осведомлен. Однажды он поделился этим с главным кремлевским лекарем — академиком Евгением Чазовым, который, в свою очередь, рассказал об этом в своих воспоминаниях в 1995 году: «Недавно мои люди, — говорил Андропов, тогда еще глава КГБ, — вышли в Ростове на одного человека, который ездил по Северному Кавказу — местам, где я родился и где жили мои родители, и собирал о них сведения. Мою мать, сироту, младенцем взял к себе в дом богатый еврей. Так даже на этом хотели сыграть, что я скрываю свое истинное происхождение»[1].

Однако и оснований для таких заинтересованных «исследований» было предостаточно, и давал повод для поиска таких «оснований» сам Андропов, тщательно скрывавший какую-либо информацию об этнических корнях своих родителей. Да и вышеприведенное признание Андропова академику Чазову ничего не проясняет, а, напротив, порождает все новые вопросы у современных «исследователей». Чтобы как-то завершить это наше вынужденное отступление от основного текста книги, доводим до сведения «заинтересованных» читателей, что Александру Шевякину, кажется, удалось примирить спорщиков, поскольку он твердо «выявил», что Андропов по отцу — Либерман, а по матери — Файнштейн[2].

Итак, напомним нашим читателям, что Б.Н. Ельцин приступил к исполнению своих обязанностей на посту заведующего отделом строительства в ЦК КПСС 12 апреля 1985 года, то есть в День Космонавтики. С какими чувствами окунулся Ельцин в непривычную ему жизнь в столице? Чувства были сложными и противоречивыми. С одной стороны, были сомнения, что слишком поздно он был

---

[1] Цит. по: *С. Семанов.* Председатель КГБ Юрий Андропов. М.: «Алгоритм», 2008. С. 15.

[2] *А. Шевякин.* 17 тайн Лубянки. М.: Авторская редакция, 2007. С. 251.

втянут в водоворот непростой кремлевской жизни, обставленной всевозможными ритуалами, условностями и «табу», что претило широкой уральской натуре Ельцина, привыкшего не только плевать на всякие условности, но и крушить их, если они мешали ему двигаться вперед. То есть, грыз червь сомнения, справлюсь ли, сумею ли вписаться в непростую команду, которую усиленно формировал М. Горбачев? И для каких дел?

С другой стороны, как прожженный аппаратчик, он прекрасно понимал, что его назначение на эту непрестижную должность, всего лишь прелюдия, пролог перед новыми, грядущими высотами. Он нутром чувствовал, что неспроста Горбачев вытянул его в Москву, намечается какое-то грандиозное, пока не ведомое ему — Ельцину, мероприятие, в котором ему отводится, скорее всего, не последняя роль. О перестройке, план которой разработал и уже попытался была начать претворять в жизнь Ю.В. Андропов, Б. Ельцин ничего не знал, по одной простой причине, что он разрабатывался в недрах Лубянского ведомства, откуда информация просочиться и достичь провинциального Свердловска не могла, по определению. Похоже знал о них лишь один Горбачев, которому выпала «честь» подхватить планы этого грандиозного замысла из слабеющих рук умирающего Андропова, далеко не по его собственной воле. А может он тоже ничего не знал?

Тут мы снова должны сделать небольшое отступление от основной линии текста и извиниться перед читателями, что в пределах этой главы таких отступлений будет еще несколько, поскольку для раскрытия такого сложного вопроса, каким является заговор между командой «перестройщиков» во главе с Горбачевым и Борисом Ельциным, без экскурса в недалекое прошлое от описываемых событий нам не обойтись. И здесь прежде всегда всплывает следующий вопрос. Каким образом сумел войти в доверие замкнутого в себе и осторожного в общении с людьми, в личной преданности которых он был не уверен, долголетнего руководителя КГБ Ю.В. Андропова, суетливый и отличавшийся всю жизнь самым неприкрытым угодничеством перед всеми, кого он почитал хоть в чем-то выше себя, ставропольский руководитель М.С. Горбачев? Вопрос не простой, изученный многими исследователями с разных точек зрения, но так до конца не проясненной, и причиной тому является сам Горбачев. В порядке саморекламы он настолько запутал этот вопрос, что порой очень сложно разобраться: где добросовестные свидетельства современников, хорошо знавших того и другого, а где вымыслы, фантазии, или добросовестные заблуждения самого, словоохотливого, если не сказать, болтливого Горбачева. По свидетельству В.И. Болдина, длительное время ра-

ботавшего в команде Горбачева, доверительные отношения между этими двумя, совершенно непохожими друг на друга руководителями, сложились, по крайней мере, к середине 70-х годов:

«После Пленума ЦК, избравшего Андропова Генсеком, М.С. Горбачев ходил веселый и торжественный, как будто избрали его. А вечером, когда я зашел к нему с документами, не удержался и сказал:

— Ведь мы с Юрием Владимировичем старые друзья, семьями дружим. У нас было много доверительных разговоров, и наши позиции совпадают.

Из воспоминаний Горбачева хотелось бы привести лишь одно — о разговоре с ним во время приезда Юрия Владимировича на отдых на Кавказе. За «рюмкой чая» они говорили о том, что снедало печалью многих, — о положении в Политбюро, состоянии здоровья его членов, и прежде всего Брежнева. Было это в середине 70-х годов.

— Нельзя Политбюро ЦК формировать только из людей преклонного возраста, — сказал тогда Горбачев Андропову. — У хорошего леса всегда должен быть подлесок.

— Потом, — вспоминал Горбачев, — Когда избрали меня в Политбюро ЦК, Андропов, поздравляя, сказал:

— Ну что, «подлесок», давай действуй»[1].

Свидетельствует В. Болдин, которому нет основания не доверять, но ведь он, по существу, приводит собственные воспоминания Горбачева, в достоверности которых можно и нужно усомниться, если приводимые им факты не будут подтверждены другим, надежным источником. В отношении того, что доверительные отношения между Андроповым и Горбачевым сложились именно в середине 70-х годов (точную дату их посиделок за «рюмкой чая» В. Болдин, к сожалению, не приводит) такой источник имеется. Это приведенные нами ранее выдержки из воспоминаний Г. Арбатова, который назвал, по крайней мере, год (1977), когда Андропов уверенно заявил о своем положительном отношении к Горбачеву.

А вот насчет посиделок за «рюмкой чая» и нерушимой дружбы семьями — вопрос к самому В. Болдину: неужели ниспровергатель Горбачева с пьедестала, куда занесла его нелегкая, не читал откровений самого Горбачева по этому поводу, которые общеизвестны. Когда Горбачев перебрался в Москву на должность секретаря ЦК КПСС по сельскому хозяйству в 1978 году, он получил дачу по соседству с дачей Андропова. Угодливый провинциал

---

[1] *В. Болдин.* Крушение пьедестала. М.: «Республика», 1995. С. 44-45.

тут не сообразил, что есть хороший повод для «закрепления дружеских отношений» с Андроповым:

«Я позвонил Юрию Владимировичу, — вспоминал Горбачев.

— Сегодня у нас ставропольский стол. И, как в старое доброе время, приглашаю вас с Татьяной Филипповной на обед.

— Да, хорошее было время, — ровным, спокойным голосом ответил Андропов. — Но сейчас, Михаил, я должен отказаться от приглашения.

— Почему? — удивился я.

— Потому, что завтра уже начнутся пересуды: Кто? Где? Зачем? Что обсуждали?

— Ну, что вы, Юрий Владимирович! — совершенно искренне попытался возразить я.

— Именно так. Мы с Татьяной Филипповной еще будем идти к тебе, а Леониду Ильичу уже начнут докладывать. Говорю это, Михаил, прежде всего для тебя.

С тех пор желание приглашать к себе или быть приглашенным к кому-либо, у нас не возникало. Мы продолжали встречаться со старыми знакомыми, заводили новых, приглашали к себе, ездили в гости к другим. Но не к коллегам по Политбюро и Секретариату»[1].

Вот и верь после этого свидетельствам В. Болдина о дружбе семейств Андроповых и Горбачевых. Однако нельзя не восхищаться тому, как мастерски «отбрил» суровый и неподкупный Андропов надоедливого прилипалу! Но тот по простоте своей холуйской натуры так ничего и не понял. И даже потом, много лет спустя, когда уж и Андропов давно Богу душу отдал, и сам Горбачев коротал дни на пенсии, он по-прежнему полагал, что суровый сосед по даче его любил. Так, он описал трогательную процедуру прощания с Андроповым, когда тот умирал в Кремлевской больнице.

«Когда я вошел в палату, — писал он позднее, — Андропов сидел в кресле и попытался как-то улыбнуться. Мы поздоровались, обнялись. Произошедшая с последней встречи перемена была разительной. Передо мной был совершенно другой человек. Осунувшееся, отечное лицо серовато-воскового цвета. Глаза поблекли, он почти не поднимал их, да и сидел, видимо, с большим трудом. Мне стоило огромных усилий не прятать глаза и хоть как-то скрыть испытанное потрясение. Это была моя последняя встреча с Юрием Владимировичем»[2].

---

[1] Цит. по: *С. Семанов*. Председатель КГБ Юрий Андропов. М.: «Алгоритм», 2008. С. 146.

[2] Там же. С.146—147.

Так доверял ли Генеральный секретарь Горбачеву, готовил ли его в качестве преемника и продолжателя начатых им реформ, или это сам Горбачев создал миф о своем правопреемстве в вопросах глобальной перестройки государства, партии и общества? На этот вопрос нет однозначного ответа. Одни исследователи полагают, что к концу жизни Андропов полностью разочаровался в ставропольском «подлеске» и практически свернул всякие отношения с ним. Другие, напротив, считают что Андропов по-прежнему всецело доверял Горбачеву, даже поручил ему зачитать свое выступление, а вернее письмо, к участникам Пленума, который состоялся в конце 1983 года. Свидетельствует В.И. Болдин:

«В конце 1983 года должен был состояться Пленум ЦК. По традиции, установившейся еще при Л.И. Брежневе, предстояло подвести итоги работы за год, наметить пути решения проблем в будущем. Ю.В. Андропов активно готовился к выступлению. В больницу к нему все чаще приезжали помощники и консультанты. Это должна быть его важнейшая речь, но состояние здоровья не позволило выступить, хотя ему так хотелось подвести итоги года, поставить задачи на будущее. Лишь за сутки он понял это окончательно и сказал Горбачеву, что обратится с письмом к Пленуму, а Михаил Сергеевич пусть произнесет короткую речь»[1].

Именно это поручение Андропова Горбачеву — произнести вместо себя речь на Пленуме, послужило для горячих сторонников Горбачева отправной точкой, чтобы считать, что Генеральный секретарь тем самым передавал эстафету власти своему молодому и энергичному воспитаннику.

Является ли данный факт серьезным доказательством того, что Андропов тем самым указал на своего преемника? Весьма сомнительно. Генеральный секретарь из своего больничного заточения давал поручения исключительно всем членам Политбюро и Секретарям ЦК по реализации своих замыслов относительно предстоящих широкомасштабных реформ. В этом соратники Андропова видели опыт и прозорливость способного лидера и организатора. Генсек встречался и обсуждал проблемы с другими руководителями партии и государства, которые были гораздо важнее, чем озвучить свою речь на Пленуме. Как трезвомыслящий прагматик, он, скорее всего, руководствовался тем соображением, что это поручение Горбачев, как самый молодой член Политбюро, выполнит наиболее эффективно — говорить, а тем более с листа, он умел хорошо. А вот по свидетельству одного из помощников Андропова — Евгения Ивановича Калгина, много лет

[1] *В. Болдин.* Крушение пьедестала. М.: «Республика». 1995. С. 51.

проработавшего с ним, картина вырисовывается совсем иная. В июньском номере «Независимой газеты» за 1994 год он поделился своими воспоминаниями об отношениях между Андроповым и Горбачевым:

«Действительно ли именно Андропов способствовал восхождению на политический Олимп Михаила Сергеевича Горбачева и правда ли, что незадолго до кончины в своем политическом завещании он назвал его своим преемником? Об этом я могу сказать следующее. То, что выделявшийся в то время из общей массы партийных руководителей областного звена Горбачев обратил на себя внимание Андропова, часто отдыхавшего в Кисловодске, это факт. Но я бы не стал упрощать. Процедура отбора кадров для высшего партийного руководства была сложной и многоступенчатой, и от мнения одного человека, даже Андропова, не зависела. Хотя, надо сказать, что Горбачев, имея хорошее образование и природные данные, умел произвести впечатление.

Сторонников версии о наличии какого-либо политического завещания Андропова я бы хотел разочаровать. Ни мне, ни другим членам «команды» Юрия Владимировича, в том числе Лаптеву, Крючкову и Шарипову, которым он на протяжении многих лет особенно доверял, о таком устном или письменном завещании ничего не известно. Хотя они и общались с ним буквально до последних минут его жизни.

В прессе также упоминалось о разочаровании Андропова в Горбачеве незадолго до кончины. Но я никогда не чувствовал какой-то особой близости между Юрием Владимировичем и Горбачевым. Знаю, что он строго спрашивал с него, «снимал стружку», как и с других руководителей за упущения в работе. Могу привести такой факт: на последней, незадолго до своей кончины, встрече Андропова в больнице с членами Политбюро Горбачева не было»[1].

Выходит, что разочаровался Генсек в Горбачеве, если даже стал избегать с ним встреч. Поручение зачитать письмо на Пленуме было сделано по телефону, а вышеприведенная трогательная встреча в больничной палате была, как бы это поделикатнее выразиться, не совсем непринужденной. Дело в том, что в это время в ЦКБ был госпитализирован М.С. Горбачев для проведения «плановой» диспансеризации, которую на самом деле он буквально выпросил у Е.И. Чазова, чтобы оказаться рядом с Андроповым. Палаты для членов Политбюро находились на четвертом этаже главного здания «кремлевки».

---

[1] *В. Болдин.* Крушение пьедестала. М.: «Республика». 1995. С. 51.

Чазов предупредил Горбачева, что жить Андропову осталось один-два месяца, не больше. Горбачев также откровенно поделился с Чазовым, что он намерен убедить Генсека ввести на предстоящем Пленуме ЦК в состав Политбюро Воротникова и Соломенцева, сделать кандидатом в члены Политбюро Чебрикова, а секретарем ЦК — Егора Кузьмича Лигачева.

— Это наши люди, — твердо сказал Горбачев, — они будут нас поддерживать в любой ситуации — вспоминал впоследствии Чазов.

Горбачев напросился на встречу с Андроповым, и тот не мог ему отказать в силу своей деликатности, поскольку Горбачев лежал в соседней палате и был с ним как бы товарищем по несчастью.

Хитер был бестия, но своего добился и встреча, рассказанная так красочно самим Горбачевым, состоялась. Он настоял на своих предложениях по персональным изменениям состава Политбюро и Секретариата ЦК и утомленный его речами умирающий Андропов согласился на эти изменения.

Теперь Горбачеву необходимо было «проработать» действующих членов Политбюро на предстоящие перемещения. Несогласных, или сомневающихся в целесообразности перемен именно сейчас, когда Генеральный находиться в таком состоянии, он убеждал тем, что с Андроповым уже все согласовано.

Горбачев предпринимал все усилия, чтобы укрепить свои позиции внутри Политбюро, потому что смерть Андропова приближалась. Михаил Сергеевич боялся изоляции и подбирал себе союзников в послеандроповском Политбюро[1].

Вот эта активность и возня Горбачева практически у смертного одра Андропова, и его хвастливые заявления, что он все согласовывал с Генеральным, не могла не отразиться в воспоминаниях и мемуарах участников «баталий у трона», в частности Е.К. Лигачева, о чем мы выше упоминали, что и породило миф о правопреемстве Горбачева.

А вот свидетельство другого Евгения Ивановича, на этот раз кремлевского лейб-медика, академика Чазова, который до последнего часа находился рядом с Андроповым у его смертного одра, вокруг которого росли и множились политические страсти.

«Однажды он спросил, смотря мне прямо в глаза: «Наверное, я уже полный инвалид, и надо думать о том, чтобы оставить пост Генерального секретаря». И, видя мое замешательство, продол-

---

[1] *Л. Млечин.* Юрий Андропов. Последняя надежда режима. М.: «Центрполиграф», 2008. С. 498.

жил: «Да, впрочем, вы ведь ко мне хорошо относитесь и правды не скажете». Его преследовала мысль — уйти с поста лидера страны и партии… Что произошло бы, если бы Андропов появившуюся у него мысль об уходе претворил в реальность? Несомненно, он бы определил и назвал своего преемника. Учитывая завоеванный к тому времени авторитет, его мнение было бы решающим в определении будущей фигуры Генерального секретаря ЦК КПСС. Ясно одно, что это был бы не Черненко…

Когда я обсуждал с Андроповым проблемы, связанные с его болезнью, и спросил, с кем бы в случае необходимости я мог бы доверительно обсуждать появляющиеся организационные или политические вопросы, он, не задумываясь, ответил: «С Устиновым, — а затем, помедлив добавил, — «Я прошу вас о моем тяжелом состоянии, о прогнозе развития болезни, никого не информировать, в том числе и Горбачева». Меня это вполне устраивало, так как с Устиновым у меня давно сложились дружеские отношения. Он, как и Андропов, был моим давним пациентом»[1].

По существу, если верить Чазову, а не верить ему оснований нет, Андропов назвал своего преемника и удивляться его выбору не приходиться, поскольку среди всех «…жадною толпой стоящих у трона», то есть окружающих Андропова — это была единственно достойная фигура, по крайней мере, с его точки зрения. Андропов не только хорошо знал Дмитрия Федоровича Устинова, но был с ним в близких, дружественных отношениях. Но ни это главное, хотя как знать, будь на месте Устинова другой человек, вряд ли выбор умирающего Генсека пал на него. Но именно Д.Ф. Устинов был в то время самой влиятельной фигурой среди членов Политбюро, поскольку он не только возглавлял вооруженные силы страны, но и военно-промышленный комплекс, то есть, по большому счету, всю промышленность государства.

Почему Андропов не назвал Устинова в качестве своего преемника, когда прощался с членами Политбюро, так и останется тайной. Возможно он был в тот момент настолько неадекватен, что не мог оценить значимости этого своего решения для судеб страны. Случись такое, не было бы этого мучительного фарса с выдвижением в лидеры страны, по существу, находящегося в полукоматозном состоянии К.У. Черненко. Группировка брежневских «старцев» в Политбюро все-таки победила и по предложению Н.А. Тихонова К.У. Черненко был выдвинут на пост Генерального секретаря.

---

[1] Цит. по указ. соч. С. 322, 325.

Почему Горбачев «выпал» из поля зрения Генерального секретаря не такая уж большая загадка. Разобрался Андропов, наконец-то, кого он так усиленно тянул в свое время в Москву из Ставрополя, хотя прекрасно знал, что никаких заслуг у него за 8 лет ставропольского секретарства не было, кроме умения хорошо встретить, а еще лучше проводить приезжавших на отдых в Кисловодск и другие здравницы Ставрополья кремлевских бонз. Достаточно сказать, что за эти 8 с небольшим лет работы в качестве первого секретаря Горбачев выступил на Пленуме ЦК КПСС всего один лишь раз, и то в июле 1978 года, накануне переезда в Москву — по сугубо узкому аграрному вопросу. Не отличался он и в качестве государственного деятеля, будучи с 1972 года депутатом Верховного Совета СССР. За весь период депутатства, он также выступил всего лишь единожды. Это был ничем не запомнившийся самоотчет провинциального партийного функционера. В 1974 году его избрали руководителем второстепенной Комиссии по делам молодежи Совета Союза — было ему тогда 43 года, то есть числился в молодых. В комиссию входили три десятка депутатов, особенного шума она не производила, никакого влияния не имела, и важных законопроектов не подготовила.

Все так, но Андропов, прекрасно зная деловые и политические качества «ставропольского тамады», все-таки усиленно тянул его в Москву и, наконец, не без помощи М.А. Суслова, добился своего, посадив его в кресло скончавшегося секретаря ЦК Ф. Д. Кулакова. Надо отдать должное настойчивости московского добродетеля, который сумел убедить Л.И. Брежнева, что Горбачев именно та кандидатура, которая поможет теснее сплотить ряды сторонников дряхлеющего Генсека. Дело в том, что сам Л.И. Брежнев пророчил на вакантное место секретаря ЦК по сельскому хозяйству другого «агрария», своего давнего любимца Сергея Федоровича Медунова, — первого секретаря еще одного курортного края — Краснодарского. Победив в противоборстве с самим Брежневым, Андропов не забудет позднее и про этого «любимца» генсека, о чем будет сказано немного позднее.

Необходимо отметить, что Андропов, почитай, был единственным небожителем Кремля, который категорически отвергал холуйские услуги курортных Первых секретарей во время своего отдыха на югах (предпочитая Кисловодск), и Горбачев здесь исключением не был. Хотя тот в своих воспоминаниях, которыми охотно делился с кремлевскими коллегами, «решительно опровергает» это устоявшееся мнение об аскетизме и замкнутости Андропова:

«… мы не раз встречались с Андроповым (во время его отдыха в Кисловодске. — *А.К.*). Раза два отдыхали в одно и то же время: он в особняке санатория «Красные камни», а я в самом санатории. Вместе с семьями совершали прогулки в окрестностях Кисловодска, выезжали в горы. Иногда задерживались допоздна, сидели у костра, жарили шашлыки. Андропов, как и я (от скромности он не умрет. — *А.К.*), не был склонен к шумным застольям «по-кулаковски». Прекрасная южная ночь, тишина, костер и разговор по душам.

Офицеры охраны привозили магнитофон. Уже позднее я узнал, что музыку Юрий Владимирович чувствовал очень тонко. Но на отдыхе слушал исключительно бардов-шестидесятников. Особо выделял Владимира Высоцкого и Юрия Визбора. Любил их песни и сам неплохо пел, как и жена его Татьяна Филипповна. Однажды предложил мне соревноваться — кто больше знает казачьих песен. Я легкомысленно согласился и потерпел полное поражение. Отец Андропова был из донских казаков, а детство Юрия Владимировича прошло среди терских»[1].

Эдакую развесистую клюкву можно «впаривать» добродушному обывателю сколько угодно, ибо никто и никогда не сможет это подтвердить, разве, что офицеры охраны! Ау, ребята! Так ли было?

Однако один раз Андропов нарушил все-таки свой «режим дня», будучи на отдыхе в Кисловодске в сентябре 1978 года. Ситуация складывалась так, что именно сейчас можно было сделать «сильный ход» в сложной игре по перемещению Горбачева в Москву. 19 сентября этого года Генеральный секретарь Л.И. Брежнев проездом оказался в Минеральных Водах и появилась реальная возможность «показать» Генеральному кандидата на пост Секретаря ЦК.

««Смотрины» состоялись… на железнодорожной станции «Минеральные Воды», где сделал остановку правительственный поезд, в котором Брежнев вез Азербайджану орден Ленина. На перроне Леонида Ильича встречали Андропов, отдыхавший в Кисловодске, и партийный руководитель края Горбачев. Из вагона вслед за Брежневым вышел Черненко в спортивном костюме.

— Ну как дела, Михаил Сергеевич, в вашей овечьей империи? — спросил Генсек.

Брежнев мог проследовать в Баку без остановки на этой маленькой станции. Дорожной необходимости в этом не было. Ее включили в маршрут буквально в последнюю минуту перед отъездом — по настоятельной просьбе позвонившего из Кисловодска Андропова.

---

[1] Цит. по: *Н. Зенькович*. Тайны ушедшего века. Власть. Распри. Подоплека. М.: «Олма-пресс», 2005. С. 386.

Остановка была короткой. Но она решила судьбу Горбачева — через два месяца он уже был в Москве. Об этой встрече нагромождено множество домыслов, в том числе и мистических. Еще бы — темной ночью, на глухой безлюдной станции сошлись четверо, которым суждено будет стать последними руководителями Советского Союза — Брежнев, Андропов, Черненко, Горбачев»[1].

«К феномену вознесения Горбачева из ставропольской глуши в замкнутый круг кремлевской элиты, наверное, — размышляет раскрыватель тайн ушедшего века, бывший ответственный партаппаратчик Кремля Николай Зенькович, — будет обращаться не одно поколение исследователей:

«Баловень судьбы! — восхищенно восклицают сегодня одни. — С дружеского застолья — в секретари ЦК».

«Невероятное везение — внезапная вакансия на том единственном месте, на которое он со своей узкой сельскохозяйственной специализацией мог претендовать в столице», — говорят другие.

«Удачливый счастливчик, на судьбе которого не сказалась даже катастрофическая полоса неурожаев в СССР, которая поставила бы крест на карьере любого другого партийного функционера — аграрника», — недоумевают третьи»[2].

Похоже, что в какой-то степени правы и те, и другие и даже третьи, но особенно первые, которые уповают на «дружеское застолье». Правда мы имеем в виду совсем не то «застолье», о котором пишет во множественном лице Н. Зенькович. Как бы ни старался хитрован — Горбачев, как бы он не юлил перед Андроповым по прибытии того на отдых в Кисловодск, но главу КГБ, лишенного обычных человеческих слабостей, шашлыком у водопада не завлечешь, это не Брежнев со своим любимым зятем Ю.М. Чурбановым. Да и простоват был бывший комбайнер, а Андропов предпочитал столичных циников с двойным дном, или бездумных крушителей всего, что встречается на их пути к карьере, каким, к примеру, был Свердловский бульдог Б. Ельцин, на которого уже «положил глаз» будущий Генсек после Ипатьевского эпизода. Все это так, но ведь откуда-то взялась эта явная «симпатия» к Горбачеву, которая переросла потом в такие непредсказуемые дела, что никому, в последствии, мало не показалось.

Нам кажется, что на сегодняшний день эта тайна, мучившая на протяжении четверти столетия после кончины Ю.В. Андропова,

---

[1] Цит. по: *Н. Зенькович*. Тайны ушедшего века. Власть. Распри. Подоплека. М.: «Олма-пресс», 2005. С. 388—389.

[2] Там же. С. 392—393.

добросовестных исследователей его жизненного пути, раскрыта и стала достоянием широкой публики, благодаря «дотошному», и на наш взгляд, наиболее объективному исследователю феномена Андропова, — писателю С. Семанову. Выдержки из его сенсационной книги: «Председатель КГБ Юрий Андропов», касающиеся интересующего нас вопроса, мы приводим ниже. Задавшись вопросом, который мы уже приводили выше: «Откуда же эта явная симпатия?» (Андропова к Горбачеву. — *А.К.*), автор книги отвечает:

«Есть только одно достоверное свидетельство на этот счет. Оно настолько неожиданно, что сперва казалось нам преувеличением. Но из дальнейшего изложения хода событий читатель убедится, что сообщаемые ниже подробности четко укладываются в общий бесспорный ряд и не только не противоречат, а подтверждают неслучайность андроповского выбора в Ставрополье. Бывший сотрудник Горбачева рассказал:

«Как когда-то в глуши Тебердинского заповедника под руководством Брежнева вызревал антихрущевский заговор, так и теперь в Ставрополье под предводительством Андропова разрабатывалась программа захвата власти, устранения немощного Генсека и его окружения. Штаб-квартирой заговорщиков стала госдача ЦК. Красивое, из красно-розового камня, здание, прекрасно вписавшееся в горный ландшафт. Плиты обширной террасы выложены в шахматном порядке. Когда-то на этом «поле» разыгрывалась судьба страны. На нем стояли «фигуры» различного достоинства, но лишь второстепенной «пешке» удалось прорваться в «ферзи».

В один из солнечных дней мне позвонил Горбачев: «Ты знаком с Чурбановым и с Галиной (дочь Л.И. Брежнева. — *С.С.*)?» Я ответил, что знаком. «Завтра поедем их встречать».

Горбачев был взволнован и, казалось, не на шутку озабочен приездом зятя Генсека.

Вечером спецрейсом на самолете Ту-134 в аэропорт Минводы прилетели Ю.М. Чурбанов и Галина Леонидовна. Горбачев был с супругой. Раиса Максимовна осыпала комплиментами дочь вождя, которая вела себя довольно высокомерно.

Заехали в Пятигорск на обед.

Михаил Сергеевич был членом ЦК, Чурбанов к тому времени — лишь кандидатом, но первый секретарь Ставропольского крайкома изрядно расстарался перед Юрием Михайловичем. Беспрестанно шутил, рассыпался в любезностях, подливал Чурбанову, любившему выпить, замечательный армянский коньяк. Сам Горбачев редко выпивал больше трех рюмок, но нынешний случай был исключением. Под хмельком у Юрия Михайловича развязался язык, было видно, что ему приятно показать, насколько он владеет информацией из первых рук.

В Кисловодске снова накрыли стол. Наконец разговор коснулся интересующей Горбачева темы. Вальяжно развалившись в кресле, Юрий Михайлович бахвалился, что якобы перед его днем рождения Леонид Ильич сказал о своем намерении сделать зятя своим преемником, так что скоро он, Ю.М. Чурбанов, станет Генеральным секретарем ЦК КПСС. Горбачев внимательно слушал, расспрашивал, кто присутствовал на дне рождения Чурбанова, где Брежнев давал подобное обещание, кто это слышал. И Юрий Михайлович, по наивности и выпив лишнего, перечислил фамилии: Огарков, Цвигун, Щелоков, Пастухов, Тяжельников…

Во время этого разговора я беседовал с женщинами, но слышал его отчетливо.

Мы засиделись до сумерек, пора было прощаться. На обратном пути Горбачев повернулся ко мне: «Ты слышал, что сейчас Чурбанов болтал?» Я ответил отрицательно. Он еще некоторое время испытующе смотрел мне в глаза, но потом, видимо, успокоившись, перевел разговор на другую, безопасную, тему.

Через неделю мне сообщили, что первый секретарь срочно вылетел в Москву и когда вернется, неизвестно.

Я понял: Горбачев помчался с докладом к Андропову и Суслову, намечаются крупные перестановки в верхнем эшелоне власти. Мне было жаль Чурбанова. Его болтовня, скорее всего, носила сугубо застольный характер, но и ее было достаточно…

Из Москвы Горбачев вернулся уже совершенно другим человеком — самоуверенным до наглости».

О том, как Андропов разбирался с Чурбановым, Цвигуном и Щелоковым, речь впереди. А вот донос Горбачева наверняка был, и очень своевременный, ибо вокруг угасающего Брежнева разворачивалась тихая, но беспощадная борьба, и Андропов своего шанса упустить тут никак не мог. Полезных доносчиков ценят. Кроме того, этим своим доносом Горбачев целиком отдал себя под патронаж Андропова. Вряд ли Брежнев простил бы ему такую черную интригу против своего любимого зятя и столь же любимого министра внутренних дел, да и Цвигун был не чужд Генеральному. Короче, суетливый Горбачев неожиданно для себя верно определил будущего хозяина.

Так, но опять-таки дело идет об одной лишь стороне. Горбачев хозяина нашел, а нашел ли верного соратника недоверчивый и подозрительный Андропов? Никто, кроме него, не смог бы тут ответить, а он смолчал. Но еще одно любопытное свидетельство есть. Исходя из него, можно осторожно предположить, что нет, не слишком ценил он ставропольского осведомителя, хотя, как всегда, умело скрывал свои истинные чувства. Тому опять-таки есть

очень любопытное подтверждение, исходящее от самого Горбачева. Простодушный болтун вывел в одной из своих книг весьма примечательную сценку»[1].

Об этой «примечательной сценке» мы уже выше рассказали и убедились, что не так просто было организовать «дружеское застолье» с Андроповым в качестве гостя. Нет, не «пылал» любовью Андропов к «сексоту» Горбачеву. Прожженный гебист, он отлично знал, как поступают с такими добровольными осведомителями, как М.С. Горбачев: с благодарностью принимают необходимую информацию, а донос Горбачева имел для дальнейшего исключительно важное значение, но доносчика при этом презирают всю оставшуюся жизнь. Нам представляется, что незавидная судьба ожидала Горбачева, проживи Генеральный секретарь нормальной человеческой жизнью хотя бы еще несколько лет. Андропов прекрасно понимал, что Горбачев рвался в Кремлевский ареопаг вовсе не для того, чтобы и дальше таскать жаренные каштаны своему благодетелю. Другие мысли обуревали его, когда он «ходил веселый и торжественный» после избрания Генсеком Андропова, уже в момент избрания тяжело больного. А ну, если бы не случилось той страшной беды, что приключилась с Андроповым, где бы оказался этот, ни на что не способный попрыгунчик? Ох, крутенек был на расправу многоопытный «магнетический гебист», как удачно назвал его впоследствии бывший аппаратчик ЦК КПСС, а затем известный журналист Валерий Легостаев. И трагическая судьба С.Ф. Медунова, «хозяина» соседнего Краснодарского края, который косвенно «мешал» Андропову осуществить свой замысел по перемещению в Кремль Горбачева, тому наглядный пример. Мы обещали рассказать об этом читателям, и думаем, что именно сейчас это можно, очень кстати, сделать, коль уж обратились к В. Легостаеву. Правда В. Легостаев выдвигает иную, совершенно экзотическую причину, якобы побудившую Андропова так жестоко преследовать С.Ф. Медунова. А кроется сия причина в родословной Ю.В. Андропова, в которой решил тогда разобраться журналист. Впрочем, предоставим слово В. Легостаеву:

«Сейчас обнародовано, что матерью Андропова была учительница музыки Евгения Карловна Файнштейн. С отцом дело сложнее. По некоторым данным, им был телеграфист железнодорожной станции Владимир Либерман, сменивший после революции свою фамилию на Андропов. Но, конечно, и здесь, при желании, не трудно добраться до истины. Бывший первый секретарь Краснодарского крайкома партии Сергей Федорович Медунов в

[1] *С. Семанов*. Председатель КГБ Юрий Андропов. М.: «Алгоритм», 2008. С. 143—145.

одном из своих интервью рассказал, что его собственный отец работал на железнодорожной станции вместе с отцом Андропова и хорошо знал того. По свидетельству Медунова, отец Андропова по национальности был польским евреем. Как у Жириновского. Увы, самому Сергею Федоровичу знание тонкостей родословной Андропова не принесло в жизни ничего, кроме неприятностей. Летом 1978 г., когда он, как первый секретарь крайкома был в полной силе, мне довелось встретиться с Медуновым в качестве сотрудника одного из журналов ЦК. Так совпало, что в моем присутствии Медунов по аппарату ВЧ поздравлял маршала Устинова с присвоением тому звания Героя Советского Союза. Изюминка поздравления заключалась в том, что печать еще не дала официального сообщения о награждении. Это дало собеседникам повод для шуток о неограниченных возможностях «партийной разведки». Разговор продолжался минут 15, был почти приятельским, с остротами и смешками. Интересовались, как дела у членов семьи с той и другой стороны. Маршал расспрашивал о здоровье внучки Медунова, страдавшей, если не ошибаюсь, тяжелым костным заболеванием. Меня вся эта сцена убедила, что за спиной партийного лидера Краснодарского края стоит мощная сила. Поэтому я был озадачен, когда спустя некоторое время по Москве вдруг стали гулять слухи, будто сотрудники КГБ вскрыли в крае большие злоупотребления, а у самого Медунова при обыске на квартире изъяли «4 контейнера ценностей», и что теперь Андропов требует примерно наказать виновного, а Брежнев не выдает «своего». Тогда я еще, конечно, ни в коей мере не догадывался, что это был типичный гебистский метод подготовки к устранению с политической арены человека, который мешал Андропову. И даже могущества маршала Устинова оказалось недостаточно, чтобы предотвратить расправу. Сергея Федоровича переместили в Москву на малозначительную должность заместителя министра сельского хозяйства РСФСР. В июне 1983 г. наступила наконец развязка. Пленум ЦК КПСС под председательством генсека Андропова вывел Медунова из состава ЦК и исключил из партии. По линии Президиума Верховного Совета СССР, где председательствовал опять же Андропов, его лишили всех государственных наград, а по линии правительства освободили от работы. Как в таких случаях заведено, на газетных полосах появились хлесткие разоблачительные статьи и запестрел приговор «медуновщина». Думаю, что жизнь Медунову спасло только то, что через пару месяцев после пленума Андропов сам отправился навсегда в больницу. Годы спустя, на закате лет, Медунов скажет о себе: «Я человек со сладкой фамилией и горькой судьбой».

В порядке комментария к этой истории хотел бы заметить, что, будучи членом партии, сам я с пониманием воспринимал писаные и неписаные правила, нормы или условности партийной жизни. Вместе с тем, во мне всегда пробуждала чувство категорического неприятия практика коллективной расправы на Пленумах ЦК, когда вчерашнему партийному товарищу, ставшему вдруг изгоем, отказывали в праве на попытку объясниться. Было в этом что-то постыдно-волчье, хотя, конечно, волки подобного среди своих не практикуют. На момент июньского Пленума Медунову было 68 лет, партийный стаж 40 лет, из них 7 лет — член ЦК. Он прошел войну от звонка до звонка, оставался в рядах армии до 1947г. Был Героем Социалистического Труда, кавалером четырех орденов Ленина, двух орденов Трудового Красного Знамени, несчетного множества медалей. Не менее половины членов Пленума, все члены Политбюро и Секретариата ЦК знали его лично, нередко многие годы. Несмотря на все эти обстоятельства и заслуги, Андропов, с трусливого согласия присутствующих, не позволил Медунову и слова сказать в свое оправдание. В тягостной атмосфере коллективной подлости, чуть пошатываясь, с почерневшим обмякшим лицом, покрытым инеем холодного пота, по красной ковровой дорожке Сергей Федорович покинул зал Пленумов ЦК. Травля Медунова продолжалась и с пришествием к власти Горбачева, с которым, в бытность того первым секретарем Ставропольского крайкома, он соперничал. Однако Сергей Федорович оказался человеком не слабым. Ценой долгих унизительных мытарств по инстанциям он сумел-таки очистить свое имя от грязи гебистской клеветы. В 1990г., несмотря на помехи со стороны тогдашнего президента Горбачева, Прокуратура СССР отмела как необоснованные все выдвигавшиеся против Медунова обвинения. Ему, уже 75-летнему, вернули государственные награды, восстановили в партии. Но сделали это по подлому, без газетного шума и публичных извинений. Он долго болел и умер в Москве в сентябре 1999г., пережив своего мучителя больше, чем на 15 лет».

Вот именно, по той причине, что травля С.Ф. Медунова продолжалась и с пришествием к власти Горбачева, мы считаем, что выдвинутая В. Легостаевым версия о причине нападок на Первого секретаря Краснодарского крайкома была не основной. Хотя, кто знает, прорвись на Кремлевский Олимп под крыло «любящего» его Л.И. Брежнева, Медунов мог озвучить и другую, компрометирующую Андропова информацию. Однако, Горбачев «додавливал» Медунова отнюдь не за то, что тот знал больше других о пятом пункте анкеты Андропова, у него на этот счет были другие резоны, а именно, месть за перенесенные им страхи и волнения

во время борьбы за вожделенное кресло секретаря ЦК по сельскому хозяйству, которое больше подходило Краснодарскому «аграрию», чем Ставропольскому «комбайнеру».

А что же это еще за событие, спасшее Горбачева от неминуемой расправы, которое произошло, как пишет Легостаев «через пару месяцев после июньского Пленума 1983 года», перечеркнувшего жизнь С.Ф. Медунова? Общеизвестно, что первого сентября Андропов провел, как потом оказалось, последнее в своей жизни заседание Политбюро, а вечером вылетел в Крым, в отпуск и ничего не предвещало, что буквально через несколько дней он «…сам отправиться навсегда в больницу», а через пять месяцев в мир иной.

По официальной версии Андропов на отдыхе простудился, застудил почки, болезнью которых он страдал много лет, и вынужден был вернуться в Москву под наблюдение кремлевских врачей. Впрочем, лучше предоставить слово непосредственному автору «версии», которая была так тщательно «проработана», что просуществовала четверть века после смерти Андропова, не вызывая ни у кого хотя бы малейших сомнений в ее достоверности — академику Е.И. Чазову:

«Перед отъездом в Крым мы предупредили всех, в том числе и Андропова, что он должен соблюдать режим, быть крайне осторожным в отношении возможных простуд и инфекций. Организм, почти полностью лишенный защитных сил, был легко уязвим и в отношении пневмонии, и в отношении гнойной инфекции, да и других заболеваний. Почувствовав себя хорошо, Андропов забыл о наших предостережениях и решил, чтобы разрядить, как ему казалось, больничную обстановку дачи, съездить погулять в лес. Окружение не очень сопротивлялось этому желанию, и он с большим удовольствием, да еще легко одетый, несколько часов находился в лесу.

Надо знать коварный климат Крыма в сентябре: на солнце кажется, что очень тепло, а чуть попадешь в тень зданий или леса — пронизывает холод. К тому же уставший Андропов решил посидеть на гранитной скамейке в тени деревьев. Как он сам сказал позднее, он почувствовал озноб, почувствовал, как промерз, и попросил, чтобы ему дали теплую верхнюю одежду. На второй день развилась флегмона. Когда рано утром вместе с нашим известным хирургом В.Д. Федоровым мы осмотрели Андропова, то увидели распространяющуюся флегмону, которая требовала оперативного вмешательства. Учитывая, что может усилиться интоксикация организма, в Москве, куда мы возвратились, срочно было проведено иссечение гангренозных участков пораженных мышц. Операция прошла успешно, но силы организма были настолько подорваны, что послеоперационная рана не заживала...

Мы привлекли к лечению Андропова все лучшие силы советской медицины. Однако состояние постепенно ухудшалось — нарастала слабость, он опять перестал ходить, рана так и не заживала. Нам все труднее и труднее было бороться с интоксикацией. Андропов начал понимать, что ему не выйти из этого состояния»[1].

Вернувшись в Москву, Андропов уже не появлялся в своих кабинетах на Старой площади и в Кремле, а вскоре навсегда покинул квартиру на Кутузовском проспекте и подмосковную резиденцию, оказавшись до конца своих дней изолированным от мира в больничной палате ЦКБ.

Безусловно, «легкое простудное заболевание», о котором талдычил в средствах массовой информации заведующий отделом внешнеполитической пропаганды Леонид Замятин, имело место быть, поскольку сомневаться в справедливости диагноза, поставленного академиком Е.И. Чазовым, никаких оснований не было. Однако в «простуду», из-за которой руководитель Советского Союза, перестал появляться на публике, не встречался на пресс-конференциях с представителями масс-медиа, которых интриговало внезапное затворничество Ю.В. Андропова, и даже не поднялся на трибуну Мавзолея в день празднования 66-й годовщины Октябрьской революции — никто не верил. Было отказано в ранее запланированных встречах с рядом политических и общественных деятелей Запада, а также с группой борцов за мир, прибывших в Москву, со ссылкой но «простудное заболевание».

Между тем состояние Андропова настолько ухудшилось, что перепуганные медицинские светила СССР запросили помощи у знаменитого профессора Нью-Йоркского госпиталя Альберта Рубина, который дважды побывал у постели больного, дав обещание сохранить полную конфиденциальность, как в отношении диагноза больного, так и о своих визитах в Москву. Ничего утешительного о состоянии здоровья Андропова доктор А. Рубин сказать своим советским коллегам не смог, но к общему мнению о малоутешительном прогнозе хода заболевания пришли. Это снимало с Е.И. Чазова, как с лечащего врача, тяжкий груз не только медицинской, но и политической ответственности, о чем он с оптимизмом (в отношении себя и своих коллег. — *А.К.*) делится в своих мемуарах:

«Диагноз и принципы лечения Андропова были предельно ясны. Подагра, которой он страдал несколько десятилетий, привела к полной деструкции обеих почек и полному прекращению

---

[1] Цит. по: *С. Семанов*. Председатель КГБ Юрий Андропов. М.: «Алгоритм», 2008. С. 315—316.

их функции… Мы вынуждены были перейти на проведение гемодиализа — периодическое очищение крови от шлаков, которые почти не выводились из организма. В кремлевской больнице в Кунцеве, называвшейся Центральной клинической больницей, были оборудованы специальная палата и операционная для проведения этой процедуры.

Андропов, его окружение, в основном руководство КГБ, ставили вопрос о возможной пересадке почек (были даже найдены доноры из числа молодых офицеров КГБ, которые добровольно соглашались дать свою почку для спасения жизни Андропова. — *А.К.*). По мнению советских специалистов, это было невозможно и нецелесообразно, а учитывая состояние Андропова, выраженные атеросклеротические изменения сосудов, и опасно. Вот почему первый вопрос, который был поставлен перед А. Рубиным, был вопрос о возможности пересадки почек. Причем окружение Андропова просило, чтобы консультация проходила без участия советских специалистов, которые, по их мнению, могли оказывать определенное «психологическое», «коллегиальное» давление на А. Рубина в оценке состояния и рекомендациях методов лечения. Я понимал, что эта просьба исходит от Андропова, и просил А. Рубина быть предельно откровенным и беспристрастным. Мне понравилось, как он держался во время консультации — общительный, вежливый, очень пунктуальный и в то же время с чувством достоинства, присущим специалистам высокого уровня. Он полностью подтвердил правильность тактики лечения, избранной советскими специалистами, и отверг возможность пересадки почек»[1].

Удивительно, но профессор А. Рубин, на которого в США оказывалось огромное давление с целью выведать тайну заболевания советского руководителя, а также, несмотря на естественное искушение сделать себе своеобразную рекламу на участии в лечении Андропова, свое слово сдержал и «сохранил полную конфиденциальность полученных данных». Хотя может быть этому удивляться не стоит, если априорно поверить в порядочность таких людей.

Так, что же это за таинственное заболевание, с которым советские медики успешно справлялись на протяжении многих лет (16 лет, по крайней мере, по словам Е.И. Чазова), которое не мешало Ю.В. Андропову активно трудиться, практически без выходных и с полным напряжением сил, и которое вдруг так обострилось где-то через 10 дней после заседания Политбюро первого сентября 1983 года?

---

[1] Цит. по: *С. Семанов*. Председатель КГБ Юрий Андропов. М.: «Алгоритм», 2008. С. 283, 285.

Не будем утомлять читателя догадками: 9 сентября 1983 года, после возвращения Андропова в Москву, в него стреляла жена Н.А. Щелокова — Светлана Владимировна, тяжело ранив его в области таза. При этом была поражена почка, которая еще достаточно эффективно работала, что позволяло больному обходиться без постоянной процедуры гемодиализа.

Покушение на жизнь Генерального секретаря произошло в доме на Кутузовском проспекте, где на разных этажах, но в одном подъезде проживали семьи Андроповых, Щелоковых и Брежневых. Выстрел произошел через открытую дверь квартиры Щелоковых, когда Андропов спускался с верхнего этажа. Застрелив Андропова Светлана Владимировна из этого же пистолета покончила с собой.

Круг людей, знавших не понаслышке о трагедии, случившейся 9 сентября 1983 года, был достаточно широк, но никто из них не выдал этой тайны, за что надо отдать дань восхищения «специалистам» из ранее руководимого Ю.В. Андроповым ведомства, за столь блестяще проведенную операцию прикрытия. Даже пришлось создать легенду о кончине жены Н.А. Щелокова, согласно которой она якобы действительно покончила жизнь самоубийством, но только не 9 сентября, а 19 февраля этого года у себя на даче, чуть ли не на глазах у своего мужа и сестры-хозяйки, которая «поделилась» своими впечатлениями об этом событии:

«С семьей Щелокова Н.А. я знакома с 1971 года, с этого времени выполняю в их доме работы по хозяйству, готовлю им еду… Отношения у Николая Анисимовича с женой были исключительно хорошими, доброжелательными.

19 февраля, в субботу, я, как обычно, приехала к ним на дачу в половине девятого утра, чтобы приготовить завтрак. Покормила их в одиннадцать часов, оба поели с аппетитом, оделись и пошли на прогулку. Ничего необычного в поведении и разговорах Щелоковых я не заметила, разве что Светлана Владимировна была очень грустной. Однако таким ее состояние наблюдалось все последнее время — переезд с министерской дачи на другую, прекращение встреч и связей с постоянным кругом друзей и знакомых она переживала болезненно…

Вернулись они с прогулки примерно в половине первого, разделись и прошли в столовую, где о чем-то говорили между собой. Я с Тамарой (сестрой-хозяйкой госдачи. — *С.С.*) сразу ушли на кухню готовить им чай и закрыли за собой дверь. Этим мы занимались минут пятнадцать и вдруг услышали крик Николая Анисимовича. Мы выбежали в коридор и увидели его, спускавшегося по лестнице со второго этажа. Он был взволнован, растерян и кри-

чал: «Моя девочка застрелилась!» Мы бегом поднялись на второй этаж и увидели, что Светлана Владимировна лежит в луже крови на полу в спальне. При нас она два-три раза судорожно вздохнула и затихла. Николай Анисимович наклонялся к ней, щупал пульс, обнимал ее. Он испачкал руки кровью и когда поднимался, то опирался на кровать. Следы крови на пододеяльнике оставлены им. Хорошо помню, что на диване лежал пистолет. В ногах у Светланы была ее сумочка…

Николай Анисимович выдвигал ящики тумбочек и туалетного столика и горестно восклицал: «Как же она ушла из жизни и ничего не оставила?»»[1]

Такие вот свидетельства. Главный свидетель и косвенный виновник всех этих трагедий, бывший министр внутренних дел СССР Н.А. Щелоков, которого развенчал Андропов сразу же, как только взял всю власть в свои руки, ненадолго пережил свою супругу и покончил жизнь аналогичным образом 10 декабря 1984 года, когда его мучитель уже 10 месяцев никого уже не мучил.

«Заговор молчания» вокруг последних пяти месяцев жизни Ю.В. Андропова, если это только можно назвать жизнью, через 25 лет после описываемых событий прорвал генерал ГБ в отставке С.С. Эльманович в своей, пока еще не полностью опубликованной книге «Социал-капитулизм (1961—1991 гг.)», фрагменты из которой печатались в «Экономической и философской газете» в 2007—2008 гг. В четвертой части книги: «Идеологическая шизофрения ЦК КПСС», в разделе «Борьба Андропова «не на жизнь, а на смерть», в котором дается оценка реформам, начатым Ю.В. Андроповым, утверждается, что: «С самого начала Андропов взял курс на выправление искажений в идеологической и социальной сферах жизни советского общества. Андропов решительно продолжил борьбу с коррупцией, охватившей страну сверху донизу. В народной памяти до сих пор остались его попытки наладить государственную дисциплину, особенно в среде чиновников высшего звена.

Но самое главное в его деятельности заключалось в стремлении решать проблемы общества системно, обеспечивая гармоничное развитие страны путем приведения общественного бытия в соответствие с социалистической идеологией.

Андропов обнажил стоящую перед страной, в частности, перед идеологическими структурами, острую проблему, утверждая, что «мы не знаем общества, в котором живем». По своему смыслу это утверждение Андропова говорило о том, что «развитость»

---

[1] Цит. по: *С. Семанов*. Председатель КГБ Юрий Андропов. М.: «Алгоритм», 2008. С. 272—273.

социализма весьма проблематична, а то, что происходит с обществом, — непонятно. В устах Генерального секретаря ЦК КПСС оно звучало как требование ответа на вопрос: а что же это за общество, в котором мы живем? На фоне барабанного славословия о «построении развитого социализма» в нашей стране, официозной благостности и бесконфликтности это утверждение было весьма неожиданным. Однако оно было встречено общественностью с большой надеждой на избавление трудящихся от шизофрении социальной жизни, которую не все видели, но все ощущали. К сожалению, надежде не суждено было сбыться.

Со стороны, как теперь говорят, «элиты» ответ Андропову на его вопросы не заставил себя долго ждать. 9 сентября 1983 года он был смертельно ранен выстрелом в спину женой Щелокова. Правда, она тут же застрелилась, но черное дело было сделано. Один старший лейтенант КГБ предложил взять у него здоровую почку для пересадки Андропову, но оказалось, что организм Андропова не способен выдержать этой операции. Несмотря на самоотверженные усилия врачей, жизнь Андропова спасти не удалось»[1].

Здесь не место и не время разворачивать дискуссию на тему о том, что в конечном итоге задумал осуществить Ю.В. Андропов, но только не «…приведение общественного бытия в соответствие с социалистической идеологией». Из всего сказанного нами выше, Ю.В. Андропов, скорее всего, замышлял провести глубокую экономическую и социально-политическую реформу по китайскому образцу, сохранив коммунистическую партию и государство, путем постепенного перехода к рыночным отношениям, сохранив государственный контроль над естественными монополиями в экономике.

Умирал Ю.В. Андропов мучительно. По воспоминаниям академика Чучалина, который принимал непосредственное участие в лечении больного, Андропов до последних дней: «…сохранял ясный ум, хотя у него отказали почки, печень, легкие, и мы применяли внутривенное питание. Двое охранников ухаживали за ним, как за малым ребенком, перестилали кровать, переносили Генсека с места на место. Видеть Андропов мог только одним глазом, но читал много — около четырехсот страниц в день. В последние дни охранники переворачивали ему страницы — сам не мог…»[2]

Оставим на некоторое время рассказ о жизни и кончине Ю.В. Андропова, многие страницы и отдельные факты которых

---

[1] *С. Эльманович*. Социал-капитулизм (1961—1991 гг.). Экономическая и философская газета, № 26—27. июль 2008. С. 7.

[2] Цит. по: *В. Легостаев.* Гебист магнетический. «Завтра», № 6, 2004.

остаются загадками и по сей день, и вернемся к Б.Н. Ельцину, который только-только окунулся в среду кремлевских интриг, заговоров и взаимных подсиживаний со стороны обитателей кремлевского Олимпа. Безусловно, Ельцин немало был наслышан о «кремлевских тайнах», о которой судачили почитай на каждой советской кухне, куда информация «просачивалась» никому не ведомыми путями и, как правило, в гипертрофированном виде, и с некоторым внутренним беспокойством окунулся в совершенно незнакомую ему среду.

Подобно многим провинциальным руководителям у Ельцина всегда было двойственное отношение к Москве: с одной стороны, как мы уже отмечали выше, он рвался в Москву, поскольку потенциал его карьерного роста в Свердловске был полностью исчерпан, а с другой, он побаивался ее, как страшаться люди всего далекого, до поры до времени недоступного, а поэтому непонятного. Сам он в «Исповеди…» признавался:

«В стране существует некий синдром Москвы. Он проявляется очень своеобразно — во-первых, в неприязни к москвичам и в то же время в страстном желании переехать в Москву и самому стать москвичом. Причины и корни того и другого понятны, они не в людях, а в той напряженной социально-экономической ситуации, которая сложилась у нас. Ну, и в вечной страсти создавать потемкинские деревни. Москва, куда приезжают иностранцы, хотя бы она одна должна выглядеть внешне привлекательней, здесь должны быть продукты питания, здесь — те вещи, товары, о существовании которых в провинции забыли. И вот едут иногородние в Москву, встают в огромные многочасовые очереди за импортными сапогами или колбасой и злятся на москвичей, которым так в жизни повезло, у них все есть. А москвичи в свою очередь проклинают иногородних, которыми забиты все магазины, и купить из-за них вообще ничего невозможно. Провинция рвется отдать своих выросших детей в Москву, на любых условиях, за любые унижения. Появилось даже новое слово, которого не было в словарях недавнего прошлого, — лимитчик. Это молодые юноши и девушки, выполняющие чаще всего неквалифицированную работу за право через несколько лет прописаться в Москве и стать полноправными москвичами.

Честно признаюсь, я тоже с предубеждением относился к москвичам. Естественно, близко мне с ними общаться не приходилось, встречался в основном с различными союзными и республиканскими руководителями, но и от этого общения оставался неприятный осадок. Снобизм, высокомерие к провинции не скрывались, и я эмоционально переносил это на всех москвичей.

При этом не было никогда у меня мечты или просто желания работать в Москве. Я не раз отказывался от должностей, которые мне предлагали, в том числе и от должности министра. Свердловск я любил и люблю, провинцией не считал и никакой ущербности для себя в этом вопросе не чувствовал»[1].

Лукавит, ох лукавит Борис Николаевич. Видите ли зовут его в столицу, всякие должности, вплоть до министра, предлагают, а он — ни в какую. Не уточняет, правда, что за министерскую должность и когда ему посулили, скорее всего в Российском Правительстве, в противном случае не преминул бы уточнить. Несомненно одно, столица одновременно притягивала, как магнит железные опилки, но в то же время отпугивала своей неопределенностью в отношении возможного карьерного роста немолодого уже Ельцина.

Должность, на которую он согласился, отнюдь не давала ему определенных надежд на дальнейшее продвижение, да никто и не давал ему обещаний, что это всего лишь ступенька для «покорения» Москвы.

Только включившись в водоворот кремлевских интриг, он совсем скоро поймет, для чего его выманил из Свердловска Генеральный секретарь. Как бы то ни было, он твердо знал, что необходимо зарекомендовать себя на новом месте с самой положительной стороны, показать, на что он способен:

«Включился бурно, и отдел заработал активно. Не все, конечно, приняли этот стиль, но это и естественно. Возвращался домой в двенадцать, полпервого ночи, а в восемь утра уже был на работе. Не требовал этого от других, но сотрудники, особенно заместители, пытались как-то подтягиваться.

У меня не было какого-то священного трепета, когда я переступал порог и начал работу в здании ЦК КПСС на Старой площади. Но вообще-то именно это здание — своего рода цитадель власти в стране, средоточие аппаратного могущества. Отсюда исходят многие идеи, приказы, назначения. Грандиозные, но невыполнимые программы, вперед зовущие лозунги, просто авантюры и настоящие преступления. Здесь за минуты решались вопросы, которые потом несколько лет потрясали весь мир, как, например, решение о вводе советских войск в Афганистан.

Я приступил к работе, нисколько не задумываясь над этим. Надо было поднимать отрасль. Я хорошо знал вопросы строительства, был, так сказать, в шкуре хозяйственника, и потому главные беды, проблемы этой отрасли мне были известны»[2].

---

[1] *Б. Ельцин*. Исповедь на заданную тему. Ассоциация уральских издателей. 1990. С. 86—87.

[2] Там же. С. 87.

Слов нет, в вопросах строительства Ельцин ориентировался неплохо, однако профессионализм его был всего лишь областного масштаба, нигде, кроме Урала, он не работал, специфики других регионов не знал. Тем не менее он понимал, если не будет конкретных результатов, не будет и предложений о дальнейшем карьерном росте. Но проявить он себя не успел, поскольку буквально через два с половиной месяца — 1 июля 1985 года, он был утвержден в должности секретаря ЦК по вопросам строительства. Поэтому неудивительно, что о каких-то конкретных итогах его работы на посту заведующего отделом строительства говорить не приходится. Хотя, как знать, были своеобразные «достижения», а именно — сумел Борис Николаевич за столь короткое время, да еще в незнакомой для него среде всеобщего чинопочитания, продемонстрировать свой крутой характер и даже «поставить на место» своего непосредственного куратора — Секретаря ЦК Владимира Ивановича Долгих. Вот об этом «достижении» он с нескрываемой гордостью делится в своей «Исповеди…»:

«Моя жизнь так складывалась, что практически никогда мне не приходилось ходить в подчинении. Я не работал замом. Пусть начальник участка, но не зам. начальника управления, пусть начальник управления, но не зам. управляющего трестом. В замах я не был и поэтому всегда привык принимать решения, не перекладывая ответственность на кого-то. Здесь же, в ЦК, механизм подчинения, строгой партийной иерархии доведен до абсурда, все исполнительно, все предупредительно... Конечно, для моего вольного и самолюбивого характера такие холодно-бюрократические рамки оказались тяжелым испытанием. Отдел строительства был в подчинении секретаря ЦК Долгих, и ему первому вплотную пришлось столкнуться с моей самостоятельностью.

Помню, он проводил совещание с заведующими курируемых отделов, я присутствовал первый раз на подобном разговоре. Долгих выступает, что-то рассказывает, а я смотрю, все пришли с пухлыми блокнотами и пишут, и пишут, пытаясь уловить каждое слово. Я слушаю и только принципиальные вещи тезисно в одну фразу, набрасываю. Долгих, видимо привыкший, что записывают чуть ли не каждое его слово, поглядывал с видимым неудовольствием, мол, что это ты, я изрекаю, а ты не записываешь. Ничего, правда, не сказал, зато в следующий раз специально меня спросил: «Есть ли у вас какие-то вопросы, может, что-то не запомнили, спрашивайте». Нет, говорю, все запомнил»[1].

---

[1] *Б. Ельцин*. Исповедь на заданную тему. Ассоциация уральских издателей. 1990. С. 88.

Не случись столь стремительного перемещения Ельцина в кресло Секретаря ЦК по строительству, В.И. Долгих вряд ли простил бы ему столь наглое нарушение кремлевских правил субординации. И если бы не замысел Горбачева, о котором вряд ли знал В.И. Долгих, направить «громилу» Ельцина на разгром московской парторганизации, то серьезный конфликт между Ельциным и Долгих был бы неминуем. В должности секретаря ЦК Ельцин оказался на равных с Долгих и искры зарождавшегося было конфликта быстро угасли, а поскольку отдел строительства был переподчинен Ельцину, то и навсегда угасли даже возможности его возрождения.

Горбачев спешил, ему не нужны были «успехи» Ельцина на строительном поприще, он призвал его для более важных дел, а потому на заседании Политбюро 29 июня 1985 года, посетовав на низкие темпы строительства и замораживание капиталовложений, он неожиданно предлагает «посмотреть» Ельцина на посту секретаря ЦК.

Видимо члены Политбюро догадывались о планах Генсека относительно дальнейшей политической судьбы Ельцина, и его инициативе не препятствовали. Не удивился этому назначению и сам Ельцин, поскольку, по всему видать, он уже не только догадывался, а твердо уверовал в свое предназначение, которое от него «скрывал» Горбачев:

«Через некоторое время, точнее, в июне на Пленуме меня избрали секретарем Центрального Комитета партии по вопросам строительства. Честно говоря, я даже не испытал каких-то особых чувств или особой радости, посчитал, что это естественный ход событий и это реальная должность, по моим силам и опыту. Изменился кабинет, изменился статус. Я увидел, как живет высший эшелон власти в стране.

Если мне, как заведующему отделом, была положена небольшая дачка, одна на две семьи — вместе с Лукьяновым, тогда тоже заведующим отделом ЦК, то теперь предложили дачу, из которой переехал товарищ Горбачев. Сам он переселился во вновь построенную для него.

Были большие планы, поездки в отдельные республики, области — Московскую, Ленинградскую, на Дальний Восток, в Туркмению, Армению, Тюменскую область и некоторые другие районы страны»[1].

---

[1] *Б. Ельцин*. Исповедь на заданную тему. Ассоциация уральских издателей. 1990. С. 96.

Однако, чувствуется по тону его «воспоминаний», что он чем-то все же недоволен. Не дает ему покоя некий полунамек Долгих, что «…скоро мой статус может резко измениться».

И квартира маленькая, всего-то пять комнат, да еще в столь непрестижном районе — у Белорусского вокзала, на 2-й Тверской-Ямской: «Шум, грязный район. Наши партийные руководители обычно селятся в Кунцево, там тихо, чисто, уютно»[1].

И, поначалу, какая-то «дачка» вместо нормальной дачи, как у других небожителей Кремля. Да и Горбачев что-то тянет, не говорит напрямую, «зачем звал», да и общение с ним только по телефону: «Честно признаюсь, меня удивило, что он не захотел со мной встретиться, поговорить. Во-первых, все же у нас были нормальные отношения, а во-вторых, Горбачев отлично понимал, что он, как и я, тоже перешел в ЦК с должности первого секретаря крайкома. Причем края, который по экономическому потенциалу значительно ниже, чем Свердловская область, но он пришел секретарем ЦК. Я думаю, Горбачев знал, конечно, что у меня на душе, но мы оба виду не подавали»[2].

Все не так, как хотелось бы сверхтребовательному Ельцину, особенно, когда это касалось кремлевских «жизненных благ», с которыми он так решительно будет бороться, но только немного погодя. А на самом деле он брюзжит напрасно. Вот как на самом деле обстояли дела с этими самыми «благами», как об этом свидетельствует главный охранник Ельцина:

««Квартиру в Москве ему дали не пятикомнатную, а шестикомнатную. Была еще комната Бори (внук Ельцина. — *А.К.*) — детская. Где-то метров десять. Но в Политбюро все, что меньше пятнадцати метров, за отдельную комнату не считалось», — а что касается «небольшой дачки на две семьи», то, продолжает Коржаков, — «Это была бывшая дача Буденного в поселке Вешки по Дмитровскому направлению. Одних спален там насчитывалось штуки четыре, кинозал, каминный зал, бильярдная, баня. Территория — гектара четыре. Даже домик для охраны, где мы останавливались вместе с водителями, имел прекрасные условия. У каждого из нас было по отдельной комнате, душ.

А «две семьи» — это он с Наиной и старшая дочь Елена с мужем. Елену он считал вроде как за отдельную семью»[3].

А взять квартиру, полученную Ельциным на 2-й Тверской-Ямской. Этот район, на самом деле, гораздо престижнее Кунцева, где

---

[1] *Б. Ельцин*. Исповедь на заданную тему. С. 87.

[2] Там же. С. 88.

[3] Цит. по: *А. Хинштейн*. Ельцин. Кремль. История болезни. М.: «Олма Медиа Групп», 2008. С. 116.

живут те, кому не положена служебная дача. После избрания секретарем ЦК ему достается дача, где долгое время жил Горбачев, даже уже будучи Генеральным секретарем, но — опять не то:

«Уже снаружи дача убивала своими огромными размерами… холл метров пятьдесят с камином: мрамор, паркет, ковры, люстры, роскошная мебель… Одна комната, вторая, третья, четвертая, в каждой — цветной телевизор, здесь же на первом этаже огромная веранда со стеклянным потолком, кинозал с бильярдом, в количестве туалетов и ванных я запутался… Больше всего убивала бессмысленность всего этого»[1].

Ну, просто невеста на выданье: «маленькая дачка» — плохо (обидно), большая, даже после Генсека, — опять плохо — до бессмысленности огромная. Так вам, Борис Николаевич, никак угодить невозможно. А вот ваш верный оруженосец вспоминает, что все было совсем по иному:

«Когда Горбачев предложил ему переселиться на свою бывшую дачу, Ельцин помчался туда сломя голову. Потом в Управделами говорили, что это был первый в истории случай, когда человек переехал жить безо всякого ремонта. После Горбачева там остались дырки в стенах, выцветшие обои, гвозди везде торчали. Но Борис Николаевич так хотел выказать преданность генсеку, что никакие неурядицы его не могли остановить. Правда, потом, когда он уехал в отпуск, на даче сделали косметический ремонт.

Эта дача — так называемый объект «Москва-река-5» — ненамного отличалась от прежней ельцинской дачи. Может, только размерами. Все остальное было как в Вешках: спальни, бильярдная, кинозал. Единственное — старую дачу строили еще при Сталине, а новая была одна из самых свежих: конец 70-х. Типичная «посохинская» коробка, но с особым, современным дизайном внутри. И еще участок — 17 гектаров.

После 1991 года Ельцин эту дачу Горбачеву вернул обратно. Там он теперь и живет»[2].

Высказывая свое недовольство Горбачевым, который не все время уделяет ему любимому, Ельцин, с одной стороны, подтверждает свойственный ему маниакально-депрессивный синдром, а, с другой стороны, старается завуалировать почти уже очевидный факт, что все у них с Генсеком «сладилось», знает он уже свою ближайшую задачу, а также стратегический замысел по крушению КПСС и Советского Союза.

---

[1] *А. Хинштейн.* Ельцин. Кремль. История болезни. С. 70.

[2] Там же. С. 116.

«Он ведет себя точь-в-точь как одноклассник какой-нибудь знаменитости, который, видя своего школьного приятеля на телеэкране, не преминет заметить: тоже мне — звезда. Помню, как в третьем классе накостылял я ему по шее…

Медицинский диагноз

«Маниакально-депрессивный синдром, как правило, сопровождается депрессией с проявлениями необоснованной раздражительности или даже злобности. Это единственный вариант депрессии, где на фоне тоскливо-злобного аффекта больные высказывают претензии не к себе, а к окружающим. Они испытывают мучительное желание как-то разрядить свое внутреннее напряжение, выместить раздражение на ком-нибудь или на чем-нибудь».

Впрочем, тогда еще всех особенностей характера своего протеже Горбачев не знал. Ельцин импонировал ему своей активностью, неординарным подходом к работе.

Не все разделяли этот щенячий восторг. Секретарь ЦК и будущий премьер Николай Рыжков, например, весьма скептически относился к Ельцину. Когда Горбачев с Лигачевым поинтересовались мнением бывшего директора «Уралмаша» (он-то знал Ельцина еще по Свердловску), тот дал земляку просто-таки уничижительную характеристику.

«Ельцин… по натуре своей — разрушитель. Наломает дров, вот увидите! Ему противопоказана большая власть. Вы сделали уже одну ошибку, переведя его в ЦК из Свердловска. Не делайте еще одну, роковую»»[1].

Наивный Вы, многоуважаемый Николай Иванович! Подумаешь, испугал разрушителя Горбачева тем, что Ельцин — разрушитель! Вот это качество, как раз, и было решающим при назначении его на должность первого секретаря Московского горкома партии. Московская парторганизация занозой торчала в «великолепно» разработанном плане Горбачева по уничтожению коммунизма. Много позднее, в 1999 году, выступая на семинаре, устроенном Американским университетом в Турции, он признается:

«Целью всей моей жизни было уничтожение коммунизма, невыносимой диктатуры над людьми. Меня полностью поддержала моя жена, которая поняла необходимость этого даже раньше, чем я. Именно для достижения этой цели я использовал свое положение в партии и стране. Именно поэтому моя жена все время подталкивала меня к тому, чтобы я последовательно занимал все более и более высокое положение в стране.

---

[1] Цит. по: *А. Хинштейн*. Ельцин. Кремль. История болезни. М.: «Олма Медиа Групп», 2008. С. 71.

Когда же я лично познакомился с Западом, я понял, что я не могу отступить от поставленной цели. А для ее достижения я должен был заменить все руководство КПСС и СССР, а также руководство во всех социалистических странах. Моим идеалом в то время был путь социал-демократических стран. Плановая экономика не позволяла реализовать потенциал, которым обладали народы социалистического лагеря. Только переход на рыночную экономику мог дать возможность нашим странам динамично развиваться.

Мне удалось найти сподвижников в реализации этих целей. Среди них особое место занимают А.Н. Яковлев и Э.Г. Шеварднадзе, заслуги которых, в нашем общем деле просто неоценимы»[1].

Неудивительно, что столь грандиозный план по уничтожению коммунизма во всемирном масштабе Горбачев начал именно с Москвы, а в качестве ударной силы в его «походе на Москву» ему потребовался опытный разрушитель строительного профиля («ломать — не строить»). Если он в течении 30 лет то и дело строил и ломал, то другого кандидата для выполнения намеченной миссии — не сыскать. В.В. Гришин, который руководил Московской городской парторганизацией в течение 18 лет, явно не устраивал Горбачева. Это был очень опытный руководитель, хорошо знавший тонкости аппаратных игр, почему и пользовался непререкаемым авторитетом не только у Л.И. Брежнева, которого он всегда поддерживал, но и партийного актива столичной парторганизации, насчитывающей свыше одного миллиона коммунистов.

«Свергать» Гришина начал еще Андропов, который однако не успел довести дело до конца по причине своей смерти (о методах устранения неугодных руководителей, которые были «помехой» на его пути к высшей власти, — несколько ниже). Ельцин, для порядка, немного «поломался», де мол, не справлюсь и все такое прочее, но естественно, потом «согласился», поскольку Горбачев, скорее всего посвятил его в свои планы, настолько, чтобы Ельцин понял свою задачу на ближайшее время. В своей «Исповеди…» он красочно описывает весь этот ритуал, но, что особенно приметно, так это характеристика В.В. Гришину, данная этим «недоутопленником» во младенчестве:

«Проработал я секретарем ЦК несколько месяцев, и вдруг 22 декабря 1985 года меня вызывают на Политбюро. О чем пойдет разговор, я не знал, но, когда увидел, что в кабинете нет секретарей ЦК, а присутствуют только члены Политбюро, понял, что речь будет идти, видимо, обо мне. Горбачев начал примерно так: Полит-

[1] Цит. по: Газета «USVIT» («Заря»). № 24. 1999. Словения. В переводе, опубликованном в газете «Ветеран». № 27. июль. 2000.

бюро посоветовалось и решило, чтобы я возглавил Московскую городскую партийную организацию — почти миллион двести тысяч коммунистов, с населением города — девять миллионов человек. Для меня это было абсолютно неожиданно. Я встал и начал говорить о нецелесообразности такого решения. Во-первых, я — инженер-строитель, имею большой производственный стаж. Наметились мысли и какие-то заделы по выходу отрасли из тупика. Я был бы полезнее, работая секретарем ЦК. К тому же в Москве я не знаю хорошо кадры, мне будет очень трудно работать.

Горбачев и другие члены Политбюро начали убеждать, что это крайне необходимо, что надо освобождать Гришина, что партийная организация Москвы дряхлеет, что стиль и методы ее работы таковы, что она не только не является примером, но и вообще плетется в хвосте партийных организаций страны. Что Гришин не думал о людях, об их неотложных нуждах, завалил работу, его заботила только парадность, проведение громких мероприятий — отлаженных, заорганизованных, когда все читают по бумажкам. В общем, Московскую партийную организацию надо спасать.

Разговор на Политбюро получился непростой. Опять мне сказали, что есть партийная дисциплина, что мы знаем, что вы там будете полезнее для партии... В общем, опять ломая себя, понимая, что Московскую партийную организацию в таком состоянии оставлять нельзя, на ходу прикидывая, кого бы можно туда направить, я согласился.

Потом я нередко размышлял над тем, почему Горбачев остановился на моей кандидатуре. Он, видимо, учел и мой почти десятилетний опыт руководства одной из крупнейших партийных организаций страны, и плюс производственный стаж... К тому же знал мой характер, был уверен, что я смогу разгребать старые нагромождения, бороться с мафией, имея определенный характер и мужество, смогу капитально поменять кадры, — все это было предугадано. В тот момент действительно я оказался наиболее, ну, что ли, удачной кандидатурой для тех целей, которые он ставил. Соглашался я на тот пост с трудом. И не потому, что боялся трудностей, а я отлично понимал, что меня используют, чтобы свалить команду Гришина. Гришин, конечно, человек невысокого интеллекта, без какого-то нравственного чувства, порядочности — нет, этого у него не было. Была напыщенность, было очень сильно развито угодничество. Он знал в любой час, что нужно сделать, чтобы угодить руководству. С большим самомнением. Он готовился стать Генеральным секретарем, пытался сделать все, чтобы захватить власть в свои руки, но, слава Богу, не дали.

Многих он развратил, не всю, конечно, Московскую партийную организацию, но руководство МГК — да. В аппарате сложил-

ся авторитарный стиль руководства. Авторитарность — да еще без достаточного ума, — это страшно. Сказывалось это все на социальных делах, на уровне жизни людей, на внешнем облике Москвы. Столица стала жить хуже, чем несколько десятилетий назад. Грязная, с вечными очередями, с толпами людей...»[1]

Прочитаешь такое и подумаешь, что характеристику «авторитарному Гришину», да еще «без достаточного ума», дает не «правитель макиавеллевского толка», а высокоинтеллектуальный гуманист типа Махатмы Ганди.

На состоявшемся Пленуме Московского горкома партии 24 декабря 1995 года Ельцин был утвержден в новой должности, а В.В. Гришин был отправлен на пенсию «по собственному желанию». Нового «Первого» Пленуму представил Горбачев, который присутствовал также на отчетно-выборной партийной конференции в январе 1996 года. Заслушав доклад Ельцина, который продолжался два часа, Горбачев одобрил его словами: «Подул сильный свежий ветер».

Очень не поздоровиться многим московским партфункционерам от этого «свежего ветра», о чем речь впереди. Перебравшись в соседнее здание, где располагался горком партии, Ельцин решил доказать, на что он способен, став снова «хозяином». Он взялся за дело со свойственной ему энергией. На первом этапе он решил «разобраться» с кадрами, которые, по его мнению, разучились нормально работать.

2.2. «Хозяин» Москвы

Бесконечно маленькие люди имеют
бесконечно большое тщеславие.

Вольтер

Итак, в канун нового 1986 года Б. Ельцин стал «хозяином» Москвы. Усевшись в кресло бывшего первого секретаря Московского горкома, который, в общей сложности, свыше 20 лет был кандидатом и членом Политбюро ЦК КПСС, он наверное не единожды прокручивал в своей голове сценарий изгнания В.В. Гришина с партийного Олимпа. За что же его так? Потом в своей «Исповеди…» Ельцин признается, за то, что: «Он готовился стать Генеральным секретарем, пытался сделать все, чтобы захватить

[1] *Б. Ельцин.* Исповедь на заданную тему. Ассоциация уральских издателей. 1990. С. 103—105.

власть в свои руки, но, слава Богу, не дали». За что же хвала Господу Богу? Что бы такого страшного произошло, если бы В.В. Гришина избрали Генсеком? Чем он, скажем, хуже К.У. Черненко, который «правил» страной около года, находясь в полубессознательном состоянии? Или того же Горбачева, который целью своей жизни поставил «уничтожение коммунизма» и добился таки развала страны и уничтожения КПСС.

Выступая на 19-й партконференции, Егор Лигачев припомнил некоторые неизвестные раньше детали, связанные с выбором Генерального секретаря после смерти Черненко: «Надо сказать всю правду: это были тревожные дни. Могли быть абсолютно другие решения. Была такая опасность. Хочу вам сказать, что благодаря твердо занятой позиции членов Политбюро товарищей Чебрикова, Соломенцева, Громыко и большой группы первых секретарей обкомов на мартовском Пленуме ЦК (1995 год. — *А.К.*) было принято единственно правильное решение» (то есть избрание Генеральным секретарем М.С. Горбачева. — *А.К.*). Однако, сказать, от кого исходила «такая опасность», и что так «тревожило» его, премудрый Егор Кузьмич так и не решился. Речь, конечно же идет о Гришине и Романове, которые никакой «опасности» уже не представляли по одной простой причине, что дискредитировать этих небожителей принялся еще Ю.В. Андропов, когда сам шел, где по головам, а где и по трупам к вершине Власти. Вернемся ненадолго всего на несколько лет назад, чтобы до конца понять нелегкий путь «гебиста магнетического» на вожделенный пост Генерального Секретаря ЦК КПСС, который «расчистил» путь к власти политическому поддонку, предателю Горбачеву, а затем и политическому громиле Ельцину.

К моменту прихода к власти Ю.В. Андропова позиции В.В. Гришина как в Москве, так и в целом в руководстве партии были необычайно крепки. Сам родом из Подмосковья, железнодорожник-практик, он с 1950 по 1956 год уже работает в аппарате Московского горкома партии в должности второго секретаря. Затем, после 10-летнего пребывания во главе профсоюзов страны, он с июля 1967 года уже в кресле Первого секретаря, просидев в нем столько же лет, сколько Л.И. Брежнев пребывал в качестве Генерального секретаря. Удивительно, но в своем карьерном росте он хотя и не на много, но всегда опережал Ю.В. Андропова, будучи с ним одногодками (1914 г.). В 1961 году Гришин становится кандидатом в члены Политбюро, на два года раньше Ю.В. Андропова, а в 1971 членом Политбюро (Андропов с 1973 года).

У Гришина было «мощное хозяйство» — столица СССР, даже учетные карточки коммунистов Брежнева и Андропова лежали в

сейфе Московского горкома. Надо не забывать, что аппарат Московского горкома и тридцать с лишним его райкомов были одним из основных поставщиков партийно-государственных кадров страны, поэтому «свои люди» у Гришина были буквально во всех министерствах, в аппарате ЦК и Совмина СССР и России. Директора и ректоры вузов, руководители крупнейших издательств, театров, киностудий — целая духовная империя, все это были «птенцы» гнезда Гришина.

Человеком он был осмотрительным, бережно растил, берег и хорошо расставлял кадры, твердо признавал верховенство Леонида Ильича и был с ним в наилучших отношениях.

Увы, власть людей портит, а власть долголетняя и бесконтрольная портит неизбежно (прав был мудрый Ф. Бекон, сказав однажды: «Возможность украсть создает воров»). Вокруг Гришина в последние годы его правления сформировалась толпа хапуг — своеобразная мафия, а если точнее — торговая мафия, которую возглавил начальник управления торговли Трегубов. Гришин и его окружение не сумели удержаться от соблазнов, тем более, что они были так доступны. Скромный по природе и воспитанию Гришин в конце свой карьеры начал злоупотреблять своей властью. Нет, он не строил себе вилл в Форосе, не скупал землю в Калифорнии и старинные замки в Европе, не приобретал «скромных хатынок» в Канаде и не содержал предприятий за рубежом — надо полагать и в мыслях такого не имел. Но подарки принимал с удовольствием. Проходимец и плут — директор Елисеевского магазина Соколов — сделался снабженцем гришинского семейства. Как мог помогал отец семейства «выбиться в люди» своим детям. Дочь Виктора Васильевича уже в тридцать лет стала доктором наук и заведующей крупнейшей кафедрой МГУ. Сын к тридцати годам тоже стал доктором наук, профессором и директором престижного института. Кстати, дети Андропова, по природе своей и образованию весьма одаренные люди, таких карьерных рывков не делали и всего, чего они успели достичь — это было сделано без всякой помощи со стороны отца. Мало того, что он не помогал им в учебе и карьерном росте, он был абсолютно чужд к ним даже в трудные моменты их жизнь, что чести ему не делает.

Получив соответствующее задание, «люди Андропова» быстро «вычислили» всю воровскую сеть во главе с Трегубовым и Соколовым, но «замкнули» эту сеть, как и следовало ожидать, на московского Первого. А сеть была поистине масштабной: тут партсекретари и шефы райисполкомов, тут грубиян и откровенный хапуга Промыслов — Председатель Моссовета со своим первым помощником Шубом, который фактически управлял Москвой (земляк Промыслова, родственник его жены).

Одним словом, чекисты без всякого труда выследили эту воровскую «малину», «раскололи» главных ее «паханов», которые понесли суровое наказание. Директора Елисеевского гастронома Соколова осудили и приговорили к смертной казни (расстрелу), «взяли» Трегубова и все его окружение (правда больше никого не расстреляли). Резонанс этой операции по ликвидации московской торговой мафии был огромным, советские люди с восторгом поддержали это начинание ГБистов, ожидая, что нечто подобное скоро последует и в другие регионы страны, ибо Москва, отнюдь, не была исключением. Коррупция, воровство, взяточничество процветали по всей стране.

Однако дело дальше не пошло, вся операция была задумана исключительно с целью дискредитации Гришина, и проживи Андропов еще хотя бы полгода, московского Первого убрали бы с треском. Не исключено, что когда Ельцин пришел править Москвой и устроил массовое избиение столичных кадров, которых лично не знал и знать не мог, он пользовался материалом, «наработанным» андроповскими чекистами. И этого униженного и оскорбленного Гришина «испугался» такой боец, как Егор Кузьмич Лигачев?!

С Романовым поступили проще. Летом 1983 года Андропов его «повысил», перевел его из Ленинграда, где первый секретарь опирался на мощную партийную организацию, кадры которой, не хуже московских, были повсюду в стране, в Москву, поручив ему опекать в ЦК оборонный комплекс страны. Имея в подчинении всего лишь 26 человек, Романов был не в состоянии осилить стоящих перед ним гигантских проблем, не имея к тому же каких-либо выдающихся способностей и соответствующего образования.

Его убрали «без шума и пыли», когда к власти пришел воспитанник Андропова и его «духовный наследник» М. Горбачев. Как утверждают многие аналитики, снять Романова в Ленинграде было бы куда сложнее, поскольку там у него была мощная опора внизу.

Так чего, спрашивается, так сильно испугался Егор Кузьмич при избрании Генерального секретаря в марте 1985 года? Оба «льва» уже были повержены Андроповым, и попинать их уже можно было без всякого страха, что и сделал Лигачев еще раз на 19-й партконференции, не назвав, правда, по имени этих «львов».

Гришин и Романов были последними, но не единственными политическим жертвами на пути Андропова к власти. Как он расправился с весьма близкими к Л.И. Брежневу долголетним руководителем МВД Н.А. Щелоковым и первым секретарем Краснодарского края С.Ф. Медуновым мы уже выше отмечали. Сразу же после кончины Л.И. Брежнева сильно «аукнулось» пьяное бахвальство за гостеприимным ставропольским столом Горбачева любимому зятю Леонида Ильича Юрию Чурбанову, отбывшему 8-

летний срок в Нижне-Тагильской спецколонии. «Добивал» Ю. Чурбанова, как и Н. Щелокова, правда, уже Горбачев, по той простой причине, что слишком короткий срок отпустил Всевышний Андропову для правления и расправ со своими оппонентами. Да и загадочные, но уж очень своевременные, с точки зрения карьерных устремлений Андропова, смерти маршала Гречко, секретарей ЦК Кулакова и Суслова, первого секретаря Белоруссии Машерова, первого заместителя Андропова Цвигуна многие исследователи, и прежде всего В. Легостаев и В. Гусев, относят к политическим убийствам, совершенных в пользу Андропова»[1].

Но наиболее сенсационное заключение о внезапной смерти самого Л.И. Брежнева поведали тот же В. Легостаев, и близко подошедший к аналогичному выводу С. Семанов в его неоднократно выше цитируемом произведении: что это тоже было тщательно спланированное Андроповым политическое убийство.

Несмотря на многочисленные болезни и, как считают некоторые биографы и исследователи, старческий маразм, в который впал Генеральный секретарь, ничто не предвещало его внезапную смерть в ночь с 9 на 10 ноября 1982 года.

«7 ноября Брежнев, несмотря на плохую погоду, отстоял парад и отправился на дачу. Отдохнув, 9-го вышел на охоту, вернулся в хорошей форме и бодром настроении. Рано лег спать и велел дежурному разбудить его в восемь утра и приготовить документы к предстоящему Пленуму ЦК по науке. Лег, а под утро, тихо, не приходя в сознание, скончался. «Отошел», — как говорили в таких случаях в старину. И еще говорили: как жил, так и помер. Он, прожив в жуткое время, всегда оставался в душе добрым человеком, заслужив у Господа милость легкой кончины. Увы, его преемник скончался совсем иначе...»[2]

Таким образом, в последний день своей жизни, 9 ноября 1982 года, Брежнев приехал из Завидова в Кремль на работу. Встретил его давний сотрудник личной охраны Генсека Владимир Медведев, который свидетельствует: «Леонид Ильич появился на работе минут двадцать одиннадцатого. Я встретил его, как обычно, у лифта на третьем этаже. Вышел, пальто осеннее темно-серое — распахнуто, шапка ондатровая — в руках. Улыбается, руку протянул:

— Здравствуй, Володя.

Я сразу на любимую тему:

— Как охота?

— Хорошо»[3].

---

[1] *В. Легостаев*. Гебист магнетический. «Завтра», № 8, 2004.

[2] *С. Семанов*. Председатель КГБ Юрий Андропов. М.: «Алгоритм», 2008. С. 261.

[3] Цит. по: *В. Легостаев.* Гебист магнетический. «Завтра», № 5, 2004.

Хорошее настроение Л.И. Брежнева в этот день отмечает также Олег Александрович Захаров, который много лет работал секретарем в приемной Брежнева, от него перешел по наследству к Андропову, потом к Черненко. В тот день было как раз дежурство Захарова, который позже поделился своими воспоминаниями с В. Легостаевым. Из его рассказа следует, что перед выездом из Завидова ему передали от имени Брежнева указание пригласить к Генсеку на 12.00 Андропова. Сам Брежнев, когда появился, выглядел хорошо отдохнувшим, пребывал в бодром расположении духа, и, что отмечал Захаров, — «производил впечатление человека, внутренне твердо определившегося в каком-то важном для себя решении»[1].

Какое же важное решение принял для себя Л.И. Брежнев, и что он хотел поведать Андропову в полдень последнего дня своей жизни? С какими мыслями шел на встречу с Генеральным секретарем Ю.В. Андропов, которая оказалась последней, и после которой ему пришлось принимать столь кардинальное решение? С одной стороны, Леонид Ильич не зря посадил Андропова в кресло Суслова, в котором тот «просидел» тридцать пять лет, и выделил кабинет которого находился рядом с кабинетом Генсека на пятом этаже здания ЦК. Как докладывал Андропову Чазов, Брежнев очень сильно интересовался состоянием здоровья Андропова, что вызывало у последнего серьезное беспокойство по поводу его правопреемства. Он просил Чазова поспособствовать тому, чтобы у Генерального изменилось мнение о его здоровье:

«Я встречался с Брежневым, и он меня долго расспрашивал о самочувствии, о моей болезни, о том, чем он мог бы мне помочь. Видимо, кто-то играет на моей болезни и под видом заботы хочет представить меня тяжелобольным, инвалидом. Я прошу вас успокоить Брежнева и развеять его сомнения и настороженность в отношении моего будущего»[2].

Видимо рекомендации Чазова относительно здоровья Андропова подействовали и в октябре 1982 года Брежнев позвонил ему и велел в свое отсутствие вести заседания Политбюро. Поверил ли Андропов в этот знак, явно указывающий на его правопреемство в будущем на пост Генсека? Хотелось бы, но грыз червь сомнения. Для него не было секретом, зачем в начале мая этого года Леонид Ильич в большой тайне вылетал на несколько часов в Киев, о чем Андропову доложил генерал Алидин, оперативно обсуживающий

---

[1] Цит. по: *В. Легостаев.* Гебист магнетический. «Завтра», № 5, 2004.

[2] Цит. по: *Л. Млечин.* Юрий Андропов. Последняя надежда режима. М.: «Центрполиграф», 2008. С. 371.

Внуковский аэропорт. Он был очень встревожен, отлично понимал, что может стоять за этой поездкой. Владимир Васильевич Щербицкий принадлежал к числу любимцев Брежнева еще по совместной работе в Днепропетровске. Еще одним аргументом в пользу того, что Брежнев хлопочет по поводу передачи руля партии в руки Первого секретаря компартии Украины, был перевод с Украины на освободившуюся должность Председателя КГБ В.В. Федорчука в Москву. Для Андропова, который рекомендовал на эту должность своего первого заместителя Виктора Михайловича Чебрикова, это назначение было знаковым, особенно когда он узнал, что Л.И. Брежнев лично позвонил Федорчуку и предложил ему стать Председателем КГБ вместо уходящего в ЦК Андропова.

Перед смертью Брежнева в Москве отметили возросшую активность украинского «гетмана» Щербицкого. Он часто звонил и встречался с Федорчуком, о чем Андропов узнавал немедленно. В аппарате знали, что Брежнев ценил и поднимал Щербицкого, часто говорил, что Владимир Васильевич станет следующим Генеральным секретарем. Щербицкий мог всерьез отнестись к словам Генерального секретаря, который, расчувствовавшись, однажды сказал ему:

— После меня ты, Володя, станешь генеральным[1].

Наконец, Андропов не мог не знать, что где-то в середине октября 1982 года Брежнев вызвал к себе в кабинет секретаря ЦК, ответственного за кадры, Ивана Васильевича Капитонова и сказал:

— Видишь это кресло? — спросил Брежнев, указывая на свое кресло. — Через месяц в нем будет сидеть Щербицкий. Все кадровые вопросы решай с учетом этого[2].

Все эти мысли вихрем пронеслись в голове Андропова, а за ними последовал и сакраментальный вопрос — так кто же, Щербицкий или Андропов? О чем был этот судьбоносный для великой страны разговор, несколько ниже, а пока слово любимому зятю Л.И. Брежнева — Юрию Михайловичу Чурбанову:

«10 ноября 1982 года, утром, в начале девятого, мне на работу позвонила Витуся, дочь Галины Леонидовны, и сказала: «Срочно приезжайте на дачу». На мой вопрос: «Что случилось?» — ответа не последовало. Я заехал за женой в МИД, и в скором времени мы уже были на даче. Поднялись в спальню, на кровати лежал мертвый Леонид Ильич, рядом с ним находились Виктория Петровна и сотрудники охраны. Юрий Владимирович Андропов уже был там. Позже подъехал Чазов.

---

[1] Цит. по: *Л. Млечин.* Юрий Андропов. Последняя надежда режима. М.: «Центрполиграф», 2008. С. 362.

[2] Там же. С. 371.

Смерть наступила внезапно, ночью. Все произошло настолько быстро и тихо, что спавшая рядом Виктория Петровна просто ничего не слышала. Вскрытие показало, у Леонида Ильича оторвался тромб, попавший прямо в сердце.

Врачей рядом не было. Леонид Ильич по вечерам всегда отпускал врачей домой; он еще думал о том, что врач — тоже человек и ему, наверное, хочется провести вечернее время дома вместе со своей семьей. Девятого, накануне, Леонид Ильич приехал с охоты. Он был в очень хорошем настроении, поужинал, посмотрел программу «Время», несколько документальных фильмов, передал начальнику охраны, чтобы его разбудили в восемь часов утра, и пошел отдыхать. Утром он собирался поехать на работу, чтобы еще раз посмотреть материалы к Пленуму ЦК по научно-техническому прогрессу, который должен был состояться в Москве 15 ноября. Врач померил давление — это мне уже рассказывала Виктория Петровна — давление было 120 на 80. Смерть наступила где-то под утро.

Леонид Ильич еще собирался пожить. В последнее время, кстати говоря, он чувствовал себя гораздо лучше, чем прежде. А накануне Леонид Ильич был просто в великолепном настроении, много шутил, читая газеты. Вот такая внезапная смерть»[1].

Очень вовремя умер Л.И. Брежнев. К этому времени политическая ситуация складывалась далеко не в пользу Ю.В. Андропова, который положил столько трудов, чтобы занять пост 2-го секретаря ЦК после смерти М.А. Суслова. Казалось бы, чего суетиться, Генсек вот-вот по естественной причине оставит свой пост — и цель всей жизни будет достигнута! Но все было не так просто. Разузнав у кремлевского лекаря Е.И. Чазова, что Ю.В. Андропов страдает тяжким заболеванием и сам может вскоре последовать за ним, Л.И. Брежнев мудро решил, что в качестве преемника нужно искать другого человека, имеющего лишь одно преимущество перед Андроповым — быть относительно здоровым. Выбор пал на Первого секретаря ЦК Компартии Украины В.В. Щербицкого, с чем было согласно значительное большинство членов Политбюро, которые ни под каким предлогом не желали видеть Андропова в роли кандидата на пост Генсека. Несмотря на то, что Андропов за последние несколько лет значительно «почистил» ряды своих оппонентов, чаша весов по-прежнему склонялась в сторону противников Андропова. Трагическую развязку ускорил сам Л.И. Брежнев, приняв решение отойти от активной политической и государственной деятельности, оставив за собой почетный пост Председателя партии, который еще нужно было учредить.

---

[1] *Ю.Чурбанов.* Мой тесть Леонид Ильич Брежнев. М.: «Алгоритм». 2007. С. 63—64.

Подготовка к смене власти шла активно. Уже было получено согласие В.В. Щербицкого на перевод его в Москву. В Орготделе ЦК узкая группа посвященных активно работала над проектом положения «О Председателе партии». На конец ноября был запланирован очередной Пленум ЦК, на котором ожидались важные кадровые перестановки. Во-первых, на пост Председателя партии будет выдвинут Л.И. Брежнев, который уже не раз просил членов Политбюро «отпустить» его на покой. Во-вторых, будет избран новый Генеральный секретарь. Перед Андроповым встал извечный гамлетовский вопрос: «Быть или не быть». И когда, будучи вызванным на 12 часов 9 ноября 1982 года на аудиенцию к Л.И. Брежневу, Ю.В. Андропов получил задание готовить материалы Пленума по объявленной ему повестке дня, он решил — «быть», а метроном начал отсчитывать оставшиеся часы жизни Генсека. Таким образом, практически один в один, повторилась ситуация 30-летней давности, когда стареющий Генсек, и Сталин, также наметив кардинальные политические, экономические и кадровые перемены, не дожил нескольких дней до намеченного Пленума ЦК. Так же, как и Брежнев, он хотел отойти от дел, заняв почетный пост Председателя партии. Так же, как Брежнев, наметил передать власть молодым выдвиженцам и на главный пост, которым должен был стать пост Председателя правительства, уже был подобран 50-летний Пантелеймон Кондратьевич Пономаренко. Увы, «внезапная» смерть Сталина перечеркнула все эти планы. Предоставим слово Валерию Легостаеву — прекрасному журналисту и мужественному гражданину России, поплатившемуся жизнью за свои откровения:

«Утром 9 ноября Брежнев выехал из Завидова в Кремль на работу. Перед выездом от него в приемную передали Захарову указание пригласить на 12.00 к Генсеку Андропова. Встреча состоялась. Вроде бы на ней был кто-то еще. О чем говорили, доподлинно неизвестно. Однако, исходя из общей ситуации, можно утверждать с высокой степенью вероятности, что Андропову было сказано о принятом решении рекомендовать на ближайшем Пленуме к избранию генсеком Щербицкого. Андропову, как второму секретарю, предстояло заняться организационной стороной подготовки Пленума. Утром следующего дня Брежнева обнаружили в спальне на даче в Кунцеве мертвым. Кто? Как? Почему? Ответ известен. По свидетельству Владимира Медведева, сотрудника охраны Брежнева, первым на дачу прибыл Андропов. Был сосредоточен, деловит, волос на голове не рвал. Следом прикатил верный Чазов. За ним — «скорая помощь». Членов ПБ на дачу не допустили. Видите ли, Виктория Петровна не велела. Особенно велела не пускать

Черненко. Ну да, он-то, наверное, и был третьим на последней беседе Генсека с Андроповым. Мне уже раньше доводилось писать в «Завтра» о многочисленных неясностях в обстоятельствах смерти Брежнева. Поэтому не буду педалировать здесь эту тему снова. У меня не вызывает сомнений, что Брежнев пал жертвой политического убийства в пользу Андропова. Впрочем, так же, как раньше такими жертвами стали Гречко, Кулаков, Машеров и Суслов. Но это я так думаю. Других ни в чем не убеждаю.

На Политбюро, разумеется, под председательством Андропова, избрать его Генсеком предложил «дохлый хозяйственник» Устинов. Он, наверное, сказал: «Предлагаю Юрия Владимировича как ближайшего соратника ныне покойного Леонида Ильича», — и замедленно стряхнул с маршальского погона невидимую пылинку. Сидевшие вокруг стола члены дружно опустили в знак согласия свои головы. Ведь среди них не было самоубийц. Помню, когда я только что пришел на работу в аппарат ЦК, один из тамошних старожилов сделал мне по доброте душевной напутствие: «Запомни, — сказал он, — здесь есть дураки, но нет лопухов. Здесь все секут». Члены Политбюро, «избирая» Андропова, конечно, тоже «секли», что именно вокруг них происходит. 12 ноября 1982 г. внеочередной Пленум ЦК КПСС под гром оваций официально провозгласил Андропова своим новым Генеральным секретарем. Спустя полгода, Генсек присовокупил себе еще и пост Председателя Президиума ВС СССР. Это был завершающий этап классического государственного переворота, в результате которого Андропов сосредоточил в своих руках всю полноту власти над самым крупным государством на планете. Со времен княгини Ольги ни один русский сирота не достигал в России столь грандиозных карьерных высот.

Должен признаться, что в глубине души сам я не очень порицаю Андропова за те темные истории, что сопровождали его по пути наверх. В конце концов, большая политика и тайные убийства, а также прочие подлости сочетаются нормально, как, например, футбол и переломанные ноги. Издержки профессии. Однако мне представляется исторически непростительным преступлением Андропова против России в образе СССР и против населяющих ее народов то, что, будучи 68-летним смертельно больным человеком, он, тем не менее, домогался высшей власти и в конце концов неправыми средствами узурпировал ее в своих слабеющих руках. Это был акт откровенного пренебрежения жизненными интересами великой страны, демонстрация глубокого презрения к судьбам советских народов. Многолетнее пребывание Андропова на посту Председателя КГБ, его интриги в личных целях

привели к тому, что в начале 80-х на вершине власти в СССР не осталось никого, кому было бы по силам и по чести взвалить на себя тяжелую ношу политического лидерства в измотанной мелкими неурядицами стране. Поэтому, когда в феврале 1984 г. Андропов умер, процесс смены власти вышел из под какого-либо контроля и приобрел неуправляемый характер. Это стало началом небывалой геополитической катастрофы. Когда в том же 1984 г. испустил дух маршал Устинов, последний лев сталинской эпохи, настал черед мелких партийных шакалов. Не без поддержки со стороны КГБ новым генсеком стал андроповский «крот» в ЦК Горбачев, политический шулер и демагог. На протяжении всей его, губительной для страны, карьеры КГБ опекал шулера, пока в августе 1991 г. он не предал и само это достойное ведомство, подведя его под тупоголовую дубину марионетки Бакатина.

Кстати, случайно или нет, но в те самые дни, когда российское общество переживало трагедию теракта в московском метро, в Интернете появились сообщения об очередной подкормке Западом Горбачева, на этот раз в форме приза Национальной академии звукозаписи США «Грэмми». Смотри, Россия, и учись ненавидеть. Хотя бы тех, кто тобою торгует»[1].

Однако кроме «исторически непростительного преступления», в котором журналист так яростно обвиняет Андропова, за плечами последнего имеется, по крайней мере, одно уголовное преступление — государственная измена. Дело было связано с изменником Родины генералом ГБ Калугиным, который возглавлял Управление «К» (контрразведка и внедрение агентов в разведку зарубежных государств). Когда Андропову стало известно, что Калугин является завербованным агентом ЦРУ США, он понял, какая опасность нависла над ним самим, поскольку Калугин сделал блестящую карьеру именно при нем — Андропове. О том, что Андропов прекрасно знал о предательстве Калугина, свидетельствует генерал-майор в отставке Докучаев, выпустивший книгу: «Москва. Кремль. Охрана». Генерал знал прекрасно о преступлении как Калугина, так и покрывавшего его Андропова, поскольку в 1972—1975 гг. он возглавлял отдел внешней разведки Первого главного управления КГБ СССР, а поэтому нет никаких оснований сомневаться в его искренности:

«Агента (генерала Калугина. — *А.К.*) не лишили генеральского чина, не вывели из штатов КГБ и не отдали под суд. Вместо этого Андропов провел с ним «серьезную беседу» и назначил заместителем начальника Ленинградского УКГБ. По мнению Докучаева,

---

[1] *В. Легостаев*. Гебист магнетический. «Завтра», № 8, 2004.

«это было сделано очень мудро», поскольку Андропов «полагал, что Калугин исправится и станет на путь честного отношения к порученному делу и к своим гражданским обязанностям». Не слабая была в СССР госбезопасность при Андропове, правда? Назначить одним из руководителей УКГБ в Ленинграде, где сосредоточено созвездие стратегически важных оборонных предприятий, человека, пусть хотя бы подозреваемого в работе на ЦРУ, для них было «очень мудро». Политический контекст этой ситуации понятен. Борьба за кресло Генсека вступала в решающую фазу, и, естественно, Андропову не хотелось привлекать внимания к факту предательства в руководстве своего ведомства. А интересы личной карьеры всегда были для Андропова абсолютным приоритетом по сравнению с его служебным и партийным долгом. В случае с Калугиным, обеспечив ему безнаказанность, Андропов, получается, сам совершил акт государственной измены. На нем тогда вина за то, что предатель смог открыто вредить стране еще в течение почти 30 лет, причинив своей деятельностью колоссальный ущерб интересам государственной безопасности СССР, а затем Российской Федерации. Только в июне 2002 г., видимо, с высокого позволения президента Путина, Московский городской суд, наконец-то, решился публично назвать Калугина тем, кем он и был на самом деле со времен и под крылом Андропова: изменником Родины»[1].

Вот таков был отец «демократических реформ», которые Горбачев наречет впоследствии «перестройкой» и для «ускоренной» ее реализации привлечет опытного разрушителя, посадив его для начала в кресло Первого секретаря Московского горкома партии.

Итак, Ельцин выступил со своим первым докладом на городской партконференции 24 января 1986 года. Он произнес невиданную по тем временам речь — о бюрократизме и показухе, о том, что московская парторганизация оказалась вне зоны критики. Впервые за десятилетия первый секретарь горкома говорил о бедственном положении столицы, о провалах в строительстве и обеспечении москвичей жильем, о надвигающейся на Москву карточной системы распределения продуктов питания и предметов первой необходимости. Назвал он и причины, которые привели Московскую парторганизацию к столь печальному финалу: старое мышление руководителей и оторванность партийного аппарата от жизни. Горком превратился в неповоротливую бюрократическую машину, производящую горы руководящих документов и инструкций, его руководители практически перестали

[1] *В. Легостаев.* Гебист магнетический. «Завтра», № 8, 2004.

бывать на предприятиях столицы, интересоваться жизнью простых тружеников. Не забыл еще несколько раз «лягнуть» бывшего «хозяина» Москвы — В.В. Гришина, который еще пребывал членом Политбюро и присутствовал на партконференции.

Доклад Ельцина был целиком опубликован в городской газете «Московская правда» и наутро за скучной газетой выстраивались очереди москвичей. Они читали доклад никому ранее неизвестного «варяга» из Свердловска и не могли поверить своим глазам — такого Москва не видывала уже много лет. Москвичам хотелось верить в искренность данных Ельциным обещаний по переустройству всей жизни столицы и они сразу прониклись чувством глубокого уважения к этому «громовержцу». Помощник Горбачева Анатолий Черняев записал в своем дневнике после прослушивания доклада Ельцина: «Сегодня день ликования всей Москвы, сняли наконец Гришина, заменили Ельциным». Егор Кузьмич Лигачев своеобразно отметил начало деятельности Ельцина на новом посту. В перерыве после отчетного доклада он многозначительно изрек: «Ну ты даешь, Борис!» Понимай, как хочешь — то ли упрек, то ли одобрение. Как уже отмечалось, более определенно высказался М.С. Горбачев: «Подул сильный свежий ветер». По словам Ельцина он эти слова произнес «без одобряющей улыбки с бесстрастным выражением лица» («Исповедь…», с.105).

Свою деятельность на новом посту, которая устраивала его уже тем, что он снова, стал полновластным «хозяином», Ельцин начал с наведения дисциплины в органах управления всех уровней и хождения «в народ». Здесь он был последовательным «ленинцем», памятуя заветы вождя: «Жить в гуще. Знать настроения. Знать все. Понимать массу. Уметь подойти. Завоевать абсолютное доверие. Не отрываться руководителям от руководимой массы, авангарду — от всей армии труда».

Уже на третий день после партконференции он отправился на ЗИЛ. Идет по следам Горбачева, который побывал там вскоре после избрания его Генсеком и поставил перед автозаводцами задачу ускорения научно-технического прогресса, обновления производства. Зиловцы подготовили программу масштабной реконструкции и прежде всего интенсификации производства, повышения качества. В частности, они обязались сократить в 1,5 раза сроки модернизации, освоить ранее намеченных сроков выпуск новых автомобилей:

«Докладывая обо всем этом Ельцину, генеральный директор ЗИЛа Сайкин заметил: ему понравился «трудовой подарок». Похвалив автозаводцев слегка, Борис Николаевич тут же и озадачил: потребовал сделать упор на качество продукции и повести насту-

пление на нерадивость. После цехов он пошел в заводскую больницу, во Дворец культуры, ВТУЗ. Останавливался, разговаривал с зиловцами. Даже в беглом разговоре, за частностями он умел увидеть общие проблемы, обобщить их и выделить самое главное.

Людям нравился такой подход. В кои времена руководитель высокого ранга интересовался, чем живут люди? Что их заботит? Говорили наперебой, прерывая друг друга. Он умел слушать. Терпеливо и отзывчиво. Не ссылаясь на занятость, вникал в то, что человека волнует, просил уточнить детали. Поручал помощнику записывать просьбы, которые требовали решения городских властей.

Больше всего у москвичей было жалоб на работу правоохранительных органов и торговли. Ельцин сразу же после автозавода поехал на Петровку, встретился с руководителями Управления внутренних дел столицы. Послушал генералов, офицеров, вместе наметили меры по укреплению правопорядка в городе. Упор сделали на усиление профилактики. Посоветовал усилить взаимодействие милиции с трудовыми коллективами.

Побывал Ельцин и в магазинах, столовых. Но пользы от того, что зашел, особой не увидел. Торгаши знали, когда к ним пожалует высокое начальство, и, естественно, к приезду Ельцина полки ломились от товаров. Покупатели, которым посчастливилось зайти в магазин вслед за Ельциным, удивлялись. Откуда все взялось? Кстати, один из секретарей горкома за то, что слишком старательно подготовил визит первого секретаря в Ленинградский район столицы (распорядился убрать приемный пункт стеклотары от метро, быстро разгрести свалки мусора на улице) получил нахлобучку от Ельцина: «Устроил тут показуху, понимаешь»«[1].

Ельцин сменил тактику — никому не говорил, что собирается делать, куда планирует заехать. В своей «Исповеди…» он подробно останавливается на проблеме транспортных перевозок москвичей, которую решил «прочувствовать» на «своих боках»:

«Москва задыхалась от перегруженности. Мне захотелось убедиться воочию, а не только по статотчетности, что ситуация с транспортом сложилась крайне напряженная. Ставил себе задачу не просто проехаться в метро, автобусе, пусть даже в часы «пик», а захотел, так сказать, на своих боках почувствовать, как москвичи добираются до места работы.

Например, я знал, что многие рабочие завода имени Хруничева живут в Строгино, новом микрорайоне столицы. Приехал в шесть утра в Строгино, вместе с заспанными рабочими сел в авто-

---

[1] *В. Андриянов, А. Черняк*. Одинокий царь в Кремле. Кн. 1. М.: «Правда», 1999. С. 29—30.

бус, дальше — пересадка на метро. По дороге усталые, напряженные, заведенные люди много чего говорили о нас, начальниках, развалivших страну... Потом еще пересадка на автобус, и в 7 часов 15 минут, то есть точно к началу рабочего дня, я у ворот этого предприятия. Это только один эпизод, таких поездок было несколько.

Реакция Политбюро на эти мои путешествия в общественном транспорте была своеобразная. Явно, вслух неодобрения никто не выражал, но отголоски раздражения до меня докатывались. Потом, когда настала пора критики в мой адрес, все, что накопилось, было выплеснуто. Поездки в метро и автобусах были названы завоевыванием дешевого авторитета.

Глупо. Главное для меня было самому разобраться, что на самом деле происходит с транспортом, что необходимо предпринять, чтобы чуть-чуть снять нагрузку с людей в часы «пик». После этих поездок мы кое-что решили, например, сделали гибкий график начала работы московских предприятий, пустили новые маршруты, разработали некоторые другие меры.

Кстати, о популярности. Почему-то никто, кроме меня, не захотел ее завоевывать. Раз это так легко: съездил в транспорте и завоевал?! Что-то желания не возникало даже у тех, кто уже давно забыл, что такое популярность. Нет, просто в «ЗИЛах» ездить, действительно, гораздо удобнее. Никто на ноги не наступает, в спину не толкает, в бок не пихает. Едешь себе быстро и без остановок, всюду горит зеленый свет, постовые честь отдают, — конечно, приятно...»[1]

Затем начались «тайные» ельцинские рейды по магазинам, торговым базам, поликлиникам и т.п. Кстати, «походы» по магазинам он начал практиковать с легкой руки Наины Иосифовны, которая вскоре после назначения Ельцина на пост Первого секретаря обратилась к нему с предложением: «Боря, ты прошелся бы сегодня по Москве, такая погода хорошая, — однажды утром сказала за завтраком жена. — Зашел бы в магазин, купил бы там молочка, кефира. А домой вернулся бы на троллейбусе.

Борис Николаевич оторопел. Он не привык к тому, что его учат. Тем более к тому, чтобы советы «как жить» давали женщины. Но расчет Наины оказался точным. Народ узнал в толпе своего Первого.

— А мы сегодня Ельцина видели! Живого! В магазине!

— Ельцин ехал на троллейбусе!

— Ельцин купил два батона белого хлеба!

---

[1] *Б. Ельцин.* Исповедь на заданную тему. Ассоциация уральских издателей. 1990. С. 116—117.

Эти наблюдения горожане передавали один другому с быстротой молнии. Для них партработник, «спустившийся в народ», был в диковинку. И люди полюбили, зауважали «своего парня». Тогда еще никто не знал словосочетания «избирательные технологии». Не знала его и Наина. Она просто интуитивно попала в точку, когда ранним утром дала своему мужу совет, который ей подсказывало сердце.

Наина была мудрой женщиной. Вот когда в ней проявилась загадочная кровь предков. Наина чувствовала, какого рода человек будет симпатичен избирателю, и создала своему мужу именно такой имидж.

Народ получил тот образ, о котором мечтал и который сулил ему избавление от всех бед и реализацию самых сокровенных мечтаний. Этот миф народного спасителя, борющегося с темными силами, мастерски создала Наина Иосифовна»[1].

Идея «хождения в народ» понравилась Ельцину, правда в своей «Исповеди…» он не упомянул, что ее подала Наина Иосифовна — выдал за свое «ноу-хау»: «Узнаю, в магазин завезли телятину, иду и встаю в очередь — первые месяцы меня еще в лицо не так хорошо знали. Доходит очередь до меня — говорю: «Мне килограмм телятины». Отвечают: «Говядина есть, телятины — нет». — «Неправда, пригласите директора». Кое-кто начал понимать, поднялся шум. Настоял пройти в подсобку, а там телятина в отдельной комнате, и ее уже куда-то через окно выгружают. Шум, гам, руководство сняли.

В заводской столовой: «Почему нет моркови?» — «Не завезли». Проверяем вместе с руководством завода. Привезли и куда-то в этот же день увезли. Рассказывают грузчики, документов нет. Шито-крыто.

Продовольственный магазин, в кабинете директора несколько свертков с деликатесами. «Кому?» — «По заказам». — «Может заказать каждый?» — молчание. Тогда с директором начинаем разбираться. Вынужден признаться, что заказы распределяются райисполкому, МИДу, райкому партии, городским ведомствам и др., и все разные — и по весу, и по ассортименту, и по качеству.

Посмотрел общий баланс по городу ряда деликатесных продуктов. Странно. По каждому наименованию на несколько тысяч тонн привозят больше, чем съедают, с учетом официальной «усушки-утруски».

Систему никто не раскрывает. И тут повезло. Уже знали, что я часто хожу по магазинам, торгам, базам. Знали и чем я интере-

---

[1] *А. Гранатова.* Клан Ельциных, М.: «Алгоритм». 2008. С. 106—107.

суюсь. Но, видимо, боялись. А тут выхожу из магазина, иду пешком, догоняет молодая женщина. Говорит: «Мне надо вам рассказать что-то архиважное». Тут же назначил ей день, час встречи в горкоме.

До сих пор не могу вспоминать без чувства возмущения ее рассказ о системе взяток, подачек. Ее только втянули, и она не выдержала. Поразительно все продумано. Продавец «должен» обсчитать покупателя и дать определенную сумму в сутки материально-ответственному лицу, тот — часть себе, часть руководству магазина. Дальше общий дележ по руководству снизу доверху, а если едешь на базу — там своя такса. Каждый знает двух-трех лиц, с кем связан. Есть еще и оптовая, крупная система взяток.

Я сделал все, чтобы эту женщину не узнали, — боялась очень и просила защитить. Потом перевели в новый магазин. После этого обсудили узким кругом и решили менять не по одному провинившемуся, а целыми секторами, блоками, магазинами, секциями, цехами на базах. Ставить «незараженную» молодежь. Суды привлекли к уголовной ответственности за год с небольшим около 800 человек.

Но ведь это только часть мафии. До теневой экономики, а она доходит до 15 процентов, до мафии, связанной с политикой, не дошли. Не дали. Срок — два года — кончился»[1].

Своими «партизанскими» рейдами Ельцин сразу решал несколько проблем. Во-первых, приближалась партконференция, а ему нужно было изучить положение дел в городе, во-вторых, выяснить, чего хотят люди, и, наконец, ему, как воздух, нужны были единомышленники. При всей своей работоспособности и энергичности он понимал, что один в поле не воин, всех магазинов, заводов, баз, сколько бы ни ходил «в народ», не объедешь и не обойдешь. Помощником он взял основательно проверенного еще в Свердловске Виктора Илюшина, которого чуть раньше Ельцина перевели в Москву инструктором ЦК КПСС. В качестве третьего охранника к нему прислали Александра Коржакова, которому выпала судьба стать главным «оруженосцем» Ельцина. Однако это еще не команда, это его оруженосцы. Команду еще нужно сформировать, но для этого требовалось хорошо знать людей, в окружении которых он оказался. Конечно, «кадры решают все», но начинать нужно было с НЭПа (Наведения Элементарного Порядка) и в первую очередь с дисциплины.

---

[1] *Б. Ельцин.* Исповедь на заданную тему. Ассоциация уральских издателей. 1990. С. 111—112.

Вспоминает Юрий Анатольевич Прокофьев, бывший в то время заведующим Организационным отделом горкома партии, впоследствии ставший Первым секретарем горкома (сменил на этом посту Л. Зайкова, который, в свою очередь, сменил Б. Ельцина):

«На четвертый день утром раздается телефонный звонок: «Прокофьев, почему люди приходят так поздно на работу?» Звонок был где-то без четверти десять. Я объяснил, что в свое время Хрущев распорядился, чтобы горком начинал работу с десяти утра, с тем чтобы вечером члены горкома работали подольше и могли принимать население. Ельцин был недоволен таким положением и добился, чтобы работу начинали в девять часов утра»[1].

Как когда-то в Свердловске, Ельцин решительно принялся чистить кадры, избавляясь в первую очередь от тех, кто длительное время проработал с В.В. Гришиным. Аппарат горкома партии был почти полностью обновлен. Из 33 Первых секретарей райкомов сменилось 23, причем в некоторых районах перестановки происходили по нескольку раз. Он разогнал 40 процентов партноменклатуры, 36 процентов городских чиновников, 44 процента профсоюзной элиты. Второго секретаря горкома А. Захарова ему порекомендовали в аппарате ЦК, где он работал в отделе науки, а перед этим был секретарем Ленинградского обкома партии.

Однако Захаров не вписался в команду Ельцина и вскоре был назначен министром культуры СССР, а вторым секретарем Ельцин взял свердловчанина Ю. Белякова, в прошлом комсомольского работника. Придирчиво занимался подбором кандидатуры на пост Председателя исполкома Моссовета. Об этом он пишет в своей «Исповеди…»:

«На месте председателя исполкома Моссовета сидел Промыслов, печально известный не только москвичам. Тогда ходила шутка, и не без оснований: «Промыслов временно остановился в Москве, перелетая из Вашингтона в Токио». Ко мне он пришел на следующий день после моего избрания и прямо с порога начал: «Невозможно было работать с Гришиным», и дальше много нелестного в его адрес. И тут же, без всякого перехода: «Как я рад, что вы, Борис Николаевич, стали первым секретарем!» И в конце сообщает, что у него открылось, оказывается, второе дыхание, он полон сил, которых, безусловно, хватит еще минимум на пятилетку. Пришлось его остановить и сообщить, что разговор пойдет совсем о другом. Я сказал достаточно жестко, что ему надо уйти. Он попытался сделать еще несколько заходов в мою сторону, но я сказал: «Прошу завтра к 12.00 принести заявление».

---

[1] *Ю. Прокофьев.* До и после запрета КПСС. М.: «Алгоритм», 2005. С. 63.

И на прощание добавил: «Не опаздывайте, пожалуйста». В 12 часов он не пришел, я позвонил ему и сказал, что он, видимо, не обратил внимания на мою фразу, я предлагаю ему уйти по-хорошему, а можно ведь и по-другому... Он понял и через 20 минут принес заявление.

После этого за два дня четыре группировки предложили мне четыре кандидатуры на пост председателя Моссовета. Каждая из них, я понимал, тащила своего человека. Всем было ясно, насколько важна фигура мэра города, как много от него зависит. Я решил использовать нестандартный вариант. Поехал на ЗИЛ. Пробыл там с 8 часов утра до 2 часов ночи. Ходил по цехам, встречался с рабочими, специалистами, партактивом, конструкторами, руководителями подразделений. Но это был один угол зрения, а второй — я решил познакомиться с генеральным директором В.Т. Сайкиным, старался не упустить ни малейших деталей — как он разговаривает с рабочими, с подчиненными, с секретарем парткома, со мной. Несколько дней анализа — и пришел к мысли: он может стать хорошим председателем, конечно, не сразу, нужна будет помощь и поддержка. Переговорил по телефону с М. С. Горбачевым и изложил идею, он одобрил»[1].

4 января 1986 года сессия Московского городского Совета народных депутатов освободила от обязанностей председателя Моссовета В.Ф. Промыслова с традиционной формулировкой: «в связи с уходом на пенсию», а председателем Моссовета был избран В.Т. Сайкин. Ельцин видел в Сайкине не только соратника, который хотел перемен в партии и стране, но и родственную душу. Свой брат, производственник, прошел, как и сам Ельцин, по всем ступенькам карьерной лестницы. Начиная на ЗИЛе формовщиком, потом, получив образование, работал на инженерных должностях, был главным металлургом, заместителем главного инженера, первым замом генерального директора. Почти сверстники — Сайкин уже отпраздновал свое 50-летие.

Все это импонировало Ельцину. Предложив Сайкину пост и услышав в ответ: «А справлюсь ли?», небрежно бросил: «Сработаемся».

На первых порах шли, как говориться, ноздря в ноздрю. Потом жизнь развела по разные стороны. Но это будет позже. Даже значительно позже, чем в случае с Захаровым. Пока же Сайкин энергично взялся за гуж.

---

[1] *Б. Ельцин.* Исповедь на заданную тему. Ассоциация уральских издателей. 1990. С. 107—108.

Памятуя заветы В.И. Ленина, который призывал терпеливо искать кадры в массах, испытывать их, двигая от простейших дел к труднейшим, Б.Н. Ельцин буквально «окунулся в гущу масс».

Чтобы заиметь команду в полном составе, Ельцин денно и нощно носился по городу. В тот же день, когда собиралась сессия Моссовета он навел шороху на Втором Московском часовом заводе. Прошел по цехам, слушая на ходу пояснения директора В. Самсонова и министра приборостроения М. Шкабардни. У рабочих спрашивал не обычное «как живете?», а вдавался в тонкости технологии. Тут же ставил задачи: снижать себестоимость продукции, экономить цветные металлы, осваивать новые изделия высокого качества, неустанно двигаться вперед по всем направлениям научно-технического прогресса.

И хотя на заводе был он наскоком и разобрался в делах не так обстоятельно, как на ЗИЛе, при всем том понравился работягам. Чем? Может быть, простотой, может быть, своим косноязычием: говорил просто, незамысловато, понятно рабочему человеку. Может быть, и тем, что интересовался не только «железяками», а и заботами людей: «Какая зарплата?», «Хватает ли на жизнь?», «Как дела дома?», «Хорошо ли в столовой кормят?» И видно было: спрашивал не для того, чтобы отметиться — из цехов пошел в столовую, изучив меню, выбрал себе на раздаче борщ и котлеты, сел в общем зале. Потом зашел в медсанчасть, побеседовал с больными. Заглянул в Музей трудовой славы — познакомился с историей предприятия.

Встречаясь с людьми, Ельцин старался, чтобы они это запомнили. Был у него фирменный, потрясающий людей жест. В то время, когда и часы «выбрасывали» (наверное, только в русском языке это слово приобрело такой смысл), первый секретарь горкома делал символический подарок — часы вроде бы со своей руки.

«Как-то во время встречи на стройке, вспоминает А. Коржаков, он меня спрашивает:

— Александр, какие у вас часы?

Я показал.

— О, эти не подходят, нужны какие-нибудь поинтереснее.

Я подхожу к коллеге из группы сопровождения и интересуюсь:

— У тебя какие часы?

— «Сейко». А что?

Поясняю ему:

— Снимай, шеф просит.

Он отдал. И шеф тут же подарил эти часы какому-то строителю. У Ельцина, оказывается, манера была — дарить часы. Жест

этот предполагал исторический смысл: первый секретарь поощрял «своими» часами отличившихся тружеников. Почти так же, как командиры своих солдат — за боевые заслуги в Великую Отечественную. Я этот фокус с часами запомнил и потом специально носил в кармане запасной комплект. Часы же брал казенные, в горкоме.

У Ельцина в кармане всегда лежал червонец, который ему вкладывала Наина Иосифовна, собирая по утрам на работу. Уже тогда Борис Николаевич плохо представлял, что сколько стоит, но всегда следил, чтобы никто за него нигде не платил. Если он чувствовал, что его угощают, а бесплатно в этом месте есть не стоит, то выкладывал на стол свой червонец, пребывая в полной уверенности, что расплатился. Хотя обед мог стоить и два червонца.

Мне Борис Николаевич все больше нравился, несмотря на строгость и порой несправедливость замечания…»[1]

Создается впечатление, что арсенал популистских приемов, которыми пользовался Ельцин, чтобы понравиться людям, поистине неисчерпаем.

Ельцин нравился не только Коржакову. Он завоевывал все больше и больше симпатий простых людей. Такого Москва не знала. Гришин общался в основном только с первыми лицами, да и предпочитал это делать в своем кабинете. Если и выезжал на предприятия, то идти в самые низы не спешил, встречаясь с собеседниками в директорских кабинетах.

Вот как комментирует эти выходы Ельцина «в народ» бывший профсоюзный лидер В. Новоселова:

«Это теперь я Ельцина на дух не выношу, а тогда все мы были им очарованы. На наш завод, а это один из крупнейших заводов Минавиапрома, Гришин ни разу не собрался. А этот приехал, побывал не только в цехах, но и в пионерлагере, оздоровительном центре, потом собрал всех в Доме культуры. Говорил не очень долго, но толково. Словом, приятно очаровал всех.

Знамо дело, баснями соловья не кормят. Люди его забросали вопросами, просьбами. К его чести, сделал все, о чем просил. Распорядился пустить по удобному для заводчан маршруту 84-й автобус, с 7 часов (перед началом смены) начал работать продовольственный магазин на улице Нижняя Масловка. Мелочи? Да, но из этих мелочей соткана вся наша жизнь. Словом, люди увидели в новом первом секретаре горкома партии именно партийного работника ленинской школы. И поверили ему»[2].

---

[1] *А. Коржаков*. Борис Ельцин. От рассвета до заката. М.: «Интербук», 1997. С. 54—55.

[2] *В. Андриянов, А. Черняк*. Одинокий царь в Кремле. Кн. 1. М.: «Правда». С. 37.

Почти весь январь Ельцин продолжал поход по заводам и фабрикам столицы. Только в течение 11—17 января он посетил более десяти комбинатов, побывал в Ленинградском, Киевском, Куйбышевском, Октябрьском районах Москвы, осмотрел микрорайон «Сокол», посетил универмаг, Филевский автобусно-троллейбусный парк, районы управления Мосэнерго, объединение «Колос», Физический институт им. П.Н. Лебедева.

Не зная ни выходных, ни праздников, Ельцин мотался по предприятиям Москвы. После ЗИЛа и Второго часового завода он встретился с архитекторами, постигая, что собой представляет Москва сегодня и какой она будет завтра. Не обходил стороной и новогодние детские праздники у елок. Словом, по-ленински!

В конце первой декады января состоялось очередное заседание бюро МГК КПСС. Вопрос на обсуждение был вынесен глобальный — проект плана Комплексного социально-экономического развития Москвы на 1986—1990 годы. К бюро Ельцин подготовился основательно. Правда, открытий глобальных не сделал, но главное уловил — люди озабочены судьбой Москвы. Она превращается на глазах из Белокаменной в захолустную дыру. Своими наблюдениями огорошил членов бюро, которые привыкли информацию черпать из газет и справок инструкторов. Завернул подготовленный Мосгорисполком план на доработку. Особо досталось работникам торговли. В одном магазине Ельцин не обнаружил яиц, в другом — кефира, в третьем, кроме батонов, — никакой выпечки. Потребовал гнать в шею нерадивых руководителей.

«Москва затаила дыхание. Номенклатура втянула голову в плечи, пережидая бурю, которую поднимал первый секретарь горкома. Низы, напротив, расправил плечи и пошли в горком, райкомы с жалобами, письмами, заявлениями…

Ельцин понимал: чтобы его заметили в Политбюро, нужно чем-то выделиться. Но чем? У него в багаже не было никаких оригинальных идей. Разве что нашумевший в Свердловске бригадный подряд. Разумеется, следом за генсеком он твердил об ускорении, интенсификации экономики, повышении качества продукции, пополнении магазинов добротными отечественными товарами. Эти же, пока еще не набившие оскомину, установки он повторил на совещании первых секретарей райкомов партии, а затем на собрании актива обувной фабрики «Парижская коммуна».

— Хорошо, что вы осваиваете 6 из 150 новых моделей, — говорил он, — но далеко не вся ваша продукция пользуется спросом у людей, да и брака не мало. Подымите-ка руки, кто из вас отдает предпочтение марке «Парижская коммуна» перед зарубежными моделями. Поднятых рук оказалось не много. «Вот ви-

дите, — заключил он, — надо выпускать обувь не без разбора, а с учетом реального спроса покупателей, и чтобы она была добротной»[1].

Интересны наблюдения Ю. Прокофьева, работавшего уже секретарем исполкома Моссовета, за стилем работы Ельцина:

«Что мне тогда в нем нравилось? У него была очень цепкая память, он все цифры, фамилии, факты запоминал быстро, держал в памяти, анализировал, и всегда этим пользовался. Подчас сознательно подставляя человека под удар.

Например, назначил человека и тут же начинал его экзаменовать, гонять по цифрам. Он-то эти цифры уже знал наизусть, а человек за две недели не успевал все изучить и попадал в тяжелое положение, которое подчас заканчивалось его снятием.

Ельцин хорошо улавливал настроение аудитории и умел быстро перестроиться по ходу выступления. Если понимал, что аудитория его не поддерживает, тут же менял ход мыслей. Он улавливал настроение, я еще раз повторюсь, каким-то звериным чутьем, и я думаю, что он больше и действует на уровне чутья, чем каких-то расчетов и знаний.

Еще, что было характерно для него в то время — сейчас-то ему вообще некого бояться, — он не страшился авторитетов. В то время, как мне казалось, принимая какие-либо решения — а он мог принять и неординарные решения, — Ельцин не считался с тем, кто и как на это посмотрит «сверху». Он искал и находил выходы из ситуаций, которые обычным, накатанным путем нельзя было решить. На это он действительно был способен. Вот это, по моему мнению, было в нем положительным.

Но меня и тогда многое в нем коробило. Ему важно было — и это видно было невооруженным глазом! — всеобщее восхваление, благоговение перед ним. Это уже в то время проявилось достаточно четко. Отдельного человека он не видел. Отдельные люди его не интересовали. Их судьбы, хороший ли, плохой человек, — его не трогали. Он спокойно перешагивал через них и шел дальше.

Это имело отношение не только к партийному активу, хозяйственникам, но и к тем письмам, жалобами заявлениям, которые шли к нему от простых людей. Ельцина это практически не интересовало. А вот завладеть вниманием масс, эффектно выступить, чтобы об этом потом пошла широкая молва, было для него самым важным. С самого начала он использовал популизм как средство для укрепления своего авторитета. Вот это я считаю для партийного руководителя, для политика в моем понимании — резко отрицательным качеством.

---

[1] *В. Андриянов, А. Черняк.* Одинокий царь в Кремле. Кн. 1. М.: «Правда». С. 38.

Я мог бы продемонстрировать на отдельных примерах, как он обращался с партийными кадрами. Тогда многих надо было действительно заменять. Но люди не были виноваты, что их выдвинули руководителями и они занимают не свое место. Ельцин же их обвинят в том, что они сознательно вредили, называл врагами перестройки. И все это достаточно громогласно.

Был такой случай с секретарем Ленинградского райкома партии Шахмановым: Ельцин поставил вопрос о его освобождении от работы, а райком не освободил. Все работники горкома были брошены в район — собирать компрометирующие материалы на Шахманова для того, чтобы убедить директоров, сломать их. И опять райком не освободил Шахманова.

Тогда Ельцин пошел на таран — Бюро МГК партии, под его нажимом, объявило, что пленум Ленинградского райкома партии «еще не созрел, чтобы принимать самостоятельные решения», и поэтому Бюро МГК партии своей волей освобождает Шахманова от занимаемой должности.

Примерно такая же история случилась с Графовым, секретарем Тимирязевского райкома партии. Он был неплохой хозяйственник, а как секретарь райкома ни в политике, ни в кадрах не разбирался. Потом Графов работал заведующим бюро технической инвентаризации города и неплохо справлялся. Каждому человеку нужно быть на своем месте. Но дело преподнесли таким образом, что человек якобы сознательно вредил перестроечным моментам, и с этой мотивировкой его освобождали от работы.

Еще что характерно для Ельцина: когда он врет, то верит в свою ложь. В этом разница между ним и Горбачевым. Тот врет сознательно. Ельцин же, если лжет, глубоко убежден, что говорит правду. И поэтому аудитория ему верила. Когда он заявлял, что «ляжет на рельсы», это была не просто фраза — в тот момент он и сам был, видимо, убежден, что так и сделает, и эта вера внушалась аудитории. В этом успех его выступлений на митингах. Вера в свою ложь порождала сопричастность окружающих»[1].

В Московской городской парторганизации, как и во всей стране, люди ждали перемен, поэтому приход Ельцина с его достаточно четкими позициями и с его резкой оценкой существующего положения в стране, с предложениями по изменению ситуации в Москве, а значит и во всей стране, был воспринят с симпатией. Ельцин изо всех сил старался привлечь к себе внимание москвичей всевозможными популистскими идеями и мероприятиями:

---

[1] *Ю. Прокофьев.* До и после запрета КПСС. М.: «Алгоритм». 2005. С. 66—68.

«Именно тогда у меня возникла идея организации ярмарок, но хотелось сделать их не разовым мероприятием, а чтобы они стали постоянными. В каждом районе на пустующих площадках были построены избушки, лотки. С городами и республиками заключены прямые договоры на поставку овощей и фруктов. И ярмарки начались. Не везде они удались, но во многих районах превратились в настоящие домашние уютные праздники. А это тем более было важно потому, что в Москве праздников явно было недостаточно. С тех пор ярмарки живут, москвичи к ним привыкли, по-моему считают их своим родным детищем и без них сегодня жизни города уже не представляют.

В Москве я продолжил несколько традиций, которые для меня стали привычны в Свердловске. Например, встречи с жителями города. Одну из самых первых провел с пропагандистами столицы. В большом зале Дома политпросвещения собралось около двух тысяч человек. Сначала я сделал доклад, а потом сказал, что отвечу на вопросы, которые мне будут задавать. На любые, даже самые неприятные вопросы. К счастью, таких было немного, но они были. Вроде того: что взялся ты, Ельцин, сейчас за московскую мафию, мы это уже видели, за нас уже брался Хрущев, хотел на нас ватники надеть, что из этого получилось, все знают. Если будешь продолжать, то на твоем месте через два года окажется другой. Забавно, что предсказание сбылось: именно через два года я был освобожден с должности первого секретаря горкома партии и вышел из состава Политбюро. Мафия, я думаю, тут оказалась ни при чем, просто совпадение. Но, тем не менее, вот несколько случаев.

Стал получать массу писем о фактах коррупции, взятках в торговле, милиции. Их расследовали, но на систему не выходили — или не могли, или не хотели. Были подключены органы Управления внутренних дел, городское Управление КГБ, новое руководство торговли, общественного питания. Стали менять руководителей — круг опять смыкался.

А фактов все больше, люди видели и писали, но чаще анонимно. Но я расскажу о том, с чем сам столкнулся. Один за одним случаи на мясокомбинате — «забой» уже умерших животных, взятки, воровство. А покрывает первый секретарь райкома. Результат — обсуждение на бюро горкома»[1].

Однако очень многие из окружения Ельцина начали все больше и больше убеждаться, что его заботили вовсе не люди,

---

[1] *Б. Ельцин.* Исповедь на заданную тему. Ассоциация уральских издателей. 1990. С. 110—111.

перед которыми он разыгрывал популистские спектакли, а собственный имидж в глазах этих людей. Свидетельствует пропагандист И. Смирнягин, который присутствовал на встрече Ельцина с жителями города в большом зале Дома политпросвещения:

«Я сидел в первом ряду и наблюдал за Ельциным, не скрою, мне он нравился. Видел, что из зала поступило много записок. Но видел и другое — Ельцин брал иные листочки из своей папки и зачитывал, как будто записки из зала. То были самые острые. И он, без смущения, тут же давал на них ответы под одобрение зала. Это меня несколько смутило»[1].

Или другой случай использования Ельциным чисто театрального приема для своей популяризации, который он использовал многократно еще в Свердловске, например, при встрече с жителями одного из районов города, где не было колхозного рынка. Свидетельствует Юрий Прокофьев:

«Был такой случай. Борис Николаевич обещал посетить предприятия торговли и общественного питания. Есть на Профсоюзной улице ряд домов Совмина, которые в народе метко окрестили «Царским селом» или «Ондатровым заповедником». А рядом стояли первые пятиэтажки, которые стали ветхими пришли в негодность. И вот во дворе одной из этих пятиэтажек открыли кооперативное кафе. К приезду Ельцина там все вымыли, вычистили, поставили кругом охрану, ГАИ. Жители пятиэтажек поняли, что приедет какой-то большой начальник.

Когда Ельцин подъехал, его, вместо осмотра этого кафе, буквально схватили за полу пиджака и повели по подвалам, чердакам и квартирам, где жить уже было невозможно.

Как Ельцин обыграл этот факт? Всю ночь они вместе с Полтораниным писали статью в «Московскую правду». Она была опубликована на следующий день. Смысл статьи был такой: какой замечательный у нас первый секретарь горкома партии! Он не побоялся приехать в район пятиэтажек, он прошел с жителями по чердакам и подвалам. То есть довольно-таки неловкую ситуацию превратили в победу. И тут же раздавались наказания — снимались с работы, и тут же намечались планы. Большой такой разворот был с восхвалениями Ельцину за эту поездку. Но я ведь точно знал, что планировалась не экскурсия по пятиэтажкам, а осмотр кооперативного кафе!..»[2]

Работая бок о бок с Ельциным Ю. Прокофьев все больше убеждался, что Ельцин: «…не созидатель, а человек, который все раз-

---

[1] Цит. по: *В. Андриянов, А. Черняк*. «Одинокий царь в Кремле», М.: «Правда». С. 40.

[2] *Ю. Прокофьев.* До и после запрета КПСС. М.: «Алгоритм». 2005. С. 92—93.

рушает только для того, чтобы самому возвыситься над теми, кого он принижает, ставит на колени. И он все время находился в состоянии борьбы…

Например, назначил он одного человека начальником главного управления торговли и на заседании партийной группы Моссовета предложил: в течение двух недель наладить торговлю в Москве. Проголосовали, хотя каждому было ясно, что за такой срок эта работа не выполнима.

Через две недели, естественно, положение дел оставалось прежним. Бюро горкома принимает постановление о снятии этого человека с работы как «не справившегося» и как «не оправдавшего доверия партийной группы Моссовета». Все это печатается крупном шрифтом в «Московской правде», и население воспринимает это как борьбу Ельцина за его интересы.

В экономике Ельцин совершенно не разбирался. Цифры он хорошо знал, а в экономических процессах разбирался слабо, даже не на уровне первокурсника. Знал, может быть, производительность труда, но не больше. Ведь у нас была командно-административная система, и зачастую главным становилось выполнение плана любой ценой. А это осуществлялось давлением на людей командными методами. Экономические знания особенно и не требовались»[1].

Ельцину мало было просто снять с должности человека, жертву требовалось непременно «распять», и на его примере преподать урок другим.

Александр Коржаков, пришедший в охрану первого секретаря Московского горкома, вспоминает:

«Один раз я присутствовал на бюро горкома, и мне было неловко слушать, как Борис Николаевич, отчитывая провинившегося руководителя за плохую работу, унижал при этом его человеческое достоинство. Ругал и прекрасно понимал, что униженный ответить на равных ему не может»[2].

Вот из-за этих унижений столичная элита и не принимала Ельцина. Если бы он просто снимал людей — за конкретные провалы и ошибки — к этому можно было б еще приноровиться. В конце концов, исстари власть в России держится на страхе, а где страх — там и уважение.

Но Ельцин не желал разводить антимонии. Он не любил, презирал аппарат и брезгливости своей не думал даже скрывать. Первый секретарь относился к чиновникам, точно какой-нибудь

---

[1] *Ю. Прокофьев.* До и после запрета КПСС. М.: «Алгоритм». 2005. С. 69—70.

[2] *А. Коржаков.* Борис Ельцин: От рассвета до заката. М.: «Интербук», 1997. С. 52.

гауляйтор к белорусским крестьянам. Он измывался над ними, форменным образом глумился, постоянно выдумывая новые издевательства.

Свидетельствует А. Коржаков: «Об издевательствах над людьми: Ельцин неоднократно мне хвалился, что может целый день не ходить, извините уж, в туалет. Ему доставляло удовольствие проводить многочасовые совещания — иной раз доходило до пяти часов — и наблюдать, как подчиненные мучаются: он-то был еще молодой, а большинству — далеко за пятьдесят»[1].

Жесткий, если не сказать больше, жестокий стиль работы Ельцина с подчиненными ему кадрами, выдержать могли не все. Как когда-то в Свердловске, начались эпидемии инфарктов и инсультов. Некоторые пытались покончить жизнь самоубийством. Так, первый секретарь Перовского райкома партии Аверченко выбросился с четвертого этажа, но, к счастью, уцелел. А вот первый секретарь Киевского райкома Коровицын разбился насмерть, выбросившись из окна седьмого этажа.

Избиение партийных кадров потом не раз будут ставить Ельцину в вину, особенно гибель Коровицина.

По существу, это было тяжкое уголовное преступление, совершенное Ельциным, которое квалифицируется ст. 110 УК Российской Федерации как «Доведение до самоубийства»: «Доведение лица до самоубийства или до покушения на самоубийство путем угроз, жестокого обращения или систематического унижения человеческого достоинства потерпевшего — наказывается ограничением свободы на срок до трех лет, или лишением свободы на срок до пяти лет».

На воре и шапка горит. И вот в своей «Исповеди…» он, пространно рассуждая, пытается оправдать свои методы глумления над подчиненными:

«Когда впоследствии меня критиковали за то, что я жестоко отнесся к первым секретарям, снимая их с постов направо и налево, я проанализировал эту ситуацию, и выяснилось, что при мне сменилось 60 процентов первых секретарей районных комитетов партии. А при Михаиле Сергеевиче Горбачеве — 66 процентов первых секретарей обкомов партии. Так что мы с товарищем Горбачевым могли бы в этом отношении поспорить, кто из нас перегнул палку в вопросе кадров.

Но все дело в том, что и для него, и для меня иного выхода не было, кроме как менять тех, кто стал тормозом процесса пере-

---

[1] Цит. по: *А. Хинштейн*. Ельцин. Кремль. История болезни. М.: «Олма Медиа Групп», 2008. С. 79, 116.

стройки. Эти люди были пропитаны застоем, они воспринимали власть только лишь как средство достижения собственного благосостояния и величия. Князьки районного значения. Ну, разве можно было их оставлять на своих местах? Оказывается, нужно было оставлять, во всяком случае, мою политику обновления кадров затем сурово заклеймили.

Тяжелое впечатление на меня произвел трагический случай с бывшим первым секретарем Киевского райкома партии. Он покончил с собой, выбросившись с седьмого этажа. В тот момент он не работал в райкоме уже полгода, перешел в Минцветмет заместителем начальника управления кадров, обстановка там вроде была нормальная. И вдруг совершенно неожиданно — такой страшный поворот. Кто-то ему позвонил, и он выбросился из окна. Позже, когда меня принялись травить, этот трагический случай кое-кто попытался использовать в своих целях, заявив, что человек покончил с собой из-за того, что я снял его с должности первого секретаря райкома партии. Даже легенда была сочинена, будто он вышел с обсуждения на бюро и выбросился из окна. Это была абсолютная ложь. Но больше всего меня поразило то, что люди даже смерть человека пытаются использовать как козырную карту»[1].

Медицинский диагноз

Издевательства, садистский синдром — патологическая склонность к насилию, получение удовольствия от унижения и мучения других»[2].

Любил Ельцин назначать служебные совещания, а то и заседания бюро, чисто по-сталински, — после 24-х часов ночи. И горе тому партийцу, кто осмелится хоть раз зевнуть. Сам то он не зевал, поскольку после обеда успевал хорошо отдохнуть, восстановить утраченные силы, так что в горком приезжал бодрым и выспавшимся.

Редактор «Московской правды» Михаил Полторанин, ставший ближайшим соратником и единомышленником Ельцина, позднее рассказывал:

«Он утром даст всем указания, пообщается с начальством, потом пообедает, поедет (сам мне признавался) на Ленинские, Воробьевы горы подышать воздухом. Там воздух хороший, вид великолепный — Москва как на ладони. Едет отойти, оттянуться. Отту-

---

[1] *Б. Ельцин.* Исповедь на заданную тему. Ассоциация уральских издателей. 1990. С. 113—114.

[2] Цит. по: *А. Хинштейн*. Ельцин. Кремль. История болезни. М.: «Олма Медиа Групп», 2008. С. 79.

да — в медцентр, ложился в барокамеру и насыщался кислородом. К вечеру возвращался в горком и начинал всем разгон давать»[1].

Сам же Ельцин по поводу жесткого режима дня, устроенного для своих подчиненных, фарисействовал в своей «Исповеди…»: «Режим работы даже для меня, двужильного, был на самом пределе: с семи утра до двенадцати, а то и до часу, до двух ночи, и полностью рабочая суббота. В воскресенье обязательно или полдня по ярмаркам ездил, или выступления писал, доклады, отвечал на письма и прочее.

Когда слушаю разговоры о том, что, мол, если руководитель работает по двадцать часов в сутки, значит, он плохой организатор, поскольку не может правильно составить режим работы, я считаю все эти разговоры несерьезными. Конечно, я мог бы, допустим, после бюро, которое закончилось в восемь вечера, поехать домой к семье, детям. И это считалось бы хорошей организацией труда. А если после работы еду в магазин, посмотреть, что сегодня на прилавках, потом заеду на завод, поговорю с рабочими, своими глазами увижу, как организована вечерняя смена, и к 12 ночи вернусь домой — это плохая организация труда? Нет, это все ленивые выдумали, для собственного оправдания. В тот момент у меня вообще не было такого понятия — свободное время.

Помню, ночью я приезжал домой, охранник открывал дверь «ЗИЛа», а сил вылезти из машины не было. И так сидел минут пятьдесят, приходя в себя, жена стояла на крылечке, волнуясь, смотрела на меня. Сил не было рукой пошевелить, так изматывался.

Я, конечно же, не требовал такой отдачи от других, но вот разговоры про начальника, не умеющего организовать свой труд, терпеть не могу»[2].

Среди предприятий Москвы, которые посетил Ельцин, хотелось бы выделить ракетно-космический комплекс «Салют», или как его чаще называют, завод имени Хруничева в Филях. Хозяйство этого комплекса громадное, поэтому знакомство с предприятием, а затем встреча с коллективом затянулась до двух часов ночи. Ельцина интересовала как научно-производственная, так и социальная программа завода. Задал он вопрос о том, что требуется, чтобы социальная программа была решена в текущей пятилетке. Ему ответили: 30 тыс. кв. метров жилой площади для перенаселения людей, чтобы затем снести пятиэтажные дома и на их месте построить современные кварталы. Надо отдать должное Ельцину,

---

[1] Там же. С. 80.

[2] *Б. Ельцин*. Исповедь на заданную тему. Ассоциация уральских издателей. 1990. С. 120.

он посодействовал решению этой программы, то есть в предоставлении заводу жилья для начального переселения людей.

Когда Ельцин был уже президентом России, он еще раз посетил «Салют», поинтересовался: «Когда я был секретарем горкома партии, мы договорились снести пятиэтажки и на их месте построить современные дома». «Сделано», — ответили ему. «Не может быть!» — как бы не поверил на слово президент, и отправился, сопровождаемый многочисленной свитой, посмотреть своими глазами и убедиться, как выполняются его указания. Убедившись в правоте сказанного он похвалил: «С такими людьми можно иметь дело!» Позднее президент Ельцин распорядился образовать Государственный космический научно-производственный центр имени М.В. Хруничева на базе завода и Конструкторского бюро «Салют».

Понятно столь пристальное внимание Первого секретаря Московского горкома, а затем президента России к флагману отечественного ракетно-космического машиностроения, сыгравшего громадную роль в освоении космоса. Это все так, но была еще одна причина для столь обостренного внимания Ельцина к КБ «Салют». Дело в том, что именно в этом КБ работала его младшая дочь Татьяна после окончания факультета вычислительной математики и кибернетики Московского государственного университета. Особыми научно-производственными успехами она не отличалась и работала на скромной должности программиста в лаборатории баллистики, рассчитывая траектории искусственных спутников Земли:

«Сослуживцы отмечали скромность дочери первого секретаря Свердловского, а затем Московского горкома партии. Обедали в отделе, каждый приносил себе поесть в майонезных баночках, пищу разогревали с помощью кипятильников, делали на всех салаты из овощей, заваривали чай. Татьяна в еде никогда не отличалась особой претенциозностью, даже когда стала дочерью президента. Ее обед состоял из простых блюд — картошка, помидоры, селедка. В то время существовала практика направлять сотрудников на дежурство в столовую, замещать технический персонал, которого всегда не хватало. Работа грязная — протирать подносы, счищать с тарелок остатки еды, выставлять грязную посуду на мойку. Регулярно ходила работать в столовую «Салюта» и Татьяна Ельцина. Даже когда Борис Ельцин, как первый секретарь горкома, приехал на предприятие, ее дежурство в столовой не было отменено»[1].

---

[1] *А. Гранатова*. Клан Ельциных. М.: «Алгоритм». 2008. С. 83.

Однако один из руководителей КБ «Салют», занимавшийся постановкой на боевое дежурство стратегических ракет, а затем ставший заместителем директора по эксплуатации «изделий» завода им. Хруничева — Юрий Васильевич Дьяченко был несколько иного мнения о программисте Татьяне Ельциной (по иронии судьбы ставшей впоследствии Татьяной Дьяченко, выйдя замуж за сына Юрия Васильевича — Алексея). Как-то он, при случае, поделился с сыном своими наблюдениями за Татьяной Ельциной: «…работает тут у нас на «фирме» одна барышня — дочь свердловского партработника… характер у нее — не приведи боже! Заносчивая, упрямая, эгоистка! Считает себя некоронованной принцессой… Муж от нее ушел… И правильно сделал!»[1]

Нам не известны причины столь пристального внимания Ю.В. Дьяченко к персоне Т. Ельциной — вплоть до досконального знания таких тонкостей ее биографии, как неудачное замужество, но его характеристика будущей снохи оказалась предельно точной. Он не изменил своего отношения к Татьяне и тогда, когда Алексей задумал на ней жениться — отсутствовал на свадьбе, сославшись на болезнь, и после дистанцировался от дочери Ельцина. Вскоре он умер, а на его должность заступил Дмитрий Алексеевич Полухин, впоследствии Генеральный конструктор КБ «Салют».

Кстати, Алексей Дьяченко случайно познакомился с Татьяной уже после того, как отец дал ей уничижительную характеристику. Знакомясь с ней, он и не догадывался, на птицу сколь высокого полета замахнулся. Он и не представлял, что перед ним — дочь будущего президента страны. Впрочем, царственная независимость Татьяны выдавала в ней «королевскую кровь», что не мог не заметить отец Алексея Ю.В. Дьяченко, упрямо твердивший, что брак сына с этой «некоронованной принцессой» неизбежно распадется. Впрочем, мы несколько отвлеклись от «заданной» темы.

Когда Б. Ельцин прочно утвердился в должности первого секретаря Московского горкома, когда о нем заговорила вся Москва и не было ни одной московской кухни, где не обсуждались бы новации и чудачества нового «хозяина» Москвы, Татьяна пожаловалась отцу, что руководство КБ «Салют» совершенно не учитывают, что она дочь «Первого». Посылают, как и всех, мыть грязную посуду на кухню, а Главный конструктор, бывая в лаборатории, где она работает, как бы совсем ее не замечает, не здоровается «по ручке», как это он галантно делает в отношении других женщин, и вообще на предприятии много недостатков.

---

[1] Цитата по вышеуказанному сочинению.

Убедившись во время своего визита на предприятие, что Татьяна и в этот день опять дежурила на кухне, Ельцин принялся оказывать «действенную» помощь его коллективу.

Следом за этим визитом прибыла большая комиссия, направленная на завод Ельциным для оказания практической помощи. Результаты работы комиссии были столь внушительны, что руководству пришлось отчитываться за свои промахи на бюро горкома. Как проходили подобные разборки на бюро, широко известно и выше об этом уже говорилось. Особенно «досталось» главному конструктору КБ «Салют» Д.А. Полухину, которому Ельцин цинично предложил самому избрать меру партийного взыскания. Униженный столь несправедливым к нему отношением, Дмитрий Алексеевич «выбрал» исключительную меру в прямом смысле этого слова — исключение из партии. Проявив царственное снисхождение, Ельцин предложил ограничиться строгим выговором. Вскоре он был назначен с понижением, а затем тяжел заболел и умер, унеся с собой в могилу обиду за незаслуженное оскорбление его чести и достоинства.

Таким образом, по совершенно различным причинам Б. Ельцин и его дочь Татьяна, унаследовавшая от своего отца человеконенавистнические черты характера, косвенно поспособствовали уходу из жизни двух заслуженных руководителей предприятия, которое, как принято официально считать, «возродил» президент России Б.Н. Ельцин.

Чтобы завершить рассказ о том, как проявлялись черты характера макиавеллиста Ельцина в его наследнице, обратимся к ее школьным годам, когда наиболее ярко проявляются черты характера, которые будут доминировать во взрослой жизни. В подзаголовке «Гнев обкомовской дочки» главы «Провинциальный апломб» книги «Клан Ельциных» А. Гранатова пишет:

«ГНЕВ «ОБКОМОВСКОЙ ДОЧКИ»

На Татьяну отец семьи, Борис Ельцин, возлагал куда большие надежды, нежели на светловолосую и голубоглазую взбалмошную «красавицу, спортсменку, комсомолку» Елену. Он старался Танюшку воспитывать, «как мужика», и в определенном смысле эти надежды оправдались.

По отзывам одноклассников, Татьяна никому не закатывала истерик, умела терпеть боль, была скромной, даже тихой. При всем том Таня воспринималась одноклассниками как «инопланетянка», с которой невозможно говорить на одном языке. Как будто родители у нее не коренные сибиряки, а иностранцы какие-то.

Откуда, с каким генотипом передалось ей такое странное поведение? Держится как лидер, как королева — но не лидер, никто не идет за ней. Вроде как ни с кем не спорит, не ругается, но и не радует. Как сибирское солнце. Холодное, одинокое, гордое. Светит, но не греет.

Татьяна ориентирована в общении на взрослых. Она не смеется и не подшучивает, как ее одноклассники, над классной руководительницей, и школьники делают вывод: зона не с нами». Более того, Таня готова делиться с классной руководительницей и с директором школы самым сокровенным. Узнав об этом, одноклассники избегают общения с ней. Некоторые считают, что Танюшка на них «ябедничает», или «стучит». На самом деле Таня Ельцина всего лишь ищет у своей классной руководительницы защиту. Она не настолько сильная и уверенная в себе, чтобы защитить себя от нападок одноклассников самостоятельно. Ей не хочется «бороться за лидерство в коллективе» и отнюдь не хочется быть лидером — сплачивать вокруг себя людей, управлять ими.

— Танечка всегда делилась со мной самым сокровенным — все слезы оставались у меня на подушке. Конечно, это были обычные детские переживания, но я до сих пор помню о них, — говорит ее классная руководительница Зинаида Иосифовна.

Когда в 1976 году Борис Николаевич становится первым секретарем Свердловского обкома — а эту рубежную дату он переживает в 45 лет, — его жене, Наине Иосифовне, 44 года, а младшей дочери, Татьяне, 16 лет.

По воспоминаниям педагогов Татьяны Ельциной, новая должность отца перевернула ее характер.

— Когда ее отец стал первым секретарем Свердловского обкома, Таня сильно изменилась. Она даже за партой долгое время одна сидела, — вспомнила затем в интервью прессе ее классная руководительница.

Ощущение своей исключительности, причастности к «элите» в Танюшке многократно возросло. Ее самооценка в одночасье взлетела вверх. Никто в классе был ей не ровня!

Самое, пожалуй, любопытное — это как Татьяна воспринимала теперь своих школьных «поклонников». Психологи утверждают, что именно в подростковом и раннем юношеском возрасте закладывается стереотип взаимодействия с противоположным полом. Вот всего лишь один эпизод из биографии Татьяны, но какой! Яркий, неординарный, в документальность которого можно верить, поскольку о нем в официальных интервью вспоминали бывшие учителя Татьяны.

Однажды Татьяне, дочери первого секретаря Свердловского обкома, какой-то парень написал любовную записку. Что же, вы думаете, сделала Танюша? Написала в ответ другую записку? Нет! Может быть, поговорила с подружками, похвастав шись, что вот, мол, у нее появился поклонник? Нет! Может, как-то отшутилась, придумала какой-то ответный ход? Или прилюдно разорвала любовное послание, провоцируя парня на эмоции? Ничего подобного.

В том самом возрасте, когда мальчишки и девчонки пробуют, примеряют на себя различные формы человеческих отношений, когда они задумываются над тем, надо ли любить так, как это делали Ромео и Джульетта, или же не стоит, из всех возможных вариантов Татьяну интересовал лишь один вариант. Этот вариант называется «власть над мужчинами». В реакции Тани на любовную записку именно этот инстинкт — женской власти — и проявил себя в полной мере.

А было это так…

В дверь директорского кабинета постучала и, не дожидаясь ответа, вошла секретарь. Эта видавшая виды сорокалетняя женщина выглядела взволнованно.

— Я прошу прощения… — Секретарь закашлялась в кулак.

— Что такое? — Директор оторвал свой взгляд от бумаг и вопросительно поднял брови.

— К вам просится на разговор Таня Ельцина.

— Что, прямо сейчас? Именно ко мне? Что-то серьезное?

— Да. — Секретарь виновато опустила глаза. — Не серьезное, скорее курьезное. Я бы не стала вас беспокоить, но…она же дочь секретаря обкома. Понимаете?

— Понимаю, — директор кивнул, — пусть войдет.

И в директорский кабинет впорхнула старшеклассница Танюша Ельцина. Она держала какой-то белый клочок бумажки, зажатый в кулак.

— Ну, Танюш, — директор приветливо указал жестом на кресло возле своего стола, — рассказывай. Что стряслось-то?

Таня послушно села и по-мальчишески встряхнула своей короткой каштановой стрижкой.

— Ой, такая история. Нужна ваша помощь… — Старшеклассница явно не знала, с чего начать, и даже стыдливо отвела глаза в сторону.

— Ну??? — надавил директор. — Ты же не в прятки ко мне тут пришла играть? Давай выкладывай, раз сама начала…

Таня вздохнула, нервно провела рукой по волосам и, разжав кулак, протянула директору мятую бумажку.

Директор с любопытством взял этот клочок, выдранный из школьной тетрадки в клеточку, и прочитал коряво написанную синей авторучкой фразу, в которой размашистые буквы плясали из стороны в сторону, видимо, от избытка чувств: «Таня, я тебя люблю!..»

Под этой фразой стояла подпись автора.

Директор сконфуженно покрутил записку в пальцах, посмотрел на нее и так и эдак и, наконец, перевел свой взгляд на Татьяну. В ее глазах вспыхнули искры торжества.

— Ну и что, Таня? Какой-то влюбленный парень признался тебе в любви. В вашем возрасте это часто случается… Но при чем тут я? Что я должен сделать?!

Таня округлила свои глаза.

— Как это — «Что я должен сделать»? Известно что. Вызвать этого… парня на совет школы! И объявить ему строгий выговор с занесением в личное дело. Нет, лучше исключить из школы!

Большей нелепости директор в своей жизни еще не слышал.

— За что?!

— За нарушение дисциплины. В школу приходят, чтобы учиться, а не романы крутить!

— Но, может быть, парень просто пошутил…

— А потом от таких шуток у старшеклассниц рождаются внебрачные дети! И не забывайте, что я — дочь главы обкома!

Директор вздохнул.

Спустя пару дней в школе состоялась беспрецедентное собрание. Парень, написавший любовную записку Тане Ельциной, не знал, куда от стыда провалиться. Он покраснел от кончиков ушей до кончиков пальцев, а она стояла напротив него — гордая, независимая, упивающаяся своей властью над мужчинами…

По ее воле директор школы устроил весь этот театр… По ее воле этого несчастного влюбленного едва не выгнали из школы. Она — всемогущая принцесса, рожденная повелевать «сильным полом»!

Именно тогда в Татьяне и проявила себя ее психологическая суть — «власть над мужчинами». Доминантна характера, которая проявит себя в полной степени в середине 90-х, когда Таня станет «кремлевской принцессой».

В июле 1997 года она станет кремлевским советником — помощником президента страны, человеком, перед которым открыта дверь в реальную политическую власть. Она получит трамплин о котором можно лишь мечтать.

Но… она не хочет быть ни Маргарет Тэтчер, ни Кондолизой Райз, ни Мадлен Олбрайт… У нее другие интересы. Понятие «вла-

сти» у Татьяны смещено из политически-профессиональной в психологическую сферу. И ей достаточно того, что у ее ног оказываются самые сильные мужчины «новой политической элиты». Она повелевает ими как марионетками — и упивается этим ощущением своего женского могущества.

Но об этом позже.

А пока наша Таня учится в школе и с виду кажется скромной и прилежной ученицей.

— Я хорошо помню Таню. До восьмого класса она была круглой отличницей, — вспоминает учительница географии Галина Стеблова, — Правда здоровье у нее было слабенькое, в старших классах она сильно болела и практически не посещала школу. Ее освободили от многих экзаменов, поэтому на золотую медаль она не могла претендовать. Меня очень удивило, что у Тани не было близких подруг, не было людей, к кому она проявляла бы больше теплоты и внимания, чем к другим. Она всех одноклассников держала на дистанции, на расстоянии от себя»[1].

Постепенно Ельцин стал осознавать, что все его потуги переломить ситуацию, — сделать Москву образцовым городом, а москвичей счастливыми, приводят к обратному результату: элита, гонимая Ельциным, затаила на него злобу, а простые москвичи стали разочаровываться в Ельцине, обещавшим им через год-два «переломить ситуацию». Он понял, что практически весь арсенал его кавалерийских наскоков на проблемы, которые тормозят горбачевскую перестройку (в которую он по-прежнему верил) уже исчерпан, и ничего нового он москвичам предложить не сумеет. Разочарование переходит в раздражение и недовольство: почему в целом ничего не меняется, хотя принимаются разумные решения, выдвинуты на руководящие посты новые, энергичные люди? Сначала москвичи восхищались Ельциным, расчищающим «авгиевые конюшни», сменившим целую генерацию партийный чиновников, обвиненных во всех тяжких грехах. Потом острота впечатлений притупилась, москвичи видели, что на смену «старых» чиновников пришли новые, но они оказались точно такими же. Все понимали, что самый распрекрасный секретарь райкома не в состоянии наполнить магазины продуктами и построить необходимое количество квартир для москвичей.

В ЦК партии валом повалили жалобы на Ельцина от обиженных им чиновников. Партийная элита искренне считала, что Ельцин подрывает основы существующей власти (что на самом деле так и было). Эти жалобы находили понимание в ЦК и особенно у

---

[1] *А. Гранатова.* Клан Ельциных. М.: «Алгоритм». 2008. С. 35—40.

второго, по занимаемой должности в партийной иерархии, секретаря ЦК Е.К. Лигачева. Горбачев полностью доверял второму секретарю, поручив ему заниматься делами, которыми он не хотел заниматься сам: проводить кадровую чистку, осуществлять повседневный контроль за исполнением решений Центра, короче говоря, потуже закручивать партийно-кадровые гайки. Лигачев возомнил себя всезнающим функционером, держался нарочито строго и жестко, считая, что любое проявление либерализма, нарушение иерархии взаимоотношений между начальниками и подчиненными губительно для руководящей и направляющей роли партии. Немудрено, что лучшей кандидатуры на роль «мальчика для битья», чем Б.Н. Ельцин, не могло быть, хотя Лигачев не давал «спуску» и другим партийным функционерам. Но Ельцину, который был «под рукой», доставалось больше, чем другим. Кроме того, Егор Кузьмич вероятно полагал, что он обязан строго спрашивать с Ельцина, поскольку тот был его «крестником» и по гроб жизни обязан Лигачеву за свой перевод в столицу. Как уже отмечалось, они были оба упрямыми и самолюбивыми и конфликт между ними был неизбежен.

Вот как сам Ельцин описывает сложившуюся ситуацию накануне предстоящих событий, в результате которых он не только был «изгнан» с московского «престола», но на некоторое время превратился в политического изгоя:

«Несмотря на, казалось бы, явные перемены к лучшему, на эмоциональный всплеск, подхлестнувший всю страну, я чувствовал, что мы начали упираться в стенку. Что просто новыми красивыми словами про перестройку и обновление на этот раз отговориться не удастся. Нужны конкретные дела и новые шаги вперед. А Горбачев эти шаги делать не хочет. И больше всего он боится прикасаться к партийно-бюрократической машине, к этой святая святых нашей системы. Я в своих выступлениях на встречах с москвичами явно ушел дальше. Естественно, ему обо всем докладывали, отношения стали ухудшаться.

Постепенно я стал ощущать напряженность на заседаниях Политбюро по отношению не только ко мне, но и к тем вопросам, которые я поднимал. Чувствовалась какая-то отчужденность. Особенно ситуация обострилась после нескольких серьезных стычек на Политбюро с Лигачевым по вопросам льгот и привилегий. Так же остро поспорил с ним по поводу постановления о борьбе с пьянством и алкоголизмом, когда он потребовал закрыть в Москве пивзавод, свернуть торговлю всей группы спиртных напитков, даже сухих вин и пива.

Вообще, вся его кампания против алкоголизма была просто поразительно безграмотна и нелепа. Ничто не было учтено, ни экономическая сторона дела, ни социальная, он бессмысленно лез напролом, а ситуация с каждым днем и каждым месяцем ухудшалась. Я об этом не раз говорил Горбачеву. Но он почему-то занял выжидательную позицию, хотя, по-моему, было совершенно ясно, что кавалерийским наскоком с пьянством, этим многовековым злом, не справиться. А на меня нападки ужесточались. Вместе с Лигачевым усердствовал Соломенцев. Мне приводились в пример республики: на Украине на сорок шесть процентов сократилась продажа винно-водочных изделий. Я говорю: подождите, посмотрим, что там через несколько месяцев будет. И действительно, скоро повсюду начали пить все, что было жидким. Стали нюхать всякую гадость, резко возросло число самогонщиков, наркоманов.

Пить меньше не стали, но весь доход от продажи спиртного пошел налево, подпольным изготовителям браги. Катастрофически возросло количество отравлений, в том числе со смертельными исходами. В общем, ситуация обострялась, а в это время Лигачев бодро докладывал об успехах в борьбе с пьянством и алкоголизмом. Тогда он был вторым человеком в партии, командовал всеми налево и направо. Убедить его в чем-то было совершенно невозможно. Мириться с его упрямством, дилетантизмом я не мог, но поддержки ни от кого не получал. Настала пора задуматься, что же делать дальше.

Я все-таки надеялся на Горбачева. На то, что он поймет всю абсурдность политики полумер и топтания на месте. Мне казалось, что его прагматизма и просто природной интуиции хватит на то, чтобы понять — пора давать бой аппарату; угодить и тем и этим, номенклатурщикам и народу — не удастся. Усидеть одновременно на двух стульях нельзя.

Я попросился к нему на прием для серьезного разговора. Беседа эта продолжалась в течение двух часов двадцати минут, я высказал все, что думал, и недавно, разбирая свои бумаги, я нашел тезисное изложение той встречи. Помню, вернулся от него возбужденный, в памяти все было свежо, и я быстро все записал.

По сути, последний, как говорят в театре, третий звонок прозвенел для меня на одном из заседаний Политбюро, где обсуждался проект доклада Горбачева, посвященного 70-летней годовщине Октября. Нам, членам, кандидатам в члены Политбюро и секретарям ЦК, его раздали заранее. Было дано дня три для внимательного его изучения.

Обсуждение шло по кругу, довольно коротко. Почти каждый считал, что надо сказать несколько слов. В основном оценки были

положительные с некоторыми непринципиальными замечаниями. Но когда дошла очередь до меня, я достаточно напористо высказал около двадцати замечаний, каждое из которых было очень серьезно. Вопросы касались и партии, и аппарата, и оценки прошлого, и концепции будущего развития страны, и многого другого.

Тут случилось неожиданное: Горбачев не выдержал, прервал заседание и выскочил из зала. Весь состав Политбюро и секретари молча сидели, не зная, что делать, как реагировать. Это продолжалось минут тридцать. Когда он появился, то начал высказываться не по существу моих замечаний по докладу, а лично в мой адрес. Здесь было все, что, видимо, у него накопилось за последнее время. Причем форма была крайне критическая, почти истеричная. Мне все время хотелось выйти из зала, чтобы не выслушивать близкие к оскорблению замечания.

Он говорил о том, что в Москве все плохо, и что все носятся вокруг меня, и что черты моего характера такие-сякие, и что я все время критикую и на Политбюро выступаю с замечаниями, и что он трудился над этим проектом, а я, зная об этом, тем не менее позволил себе высказать такие оценки доклада. Говорил он довольно долго, время я, конечно, не замечал, но думаю, что минут сорок.

Безусловно, в этот момент Горбачев просто ненавидел меня. Честно скажу, я не ожидал этого. Знал, что он как-то отреагирует на мои слова, но чтобы в такой форме, не признав практически ничего из того, что было сказано!.. Кстати, многое потом в докладе было изменено, были учтены и некоторые мои замечания, но, конечно, не все.

Остальные тихо сидели, помалкивали и мечтали, чтобы их просто не заметили. Никто не защитил меня, но никто и не выступил с осуждением. Тяжелое было состояние. Когда он кончил, я все-таки встал и сказал, что, конечно, некоторые замечания я продумаю, соответствует ли они действительности, то, что справедливо, — учту в своей работе, но большинство упреков не принимаю. Не принимаю! Поскольку они тенденциозны, да еще и высказаны в недопустимой форме.

Собственно, на этом и закончилось обсуждение, все разошлись довольно понуро. Ну, а я тем более. И это было началом. Началом финала. После этого заседания Политбюро Горбачев как бы не замечал меня, хотя официально мы встречались минимум два раза в неделю: в четверг — на Политбюро и еще на каком-нибудь мероприятии или совещании. Он старался даже руки мне не подавать, молча здоровался, разговоров тоже не было.

Я чувствовал, что он уже тогда решил, что надо всю эту канитель со мной заканчивать. Я оказался явным чужаком в его послушной команде»[1].

Так ли все было на самом деле, как пишет Ельцин? Скорее всего он тщательно отрабатывает политическую заготовку о том, что к концу 1987 года их пути с Горбачевым разойдутся навсегда. Как мы постараемся показать в следующей части настоящей главы, союз этих разрушителей советского государства креп день ото дня, а все разглагольствования об отчуждении Горбачева от «гонимого» Ельцина не более, чем политический камуфляж.

Вот как отзывался о конфликте между Ельциным и Лигачевым в своих воспоминаниях Ю.Б. Баталин в то время Председатель Госстроя, имевший с Ельциным деловые контакты в бытность его первым секретарем Московского Горкома партии:

«Однажды он попросил меня приехать что-то обсудить по строительным делам. Я приехал в горком вечером. Там, в горкоме, кабинет наподобие буквы «Г». Длинный ряд такой, полутемень. И в этом длинном ряду свет был выключен. Он сидит как бы в сумерках, за столом. Сидит хмурый. Я ему: «Что-то у вас, Борис Николаевич, настроение плохое?» — «Да, плохое, окончательно». — «В чем дело?»

Ну, постепенно он разговорился. «Да, Лигачев такой-сякой...». — «А что Лигачев? Что вас смущает в нем?» — «Ну, ходу не дает. Жизни не дает». — «Как это он вам может ходу не дать? Вы ведь не Лигачеву подчинены. Вы прямо Генеральному подчинены. Что может сделать Лигачев? Ну, самое большее — пойти на вас пожаловаться. Поэтому не факт, что он так сильно может воздействовать на вас психологически». (Позже я узнал: все дело в том, что Лигачев возразил, когда обсуждался вопрос, переводить ли Ельцина в члены Политбюро.)

Потом говорю: «А как у вас отношения все-таки с первым, с Горбачевым?..» — «У меня с ним самые хорошие отношения. Мы с ним — единомышленники. Не было ни одного вопроса, по которому у нас были бы разногласия. У нас были близкие отношения». — «Ну, тогда вас вообще не должны удручать ваши отношения с Лигачевым. Это все преходящее. А с остальными-то членами Политбюро? Сейчас большой вес имеет Яковлев. Как с ним?» — «Ну, с Яковлевым мы ближайшие друзья. И если у меня возникают какие-то сложности где-то, я обязательно советуюсь с ним. Это очень мудрый человек. И дай бог, чтобы у нас с ним такие отноше-

---

[1] *Б. Ельцин.* Исповедь на заданную тему. Ассоциация уральских издателей. 1990. С. 121—124.

ния продолжались дальше. У меня с ним более чем дружеские отношения». Я говорю: «Ну, тогда вообще все замечательно».

И вдруг такое вызывающее выступление на пленуме. Из этого выступления я понял, что в нем эта карьерная злоба кипит и она ищет выхода. Но эта злоба к Лигачеву — она неадекватна. Дело-то ведь не в Лигачеве. Вот твое выступление здесь, оно совсем другой характер приобретает. И отчего такая безоглядность? Может, обнадеживала поддержка «очень мудрого человека»? Хотя Яковлев тут же тебя осудил, скорее всего, для отвода глаз...

Удивила меня и настойчивость Горбачева, предлагавшего Ельцина мне в заместители. Ясно было, делом он заниматься не будет, а прикрытием воспользуется. Так и случилось...»[1]

«Очень мудрый человек» тоже обратил внимание на постоянно конфликтующего Ельцина. Так, секретари ЦК Александр Яковлев и Вадим Медведев — идеологи горбачевской перестройки, на том заседании Политбюро ЦК, о котором говорил Ельцин, обменялись короткими записками относительно Ельцина, который открылся им с неожиданной стороны.

Медведев написал Яковлеву: «Оказывается, есть и левее нас, это хорошо».

Яковлев ответил Медведеву: «Хорошо, но я почувствовал какое-то позерство, чего не люблю».

Медведев — Яковлеву: «Может быть, но такова роль».

Яковлев — Медведеву: «Отставать — ужасно, забегать — разрушительно»[2].

Ельцин понимал, что дальнейшее его пребывание на московском престоле губительно для его амбициозных планов. Еще пройдет немного времени и уже всем станет ясным его политическое прожектерство и тогда неминуемо наступит политическая смерть. Он мучительно искал выход из создавшегося положения и одновременно искал успокоения в транквилизаторах и алкоголе. Вот как об этом периоде в жизни Ельцина писал академик Чазов:

«Ельцин стал срываться, у него нарушился сон (по его словам, он спал всего три-четыре часа в сутки), и в конце концов он попал в больницу. Эмоциональный, раздраженный, с частыми вегетативными и гипертоническими кризами, он произвел на меня тогда тяжкое впечатление. Но самое главное — он стал злоупотреблять успокаивающими и снотворными средствами, увлекаться алкоголем.

---

[1] *Ю. Баталин.* «Опасен новый распад», «Отечественные записки» (Приложение к газете «Советская Россия»). Вып. №137. 2007. С. 6.

[2] Цит. по: *Л. Млечин*. Борис Ельцин. Послесловие. М.: «Центрполиграф», 2007. С. 72—73.

Честно говоря, я испугался за Ельцина, потому что еще свежа была в моей памяти трагедия Брежнева. Ельцин мог пойти по его стопам (что и случилось в последствии, причем в гораздо худшей форме). Надо было что-то предпринимать. Я обратился за помощью к известному психиатру, которого считал лучшим по тем временам специалистом в этой области, члену-корреспонденту Академии медицинских наук Рубену Наджарову. Состоялся консилиум, на котором у Ельцина была констатирована появившаяся зависимость от алкоголя и успокаивающих средств…

Наши рекомендации после консилиума о необходимости прекратить прием алкоголя и седативных препаратов Ельцин встретил в штыки, заявив, что он совершенно здоров и в нравоучениях не нуждается. Его жена Наина Иосифовна, поддержала нас, но на ее просьбы последовала еще более бурная и грубая по форме реакция. К сожалению, жизнь подтвердила наши опасения, и через десять лет этот сильный от природы человек стал тяжелым инвалидом…»[1]

2.3. Октябрьский тупик

> А надо(бно) знать, что нет дела, коего устройство было бы труднее, ведение опаснее, а успех сомнительнее, нежели замена старых порядков новыми.
>
> *Петр I*

Итак, не прошло и двух лет, как Б. Ельцин был назначен первым секретарем Московского горкома, а он уже понял, что его «сидение на Москве» в дальнейшем ему никаких лавров не принесет и почувствовал своим «звериным» нюхом, что дальнейшее промедление смерти (политической) подобно. И он «запросил инструкций» у Генерального секретаря, что же делать дальше? По тому, как развивались в дальнейшем события, летом 1987 года он такие «инструкции» получил. Недаром их беседа, как пишет сам Б. Ельцин, продолжалась 2 часа 20 минут, прямо скажем, многовато для того, чтобы излить свои жалобы на Егора Кузьмича. Об этом можно судить хотя бы по объему того самого «знаменитого» письма Ельцина к Горбачеву. Спрашивается, чего писал? Обо всем переговорили, обо всем договорились — и вот вам — здравствуйте, ува-

[1] Цит. по: *Л. Млечин.* Борис Ельцин. Послесловие. М.: «Центрполиграф», 2007. С. 74—75.

жаемый Михаил Сергеевич! Впрочем, без анализа содержательной части этого письма нам не обойтись, чтобы понять, — о чем говорили и до чего договорились два заговорщика во время этой исторической «беседы». Но сначала слово Александру Коржакову:

«У Бориса Николаевича с весны 87-го года начались стычки на Политбюро то с Лигачевым, то с Соломенцевым. Спорили из-за подходов к «перестройке». Он видел, что реформы пробуксовывают. Вроде бы все шумят, у паровоза маховик работает, а колеса не едут.

Ельцин абсолютно искренне воспринимал объявленную Горбачевым перестройку и ее результаты представлял по-своему. В Москве, например, он едва ли не на каждом шагу устраивал продовольственные ярмарки. Овощи, фрукты, птицу, яйца, мед в ту пору москвичи могли купить без проблем.

Борис Николаевич тогда сам читал газеты, и его личное впечатление, будто кроме гласности в стране ничего нового не появилось, статьи в прессе только усиливали. В сентябре 87-го Ельцин написал письмо Горбачеву, в котором просил принять его отставку со всех партийных постов. Причина — замедление перестройки и неприемлемый для Бориса Николаевича стиль работы партаппарата. В сущности, Ельцин обвинил аппарат в саботаже.

Письмо это он никому не показал. Шло время, а Горбачев никак не реагировал. Ельцин сильно переживал из-за этого явно демонстративного молчания. Еще несколько месяцев назад они с Горбачевым, как добрые товарищи по партии, постоянно перезванивались. Ельцин в нашем присутствии называл Горбачева только Михаилом Сергеевичем и постоянно подчеркивал свое уважение к нему.

Он в душе верил, что Горбачев на письмо ответит и лично подтвердит его, Ельцина, правоту. Но Горбачев молчал»[1].

Из этого отрывка воспоминаний А. Коржакова, которые он опубликовал спустя, без малого, десять лет после описываемых событий, следует, что о содержании этого письма он и тогда и потом ничего не знал, что еще больше возводит вокруг него ореол загадочности.

Что такого судьбоносного мог привести в своем письме Б. Ельцин, если он и уже обо всем договорились? Приводим без изъятий содержания этого письмо, которое по своему замыслу должно было послужить документальным подтверждением «принципиальных разногласий» между М. Горбачевым и Б. Ельциным.

---

[1] *А. Коржаков*. Борис Ельцин. От рассвета до заката. М.: «Интербук». 1997. С. 64—65.

Итак, письмо кандидата в члены Политбюро ЦК КПСС Б. Ельцина — Генеральному секретарю ЦК КПСС М. Горбачеву.

«Уважаемый Михаил Сергеевич!

Долго и не просто приходило решение написать это письмо. Прошел год и 9 месяцев после того, как Вы и Политбюро предложили, а я согласился возглавить Московскую партийную организацию. Мотивы согласия или отказа не имели, конечно, значения. Понимал, что будет невероятно трудно, что к имеющемуся опыту надо добавить многое, в том числе время в работе.

Все это меня не смущало. Я чувствовал Вашу поддержку, както для себя даже неожиданно уверено вошел в работу. Самоотверженно, принципиально, коллегиально и по-товарищески стал работать с новым составом бюро.

Прошли первые вехи. Сделано, конечно, очень мало. Но, думаю, главное (не перечисляя другое) — изменились дух, настроение большинства москвичей. Конечно, это влияние и в целом обстановки в стране. Но, как ни странно, неудовлетворенности у меня лично все больше и больше.

Стал замечать в действиях, словах некоторых руководителей высокого уровня то, что не замечал раньше. От человеческого отношения, поддержи, особенно некоторых из числа состава Политбюро и секретарей ЦК, наметился переход к равнодушию к московским делам и холодному — ко мне.

В общем, я всегда старался высказывать свою точку зрения, если даже она не совпадала с мнением других. В результате возникало все больше нежелательных ситуаций. А если сказать точнее — я оказался неподготовленным со всем своим стилем, прямотой, своей биографией работать в составе Политбюро.

Не могу не сказать и о некоторых достаточно принципиальных вопросах. О части из них, в том числе о кадрах, я говорил или писал Вам. В дополнение.

О стиле работы Е.К. Лигачева. Мое мнение (да и других): он (стиль), особенно сейчас, негоден (не хочу умалить его положительные качества). А стиль его работы переходит на стиль работы Секретариата ЦК. Не разобравшись, копируют его и некоторые секретари «периферийных» комитетов. Но главное — проигрывает партия в целом. «Расшифровать» все это — для партии будет нанесен вред (если высказать публично). Изменить что-то можете только Вы лично для интересов партии.

Партийные организации оказались в хвосте всех грандиозных событий. Здесь перестройки (кроме глобальной политики) практически нет. Отсюда целая цепочка. А результат — удивляемся, почему застревает она в первичных организациях.

Задумано и сформулировано по-революционному. А реализация, именно в партии, — тот же прежний конъюнктурно-местнический, мелкий, бюрократический, внешне громкий подход. Вот где начало разрыва между словом революционным и делом в партии, далеким от политического подхода.

Обилие бумаг (считай каждый день помидоры, чай, вагоны… а сдвига существенного не будет), совещаний по мелким вопросам, придирок, выискивание негатива для материала. Вопросы для своего «авторитета».

Я уже не говорю о каких-либо попытках критики снизу. Очень беспокоит, что так думают, но боятся сказать. Для партии, мне кажется, это самое опасное. В целом у Егора Кузьмича, по-моему, нет системы и культуры в работе. Постоянные его ссылки на «томский опыт» уже неудобно слушать.

В отношении меня после июньского Пленума ЦК и с учетом Политбюро, состоявшегося 10 сентября, нападки с его стороны я не могу назвать иначе, как скоординированная травля. Решение исполкома по демонстрациям — это городской вопрос, и решался он правильно. Мне непонятна роль созданной комиссии, и прошу Вас поправить создавшуюся ситуацию. Получается, что он в партии не настраивает, а расстраивает партийный механизм. Мне не хочется говорить о его отношении к московским делам. Поражает: как можно за два года просто хоть раз не поинтересоваться, как идут дела у более чем миллионной парторганизации? Партийные комитеты теряют самостоятельность (а уже дали ее колхозам и предприятиям).

Я всегда был за требовательность, строгий спрос, но не за страх, с которым работают сейчас многое партийные комитеты и их первые секретари. Между аппаратом ЦК и партийными комитетами (считаю, по вине тов. Е.К. Лигачева) нет одновременно принципиальности и по-партийному товарищеской обстановки, в которой рождаются творчество и уверенность, да и самоотверженность в работе. Вот где, по-моему, проявляется партийный «механизм торможения». Надо значительно сокращать аппарат (тоже до 50 процентов) и решительно менять структуру аппарата. Небольшой пусть опыт этого есть в московских райкомах.

Угнетает меня лично позиция некоторых товарищей из состава Политбюро ЦК. Они умные, поэтому быстро и «перестроились». Но неужели им можно до конца верить? Они удобны, и, прошу извинить, Михаил Сергеевич, но мне кажется, они становятся удобными и Вам. Чувствую, что нередко появляется желание отмолчаться тогда, когда с чем-то не согласен, так как некоторые начинают играть в согласие.

Я неудобен и понимаю это. Понимаю, что непросто и решить со мной вопрос. Но лучше сейчас признаться в ошибке. Дальше, при сегодняшней кадровой ситуации, число вопросов, связанных со мной, будет возрастать и мешать Вам в работе. Этого я от души не хотел бы.

Не хотел бы и потому, что, несмотря на Ваши невероятные усилия, борьба за стабильность приведет к застою, к той обстановке (скорее, подобной), которая уже была. А это недопустимо. Вот некоторые причины и мотивы, побудившие меня обратиться к Вам с просьбой. Это не слабость и не трусость.

Прошу освободить меня от должности первого секретаря МГК КПСС и обязанностей кандидата в члены Политбюро ЦК КПСС. Прошу считать это официальным заявлением.

Думаю, у меня не будет необходимости обращаться непосредственно к Пленуму ЦК КПСС.

С уважением *Б. Ельцин.*

12 сентября 1987 г.»[1]

В тот же день письмо ушло в Пицунду, где отдыхал Горбачев. Ни одна душа о содержании письма тогда не знала.

Что же такого принципиально важного высказал в этом письме Б. Ельцин кроме, разумеется, критики в адрес Е.К. Лигачева, что ни для кого секретом не являлось? Что его побудило сделать столь «опрометчивый шаг», о котором будет написано горы статей и книг, и который до сих пор остается «неразгаданной тайной»? Ну критикнул немного «самого» М. Горбачева, тысячу раз при этом извинившись, и тут же пропев ему очередную осанну: «…несмотря на Ваши невероятные усилия…», но это же отнюдь не повод для отставки, после которой впереди ничего не светит, тем более для такого прагматичного человека, как Ельцин.

Однако следует обратить внимание на заключительную фразу письма: «Думаю, у меня не будет необходимости обращаться непосредственно к Пленуму ЦК КПСС». Для понимания дальнейших событий, которые будут развиваться вокруг «неординарного» поступка Ельцина, эта фраза будет иметь ключевое значение. Как это не будет необходимости? С таких должностей без решения Пленума не снимают. Значит проговорился Ельцин! Обсуждали они с Горбачевым все до мелочей, в том числе и его предстоящий демарш на Октябрьском Пленуме ЦК КПСС. А как же без этого сенсационного обращения к участникам Пленума можно удовлетворить его просьбу об отставке? Надо полагать так, что вдруг

---

[1] Цит. по: *А. Хинштейн*. Ельцин. Кремль. История болезни. М.: «Олма Медиа Групп», 2008. С. 500—502.

на Пленуме встает М.С. Горбачев и зачитывает письмо Ельцина с просьбой об отставке. Все внимательно слушают и единогласно голосуют «за». Так не бывает. Значит сценарий Пленума, равно как и дальнейшие мероприятия по освобождению Ельцина от занимаемой должности и выводу его из кандидатов в члены Политбюро были тщательно проработаны и дальнейшие события, последовавшие за изгнанием Ельцина с политического Олимпа, это с высокой степенью достоверности подтверждают.

Что же случилось на самом деле на третьем году перестройки? Почему потребовались столь неординарные пути для ускорения процесса реформ? Все довольно просто. Никаких реальных сдвигов в сторону смены политического строя, то есть по пути «преобразования» мирным путем социалистической системы в капиталистическую, что являлось сутью, внутренним содержанием, если хотите — философией перестройки, сделано не было. Эволюционный путь «перерастания» «развитого социализма» в либеральный капитализм, или хотя бы в его первую стадию, которая, согласно учению Маркса, называлась «первоначальное накопление капитала», показал свою бесперспективность. Нужна была революция, вернее, контрреволюция, а это уже посерьезнее благостных рассуждений М. Горбачева об ускорении, гласности, плюрализме и тому подобных завиральных идей, с которыми он изрядно поднадоел всем буквально: партийной элите, рядовым коммунистом, которые вообще не могли взять в толк, куда он клонит, советскому народу, наконец.

Партийная элита упрекала М. Горбачева и его соратников, прежде всего А. Яковлева, в том, что они ввязались в столь серьезное реформирование экономической и политической жизни страны, не имея на это ни четкого (если ни никакого) плана, ни сколько-нибудь вразумительной цели. Именно об этом постоянно талдычил Б. Ельцин, пока не наступил сговор между ним и Горбачевым, когда ему толком разъяснили, что цель-то есть, а вот с планом перестройки дело обстоит действительно так — плана не было. Да и быть не могло, и вот почему. Впрочем, лучше пусть об этом скажет главный идеолог перестройки, главный ее теоретик — Александр Яковлев.

Много позже описываемых событий, уже после контрреволюционного переворота 1991 года, Александр Яковлев дал обстоятельное интервью корреспонденту Литературной газеты, где «проскочил» следующий фрагмент:

«Корреспондент «Литературной газеты» Олег Мориз (далее — *О.М.*): В последние десять лет в стране произошли радикальные перемены: пользуясь классической терминологией,

можно констатировать замену социализма капитализмом. Ни о чем таком Горбачев, как известно, не помышлял. Он хотел всего лишь улучшить, модернизировать социализм. А Вы тогда понимали, что улучшением социализма проблему не решить? Вы ведь были близким соратником Горбачева?

Александр Яковлев (далее — А.Я.): — Отвечу как на духу. Да, в самом начале перестройки я тоже придерживался позиции совершенствования социализма. И я думаю, что эта позиция была в то время объективно оправдана. Представьте себе, что мы в 1985 году сказали бы, что надо переходить на другой общественный строй? Ведь вот сейчас все нас обвиняют, что у нас не было плана? Какой план? Давайте вместо социализма учредим другой строй? Где бы мы оказались? Самое ближнее — в Магадане. И то не довезли бы…

О.М.: — Вслух говорить, конечно не стоило. Я имею ввиду то, что было в мыслях…

А.Я.: — И в мыслях… Я уверен, что все более или менее здравомыслящие люди были сосредоточены тогда на тех безобразиях, которые творились. Казалось: вот если эти безобразия убрать — прекратить политические репрессии, предоставить людям полноту информации, перестать бояться людей, ликвидировать номенклатуру как класс, стоящий над людьми, поэтапно ввести выборность, — неизбежно к власти придут честные люди. Вот и у меня была такая иллюзия, которая разлетелась потом в пух и прах. К власти пришли как раз демагоги. Я ошибся. Каюсь. Как-то я лучше думал о наших избирателях, которые должны разбираться, за кого голосуют. Оказывается, рюмку если налили — вот он и голосует «за кого надо». Вы правы: все эти разговоры о демократии ему «до лампочки». Да и вообще, как известно, многие наши беды от пьянства. Потеть он не хочет, а пить хочет. А пьяного труда не бывает. Не придумала его природа. Вот если на стакан пота будет приходиться капля водки — это и будет Страна, богатая и населенная богатыми людьми. А сейчас пока обратное соотношение этих жидкостей.

О.М.: — Вы были преуспевающим партийным чиновником: достигли в партийной карьере потолка — поста члена Политбюро ЦК КПСС. Вступление на путь реформ лично для вас означало выступление против всемогущего партийного аппарата и, соответственно, дикую ненависть со стороны партийного чиновничества, травлю, потоки клеветы, угроз. Кстати, накануне той нашей десятилетней давности беседы пришло сообщение, что Бюро президиума ЦК КПСС выступило с предложением исключить вас из партии. То есть фактически к моменту нашей встречи вы уже

расстались с партбилетом. Что побудило вас сменить спокойную, благополучную жизнь на жизнь, полную катаклизмов и стрессов? Когда именно возникло такое желание?

А.Я.: — Никакого конкретного момента не было. Я весь свой путь к прозрению описал в мемуарах[1]. Все начинается с такого философского состояния, как сомнение. Но сомнения по частностям — в справедливости того или иного действия, в правильности поведения того или иного лица, в искренности речи того или иного кремлевского вождя… Ведь я участвовал в написании этих речей. И все мы прекрасно понимали, что многое из написанного — чушь собачья. Но понимали не только мы. Все большее число людей начинало осознавать, что мы живем тройной жизнью: думаем одно, говорим другое, а поступаем иначе… Трудность заключалась в том, как перевести эти сомнения и возрастающий протест в практические действия.

В свое время я симпатизировал диссидентам. Началось это с «Нового мира», с борьбы с «Октябрем», с «Молодой гвардией», с «Советской Россией», когда ее возглавлял еще Московский… И я понял, что диссиденты ничего сделать не смогут. Более того, КГБ начал подгребать их под свое крыло. Вербовать. Запускать в диссидентскую среду своих агентов. Многих я знаю. Потом узнал. Кто есть кто. В конце концов я пришел к одному выводу: этот дикий строй можно взорвать только изнутри, используя его тоталитарную пружину — партию. Используя такие факторы, как дисциплина и воспитанное годами доверие к Генеральному секретарю, к Политбюро: раз Генеральный говорит так, значит — так оно и есть. Кроме того, в момент прихода Горбачева на высший партийный пост мы использовали то обстоятельство, что все партийные вожди начали свою деятельность с широковещательных заявлений — о свободе (в социалистическом понимании, разумеется), о социалистической демократии, о том, что у нас самая высокая культура, самая хорошая жизнь, и если бы не эти проклятые империалисты, вообще все было бы прекрасно… Так вот мы со всего этого начали.

На апрельском пленуме 85-го года это все проглотили. Хотя там в докладе уже прозвучал тезис о свободе социального выбора. Прозвучал тезис о развитии демократии — в двух-трех случаях без эпитета «социалистической». Проглотили. Промелькнули слова об инициативе людей как примате, основе развития общества. Проглотили. Сокращена была похвальба в адрес мудрого руководства коммунистической партии. Никто не возмутился: как же, все ведь утверждено на Политбюро, стало быть, так все

[1] *А. Яковлев.* Омут памяти. М.: «Вагриус», 2000.

и должно быть; пусть новый генсек поговорит, покажет, какой он широкий парень; делать-то мы все равно будем по-своему.

Когда ортодоксы забеспокоились? В 87-м году, после январского пленума, где мы поставил вопрос об альтернативных выборах. До многих тогда дошло: это ведь под меня копают, этак ведь и меня в депутаты не переизберут. Ведь вот что интересно: вся номенклатура прекрасно знала, что на свободных выборах ей ничего не светит. И действительно на первых же выборах 32 первых секретаря обкомов и крайкомов не были избраны. А ведь это было только самое-самое начало.

О.М.: — В той нашей беседе вы признали, что идеи перестройки вызывают яростное сопротивление партийных чиновников и функционеров, что сторонников у Горбачева в этой среде ничтожно мало: «пара его помощников», член Совета безопасности Бакатин, еще кто-то. «Но я бы так сказал, — подвели вы итог, — список очень коротенький». За счет чего Горбачеву все же удалось выстоять, довести реформы до такой стадии, когда эстафетную палочку уже могли подхватить другие, — Ельцин и его команда? За счет навыков аппаратной борьбы?

А.Я.: — И за счет этого тоже. Но, кроме того, у людей ведь тогда не пропала еще уверенность, что коренные преобразования нужны. В конце концов Ельцин же на этом поднялся. Он требовал решительнее проводить реформы, и народ его поддержал. А Горбачев, напротив, стал медлить и колебаться. Он ведь фактически потерял власть не в 1991, а в 1990 году. Когда завалили программу «500 дней», он выступил перед депутатами с очень слабенькой речью, где говорил о неких паллиативных мерах, в том числе о роспуске президентского совета, единственного органа, который противостоял Политбюро. Но при этом он сорвал бурные аплодисменты со стороны определенно настроенной публики, и это его не насторожило. Видимо, он потерял политическое чутье»[1].

Все сказанное выше А. Яковлевым подтверждает наше утверждение о том, что «перестройка» по Горбачеву дошла до той предельной черты, после которой словесная демагогия Горбачева должна быть подкреплена решительными действиями по разрушению инерционной партийной машины, и лучшего кандидата на роль «громилы», чем Ельцин, трудно было сыскать. На наш взгляд, в вышеприведенных откровениях А. Яковлева допущена единственная неточность, свидетельствующая о том, что о достигнутом сговоре между М. Горбачевым и Б. Ельциным он тоже знал далеко не все. Нет, не потерял политическое чутье Генеральный секретарь,

---

[1] Цит. по: «Десять лет, которые потрясли…1991—2001». М.: «Вагриус», 2002. С. 204—206.

возглавивший крестовый поход против партии, которая взрастила его от простого комбайнера до Генерального секретаря, оно у него было звериное. Просто сменился сценарий политической драмы, и ему пришлось играть (а вернее сказать — подыгрывать) роль «слабого» политического оппонента Ельцину. По существу, он добровольно взял на себя незавидную роль защищающегося от «вероломных действий» громилы Ельцина. Это уже была не тактика «перестройки», а стратегия по смене политического строя.

А что делать? Что-то нужно было и потерять, в целях достижения конечной цели. Мало того, он достаточно отчетливо понимал, что взяв на себя роль «второго» лица по «уничтожению коммунизма», он многим рисковал, вплоть до возможной потери существующего своего положения, и того положения, которое он должен был (и хотел) занять после контрреволюционного переворота. В конце концов, так оно и случилось, и Горбачев достаточно спокойно принял свое политическое поражение, поскольку случится главное — цель его жизни была достигнута, — он признан мировым капиталом могильщиком коммунизма! В конечном счете, он не проиграл, и до конца своих дней будет получать щедрые дивиденды за свое предательство. Мало того, он по-прежнему востребован мировой либеральной элитой, он на коне, он грозит великому Китаю. В ранее цитированной нами речи М. Горбачева на семинаре в Американском университете в Турции он продолжает громить коммунизм:

«Мир без коммунизма будет выглядеть лучше. После 2000 года наступит эпоха мира и всеобщего процветания. Но в мире еще сохраняется сила, которая будет тормозить наше движение к миру и созданию. Я имею в виду Китай.

Я посетил Китай во время больших студенческих демонстраций, когда казалось, что коммунизм в Китае падет. Я собирался выступить перед демонстрантами на той огромной площади, выразить им свою симпатию и поддержку и убедить их в том, что они должны продолжать свою борьбу, чтобы и в их стране началась перестройка. Китайское руководство не поддержало студенческое движение, жестоко подавило демонстрацию и…совершило величайшую ошибку. Если бы настал конец коммунизму в Китае, миру было бы легче двигаться по пути согласия и справедливости.

Я намеривался сохранить СССР в существовавших тогда границах, но под новым названием, отражающем суть произошедших демократических преобразований. Это мне не удалось, Ельцин страшно рвался к власти, не имея ни малейшего представления о том, что представляет из себя демократическое государство. Именно он развалил СССР, что привело к политическому хаосу и

всем последовавшим за этим трудностям, которые переживают сегодня народы всех бывших республик Советского Союза»[1].

Да, прав Горбачев. Именно Ельцин развалил СССР, совершив уголовно наказуемое деяние. Но с чьей подачи? Практически до самого августовского путча 1991 года он шли вместе и действовали по согласованному в 1987 году плану, каждый выполнял свою роль: один крушил КПСС, другой Советский Союз. Преступление совершали оба, но с небольшим отличием: Ельцин — уголовное, Горбачев — политическое.

Четыре года в одной упряжке — срок не малый. Но Горбачев искусно лавируя, используя весь арсенал политической демагогии, сумел сохранить тайну сговора, заставив и своих биографов и политических оппонентов до сегодняшнего дня ломать голову и политические копья — так был сговор или не был?

Для ответа на этот вопрос необходимо проанализировать материалы Октябрьского Пленума ЦК КПСС, на котором Ельцин выступил со своей сенсационной речью, уловить некоторые нюансы поведения его участников и прежде всего Горбачева, Ельцина и Лигачева, который председательствовал на Пленуме.

«Загадка» Октябрьского Пленума рассмотрена в многочисленных книгах, мемуарах, статьях и научных исследованиях, поэтому нет необходимости обращаться к первоисточнику, то есть к стенографическому отчету. На наш взгляд, наиболее достоверный анализ событий, происходивших на Пленуме, дан в книге Н. Зеньковича «Тайны ушедшего века. Власть. Распри. Подоплека», поскольку автор этого популярного произведения длительное время проработал в аппарате ЦК КПСС и о «кремлевских тайнах» знает не понаслышке. И вторая причина, почему мы будем ссылаться на указанное произведение — это объективный подход автора к описываемым событиям, он не высказывает личных предпочтений на вопросы: был ли сговор между Горбачевым и Ельциным или это ельцинский экспромт, состоявшийся в силу особенностей его характера, который в психиатрии именуется «застреванием аффекта», на чем настаивает Александр Хинштейн. Мы рассмотрим и проанализируем обе точки зрения, но сначала слово Николаю Зеньковичу.

«Был ли сговор?

Несмотря на густой туман, окутывавший Москву двое суток подряд, что затрудняло посадку самолетов, Пленум ЦК КПСС открылся в назначенное время — в 10 часов утра 21 октября. Из-

[1] Цит. по: Газета «USVIT» («Заря»). № 24. 1999. Словакия. В переводе газета «Ветеран». № 27, июль, 2000 г.

за непогоды не смогли прилететь и сидели в местных аэропортах только 30 человек.

Прибывшие рассаживались в зале. Кроме основных 530 высших партийных чиновников присутствовали и приглашенные — министры, руководители ведомств, командующие военными округами, не входившие в состав центральных органов КПСС.

Открывая пленум, генсек Горбачев объявил, что на повестке дня только один вопрос:

— Считаем целесообразным проинформировать членов ЦК, чтобы вы узнали все принципиальные положения доклада на торжественном заседании, посвященному 70-летию Великой Октябрьской социалистической революции. Политбюро хотело бы получить ваше согласие и поддержку.

Затем бразды председательствовавшего перешли к Лигачеву, который предоставил слово для доклада Михаилу Сергеевичу. Горбачев выступал почти два часа. Получив положенные аплодисменты, докладчик не торопился покидать трибуну.

— Товарищи! — произнес Лигачев. — Доклад окончен. Возможно, у кого-нибудь будут вопросы? Нет? Если вопросов нет, то нам надо посоветоваться…

Лигачев хотел спросить у зала, есть ли смысл открывать прения по докладу. На Политбюро они договорились, что не стоит, поскольку всем участникам пленума при регистрации решено было раздать материалы к этому вопросу.

И тут зал услышал голос возвратившегося в президиум генсека:

— У товарища Ельцина есть вопрос.

Однако Егор Кузьмич как будто не видел поднятой руки московского секретаря и не слышал голоса генсека. Лигачев, как ни в чем не бывало, повторил:

— Тогда давайте посоветуемся. Есть ли нам необходимость открывать прения?

— Нет, — раздались голоса.

— Нет, — удовлетворенно констатировал Лигачев.

— У товарища Ельцина есть какое-то заявление, — нетерпеливо, громче обычного произнес Горбачев, как будто раздосадованный тем, что председательствовавший не видит поднятой руки Бориса Николаевича»[1].

Обратим внимание на знаковую оговорку, сделанную Горбачевым. Если в первой реплике он сказал, что у товарища Ельцина

---

[1] *Н. Зенькович.* Тайны ушедшего века. Власть. Распри. Подоплека. М.: «ОЛМА-ПРЕСС», 2005. С. 476—478.

есть вопрос, то во второй реплике он говорит, что: « — У товарища Ельцина есть какое-то заявление». Да, такое заявление у Ельцина было, — это письмо, направленное Горбачеву 12 сентября этого года в Пицунду, где он отдыхал, и заявление это, скорее всего, лежало у Горбачева в папке. И это заявление Горбачеву следовало огласить участникам Пленума, поскольку оно было документальным подтверждением, что между ними, якобы, не было никакого сговора. Это действительно так, поскольку о содержании более чем двухчасовой беседы никаких документальных следов, не осталось, то нужен был «документальный камуфляж», в роли которого как раз и выступало письмо-заявление Ельцина. И не оговорка это была вовсе, а информация для участников Пленума, которые рано или поздно узнают о существовании письма Ельцина в Пицунду, что Ельцин по своей инициативе вышел на трибуну Пленума и это снимает всякие подозрения о заключенном между ними союзе по приданию перестройке «ельцинского ускорения». Но вернемся к Пленуму:

«И тогда Лигачев как бы спохватился:

— Слово предоставляется товарищу Ельцину Борису Николаевичу — кандидату в члены Политбюро ЦК КПСС, первому секретарю Московского горкома КПСС. Пожалуйста, Борис Николаевич.

Ельцин неторопливо подошел к трибуне и произнес свою знаменитую речь, закончившуюся заявлением об отставке.

Восстанавливая в памяти подробности, предшествовавшие шокировавшему их выступлению Ельцина, многие участники пленума вспоминают некоторые, показавшиеся им странными, детали.

Лигачев смотрел в зал в упор и не видел поднятой руки Ельцина. Почему? Спрашивал, есть ли вопросы к докладчику, — значит, внимательно обводил взглядом ряды. Объяснить столь странное поведение председательствовавшего можно лишь тем обстоятельством, что Ельцин находился в президиуме. Но по неизменному ритуалу в президиуме сидели только члены Политбюро, а кандидаты в члены Политбюро и секретари ЦК — в зале, правда, в первых рядах.

Постоянным местом Ельцина в зале заседаний пленумов было пятое в третьем ряду — как раз напротив председательствовавшего. И тем не менее Лигачев не замечал поднятой руки и приподнимавшегося несколько раз московского секретаря. Не замечал или не хотел заметить? Интуитивно чувствовал, что неспроста просит слова? Ладно, если бы с периферии. А то ведь свой. Или располагал какой-то информацией о готовившемся взрыве бомбы и потому пытался его предотвратить? Иначе чем объяснить тот бесспорный и зафиксированный стенограммой факт, что только

после повторного настойчивого напоминания Горбачева председательствовавший с неохотой, как отмечали некоторые участники пленума, предоставил слово Ельцину.

Чем вызвана неясная до сих пор настойчивость Горбачева? Дважды напоминает он Лигачеву о желании Ельцина выступить. Сначала говорит, что у Ельцина есть какой-то вопрос. Лигачев игнорирует подсказку генсека и проводит решение о нецелесообразности открытия прений. И снова Горбачев нетерпеливо напоминает: «У товарища Ельцина есть какое-то заявление».

Проговорился? В первом случае речь шла о вопросе, во втором — уже о заявлении. Ельцин действительно выступил с заявлением. Выходит, генсек знал, почему московский секретарь просит слова и с чем он выступит на пленуме?»[1]

Взойдя на трибуну, Ельцин произнес свою «знаменитую» речь, которая продолжалась не более десяти минут. Но это были десять минут, которые потрясли не только участников Пленума, но и весь советский народ, хотя содержание выступления Ельцина опубликовано не было. То, что услышали делегаты, прозвучало подобно грому среди ясного неба.

Борис Николаевич заметно волновался, то и дело проводя рукой по волосам, словно пытаясь таким образом успокоить свои нервы. Говорил он сбивчиво, сумбурно. Зал слушал Ельцина затаив дыхание, на делегатов Пленума словно оторопь нашла. Они никогда не слышали такой откровенной «атаки» на второго человека в партии — Лигачева, а также «нападки» на самого Генерального секретаря. Поскольку речь Ельцина была засекречена, то уже на второй день после Пленума появились многочисленные варианты «содержательной» части его выступления, где реальные фрагменты речи тесно переплетались с фантастическими дополнениями, которые еще ярче подчеркивали чуть ли не героический поступок бунтаря. Ельцин на глазах превращался в «народного трибуна», своего рода Робин Гуда. Так, в машинописных и рукописных вариантах речи Ельцина «нападки» на Лигачева действительно были интригующими:

— С ним работать невозможно. Он интриган. Он по-прежнему придерживается старых методов работы. На каждого члена Политбюро у него заведено дело. Он препятствовал мне в улучшении жилищных условий в Москве, и я считаю, что его следует вывести из ЦК.

Особую пикантность вызывали «нападки» Ельцина на супругу Горбачева — Раису Максимовну, которые звучали так:

---

[1] Указ. соч. С. 478—479.

— Очень трудно работать, когда вместо конкретной дружеской помощи получаешь только одни нагоняи и грубые разносы. В этой связи, товарищи, я вынужден был просить Политбюро оградить меня от мелочной опеки Раисы Максимовны и от ее почти ежедневных телефонных звонков и нотаций. Дискуссий чересчур много, товарищи, а дело стоит. Простому человеку от наших дискуссий никакой пользы. Число бюрократов в большинстве ведомств не уменьшилось. В торговле положение не исправляется. Пора власть употребить. Мы слишком много приятных слов говорим о Михаиле Сергеевиче, а нам следует требовать от него больше.

Разумеется, Ельцин с трибуны Октябрьского пленума ничего подобного не говорил, а его «нападки» на Лигачева заключались всего лишь в двух фразах: первая — «Я должен сказать, что после этого (июньского Пленума ЦК партии. — *А.К.*), хотя и прошло пять месяцев, ничего не изменилось с точки зрения стиля работы Секретаря Центрального Комитета партии, стиля работы товарища Лигачева». И вторая, в заключительной части выступления: «Видимо, и опыт и другие (причины. — *А.К.*), может быть, и отсутствие некоторой поддержки со стороны, особенно товарища Лигачева, я бы подчеркнул, привели меня к мысли, что я перед вами должен поставить вопрос об освобождении меня от должности, обязанностей кандидата в члены Политбюро».

Если сопоставить эти два фрагмента из речи Ельцина, где упомянут Лигачев, с его действительными упреками в адрес стиля работы последнего в письме-заявлении Ельцина Горбачеву, то это просто легкая дружеская критика, не более. Или, как говорят в Одессе, — две большие разницы.

Тем не менее легенда об историческом выступлении Ельцина с вышеупомянутыми фрагментами относительно критики в адрес Лигачева и Раисы Максимовны ширилась, обрастала все более «точными» подробностями, стала предметом «исследований» зарубежных советологов.

В частности, вышеприведенные фрагменты взяты из книги Гарри Табачника «Последние хозяева Кремля»[1].

Книга Г. Табачника впервые на русском языке была опубликована в 1990 году, но, как видим, при ее втором издании — «дополненном и обновленном» вышеприведенные нелепости сохранились, и это говорит о том, что подлинное содержание речи Ельцина за океан еще не дошло (хотя это сомнительно, поскольку речь была опубликована через два года).

---

[1] *Г. Табачник.* Указ. соч. М.: «Орфей», Нью-Йорк, 1994. С. 305—306.

Так о чем же эта речь? Ниже приводится стенографическая запись выступления Ельцина, опубликованная в журнале «Известия ЦК КПСС» (№2, 1989г.).

Из стенограммы Пленума ЦК КПСС 21 октября 1987 г.

«Ельцин: Доклады, и сегодняшний и на семидесятилетие, проекты докладов обсуждались на Политбюро и с учетом того, что я тоже вносил предложения, часть из них учтена, поэтому у меня нет сегодня замечаний по докладу, и я его полностью поддерживаю.

Тем не менее я хотел бы высказать ряд вопросов, которые у меня лично накопились за время работы в составе Политбюро.

Полностью соглашусь с тем, что сейчас очень большие трудности в перестройке, и на каждого из нас ложиться большая ответственность и большая обязанность.

Я бы считал, что прежде всего нужно было бы перестраивать работу именно партийных комитетов, партии в целом, начиная с Секретарей ЦК, стиля работы т. Лигачева.

То, что сегодня здесь говорилось, Михаил Сергеевич говорил, что недопустимы различного вида разносы, накачки на всех уровнях, это касается хозяйственных органов, любых других, допускается именно на этом уровне, это в то время, когда партия сейчас должна как раз взять именно революционный путь и действовать по-революционному. Такого революционного напора, я бы сказал, партийного товарищества по отношению к партийным комитетам на местах, ко многим товарищам не чувствуется. Мне бы казалось, что надо: делай уроки из прошлого, действительно сегодня заглядывай в те белые пятна истории, о которых сегодня говорил Михаил Сергеевич, — надо, прежде всего, делая выводы на сегодняшний день, делать вводы в завтрашнее. Что же нам делать? Как исправлять, как не допустить то, что было? А ведь тогда просто дискредитировались ленинские нормы нашей жизни, и это привело к тому, что они потом, впоследствии, ленинские нормы, были просто в большей степени исключены из норм поведения жизни нашей партии.

Я думаю, что то, что было сказано на съезде в отношении перестройки за 2—3 года — 2 года прошло или почти проходит. Сейчас снова указывается на то, что опять 2—3 года, — это очень дезориентирует людей, дезориентирует партию, дезориентирует все массы, поскольку мы, зная настроения людей, сейчас чувствуем волнообразный характер отношений к перестройке. Сначала был сильнейший энтузиазм — подъем. И он все время шел на высоком накале и высоком подъеме, включая январский Пленум ЦК КПСС. Затем, после июньского Пленума ЦК, стала вера как-

то падать у людей, и это нас очень и очень беспокоит, конечно, в том дело, что два эти года были затрачены на разработку в основном всех этих документов, которые не дошли до людей, конечно, и обеспокоили, что они реально за это время и не получили.

Поэтому мне бы казалось, что надо на этот раз подойти, может быть, более осторожно к срокам провозглашения и реальных сроков перестройки в следующее два года. Она нам дастся очень и очень, конечно, тяжело, мы это понимаем, и даже если сейчас очень сильно — а это необходимо — революционизировать действия партии, именно партии, партийных комитетов, то это все равно не два года. И мы через 2 года перед людьми можем оказаться, ну, я бы сказал, с пониженным авторитетом партии в целом.

Я должен сказать, что призыв все время принимать поменьше документов и при этом принимать их постоянно больше — он начинает уже просто вызывать и на местах некоторое отношение к этим постановлениям, я бы сказал, просто поверхностное, что ли, и какое-то неверие в эти постановления. Они идут одно за другим. Мы призываем друг друга уменьшать институты, которые бездельничают, но я должен сказать на примере Москвы, что год тому назад был 1041 институт, после того как, благодаря огромным усилиям, Госкомитетом ликвидировали 7, их стало не 1041, а 1087, за это время были приняты постановления по созданию институтов в Москве. Это, конечно, противоречит и линии партии, и решениям съезда, тем призывам, которые у нас есть.

Я думаю еще об одном вопросе, но здесь Пленум, члены Центрального Комитета партии, самый доверительный и самый откровенный состав, перед кем и можно, и нужно сказать все то, что есть на душе, что есть и в сердце, и как у коммуниста.

Я должен сказать, что уроки, которые прошли за 70 лет, — тяжелые уроки, были победы, о чем было сказано Михаилом Сергеевичем, но были и уроки. Уроки тяжелых, тяжелых поражений. Поражения эти складывались постепенно, они складывались благодаря тому, что не было коллегиальности, благодаря тому, что были группы, благодаря тому, что была власть партийная отдана в одни-единственные руки, благодаря тому, что он, один человек, был огражден абсолютно от всякой критики.

Меня, например, очень тревожит — у нас нет еще в составе Политбюро такой обстановки, а в последнее время обозначился определенный рост, я бы сказал, славословия от некоторых членов Политбюро, от некоторых постоянных членов Политбюро в адрес Генерального секретаря. Считаю, что как раз вот сейчас это недопустимо, именно сейчас, когда закладываются самые демо-

кратические формы отношения принципиальности друг к другу, товарищеские отношения и товарищества друг к другу. Это недопустимо. Высказать критику в лицо, глаза в глаза — это да, это нужно, а не увлекаться славословием, что постепенно, постепенно опять может стать «нормой», культом личности. Мы этого допустить не можем. Нельзя этого допустить.

Я понимаю, что сейчас это не приводит к каким-то уже определенным, недопустимым, так сказать, перекосам, но тем не менее первые какие-то штришки вот такого отношения уже есть, и мне бы казалось, что, конечно, это надо в дальнейшем предотвратить.

И последнее (пауза).

Видимо, у меня не получается в работе в составе Политбюро. По разным причинам. Видимо, и опыт, и другое, может быть, просто и отсутствие некоторой поддержки со стороны, особенно товарища Лигачева, я бы подчеркнул, привел меня к мысли, что я перед вами должен поставить вопрос об освобождении меня от должности, обязанностей кандидата в члены Политбюро. Соответствующее заявление я передал, а как будет в отношении первого секретаря городского комитета партии, это будет решать уже, видимо, пленум городского комитета партии».

Следует обратить внимание на самую первую реакцию Горбачева на речь Ельцина, который экспромтом, но весьма точно проанализировал сказанное с трибуны Пленума, выделив в выступлении Ельцина четыре момента. Как это ему удалось сделать, не имея на руках текста выступления (стенограмма появится только к концу обсуждения выступления Ельцина). Такое впечатление, что часом не вместе ли они сочиняли этот ельцинский «экспромт». Продолжим цитирование стенограммы Пленума:

«Горбачев: Наверное, далее мне удобнее вести заседание.

Лигачев: Да, пожалуйста, Михаил Сергеевич.

Горбачев: Товарищи, я думаю, серьезное у товарища Ельцина выступление. Не хотелось бы начинать прения, но придется сказанное обсудить.

Хочу повторить основные моменты заявления.

Первое. Товарищ Ельцин сказал, что надо серьезно активизировать деятельность партии и начинать это следует с Центрального Комитета КПСС, конкретно с Секретариата ЦК. Замечания в этой связи были высказаны Егору Кузьмичу Лигачеву.

Второе. Ставится вопрос о темпах перестройки. Утверждается, что назывались сроки перестройки два-три года. Отмечается, что такие сроки ошибочны. Это дезориентирует людей, ведет еще больше к сумятице в обществе, в партии. Положение чревато такими последствиями, которые могут погубить дело.

Третье. Уроки мы извлекаем из прошлого, но, видимо, с точки зрения товарища Ельцина, не до конца, поскольку не созданы механизмы в партии, на уровне ЦК и Политбюро, которые исключали бы повторение серьезных ошибок.

И наконец, о возможности продолжить работу в прежнем качестве. Товарищ Ельцин считает, что дальше он не может работать в составе Политбюро, хотя, по его мнению, вопрос о работе первым секретарем горкома партии решит уже не ЦК, а городской комитет.

Что-то у нас получается новое. Может, речь идет об отделении Московской партийной организации? Или товарищ Ельцин решил на Пленуме поставить вопрос о своем выходе из состава Политбюро, а первым секретарем МГК КПСС решил остаться? Получается вроде желание побороться с ЦК. Я так понимаю, хотя, может, и обостряю…

Садись, садись, Борис Николаевич. Вопрос об уходе с должности первого секретаря горкома ты не поставил: сказал — это дело горкома партии.

Вот, собственно, все, кроме твоего возражения, будто неправильно тебя понял, что ты ставишь вопрос перед ЦК о своей работе в качестве секретаря горкома партии.

Правильно я интерпретировал в сумме твои высказывания, товарищ Ельцин?

Давайте обменяемся мнениями, товарищи. Вопросы, думается, поставлены принципиально. Это как раз тот случай, когда, идя к 70-летию Великого Октября, и этот урок надо извлекать для себя, для ЦК и для товарища Ельцина. В общем, для всех нас.

В этом вопросе надо разобраться.

Пожалуйста, товарищи. Кто хочет взять слово?

Члены ЦК знают о деятельности Политбюро, политику оценивают, вам видней, как тут быть. Я приглашаю вас к выступлениям, но не настаиваю. Если из членов Политбюро кто-то хочет взять слово, то я, естественно, предоставляю. Пожалуйста.

Товарищи, кто хочет выступить, поднимите руку».

И тут началось! Вернемся снова к книге Н. Зеньковича:

«Закон стаи.

— Да не было никакого сговора, все это бред больного воображения! — воскликнул один из бывших высокопоставленных партийных деятелей в ответ на просьбу прокомментировать любимую недругами Горбачева версию. — Любой нормальный человек не перенес бы того, что с Ельциным сделали на пленуме. Ну, покритиковал Политбюро, Секретариат, Лигачева... Что, не имел

права? Горбачев ведь всем даровал плюрализм. Кстати, в отношении генсека Ельцин был корректен... Допустим, что спасовал, дрогнул, не выдержал гигантской нагрузки. Ну и отпустите с миром, дайте менее сложную работу — человек сам об этом просит... Нет, устроили публичную порку. Я тут недавно на досуге прочел стенограмму, и за голову схватился. Набросились, как стая волков. Не знал всех обстоятельств дела, о которых Горбачев, кстати, умолчал и вскользь упомянул лишь после окончания экзекуции. О какой человечности или здравом смысле можно говорить?

Неожиданная точка зрения человека, которого никак в симпатиях к Ельцину не заподозришь — он оставил моего собеседника без «вертушки», казенной дачи, сверкающей черным лаком «Волги» со спецсвязью, — подвигла обратиться к стенограмме выступлений. Захотелось по прошествии времени посмотреть, чем же поразил документ.

Это было форменное избиение. По сигналу вожака стая злобно набросилась на жертву, допустившую слабость. Ни сочувствия, ни попытки разобраться в мотивах просьбы об отставке. Травля — жестокая, обидная, безнравственная.

Выступили 26 человек, в том числе все члены Политбюро. Осуждали даже люди, никогда с ним дела не имевшие, приехавшие из глубинки. По старой партийной традиции на трибуну выпустили представителей рабочего класса, руководителей профсоюзов и комсомола, которые тоже заклеймили отступника. Остракизму подвергали старые друзья, с которыми делал одно дело. Политическая незрелость, личные плохие черты характера, поздно — в 30 лет — вступил в партию, не получил должной закалки. Это омский соседушка Манякин отрабатывает за перевод в Москву, в Комитет народного контроля. Свердловчанин Рябов, посол во Франции: «Я первый, кто товарища Ельцина заметил на работе в домостроительном комбинате города Свердловска в 1968 году, мы выдвинули его на работу заведующим строительным отделом областного комитета партии. Но мы уже тогда подметили, если можно так сказать, негативные явления в его характере, в его отношении к людям...»

Больно хлестали, кусали и новые друзья. Обзывали клеветником, слабаком, примитивной недалекой личностью, злопыхателем. Даже молодые соревновались друг с другом, кто посильнее размажет.

Поаплодировав вместе со всеми очередному оратору, вылившему очередной ушат с помоями на объект всеобщей проработки, Горбачев поднял его с места, как нашкодившего мальчишку:

— Борис Николаевич, у тебя есть что сказать? Давай.

Дальнейшее походило на сцену из жизни комсомольской организации, когда строгий комсорг, упиваясь своим превосходством и властью, снисходительно бросает проштрафившемуся пэтэушнику:

— Ладно, дадим тебе слово еще раз.

Ельцин вышел к трибуне и попытался сделать кое-какие уточнения:

— Я назвал отношение к темпам перестройки волнообразным процессом потому, что нельзя рассчитывать, будто он будет постоянно только круто вверх идти, здесь неизбежны и спады... В отношении славословия. Здесь опять же я не обобщал и не говорил о всех членах Политбюро, я говорил о некоторых. Речь идет о двух-трех товарищах, которые, конечно, злоупотребляют, по моему мнению, иногда, говоря много положительного...

Горбачев не дал оратору закончить мысль, досказать, в чей адрес славословили члены Политбюро, прервал гневно:

— Борис Николаевич, ведь известно, что такое культ личности. Это система определенных идеологических взглядов, положение, характеризующее режим осуществления политической власти, демократии, состояния законности, отношение к кадрам, людям. Ты что, настолько политически безграмотен, что мы ликбез этот должны тебе организовывать здесь?

— Нет, сейчас уже не надо, — будто решив что-то важное для себя, ответил Ельцин.

— Сейчас вся страна втягивается в русло демократизации, — продолжил генсек, объясняя недоучке-уральцу, из каких элементов эта самая демократизация состоит. — И после этого обвинять Политбюро, что оно не делает уроков из прошлого? А разве не об этом говорилось в сегодняшнем докладе?

Провинившийся школьник поднял глаза на справедливого, никогда не ошибающегося учителя:

— А между прочим, о докладе, как я...

Ельцин хотел напомнить: в начале своего выступления он сказал, что доклад поддерживает, по нему нет замечаний, часть его предложений, высказанных на обсуждении в Политбюро, учтена. Зачем же приписывать то, чего он не говорил? Но Горбачев снова резко оборвал стоявшего на трибуне московского секретаря:

— Да не между прочим. У нас даже обсуждение доклада отодвинулось из-за твоей выходки.

И это было поставлено в вину, хотя, как мы знаем, прения по докладу решено было не открывать.

Ельцину с трудом удалось прорваться сквозь многословную обличительную тираду Горбачева:

— Нет, я о докладе первым сказал...

Зал возмущенно загудел. Стенограмма зафиксировала отдельные возгласы:

— О себе ты заботился!

— О своих неудовлетворенных амбициях!

Подзуженный голосами из зала, Горбачев распалился:

— Я тоже так думаю. И члены ЦК так тебя поняли. Тебе мало, что вокруг твоей персоны вращается только Москва. Надо, чтобы еще и Центральный Комитет занимался тобой? Уговаривал, да?.. Надо же дойти до такого гипертрофированного самолюбия, самомнения, чтобы поставить свои амбиции выше интересов партии, нашего дела! И это тогда, когда мы находимся на таком ответственном этапе перестройки. Надо же было навязать Центральному Комитету партии эту дискуссию! Считаю это безответственным поступком. Правильно товарищи дали характеристику твоей выходке...

Н-да. Кто кому навязал дискуссию? Человек в соответствии с дарованным плюрализмом заявил о своей точке зрения, не совпадающей с обшей, и попросил об отставке. И вот во что вылилась заурядная, в общем-то, просьба.

Проработка продолжалась — мелкая, злобная, унизительная. Вопросы генсека больно били по самолюбию. Скажи по существу, как ты относишься к критике? Скажи, как относишься к замечаниям товарищей по ЦК — они о тебе многое сказали и должны знать, что ты думаешь? У тебя хватит сил дальше вести дело? И подхалимские голоса в зале: «Не сможет он, нельзя оставлять на таком посту».

— А теперь посмотрите, на основании чего вынесен сей вердикт, — говорит тот самый высокопоставленный в прошлом партийный деятель, который категорически отрицает версию тайного сговора Горбачева с Ельциным. — На основании воспринимаемых на слух аргументов спонтанно вспыхнувшей дискуссии. Представляете? Судили, не имея никаких документов, никаких материалов. Не было ведь справки, не создавалась комиссия. Площадной самосуд. 26 человек выступили, заплевали, очернили, под статью — полнейшая теоретическая и политическая беспомощность — подвели, вердикт вынесли о невозможности пребывания в должности, и только после этого выступает Горбачев и сообщает, что Ельцин еще полтора месяца назад обратился к нему с письмом с просьбой об отставке. Значит, были какие-то встречи, выяснения позиций. Зачем же натравливать на него людей, не знающих подоплеки? Я был на том пленуме, и заявление Горбачева о письме Ельцина меня неприятно кольнуло: что же мы делаем, ведь так с каждым из нас могут поступить. Дайте заключение комиссии, справку, объяснение. А то — на слух. Правда, Горбаче-

ву принесли стенограмму выступления Ельцина, но когда? После того, как выступил последний обличитель, и исход дела был предрешен. «Посмотрите, что он сказал! — вскричал Горбачев. — Мне дали уже стенограмму. Вот ведь что он сказал: за эти два года реально народ ничего не получил. Это безответственное заявление, в политическом плане его надо отклонить и осудить. Мы добились немалого, а он хочет навязать Центральному Комитету свои негативные оценки».»[1]

Согласимся, экзекуция, устроенная Горбачевым, была жестокой, так с единомышленником не поступают. Так не поступают даже с самыми непримиримыми оппонентами, есть же в конце концов определенные этические рамки для проведения партийных дискуссий, пусть даже самых острых, самых нелицеприятных. Но вот в этой неординарности поступка Горбачева, выпустившего, не хуже того ловчего из басни И.А. Крылова, «на волка гончих стаю» и кроется ответ на вопрос, томивший собеседника Н. Зеньковича. Горбачеву требовалось как можно глубже запрятать даже саму идею возможного сговора с Ельциным, поэтому он сознательно рушил эти самые этические нормы, сложившиеся в партии при проведении острых дискуссий, по принципу: «чем хуже — тем лучше». Лучше для кого? Во-первых, для себя — вот как мы разделываемся с инакомыслящими, во-вторых, для Ельцина, — «терпи казак — атаманом будешь!» — ведь мы с тобой договорились, что на Пленуме будет устроена горячая баня. Ну, а главное, — это нужно для дела, о котором они договорились, для страны, стоящей на перепутье.

Однако, ход дискуссии, развернувшейся на Пленуме, скорее всего, вышел за рамки разработанного сценария, сам Горбачев не ожидал такого эффекта, а уж Ельцин — тем более. Поэтому в искренности его переживаний, которыми он делился в «Исповеди…», сомневаться не приходиться. Слово Б.Н. Ельцину:

«Ну, а дальше все пошло, как и ожидалось. Но одно дело, когда я теоретически прокручивал все это в голове, размышляя о том, какие доводы будут приводиться в ответ на мои тезисы, кто выступит. Казалось, что выйдут не самого крупного калибра и не близкие люди... А вот когда все началось на самом деле, когда на трибуну с блеском в глазах взбегали те, с кем вроде бы долго рядом работал, кто был мне близок, с кем у меня были хорошие отношения, — это предательство вынести оказалось страшно тяжело. Я уверен, сейчас этим людям стыдно читать ту брань в мой адрес, которую они говорили. Но слово сказано, и от этого никуда не уйти.

---

[1] Указанное сочинение. С. 485—489.

Одно выступление за другим, во многом демагогичные, не по существу, бьющие примерно в одну и ту же точку: такой-сякой Ельцин. Слова повторялись, эпитеты повторялись, ярлыки повторялись. Как я выдержал, трудно сказать.

Выступает Рябов, с которым столько в Свердловске вместе работали. Зачем? Чтобы себе какую-то тропинку проложить вверх, если не к будущему, то хотя бы к своей пенсии? И он тоже начал обливать... Это было совсем тяжело. Первый секретарь Пермского обкома — Коноплев, Тюменского — Богомяков, и другие... Уж вроде работали рядом, уж, кажется, пуд соли вместе съели — но каждый, каждый думал о себе, каждый считал, что на этом деле можно какие-то очки себе заработать. Из членов Политбюро для меня неожиданными были выступления Н. И. Рыжкова и А. Н. Яковлева — я не думал, что они могут сказать такие слова. Генеральному, мне кажется, хотелось, чтобы именно они выступили, поскольку я всегда к ним относился с уважением, и значит, мне слушать их будет особенно больно.

Я уже знал, что после этого начнется долгий процесс, который надо вытерпеть, что сейчас, на Пленуме, меня из состава кандидатов в члены Политбюро не выведут. Нужно ждать Московского Пленума, и на нем сначала меня освободят от должности первого секретаря горкома партии, а потом на другом Пленуме уже выведут из Политбюро. Так оно и получилось. Проголосовали в конце Пленума за короткую резолюцию: «считать выступление политически ошибочным» — и предложили МГК рассмотреть вопрос о моем переизбрании. Хотя ничего там и близко политически ошибочного нет, и в этом теперь могут убедиться практически все, кто прочитал мое выступление в журнале.

Кстати, когда было объявлено о выходе во втором номере журнала «Известия ЦК КПСС» за 1989 год стенограммы октябрьского Пленума ЦК, я не стал стремиться раньше времени прочитать этот текст. Дождался, когда журнал пришел домой, я подписываюсь на него. Прочитал свое выступление. Удивился слегка, мне казалось, что выступил я тогда острее и резче, но тут время виновато, с тех пор общество так продвинулось вперед, столько прошло острейших дискуссий, и на XIX партконференции, и во время предвыборной кампании... А тогда это была первая критика Генерального секретаря, первая попытка не на кухне, а на партийном форуме, гласно разобраться, почему перестройка начала пробуксовывать, это была первая, так сказать, реализация провозглашенного плюрализма.

А вот выступления других, так называемых, ораторов я читать не стал. Не смог пересилить себя. Читать — это почти что за-

ново пережить то страшное состояние несправедливости, ощущение предательства... Нет.

Трудное время. Пережил я это тяжело. Несколько дней продержался буквально на одной силе воли, не слег в больницу сразу. 7 ноября стоял у Мавзолея В. И. Ленина и был уверен, что здесь я последний раз. Больше всего огорчало, что не сумел довести до конца многое из того, что задумал в Москве, а проблем горячих, острых больше чем достаточно. Мне кажется, что я встряхнул городскую партийную организацию, но многого не успел сделать. Чувствовал вину перед горкомом, перед коммунистами Москвы, перед москвичами. Но, с другой стороны, поскольку отношение в Политбюро ко мне вряд ли бы изменилось, а мои предложения по улучшению жизни города наталкивались на стену и в пику мне просто не решались, я не мог позволить себе, чтобы москвичи становились заложниками моего положения. Надо было действительно уходить...»[1]

Обратим внимание на несколько моментов, прозвучавших в этом признании Б. Ельцина. Во-первых, он, признает, что сценарий дискуссии, развернувшейся после своего выступления на Пленуме, был «теоретически прокручен». То есть знал, на что шел: «все пошло как и ожидалось».

Во-вторых, он не ожидал, что против него так резко выступят члены Политбюро — Рыжков и Яковлев.

Относительно Рыжкова все понятно. Ельцин не мог знать о том, что Рыжков был категорически против перевода Ельцина в Москву, а затем против назначения его на должность первого секретаря Московского горкома партии. Человек по натуре мягкий, и в общем-то порядочный, Николай Иванович в присутствии Ельцина никогда не высказывался о нем негативно. А поскольку он сам был из Свердловска и был «под началом» Ельцина, хотя и косвенным, то у последнего сохранилось мнение относительно Рыжкова, лишенное всякого негативного налета.

Кстати, в последующем Николай Иванович несколько пересмотрел свое отношение к скандалу, разразившемуся на Пленуме, и оценил свое собственное выступление, как ошибочное. Через несколько лет на вопрос, обращенный к Н.И. Рыжкову по поводу выступления Б. Ельцина на Пленуме, он сказал:

«К сожалению, Ельцин ничем от своих тогдашних «врагов» не отличался. Он сам писал в книге: «Я воспитан этой системой». Так что могу подтвердить: я с ним еще по Свердловску знаком. И ко-

---

[1] *Б. Ельцин.* Исповедь на заданную тему. Ассоциация уральских издателей. 1990. С. 171—173.

гда пришел срок, он попросту наказал своих обидчиков, запретив их партию, отняв у них должности, зарплату, кабинеты, машины, правительственные телефоны. То есть внешние атрибуты власти. Он ведь не с партией сражался, Робин Гуд наш доморощенный. Он с князьями да с графьями боролся, которые его прилюдно секли. И победил. И унизил их со вкусом и смаком. А то, что пятнадцать миллионов холопов заодно в грязь положил — это мелочи! А то, что законы попрал — пустяки! Это — как раз в стиле той системы, которая его воспитала, которой он верой-правдой служил двадцать долгих лет. Хозяин — барин, повторяю, какие ему законы писаны! Ельцин сейчас — хозяин…»[1]

У А. Яковлева были совершенно другие резоны для выступления на Пленуме против Ельцина. Он, хотя и косвенно, но был причастен к сговору между Горбачевым и Ельциным и отсиживаться ему было никак нельзя, чего доброго могут уличить его в лояльности к Ельцину и тем самым «засветить» так хитро разработанный план «ельцинского ускорения перестройки».

Впрочем к этой неоднозначной фигуре мы еще вернемся, а пока слово анонимному противнику версии сговора, который решительно защищает версию «глубокой обиды» Б. Ельцина на «говорунов» из Политбюро:

«— Как вы считаете, Ельцин был прав, когда говорил о том, что народ от перестройки ничего не получил?

— Я ведь был тогда в той системе координат, мы варились в собственном соку, поэтому мне казалось, что подвижки были. Но — все видится на расстоянии. Сегодня я с полной уверенностью заявляю: если бы к мыслям Ельцина тогда прислушались, может, и не пришлось бы хоронить ни партию, ни государство. Сегодня видно, что Ельцин здраво рассуждал. Действительно, начав перестройку, КПСС в лице ее консервативно настроенного руководства безнадежно отставала от событий, — а затем продолжил свои размышления по поводу того, что выступление Ельцина на Пленуме не более, чем экспромт до глубины души обиженного человека.

Турнир амбиций

— Хотите знать мою точку зрения? Ельцин взбунтовался из-за того, что не захотел ходить под Лигачевым. Московские секретари традиционно были в партии на особом положении и имели дело непосредственно с генсеками. Лигачев рассчитывал, что выдвиженец из Свердловска будет его человеком в Москве. Одна-

---

[1] *Н. Зенькович.* Тайны ушедшего века. Власть. Распри. Подоплека. М.: «ОЛМА-ПРЕСС», 2005. С. 490.

ко Ельцин знал себе цену и не согласился ходить под кем-то. Он и так чувствовал себя ущемленным, когда его перевели в столицу всего лишь на должность заведующего далеко не первостепенного отдела ЦК. Его предшественники свердловчане Кириленко и Рябов получали более высокий статус — секретарей ЦК.

Ход мыслей все того же высокопоставленного в прошлом партийного деятеля довольно интересен. По его мнению, чаще всего сходятся люди с противоположными характерами. А Ельцин с Лигачевым были очень похожи друг на друга и принадлежали к одной школе. Те же безапелляционность суждений, отсутствие каких-либо комплексов, рефлексий и сомнений, авторитарность и жесткость. Оба были на равном положении — первыми секретарями обкомов, работали по соседству, притом вотчина Ельцина была куда более значима по экономическому потенциалу, чем аграрный Томск. И вдруг сибиряк, имевший с точки зрения уральца меньше шансов на пост второго лица в партии, нежели он, становится его начальником, отдает приказы и распоряжения.

Наверное, какая-то доля правды в этом психологическом наблюдении есть. Ведь именно после очередной бурной перепалки на Политбюро, которое вел Лигачев, Ельцин вернулся к себе в кабинет и сочинил письмо в Пицунду, где отдыхал Горбачев. Произошло это 12 сентября 1987 года.

— Ельцин был одним из немногих в горбачевском Политбюро, кто каждодневно занимался текущими хозяйственными вопросами, — продолжает мой собеседник. — Они об общечеловеческих ценностях да консенсусах разглагольствовали, а он каждый день считал помидоры, чай, мясо, вагоны. Они по двенадцать часов краснобайствовали ни о чем, а ему надо было город кормить. Москву потянуть не каждый может. Когда Ельцина решили снять, многие не отважились занять его место — ни Медведев, ни Лигачев, ни Воротников. Едва Зайкова уломали.

Действительно, можно представить, что думал Ельцин, присутствуя на еженедельных посиделках Политбюро или Секретариата, глядя на словесные ристалища и краснобайские турниры. Конечно, он чувствовал себя чужаком в этой среде, замыкался, понимая, что не может соперничать с людьми, умеющими произносить красивые слова. Самолюбивому и мнительному провинциалу, привыкшему главенствовать в Свердловске, показалось, что он не вписывается в рамки каких-то непонятых ему отношений. Здесь привыкли думать и действовать только так, как думал один человек — генсек.

Члены Политбюро, как правило, принимали политические решения, а выполняли их другие. Москва же — на виду. И каж-

дый считал своим долгом поделиться на Политбюро теми безобразиями, которые бросались в глаза по дороге с дачи на Старую площадь. Московский секретарь к таким разносам, нередко мелочным, но регулярным, привычен не был. Царь от Свердловска далеко, в кои года почтит визитом, а тут вот он, под боком. Неуютно под строгим надзором уральцу, привыкшему к безраздельной власти. Там всех знал, а здесь поди разберись, кто кому брат, кто сват. Только тронешь — тут же звонок по «первой» вертушке. А еще и вторая есть.

Почему письмо Ельцина, отправленное в Пицунду Горбачеву, осталось без рассмотрения? Казалось бы, надобность во встрече очевидна. Кто знает, может, и не было бы октябрьского бунта, если бы послание было рассмотрено вовремя. Что помешало поговорить по душам, обсудить наболевшее, снять недоразумения? Мало ли какие трения могут возникнуть в процессе совместной деятельности.

Горбачев, по его словам на пленуме, даже членов Политбюро не проинформировал о полученном заявлении Ельцина. Забыл? Потерял? О несобранности и неорганизованности генсека ходили легенды: случалось, что за полчаса до мероприятия он звонил помощнику и спрашивал, где текст выступления, хотя поручение о подготовке давал другому. Начинались суматошные поиски, выяснения. Бывало, что злополучную бумагу не могли найти, хотя секретарши, референты, дежурные перетряхивали все ящики стола. Обнаруживали сутки-двое спустя — среди вороха совсем других бумаг.

Из выступления на октябрьском пленуме о письме в Пицунду:

— Когда я вернулся из отпуска, у нас с ним был разговор на эту тему. Мы условились, что в период подготовки к 70-летию Октября не время обсуждать его вопрос, а надо действовать. И в самом деле, товарищи, часа, минуты свободной нет. Вы, наверное, уже видите, что на пределе все идет. Необходимо решать много вопросов... Мы тогда условились с товарищем Ельциным, что после праздников встретимся, посидим и все обсудим... Я не думал, что после нашей договоренности товарищ Ельцин на нынешнем пленуме Центрального Комитета, имеющем этапное значение для жизни партии и в осознании ее истории и перспектив, представит свои претензии Центральному Комитету. Лично я рассматриваю это как неуважение к Генеральному секретарю, к нашей договоренности.

Итак, по мнению Горбачева, нарушитель договоренности — Ельцин. Однако Борис Николаевич не согласен:

— Еще раз повторяю, это не так. Напомню, в письме я попросил освободить меня от должности кандидата в члены Политбюро и первого секретаря МГК и выразил надежду, что для решения

этого вопроса мне не придется обращаться к пленуму ЦК. О том, что мы встретимся после пленума, разговора не было. «Позже» — и все. Два дня, три, ну, минимум неделя — я был уверен, что об этом сроке идет речь. Все-таки не каждый день кандидаты в члены Политбюро уходят в отставку и просят не доводить дело до пленума. Прошло полмесяца, Горбачев молчит. Ну, и тогда, вполне естественно, я понял, что он решил вынести вопрос на заседание пленума ЦК, чтобы уже не один на один, а именно там устроить публичный разговор со мной...

По-своему понял Борис Николаевич и сказанное ему по телефону вернувшимся из отпуска Горбачевым о встрече «после праздника». Он подумал, что Горбачев имеет в виду праздник 7 октября — День Конституции. А поскольку приглашения для разговора в этот срок не последовало, решил, что Горбачев, видимо, передумал встретиться и решил довести дело до пленума и вывести из кандидатов в члены Политбюро именно там — для скандальной громкости.

Не правда ли, так и хочется воскликнуть: ах, какие мы нежные и деликатные!

Хорошо по этому поводу сказал бывший член Политбюро Медведев:

— Спрашивается, зачем же было Ельцину мучиться предположениями и сомнениями? Если он видел, что встреча откладывается, почему бы не поднять трубку и не спросить у Горбачева, когда же будет такой разговор? Уверен, что контакты между ними были, ведь под председательством Горбачева состоялось в это время три заседания Политбюро, на которых присутствовал Ельцин...

Контакты между ними были? Вот обрадуются сторонники версии о тайном сговоре! Правда, как тогда понимать то, что случилось на заседании Политбюро 19 января 1987 года? Ельцин, высказавший ряд критических суждений по проекту доклада, с которым должен был выступить генсек на январском пленуме, получил такую резкую отповедь («нам нужна перестройка, а не перетряска») и воспринял ее так болезненно, что ему стало плохо и пришлось вызывать врача.

Когда доктор с чемоданчиком открыл дверь зала заседаний, он увидел, что все разошлись, а его пациент одиноко сидит в кресле, обуреваемый тяжкими переживаниями»[1].

«Сторонникам версии о тайном сговоре» очень легко ответить на вопрос, прозвучавший в конце этой длинной цитаты, —

---

[1] *Н. Зенькович.* Тайны ушедшего века. Власть. Распри. Подоплека. М.: «ОЛМА-ПРЕСС», 2005. С. 490—494.

так когда это было? За десять месяцев до описываемых событий — в январе 1987 года. Тогда его здорово отхлестали, да так, что ему сделалось плохо, — стало сдавать сердце. А какое сердце выдержит такие физические и эмоциональные нагрузки, которые испытывал в течение двух «московских» лет Б. Ельцин? Да и алкогольные нагрузки со счетов сбрасывать нельзя, — это вам не уральские забавы — «в дуплет», возраст уже не тот! А вот если этот аргумент развернуть на все 180 градусов, «перелицевать», говоря попросту. А не явился ли январский эпизод с Ельциным как раз поводом для разработки смелого проекта «тайного сговора»? Не тут ли сверкнула мысль в одной голове с проплешиной, — Эврика! — вот он «уральский бульдозер», который сдвинет, наконец-то, застрявший воз перестройки. И судя по конечному результату, мысль была просто из разряда гениальных!

Дальше события развивались в последовательности, о которой сказано выше: многочасовые беседы без свидетелей и каких-либо записей и документов, письмо-заявление в Пицунду, «экспромт-выступление» на Пленуме, дирижирование «волчьей стаей» по избиению «отступника» и снова сердечный приступ у Ельцина. Сердечный приступ пишем без кавычек, грешить не будем, по-человечески жалко Б. Ельцина, пережившего личную драму. После такой «политической бани», устроенной Горбачевым, хотя и по ранее «утвержденному плану», и железное сердце не выдержит, а Ельцину уже 57-й годок пошел. Другое дело эпизод с имитацией попытки суицида «посредством канцелярских ножниц» — тут без театральных трюков, на которые Ельцин был горазд, не обошлось.

Так что же в арсенале у сторонников версии о тайном сговоре? Слово Н. Зеньковичу:

«Версия о сговоре Горбачева и Ельцина живуча до сих пор. Невероятная активность генсека, нетерпеливо напомнившего Лигачеву, что Ельцин хочет сделать какое-то заявление, усиливает эти подозрения. Откровенное давление на председательствовавшего, явно уклонявшегося от надвигающегося скандала, вторжение в его функции не остались незамеченными и сегодня дают обильную пищу для догадок.

Превалируют три точки зрения. Первая — рок, судьба. Мотылек сам летит на огонь, кролик лезет в пасть удава, жертву бессознательно тянет к убийце. Вторая — двухчасовая речь, прерываемая одобрительными аплодисментами, размагнитила генсека, привела в благодушное состояние. Захотелось быть добрым и справедливым ко всем. И третья — предварительный сговор, имевший целью раскол в Политбюро, что позволило бы осуществить возникший еще в конце 1985 года замысел о разделении КПСС на две самостоятельные политические партии.

По третьей, самой распространенной версии, Ельцину отводилась роль могучего тарана горбачевско-яковлевских реформ. Смелый до безрассудства, он был единственным в Политбюро, кто обладал неукротимым бойцовским характером. Сравниться с ним в этом плане мог разве что Лигачев, но Егор Кузьмич не годился для данной роли в силу своих консервативных взглядов. А Ельцин покорил всех уже первым своим новаторским выступлением на перестроечном XXVII съезде. Стало ясно, что недавний свердловский секретарь не из тех, кто любит компромиссы, и потому именно на него сделал ставку в своих многоходовых комбинациях новый Генеральный секретарь.

И просчитался. Ибо хотелось как лучше, а получилось как всегда. Очень скоро выяснилось, что Ельцин не намерен играть роль горбачевского «тарана», а сам хочет добиваться собственного места на кремлевском небосводе. Честолюбивому уральцу не по нутру были какие-то отдельные выигрыши, он захотел снять весь банк сразу. И поставил все на карту,» — но не сдаются и противники тайного сговора, поскольку, на их взгляд, слишком много необычного было в этом «историческом» выступлении Ельцина. Того, что было произнесено с трибуны Пленума, нельзя было объяснить ничем, кроме как «экспромтом», на который мог пойти только Ельцин. Однако продолжим цитирование Н. Зеньковича:

«Никому о подробностях!

Выступление Ельцина, которому но настоянию Горбачева дали слово уже после того, как приняли решение не открывать прений по докладу генсека, было коротким, не более десяти минут. Сказать, что оно произвело эффект внезапно разорвавшейся бомбы, значит, ничего не сказать.

Бомбы падали и взрывались недалеко от кремлевских стен и раньше. Старинное здание, где проходил пленум, помнит грохот артиллерийских снарядов, которыми красногвардейцы обстреливали Кремль в семнадцатом. Но такого, что «отмочил» Ельцин, в этом зале не происходило никогда!

Хотя на пленуме договорились не предавать огласке случившееся, шило в мешке утаить было трудно. Все-таки 530 участников, не считая работников разных вспомогательных служб. Само собой, уже вечером того же дня Москва была взбудоражена слухами. Запрет на информацию — никому о подробностях! — вызвал обратный результат. До сих пор многие уверены, что Ельцин критиковал Горбачева за вмешательство его супруги в государственные дела.

Конечно же это досужие вымыслы, отражавшие антипатии простых людей к первой леди. Ничего подобного Ельцин не про-

износил. Но и того, что прозвучало в мертвой тишине зала, было достаточно, чтобы вызвать шок у большинства членов ЦК.

Даже сегодня, после всех сильнейших потрясений наиновейшего времени, выступление Ельцина потрясает безрассудно-отчаянной смелостью. Два года держали его в строжайшей тайне — и это в эпоху гласности! Значит, было что скрывать?

Четыре неполные машинописные странички, в которые вместилась стенограмма злополучного выступления, перепаханы вдоль и поперек. Все хотят разгадать тайну неожиданной апелляции Ельцина к ошеломленному ЦК. Увы, структурный анализ текста не внес пока ясности. Компьютерщики-структуралисты в растерянности. Текст состоит из блоков, каждый из которых подтверждает правильность разных, порой даже полярных, точек зрения.

«Ельцин сознательно шел на развязывание публичного конфликта», — считает бывший член Политбюро В. А. Медведев, оставшийся верным Горбачеву и работающий в его фонде. Анализируя октябрьский бунт московского секретаря с учетом личных наблюдений и в свете последующего развития событий, Медведев склоняется к выводу, что тогда в действиях Ельцина преобладали личностные факторы и мотивы, хотя уже просматривались контуры нарождавшейся левой оппозиции, с ее лозунгами радикальных реформ. Прошло немало времени, прежде чем позиция Ельцина обрела более или менее ясные политические контуры, сомкнулась в чем-то с настроениями зарождавшейся радикально-демократической оппозиции.

Таким образом, по мнению сторонников Горбачева, выходка московского секретаря, испортившего праздник участникам пленума, носит исключительно личностный характер. Бунт Ельцина — это бунт тщеславного одиночки, разрушителя по своей натуре, неспособного к бесконфликтному существованию.

Убедиться в правомерности такого взгляда помогает дальнейшая биография Ельцина — развал Советского Союза, расстрел парламента и т. д. А впервые в концентрированном виде эти опасные для государственного деятеля качества были продемонстрированы в октябре 1987 года, когда Ельцин неожиданно пошел в атаку на твердыни власти и лично бросил перчатку Горбачеву.

Действительно, он во всеуслышание — не в своем узком кругу на Политбюро — посмел заявить, что вера в перестройку у людей начала падать, что случилось то, от чего предостерегал Горбачев: перестройку заболтали. Постановления идут одно за одним, но они не выполняются:

— Мы призываем друг друга уменьшать институты, которые бездельничают. Но я должен сказать на примере Москвы, что год назад был 1041 институт, после того как благодаря огромным

усилиям с Госкомитетом ликвидировали 7, их стало не 1041, а 1087. Разве это не противоречит тем призывам, с которыми мы обращаемся друг к другу?

Оратор усомнился в осуществимости перестройки:

— На XXVII съезде сказали, что она займет два-три года. Два года прошли или почти проходят, сейчас снова указывается на то, что надо еще два-три года. Это дезориентирует людей, вызывает разочарование...

Сторонники версии о тайном сговоре Горбачева с Ельциным считают приведенный выше блок не свидетельством стихийности бунта московского секретаря, на чем настаивают люди из команды экс-генсека, а отвлекающим маневром. Мол, какую Америку открыл Ельцин, сообщив о волнообразном характере отношения людей к перестройке. Участники пленума, приехавшие с мест, прекрасно знали, что два года горбачевских преобразований породили в народе к осени 1987 года скепсис и неверие в успех затеянного. Чем больше бодрых речей произносилось наверху, тем чаще исчезали из продажи сахар и мыло, зубная паста и школьные тетради. Многочасовые очереди выстаивались за мясом, обувью, одеждой, сигаретами. Страна медленно, но неуклонно переходила на карточную систему обеспечения — как в годы войны.

Главным, по мнению противников команды Горбачева, в выступлении Ельцина было совсем другое — удар по Политбюро, Секретариату ЦК. Заявив, что стиль работы высших органов партии не изменился, Ельцин возложил вину за это на консервативно мыслившего Лигачева, поддерживаемого некоторыми ортодоксами из числа постоянных членов Политбюро.

Вот она, подлинная сверхзадача неожиданного выступления московского секретаря, считают сторонники версии о тайном сговоре. Ельцин с подачи Горбачева открыл левый и правый фронты острой политической борьбы, которая должна была привести к разделению КПСС на две или три партии.

О таком плане, якобы существовавшем в головах горбачевских советников, слухи по цековским коридорам ходили еще до запрета КПСС. И вот они получили подтверждение. На 22-й странице своей «покаянной» книги «Горькая чаша» А. Н.Яковлев приводит такую надиктовку, относящуюся к декабрю 1985 года: «О партии. Практика, когда партия в мирное время руководит всем и вся, весьма зыбкая. Соревновательность в экономике, лучшая свобода и свобода выбора на деле, а не на словах, неизбежно придут в противоречие с моновластью. Но власть есть власть. От нее добровольно отказываются редко. Так и с КПСС, особенно учитывая ее «орденомеченосный» характер. Надо упредить события. Возможно было бы разумным разделить партию на две части, дав

организационный выход существующим разногласиям. Но это особая тема для тщательного и взвешенного обдумывания».

Чем не повод для подозрений в том, что в результате этого «тщательного и взвешенного обдумывания» именно Ельцину, склонному к резким и неожиданным шагам, и была отведена роль своеобразного тарана, призванного пробить первую брешь? Для раскола нужен был какой-то громкий политический скандал на самой верхотуре партийного руководства, ибо КПСС была жестко централизованной организацией, и потому ее разделение без инициирования сверху было бы невозможным.

В пользу сговора, как считают непримиримые противники Горбачева, говорит и то, как Ельцин сформулировал свое заявление об отставке:

— Видимо, у меня не получается в работе в составе Политбюро. По разным причинам. Видимо, и опыт, и другое, может быть, и отсутствие некоторой поддержки со стороны, особенно товарища Лигачева, я бы подчеркнул, привели меня к мысли, что я перед вами должен поставить вопрос об освобождении меня от должности, обязанностей кандидата в члены Политбюро. Соответствующее заявление я передал, а как будет в отношении первого секретаря городско го комитета партии, это будет решать уже, видимо, пленум городского комитета партии.

— Что-то у нас получается новое, — сказал генсек, взяв в свои руки ведение пленума. — Может, речь идет об отделении московской парторганизации? Или товарищ Ельцин решил поставить на пленуме вопрос о своем выходе из состава Политбюро, а первым секретарем МГК КПСС решил остаться? Получается вроде желания побороться с ЦК. Я так понимаю, хотя, может, и обостряю.

Искатели тайного умысла, заключенного между строк, ликуют: Горбачев сгоряча проболтался и едва не выдал конспиративный план. Мол, новое, радикальное крыло партии предполагалось формировать на базе столичной парторганизации, где сильны демократические течения. Поэтому Ельцин и не поставил вопрос об уходе с должности секретаря горкома, заметив, что это дело горкома. Следовательно, был уверен, что горком не отпустит. Но Лигачев со своим орготделом смешал карты и расстроил тонкую игру, добившись в итоге того, что бюро Московского горкома одобрило решение пленума ЦК. Однако позиции сторонников Ельцина в бюро горкома были сильны: его хотели оставить на прежнем месте и призвали забрать заявление об отставке.

К числу аргументов, свидетельствующих о том, что дело нечисто, что выступление Ельцина не стало неожиданным для Горбачева, относят и подозрительно быстрое, и точное формулирование генсеком основных положений заявления Ельцина. Едва

только оратор покинул трибуну, как Михаил Сергеевич молниеносно придал его довольно сумбурным словам концептуальную направленность. Без предварительного ознакомления, навскидку, такое невозможно, уверяют поднаторевшие в ведении заседаний враги Горбачева.

По протоколу все выступающие обычно сдавали тексты своих речей в секретариат — для сверки со стенограммой. У Ельцина написанного текста не было, хотя, как он признавался, свои выступления обычно готовил очень долго, текст переписывался иногда по 10-—5 раз. В тот раз он поступил по-другому. «Мне даже сложно сейчас объяснить, почему», — напишет он в своей книге «Исповедь на заданную тему». И добавит: «Конечно, это был не экспромт», что вызовет многозначительные улыбки у догадливых читателей»[1].

Улыбки улыбками, однако вдумчивый читатель, в отличие от «догадливого», многое почерпнет в пользу версии «тайного сговора», внимательно проанализировав ряд других оговорок, допущенных Ельциным в своей «Исповеди…». Так, в очередной раз пережив ситуацию, связанную с его выступлением на Октябрьском пленуме, он вспоминает:

«Сказав все это, я сел. Сердце мое гремело, готово было вырваться из груди. Что будет дальше, я знал. Будет избиение, методичное, планомерное, почти с удовольствием и наслаждением.

Даже сейчас, уже столько времени прошло, а ржавый гвоздь в сердце сидит, я его не вытащил. Он торчит и кровоточит. Тут мне, наверное, даже самому себя сложно понять. Неужто я ждал другой реакции от нынешнего, в большинстве своем консервативного состава ЦК? Конечно, нет. Будущий сценарий был предельно ясен. Он готовился заранее, и, как я сейчас понял, независимо от моего выступления. Горбачев, так сказать, задаст тон, затем ринутся на трибуну обличители и станут обвинять меня в расколе единства, в амбициях, в политических интригах и т. д. Ярлыков будет так много, что хватит на целую оппозиционную партию. Жаждущих засвидетельствовать свое рвение в моральном уничтожении «заблудившегося коллеги по партии» окажется даже слишком много, и выступающих придется сдерживать»[2].

Оговорка вполне прозрачно намекает, что сценарий расправы он знал: «Будущий сценарий был предельно ясен. Он готовился заранее…» Кто его готовил? Конечно же Горбачев совместно с Ельциным! Но спохватившись, понимая, что каждое его

---

[1] *Н. Зенькович.* Тайны ушедшего века. Власть. Распри. Подоплека. М.: «ОЛМА-ПРЕСС», 2005. С. 479—485

[2] *Б. Ельцин.* Исповедь на заданную тему. Ассоциация уральских издателей. 1990. С. 168—169.

слово при анализе событий, свершившихся на Пленуме, станет предметом тщательного изучения, анализа и сопоставления с другими воспоминаниями, добавляет: «…и, как я сейчас понял, независимо от моего выступления». В другом месте своих воспоминаний Ельцин пишет:

«Октябрьский (1987 г.) Пленум ЦК КПСС, о котором потом было столько разговоров, засекреченный, таинственный... Пленум, на котором я все-таки взял слово и выступил.

Потом часто сам себя спрашивал, а был ли возможен другой вариант, насколько жесткой была необходимость резко рвать, идти на конфликт, на скандал, на такие катастрофические изменения в собственной жизни? А что у меня существует реальный шанс не выдержать предстоящую экзекуцию, я отдавал себе в этом отчет. Итак, зачем мне это было надо?

По прошествии почти двух лет я могу совершенно определенно сказать, да, то мое выступление было необходимо, оно как бы закладывалось всей логикой последних событий. Все купались в восторгах и эйфории от перестройки и при этом не хотели видеть, что конкретных результатов нет, кроме некоторых сдвигов в вопросах гласности и демократизации. Вместо реального и критического анализа складывающейся ситуации, на Политбюро все громче и отчетливее звучали славословия в адрес Генерального секретаря. Мой конфликт с Лигачевым дошел также до своего логического предела. Для того, чтобы решать в Москве самые наболевшие вопросы, нужна была помощь всего Политбюро: столица — такой сложный конгломерат, в ней все так завязано и переплетено, что без общих усилий дело бы не сдвинулось. Но последнее время, наоборот, я все отчетливее ощущал активное нежелание помочь городу в решении назревших проблем.

Можно ли было в таких условиях работать дальше? Можно, но только для этого надо было стать другим — прекратить высказывать свою точку зрения, не замечать, как страна скатывается в пропасть, но при этом гордо восклицать, что партия, как и ее Генсек, — организатор, вдохновитель и — что там еще? — архитектор перестройки.

Кто бы знал, как меня выводят из себя эти лицемерные лозунги! Сначала партийно-бюрократический аппарат, прикрываясь партией, развалил страну, а теперь, когда уже деваться некуда, приходится в прогнившей системе что-то менять, они кричат — не тронь партию, она архитектор перестройки. Как же ее не трогать, если еще с детского сада всем известно, что все свои достижения мы должны связывать с ее именем?! Да и вообще, вдохновляющая и организующая ее роль записана в 6-й статье Конституции СССР. Так кто же виноват в том, что творится? Новая историческая общ-

ность — советский народ? Или все-таки тот, кто семьдесят лет организовывал и вдохновлял? Каждый день со всех сторон слышится заклинание партийных аппаратчиков — авторитет партии незыблем! Не позволим прикасаться к партии вашим грязным рукам!..

За два года после октябрьского Пленума ЦК общество прошло огромный путь, люди осознали свою роль — не винтиков, а личностей, началось народное наступление на партийных бюрократов, и те вынуждены судорожно и испуганно защищать свое более чем шаткое положение. А тогда, когда я понял, что надо выступать, в те времена позволялось критиковать лишь то, что не задевало основ и конкретных высоких фамилий. Генеральный секретарь — это был все равно что царь-батюшка, выражать хоть какие-то сомнения по поводу его действий было немыслимым партийным святотатством. Генсеком можно было только восхищаться, радоваться, что выпало счастье вместе с ним работать, трудиться, разрешалось слегка переживать, что такой скромный и не позволяет себя хвалить, ну, и так далее...

Когда я шел на трибуну, конечно же, не думал, что мое выступление станет каким-то шагом вперед, поднимет планку гласности, сузит зону вне критики и так далее... Нет, об этих вещах не думал. Важно было собрать волю в кулак и сказать то, что не сказать не могу»[1].

Для чего же тогда нужно было собирать «волю в кулак» и идти к трибуне, как на Голгофу, если не думать о тех последствиях, на которые было рассчитано это выступление? Конечно, в тот момент, когда он шел к трибуне, он думал прежде всего о том, как подавить свое волнение, как не сорваться при выступлении, шел то ведь на «великое дело», результаты которого сказались уже через «два года после Пленума». И лишь твердая уверенность в том, что никаких катастрофических последствий для его последующей жизни не последует, подталкивала Ельцина к трибуне. Кто мог дать гарантию в том, что после такой «партийной бани» он не окажется политическим изгоем, рассчитывающим разве лишь только на приличную пенсию? Горбачев и никто другой! Нужен был Ельцин Горбачеву, без него он не видел выхода из тупика, в который зашла перестройка, да и сам Ельцин ни на секунду в этом не сомневался.

Вот вам еще одна оговорка, свидетельствующая о заключенном союзе между этими двумя разрушителями коммунизма:

«Мне часто задавали вопрос, да потом и я сам себя спрашивал, почему все же он решил не расправляться со мной окон-

---

[1] *Б. Ельцин.* Исповедь на заданную тему. Ассоциация уральских издателей. 1990. С. 163—165.

чательно? Вообще с политическими противниками у нас боролись всегда успешно. И можно было меня отправить на пенсию или послом в дальнюю страну. Горбачев оставил меня в Москве, дал сравнительно высокую должность, по сути, оппозиционер остался рядом.

Мне кажется, если бы у Горбачева не было Ельцина, ему пришлось бы его выдумать. Несмотря на его в последнее время негативное отношение ко мне, он понимал, что такой человек, острый, колючий, не дающий спокойно жить забюрокраченному партийному аппарату, необходим, надо его держать рядышком, поблизости. В этом живом спектакле все роли распределены, как в хорошей пьесе. Лигачев — консерватор, отрицательный персонаж; Ельцин — забияка, с левыми заскоками; и мудрый, всепонимающий главный герой, сам Горбачев. Видимо, так ему все это виделось.

А кроме того, я думаю, он решил не отправлять меня на пенсию и не усылать послом куда-нибудь подальше, боясь мощного общественного мнения. В тот момент и в ЦК, и в редакцию «Правды», да и в редакции всех центральных газет и журналов шел вал писем с протестом против решений пленумов. Считаться с этим все-таки приходилось»[1].

Все так, но «выдумывать» Ельцина Горбачеву не было никакой необходимости, он его уже давно «вычислил», приблизил к себе, вызвав из провинциального Свердловска в столицу, за два года изучил основательно, подготовил и благословил на решительный штурм «развитого социализма» против «новой исторической общности людей — советского народа». И пусть сколько угодно твердят защитники версии «ельцинского экспромта», что никакого тайного сговора не было, вышеизложенные факты убеждают, что и не «версия» это вовсе, а вполне закономерный факт. Последним аргументом сторонников Горбачева, как мы уже упоминали, — была, мол, дальнейшая биография Ельцина — развал Советского Союза, расстрел парламента и так далее, — видите он на все мог пойти — это просто натура такая бунтаря-одиночки, разрушителя по своей натуре, неспособного к бесконфликтному существованию. Что Ельцин бунтарь, тут и к гадалке не надо ходить, но именно как бунтарь-разрушитель и понадобился он Горбачеву в нужное время. А то, что Советский Союз развалил, так это опять же в тесном союзе с Горбачевым, о чем речь впереди. А что парламент расстрелял, экономику развалил, дефолт устроил, да мало ли каких еще государственных преступлений не натворил, так это он делал уже будучи «хозяином» России, тут никакого ни тайного, ни явного сговора ни с Горба-

[1] Там же. С. 178.

чевым, ни с кем либо другим (другими) не требовалось. Это уже, как говориться, были совсем другие времена и «другие песни».

Но вернемся к событиям Октябрьского пленума и напомним читателю, что Б. Ельцин очень болезненно отреагировал на выступление А.Н. Яковлева, которого он сильно уважал и надеялся, как видим, не взаимность, то есть на доброе слово в его защиту. Несмотря на смятение, творившееся в мозгу и душе после своего выступления, Б. Ельцин весьма трезво воспринимал летевшие с трибуны гневные слова обвинения. «Неужели никто не отважиться на доброе слово? — думал Борис Николаевич. — Неужели никто не защитит?»

Всего четыре человека хоть как-то пытались защитить Ельцина, очень робко, непоследовательно, с оглядкой на президиум, перемешивая свои слова поддержки с теми же стандартными обвинениями:

«Заявление, высказывания, мотивы товарища Ельцина — я на это смотрю как на явление не просто нормальное, а особо нормальное. И оно есть результат той перестройки и демократизации, которая идет в партии по инициативе Политбюро. И это стало возможным, потому что каждый не только волен, а и может сказать то, что думает. Это по форме.

Что касается сути, то это другой вопрос...» (Ф. Моргун, первый секретарь Полтавского обкома Компартии Украины).

«Не хочу становиться и на такой путь, чтобы каждое лыко ставить в строку, что вот всегда, оказывается, был товарищ Ельцин плохим — и там он неправильно сказал, и то он неправильно сделал... Кстати, в мужестве ему все-таки не откажешь. Это тоже не такой простой шаг.

Я главное хотел сказать, что главная претензия, которую, по-моему, следует предъявить товарищу Ельцину, — что он не проявил чувства ответственности, политической зрелости...» (Г. Арбатов, директор Института США и Канады АН СССР).

«...Тяжело сегодня говорить о том, что происходит. Но, по-моему, что за два года есть результаты в Москве (а они существуют), и сказать, что это проходило без, так сказать, участия товарища Ельцина, — наверное, несправедливо. Он как коммунист, знающий человек, активный, много трудился, день и ночь трудился в городе, и те результаты, которые есть (а они сегодня есть), о них можно говорить в Москве: это и выполнение плана по строительству, по промышленности, и улучшение все-таки вопросов торговли — этого не отнимешь. Но мы с таким заявлением сегодня Бориса Николаевича не согласны и должны заявить пленуму, что мы, москвичи, полностью поддерживаем принятый курс партии и правительства». (В. Сайкин, председатель исполкома Моссовета).

«С Борисом Николаевичем мы знакомы давно, давно работали вместе, товарищи по партии, да и просто товарищи. Работали в разных сочетаниях на Урале, и он в моем подчинении был, и было по-другому, наоборот. И считаю своим долгом сегодня высказать свое отношение по существу возникшего вопроса. Зная друг друга хорошо, мы знали и сильные стороны друг друга, знали и слабые. Сегодня у него сработала слабая сторона, которая была известна нам раньше.

Я только хотел бы сказать о следующих обстоятельствах: жизнь сложилась так, что мы росли один в одном направлении, другой в другом направлении, но по себе чувствую — чем выше положение твое партийное, общественное положение, тем больше ответственности, тем больше нагрузки. И сейчас, находясь вот в таком положении, я отчетливо представляю в условиях перестройки, насколько сложны процессы в Московской организации. Догадываюсь, сравнивая с теми процессами, с которыми мне приходится сталкиваться в кругу товарищей по партии в Казахстане.

... Я просто считаю, Борис Николаевич, не знаю, чем ты руководствовался, но как товарищу тебе по партии, как близкий товарищ и в жизни, и во многих делах, я во многом у тебя учился, когда ты работал и в Свердловской организации, и организацию поднял, было очень приятно, как быстро менялось положение дел с продовольственным снабжением, как менялись градостроительные дела, много положительного было, я видел, находил и черпал, а сегодня ты допустил ошибку». (Г. Колбин, первый секретарь ЦК Компартии Казахстана)[1].

Но Б. Ельцин ожидал, что же скажет А. Яковлев — главный идеолог реформ, скрывающихся за всем уже изрядно поднадоевшим словом «перестройка», о котором он «тепло» будет отзываться в своей «Исповеди…»:

«А.Н. Яковлев, секретарь ЦК, член Политбюро. Наиболее умный, здравый и дальше всех видящий политик. Я всегда получал удовольствие, слушая его очень точные замечания и формулировки по обсуждаемым на Политбюро вопросам. Конечно, он осторожен, не лез на рожон против Лигачева, как это делал я. Но, безусловно, они полные антиподы, модель социализма по Яковлеву диаметрально противоположна лигачевской казарменно-колхозной концепции социализма. При этом они вынуждены уживаться. И каждый вслед за Горбачевым произносит убогую и выдуманную фразу про единство Политбюро»[2].

---

[1] Цит. по: *В. Андриянов, А. Черняк.* Одинокий царь в Кремле. Кн. 1. М.: «Правда». С. 99—100.

[2] *Б. Ельцин.* Исповедь на заданную тему. Ассоциация уральских издателей. 1990. С. 141.

Как видим, не «держит Б. Ельцин зла» на А. Яковлева за его выступление на Пленуме, которое, в отличие от других «экспромтных» выступлений, прозвучавших с трибуны, отличается логической последовательностью и убежденностью. Чувствуется, что он хотя бы и косвенно, но посвящен в планы Горбачева по «использованию» Ельцина. Возможно саму ту идею он и подал Горбачеву, как человек безусловно умный, умеющий просчитывать последствия политических интриг на несколько ходов вперед. Чтобы разобраться с вопросом: «Кто вы, мистер Яковлев?», нужно ответить на другой вопрос — как он стал членом Политбюро и правой рукой Горбачева? Об феномене А. Яковлева написано много и разное, да и сам он не скупился на собственную рекламу в многочисленных интервью, статьях и книгах. Чего стоят, например, его мемуары с характерным названием «Омут памяти», изданные в 2000 году. Действительно «мутный» человек этот главный идеолог «Перестройки им. М.С. Горбачева». Кто вы, мистер Яковлев?

Обратимся к свидетельствам людей, близко знавших, или работавших с ним рядом. Слово помощнику Генерального секретаря ЦК КПСС, а затем руководителю аппарата Президента СССР М.С. Горбачева — В.И. Болдину:

«Когда я пришел в ЦК на работу к М.С. Горбачеву, у меня вновь наладилась и укрепилась связь с А.Н. Яковлевым, которая прервалась с его отъездом в Канаду. Мы были знакомы с начала 60-х годов. Тогда он работал инструктором в отделе агитации и пропаганды ЦК, а я пришел на работу в аппарат секретаря ЦК Л.Ф. Ильичева. Нам часто приходилось с ним контактировать, решать некоторые вопросы. Л.Ф.Ильичев с уважением относился к А.Н. Яковлеву и всячески его выделял, доверяя наиболее деликатные поручения.

Судьба исполнения одного из них и сегодня находится в центре внимания общественности. В 1963 году к Н.С. Хрущеву обратились родственники чекиста, участвовавшего в охране, а затем и расстреле семьи Николая Второго. Умирая, он завещал передать руководству страны два револьвера, из которых были расстреляны Романовы. Один наган предназначался Н.С. Хрущеву, второй — для Фиделя Кастро.

Хрущев не придумал ничего лучшего, как поручил рассмотреть этот вопрос агитпропу ЦК. Наверное, было бы правильнее, чтобы этим вопросом занялся КГБ, владеющий большей информацией и имеющий навыки рассмотрения таких дел. Может быть, Н.С. Хрущев хотел знать идеологическую подоплеку всей этой истории и ее последствия? Как бы то ни было, поручение есть поручение, и Л.Ф. Ильичев пригласил А.Н. Яковлева и дал задание разобраться во всей этой истории.

Л.Н. Яковлев добросовестно взялся за работу и провел глубокое изучение вопроса. Он собрал всех оставшихся в живых участников и свидетелей тех драматических событий, происшедших на Урале. В ту пору их было еще немало. Попросил подробно рассказать, как все было, и записал их воспоминания на магнитную ленту. Александр Николаевич провел тщательный анализ действий участников расстрела и захоронения царской семьи» выяснил роль каждого, достоверность событий. Записку о выводах и предложениях он направил Л.Ф. Ильичеву.

Револьверы, как он сказал мне уже в 1988 году, были сданы им в КГБ, а все остальные документы, магнитная запись и ее расшифровка находились у Л.Ф. Ильичева. Я видел папку этих документов, читал стенограмму. В материалах говорилось о жизни и быте царской семьи во время заключения, характере и нравах каждого из них, причинах расстрела, его участниках, месте захоронения и многом другом.

Все материалы расследования А.Н. Яковлева были доложены Н.С. Хрущеву, но его они, видимо, не заинтересовали или было такое время, когда уделять внимание подобному вопросу первый секретарь ЦК не мог, а может быть, не хотел прикасаться к старой истории.

В 1988 году я поинтересовался в архиве этими документами, так как чувствовал, что некоторые факты стали известны авторам ряда работ и опубликованы в книгах. Ни магнитных записей, ни стенограммы их расшифровки я не нашел. Может быть, они хранились в другом месте или с ними произошло что-то еще, сказать трудно.

А.Н. Яковлеву приходилось в те годы выполнять и другие задания, не всегда относящиеся к его прямым служебным обязанностям. Впрочем, и служебные обязанности для него в ту пору были сначала малопонятными. Его назначили заведующим сектором радио и телевидения идеологического отдела ЦК. По этому поводу А.Н. Яковлев зашел ко мне и, показывая на громкоговоритель, стоявший у меня на столе, сказал откровенно, но, видимо, не без преувеличения:

— Кроме того, что это радиоприемник, я ничего ни в радио, ни в телевидении не понимаю.

Мы посмеялись, но пришли к выводу, что это не главное. Ему предстоит заниматься политической, содержательной стороной деятельности этой организации. Так и случилось. Он овладел новым делом, а с приходом Л.И. Брежнева был возведен в ранг первого заместителя заведующего отделом агитации и пропаганды ЦК и возглавлял идеологическое направление в работе партии до 1972 года, пока его не отправили послом в Канаду.

И вот теперь, во время одного из отпусков, когда Александр Николаевич приехал отдохнуть из Оттавы, мы встретились. Разговор шел о многих переменах, происходивших в стране, развитии сельского хозяйства. А.Н. Яковлев просил уговорить М.С. Горбачева съездить и посмотреть, сельское хозяйство в Канаде, которое Яковлев считал весьма эффективным, а методы труда приемлемыми для нас. Я тоже полагал, что знакомство с агропромышленным сектором этой страны будет полезным для Горбачева. Скоро М.С. Горбачев принял Яковлева. После встречи было условлено, что Александр Николаевич договорится с канадским правительством и от его имени направит шифротелеграмму с приглашением М.С. Горбачеву посетить Канаду. Такая телеграмма вскоре пришла, и Ю.В. Андропов не без сомнений, но под напором Горбачева согласился отпустить Михаила Сергеевича на короткое время за океан.

Это была решающая поездка для понимания будущим автором «Перестройки и нового мышления» процессов, происходящих в западном мире, знакомства с иными точками зрения на развитие нашей страны, вопросами демократизации, свободы и гласности. Именно там, как делился в беседе со мной М.С. Горбачев, А.Н. Яковлев изложил свое видение развития СССР и мира, изложил пути, которые могут привести к оздоровлению нашего общества. Большое значение имела эта поездка и для дальнейшей судьбы А.Н. Яковлева, которого до поездки Горбачева не очень-то спешили вернуть в Россию.

А вернуться на Родину он стремился давно и предпринимал для этого немало усилий. Однако поездка Горбачева в Канаду не сразу привела к возвращению Яковлева. Нужно было, чтобы на это согласился Андропов. А Юрий Владимирович почему-то не спешил и однажды, отвечая на доводы Горбачева о необходимости возвращения Яковлева и похвалы в его адрес. Ю.В. Андропов сказал:

Это верно, голова у него есть, и даже не одна. Поэтому надо все взвешивать и не спешить.

Что хотел сказать этим Юрий Владимирович, можно только догадываться. Лишь спустя десятилетие В.А. Крючков, работавший тогда в разведке, раскрыл некоторые факты, вызывавшие у Ю.В. Андропова сомнения в необходимости скорого возвращения Александра Николаевича на Родину.

Однако Горбачев был настойчив. И Яковлев готовился к переезду в Москву. В этом ему помогали и старые друзья, особенно академик Г.А. Арбатов, хотя отношения с ним складывались у Александра Николаевича на редкость неровно. Причины тому надо было искать в начале далеких 70-х годов.

Многим предложенным должностям А.Н. Яковлев предпочел тогда директорское кресло в Институте мировой экономики и международных отношений. Эта должность была в ученом мире международников всегда престижным местом. Директор института в последние годы входил в состав ЦК КПСС.

Помощь Горбачева, а также Черненко и К.М. Боголюбова, возглавлявшего в ту пору общий отдел ЦК КПСС, к которым заходил Александр Николаевич, формально довершила его переезд в Москву и назначение на новую работу, а Академия наук СССР, учитывая заслуги, а также пост директора института, вскоре избрала его своим членом-корреспондентом. У А.Н. Яковлева начался новый этап жизни.

Так в тот период подтягивались силы, возглавившие впоследствии перестройку, заложившие ее идеологическое обоснование и практическую реализацию»[1].

Между А. Яковлевым и Ю.В. Андроповым были давние неприязненные отношения, и понятно, что он не горел желанием продвигать по карьерной лестнице А. Яковлева. Была и другая причина, о чем можно догадываться по многозначительной реплике Андропова насчет нескольких голов, якобы имеющихся у Яковлева. Другое дело, почему своевременно эти «лишние» головы не были «отсечены», если у бывшего шефа КГБ была информация о шпионской деятельности Яковлева? Была какая-то интрига вокруг всего этого: с одной стороны, Генеральный секретарь презрительно отзывается о рвущемся на Родину канадском после, а, с другой, все-таки соглашается, хотя и неохотно, на его возвращение.

А. Яковлев не скупится в своих мемуарах на отрицательные характеристики бывшему шефу КГБ. После ряда громких провалов нашей резидентуры в Канаде, в руководстве КГБ появились серьезные сомнения относительно непричастности к ним советского посла. Особенно громкий скандал разразился в 1979 году, когда сразу тринадцать «сотрудников» посольства были объявлены персонами «нон грата». Вопреки указаниям из Москвы А. Яковлев, будучи на приеме у премьер-министра Канады П. Трюдо, ознакомился с видеоматериалами, касающиеся «деятельности тринадцати», о чем он впоследствии рассказал в вышеупомянутой книге:

«Это было беспрецедентное предложение. Потом мне рассказывали, что в Москве оно вызвало переполох. Далее Трюдо, улыбаясь, добавил:

---

[1] Цит. по: *В. Болди*н. Крушение пьедестала. М.: «Республика», 1995. С. 47—50.

— Назовите мне имена, кого мы напрасно высылаем, я немедленно верну их обратно.

— Могу перечислить все тринадцать.

Трюдо засмеялся.

— Я — тоже.

Центр (читай — КГБ) запретил мне просматривать пленку. Понятно, что КГБ не захотел, чтобы посол узнал действительные причины и подробности провала и сообщил об этом в Москву. После этого я направил предложения, как реконструировать аппарат посольства, чтобы впредь не ставить развивающиеся советско-канадские отношения под нелепые удары. Резидент КГБ сказал мне, что я зря послал эту телеграмму. Он, видимо, получил какие-то вопросы на этот счет. А через неделю мне принесли сверхсекретную телеграмму от имени Андропова с обвинением, что я «недооцениваю задачи советской разведки на североамериканском континенте».

Возможно, Андропов и Крючков были раздражены тем, что я послал пространную телеграмму, да еще по самому «верху», о том, что мне рассказал Айван Хед, помощник Трюдо, по поручению премьера. А подробности были довольно пикантные, ставящие Крючкова и его службу в достаточно глупое положение. Хед рассказал о том, что столик, за которым шел разговор между нашим и канадским контрразведчиком, прослушивался, что канадец, которого вербовали, действовал по поручению канадских спецслужб, что одна симпатичная женщина из нашего посольства пыталась «сблизиться» с канадским министром. Он сообщил также о системе сигналов советских разведчиков и многое другое. Потом я узнал, что резидентура в посольстве была против этой злополучной операции, но Крючков настоял на ней, однако никакого наказания за провал и сломанную по дурости судьбу многих людей не понес.

После телеграммы Андропова все встало, казалось бы, на свои места. Должна была сработать традиция. Если крупный провал в разведке — виноват посол. Я засобирался домой. Жене сказал, чтобы готовилась. Но телеграммы об отзыве так и не поступило.

Секретарь ЦК Борис Пономарев, пролетая позднее через Канаду, рассказал мне, что на заседании Политбюро Андропов, докладывая об этом случае, заявил, что посол плохо справляется со своими обязанностями. Но тут бросил реплику Суслов: «Яковлева послом в Канаду не КГБ направлял». Этого было достаточно. Суслов тщательно опекал партийную номенклатуру и ревниво относился к вмешательству в ее дела. Андропов, по словам Пономарева, не мог скрыть своей растерянности, плюхнулся в кресло

на полуслове. Суслова боялись гораздо больше, чем Брежнева». (Из книги А.Н. Яковлева «Омут памяти». М., 2000)»[1].

Обратимся к мнению еще одного крупного партфункционера, тесно сотрудничавшего с А. Яковлевым в самый «разгар» перестройки. Слово бывшему Первому секретарю Московского горкома партии Ю.А. Прокофьеву:

« В 1987 году по Москве ходило письмо «Остановите Яковлева!» Пришло оно и в Моссовет на имя Сайкина. Сайкин тогда спросил: «Что будем делать?» Я посоветовал отдать его первому секретарю горкома партии Ельцину.

По моим сведениям, такое же письмо получили все члены Политбюро и многие руководители в Москве и в стране. Там утверждалось, что Яковлев — американский агент, что он был завербован американской разведкой, когда учился в Колумбийском университете. Будучи послом в Канаде, он уже работал на две разведки — на нашу и на американскую.

Говорилось, что Горбачев попал под его влияние еще во время своей поездки в Канаду и сейчас всячески двигает его. Яковлев, предупреждали далее в письме, рвется к власти: был заведующим отделом ПК, теперь — секретарь ЦК и, если станет членом Политбюро, — это будет трагедией для страны. Яковлева необходимо остановить! Это проамерикански настроенный человек, а проще — агент влияния Америки.

Три четверти письма были написаны достаточно убедительно и, как мне показалось, не предвзято. А формулировки же последней его части отдавали установками общества «Память». Там уже пахло не патриотизмом, а шовинизмом.

Потом вышла статья в газете «Московский строитель». В ней поместили фотографию выпускников Колумбийского университета, где крестиками помечены Яковлев и Калугин.

К такому выводу подталкивали и выступления А. Яковлева на встрече с молодыми членами партии на XXVIII съезде КПСС и в Прибалтике, и полное бездействие (а точнее — противодействие!) Идеологического отдела ЦК, когда по существу все средства массовой информации работали против партии. А ведь именно А.Н. Яковлев возглавлял этот участок работы... У меня была беседа по этому поводу с Крючковым. Он сказал, что у него есть абсолютно точные сведения о том, что Яковлев и Калугин завербованы. Это сказано было еще задолго до событий 1991 года и появления двухтомника мемуаров Крючкова «Личное дело»«[2].

---

[1] Цит. по: *С. Семанов.* Председатель КГБ Юрий Андропов. М.: «Алгоритм», 2008. С. 335—336.

[2] *Ю. Прокофьев.* До и после запрета КПСС. М.: «Алгоритм», 2005. С. 98—100.

Здесь рядом с А. Яковлевым появилась фамилия О. Калугина, о котором уже было упомянуто выше. Естественно, возникает догадка, что судьбы этих людей настолько переплелись, что Ю.В. Андропову пришлось в свое время «отпускать грехи» во имя своего спасения, не только О. Калугину, но и А. Яковлеву. В противном случае приходиться удивляться, почему он своевременно не был взят «в разработку», по завершении которой требовалось либо полностью реабилитировать его, исключив раз и навсегда полунамеки плутоватого В. Крючкова, либо привлечь к уголовной ответственности, лишив Горбачева возможности заполучить ближайшего соратника по перестройке.

Ни того, ни другого не произошло, что дало возможность гулять по свету «невыдуманным» рассказам о шпионаже А. Яковлева в пользу США, с одной стороны, а, с другой, позволило его ближайшему другу Г. Арбатову (небезызвестному советнику и другу Ю.В. Андропова) самому «реабилитировать» А. Яковлева. В своей недавно выпущенной книге «Ястребы и голуби холодной войны» он посвятил отдельный раздел «голубю» А. Яковлеву. Среди многочисленных дифирамбов в его адрес выделим следующий:

«Спустя некоторое время Яковлев оказался на работе в отделе пропаганды ЦК КПСС, и там ему не изменило чувство справедливости. Мой друг, работавший в эти годы на радио, которое он курировал среди других дел, рассказывал мне, сколько он интриг сорвал, склок затушил, невинных людей спас от козней, затеваемых интриганами и склочниками.

Во всех делах Яковлев показал себя там с самой хорошей стороны и, видимо, поэтому, когда начались первые культурные обмены с США, был в числе трех молодых людей отправлен на год на стажировку в Колумбийский университет. Это, между прочим, использовал позднее интриган и мастер «подковерных» игр В.А. Крючков в доносах на имя Андропова, уверяя, что тогда Яковлев и был «завербован» ЦРУ в качестве «агента влияния». Доносу, разумеется, не дали хода, но и доносчика не наказали, а со временем даже повысили...

Возвратившись в Москву, Яковлев продолжал работать в отделе пропаганды и вскоре стал его фактическим руководителем. Хотя в эти годы в идеологии у нас творили нечистые дела, под удар попадали честные люди, он в меру возможного противостоял этой волне, сохранял чистую совесть»[1].

Который раз прозвучало некое таинственное сочетание — «агент влияния», определение которому дано в книге «КГБ: вчера,

[1] *Г. Арбатов.* Ястребы и голуби холодной войны. М.: «Алгоритм». 2009. С. 120—121.

сегодня, завтра» (М., «Гласность», 1996. С. 48). «Агент влияния» — это гражданин одного государства, который действует в интересах другого государства, используя для этого свое высокое служебное положение в высших эшелонах власти. Как правило, кандидату на звание «агента влияния» не делается предложений от разведки, у него не берется подписка о сотрудничестве, ему не выплачиваются деньги, он порой даже не знает, не догадывается о том, что действует в интересах иностранной разведки». Это определение подходит и к самому М.С. Горбачеву и к его ближайшим соратникам, по крайней мере, к тому же А. Яковлеву, а также Э. Шеварднадзе, В. Бакатину и даже, если хотите, — Б.Н. Ельцину, что авторитетно подтверждает «тонкий знаток» этой проблемы, бывший первый заместитель Председателя КГБ Ф.Д. Бобков:

«При Горбачеве главными идеологом страны стал А.Н. Яковлев. У руля внешней политики оказался непревзойденный мастер конъюнктуры Э.А. Шеварднадзе.

Горбачев, Яковлев и Шеварднадзе возглавили перестройку. Не берусь судить, видели ли они перспективу, понимали ли, куда ведут страну, учитывали ли планы США, направленные на ликвидацию СССР, или это просто случайное совпадение, — но все действия новых лидеров государства в полной мере соответствовали тому, к чему десятилетиями стремились американские спецслужбы.

Такого подарка, такой «манны небесной» Запад никак не ожидал. Во время бесконечных вояжей по всем странам мира Президента СССР наши недруги захлебывались в панегириках и громко аплодировали «курсу Горбачева» (иногда его называли «курсом Горбачева-Шеварднадзе»). Президенту присваивали почетные звания, объявили «почетным гражданином» и «человеком года». Наконец ему присудили Нобелевскую премию. Столь трогательное отношение к нашему лидеру, такие восторги по поводу высказываний человека, без конца провозглашавшего социалистический выбор, у нас почему-то никого не настораживали»[1].

А к кому претензии, уважаемый Филипп Денисович? А Вас то почему это не настораживало? Вам Родина поручила держать щит против происков иностранных спецслужб и «агентов влияния» внутри страны, к коим Вы сами относите первых лиц в руководстве партией и страной, так почему молчали? Почему Ваш голос «прорезался», после того, как рухнуло все, что Вам было поручено «охранять и стойко оборонять», не жалея живота своего, причем находясь в уютном кресле начальника службы безопасности

[1] *Ф. Бобков.* КГБ и власть. М.: «Ветеран МП», 1995. С. 369—370.

«Группы Мост», принадлежащей гражданину Израиля — олигарху В. Гусинскому? Уж такого матерого «агента влияния» выбрали Вы себе в начальники, что ни у кого из здравомыслящих людей не остается никаких сомнений в том, что основной костяк «агентов влияния» находился не только в руководстве страной, но, прежде всего, в руководстве КГБ, что Вы блестяще доказали своей последующей карьерой.

«Нерушимая» дружба предателя Родины О. Калугина и главного идеолога партии А. Яковлева началась в Колумбийском университете, куда они оба были направлены на стажировку по международному обмену в 1959 году. Разумеется, тогда между собой обменивались не разведки. Тот же О. Калугин, закончивший в 1958 году Высшую разведывательную школу, ехал в США с «липовым» дипломом выпускника Ленинградского университета им. Жданова. Позже О. Калугин с теплотой вспоминал о начавшейся между ним и А. Яковлевым дружбе:

«…Александр Яковлев, старший из нас по возрасту, пользовался авторитетом как ветеран войны и работник ЦК КПСС, но не более. Его взгляды на американскую действительность отражали официальную, жесткую точку зрения, и они, кажется, совпадали с его личным негативным мнением об американском образе жизни»[1].

Тогда их было немного, выехавших стажироваться в США, все они были разведчиками «под крышей» и основная цель «стажировки», по признанию О. Калугина, было «вживание в американскую действительность».

«Учеба в университете предоставила уникальную возможность для вживания в американскую действительность, познания изнутри е особенностей, достоинств и недостатков. Именно это и входило в мою задачу как молодого офицера разведки»[2].

Никто не сомневается и в том, что эта стажировка наших разведчиков в США представляла «уникальную возможность» для американских спецслужб для всестороннего изучения «стажеров» в целях их вербовки.

«ФБР проявило повышенный интерес к нашим стажерам с целью возможного приобретения в их лице перспективных источников информации, проще говоря, готовя почву для их вербовки. Обычное дело, удивляться тут нечему, тем более, что фэбээровцы всегда отличались крайней бесцеремонностью и своего шанса старались никогда не упускать.

---

[1] *О. Калугин.* Прощай, Лубянка! М.: «Олимп», 1995. С. 69.

[2] Там же. С. 67—68.

Надо сказать, что стажеры, оказавшись вдали от «всевидящего» ока отечественных служб безопасности, дали немало поводов для противника рассчитывать в этом деле на успех»[1].

Вышенаписанное принадлежит перу экс-председателя КГБ СССР Крючкову, который уже в то время довольно прозрачно намекал на предательство нескольких советских стажеров. Правда, говорил туманно, намеками, в духе советского перестраховщика, как и его начальник Горбачев, не решаясь на прямой удар. Отмечая американское знакомство О. Калугина и А. Яковлева, Крючков отмечает: «…Там они сдружились, с тех пор поддерживают близкие отношения»[2].

А учитывая тот факт, что «близкие отношения» не прервались даже тогда, когда факт предательства О. Калугина стал всеобщим достоянием, то невольно станешь соглашаться с намеками В. Крючкова о работе на американские спецслужбы не только О. Калугина, но и А. Яковлева. Косвенным подтверждением этого служит следующий факт в истории их долголетней «нерушимой» дружбы.

В 2000 году, находясь в эмиграции, О. Калугин участвовал в качестве свидетеля на громком судебном процессе по обвинению бывшего полковника американской армии Георгия Трофимова («Трофимофф») в сотрудничестве с советской (российской) разведкой. Калугин рассказал присяжным, что Трофимов — именно тот человек, которого он знал как советского агента по кличке «Маркиз» и с которым он встречался в начале 70-х годов на одном из австрийских курортов. Этого оказалось достаточным, чтобы суд признал полковника виновным.

И вот уже когда факт предательства О. Калугина стал очевидным, когда президент Путин публично назвал его предателем, О. Калугин по совету А. Яковлева пишет «знаменитое» открытое письмо Путину, в котором без стыда и совести упрекает президента России:

«Ужасно…сам президент страны без предъявления каких-то формальных обвинений, вне процедурных норм, без суда и следствия назвал меня предателем». И продолжил далее «…ну, извините, Владимир Владимирович, вы же сам юрист. Должны понимать, что такими словами не бросаются»[3].

Видимо только этим письмом он наконец-то «достал» руководство страны, и над ним все-таки свершилось заслуженное воз-

---

[1] В. Крючков. Личное дело. М.: «ОЛИМП»-«АСТ», 1996. Т. 1. С. 294.

[2] Там же. С. 421.

[3] Цит. по: *Е. Стригин.* Олег Калугин: к ликвидации приступить. М.: «Алгоритм», 2006. С. 374.

мездие. Он был заочно приговорен Московским городским судом к 15 годам лишения свободы в колонии строгого режима, лишен воинского звания — «генерал-майор», всех наград и пенсии. Так «сработало» письмо О. Калугина к президенту Путину, написать которое посоветовал ему А. Яковлев (возможно и помог написать — способностей в эпистолярном жанре ему не занимать):

«Я поначалу отмалчивался, — вспоминал он. — А потом, посоветовавшись с Александром Николаевичем Яковлевым…взял да и написал «открытое» письмо президенту России»[1].

Горбачев безусловно знал о «канадском эпизоде»и других проявлениях функции «агента влияния» в зарубежной деятельности Яковлева, но это, скорее всего, и послужило причиной для из сближения. Горбачеву еще только предстояло осваивать эти функции и первым «уроком» как раз и был его вояж в Канаду с целью ознакомления с «передовыми сельскохозяйственными технологиями» у фермеров Канады. И только когда факт предательства А.Н. Яковлева стал фактически очевидным, он удалил его от себя («мавр сделал свое дело»), но об этом будет сказано немного позднее.

В 2005 году Александр Яковлев почил в бозе. Об усопшем либо ничего, либо только хвалебное, с чем и выступил его верный и весьма способный ученик Александр Ципко:

«Яковлев интересен как знаковая провинциальная фигура, как сын русской деревни, как сын русской ярославской крестьянки, взломавший советскую систему, отомстивший ей за муки коллективизации, за уничтожение русского землепашца, как породы людей».

Известный русский писатель и публицист Савва Ямщиков, из статьи которого, опубликованной в газете «Завтра», приведена данная цитата, заключает: «По-моему, этот пароксизм (приступ или внезапное обострение болезни, именуемой антисоветизмом. — *А.К.*) — свидетельство неизлечимости пациента. Предки мои — землепашцы такого неуловимого мстителя, как Яковлев, и на порог деревенского дома не пустили бы вместе с другим, по словам Ципко, сыном крестьянки — велеречивым болтуном Горбачевым»[2]. А мы еще добавим: и Александра Ципко тоже.

---

[1] «Мир новостей», 2003, № 26, С. 29.

[2] *С. Ямщиков.* «Слово от Саввы». // «Завтра», 2005. № 45. С. 7.

Глава III
ПОЛИТИЧЕСКИЙ ИЗГНАННИК

3.1. Противостояние или сговор?

Последствия мы видим без начал,
А иногда наоборот бывало:
Довольно ясно видели начала,
Последствий же никто не замечал.

Леонид Мартынов

Много говорилось и писалось о том, что Ельцин был настолько потрясен критикой в свой адрес, прозвучавшей после его «исторического» выступления на Октябрьском Пленуме ЦК, что он практически сразу же слег с тяжелым нервным потрясением. Однако на самом деле, хотя он и ходил туча тучей, но каких-либо осложнений со стороны здоровья не испытывал. Через неделю после Пленума ЦК КПСС Ельцин проводит заседание бюро МГК партии, на котором обсуждался вопрос о подготовке к празднованию 70-летнего юбилея Великой Октябрьской социалистической революции. Он выступил с докладом, но совершенно в другом русле, чем недавно на Пленуме. Подвели итоги работы за девять месяцев 1987 года. Они были неутешительными. План город провалил. Не справились с заданием уже не 15, а 39 предприятий. Только 5 районов из 33 выполнили обязательства.

7 ноября Ельцин как ни в чем не бывало пошел к Мавзолею на торжества по случаю 70-летия Октября. Увидев опального коллегу, члены Политбюро недоуменно переглядывались, хотя он еще был кандидатом в члены Политбюро, первым секретарем МГК: почему, мол, не сослался на плохое самочувствие? Но он пришел. И это еще раз говорит, что где-то в глубине души теплилась надежда: а вдруг все обойдется?!

Однако лучше всего опишет атмосферу, создавшуюся вокруг опального кандидата в члены Политбюро, сам Ельцин:

«7 ноября произошел интересный случай. Я — еще кандидат в члены Политбюро, поскольку Пленум ЦК, который примет решение о моем освобождении, пройдет позже. В день празднования юбилея

Октября собрались Генеральные секретари и первые секретари коммунистических и рабочих партий соцстран. Они приехали на совместное совещание, а кроме этого, у каждого были отдельные беседы с Горбачевым. Безусловно, они задали вопросы обо мне, и, конечно же, он всю эту ситуацию рассказывал. Я могу только догадываться, что он говорил, но, конечно же, он считал во всем виноватым меня. И вот 7 ноября вместе со всем составом Политбюро и секретарями ЦК мы шли к Мавзолею, как всегда, по ранжиру — члены Политбюро по алфавиту, кандидаты по алфавиту, секретари ЦК по алфавиту, ну, и, конечно, Горбачев первый... Руководители компартий сначала поздоровались с ним, как обычно, просто за руку, и все. Потом с нами. Доходит очередь до Фиделя Кастро — подхожу к нему, вдруг он меня троекратно обнимает и что-то по-испански говорит, я не понимаю, но чувствую товарищеское участие. Я жму руку и говорю: «Спасибо!» Настроение, конечно, было архиневажное. Дальше, через несколько человек, Войцех Ярузельский делает то же самое: троекратно обнимает и по-русски говорит: «Борис Николаевич, держись!» Я тоже так, тихонечко, сказал, что благодарен за участие. И это все на глазах у Горбачева и на глазах у остальных наших партийных лидеров. Это вызвало у них, пожалуй, даже еще большую настороженность по отношению ко мне.

Они старались не разговаривать со мной, как бы вдруг их не увидели за этим странным занятием. Хотя в тот период некоторые из членов Политбюро в душе, я думаю, поддерживали меня, может быть, не во всем, но поддерживали. Кое-кто из них прислал на праздник поздравительные открытки. Горбачев не послал. Но и я ему не послал тогда. Кто мне прислал — тем и я отправил. Конечно, в Политбюро были и есть люди, понимающие мою позицию, ценящие в какой-то степени самостоятельность суждений, поддерживающие внутренне мои предложения. Но их было немного».

То есть, ничто не предвещало, что буквально через двое суток наступит резкое ухудшение состояния здоровья и вдруг:

«9 ноября с сильными приступами головной и сердечной боли меня увезли в больницу. Видимо, организм не выдержал нервного напряжения, произошел срыв. Меня сразу накачали лекарствами, в основном успокаивающими, расслабляющими нервную систему. Врачи запретили мне вставать с постели, постоянно ставили капельницы, новые уколы. Особенно тяжело было ночью, в три — пять часов я еле выдерживал эти сумасшедшие головные боли. Ко мне хотела зайти проведать жена, ее не пустили, сказали, что беспокоить нельзя, слишком плохо я себя чувствовал»[1].

---

[1] *Б. Ельцин*. Исповедь на заданную тему. Ассоциация уральских издателей. 1990. С. 173—174.

Что же случилось на самом деле? Да, действительно, «срыв» у Ельцина произошел, но какой? Его госпитализировали совершенно по другому поводу. И сердце и, тем более, голова у Ельцина были в полном порядке.

Вот как описал в своем дневнике случившийся у Ельцина «срыв» член Политбюро Виталий Воротников:

«9 ноября в понедельник, в 13.30 срочно пригласили в ЦК. В кабинете Горбачева собрались только члены Политбюро (Лигачев, Громыко, Рыжков, Зайков, Воротников, Чебриков, Яковлев, Шеварднадзе, Соломенцев).

Сообщение Лигачева. Ему позвонил второй секретарь МГК и сказал, что у них ЧП. Госпитализирован Ельцин. Что произошло? Утром он отменил назначенное в горкоме совещание, был подавлен, замкнут. Находился в комнате отдыха. Примерно после 11 часов пришел пакет из ЦК (по линии Политбюро). Ему передали пакет. Через некоторое время (здесь я не помню точно, как говорил Лигачев, — или потому, что ожидали его визы на документе и зашли к Ельцину, или он сам позвонил) к Ельцину вошли и увидели, что он сидит у стола, наклонившись, левая половина груди окровавлена, ножницы для разрезания пакета — тоже. Сразу же вызвали медицинскую помощь из 4-го управления, уведомили Чазова, сообщили Лигачеву. О факте знают несколько человек в МГК».

Председатель КГБ Виктор Чебриков дополнил рассказ Лигачева:

«В больнице на Мичуринском проспекте (спецбольница с поликлиникой 4-го Главного управления при Министерстве здравоохранения СССР), куда привезли Ельцина, он вел себя шумно, не хотел перевязок, постели. Ему сделали успокаивающую инъекцию. Сейчас заторможен. Спит. Там находится Е.И. Чазов (начальник 4-го Главного управления).

Что он говорит? Был порез (ножницами) левой стороны груди, но вскользь. Незначительная травма, поверхностная. Необходимости в госпитализации нет. Сделали обработку пореза, противостолбнячный укол... Во время заседания вновь позвонил Чазов. И еще раз подтвердил, что порез небольшой, можно два-три дня подержать. А вообще — это амбулаторный режим».

Горбачев пишет, что ему немедленно доложили о чрезвычайном происшествии: «Ельцин канцелярскими ножницами симулирован покушение на самоубийство, по-другому оценить эти его действия было невозможно. По мнению врачей, никакой опасности для жизни рана не представляла — ножницы, скользнув по ребру, оставили кровавый след... Врачи сделали все, чтобы эта малопривлекательная история не получила огласки. Появилась

версия: Ельцин сидел в комнате отдыха за столом, потерял сознание, упал на стол и случайно порезался ножницами, которые держал в руке...»

Академик Чазов к тому времени уже не возглавлял 4-е управление, он стал министром здравоохранения, но, видимо, по старой памяти Лигачев попросил его выяснить, в чем дело. Бориса Николаевича осмотрели несколько профессоров, в том числе виднейший специалист в области грудной хирургии. Но их помощь не понадобилась.

По мнению Чазова, «произошел нервно-эмоциональный срыв затравленного человека, который закончился тяжелой реакцией, похожей на суицид (самоубийство). И все же это не был суицид, как пытались представить некоторые недруги Ельцина. И тогда, и спустя годы, не упоминая имени Бориса Николаевича, мне приходилось обсуждать эту ситуацию со специалистами-психиатрами, и все они в один голос говорили, что это больше похоже на инсценировку суицида. Люди, собирающиеся покончить с жизнью, говорили они, выбирают более опасные средства...

Для меня ситуация была ясна — это совершено в состоянии аффекта человеком, который в тот момент думал, что рушатся все его жизненные планы...»

Политбюро в тот день заседало долго, обсуждая и осуждая Ельцина. Никто не подумал о том, что переживший чудовищный стресс человек прежде всего нуждается в неотложной психологической и психиатрической помощи.

«Факт сам по себе беспрецедентный. Что это? Случайность или срыв? Форма протеста или малодушие? Не похоже на Бориса Николаевича... Факт скрыть не удастся. Станет известно в Москве. Надо принимать решение. Пленум МГК намечен или нет? Дата уже известна. Необходимо решать вопрос, откладывать нельзя. Однако следует подождать дополнительной информации о состоянии здоровья. Новые сообщения врачей — состояние удовлетворительное. Возбуждение после сна пройдет...

Члены Политбюро, секретари ЦК стали рассуждать. Обстановка в Москве, особенно в активе, сложилась в последние месяцы не в пользу Ельцина. Взялся он за дело по обыкновению активно, круто. Тезис: при Гришине все было плохо — сначала срабатывал, давая повод для разноса и замены кадров. «Закручивание гаек». Хождения в народ — на заводы, стройки, в магазины. Выслушивал, критиковал старые порядки, давал обещания и авансы.

Но время идет, прошло почти два года, а дела не поправляются. Стали спрашивать, где обещанное. Да тут и в ЦК не только помогают, но и критикуют, требуют более результативной работы. К этому не привык Борис Николаевич!

Опять стали обсуждать: как поступить? Горбачев, другие члены Политбюро склонились к выводу, что налицо депрессия. Тянуть с решением нельзя, надо выносить вопрос на пленум МГК, как было поручено пленумом ЦК.

Итоги обсуждения подвел Горбачев: «В принципе решение о том, что Ельцина надо освобождать от работы, как он и сам просит, в Политбюро уже созрело и раньше. Иначе — беспринципность. Сегодняшний день еще раз подтвердил правильность оценок на пленуме. Убежден, что мы верно поступили, не став (хотя было сильное давление членов ЦК) решать этот вопрос на пленуме ЦК. Но сейчас откладывать уже нельзя. Надо будет встретиться с секретарями райкомов, обсудить предварительно на бюро МГК, а затем на пленуме. Видимо, необходимо поручить это генеральному секретарю. Как считаете?»

Реплики: «Конечно, ведь это Москва»...»[1]

Исходили из того, что советский человек не имеет права на проявление слабости.

Попытка самоубийства, если эта версия была верной, и вовсе рассматривалась как непростительный проступок, недостойный коммуниста-руководителя. Теперь уж точно Борис Николаевич утратил моральное право руководить столичной партийной организацией...

Вот так в кабинете генерального секретаря на Старой площади шло обсуждение вопроса о Ельцине, судя по дневниковым записям Воротникова. Ни капли сочувствия или доброжелательности.

Конечно, если бы члены Политбюро знали, или хотя бы догадывались, что никакой попытки самоубийства не было, а было лишь весьма примитивная инсценировка суицида, то обсуждение этого поступка шло бы совершенно по другому сценарию. Однако инсценировку суицида еще надо было доказать, тем более что не понятна цель подобного поступка. Давайте разберемся. Ельцин в «Исповеди…» отвел много места тому факту, как безжалостно с ним поступили, когда его, почти чуть ли не в коматозном состоянии, выволокли для «разборки» на Пленум МГК буквально через два дня после «срыва». По воспоминаниям Александра Коржакова, — «Правду о том, что случилось в комнате отдыха, долго скрывали. В тот день смена была не моя; я ничего не знал. Меня очень насторожило, что по команде Наины у Ельцина поотбирали вдруг все стеклянные и колющие предметы: бокалы, рюмки, вилки, ножи.

---

[1] Цит. по: *Л. Млечин.* Борис Ельцин. Послесловие. М.: «Центрполиграф», 2007. С. 88—91.

Только через несколько дней врачи мне рассказали, что Борис Николаевич якобы упал на ножницы». Именно эту версию приняли «за основу» члены Политбюро, посчитав, что травма пустяковая и можно начинать разборку. Б. Ельцин вспоминает:

«Вдруг утром 11 ноября раздался телефонный звонок. АТС-1 «кремлевка», обслуживающая высших руководителей. Это был Горбачев. Как будто он звонил не в больницу, а ко мне на дачу. Он спокойным тоном произнес: «Надо бы, Борис Николаевич, ко мне подъехать ненадолго. Ну, а потом, может быть, заодно и Московский Пленум горкома проведем». Говорю, я не могу приехать, я в постели, мне врачи даже вставать не разрешают. «Ничего, — сказал он бодро, — врачи помогут».» — Обратим внимание, что Горбачев его вызывает сначала на Политбюро («…ко мне подъехать»), где предварительно будет обсуждаться вопрос о возможности («может быть») для его «разборки» на Пленуме. Ну привезли бы на заседание Политбюро «полутруп» Ельцина, неужели не нашлось бы в сердцах этих «людоедов» хоть капли жалости, чтобы повременить с отправкой больного человека «на Голгофу». Да здоров он был как буйвол, а царапина от злополучных ножниц уже не могла беспокоить настолько, чтобы симулировать кризисное состояние всего организма, которое так мастерски расписал Ельцин:

«Этого я никогда не смогу понять. Не помню в своей трудовой деятельности, чтобы кого бы то ни было — рабочего, руководителя — увезли больного из больницы, чтобы снять с работы. Это невозможно. Я уже не говорю, что это элементарно противоречит КЗоТу, хотя у нас вроде к руководителям КЗоТ отношения не имеет. Как бы плохо Горбачев ни откосился ко мне, но поступить так — бесчеловечно, безнравственно… Я от него просто этого не ожидал. Чего он боялся, почему торопился? Думал, что я передумаю? Или считал, что в таком виде со мной как раз лучше всего на Пленуме Московского горкома партии расправиться? Может быть, добить физически? Понять такую жестокость невозможно...

Я начал собираться. Послушные врачи, запрещавшие мне не то что ехать куда-то, просто вставать, двигаться, принялись накачивать в меня затормаживающие средства. Голова кружилась, ноги подкашивались, я почти не мог говорить, язык не слушался, жена, увидев меня, стала умолять, чтобы я не ехал, просила, уговаривала, требовала. Я почти как робот, еле передвигая ногами, практически ничего не понимая, что происходит вокруг, сел в машину и поехал в ЦК КПСС.

Жена, изведенная за эти дни моей болезнью, не выдержала и резко высказала начальнику Девятого Управления КГБ Плеханову:

это садизм, как вы посмели отпустить больного, вы зачем-то охраняете его, а теперь сами из-за своей трусости можете его убить... Ему, конечно, ответить было нечего, он был винтиком Системы, которая продолжала «замечательно» функционировать. Надо Ельцина охранять — будем охранять, его положено больного привезти, ничего не соображающего, — привезем. Я думаю, они бы меня и из могилы доставили куда угодно, на любой пленум, если бы поступило задание.

Итак, в таком виде я оказался на Политбюро, практически ничего не соображая. Потом в таком же состоянии очутился на пленуме Московского горкома... Вся партийная верхушка вошла на пленум, когда все участники уже сидели. Главные партийные начальники дружно сели в президиум, как на выставке, и весь пленум смотрел на них затравленно и послушно, как кролик на удава.

Как назвать то, когда человека убивают словами, потому что действительно это было похоже на настоящее убийство?.. Ведь можно было просто освободить меня на пленуме. Но нет, надо было насладиться процессом предательства, когда товарищи, работавшие со мной бок о бок два года без всяких признаков каких-то шероховатостей, вдруг начали говорить такое, что не укладывается у меня в голове до сих пор. Если бы я не был под таким наркозом, конечно, начал бы сражаться, опровергать ложь, доказывать подлость выступающих — именно подлость! С одной стороны, я винил врачей, что они разрешили вытащить меня сюда, с другой стороны, они накачали меня лекарствами так, что я практически ничего не воспринимал, и, может быть, я должен быть благодарен им за то, что они в этот момент спасли мне жизнь...

Потом я часто возвращался к тому пленуму, пытаясь понять, что же толкало людей на трибуну, почему они шли на сделку со своей совестью и бросались по указке главного егеря: ату его, ату... Да, это была стая. Стая, готовая растерзать на части, — я бы, пожалуй, иначе и не сказал...»[1]

Необходимо отметить, что большинство исследователей этого периода биографии Ельцина, почему-то упускают из виду тот факт, что из больничной палаты его повезли не сразу на пленум МГК, а сначала на заседание Политбюро, где присутствующие его члены могли воочию убедиться в его нормальной физической кондиции, хотя сам Ельцин об этом четко упоминает.

Итак, 11 ноября состоялся пленум МГК партии, который освободил Б.Н. Ельцина от должности первого секретаря и члена

---

[1] *Б. Ельцин.* Исповедь на заданную тему. Ассоциация уральских издателей. 1990. С. 175—176.

бюро МГК партии «за крупные недостатки, допущенные в руководстве Московской городской партийной организацией».

Первым секретарем горкома партии был избран член Политбюро, Секретарь ЦК КПСС Лев Николаевич Зайков.

На пленуме выступил М. Горбачев, который повторил свои утверждения о том, что Ельцин обнаружил полную теоретическую и политическую беспомощность в анализе хода перестройки, оказался неспособным понять серьезности переживаемого ее этапа. И т.д. и т.п., словно говорил о своих собственных ощущениях по поводу несбывшихся надежд по революционному (вернее, контрреволюционному) преобразованию общественного строя в СССР.

Дальше практически повторился тот же сценарий, который был продемонстрирован на Октябрьском пленуме ЦК КПСС. Та же вереница ораторов, те же пылкие обвинения под взглядами Горбачева и Лигачева.

Московских аппаратчиков особо не пришлось настраивать против своего бывшего руководителя. За два года правления Ельцин нажил слишком много врагов и недоброжелателей. Еще вчера все они были вынуждены таиться, безмолвно сносить унижения и обиды. Но едва раздался повелительный окрик — «Ату!» — как радостное чиновничество тут же ринулось топтать своего недавнего повелителя. Даже Горбачев вынужден был признавать: «В ряде выступлений явно сквозили мотивы мстительности и злорадства».

Первым слово дали бывшему первому секретарю Краснопресненского РК КПСС Ф. Козыреву-Далю:

«Когда меня утвердили председателем Московского агропрома, — сказал он, — я искренне верил в слова и обещания секретаря Московского городского комитета партии тов. Ельцина о поддержке в работе, а уже через 10 месяцев был вынужден писать личное письмо тов. Ельцину со словами: «В связи с отсутствием всякой перспективы быть вами принятым, вынужден и считаю долгом коммуниста обратиться к вам письменно».

Да, товарищи, на мою просьбу принять меня по вопросам работы Московского агропрома я получил ответ не лично от тов. Ельцина, а через его помощника, что перспектива у меня быть принятым тов. Ельциным нулевая.

Не был я принят и после прочтения моего письма. А ведь в письме подробно раскрывался весь механизм торможения деятельности Московского агропрома. В письме было прямо заявлено о негативной роли секретаря горкома партии тов. Низовцевой, об отсутствии поддержки всех перспективных направлений работы агропрома со стороны городского комитета партии.

Может быть, это случай? Нет, товарищи, это система. Система борьбы с трезвой, правильной и правдивой позицией, о которой Ельцин так много любил говорить с трибуны.

Я понял, что тов. Ельцина не интересуют проекты, которые дадут действительно отдачу, но чуть позже. Ему нужны были сиюминутные, громкие, эффектные мероприятия, пусть даже не обеспеченные своими силами. Ему нужен был авторитет любой ценой.

На вооружение брались только разрушительные действия. Товарищ Ельцин уверовал в свою безнаказанность, поставил себя в исключительное положение, когда, распоряжаясь единолично судьбами людей, он не нес никакой ответственности ни перед ними, ни перед ЦК КПСС».

Чистка продолжалась в таком же плане.

Ю. Беляков, второй секретарь МГК КПСС: «Выступление на пленуме тов. Ельцина явилось для нас полной неожиданностью, и мы расценили его как незрелое и невыдержанное, расцениваем его как удар по городской партийной организации.

Этот удар нанесен в канун 70-летия Октября, в критический момент перестройки. Удар нанесен по всем тем делам, в которых самое активное участие принимал и сам Борис Николаевич. Он работал много, самоотверженно, творчески, его работа оказывала заметное влияние на работу городской партийной организации. Тем болезненнее для нас оказался удар, тяжелее его последствия.

Имя первого секретаря используется сомнительными элементами, которые пытаются противопоставить Москву и ЦК КПСС».

В. В. Виноградов, первый секретарь Советского райкома КПСС:

«Я не могу отнести себя к числу обиженных. Я один из небольшого количества секретарей райкомов, которые давно работают в городской партийной организации и которых, по статистическим данным, осталось немного.

Есть у тов. Ельцина положительные качества. Это и явилось основанием того, что он стал секретарем обкома партии в Свердловске, секретарем горкома в Москве. Но сегодня не об этом идет речь. Сегодня речь идет о том, что своими действиями он нанес очень большой вред и урон и партии, и Московской городской партийной организации, и на пленуме ЦК проявил себя в самом плохом качестве.

И мне думается, что не совсем правильно говорить сегодня о том, как это делают секретари горкома, что это была неожиданность, какая-то растерянность. Мне думается, что это не совсем так. Взрыв-то назревал, и основа его — амбициозность, а не твердость, его неумение прислушиваться к людям.

Он критиковал Центральный Комитет партии за отсутствие демократизма, а ему дали возможность на пленуме ЦК выступить. Значит, там была создана обстановка для того, чтобы можно было даже абсолютно демагогические заявления, с которыми он вышел, произносить. А могли ли мы выступать открыто? По многим вопросам набирали в рот воды и даже болевые ощущения, зажав зубами губы, переносили.

Какие методы использовались? Весь район переворачивали и искали, какой Виноградов плохой, а я 17 лет на выборной партийной и советской работе. Меня пленум избрал.

У меня терпения не хватило, и я пошел ко второму секретарю горкома партии тов. Белякову и откровенно сказал: «Или снимайте, или прекратите экзекуцию». Прекратили. Вроде бы на последнем пленуме даже похвалили район.

Оторвался Борис Николаевич от нас, да он и не был с нами в ряду. Он над нами как-то летал. Он не очень беспокоился о том, чтобы мы в едином строю, взявшись за руки, решали большое дело.

Я не могу никак и сегодня понять, как Борис Николаевич, приехав в район на отчетно-выборное собрание в цеховую организацию, сделал так, что я туда попасть не смог. И мне тов. Скитев так и не мог объяснить, почему я туда не попал.

Конечно, Борис Николаевич подкупил москвичей своей мобильностью, моторностью, он очень много ездил, много контактировал с людьми. Но мне представляется, он в этих поездках больше беспокоился о личном авторитете, чем авторитете горкома. И почему такое пренебрежение к первым секретарям райкомов? Почти у каждого ярлык. Нам приходилось, извините за резкость, очень часто отмываться от тех оценок, которые давались нам, первым секретарям райкомов партии. Даже участковым инспекторам предоставлялось право следить за нами, говорилось о нас: если они, сукины сыны, что-нибудь натворят, смотрите. Борис Николаевич, работнику вашего уровня нельзя только ради игры на аудиторию бросаться такими формулировками»«[1].

Вот еще несколько гневных эскапад, брошенных с трибуны горкомовского пленума:

Первый секретарь Ворошиловского райкома А. Земсков: «Единоличность решений, изоляция от партийного актива, от членов городского комитета партии, от секретарей райкомов — вот призма, через которую нужно рассматривать его деятельность».

Первый секретарь Кировского райкома И. Головков: «…пренебрежение принципами преемственности, неумение дорожить

---

[1] *В. Андриянов, А. Черняк.* Одинокий царь в Кремле. Кн. 1. М.: «Правда». С. 108—110.

людьми, отсутствие должного такта и уважения к кадрам, недостаточное терпение и терпимость».

Первый секретарь Бауманского райкома А. Николаев: «Очень быстро товарищ Ельцин обрел тот самый начальственный синдром, против которого он гневно выступал на съезде партии. Вот разрыв между словами и реальными делами. Быстро уверовал в свою непогрешимость, отгородил себя от партийного актива».

Зам. председателя исполкома Моссовета В. Жаров: «Кадровые замены превратились в спортивные соревнования, о которых нам докладывали: на одном активе сменили 30 процентов первых секретарей, на другом — уже 50, на третьем — уже до 80 доехали».

Как и на пленуме ЦК, ни один из выступавших, даже те, кто были вознесены им к власти, в защиту Ельцина не сказали ни слова. Это было для него гигантским потрясением.

«Он думал, что будут просить, поднимется вся Москва, все первые секретари, которых он поставил, — вспоминает редактор «Московской правды» Михаил Полторанин. — Но этого не случилось, стал получать «по ушам» от людей, от которых этого не ожидал, поднимал глаза и ошарашено смотрел на вчерашнего своего приближенного, который сегодня нес его по кочкам».

Последний 1-й секретарь МГК Юрий Прокофьев пишет, что «это единодушие стало неожиданностью и для самого Ельцина. Он, ошеломленный, весь почернел и уже не мог ничего говорить».

(Сам Прокофьев выступал еще пламеннее прочих, жалуясь, как несправедливо с ним обошлись. Эти стенания произвели на Горбачева с Лигачевым благоприятное впечатление. Через 2 года Прокофьев займет просторный ельцинский кабинет.)

Прокофьев, разумеется, лукавит. «Почернел» Борис Николаевич вовсе не от «единодушия», или, точнее, не столько от него, сколько от баралгина, которым щедро обкололи его врачи. Обычно препарат этот действует, как болеутоляющее, но в больших масштабах он вызывает торможение мозга.

«Доктор влил в Ельцина почти смертельную дозу баралгина, — вспоминал позднее Александр Коржаков, находившийся в палате рядом с шефом все дни. — Борис Николаевич перестал реагировать на окружающих и напоминал загипнотизированного лунатика. В таком состоянии он и выступил. Кратко и без бумажки. Когда же прочитал в газетах произнесенную на московском пленуме речь, испытал шок. Отказывался верить, что всю эту галиматью произнес с трибуны лично, без подсказок со стороны»[1].

---

[1] Цит. по: *А. Хинштейн.* Ельцин. Кремль. История болезни. М.: «Олма Медиа Групп». 2008. С. 122—123.

А. Коржакова трудно упрекнуть в пристрастиях к своему бывшему «патрону», — скорее наоборот — его книга воспоминаний буквально нашпигована негативными оценками жизни и деятельности Б. Ельцина. Тем не менее пассаж про «загипнотизированного лунатика», совершенно не соответствует физическому состоянию Б. Ельцина, который внимательно слушал выступающих, совершенно адекватно дал им оценку в своем ответном выступлении, содержательную часть которого «галиматьей» никак назвать нельзя.

И не то чтобы Коржаков выгораживал патрона. Просто он мог попасться на ту же ельцинскую удочку, на каковую попались все остальные его сподвижники и поклонники. Коржаков ведь не присутствовал на самом пленуме, а, значит, детали его знает исключительно со слов своего патрона.

Это очень удобная отговорка: публичное покаяние, мол (второе, кстати, по счету), произошло не по причине его слабости и лицемерия, а из-за козней врачей — вредителей. Обкололи бедолагу. Затормозили сознание. Превратили в этакого биоробота. Типичные убийцы в белых халатах!

Впрочем, позднее А. Коржаков поменял свою точку зрения на это событие:

«На пленуме МГК я, действительно, не присутствовал. Обо всем знал со слов Ельцина. Он утверждал, что его обкололи, ничего не соображал. А тут, оказывается, все так гладко и благопристойно! Одно слово — сказочник». Постфактум Коржаков напоминает, что и свое «мифологическое» выступление на пленуме ЦК КПСС, где согласно народной легенде он публично «пропесочил» уже изрядно всем надоевшую Раису Максимовну, Ельцин подтверждал:

«Про пленум он сам рассказывал, что всех раскритиковал, разнес в пух и прах. Я, мол, Райку вывел на чистую воду… «Я их там!!! Горбачева чуть инфаркт не хватил!» И мы ему, действительно верили. Доклада-то нигде не печатали. Я его прочитал только сейчас, в рукописи. И вправду: ничего особенного здесь нет!»[1]

Напомним, что не сказал сам «больной» о своей «сумбурной» речи на пленуме МГК партии:

«Если бы я не был под таким наркозом, конечно, начал бы сражаться, опровергать ложь, доказывать подлость выступающих — именно подлость! С одной стороны, я винил врачей, что они разрешили вытащить меня сюда, с другой стороны, они накачали меня лекарствами так, что я практически ничего не воспринимал…»

---

[1] Цит. по вышеуказанному сочинению. С. 159.

Итак, запомним: Ельцин, точно унтер-офицерская вдова, принародно выпорол сам себя, потому как ничего не «воспринимал» и был зомбирован. Доклад при этом, если верить Коржакову, произнес он без бумажки. Говорил он не более пяти минут, без шпаргалки, с ходу, произнеся фактически осмысленную, связную речь, да еще со ссылками на предыдущих ораторов. Причем речь — весьма грамотную, с необходимым самобичеванием, извинениями славословицами в адрес дорогого Михаила Сергеевича, «авторитет которого так высок в нашей организации, в нашей стране и во всем мире»[1].

Впрочем, не пора ли ознакомиться с этой речью («галиматьей»), приведем ее полностью в соответствии со стенографическим отчетом:

«Я думаю, нет необходимости давать здесь себе оценку, поскольку мой поступок просто непредсказуем (здесь и далее выделено мной. — *А.К.*). Я и сегодня, и на пленуме Центрального Комитета, и на Политбюро, и на бюро горкома, и на нынешнем пленуме много выслушал того, что я не выслушивал за всю свою жизнь. Может быть, это явилось в какой-то степени причиной того, что произошло.

Я только хочу здесь твердо заверить и сказать, Михаил Сергеевич, вам и членам Политбюро и секретарям ЦК, здесь присутствующим, и членам горкома партии, всем тем, кто сегодня на пленуме горкома, первое: я честное партийное слово даю, конечно, никаких умыслов я не имел и политической направленности в моем выступлении не было.

Второе: я согласен сегодня с критикой, которая была высказана. Наверное, товарищ Елисеев (ректор МВТУ им Баумана.. — *А.К.*) сказал правильно — если бы это было раньше, то было бы на пользу.

Я должен сказать, что я верю, убежден по-партийному абсолютно в генеральной линии партии, в решениях XXVII съезда. Я абсолютно убежден в перестройке и в том, что как бы она трудно ни шла, она все равно победит. Другое дело, что она, и в этом тогда действительно у нас были разные нюансы ее оценок, она по разным регионам и даже по разным организациям идет по-разному. Но, конечно, я в перестройку верю, и здесь не может быть никаких сомнений. Я перед вами, коммунистами, проработавшими два года вместе в партийной организации, заявляю абсолютно честно. И любой мой поступок, который будет противоречить этому моему заявлению, конечно, должен привести к исключению из партии.

---

[1] Там же. С. 124.

В начале прошлого года я был рекомендован Политбюро и избран здесь на пленуме первым секретарем горкома партии, формировалось бюро. И надо сказать, бюро работало очень плодотворно. Сформировался исполком Моссовета, в основном я имею в виду председателя, его заместителей, которые, конечно, и это отмечали многие, стали заниматься конкретной работой. Но, начиная примерно с начала этого года, я стал замечать, что у меня получается плохо.

Вы помните, мы на пленуме городского комитета партии говорили о том, что надо каждому руководителю, если у него не получается, тогда честно сказать, прийти и честно сказать в свой вышестоящий партийный орган, что у меня не получается. Но здесь, конечно, была тоже тактическая ошибка. Видимо, это было связано с перегрузкой и прочим. Но оно действительно стало получаться у меня, я не могу сказать про все бюро, стало получаться в работе хуже. Сегодня, пожалуй, наиболее четко это выразилось в том, что легче было давать обещания и разрабатывать комплексные программы, чем затем их реализовывать. Это, во-первых. И, во-вторых, именно в этот период, то есть в последнее время, сработало одно из главных моих личных качеств — это амбиция, о чем сегодня говорили. Я пытался с ней бороться, но, к сожалению, безуспешно.

Главное сейчас для меня, как для коммуниста Московской организации, — это, конечно, что же все-таки сделать, какое решение принять, чтобы меньше было ущерба для Московской организации. Конечно, ущерб он есть, и ущерб нанесен, и трудно будет новому первому секретарю городского комитета партии, бюро и городскому комитету партии сделать так, чтобы вот эту рану, которая нанесена, этот ущерб, который нанесен, и не только Московской организации, чтобы залечить ее делом как можно быстрее.

Я не могу согласиться с тем, что я не люблю Москву. Сработали другие обстоятельства, но нет, я успел полюбить Москву, и старался сделать все, чтобы те недостатки, которые были раньше, как-то устранить.

Мне было сегодня особенно тяжело слушать тех товарищей по партии, с которыми я работал два года, очень конкретную критику, и я бы сказал, что ничего опровергнуть из этого не могу.

И не потому, что надо бить себя в грудь, поскольку вы понимаете, что я потерял как коммунист политическое лицо руководителя. Я очень виновен перед Московской партийной организацией, очень виновен перед горкомом партии, перед вами, конечно, перед бюро и, конечно, я очень виновен лично перед Михаилом Сергеевичем Горбачевым, авторитет которого так высок в нашей организации, в нашей стране и во всем мире.

И я, как коммунист, уверен, что Московская организация едина с Центральным Комитетом партии, и она очень уверенно шла и пойдет за Центральным Комитетом партии»[1].

Вы можете поверить, что вышеприведенная речь Ельцина — есть беспомощное бормотание зомбированного человека, уж слишком складно, грамотно и последовательно он обобщил основные моменты в выступлениях участников пленума? Нет, это не доклад трибуна, каждое слово которого ловит народ, это скорее последнее слово подсудимого, молящего о пощаде.

Тогда, как все это можно объяснить? Да все очень просто:

« С покаянной речью выступал один Ельцин, которого народ практически не знает. Это Ельцин-функционер, расчетливый и циничный аппаратчик, выпрашивающий себе подачку в виде какой-нибудь должности.

А слухи о врачах-вредителях распускал уже совсем другой Ельцин: герой и фрондер, бесстрашный оппозиционер. Ему ведь надо было как-то объяснить собственное поведение, совершенно не вписывающееся в рамки вылепленного им образа. Ради этого уместно абсолютно все, любые, даже самые бредовые версии.

Подобное совершенно в стиле Бориса Николаевича. Одним махом он любит убивать сразу двух (или трех: сколько получится) зайцев. И промашку свою оправдать. И популярности прибавить, ибо история с врачами — отравителями — лежит прямотаки в русле его личного PR. Наряду с таинственными злодеями, скинувшими Ельцина с моста, хулиганами в штатском, чуть не зарезавшими его на улице и телевизионными вредителями, пустившими выступление нашего героя в Америке с другой скоростью, отчего выглядел он пьяным идиотиком. (Окружение Ельцина называло это «эффектом Буратино».)

И неважно, что истина рано или поздно вылезет наружу и вскроется тогда, что никто не сбрасывал его с моста, и не резал ножами, а под камеру угодил он, действительно, в невменяемом состоянии. Когда это еще будет! В политике же — главное не завтрашний день, а сегодняшний…

О чем-то подобном — другими, понятно, словами — упоминал и его многолетний помощник, покойный ныне Лев Суханов:

«В нем как будто еще жили два Ельцина: один — партийный руководитель, привыкший к власти и почестям и теряющийся, когда все это отнимают. И второй Ельцин — бунтарь, отвергающий, вернее, только начинающий отвергать правила игры, навязанные системой».

---

[1] Цит. по: *В. Андриянов, А. Черняк.* Одинокий царь в Кремле. Кн. 1. М.: «Правда». С. 110—111.

Медицинский диагноз.

«Раздвоение личности — психическое заболевание, болезненная расщепленность личности на две фазы, сменяющие друг друга в характере, поведении личности и не связанные между собой».

Уже через год, в ноябре 1988 года, отвечая на вопросы слушателей Высшей комсомольской школы, Ельцин так примется объяснять свое поведение.

«Врачи накачали меня лекарствами. Что в меня вливали? Разве я допустил бы ложь и клевету? Меня бы никто не сдержал! Я ринулся бы в драку, но такого бы наговорил! Говорю врачам: «Вы нарушили клятву Гиппократа!» А они мне: «У нас свой Гиппократ!»»

И впечатлительные комсомольцы только что не плачут от жалости к жертве врачебного террора.

«Не слишком ли тяжело было потрясение?» — проникновенно вопрошают они. А Ельцин с обычной скромностью им в ответ:

«Нет. А как же декабристы, революционеры?… Я считал, что должно быть самопожертвование, тогда перестройка получит толчок»[1].

Однако своим покаянным выступлением Ельцин добился главного — ему гарантировано сравнительно комфортное будущее, о чем они уже заранее договорились с Горбачевым. Короче говоря, это был очередной акт мелодрамы, являющийся продолжением заключенного между ними договора. И надо отдать им обоим должное, операция прикрытия исторического заговора удалась на славу. Свидетельствует А. Коржаков:

«Пленум сильно изменил состояние здоровья и духа Бориса Николаевича» — теперь-то нам, да и самому А. Коржакову ясно, что Ельцин артистически симулировал «заболевание» своего тела и души. — «Он был подавлен, все время лежал в постели, если кто-то навещал его, то пожимал протянутую руку двумя холодными пальцами.

Ельцин ждал звонка Горбачева. И Горбачев наконец-то позвонил. Я сам тогда принес телефонный аппарат в постель к шефу и вышел. Из-за двери слышал, как Ельцин поддерживал разговор совершенно убитым голосом.

Горбачев предложил ему должность заместителя председателя Госстроя в ранге министра СССР. Борис Николаевич без долгих раздумий согласился»[2].

---

[1] Цит. по: *А. Хинштейн*. Ельцин. Кремль. История болезни. М.: «Олма Медиа Групп». 2008. С. 126—128.

[2] *А. Коржаков*. Борис Ельцин. От рассвета до заката. М.: «Интербук». 1997. С. 66.

На самом деле, как мы уже отмечали выше, особого повода для депрессии у Ельцина не имелось:

«В своих мемуарах он благоразумно умалчивает, что еще до приснопамятного горкомовского пленума, у них состоялся телефонный разговор с Горбачевым, в котором Ельцин выторговал себе министерский портфель. Точнее, о самой телефонной беседе он упоминает, но исключительно как о примере бессердечности и жестокости. Еле живого человека стащили, дескать, с постели и привезли на Голгофу.

«Не помню в своей трудовой деятельности, чтобы кого бы то ни было — рабочего, руководителя — увезти больного из больницы, чтобы снять с работы. Это невозможно… Как бы плохо Горбачев ни относился ко мне, но поступить так — бесчеловечно, безнравственно…» Безнравственный Горбачев, однако, воспроизводит события иначе: «Ельцин старался выиграть время, лихорадочно искал какие — то запасные варианты поведения. Потом, когда мы стали обсуждать возможность его работы в Госстрое в ранге министра, беседа приняла деловой характер.

— Это уход с политической арены? — прозвучал полувопрос, полуутверждение.

— Сейчас вернуть тебя в сферу большой политики нельзя, — ответил я. — Но министр является членом правительства. Ты остаешься в составе ЦК КПСС. А дальше посмотрим, что и как. Жизнь продолжается»»[1].

То есть, выходя на трибуну, Ельцин уже знал о своем грядущем назначении и они вместе с Горбачевым «отрабатывали» свои, хорошо «срежессированные» и отрепетированные, роли.

О том, что это была хитроумно проведенная инсценировка, косвенно признает сам Ельцин, который после Пленума МГК партии отправился «долечиваться» в больницу:

«Затем я опять попал в больницу. До февральского пленума удалось выкарабкаться, хотя это уже был четвертый удар. Прошел пленум достаточно ровно, Горбачев предложил вывести меня из состава кандидатов в члены Политбюро.

Горбачев осторожно говорил о пенсии. Врачебный консилиум сразу предложил мне подумать об этом. Сначала я, посоветовавшись с женой, сказал: подождите, к этому разговору вернемся после выхода из больницы. Потом подумал, поразмышлял серьезно. Нет, решил, пенсия для меня — это верная гибель. Я не смогу перебраться на дачу и выращивать укроп, редиску. Мне

---

[1] Цит. по: *А. Хинштейн*. Ельцин. Кремль. История болезни. М.: «Олма Медиа Групп». 2008. С. 128—129.

нужны люди, нужна работа, без нее я пропаду. Сказал врачам, что не согласен.

Прошло немного времени, мне опять в больницу позвонил Горбачев и предложил работу первого заместителя председателя Госстроя, министра СССР. Мне в тот момент было абсолютно все равно. Я согласился, не раздумывая ни одной секунды. Он еще добавил: «До политики я тебя больше не допущу».»[1]

Вроде бы ничего нового по сравнению с тем, что уже сказал А. Коржаков по вопросу о будущем назначении? Кроме одного нюанса: разговор с Горбачевым по телефону состоялся до пленума МГК партии, а Ельцин утверждает, что не только после пленума, но чуть ли перед февральским пленумом ЦК КПСС, когда его вывели из состава кандидатов в члены Политбюро. Как это часто бывало и раньше, Б. Ельцин, скорее всего, искренне уверовал в собственную ложь.

14 января 1988 года Ельцин был назначен первым заместителем Председателя Госстроя СССР в ранге союзного министра. Прежде такой должности не существовало и ее придумали специально для Ельцина.

Государственный комитет по строительству был суперминистерством, его возглавлял заместитель председателя Совета министров СССР, поэтому его первому заму можно было дать ранг министра.

Как требовали аппаратные правила, глава правительства Николай Рыжков направил в ЦК соответствующую бумагу: «Вносится предложение об установлении дополнительной должности первого заместителя председатель Госстроя СССР и об утверждении т. Ельцина Б.Н. первым заместителем председателя Госстроя — министром СССР». Горбачев расписался на этой записке, и Борис Николаевич получил новую работу.

«В принципе, пост этот абсурден уже сам по себе. Зампред — то есть замминистра — и он же одновременно министр. При этом Ельцин оставался еще и кандидатом в члены Политбюро, в отличие от председателя Госстроя. То есть он числился у него в заместителях, но не только не подчинялся, а, напротив, был еще и выше по положению. Натуральная загогулина.

Сохранилось воспоминание о первом появлении Ельцина на новом месте. Лев Суханов, сразу же и на долгие годы ставший его помощником, так описывает это эпохальное событие:

«Представьте себе такую ситуацию: на улице Пушкина (на ней находится Госстрой) и примыкающей к ней улице Москвина в одно

---

[1] *Б. Ельцин.* Исповедь на заданную тему. Ассоциация уральских издателей. 1990. С. 177—178.

мгновение прерывается все движение. Дается «зеленый свет» для правительственного кортежа. Все ближайшие подъезды и переулки взяты под контроль охраны… Машины подъехали к правительственному подъезду Госстроя, из ЗИЛа вышел Борис Николаевич и в сопровождении охраны поднялся на четвертый этаж. В приемную сначала вошли телохранители, за ними — Ельцин»[1].

Правда А. Коржаков несколько откорректировал процедуру «вхождения в должность» Б. Ельцина, которая так ошеломила Л. Суханова:

«Не знаю почему Лева Суханов считал нас во множественном числе — «в сопровождении охраны», «вошли телохранители». Ельцина всегда сопровождал только один прикрепленный. Всего нас было трое, работали посменно. Плюс — водитель с оружием, но он обязательно оставался в машине»[2].

Госстроем тогда руководил нефтяник Юрий Баталин, человек в отрасли известный. О нем говорили, как об экспериментаторе, умудрявшемся платить своим рабочим невиданные зарплаты — чуть ли не до 3 тысяч. (Это в то время, когда инженер получал 120!)

Баталин тоже был свердловчанином, и в Госстрое многие считали, что земляки обязательно найдут общий язык. Но этого не случилось.

Тот же Суханов утверждает, будто Баталин по приказу сверху начал вскоре собирать на Ельцина компромат.

«Это было несложно «расшифровать»: в глаза бросалась резкая перемена отдельных руководителей и в первую очередь — замов Баталина… «Ледниковый период» отчуждения складывался из невидимых штрихов, тонких психологических нюансов и лишь изредка прорывался откровенной враждебностью»[3].

Вообще, насколько нам представляется, когда кому-то приказывают собирать компромат, этот кто — то обычно не подает вида и уж тем более не удаляется от объекта. Напротив, он всячески идет на контакт, пытается задружиться и сблизиться.

Если Баталии так исполнял данное ему поручение, значит, он попросту его саботировал. Тем более, что кончилось для него все довольно печально. В июле 1989 года Баталина сняли с должности и вскоре вывели из состава ЦК. Обвиняли его — негласно, конечно, — в том, что он помог Ельцину избраться народным депутатом. Правда, Борис Николаевич и его окружение о нем никогда больше не вспоминали.

---

[1] Цит. по: *А. Хинштейн.* Ельцин. Кремль. История болезни. М.: «Олма Медиа Групп». 2008. С. 130.

[2] Там же. С. 159.

[3] Там же. С. 130.

Назначение кандидата в члены Политбюро, пусть даже опального, в Госстрой было для ведомства огромным событием. Здесь заранее побывали лечащий врач Ельцина и врач-диетолог Они проверили столовую для начальства — им не понравилось. Вызвали заведующего столовой и объяснили ему, как и чем следует кормить нового руководителя.

В кабинете Ельцина поместили аптечку с большим набором лекарств. На рабочем столе и столе для заседаний оборудовали кнопку вызова, чтобы он мог сразу вызвать секретаря. В комнате отдыха велели поставить диван, чтобы Ельцин мог прилечь, если, не дай бог, плохо себя почувствует.

Он еще оставался кандидатом в члены Политбюро, поэтому 9-е управление КГБ и 4-е Главное управление при Министерстве здравоохранения СССР продолжали его опекать. Но Ельцин понимал, что и этого он скоро лишится. А главного уже был лишен — власти. Он дорожил не столько ее атрибутами — все блага были просто приложением к должности, — сколько самой возможностью управлять действиями множества людей, выдвигать любые идеи и претворять их в жизнь.

Едва ли Борис Николаевич формулировал это для себя столь откровенным образом, но он-то понимал, что власть — это единственное, что приносит удовольствие всегда. Все остальное дает лишь кратковременную радость.

После отставки, вспоминал позднее Борис Ельцин, наступили «самые тяжелые дни в моей жизни... Немногие знают, какая это пытка — сидеть в мертвой тишине кабинета, в полном вакууме, сидеть и подсознательно чего-то ждать... Например, того, что этот телефон с гербом зазвонит. Или не зазвонит...».

Телефон с гербом — это аппарат правительственной городской автоматической телефонной станции. Телефоны АТС-2, в просторечии «вторая вертушка», устанавливали номенклатуре средней руки — уровня заместителя министра. У Ельцина же в госстроевском кабинете помимо «второй вертушки» стояла и «первая» — АТС-1, которая полагалась членам высшего эшелона власти.

И каждый день он с надеждой смотрел на этот телефон, ожидая, что, как в сказке, он вдруг зазвонит — и если не сам Горбачев, то кто-то от него скажет: приезжай, Борис Николаевич, для тебя есть дело поважнее... Но телефон не звонил.

Ельцин тяжело «переживал» свое политическое изгнание. Об этом он пространно рассуждает в своей «Исповеди…»:

«Мне нужно было выползать, выбираться из кризиса, в котором я очутился. Огляделся вокруг себя — никого нет. Образовалась какая-то пустота, вакуум. Человеческий вакуум. Странная

жизнь. Кажется, работал в контакте с людьми. Вообще любил компанию. К людям всегда тянуло, а не к одиночеству. И когда предают один за другим, десяток, второй десяток людей, с которыми работал, которым верил, начинает появляться страшное чувство обреченности. Может быть, это характерная черта сегодняшнего времени? Может быть, у нас общество настолько зачерствело в результате всех этих черных десятилетий, что люди перестали быть добрыми? Как будто вокруг тебя очертили круг, и туда никто не заходит: боятся прикоснуться и заразиться. Как прокаженный. Прокаженный для тех, кто дрожит за свою судьбу, для тех, кто старается угодить, для конъюнктурщиков, но, как это ни грустно, и нормальных людей из тех, которые всегда чего-то боящихся...

На Пленумах ЦК, других совещаниях, когда деваться было некуда, наши лидеры здоровались со мной, с опаской, какой-то осторожностью, кивком головы давая понять, что я в общем-то, конечно, жив, но это так, номинально, политически меня не существует, политически я — труп…

Трудно описать то состояние, которое у меня было. Трудно. Началась настоящая борьба с самим собой. Анализ каждого поступка, каждого слова, анализ своих принципов, взглядов на прошлое, настоящее, будущее, анализ моих отношений с людьми, и даже в семье, — постоянный анализ, днем и ночью, днем и ночью. Сон три-четыре часа, и опять лезут мысли.

В таких случаях люди часто ищут выход в Боге, некоторые запивают. У меня не случилось ни того, ни другого. Осталась вера в людей, но уже совсем другая — только в преданных друзей. Наивной веры уже не было…

Потом, позже, я услышал какие-то разговоры о своих мыслях про самоубийство, не знаю, откуда такие слухи пошли. Хотя, конечно, то положение, в котором оказался, подталкивало к такому простому выходу. Но я другой, мой характер не позволяет мне сдаваться. Нет, никогда я бы на это не пошел…

Меня все время мучили головные боли. Почти каждую ночь. Часто приезжала «скорая помощь», мне делали укол, на какой-то срок все успокаивалось, а потом опять. Конечно, семья поддерживала чем могла. Бессонные ночи напролет проводила у моей кровати Наина, дочери Лена и Таня — помогали как могли. Особенно когда начинались страшные приступы головной боли, готов был лезть на стенку, еле сдерживал себя, чтобы не закричать. Это были адские муки. Часто терпения просто не хватало, и думал, вот-вот сорвусь»[1].

---

[1] *Б. Ельцин.* Исповедь на заданную тему. Ассоциация уральских издателей. 1990. С. 178—181.

Срывался, да еще как. Одна из секретарей Ельцина в Госстрое вспоминала потом:

«Зайдешь, бывало, а он весь согнутый сидит — значит, судьба по нему еще раз стукнула. Потом голову поднимет — взгляд тяжелый, как будто головная боль мучает. Может что-то швырнуть в таком состоянии. В такой момент лучше на глаза не показываться. Но даже и через двойную дверь было слышно, как бушует один в кабинете — бьет кулачищем по столу, по стене, стены дрожали — такой грохот стоял»[1].

Тяжело пережил Б. Ельцин процедуру исключения его из кандидатов в члены Политбюро. Это случилось 8 февраля 1988 года на пленуме ЦК КПСС. Свидетельствует Лев Суханов:

«Когда он утром пришел на работу, на нем не было лица. Как же он все это переживал! Да, он оставался еще членом ЦК КПСС, но уже без служебного ЗИЛа, без личной охраны…

В нем как будто еще жили два Ельцина: один — партийный руководитель, привыкший к власти и почестям и теряющийся, когда все это отнимают. И второй Ельцин — бунтарь, отвергающий, вернее, только начинающий отвергать правила игры…»[2]

Но о втором, новом Ельцине говорить было еще рано. Пока он находился в состоянии тяжелой депрессии.

Почти целый год Ельцин прожил в состоянии тяжелого психологического стресса. Работа в Госстрое его не интересовала. Он давно отошел от строительных дел, жил уже другими интересами.

Формально Ельцин курировал лишь три управления — научно — техническое, проектирования и нормирования. Всеми основными текущими вопросами ведал другой, настоящий первый зам. по фамилии Бибин.

Но даже этими, весьма необременительными заботами Борис Николаевич занимался спустя рукава.

(Когда осенью 1988 года его спросили — удовлетворен ли он своей работой в Госстрое — Ельцин резко ответил: «Нет! Желаю динамичной, интересной работы с людьми. Сейчас же на 80% работаю с бумагами».)

О каких — то значительных итогах его деятельности в Госстрое доподлинных сведений не сохранилось.

Известно, в частности, что он согласовал строительство моста через Иртыш в Семипалатинске, который местная власть пыталась пробить много лет. Правда, строить его начали только через десятилетие, уже в независимом Казахстане.

---

[1] Цит. по: *Л. Млечин.* Борис Ельцин. Послесловие. М.: «Центрполиграф», 2007. С. 98.

[2] Там же. С. 97.

Еще Ельцин успел зарубить прокладку новой столичной трассы — Краснопресненского проспекта, который должен был влиться в только что сданное Ново — Рижское шоссе. (К трассе этой московское правительство приступило лишь недавно.)

Вообще, насчет зарубить проблем у Бориса Николаевича никогда не было.

«Пройти «через Ельцина» какому-нибудь захудалому проекту было так же трудно, как вспять повернуть эти северные реки, — восторгается его помощник Суханов. — А между прочим, этот сумасшедший проект уже обсуждался в Госстрое, как и строительство промышленных предприятий на Байкале или проблемы на просадочных грунтах Атоммаша. Ельцин был категорически против этих проектов, писал докладные, звонил знакомым министрам…»[1]

Так ли это — сказать трудно. Вполне возможно, что роль Ельцина в очередной раз преувеличивается. Борис Николаевич и его окружение частенько страдают мюнгхаузеновским синдромом.

Журналист иркутской «молодежки», бравший в 1988 году одно из первых интервью у Ельцина, вспоминает, как тот ляпнул, что это именно он, Борис свет Николаевич, остановил промышленные стоки в Байкал, перекрыв трубу.

«Но мы-то знали, что заслуга была не совсем его», — до сих пор удивляется иркутский (сиречь тамошний, байкальский) корреспондент.

А когда, с другой стороны, мог Ельцин заниматься текучкой, если погружен был в совсем другие проблемы.

Работавший тогда зам. начальника одного из главков Госстроя Иван Сухомлин рассказывал журналистам:

«Госстроевские дела Бориса Николаевича совершенно не интересовали. И если он что-то и делал, то — формально, не вникая в суть… На совещаниях он просто зачитывал подготовленную ему справку, давал поручения тому или другому работнику и больше не возвращался к этому вопросу… Его неделями не было в Госстрое: то болел, то ездил куда-то, то неизвестно чем занимался»[2].

То же самое, почти слово в слово, говорит и Михаил Полторанин:

«В Госстрое он вообще не работал! Я к нему приезжал, он так радовался, что живой человек зашел»[3].

---

[1] Цит. по: *А. Хинштейн*. Ельцин. Кремль. История болезни. М.: «Олма Медиа Групп». 2008. С. 131.

[2] Там же. С. 132.

[3] Там же. С. 132.

Особенно радовался Борис Николаевич, когда его навещал бывший телохранитель А. Коржаков, который делал это регулярно — либо один, либо с его бывшими водителями. Сам Александр Коржаков об этих встречах вспоминает с теплотой:

«Наступило 1 февраля 89-го года — день рождения Бориса Николаевича. Ко мне подошел Суздалев (бывший телохранитель Ельцина. — *А.К.*): «можно я вместе с тобой пойду поздравлять шефа?» И мы пошли вдвоем. Долго раздумывали, что принести в подарок. Ничего оригинального не придумали и купили большой букет цветов. В феврале они стоили дорого, но нам хватило денег и на цветы, и на спиртное, и на закуску. Радостные, с розовыми от мороза щеками, мы пришли на работу к Борису Николаевичу — в Госстрой. В первое время после пленума Ельцин пребывал в депрессии, но через несколько месяцев переборол хандру. Он уже готовился к выборам в депутаты Верховною Совета СССР, развернул агитационную кампанию, давал интервью журналистам. Нашему появлению он искренне обрадовался — крепко обнял, похвалил цветы. Отношения между нами после всего пережитого стали почти родственными. Если я приходил к Борису Николаевичу домой, то вся семья бросалась целоваться. И не было тогда в этой радости ни грамма фальши.

В Госстрое, в комнате отдыха министра, накрыли стол. Гости приходили и уходили, приносили подарки, цветы, говорили Борису Николаевичу теплые слова. Лев Суханов, новый помощник Ельцина, захватил из дома гитару, и мы, как в молодые годы, пели и наслаждались дружеским общением. Тосты произносили за будущее шефа.

Тогда никто и мысли не допускал о президентстве, Борису Николаевичу желали пройти в депутаты. Я никогда не боялся, что меня, офицера КГБ, уволят за неформальное общение с Ельциным. Если же меня упрекали коллеги: «Как же ты можешь встречаться с Ельциным, ведь он враг Горбачева?» — я отвечал: «Но не враг народа. Он член ЦК КПСС, министр, наконец. А врагов министрами не назначают». Хотя про себя думал, что из опалы Ельцину не выбраться никогда. Горбачев был молодым Генеральным секретарем, и никто не предвидел ни распада СССР, ни добровольного ухода Михаила Сергеевича с высокого поста. Карьера Бориса Николаевича, как нам всем казалось, могла быть связана только с депутатской деятельностью. Если произойдет чудо, то он станет Председателем Верховного совета СССР. Но тогда, в Госстрое, мы лишь хотели морально поддержать симпатичного человека, который совершенно несправедливо пострадал.

На дне рождения мы так замечательно погуляли, что именинник домой не попал — сонные и пьяные мы расстались только под утро»[1].

Кстати, веселые и задушевные встречи А. Коржакова со свои бывшим шефом закончились для него довольно печально. Он был уволен из органов с минимальной пенсией и пожеланием — как можно «побыстрее вымести его из Комитета поганой метлой». «Особенно, — вспоминает А. Коржаков, — не понравились начальству тосты, которые я произносил за Бориса Николаевича. У опальных коммунистов, оказывается, не должно быть перспектив на будущее»[2].

Постепенно Б.Н. Ельцин стал выходить из депрессии, видимо встряски организма, о которых пишет его бывший телохранитель, пошли ему на пользу. Он стал принимать «ходоков», которые устремились к нему со всех концов страны.

Точно Ленин, он принимает каких — то ходоков и калик — перехожих. Чтобы попасть к нему на аудиенцию, достаточно просто позвонить в приемную и попросить его помощника Льва Суханова о встрече.

«Общение с людьми, — признается Суханов, — имело для него буквально терапевтический эффект».

Медицинский диагноз

«Истерия — термин, использующийся для обозначения своеобразного расстройства личности, в основе которого лежит демонстративность, театральность, стремление всегда быть в центре внимания. Люди с истерическими расстройствами в своих действиях рассчитывают в первую очередь на внешний эффект»[3].

Ельцину постоянно требовалась эмоциональная подпитка. Он должен был чувствовать людское признание, массовую любовь, ибо без этого он ощущал себя больным. Никакая работа не могла его вдохновить, если она не была связана с большими массами людей. Бумажная работа его угнетала, любое начатое дело он не доводил до конца. Примером может служить попытка Ельцина реорганизовать систему Госстроя, что само по себе говорит о его незаурядных способностях администратора.

В архиве покойного Льва Суханова сохранился один занятнейший документ: набросок ельцинского письма к предсовмина

---

[1] *А. Коржаков.* Борис Ельцин. От рассвета до заката. М.: «Интербук». 1997. С. 67—68.

[2] Там же. С. 69.

[3] Цит. по: *А. Хинштейн*. Ельцин. Кремль. История болезни. М.: «Олма Медиа Групп». 2008. С. 135.

Рыжкову. (Письмо это так и не было отправлено, потому нигде и никогда не всплывало.)

На пяти листах, исписанных крупным размашистым почерком, Ельцин доказывает, что «Госстрой — это ненужная, бюрократическая надстройка», которую следует упразднить, а вместо него создать некое Бюро Совмина по строительству, разбросав добрую половину функций по другим ведомствам. Впервые это неотправленное письмо было опубликовано в качестве приложения в упоминаемой нами книге А. Хинштейна:

«Уважаемый Николай Иванович!

Почти двадцать лет работая в строительстве, а затем и на партийной работе, я пришел к выводу, что Госстрой при наличии министерств не нужен. Сейчас за 8 месяцев работы в Госстрое, внимательно изучая его изнутри: взаимоотношения двух его частей (производственной и старой части, которые не складываются и не склеиваются), взаимоотношения министерств, главков, объединений, советских органов с Госстроем, «полезность» многочисленных его подразделений, бюрократизм аппарата, обилие бумаг, параллелизм и дублирование в работе (коллегия Госстроя — коллегия Министерства — коллегия главка как решение объединения — по одному и тому же вопросу) и т.д. я еще более укрепился в мысли, что Госстрой — это ненужная, бюрократическая надстройка.

Мои предложения сводятся к следующему. Иметь Бюро СМ СССР по строительству с небольшим рабочим аппаратом (аналогично другим «Бюро»). Производственную часть Госстроя упразднить, как вышеназванную функцию Министерств. Учитывая возрастающую роль вневедомственной экспертизы крупных объектов, контроль за их реализацией, расширение гласности при их обсуждении, складывается уверенность, что ее надо значительно укрепить и иметь при СМ СССР (или как орган «Бюро»).

Управления нормирования, стандартизации можно передать в Госстандарт. За счет Главных управлений технической и стройиндустрии укрепить соответствующие подразделения Министерств и часть перейдет (для координации) в Бюро по строительству. Нормирование и распределение материальных ресурсов проводить в Госснабе СССР, передав туда «Стройкомплект». Учитывая возрастающую самостоятельность институтов, наличие авторитетной госэкспертизы, вместо Главпроекта вполне достаточно небольшая координирующая группа специалистов при «Бюро».

Госкомархитектура — будет самостоятельным комитетом и тоже будет выходить на «Бюро».

Убежден, что с ликвидацией лишнего звена это значительно упростит и улучшит систему управления всем строительным комплексом страны.

Остальные, наиболее опытные и способные специалисты будут с успехом использоваться при «Бюро», в Министерствах, в расширенной вневедомственной Госэкспертизе, других организациях.

Это мое личное мнение и оно ни с кем не обсуждалось.

С уважением *Б. Ельцин*»[1].

Это неотправленное письмо говорит о многом. Во-первых, о нерешительности Ельцина, когда дело касалось его взаимоотношений с властьпридержащими. Даже перед тем же Н. Рыжковым, которого он и в грош не ставил, он оробел — ведь тот на вершине власти, — второй после Горбачева человек, как бы чего не вышло. Во-вторых, изложенные в письме идеи были, безусловно, своевременными, что говорит за то, что не таким уж он был бездельником, занимая министерское кресло. И, наконец, ему уже просто недосуг было заниматься текущими делами Госстроя, поскольку он с головой ушел в любимое ему занятие — общение с людьми, а письмо подождет.

Уже цитировавшийся выше ельцинский сослуживец Иван Сухомлин вспоминает, что сотрудники ведомства не могли даже пробиться к нему в кабинет по служебным вопросам. У его приемной всегда толпилась масса пришлых людей.

«Дежурный милиционер уже не в силах был остановить поток желающих попасть к Ельцину. Они в вестибюле проводили митинги, требовали, чтобы их пропустили, кричали, что у нас полицейское государство и прочее. Кончилось тем, что Баталин разрешил создать на первом этаже штаб Ельцина. Выделили огромную комнату, посадили туда человека, чтобы записывал вопросы, с какими приходили к нему».

Вот так травля! Вот так ледниковый период! И обо всем этом докладывалось Горбачеву.

Сохранилась масса воспоминаний журналистов о встречах с Ельциным в это время. Борис Николаевич не отказывал во взаимности никому.

Решил, например, корреспондент иркутской «молодежки» сделать интервью с «народным героем».

«Тупо беру справочник, ищу приемную Госстроя, звоню. Попадаю на его помощника Льва Суханова. Тот говорит: позвони завтра в 14.00. Завтра в 14.00 я оказался в переходе на Пуш-

---

[1] Неотправленное письмо Б. Ельцина Председателю Совета Министров СССР Н. Рыжкову (26 августа 1988 г.)

кинской, кручу диск телефона — автомата. Суханов: «Минуточку». И вдруг на другом конце провода: «Шта-а». Мама дорогая, Сам!?»

А вот рассказ, поведанный журналистом Виталием Москаленко, работавшим тогда в черниговской газете «Деснянская правда»:

«Написал я ему элементарное письмо, и однажды в служебный кабинет ко мне междугородний звонок — звонит помощник Ельцина Лев Евгеньевич Суханов: «Ельцин согласен дать интервью»».

Борису Николаевичу было абсолютно все равно, перед кем выступать. Главное — процесс. Ну, и текущей работы поменьше.

Правда, сколько бы часов не откровенничал он с журналистами, ни слова из этого в печати так и не появлялось. Уж такую роскошь Кремль мог себе еще позволить.

Уже подготовленное к публикации интервью его в «Огоньке» в последний момент было снято по команде ЦК. Не пропустили материал в «Московских новостях»[1].

С одной стороны, кажется совершенно непонятной такая позиция высшего партийного руководства, поскольку отсутствие гласности в отношении всего, что было связанно с Ельциным, било, прежде всего по самому партийному аппарату, объявившему «гласность» в качестве рупора перестройки. С другой стороны, если Ельцин столь неудобен, чего стоило вывести его из ЦК, снять с должности министра и отправить куда подальше, например, послом в какое-нибудь Тринидад и Тобаго.

Нет, дело обстояло куда как хитрее. Горбачев прекрасно знал, что отсутствие информации о «деятельности» Ельцина в открытой печати еще не означало, что она совершенно недоступна для широких народных масс. По стране гулял «самиздат», в котором освещались не только реальные факты из общения Ельцина с журналистами и его многочисленными поклонниками, куда больше там было вымысла и всяческих фальшивок не в пользу партийной элиты и того же Горбачева. Этот придуманный неизвестными доброжелателями «самиздат» и положил начало всенародной популярности Б. Ельцина.

О Ельцине говорили и спорили, и чем меньше люди его знали, тем с большей уверенностью рисовали в своем воображении образ подлинного героя, борца за народное счастье, который восстал против опротивевшей власти. Он нигде не выступал и не появлялся, но незримо присутствовал во всех жарких дискуссиях о том, как нам жить. И когда заходила речь о том, кто может вы-

[1] Цит. по вышеуказанному сочинению А. Хинштейна.

тащить страну из ямы, все чаще стало упоминаться имя Бориса Ельцина. В определенном смысле это был плохой признак — люди восторгались человеком, которого практически не знали, а некоторые никогда не видели. Ельцин стремительно обретал черты мифологического героя. Вот почему на протяжении нескольких лет многие буквально поклонялись ему. Какие бы истории с ним ни приключались, что бы о нем ни рассказывали, его пламенные сторонники не видели пятен на солнце. Это будет удивлять Горбачева: почему люди приветствуют все, сделанное Ельциным, и хают все, что предложено самим Михаилом Сергеевичем?

Ельцин получал потоки писем в свою поддержку. К нему в Москву приезжали люди, которые говорили ему:

— Борис Николаевич, мы на вашей стороне. Держитесь сами, а мы вас в беде не оставим.

Его поклонники были настроены весьма решительно. Они были готовы встать под его знамена.

Летом 1988 года Ельцин отдыхал в Юрмале, в санатории управления делами Совета министров «Рижский залив». Он играл в теннис и бадминтон, плавал. Именно тогда корреспондент курортной газеты «Юрмала» Александр Ольбик и взял у него интервью, которое было опубликовано в этой газете. Это была первая публикация, которая сильно взбодрила Б. Ельцина:

«Мы с вами прорвали зону молчания!» — радостно воскликнул после этого Ельцин, тряся руку журналисту Александру Ольбику.

В кратчайшие сроки интервью это разошлось по всему миру. Только в Союзе его перепечатало 140 (!) изданий. В некоторых регионах тиражи взрывоопасных газет отправлялись под нож. В ГДР, приказом Хонеккера, ввоз журнала «Спутник», его опубликовавшего, был строжайше запрещен, хотя текст являлся довольно безобидным: экспортный вариант по указке ЦК был безжалостно купирован.

«Прорвавший блокаду» репортер Ольбик утверждает, что в «Спутнике» — международном советском пропагандистском журнале — сенсационное интервью было напечатано по команде ЦК КПСС.

«Готовился визит Горбачева в Штаты и наверху было решено: опубликовать в «Спутнике», так как вопросы о демократизации в партии и об отношениях Горбачев — Ельцин были одними из самых тяжелых для советского руководителя».

«Не будь того интервью, — заверяет Ольбик, — не будь того резонанса, не перепечатай его сотни газет, возможно, вернулся бы Ельцин в Госстрой, поработал бы тихонько годик — другой, а

потом, глядишь, и пенсия, огород в шесть соток — и все. Спичка — она маленькая, но если разлито море бензина, то такой может быть пожар!»[1]

Дальше — больше! Медленно, но верно Ельцин включался в большой политический спектакль со своей неизменной ролью народного трибуна.

Перелом произошел, когда Ельцина пригласили на встречу со слушателями московской Высшей комсомольской школы. Это было 12 ноября 1988 года. Ельцин ответил на триста двадцать вопросов. Встреча продолжалась четыре с половиной часа.

Вопросы комсомольцы задавали очень откровенные, ответы они получили — по тем временам — тоже откровенные.

— Почему вы выступаете против спецпайков для, как вы выразились, голодающей номенклатуры?

— Я против элитарности в обществе, у нас не должно быть спецкоммунистов: одни имеют все, а другие ничего... Моя супруга ходит по магазинам, ничего. Едим колбасу, правда, предварительно надо глаза зажмурить.

— Ваша популярность в стране не меньше, чем у Горбачева. Могли бы возглавить партию и государство?

— Когда будут альтернативные выборы, почему бы не попытаться...

Борис Николаевич увидел, какими глазами смотрит на него молодежь, как важно для нее его слово и мнение. Выступление Ельцина Александр Коржаков записал на магнитофон. Потом с этой записи делались копии, распечатывались и распространялись по всей стране, иногда продавались.

Его выступление стало событием — важным для него и неприятным для партийного начальства. Ельцин превратился в заметного человека. Всех интересовало: что с ним? Чем он занят и что собирается делать? Его помощник Лев Суханов вспоминал: «Ельцин, кажется, был в ударе, он держал аудиторию в таком напряжении, что мне порой было за него страшно... Ельцин тогда преследовал еще одну цель: выступая без перерыва, он как бы демонстрировал свое физическое состояние. Ибо ходили слухи о его тяжелой болезни, и он отнюдь не желал быть в глазах людей немощным, вызывающим сострадание политиком»[2].

А вот как сам Ельцин вспоминает о тех знаковых для всей дальнейшей жизни днях:

---

[1] Цит. по: *А. Хинштейн.* Ельцин. Кремль. История болезни. М.: «Олма Медиа Групп». 2008. С. 137—138.

[2] Цит. по: *Л. Млечин*. Борис Ельцин. Послесловие. М.: «Центрполиграф», 2007. С. 100.

«Да, жизнь изгнанника... И все-таки это была не жизнь на острове. Это был полуостров, и соединяла мой остров с материком небольшая дорожка. Это была людская дорожка, дорожка верных, преданных друзей, многих москвичей, свердловчан, да и людей со всей страны. И их не беспокоило, что их заподозрят в контактах со мной...

Пресса к моему имени проявляла постоянный интерес, за каждое интервью меня обязательно упрекали, поскольку я старался говорить правду. Я не хотел чего-либо скрывать, где-то что-то умалчивать, встречаясь с западными журналистами. Десятилетиями нам все время внушалось, что западная пресса только обманывает, только лжет — делает все, чтобы написать про нас гадости и вранье. На самом деле представителей серьезной западной журналистики чаще всего отличает компетентность, глубокий профессионализм, безукоризненное следование журналистской этике, я не говорю про «желтую» прессу, с ней, к сожалению, мне тоже пришлось повстречаться.

Я достаточно спокойно, философски, относился к тому, что наша пресса обходит меня вниманием: я знал, журналисты тут ни при чем. Я видел, наоборот, как газетчики пытались пробить материалы через свое руководство, где было бы хоть слово обо мне или маленький абзац. Но материалы эти все равно из номера снимались, а журналисты нередко шли на серьезные конфликты. Но были и другие статьи — злые, несправедливые…

Несмотря на опалу и, по сути, политическую ссылку, меня пригласили в Высшую комсомольскую школу — встретиться со слушателями, молодыми ребятами и девчатами. Пробивали они это очень тяжело. Первым проявил инициативу Юрий Раптанов, секретарь комитета комсомола ВКШ, его поддержали почти все учащиеся, кстати, большинство коммунисты, ребята очень зрелые, умные, энергичные.

Сначала секретарь комитета пришел к ректору. Тот замахал руками: «Ты что, Ельцина приглашать?!» Но Юра стал настаивать, обратился в партком. Секретарь парткома был настроен несколько иначе, более прогрессивно, что ли, он предложил: давайте обсудим этот вопрос на парткоме. И там решили пригласить Ельцина на встречу. Ректор, видя, что все голосуют «за», и понимая, что если он один скажет «против», то ему трудно будет работать в этом коллективе, тоже проголосовал «за». Студенты позвонили мне, и мы договорились о дне и времени встречи. Конечно, все об этом узнали, и прежде всего в ЦК ВЛКСМ, мне сообщили, что будто первый секретарь ЦК комсомола В. Мироненко два раза приезжал в ВКШ, чтобы не допустить этой встречи. Тем не менее ребята не послушали его.

Я уже знал, что встреча будет острой. Так оно и получилось. Сначала я сделал вступление — изложил взгляд на отдельные вопросы политики, экономики, социальной сферы, рассказал о процессах, происходящих в партии. Оно сразу определило остроту дальнейших вопросов и ответов. Принцип у меня был и остался всегда такой: отвечать на самые-самые неудобные вопросы. Ну, и пошли записки острые, сложные, иногда обидные, трудные, всякие... Были вопросы и личностного характера, и обо мне, и о Горбачеве, и о других членах Политбюро и секретарях ЦК — я тоже на них отвечал. Даже на вопрос: «Какие недостатки у товарища Горбачева», что по тем временам и представить себе было невозможно. Встреча длилась около пяти часов. Все эти пять часов я выстоял на трибуне. Реакция у слушателей была бурная, потом фрагменты этой встречи были опубликованы в газете ВКШ — конечно, в изложении, — коротко, но острее, выше, чем находилась планка гласности в тот момент в целом в средствах информации. Конечно, все пять часов были записаны кем надо.» — Встреча с комсомольцами была для Б. Ельцина знаковой еще вот с какой стороны. Очевидно, М.С. Горбачев положительно оценил результаты этой встречи, поскольку между ним и Ельциным состоялся интересный обмен репликами. Впрочем, об этом лучше всего расскажет сам Ельцин:

«С Горбачевым мы не встречались и не разговаривали. Один раз только столкнулись в перерыве работы пленума ЦК партии. Он шел по проходу, а я стоял рядом, так что пройти мимо меня и не заметить было нельзя. Он остановился, повернулся ко мне, сделал шаг: «Здравствуйте, Борис Николаевич». Я решил поддерживать тональность, которая будет у него. Ответил: «Здравствуйте, Михаил Сергеевич»… Горбачев спросил: «Что, с комсомольцами встречался?» Я говорю: «Да, была встреча, и очень бурная, интересная». — «Но ты там критиковал нас, говорил, что мы недостаточно занимаемся комсомолом?..» Я говорю: «Не совсем точно вам передали. Я говорил не «недостаточно», я говорил, «плохо» занимаются».

Он постоял, видимо, не нашел, что ответить. Несколько шагов мы прошли рядом. Я сказал ему, что вообще, наверное, надо бы встретиться, появляются вопросы... Он ответил: «Пожалуй, да». Ну, и все. Я считал, что, конечно, инициатива должна идти от него. На этом наш разговор закончился.

Вот за полтора года, пожалуй, единственный случай, больше мы не разговаривали, не встречались. И все-таки я чувствовал, лед тронулся. Мое заточение подходит к концу. Начинается какое-то новое время, совершенно неизведанное, непривычное. И в этом времени пора находить себя»[1].

---

[1] *Б. Ельцин.* Исповедь на заданную тему. Ассоциация уральских издателей. 1990. С. 181—185.

Прямо скажем, немногословная встреча! Но эти несколько реплик являются красноречивым доказательством верности точки зрения тех исследователей, которые утверждают, что Горбачев заключил полтора года назад негласный договор с Ельциным: «Ты помоги мне разогнать это старичье, выступи с острой критикой. Не идет перестройка, надо что-то делать. Да, тебе попадет, но терпи, я помогу, отблагодарю»[1]. И вот первые признаки благодарности и признания того факта, что Генеральный секретарь «допускает Ельцина к большой политике». Подтверждением тому является участие Б. Ельцина в работе XIX партийной конференции, состоявшейся летом 1988 года.

3.2. «Борис, ты не прав!»

Ты обладаешь энергией, но твоя энергия не созидательная, а разрушительная.

Е.К. Лигачев

Сейчас немногие вспомнят, для чего она собиралась и что именно она решила. Но с партийной конференции началось пробуждение политической активности в стране. И выдвижение делегатов на партконференцию было первой попыткой изменить советскую процедуру выборов.

В прежние времена и в делегаты, и в депутаты назначало начальство. Кого в ЦК утвердят, тот и будет. Весной 1988-го уже было иначе. Конечно, система выборов делегатов была не очень демократической. Все партийные организации могли выдвинуть своих кандидатов, но реальный отбор проходил на пленумах партийных комитетов, которые отсеивали неугодных.

Тем не менее некоторое количество известных своими демократическими убеждениями людей все-таки были избраны.

Борис Ельцин поставил перед собой задачу во что бы то ни стало добиться избрания делегатом XIX партийной конференции и выступить на ней. Это и было бы началом возвращения в политику. Он мечтал только об этом.

Кандидатом в делегаты его выдвинуло множество партийных организаций, но начальство имело полную возможность не пустить его на конференцию. Однако Горбачев понимал, что делать этого никак нельзя. Не дать Ельцину мандата — значит

---

[1] Цит. по: *В. Андриянов, А. Черняк*. Одинокий царь в Кремле. М.: «Правда». 1999, Т. 1. С. 129.

показать, что никакой демократизации в партии не происходит. Этого Михаил Сергеевич никак не хотел. И избрание Ельцина делегатом XIX — Всесоюзной партконференции, вне всякого сомнения, произошло с его ведома. При этом Генсек даже закрыл глаза на грубейшие нарушения процедуры избрания.

На партийном учете Ельцин стоял в Москве. Однако столичные коммунисты отказались доверять ему делегатский мандат.

Не прошла и попытка выдвинуть его от родного Свердловска, хотя кандидатуру бывшего вожака активно поддерживали крупнейшие уральские предприятия — Уралмаш, Верх-Исетский и Электромеханический заводы.

«Систему придумали такую, — возмущенно пишет Ельцин, — партийные организации выдвигают множество кандидатур, затем этот список попадает в райком партии, там его просеивают; затем в горком партии, там просеивают еще раз, наконец, в обком или ЦК компартии республики. В узком кругу оставляли лишь тех, кто, в представлении аппарата, не подведет на конференции, будет выступать и голосовать так, как надо. Эта система действовала идеально, и фамилия Ельцин пропадала еще на подступах к главным верхам»[1].

Возможно, так оно и было. Но тогда тем более не понятно, как ЦК пропустил его в делегаты от…Карелии, ведь даже чисто формально это было нарушением всех правил. К Карелии он имел отношение не больше, чем к островам Зеленого Мыса.

Горбачев, похоже, рассуждал иначе. Ничего, что нарушен процедура, просмотрели, мол, где эта она Карелия! Зато карельские делегаты сидели на балконе, то есть, чем дальше будет Ельцин от трибуны, тем спокойнее для Горбачева. Вряд ли кто заподозрит его в том, что «революционное» выступление Ельцина на партконференции было согласовано и тщательно подготовлено.

Однако в изложении Льва Суханова, непосвященного в тонкости истинных причин включения Ельцина в карельскую делегацию, это якобы был такой дьявольский план, который придумали «манипуляторы от аппарата». Игнорировать Ельцина, как члена ЦК, они не могли, вот и включили его в карельскую делегацию, потому как ее «планировали «поднять» на балкон — своего рода Камчатку, прорваться с которой к трибуне, минуя многочисленные кордоны КГБ, было почти нереальным делом». Однако последующие события совершенно не укладываются, мало того, противоречат выкладкам Суханова.

---

[1] *Б. Ельцин.* Исповедь на заданную тему. Ассоциация уральских издателей. 1990. С. 191—192

Надо сказать, что XIX партконференция должна была стать знаковым, переломным событием. Своего рода этапом.

Ее планировали транслировать в прямом эфире на всю страну. А значит, любое острое выступление автоматически стало бы достоянием гласности. К моменту открытия партконференции страна уже знала, что Ельцин входит в число делегатов и с замиранием сердца миллионы телезрителей ожидали его выступления.

К конференции Ельцин готовился серьезно. Свою будущую речь, как уверяет Суханов, он переписывал пятнадцать (!) раз, неизменно обкатывая каждый новый вариант на благодарных слушателях — родных и помощниках. Пять или шесть ночей он вовсе не спал: волновался.

28 июня Кремлевский дворец съездов был переполнен. Ельцина, не стесняясь, разглядывали — кто в упор, кто со стороны — как заморскую, диковинную зверушку. Со времен пленума Московского горкома — уже почти полгода — на люди он не выходил.

Как разворачивались дальнейшие события, прекрасно описаны в вышеупомянутой книге А. Хинштейна, и поэтому предоставим ему слово. Однако при этом напомним, что А. Хинштейн был яростным противником гипотезы «тайного сговора» между Ельциным и Горбачевым, согласно которому Ельцин выступил со своей «разоблачительной» речью на Октябрьском (1987 г.) Пленуме ЦК КПСС. Что заставило его изменить на 180 градусов свою точку зрения, А. Хинштейн не поясняет.

«Вместе с карельскими товарищами посадили его на галерку. Впрочем, это была единственная деталь, которая совпадает с заговорщицкой версией Суханова. Все остальное — уже от лукавого.

По регламенту выступление Ельцина запланировано не было. Да и с какого перепугу должно оно было там появиться; обычного рядового делегата — одного из тысяч? Доклады делали далеко не все, даже члены Политбюро.

Но Ельцину очень нужно прорваться на трибуну. Это его последний, быть может, шанс вернуться в большую политику. И он пишет в президиум записку за запиской: дайте слово.

Реакция на них — нулевая. И тогда в заключительный день конференции, 1 июля, Борис Николаевич решается на откровенный демарш. Зажав в руке делегатский мандат — точно знамя над рейхстагом — он спускается вниз, прямиком к трибуне. Сотни вспышек фотокамер сопровождают его триумфальный марш-бросок.

Но где же те самые «многочисленные кордоны КГБ», о которых беспокоился Суханов? Ау?

Да в том-то и штука, что никаких «кордонов» не было. Точнее, охрана, конечно, по углам стояла, но распространялась исключи-

тельно на журналистов и обслугу. Чисто технически было невозможно спеленать делегата на глазах у многотысячного зала, под стрекот видеокамер и щелканье фотоаппаратов.

Негнущейся походкой Ельцин приближается к Горбачеву. («Трибуну брал как Зимний», — не без юмора скажет он потом.) Зал замирает. Вещающий что-то оратор — секретарь Ростовского обкома Володин — прерывается на полуслове. И в этой мгновенно образовавшейся тишине раздается сиплый ельцинский голос: «Я требую дать слово для выступления. Или ставьте вопрос на голосование всей конференции».

И генсек — странное дело! — согласно кивает.

Медицинский диагноз

«Истерический синдром чаще всего возникает в экстремальных или конфликтных ситуациях. Благодаря своей живости и экспрессивности люди с истерическим расстройством легко устанавливают отношения с окружающими. Их эмоции выглядят преувеличенными и направлены исключительно на привлечение к себе внимания».

«Пригласи Бориса Николаевича в комнату президиума, — велит Горбачев своему помощнику Болдину, — и скажи, что я дам ему слово, но пусть он присядет, а не стоит перед трибуной».

Однако Ельцин в заднюю комнату идти отказывается. Он бесцеремонно усаживается в первый ряд и принимается терпеливо ждать. Вскоре его приглашают на сцену.

Ну, и где здесь зловещий заговор? Куда улетучились хитроумные интриги «манипуляторов от аппарата»?

Можно подумать, Горбачев не понимал, чем закончится выдвижение Ельцина делегатом конференции. Разумеется, понимал. Ждать от Бориса Николаевича послушания и непротивления — было бы форменной глупостью.

Зачем же тогда пустили его в зал? Зачем предоставили слово?

А как не предоставить — возражают в ответ оппоненты. Иначе, мол, неминуемо возник бы публичный скандал.

Полноте. Во-первых, скандала можно было избежать изначально. Не включать его в список делегатов, вывести из состава ЦК — и дело с концом.

А во-вторых, такой опытный аппаратчик, как Горбачев, даже в этих условиях вполне способен был обвести Ельцина вокруг пальца.

Пообещали бы ему слово в самом конце. А потом — не дали бы. Забыли. Проморгали. Для наглядности какого-нибудь клерка

еще б и уволили — за нанесенную члену ЦК непоправимую обиду, но после. Когда страсти уже б улеглись.

Или же, идя навстречу его пожеланиям, вынесли бы вопрос о предоставлении трибуны на всеобщее голосование. Результат можно было предсказать заранее.

Более того. Еще заранее Горбачев отлично знал, что Ельцин полезет на трибуну.

Уже потом, после августовского путча, выяснится, что Ельцин неустанно находился под колпаком КГБ. За ним велась негласная слежка, его телефоны прослушивались, а госстроевский кабинет был напичкан «жучками».

(«Многое из того, что мы обсуждали в его кабинете, — пишет помощник Суханов, — тут же становилось достоянием «гласности». У нас не было сомнений, что находимся в пределах досягаемости «большого уха»«.)

Если учесть, что свой доклад Ельцин обкатывал на помощниках в кабинете пятнадцать раз — после каждой последующей правки — даже текст готовящегося выступления должен был быть известен наверху.

Секретарь московского горкома Юрий Прокофьев утверждает, что вечером, накануне последнего заседания ему позвонил домой второй секретарь МГК Юрий Беляков и сказал, что предполагается выступление Ельцина, и он, Беляков, «просит меня выступить против него».

То есть никакого «штурма Зимнего» и в помине не было. Напротив, Политбюро заведомо было готово к этому марш-броску.

Но вместо этого Бориса Николаевича любезно зовут к микрофону, и даже ставят перед ним чай в подстаканнике.

Первым делом Ельцин решает расставить акценты и отыграть назад прежние ошибки. Повод для этого представился отменный. Как раз накануне один из делегатов, начальник отделения аэрогидродинамического института Загайнов довольно резко прошелся по его персоне, возмутившись, почему это Ельцин дает интервью западным журналистам, а не советской печати? Еще Загайнов коснулся истории с МГК, сказав, что «невразумительное покаяние на пленуме Московского горкома не прояснило его позиции».

«Нам хотелось бы услышать его объяснения на конференции», — от имени рядовых коммунистов объявил он. Вот уж верно — не буди лиха, пока оно тихо.

Ельцин с радостью эти объяснения дает. Он громогласно объявляет, что его интервью в советских изданиях не пропускает цензура, вот и приходится общаться с иностранными корреспондентами.

Что же касается «нечленораздельного» выступления на расстрельном пленуме горкома, то был он «тяжело болен, прикован к кровати», врачи «накачали лекарствами», «и на этом пленуме я сидел, но что-то ощущать не мог, а говорить практически тем более».

Покончив со вступлением, Борис Николаевич переходит, собственно, к основной части доклада — той, что писана-переписана 15 раз.

Он вновь в своем привычном обличительно — прокурорском амплуа. Зал цепенеет, слушая его эскапады, время от времени взрываясь аплодисментами.

Ельцин говорит, что аппарат ЦК не перестроился, партия отстает от народа. Выборы руководителей, в том числе секретарей ЦК и генсека, должны быть всеобщими, прямыми и тайными, с четким ограничением возраста — до 65 лет — причем с уходом генерального, должно меняться и все Политбюро.

Под гул аплодисментов он предлагает незамедлительно избавиться от старого балласта, «доголосовавшегося до пятой звезды и кризиса общества», в разы сократить аппарат, ликвидировав, в частности, отраслевые отделы ЦК. Партия обязана стать открытой, с прозрачным бюджетом и свободой мнений.

Особый ажиотаж вызвали его обвинения в тотальной коррупции и чрезмерности привилегий большевистской верхушки — «если чего-то не хватает у нас, в социалистическом обществе, то нехватку должен ощущать в равной степени каждый без исключения».

«За 70 лет мы не решили главных вопросов, — бросает Ельцин, — накормить и одеть народ, обеспечить сферу услуг, решить социальные вопросы».

В эти минуты к экранам телевизоров, к динамикам радиоприемников прильнули миллионы людей. Ельцин говорил ровно то, о чем думал практически каждый, только публично не решался признать.

Это был истинный его звездный час, и он сам, почувствовав это, решил напоследок поставить эффектную точку.

«ЕЛЬЦИН: Товарищи делегаты! Щепетильный вопрос. Я хотел обратиться только по вопросу политической реабилитации меня лично после октябрьского пленума ЦК».

В зале поднимается шум, и Борис Николаевич, как профессиональный оратор, делает изысканный ход.

«Если вы считаете, что время уже не позволяет, тогда все», — разводит он руками и собирается как бы сойти с трибуны, но в дело вмешивается Горбачев.

«ГОРБАЧЕВ: Борис Николаевич, говори, просят. (Аплодисменты.) Я думаю, давайте мы с дела Ельцина снимем тайну. Пусть все, что считает Борис Николаевич сказать, скажет. А если что у нас с вами появится, тоже можно сказать. Пожалуйста, Борис Николаевич».

Генсек мало чем рисковал. Опыт октябрьского пленума и горкомовского аутодафе показывал, что по первому же мановению его руки сотни политически чутких партийцев рванут на трибуну и вновь начнут втаптывать ослушника в грязь. Каждое сказанное Ельциным слово легко может быть использовано против него. И Михаил Сергеевич, в добродушной манере, делает широкий, радушный жест.

В своей короткой, эмоциональной речи Ельцин просит отменить решение октябрьского пленума, в котором выступление его признавалось ошибочным.

Куда девалась прежняя его покаянная робость. Теперь он заявляет, что все сказанное им в октябре подтверждается самой жизнью. Единственной своей ошибкой Ельцин называет лишь момент выступления — канун 70-летия Октября. То есть претензии могут быть исключительно к форме, но никак не к содержанию.

«Это будет в духе перестройки, — восклицает Ельцин, — это будет демократично и, как мне кажется, поможет ей, добавив уверенности людям».

Эвон как! Получается, речь идет не о частном случае, не о конкретном выступлении и отдельно взятом партийце: о судьбе перестройки в целом. Перефразируя Людовика XIV, Борис Николаевич вполне мог бы добавить: «Перестройка — это я».

Медицинский диагноз.

Маниакальный синдром характеризуется повышенным настроением, сочетающимся с необоснованным оптимизмом, ускоренным мышлением и чрезмерным подъемом активности. Наряду с многоречивостью отмечается переоценка собственных возможностей.

С трибуны Ельцина провожали аплодисментами. В перерыве многие подходили к нему, жали руки, выражали поддержку»[1]. А вот как сам Б. Ельцин описывает этот «исторический» эпизод, случившийся в заключительный день партконференции:

«Я подготовился к выступлению достаточно боевому. В нем решил поставить вопрос о своей политической реабилитации.

Позже, когда XIX конференция закончилась и на меня обрушился шквал писем с поддержкой в мой адрес, многие авторы

---

[1] Цит. по: *А. Хинштейн*. Ельцин. Кремль. История болезни. М.: «Олма Медиа Групп». 2008. С. 141—146.

ставили мне в упрек единственное обстоятельство: зачем я у партконференции просил политической реабилитации? «Что, вы не знали, — спрашивали меня, — кто в большинстве своем избран на конференцию, как проходили выборы на нее? Разве можно было этих людей о чем-то просить?» «И вообще, — писал один инженер, кажется из Ленинграда, — еще Воланд в «Мастере и Маргарите» у Булгакова говорил: никогда ни у кого ничего не просите... А вы забыли это святое правило».

И все-таки я считаю, что был прав, ставя этот вопрос перед делегатами. Важно было обозначить свою позицию и сказать вслух, что решение октябрьского пленума ЦК, признавшее мое выступление политически ошибочным, само по себе является политической ошибкой и должно быть отменено. Больших иллюзий, что это произойдет, у меня не было, но все же я надеялся.

В конце концов настоящая народная реабилитация произошла. На выборах в народные депутаты за меня проголосовало почти 90 процентов москвичей, и ничего не может быть дороже этой, самой главной реабилитации... Решение октябрьского пленума может быть отменено или нет — значения это уже не имеет. Мне кажется, гораздо важнее это теперь для самого Горбачева и ЦК.

Но, впрочем, я забежал вперед. Пока еще надо было добиться права на выступление. Я понимал: будет сделано все, чтобы меня на трибуну не пустить. Те, кто готовил партконференцию, четко представляли, что это будет очень критическое выступление, и им все это слушать не хотелось.

Так оно и получилось. День, два, три, четыре, идет уже последний день конференции. Я все обдумывал, как же быть — как же выступить? Список большой, из этого списка, конечно, всегда найдется тот, кому безопасно предоставить слово, лишь бы не дать его мне. Посылаю одну записку — без ответа, посылаю вторую записку — то же самое. Ну что ж, тогда я решил брать трибуну штурмом. Особенно после того, как буквально минут за сорок до перерыва председательствующий объявил, что после обеда конференция перейдет к принятию резолюций и решений. Когда я услышал, что моей фамилии в этом списке нет, решился на крайний шаг. Обратился к нашей карельской делегации. Говорю: «Товарищи, у меня выход один — надо штурмом брать трибуну». Согласились. И я пошел по длинной лестнице вниз, к дверям, которые ведут прямо в проход к трибуне, и попросил ребят-чекистов открыть дверь. А сотрудники КГБ относились ко мне, в основном, надо сказать, неплохо, — они распахнули обе створки дверей, я вытащил свой красный мандат, поднял его над головой и твердым шагом пошел по этому длинному проходу, прямо к президиуму.

Когда я дошел до середины огромного Дворца, зал все понял. Президиум — тоже. Выступающий, по-моему, из Таджикистана, перестал говорить. В общем, установилась мертвая, жуткая тишина. И в этой тишине, с вытянутой вверх рукой, с красным мандатом, я шел прямо вперед, глядя в глаза Горбачеву. Каждый шаг отдавался в душе. Я чувствовал дыхание пяти с лишним тысяч человек, устремленные со всех сторон на меня взгляды. Дошел до президиума, поднялся на три ступеньки, подошел к Горбачеву с мандатом в руке и, глядя ему в глаза, твердым голосом сказал: «Я требую дать слово для выступления. Или ставьте вопрос на голосование всей конференции». Какое-то минутное замешательство, а я стою. Наконец он проговорил: «Сядьте в первый ряд». Ну что ж, я сел в первый ряд, рядом с трибуной. Вижу, как члены Политбюро стали советоваться между собой, шептаться, потом Горбачев подозвал заведующего общим отделом ЦК, они тоже пошептались, тот удалился, после чего ко мне подходит его работник, говорит: «Борис Николаевич, вас просят в комнату президиума, с вами там хотят поговорить». Я спрашиваю: «Кто хочет со мной поговорить?» — «Не знаю». Говорю: «Нет, меня этот вариант не устраивает. Я буду сидеть здесь». Он ушел. Снова заведующий общим отделом перешептывается с президиумом, снова какое-то нервное движение. Снова ко мне подходит сотрудник и говорит, что сейчас ко мне выйдет кто-нибудь из руководителей.

Я понимал, что из зала мне выходить нельзя. Если я выйду, то двери мне еще раз уже не откроют. Говорю: «Что ж, я пойду, но буду смотреть, кто выйдет из президиума». Тихонько иду по проходу, а мне с первых рядов шепотом говорят, — нет, не выходите из зала. Не дойдя метров трех-четырех до выхода, остановился, смотрю в президиум. Рядом со мной расположилась группа журналистов, они тоже говорят: «Борис Николаевич, из зала не выходите!» Да я сам понимал, что из зала выходить действительно нельзя. Из президиума никто не поднялся. Выступающий продолжил свою речь. Ко мне подходит тот же товарищ и говорит, что Михаил Сергеевич обещает дать слово, но надо вернуться к карельской делегации. Я понял, что пока дойду туда, пока вернусь обратно, прения свернут и слова мне не дадут. Поэтому ответил — нет, я у делегации отпросился, поэтому назад не вернусь, а вот место в первом ряду — оно мне нравится. Резко повернулся и сел опять в центр, у прохода, прямо напротив Горбачева.

Собирался ли он меня действительно пустить на трибуну или уже потом пришел к выводу, что для него будет проигрышем, если он поставит вопрос на голосование и зал выступит за то, чтобы дать мне слово? Трудно сказать. В итоге он объявил мое выступ-

ление и добавил, что после перерыва перейдем к принятию резолюций.

Я потом пытался проигрывать варианты: а если бы чекисты не открыли дверь, или все же президиуму удалось бы уговорить меня выйти из зала, или Горбачев своим нажимом и авторитетом убедил бы зал прекратить прения, что тогда? Почему-то у меня до сих пор есть твердая уверенность, что я все равно бы выступил. Наверное, тогда я бы напрямую апеллировал к делегатам конференции, и слово они бы мне дали. Даже те, кто относился ко мне плохо, с подозрением или с осуждением, даже им было интересно, что я скажу. Я чувствовал настроение зала и как-то был уверен, что слово мне дадут.

Я вышел на трибуну. Наступила мертвая, почти гнетущая тишина. Начал говорить»[1].

«Я выступил. В какой-то степени сказалось сильнейшее напряжение, но тем не менее, мне кажется, я справился с собой, со своим волнением, и все, что хотел и должен был сказать, сказал. Реакция была хорошей, по крайней мере, аплодировали до тех пор, пока я не вышел из зала и отправился наверх, на балкон, к карельской делегации. В это время объявили перерыв, моя делегация проявила ко мне теплое внимание, кто-то улыбкой, кто-то пожатием руки пытался меня поддержать. Я был возбужден, находился в напряжении, вышел на улицу, меня обступили и делегаты, и журналисты, задали массу вопросов.

Ничего не подозревая, после перерыва я сел со своей делегацией. Сейчас по регламенту начнется принятие резолюций, других решений конференции. Но, оказывается, перерыв был использован для того, чтобы подготовить контрудар по мне и по моему выступлению.

Запоминающейся была речь Лигачева. Она разойдется потом по анекдотам, репризам, спектаклям, сатирическим рисункам и т. д. В опубликованной стенограмме его речь даже вынуждены были поправить, уж слишком бездарно выглядел главный идеолог страны. Каких только ярлыков он на меня не повесил, чего он только про меня не насочинял, несмотря на все его бурные старания, это было мелко, пошло, бескультурно.

Мне кажется, именно после этого выступления успешно подошла к концу его политическая карьера. Он сам себе нанес такой сокрушительный удар, что оправиться от него уже не сможет никогда. Ему надо было бы после партконференции подать в отставку,

---

[1] *Б. Ельцин.* Исповедь на заданную тему. Ассоциация уральских издателей. 1990. С. 195—198.

но ему не хочется. Не хочется, но все равно придется. Деваться ему, с тех пор вызывающему у многих нервный смех, некуда.

Следующее выступление. Лукин. Молодой первый секретарь Пролетарского райкома партии г. Москвы. Он старательно выливал на меня грязь, выполняя почетное задание начальства. Я потом о нем часто думал — как же он будет дальше жить со своей совестью?.. А в конце концов решил, что жить он со своей совестью будет замечательно, она у него закаленная. Эти молодые карьеристы, поднимаясь наверх, столько разного успевают налгать, наворотить, что лучше про совесть тут вообще не упоминать.

Чикирев. Директор завода имени Орджоникидзе. Это он сочинил историю про первого секретаря, который из-за меня будто бы бросился с седьмого этажа, кроме этого он еще много чего наговорил. Я это слушал и не мог понять — страшный сон это или явь. Я был у него на заводе, однажды даже целый день провел там вместе с министром Паничевым. Как всегда, побывал и в столовой, и в бытовках, и в конце встречи высказал замечания, он вроде бы согласился. И вдруг тут понес такое, что пересказать просто невозможно, лгал, передергивал факты.

Совершенно неожиданно для всех, испортив запланированный сценарий, на трибуну вышел свердловчанин В. А. Волков и сказал добрые слова в мой адрес. До этого я Волкова никогда не знал.

Его импульсивное, искреннее выступление — это естественная человеческая реакция на воинствующую несправедливость. Но испуганный первый секретарь Свердловского обкома партии Бобыкин через несколько минут отправил записку в президиум. Я ее процитирую: «Делегация Свердловской областной партийной организации полностью поддерживает решения октябрьского (1987 г.) Пленума ЦК КПСС по товарищу Ельцину. Товарища Волкова никто не уполномочивал выступать от имени делегатов. Его выступление получило полное осуждение. От имени делегации — первый секретарь обкома партии Бобыкин». Но с делегацией-то он не советовался.

В заключение Горбачев тоже немало сказал в мой адрес. Но все-таки не так базарно и разнузданно.

Все, кто был рядом, боялись даже повернуться ко мне. Я сидел неподвижно, глядя на трибуну сверху с балкона. Казалось, вот-вот я потеряю сознание от всего этого… Видя мое состояние, ко мне подбежали ребята, дежурившие на этаже, отвели к врачу, там сделали укол, чтобы я все-таки смог выдержать, досидеть до конца партконференции. Я вернулся, но это было и физическое, и моральное мучение, все внутри горело, плыло перед глазами...

Трудно я пережил все это. Очень трудно. Не спал две ночи подряд, переживал, думал — в чем дело, кто прав, кто не прав?.. Мне казалось, все кончено. Оправдываться мне негде, да я бы и не стал. Заседание XIX конференции Центральное телевидение транслировало на всю страну. Отмыться от грязи, которой меня облили, мне не удастся. Я чувствовал: они довольны, они избили меня, они победили. В тот момент у меня наступило какое-то состояние апатии. Не хотелось ни борьбы, ни объяснений, ничего, только бы все забыть, лишь бы меня оставили в покое.

А потом вдруг в Госстрой, где я работал, пошли телеграммы, письма. И не десять, не сто, а мешками, тысячами. Со всей страны, из самых дальних уголков. Это была какая-то фантастическая всенародная поддержка. Мне предлагали мед, травы, малиновое варенье, массаж и т. д. и т. д., чтобы я подлечил себя и больше никогда не болел. Мне советовали не обращать внимания на глупости, которые про меня наговорили, поскольку все равно в них никто не верит. От меня требовали не раскисать, а продолжать борьбу за перестройку.

Столько трогательных, добрых, теплых писем я получил от совершенно незнакомых мне людей, что мне все не верилось, и я спрашивал себя, откуда это, почему, за что?..

Хотя, конечно, понимал, откуда эти искренние чувства. Наш натерпевшийся народ не мог спокойно и без сострадания смотреть, как над человеком издевались. Людей возмутила явная, откровенная несправедливость. Они присылали эти светлые письма и тем самым протянули мне свои руки, и я смог опереться на них и встать.

Я смог идти дальше»[1].

Итак, повторилась история восьмимесячной давности. Также, как и на Октябрьском Пленуме 1987 года Ельцину была устроена публичная, показательная партийная порка. Выходившие к трибуне партконференции делегаты вновь клеймили его позором, требовали призвать к ответственности завравшегося волюнтариста.

Сразу же после выступления Ельцина был объявлен перерыв. Но вот перерыв окончен. По регламенту конференция должна была перейти к принятию документов, но М. Горбачев, отметив, что работа конференции продолжается, предоставил слово первому секретарю Татарского обкома КПСС Г. Усманову. Тот сразу же заявил, что он должен коснуться вопросов, которые поднял в своем выступлении Ельцин и, в частности, сказал:

---

[1] *Б. Ельцин.* Исповедь на заданную тему. Ассоциация уральских издателей. 1990. С. 208—211.

«Все-таки на двух моментах из первой части выступления товарища Ельцина я хотел бы остановиться. Что касается его выступления на Октябрьском (1987 г.) Пленуме ЦК КПСС, он полностью вмонтировал его в сегодняшнее свое выступление. Что касается второй части выступления товарища Ельцина, его политической реабилитации. Здесь присутствуют все члены ЦК, которые принимали участие в работе Октябрьского Пленума. Борис Николаевич сказал здесь, что единственную ошибку он допустил, выступив тогда не вовремя.

Давайте посмотрим: так ли это? Думается, время тогда он выбрал не случайно. Он не только выступил, но и заявил, что не согласен с темпами проводимой работы по перестройке, попросил отставку. Тогда Михаил Сергеевич обратился к нему и по-отечески тепло сказал: «Борис, мол, возьми свои слова обратно, соберись с силами и продолжай возглавлять очень большую авторитетную Московскую партийную организацию». Но Борис Николаевич категорически отказался. И, как вы знаете, Московская партийная организация вынесла свое решение по этому вопросу. У нас нет основания не доверять такой авторитетной столичной партийной организации. Тем более что Ельцин своими действиями и поступками не работает на авторитет партии и нашей страны, направо-налево раздавая различным иностранным агентствам свои интервью. Его печатают, он работает на свой авторитет.

Поэтому от имени нашей делегации я не поддерживаю просьбу о его политической реабилитации. Ведь, где бы мы ни работали, есть у нас еще одна серьезнейшая обязанность: всемерно укреплять единство и сплоченность нашей партии — залог успеха, нашу цементирующую силу».

Следующим вышел на трибуну председатель ВЦСПС С. Шалаев. Он долго мусолил о профсоюзах, утомил всех и только хотел было перейти к выступлению Ельцина, как ему напомнили о регламенте — пришлось покинуть трибуну.

Учитывая это, первый секретарь ЦК Компартии Эстонии В. Вяляс сразу начал излагать свое «сугубо личное мнение по поводу выступления Бориса Николаевича Ельцина». Ему вспомнилась поездка в Никарагуа в составе делегации Верховного Совета СССР, которую возглавлял опальный секретарь

«Выступая на текстильном комбинате (плохой еще текстильный комбинат, мы помогаем строить) перед рабочими, может быть, по недомыслию, может быть, по усталости, он допустил фразу: «Что вы, работать не хотите? Без штанов ходите». Увы, это передало телевидение. А рядом был переводчик, который переводил все верно. Больно, потому что действительно в Никарагуа есть ребята, у кого нет еще одежды. Нет одежды.

Я думаю, наш партийный форум спокойно, по-партийному, принципиально решает проблемы, для этого у нас есть партийная мудрость, есть выдержка. Но я говорю: человек, который выступает перед высоким партийным форумом, должен иметь для этого партийную совесть».

Конечно же, все ждали, что скажет Егор Лигачев. Ждал этого выступления и Ельцин. Он видел, как Егор Кузьмич, сидя в президиуме, торопливо набрасывал тезисы своей будущей речи. Потом это выступление будет ходить по рукам, а фраза «Борис, ты не прав» станет афоризмом. Но все это будет потом. А пока Горбачев предоставляет слово товарищу Лигачеву — члену Политбюро ЦК КПСС, секретарю ЦК КПСС.

Самую яркую речь произнес, несомненно, злейший враг Ельцина — Егор Кузьмич Лигачев. Фраза, брошенная им тогда, навсегда осталась в истории, превратилась в идиому — «Борис, ты не прав!».

Именно так — Борис — не по имени-отчеству или по фамилии, обращался Лигачев к своему визави. В принципе, возраст это ему позволял — он был старше Ельцина на одиннадцать лет — но подобное колхозное панибратство сразу же вызвало у людей отторжение.

Между прочим, в официальной стенограмме знаменитой фразы этой не значится. Но многие свидетели уверяют, что выступление Лигачева было настолько эмоциональным, что стенограмму пришлось тщательно корректировать.

Конечно, по-хорошему, Лигачеву выступать не следовало. Его даже пытались удержать, переубедить. Но Егор Кузьмич был непреклонен.

«Никакими уговорами со стороны членов Политбюро и генсека, всех нас не удалось удержать его от выхода на трибуну, — пишет член Политбюро Вадим Медведев. — Выступление было выдержано в свойственном Лигачеву наступательно-петушином духе, в стиле сложившихся «безотбойных» стереотипов и содержало в себе ряд некорректных замечаний, набившие оскомину ссылки на блестящий томский опыт. В общем, это выступление лишь прибавило очков Ельцину».

Откровенно говоря, ничего нового Лигачев не открыл. Он лишь перечислил, подытожил весь негатив, сказанный о Ельцине за последнее время. В частности, он сказал:

«Быть может, мне труднее, чем кому-либо из руководства, говорить в связи с выступлением Бориса Николаевича Ельцина. И не потому, что шла речь и обо мне. Просто пришла пора рассказать всю правду. Почему трудно говорить? Потому, что я рекомендовал

его в состав Секретариата ЦК, затем в Политбюро. (Впрочем, Егор Кузьмич в другое время брал на себя ответственность за назначение Ельцина зав. отделом ЦК: «Что касается его дальнейшего продвижения, то пусть это берут на себя другие». — *А.К.*). Из чего я исходил? Исходил из того, что Борис Николаевич Ельцин — человек энергичный, имел в ту пору большой опыт в руководстве видной, всеми уважаемой в нашей партии Свердловской областной партийной организацией. Эту организацию я видел в работе, когда приезжал в Свердловск будучи секретарем ЦК...

...Нельзя молчать, потому что коммунист Ельцин встал на неправильный путь. Оказалось, что он обладает не созидательной, а разрушительной энергией. Его оценки процесса перестройки, подходов и методов работы, признанных партией, являются несостоятельными, ошибочными. К такому выводу пришли и Московский городской комитет партии, и Пленум ЦК, на котором он был в добром здравии. На пленумах Московского горкома и ЦК КПСС выступили более 50 человек, и все единогласно приняли вам известное решение...

...Есть в его выступлении разумные предложения. Но в целом оно свидетельствует о том, что он не сделал правильных политических выводов.

Более того, он представил всю нашу политику как сплошную импровизацию...

...ты, Борис, работал 9 лет секретарем обкома и прочно посадил область на талоны. Вот что значит политическая фраза и реальность. Вот что означает расхождение между словом и делом...

...плохо, когда коммунист, член ЦК, не получив поддержку партии, апеллирует к буржуазной прессе. Как из песни слов не выбросишь, так и этот факт сейчас не вычеркнешь. По-видимому, хотелось товарищу Ельцину напомнить о себе, понравиться. О таких людях говорят: никак не могут пройти мимо трибуны. Любишь же ты, Борис, чтоб все флаги к тебе ехали! Слушайте, если без конца заниматься интервью, на другое дело времени и сил не остается.

...находясь в составе Политбюро, присутствуя на его заседаниях, а заседания длятся по 8—9 и 10 часов, почти не принимал никакого участия в обсуждении жизненно важных проблем страны и в принятии решений, которых ждал весь народ. Молчал и выжидал. Чудовищно, но это факт. Разве это означает партийное товарищество, Борис?

...Товарищи, разве можно согласиться с тем, что под флагом восстановления исторической правды зачастую идет ее полное искажение? Разве можно согласиться с тем, что советские люди — это в наших-то печатных изданиях! — представлены как рабы (я

почти цитирую), которых якобы кормили только ложью и демагогией и подвергали жесточайшей эксплуатации?

...В годы застоя я жил и работал в Сибири — краю суровом, но поистине чудесном. Меня нередко спрашивают, что же я делал в то время. С гордостью отвечаю: строил социализм. И таких были миллионы. Было бы предательством, если бы я не сказал о тех, с кем связал свою судьбу, делил радости и горести. Многие из них уже ушли из жизни. Не все сразу получалось. Приходилось доделывать и переделывать, но трудились без оглядки, может быть, потому, что знали: дальше Сибири не пошлют. Трудились, чтобы людям жилось лучше, чтобы государству дать больше и интересы области отстоять.

У партийного работника одна привилегия — быть впереди, драться за политику партии, верой и правдой служить своему народу».

Оттоптавшись вволю на Ельцине, сановный докладчик перекинулся в другую крайность начал славословить генсека и возносить перестройку, чем окончательно проиграл этот бой. Да и всю войну в целом. Отныне имя Егора Кузьмича неразрывно и прочно ассоциировалось с реакционным коммунистическим крылом. Он превратился в фигуру нарицательную, отчасти карикатурную. Престарелый большевик-догматик а-ля Суслов: разве что без калош.

«Он сам себе нанес такой сокрушительный удар, что оправиться от него уже не сможет никогда», — замечал Ельцин.

Как ни странно, из всего состава Политбюро Егор Кузьмич оказался едва ли не единственным политическим долгожителем. Он даже пережил эпоху Ельцина, ибо в 1999 году был избран в Госдуму но списку КПРФ (его включили явно с одной только целью: насолить президенту), и на правах старейшины открывал первое пленарное заседание, сидя в президиуме рядом с Ельциным, отчего оба они удовольствия точно не испытывали... Мало того, что, вопреки предсказаниям Б. Ельцина, он не только «оправился от сокрушительного удара», но через двадцать лет написал книгу «Кто предал СССР», которая стала заметным политическим событием послеельцинской и даже послепутинской эпохи, тираж которой разошелся буквально в считанные дни. В аннотации книги сказано, что: «Острая политическая схватка между Е. Лигачевым и Б. Ельциным стала запоминающимся событием перестроечного периода. К сожалению, фраза Лигачева «Борис, ты не прав!» стала пророческой для судьбы государства, которое вскоре возглавил Ельцин».

В своей книге Е.К. Лигачев так ответил на вопрос, послуживший ее заглавием: «Меня постоянно спрашивают: кто все-таки виновник всех тех бед, которые со страшной силой обрушились на народ? Время дало ответ на этот непростой вопрос: Горбачев.

Нашелся и продолжатель дела Горбачева — Б.Н. Ельцин, который довел граждан богатейшей по природным ресурсам страны до обнищания. Эту роль он отыграл сполна. На XIX партконференции в 1988 году я сказал: «Борис, ты не прав! … Ты обладаешь энергией, но твоя энергия не созидательная, а разрушительная». Предсказание оказалось верным. Был бы счастлив, если бы ошибся»[1].

Не ошибся мудрый Егор Кузьмич, и его знаменитая фраза, над которой глумились тогда «демократы», оказалась поистине исторической. Однако вышеприведенная цитата из его книги, нуждается, на наш взгляд, в уточнении. Нет, не «нашелся … продолжатель дела Горбачева — Б.Н. Ельцин…», он был «вычислен» и привлечен Горбачевым в самом начале перестройки в качестве ударной, разрушительной силы.

Да, Егор Лигачев, как и Борис Ельцин, тоже сошел с трибуны под гром аплодисментов. Как видим, сторонники были и у того, и у другого. Резко выступили против Ельцина на конференции главный редактор «Правды» В.Афанасьев, генеральный директор НПО «Станкостроительный завод имени Серго Орджоникидзе» Н. Чикирев, первый секретарь Пролетарского райкома КПСС г. Москвы И.Лукин. Они предъявили Ельцину конкретные претензии.

Чикирев Н.С. «Когда пришел товарищ Ельцин к нам, в Москву, он был принят очень хорошо. Его приняли с большой поддержкой, с большим вниманием. Когда он ездил по заводам и фабрикам, мы видели его старание. Мы видели, что он хотел, действительно, чтобы в Москве были продукты и чтобы мы лучше работали.

Вот он был у меня на заводе 6 часов, сделал единственное замечание, которое я считаю абсолютно несправедливым. Я не хочу его высказывать по той причине, что оно абсолютно некомпетентно, — видеть первый раз в жизни человека и высказать то, чего он не имел права мне высказать. Это первое.

Я думаю, что коллектив, в котором я вырос, лучше меня знает, чем знал товарищ Ельцин.

На последних районных партийных конференциях был избран новый состав райкомов и их руководство. Незадолго до этого был избран в МГК товарищ Ельцин, Все секретари райкомов

---

[1] *Е. Лигачев.* Кто предал СССР? М.: «Эксмо»-«Алгоритм», 2009. С. 275.

партии — а я член городского комитета не один срок, долгие годы работал в комсомоле и партии — были избраны при товарище Ельцине. И после этого за очень короткое время, за какой-то год, он сменил 23 первых секретаря из тридцати трех при помощи подхалима, который сидел у него в орготделе. Я не думаю, чтобы товарищ Ельцин был такой проницательный человек, что он за полгода мог узнать секретарей и наворочать столько. Это один факт. А вот второй факт. Если он нам сегодня говорил о 1937 годе, то и моя семья многое пережила. Так вот, секретарь районного комитета партии, который у нас на глазах вырос, сверхчестный и добросовестный человек, выбросился из окна после незаслуженного разноса за плохое снабжение района продуктами. А в Киевском районе наладить это дело не очень просто. Утром два поезда на Киевский вокзал прибыли, и Киевский район вновь без продуктов. Вот и попробуйте наладить снабжение в Киевском районе. Я около этого района как раз и живу. На бюро горкома разобрали, «строгача» дали, а после этого товарищ с восьмого этажа и прыгнул. Погиб честнейший человек, которого знала Москва, которого знали мы — члены городского комитета партии, которого знали секретари райкомов. Чем это лучше 1937 года? Этот человек не был Щелоковым, не был Рашидовым. Он был коммунистом, преданным коммунистом. Пусть товарищ Ельцин носит эту смерть у себя на сердце».

Лукин И.С. первый секретарь Пролетарского райкома партии города Москвы: «Я — молодой первый секретарь, избран чуть более года назад, и не могу отнести себя к тем, кто обижен товарищем Ельциным. Но, судя по иным речам с этой вот трибуны и некоторым, как я считаю, не совсем зрелым аплодисментам, чувствую, что есть еще гипноз ельцинской фразы.

Когда я услышал его в 1984 году на научно-практической конференции (я в зале, он в президиуме), мне тоже показалось, что это, так сказать, яркий оратор, интересный человек. Но теперь гипноз рассеялся. За время вашего, товарищ Ельцин, руководства городской партийной организацией столкнулся с вашим стилем и методами работы.

Убежден, что попытка форсирования перестройки привела в Москве буквально к ломке партийной организации. Вы, говоря о себе, сказали о «тени далекого прошлого». А ваши методы работы с кадрами в Москве, прежде всего с партийными, — это не «тень далекого прошлого»? Первые секретари Куйбышевского, Киевского, Ленинградского и многих других райкомов партии не просто ушли, а фактически были сломлены, духовно уничтожены. Ваше бездушное отношение к людям проявлялось в бесконечной

замене кадров. Мой предшественник, честный и порядочный человек, тоже вынужден был уйти: не выдержало здоровье.

Да и в хозяйственной жизни города мы все еще расхлебываем ваше стремление прославиться яркими обещаниями перед москвичами. Но главное в вашем стиле — это стремление понравиться массе. Метод же избираете один — вбить клин между партийными комитетами и рабочим классом, интеллигенцией. Так вы делали в Москве, так вы и сегодня пытались сделать, вбивая фактически клин между делегатами конференции, залом и президиумом Это, товарищ Ельцин, вам не удастся. Не пройдет!

Я убежден, товарищи, что сегодня говорить о политической реабилитации рано. Вы, товарищ Ельцин, видимо, еще не сделали никаких выводов. Убежден и в том, что делегаты нашей конференции сумеют распознать яркую фразу в любой упаковке, стремление выразить собственные амбиции. И гарантом тому — наша сегодняшняя конференция».

М.Горбачев давал слово для выступления только тем, на чью поддержку он рассчитывал. В президиум же поступили записки с просьбой предоставить слово от многих делегатов. Но записки эти тщательно сортировались. Тем не менее один из делегатов — секретарь парткома машиностроительного завода имени Калинина из Свердловска В.Волков — подобно Ельцину — взял трибуну штурмом и сказал несколько слов в защиту своего опального земляка. «Я думаю, не только у меня будет тяжело на душе, если бы вот так все осталось, как осталось, после выступления товарища Лигачева по Ельцину.

Да, Ельцин очень трудный человек, у него тяжелый характер; он жесткий человек, может быть, даже жестокий. Но этот руководитель, работая в Свердловской областной партийной организации, очень многое сделал для авторитета партийного работника и партии, был человеком, у которого слово не расходилось с делом. Поэтому и сегодня у него остается высокий авторитет у простых людей.

Я считаю, что Центральный Комитет партии нанес урон своему авторитету, когда не были опубликованы материалы октябрьского Пленума. Это породило массу кривотолков, которые только вредили делу.

Я не согласен с заявлением товарища Лигачева и насчет карточек. Того, как было с продуктами при Ельцине, к сожалению, сегодня нет.

Наша область занимает третье место (может, ошибусь, конечно, но где-то третье место) в России по объему производства промышленной продукции. А население сельское пропорцио-

нально у нас очень маленькое по сравнению с другими областями.

Что я еще хочу сказать? Мы не знакомы с выступлением Ельцина на октябрьском Пленуме, и поэтому нам сегодня трудно принимать решение по реабилитации, по изменению той оценки, которую дал Пленум Центрального Комитета. Но вот ярлыки-то навешивать все равно не надо.

Товарищ Ельцин в своем выступлении практически поднял большинство тех вопросов, которые прозвучали и до него в выступлениях. По крайней мере, очень многие. Поэтому еще раз хочу сказать (и думаю, что меня поддержат члены свердловской делегации), что Ельцин очень много сделал для Свердловской области, где и сегодня авторитет его очень высок».

Как мы уже отмечали, в своих мемуарах Б. Ельцин утверждал, что покидал партконференцию с тяжелым сердцем. Он будто бы боялся, что люди поверят в ушат вылитой на него грязи:

«Не спал две ночи подряд, переживал, думал — в чем дело, кто прав, кто не прав?.. Мне казалось, все кончено. Оправдываться мне негде, да я бы и не стал… Отмыться от грязи, которой меня облили, мне не удастся. Я чувствовал: они довольны, они избили меня, они победили. В тот момент у меня наступило какое-то состояние апатии. Не хотелось ни борьбы, ни объяснений, ничего, только бы все забыть, лишь бы меня оставили в покое».

Надо полагать, что мы имеем дело с очередным примером ельцинского кокетства. Переживать-то он, конечно, переживал, и ночей наверняка не спал. Но эмоции неизменно шли у него рука об руку с холодным расчетом.

Ельцин отлично понимал, что симпатии большинства будут на его стороне. Он впервые — публично, на всю страну — озвучил мысли миллионов. Что же до устроенной порки, так это еще даже лучше — обиженных у нас любят.

Очень скоро в Госстрой пошли тысячи писем и телеграмм. Ежедневно в приемную Ельцина приносили новые мешки с корреспонденцией. Люди из самых разных уголков Союза выражали ему свое сочувствие и поддержку, слали варенье и лечебные травы.

А самое главное, не в пример октябрьскому пленуму, когда ельцинская речь была скрыта от общества, нынешний его маршбросок стал уже достоянием миллионов, поскольку произошел на их глазах.

Если политической реабилитации Ельцина и не произошло, то состоялась совсем другая, куда более, быть может, важная — народная реабилитация.

Отныне все взоры страны прикованы были не к Горбачеву, а к Ельцину, именно он становился властителем дум, выразителем народного недовольства. Борис Николаевич уверено вырывался на передний план политической борьбы… И помог ему в этом, совершенно сознательно, не кто иной, как Михаил Сергеевич Горбачев, поведение которого на прошедшей партконференции еще раз убедительно подтвердило, что они действовали согласно четко разработанному плану по ликвидации КПСС и развалу Советского Союза.

3.3. Депутат двух парламентов

Отличие государственного деятеля от политика в том, что политик ориентируется на следующие выборы, а государственный деятель — на следующее поколение.

Уинстон Черчилль

Ласковый теленок двух маток сосет.

Русская народная поговорка.

После XIX партконференции страна, растревоженная перестройкой, как улей, разделилась на сторонников Ельцина и Горбачева. К отлученному от власти Ельцину пошел поток писем, пошли, как раньше ходили к Ленину, ходоки. Народ России, испокон веку с пониманием относившийся к бунтарям и обиженным властью изгоям, видел в бунтующем Ельцине своего спасителя, заступника, борца за справедливость, своего рода Мессию.

Шла вторая половина 1988 года, прошло более трех лет, как в сознание советского народа словно молотком вбивалось три слова: перестройка, демократия, гласность, но каких-либо реальных сдвигов в жизни простого человека не происходило. Было много обещаний со стороны власть предержащих и ожиданий манны небесной со стороны народа. Все пребывали в эйфории завтрашнего дня — вот наступит утро, и будет полное благоденствие. Но годы шли, а вместо благоденствия, как по мановению волшебной палочки с прилавком магазинов стали исчезать продукты первой необходимости, страна, как по команде, выстраивалась в длинные очереди далеко не только за дефицитом. В стране назревал социальный взрыв.

Основной задачей XIX партконференции была выработка решений, направленных на предотвращение социального взрыва,

и принятие понятных народу реформ. Впервые был поставлен вопрос о реформе существующей системы власти.

К этому моменту Горбачев уже понимал абсурдность существования Советов. Депутаты не имели практически никаких полномочий. Вся реальная власть находилась в руках КПСС а они выполняли лишь роль статистов, бросая реплики, наподобие «Кушать подано!».

И генсек предлагает затеять новую перестройку. Уйти от безальтернативных выборов, когда 99,9% граждан голосуют за «нерушимый блок коммунистов и беспартийных», и установить выборы альтернативные.

Конечно, инициированная Горбачевым схема была еще весьма далека от выборности в нашем сегодняшнем понимании. Его вариант отличался громоздкостью и невнятностью.

Было предложено выбирать отныне два высших органа власти Съезд народных депутатов и Верховный Совет СССР.

То есть граждане сперва избирают депутатов, а те уже, из своего числа, образуют постоянно действующий двухпалатный Верховный Совет — некое подобие профессионального парламента, которого не имелось в стране с 1917 года. Прежние депутаты работали на не освобожденной основе, и лишь изредка съезжались в Москву на сессию, подобно студентам-заочникам.

Правда, выдвигать кандидатов в депутаты получали право лишь трудовые коллективы и общественные организации, и прежде, чем допустить их до выборов требовалось пройти через многоуровневое сито окружных собраний, где «неугодных» без труда можно было отсеивать. Принятый второпях закон процедуру эту четко не оговаривал.

Одну треть из общего количества депутатов, общее количество которых должно быть 2250 человек, предполагалось не избирать, а назначать от лица общественных организаций (КПСС, ВЛКСМ, профсоюзы). Остальные две трети депутатского корпуса избирались по национально-территориальным округам, отражая представительство регионов, и национальным округам, отражающих представительство национальных образований. А в общем, по ныне принятой терминологии, две трети депутатов избирались по одномандатным округам. Кандидат в депутаты считался избранным, если за него проголосует не менее половины избирателей.

То есть впервые за семьдесят лет советской власти предлагалось вести более или менее демократические, так называемые, альтернативные выборы. Ельцин принимает решение — участвовать в выборах.

Со стороны казалось, что он принял это решение, как говориться, с ходу, понимая, что впереди настоящая борьба и что шансов выиграть у него не так уж много. А если проиграет и на этот раз, то все. Навсегда. Но Ельцин на то и Ельцин: думает одно, говорит другое, делает третье… Кажется, что он долго сомневался, поскольку предстоящие выборы — это изматывающая, нервная, на пределе физических сил борьба, к тому же с извращенными правилами, игра с невидимым противником, но:

«Я размышляю, сомневаюсь, чуть ли не отговариваю себя, но самое интересное: решение ведь уже давно созрело. Может быть, даже в тот самый момент, когда я узнал о возможности таких выборов. Да, конечно, я брошусь в этот сумасшедший водоворот и, вполне возможно, в этот раз сломаю себе голову окончательно. Но иначе не могу»[1].

Слова эти сказаны уже после выборов, после того, как он стал депутатом, и потому цена им другая. Но опять-таки хотелось бы обратить внимание на некоторые нюансы — «решение уже давно созрело». Это первое. Потерпев поражение на XIX партконференции, он видел только один путь возвращения во власть — опираясь на народ, стать депутатом. А дальше будет видно. И второе — о чем не говорит Борис Николаевич. Как помнит читатель, первым проторил тропинку в Госстрой, где в одиночестве прозябал наш герой, Михаил Полторанин, за ним пошли другие инакомыслящие. И они не только подбивали Ельцина на этот шаг — они обещали всемерную поддержку, уверяли, что у них есть опора в людской массе, есть даже структурные образования: «Только вы согласитесь, Борис Николаевич, а дальше уже наша забота».

Он согласился. Добровольных помощников оказалось немало. И его фамилия зазвучала на предвыборных собраниях. Ельцин мог баллотироваться во многих местах: его выдвигали чуть ли не в двухстах округах. Проще всего, конечно, было избираться ему в родной Свердловской области, но это оказалась бы слишком легкая победа. Ельцин не хотел возвращаться в политику с черного входа, точно но блату. Он жаждал триумфального похода, чтобы никто не мог потом попрекнуть его былыми заслугами.

И он решает замахнуться на максимально неприступную высоту — на Москву.

Московский национально-территориальный округ № 1 был самым большим в стране — более шести миллионов избирателей. Отправляясь его покорять, Ельцин здорово рисковал. Он

---

[1] *Б. Ельцин.* Исповедь на заданную тему. Ассоциация уральских издателей. 1990. С. 20.

боялся, что его снимут с дистанции, отсеют на полдороге, поэтому, на всякий пожарный, подстраховался: его выдвинули еще по нескольким территориальным округам — в Москве, Свердловске, в Березниках.

Первое окружное собрание, в котором Ельцин решил принять участие, проходило в уральском городе Березники. Конечно, адрес был отнюдь не случайным. В Березниках, как помнит читатель, Ельцин когда-то жил, долгое время там работал его отец, так что фамилия для горожан известная. Несколько коллективов города выдвинули Ельцина кандидатом в народные депутаты СССР. Но ему было непросто даже добраться до своих избирателей. Приходилось идти на всевозможные хитрости, на которые изобретательный ум Ельцина был горазд. В чем заключалась его очередная хитрость? Нагрянуть в провинциальный город Пермской области инкогнито, то есть «обмануть» партноменклатуру, не дать ей возможность подготовиться к срыву окружного собрания. Так считал Ельцин, а вот готовила ли эта самая партноменклатура подобный «сюрприз» — поди догадайся:

«Я решил сделать, не совсем обычный ход. После того как из Москвы улетел последний самолет на Пермь, я вылетел в Ленинград, там уже ждали товарищи, болеющие и переживающие за меня, они перевезли меня на военный аэродром, а здесь тоже были мои, так сказать, бескорыстные помощники. На грузовом винтовом самолете, гремящем и тарахтящем так, что я чуть не оглох, в обнимку то ли с крылатой ракетой, то ли со снарядом, я улетел в Пермь. Рано утром мы приземлились, здесь меня уже ждали доверенные лица, и очень скоро я очутился прямо на окружном собрании, успел к самому его началу. Мое появление вызвало шок у организаторов, так как из обкома партии прилететь и что-то изменить уже не успевали. Я выступил со своей программой, ответил на записки, вопросы, все шло прекрасно, и, когда началось голосование, я, честно говоря, уже не волновался. По всей атмосфере было видно, что мне удастся сегодня преодолеть этот первый барьер на пути к избранию. Получил я подавляющее большинство голосов, можно было возвращаться в Москву»[1].

Успех в Березниках окрылил Ельцина. Он увидел, что многие за «бунтаря», убедился, что «добровольные помощники» тоже что-то могут, а не зря языками молотят. Совсем приободрился, когда услышал свою фамилию и на предвыборных собраниях в Москве.

---

[1] *Б. Ельцин.* Исповедь на заданную тему. Ассоциация уральских издателей. 1990. С. 40

Появилась идея баллотироваться по Москве, отказавшись от периферийных округов, где шансы у него были более высокими. Ее поддерживали далеко не все его единомышленники. Более того, многие назвали это «непростительной ошибкой, пижонством, наглостью, самоуверенностью». Да, он понимал, что идет на большой риск, может лишиться, по сути, единственного шанса вернуться назад из политического заточения к людям. Тем не менее уперся и сказал на очередной тусовке: «Буду баллотироваться в Москве но национально-территориальному округу №1».

Не мания величия или самовлюбленность, не только упрямство двигали им: Ельцину хотелось чувствовать за собой поддержку Москвы, той Москвы, которая его отвергла год назад. Итак, 21 февраля 1989 года он сделал шаг к Олимпу:

«Странно, но мне до сих пор не верится, что это случилось. Кандидатом по Московскому национально-территориальному округу зарегистрирован Б.Ельцин. То, чего так не желали, чему с таким отчаянием сопротивлялись аппаратные верхи, произошло.

Вместе со мной в избирательный бюллетень будет включен Ю.Браков, генеральный директор ЗИЛа.

Но по порядку... На окружном собрании меня должны были «прокатить».

Да, пытались «прокатить». Во всяком случае, для этого было сделано все...»

Но Ельцин сумел «переиграть» команду Горбачева. Во-первых, он смог овладеть аудиторией и «переманить» на свою сторону многих из сидящих в зале. Рубашка у него, пока он стоял на сцене и отвечал на вопросы избирателей, стала мокрой, как у землекопа. А вопросы сыпались прицельные, словно стрелы, прямые и колючие. Например, такие: «Почему вы предали Московскую партийную организацию, струсили, испугались трудностей?» «На каком основании ваша дочь переехала в новую квартиру?» «Какие ошибки вы допустили, работая первым секретарем?»... И все в таком духе. Он не юлил, отвечал уверенно, что многим и понравилось.

Но не это было главным. Постарались основательно режиссеры Ельцина. Они сделали почти невозможное, потратив на это немало сил и средств.

«Я видел, что зал потихоньку начал оттаивать, появились какие-то надежды на незапланированный исход.

Но был у нас припасен еще один сюрприз. Перед началом собрания ко мне подошел космонавт Георгий Гречко и сказал, что хочет снять свою кандидатуру, поскольку считает, что будет правильным, если меня выдвинут кандидатом в депутаты, и вообще

сражаться со мной не хочет. Я говорю: нет, подумайте... Он ответил: я твердо решил. Ну а тогда я попросил его, чтобы он взял самоотвод перед самым началом голосования»[1].

И вот Гречко подходит к трибуне: Ельцин буквально сжался в комок, что скажет соперник, и когда услышал желанное: «Прошу снять мою кандидатуру», словно гора с плеч свалилась.

«Это был, конечно, мощнейший удар по организаторам, — признался позже Ельцин. — Я набрал больше половины голосов...»

Ельцин почти каждый день встречался с избирателями, выступал на митингах, участвовал в теледебатах. Он говорил то, что люди хотели услышать, резко критиковал партверхушку, особенно нажимал на привилегии, говоря, что из-за них и «забуксовала» перестройка.

Партийная печать старалась не замечать бывшего вожака свердловских и столичных коммунистов, недавнего кандидата в члены Политбюро. Зато усиленно помогали ему западные СМИ. Чуть ли не ежедневно Ельцин давал интервью американским, английским, французским, немецким радиопрограммам и телевидению. По коротким волнам его голос возвращался в Союз. Вот одно из типичных интервью тех дней, которое передало вечером 21 марта 1989-го Би-би-си. Взяла это интервью сотрудница польской службы этой радиостанции:

«Шмонес: Как вы расцениваете свою предвыборную кампанию?

Ельцин: Как достаточно непривычную, необычную, напряженную, трудную. Трудную потому, что и создавались определенные препятствия, ну и нелегкую в том плане, что каждый день встречи, а часто и по две встречи в день, которые длятся по 3—4—5 часов.

Шмонес: Вам не препятствуют производить эти встречи?

Ельцин: Большие залы не дают.

Шмонес: В сегодняшней лондонской прессе появились догадки, что вот расследование, которое ведется против вас, оно завелось затем, чтобы, когда вы выиграете (а то, что вы выиграете, ни у кого нет сомнений здесь), чтобы можно было объявить неважным этот ваш выигрыш. Что вы думаете об этом?

Ельцин: Я думаю, что это сделано для того, чтобы все-таки повлиять на результаты выборов.

Шмонес: Вы думаете, это повлияет?

---

[1] Б. Ельцин. Исповедь на заданную тему. Ассоциация уральских издателей. 1990. С. 56-57.

Ельцин: Не думаю, чтобы очень серьезно это повлияло.

Шмонес: То есть вы верите, что вы выиграете на этих выборах?

Ельцин: Ну я бы так категорически не заявлял, потому что выборы есть выборы, поэтому на сто процентов никогда нельзя быть уверенным, но я все-таки верю.

Шмонес: Борис Николаевич, ну, скажем, вы выиграли эту кампанию. Как вы видите свою роль в новом советском парламенте?

Ельцин: Это в зависимости от того, буду я просто депутатом и собираться только на съезд, или буду в постоянно действующем Верховном Совете СССР, который будет избран на съезде. В Верховном Совете буду активно содействовать претворению в жизнь той программы, которая, так сказать, намечена, и соединившись с другими депутатами, которые имеют аналогичные программы, чтобы вместе увереннее пробивать эти программы в жизнь.

Шмонес: А у вас какие планы? Скажем, главный принцип этой программы?

Ельцин: Иметь государственную программу укрепления экономики за два-три года, экономики и финансов, и на этой базе сосредоточить на несколько лет, скажем, на три года, сосредоточить основные усилия на повышение жизненного уровня народа во имя того, чтобы люди поверили в перестройку. Тогда бы они своей обратной отдачей в эту перестройку отдали намного больше, чем они отдают сейчас, когда у некоторой части населения вера в перестройку начинает падать.

Шмонес: А в плане демократических реформ?

Ельцин: В плане демократических реформ это демократизация дальнейшая выборов, которые, я считаю, пока не полностью демократичные. Это первое. Второе — иметь сумму таких законов, чтобы действительно стать правовым по-настоящему государством. Это напрашиваются законы о пенсиях, закон о референдумах, закон о печати, закон о молодежи, закон о свободном доступе к информации и так далее»[1].

Борис Николаевич не только говорил. В один из дней, собрав армаду журналистов, пошел и прикрепился в районную поликлинику, якобы отказавшись от кремлевской.

Правда, больше эту поликлинику никогда не посещал, а вот в «кремлевке» забыл открепиться. Но об этом ведь никто не знал, а сам факт похода в поликлинику прокрутили по телевизору, пропечатали в газетах. Пересел на время со служебной «Чайки» на «Москвич» своего зятя — и снова вся печать на ушах стоит.

---

[1] Цит. по: *В. Андриянов, А. Черняк.* Одинокий царь в Кремле. Кн. 1. М.: «Правда». С. 163—164.

Препятствовала ли «партноменклатура» и лично Горбачев столь бурному предвыборному марафону Ельцина, о чем он весьма туманно говорит в вышеприведенном интервью? По большому счету никто ему козней не строил и все сетования Ельцина на намечаемые срывы собраний, на подготовку провокационных вопросов кандидату и т.д. и т.п. не более чем плоды воображения Ельцина, в которые он, похоже, сам искренне верил. Короче говоря, предвыборный PR.

Правда, на мартовском пленуме ЦК 1989 года была по инициативе Лигачева создана специальная комиссия во главе с членом Политбюро В.А. Медведевым по проверке некоторых «антипартийных» высказываний Ельцина на предвыборных собраниях. Поводом для создания этой комиссии послужило выступление на пленуме члена ЦК КПСС рабочего Тихомирова, который резко осудил некоторые высказывания Ельцина в ходе предвыборной компании. В частности он заявил, что Ельцин, выступая перед избирателями на митингах и собраниях, клевещет на партию, позволяет себе негативно высказываться даже в адрес Политбюро. В то же время, говорил Тихомиров, Ельцин хоть и выступает против партийной бюрократии, но сам является настоящим бюрократом. При этом он привел пример, когда Ельцин продержал оратора за дверьми своего кабинета в течение сорока минут, когда тот попытался встретиться по какому-то вопросу.

Хотя по Ельцину и была принята специальная резолюция и создана комиссия, но каких-либо реальных действий не последовало, комиссия так ни разу не собиралась. А вот популярности Ельцину вся эта неловкая возня добавила, поскольку в последующем он неоднократно «педалировал» эту ситуацию. Как уже выше упоминалось, мастером на создание подобных мифов о постоянном «преследовании» народного трибуна был его верный Санчо Панса — Лев Суханов:

«Растерявшаяся партия и ее боевой авангард КГБ дали откровенную промашку, — утверждал он впоследствии, — и будь они понаглее, и будь у них тогда настоящие лидеры, не надо было бы, спустя три года, творить государственный переворот»[1].

Однако дело обстояло далеко не так, как плакался Б. Ельцин и утверждал Л. Суханов:

«У власти оставалось еще достаточно рычагов, чтобы смести с дороги всякого. Вопрос лишь в том, насколько она этого действительно хотела.

---

[1] Цит. по: *А. Хинштейн*. Ельцин. Кремль. История болезни. М.: «Олма Медиа Групп». 2008. С. 151.

Судя по происходящим событиям, борьба против Ельцина носила характер чисто инерционный. Чиновники работали откровенно халатно, спустя рукава, для галочки. И никто их за это не одергивал.

Тот же Лев Демидов рассказывал мне, например, что в горкоме создали специальную подрывную группу, которая неотступно следовала за опальным кандидатом и пыталась срывать его встречи с населением. Но людей включали в эту группу по разнарядке — каждый райком должен был делегировать энное число партийцев — и уже хотя бы потому никакого рвения они не испытывали. Некоторые даже подходили к Демидову и виновато каялись: вы уж на нас не обижайтесь; не корысти ради…

Неужели в девятимиллионной Москве невозможно было найти хотя бы одного всенародно признанного авторитета, способного составить Ельцину конкуренцию?

Но его попросту не искали. Вот и получилось, что на финишную прямую из 32 потенциальных кандидатов вышли Ельцин и директор ЗИЛа Евгений Браков.

Для любого политтехнолога исход битвы понятен заранее. Без малого девяносто процентов избирателей — 5 миллионов 117 тысяч 745 человек — отдали свое предпочтение опальному борцу. Было это 26 марта 1989 года.

Такой сокрушительной победы не ожидал никто, в том числе и сам радостный победитель»[1].

В «Исповеди…» Б. Ельцин следующим образом подвел итог своей избирательной компании:

«Вот и все. Закончился многомесячный марафон. Не знаю, что я больше испытываю — усталость или облегчение?

Мне сообщили уточненные итоги выборов. За меня проголосовало 89,6 процента избирателей. Конечно, это не совсем нормальные цифры, при цивилизованных, так сказать, человеческих выборах число должно быть меньше. Но у нас людей довели до такого состояния, а меня с таким усердием пытались опорочить, оболгать, не пустить, что я вполне мог и больше голосов набрать при таком раскладе.

Сейчас появилась новая расхожая формула: голосовали не за Ельцина, голосовали против аппарата. Предполагается, что эта фраза должна меня обидеть. А по-моему, это замечательно. Значит, все-таки не зря я начал эту непосильную борьбу против партийной бюрократии. Если протест против аппарата ассоциируется с именем Ельцина, значит, был смысл и в моем выступлении на октябрьском пленуме ЦК и на XIX партконференции.

---

[1] Там же. С. 151—152.

Очень хочется остановиться, оглянуться, сделать паузу. Уж слишком гонка была утомительной и выматывающей. Но ничего не получится. На меня обрушились новые заботы и проблемы.

Написал заявление Председателю Совета Министров СССР Н. И. Рыжкову с просьбой освободить меня от занимаемой должности министра. По Закону о выборах, народный депутат не может одновременно являться и министром. Так что с сегодняшнего дня я стал официально безработным»[1].

Ликовал не только триумфатор, ликовал, хотя умело скрывал это и Генеральный секретарь ЦК КПСС, на глазах которого разваливалась партия.

Через день после выборов Политбюро собралось на экстренное заседание. «Настроение у большинства было угнетенное, — свидетельствует Горбачев, — в воздухе висело — провал».

Не один только Ельцин поперек воли Кремля прорвался наверх. В десятках регионов секретари обкомов и крайкомов, крупные чиновники, генералы потерпели унизительное поражение.

Провалились все 14 командующих войсками округов, 30 секретарей обкомов и горкомов. В Ленинграде из семи партийных вождей не прошел ни один. Против московских кандидатур единодушно проголосовала Прибалтика.

Поразительнее всего, что «ошибки» на этом почему-то не закончились. Со стороны казалось, что Горбачев делал все возможное, дабы поднять, возвысить Ельцина; он будто постоянно отдавал ему пасы, не забить которые было невозможно по определению.

Как понимать, например, тот удивительный факт, что Ельцину никто не помешал пройти в Верховный Совет — сиречь в орган постоянно действующий, хотя вполне можно было его забаллотировать и оставить рядовым депутатом. (Большинство голосов было ведь у Горбачева.)

Создается впечатление, что «прохождение» Ельцина в Верховный Совет было заранее обговорено. Стоит обратить внимание на то, как уверенно Ельцин говорит о своей будущей работе в ВС вышеприведенном интервью корреспонденту радиостанции Би-би-си, как о деле почти неизбежном. Действительно, как показали последующие события, были нарушены все существующие формальности процедуры избрания, причем нарушал их никто иной как Горбачев. Вот как происходил этот фарс (приводится по официальному документу — стенограмме пятого заседания Съезда народных депутатов 29 мая 1988 года).

---

[1] *Б. Ельцин.* Исповедь на заданную тему. Ассоциация уральских издателей. 1990. С. 212—213.

От РСФСР в Совет Национальностей могло попасть только 11 депутатов. Ельцин оказался двенадцатым. И тогда свой мандат уступает ему один из одиннадцати счастливчиков — омский доцент Алексей Казанник, будущий российский генпрокурор.

Никаких проблем опротестовать схему эту — не было. Но Горбачев почему-то опять смолчал, хотя у него, как у председательствующего, были для этого все возможности. Вот как проходил этот фарс:

«ПОПОВ Г. Х.(депутат от Союза научных и инженерных обществ СССР):

Как вы знаете, при выборах депутатов в Верховный Совет СССР от Российской Федерации было выделено 11 мест, как и положено по Конституции. На эти 11 мест было предложено 12 кандидатов. Последним по числу голосов оказался Борис Николаевич Ельцин, хотя он и набрал больше 50 процентов голосов, то есть мог бы проходить.

В тот же день, как вы знаете тоже, два депутата всеми нами любимого Ленинграда товарищи Собчак и Денисов уже выдвигали идею выйти из Верховного Совета для того, чтобы решить проблему Нагорного Карабаха…

И я хотел сказать, что такой же пример, как пример ленинградцев, теперь уже продемонстрировали представители нашей славной Сибири, депутат Казанник Алексей Иванович, которому я попрошу сейчас предоставить слово, депутат от Омского национально — территориального избирательного округа, доцент Омского государственного университета. Он вошел в список одиннадцати победивших депутатов, просит рассмотреть вопрос о снятии своей кандидатуры из Совета Национальностей с тем, чтобы тогда следующим по большинству голосов в Совет Национальностей вошел Борис Николаевич Ельцин. Спасибо.

(Аплодисменты.)

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ:

Товарищ Казанник, вы хотите высказаться? Подтвердите ли?

(Аплодисменты.)

КАЗАННИК А. И. (Омский национально-территориальный избирательный округ РСФСР). Уважаемые товарищи депутаты! Дело в том, что я сам свою кандидатуру предлагал в качестве альтернативной. И трижды выступал на совещании представителей с просьбой, чтобы включили меня в состав Верховного Совета СССР. Я действительно говорю, что я очень хочу работать. Дело в том, что я юрист и намерен был трудиться в профессионально грамотном Верховном Совете СССР. Я говорю, что мне интересно работать именно в первый год, поскольку будут приниматься важней-

шие пятьдесят законов, которые будут определять судьбу нашей страны, может быть, и до 2000 года. Но когда прошли выборы в Верховный Совет СССР и я посмотрел, что мы в силу своей политической близорукости «зарубили» выдающихся ученых, что мы в силу своей недальновидности не пропустили туда политиков, я принял, на мой взгляд, единственно правильное решение о том, чтобы в Верховном Совете СССР, а точнее в Совете Национальностей, работал Борис Николаевич Ельцин.

(Аплодисменты.)

Если бы я был первым секретарем обкома партии, я мог бы не принимать это решение и смело вернулся бы к себе на родину, отгородился бы в обкоме частоколом милиционеров, и ко мне бы не попал ни один избиратель. А мне так возвращаться… будет стыдно смотреть им в глаза. Поэтому я прошу вас включить без голосования в состав Совета Национальностей Бориса Николаевича Ельцина, только на этих условиях я снимаю свою кандидатуру, только на этих условиях. Я опасаюсь, товарищи, что если назначат повторное голосование, то Бориса Николаевича опять «завалят», а это совершенно недопустимо. Так я смотрю на эти проблемы.

(Аплодисменты.)

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ:

Товарищи, ну я не очень большой юрист, и поэтому нужна консультация, можем мы это сделать или нет? То, что мы можем принять заявление о сложении полномочий депутата, — это, я уверен, мы можем сделать. А вот можем ли мы на освободившееся место в Совете Национальностей от России просто засчитать итоги предыдущего голосования, я не уверен.

(Шум в зале.)

Подождите, надо же, чтобы мы, делая дело, не сотворили глупость какую-то. Поэтому я прошу или дать возможность к завтрашнему дню эту проблему изучить и внести на рассмотрение, или, если что-то кому-то ясно, высказать на этот счет соображения. Товарищ Собчак? Пожалуйста.

ИЗ ЗАЛА:

Вы поддерживаете?

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ:

Я в принципе поддерживаю такое предложение.

СОБЧАК А. А. (Василеостровский территориальный избирательный округ, г. Ленинград).

Я считаю, что товарищ Казанник допустил здесь одну серьезную юридическую ошибку. Она состоит в том, что любой избранный депутат может отвести свою кандидатуру и взять самоот-

вод из состава Верховного Совета, но, безусловно, никаких условий при самоотводе депутат ставить не вправе. Это, так сказать, и наше законодательство, и мировая юридическая практика. Поэтому мы сейчас можем обсудить самоотвод товарища Казанника только при одном условии, что он снимает вот это условие, что он этот самоотвод берет только при том условии, что товарищ Ельцин станет вместо него членом Совета Национальностей. Это первый вопрос.

Второй вопрос. Вопрос о том, кто должен занять освободившееся в результате самоотвода товарища Казанника место в Совете Национальностей. Прямо в нашем законодательстве этот вопрос не решен, потому что вся предыдущая практика выборов Верховного Совета просто исключала подобную ситуацию.

Мировая юридическая практика различна в разных странах, но по преимуществу решение вопроса следующее. Здесь возможно только два варианта. Если берется самоотвод, то следующий за отведенным кандидат, набравший наибольшее число голосов по уже проведенной процедуре голосования, становится автоматически членом соответствующего парламента или Верховного Совета.

(Аплодисменты.)

Это первый вариант. И второй вариант. Происходит голосование среди тех претендентов на эту должность, скажем, которые уже выдвигались и которые уже голосовались, и по результатам вот этого нового голосования решается вопрос о представительстве.

На мой взгляд, наиболее верной является первая процедура. И если бы мы удовлетворили безусловный самоотвод товарища Казанника, то следующим депутатом должен стать тот, кто набрал следующее количество голосов, в данном случае — безальтернативно. Но для принятия такого решения необходимо голосование Съезда, потому что, еще раз повторяю, в нашем законодательстве ни та, ни другая процедура не предусмотрена. Поэтому нам нужно вначале решить, по какому варианту мы пойдем…»[1]

Заметим такие характерные реплики и оговорки, допускаемые председательствующим, как:

— «Я не очень большой юрист», — скромно замечает Горбачев, хотя объем юридических знаний, полученный им в свое время на юридическом факультете МГУ, вполне достаточен, чтобы провалить этот спектакль. Генсек контролировал не менее двух третей депутатского корпуса. То есть, начни он голосование заново, Ельцин остался бы далеко на обочине.

---

[1] Цит. по: *А. Хинштейн.* Ельцин. Кремль. История болезни. М.: «Олма Медиа Групп». 2008. С. 153—156.

Но Горбачев на это не идет. Он, как будто, вообще, ведет себя очень странно. Там, где не нужно, проявляет бессмысленную жестокость, создавая Ельцину ореол мученика. А там, где твердость как раз требуется, практически передает свои полномочия Собчаку, который, похоже, и был главным режиссером этой политической мизансцены;

— «…надо же, чтобы мы, делая дело, не сотворили глупость какую-то». И тут же обращается к Собчаку — уж он то не допустит, чтобы в отношении «всенародного любимца» была створена глупость;

— «Я в принципе поддерживаю такое предложение». Это ответ на вопрос из зала, поддерживает ли председательствующих юридически ошибочное, как признает даже сам Собчак в начале своего выступления, предложение «ученого» юриста Казанника. Дальше можно было и не обсуждать этот вопрос, поскольку председательствующий — «за».

Так что в Совет Национальностей Б. Ельцин прошел без каких-либо проблем, поскольку этому всячески способствовал М.С. Горбачев. Затем Ельцин избирается председателем Комитета по строительству и архитектуре, что автоматически вводило его в Президиум Верховного Совета, т.е. органа государственной власти, работающего на постоянной основе. Это максимум того, что мог сделать для него Горбачев, не вызывая каких-либо подозрений у современников и будущих исследователей относительно имеющегося между ними сговора. Ельцин, в свою очередь, проводит «операцию» прикрытия сговора, выражая свое «возмущение» действиями Горбачева. По его дальнейшим высказываниям выходит, что Горбачев специально поставил его на этот Комитет, чтобы утопить его в ворохе бумаг и запросов:

«Ведь у комитета нет ни штатов, ни средств, он голенький, как новорожденный ребенок, — плачется Ельцин в интервью, увидевшем свет зимой 1989 года. — Наверху как раз на это и рассчитывали. В жуткой текучке, в коловращении проблем, когда уж Ельцину заниматься политикой».

И дальше:

«Я просил Горбачева не назначать меня председателем этого комитета, то есть не рекомендовать. Однако он явочным порядком вынес этот вопрос на обсуждение ВС».

А что мог еще предложить бывшему строителю, имеющему большой опыт в области организации строительства, Горбачев? Неужто сразу должность Председателя Верховного Совета, т.е. свою. Кстати, такую попытку сделал его верный клеврет — свердловский депутат Геннадий Бурбулис, который вскоре станет гос-

секретарем России. Правда, Борис Николаевич благоразумно взял самоотвод, поскольку он привык ввязываться только в те битвы, из которых заведомо выходит победителем, — но это все равно симптом.

Сразу же после избрания в Верховный Совет он выступает с громогласной обличительной речью. Ельцин говорит о процветающей коррупции, росте бедности и расслоении общества. Предлагает революционные по тем временам меры — изъять из оборота лишние деньги; предоставить союзный суверенитет союзным республикам; принять законы о бедности и пенсиях.

Но самое взрывоопасное его предложение следующее — он призывает ежегодно проводить референдум о доверии Председателю Верховного Совета СССР. Сиречь Горбачеву. Тем не менее пока на съезде Ельцин не сильно заметен. Вся страна, точно мыльный сериал, ежедневно смотрит прямую трансляцию депутатских бдений. В первые ряды вырываются здесь профессиональные ораторы-краснобаи, профессора, адвокаты. Блистают красноречием ленинградец Собчак, историк Афанасьев, экономист Попов. На их фоне Ельцин здорово проигрывает, он намного косноязычнее этих записных ораторов. Но он и не рвется к депутатскому микрофону. Его сила в другом — в последовательности, внутренней мощи, аппаратном опыте. Ельцин прекрасно понимал: без команды, со случайными людьми, хотя и очень старательными добровольными помощниками, можно выиграть выборы, а вот прийти к власти, управлять страной нельзя.

Помощники по избирательному штабу В. Ланцева, Л. Суханов, другие, конечно, преданные ему люди, но это мелкая сошка, Готовы стать под знамя журналисты М.Полторанин, П.Вощанов, В.Юмашев... Но и это не самый крупный калибр. Нужны фигуры покрупнее, которых знали бы массы.

Ему везло. Вообще Ельцин — везунчик: сколько раз жизнь ставила его на волосок от смерти, но именно этого волоска и хватало, чтобы остаться в живых! Вот и сейчас ему повезло — в это время в Москве создавалась МДГ — Межрегиональная депутатская группа, которая станет для него кузницей кадров. МДГ окончательно оформится в июле, а пока шла активная подготовка к I Съезду народных депутатов СССР.

Обычно после выборов депутатов собирали в обкомах, горкомах партии. Москвичи пошли не в МГК, а в Моссовет. Они представляли разные течения. Огромную роль в объединении сыграл Андрей Дмитриевич Сахаров. Подсуетились и М.Полторанин, Г.Попов, Ю.Афанасьев...

Страна замерла у теле- и радиоприемников. Выступления делегатов съезда слушали не только советские люди, весь мир с интересом наблюдал за работой первого Съезда. Отзывы о его работе публиковались в СМИ практически всех стран континента. «Съезду народных депутатов нельзя найти аналога, и никакое событие в истории СССР не может превзойти его по своему значению. Даже в Англии парламентские дебаты не транслируются по телевидению»; «... русские обрели свободу слова»; «За дни работы съезда политика в СССР вышла из темноты на свет»; «Наконец-то в России произошла настоящая революция» и т.д. и т.п.

Так виделось издалека. Или — так хотелось видеть. «Запад чрезмерно оптимистически оценивает характер того, что происходит в Советском Союзе», — сказал тогда же академик Сахаров.

Сразу после съезда вместе с Е.Боннэр он поехал в Норвегию — «третью заграничную поездку в своей жизни и третью за последние полгода». Андрей Дмитриевич дал пресс-конференцию в Норвежском Нобелевском институте, супруга его дополняла.

— Внутри страны Горбачевым и его ближайшими помощниками, такими, как Яковлев, произнесено много очень хороших слов о том, как должна быть изменена внутриполитическая система, — говорил Сахаров. — Но нам, живущим в стране, видно, что это, — во всяком случае пока, — только слова. Реально ничего не изменилось к лучшему, а в смысле экономического положения страны многое изменилось к худшему. И это после того, как новое руководство находится у власти уже более четырех лет. Более того, на самом съезде не было осуществлено шагов, которые могли бы улучшить и изменить положение.

И дальше: ничего не сделано для того, чтобы партийно-государственный аппарат поступился хотя бы маленькой долей своей власти.

Вот за что на съезде развернулась самая настоящая борьба — за Власть. Ельцин своим звериным нюхом уловил, что для завоевания Власти сейчас нужно использовать в качестве рычага — Межрегиональную депутатскую группу (МДГ), в состав которой вошло 270 человек.

Дабы избежать извечной интеллигентской беды — толкания локтями, — группа решает избрать сразу пятерых сопредседателей. Ими становятся Юрий Афанасьев, Гавриил Попов, эстонский профессор Виктор Пальм, возвращенный из горьковской ссылки академик Сахаров, и Ельцин. Четыре профессора и один строитель. Компания — прямо скажем, разношерстная.

Любви промеж ними не было изначально. Это был, скорее, брак по расчету, где каждая из сторон получала недостающее.

После съезда МДГ структурировалось, она, по существу, стала партией, настойчиво вытесняя КПСС, конец которой становился все отчетливее. Многие депутаты видели, куда клонят лидеры МДГ, которых известный русский писатель Валентин Распутин назвал «ястребами» перестройки:

«... Перестройка вступила сейчас в такую стадию общественного развития и поднялась на ту вершину, где обитают ястребы, которые пытаются монопольно стать ее хозяевами. А всякого, кто не согласен с ними, объявляют врагом перестройки.

Самое употребительное выражение на съезде — антиперестроечные силы. Мы слышим, что если перестройка — это революция, то должна быть и контрреволюция. С контрреволюцией, как сами понимаете, разговор бывает особый. Без всякого плюрализма... Плюрализм возможен как разность всего многообразия общественных и политических мнений. Вы навязали стране плюрализм нравственности. А это опаснее всяких бомб. Общество или поддерживает нравственность или не поддерживает ее. Третьего не дано...

У нас в обществе вместе со здоровой создается в последнее время активность, из которой изымается гражданское патриотическое содержание и которая переводится в русло нигилизма и высокомерных притязаний. Неправое, как известно, всегда активнее и организованнее. В ходе предвыборной кампании настроение определенных групп улавливалось некоторыми кандидатами с чуткостью барометра. Стоило кому-нибудь из них выложить партбилет, как популярность его взмывала сразу будто на крыльях. Я не член партии и сознательно не вступал в нее, наблюдая, как много пробивается туда разного рода корыстолюбов. Состоять в партии было выгодно. Потому она и потеряла свой авторитет. Сейчас состоять в партии стало невыгодно, более того, опасно. И оставлять ее в такой момент отнюдь не мужество, как преподносится неискушенным людям, а тот же самый расчет, который прежде вел в партию. Мужеством это было бы десять или даже пять лет назад...

...Разве не видно, что в борьбе за власть, которая ни для кого здесь не является тайной, намечена к устранению первая фигура, против которой давно ведется организованная кампания. Нет нужды напоминать вам, кто станет следующим... Не мною сказано, но кстати повторить здесь в небольшой редакции знаменитые слова: «Вам, господа, нужны великие потрясения, нам нужна великая страна»[1].

---

[1] Цит. по: *В. Андриянов, А. Черняк.* Одинокий царь в Кремле. Кн. 1. М.: «Правда». С. 167.

Мудрые слова, но даже этот тонкий психолог человеческих душ глубоко заблуждался в том, что главная задача «ястребов» — свергнуть Горбачева и возвести на престол Ельцина (правда имени ни того, ни другого он не называет). Именно Горбачев умело дирижировал этой стаей «ястребов», добиваясь реализации своей глобальной цели — уничтожения коммунизма.

Первый Съезд народных депутатов СССР показал, что партия потеряла свои позиции. Стало ясно: рано или поздно власть из рук Горбачева ускользнет. Его разглагольствования, его уступки, лавирования не нравились никому.

В это же время оппозиция набирала силу. Начав работу в ходе выборов, она особенно активизировалась на первом Съезде народных депутатов СССР. МДГ удалось провести несколько важных решений. Было принято, например, постановление о том, что половина каждой из комиссий Верховного Совета может быть составлена не из членов Верховного Совета. Депутаты, не избранные в Верховный Совет, но желающие там работать, шли в комиссии, могли там получать зарплату. Как потом выяснилось, большинство из них были членами МДГ. Вот как сам Ельцин оценивает создание и работу МДГ:

«Важнейшее событие, в котором я принимал активное участие, — это создание Межрегиональной депутатской группы.

29—30 июля 1989 года, я думаю, войдут в историю становления нашего общества. В Москве, в Доме кино, состоялось первое собрание Межрегиональной депутатской группы народных депутатов. Рухнула эпоха единомыслия и единодушия. Несмотря на беспрецедентное давление на депутатов, на то, что в многочисленных кремлевских залах не оказалось места для этого собрания, несмотря на попытку обозвать нас раскольниками, фракционерами, диктаторами и прочее, всех ругательных слов не перечислить, мы собрались.

Зачем нам это было надо? То, что происходит в стране, граничит с катастрофой. Полумерами, полушагами ситуацию не спасти. Только решительные, радикальные шаги могут вытянуть нас из пропасти. То, что провозглашали в своих предвыборных программах прогрессивные депутаты, все лучшие идеи выхода из тупика мы попытались объединить в тезисах и платформе МДГ. Были проведены выборы сопредседателей группы, ими стали пять человек — Афанасьев, Ельцин, Пальм, Попов, Сахаров»[1].

Какие же цели ставила МДГ? На первый план выдвигался вопрос о собственности. Это действительно было главным. При-

[1] Цит. по: *В. Андриянов, А. Черняк.* Одинокий царь в Кремле. Кн. 1. М.: «Правда». С. 168.

знать частное или индивидуальное, кому как нравится, владение на собственность — и рухнет основной бастион, на котором держится государственный монополизм на собственность и все, что с ним связано, — государственная власть, отчуждение человека от собственного труда и т.д. Второй, наверное, не менее важный — вопрос о земле, провозглашался лозунг «Земля крестьянам!». Далее — децентрализация власти, экономическая самостоятельность республик и реальный суверенитет. При этом считалось, что во многом будут решены национальные проблемы. Устранение всех ограничений экономической, финансовой, хозяйственной самостоятельности предприятий и трудовых коллективов, оздоровление финансовой ситуации в стране.

На первых порах МДГ, правда, не столь откровенно формулировала свои цели. Вначале она открыто активно поддерживала лишь лозунги борьбы с привилегиями, требовала безмерной гласности, демократизации, отмены 6-й статьи Конституции СССР, На закрытых же «тусовках» разрабатывались сценарии вначале вхождения во власть, а затем и захват ее.

Однако, к концу 1989 года лидеры МДГ уже стали открыто пропагандировать свои цели: развал СССР, устранение КПСС, введение института частной собственности на средства производства. Так, Ю. Афанасьев, выступая 1 декабря 1989 года перед студентами и преподавателями МГИМО, заявил:

«Что представляет собой советский тип социализма?

У этого типа социализма есть три, как мне кажется, системообразующих элемента, которые и не дают возможности, если их оставить в неприкосновенности, преодолеть то состояние, в котором оказывается наша страна сегодня.

Во-первых, это имперская сущность СССР…

Второй такой системообразующий элемент — это государственное производство, основанное на бестоварном производстве и на безрыночной экономике.

И третий элемент — это партийная монополия…»[1]

Тот же Ю. Афанасьев 8 февраля 1990 года дает интервью корреспонденту итальянской газеты «Репубблика», где откровенно высказывается за ликвидацию КПСС, распад Советского Союза, за создание новой партии на основе МДГ:

Вопрос: Так что же, ленинизм похоронен навсегда?

Афанасьев: Это уже часть прошлой истории. Демократический централизм, партийная дисциплина, право на политическую монополию в обществе, которые предложил и теоретизировал Ленин,

[1] Цит. по: *В. Андриянов, А. Черняк.* Одинокий царь в Кремле. М.: «Правда». 1999. С. 173.

не отвечают больше реалиям сегодняшнего дня. И сказать об этом нужно, по моему мнению, во весь голос, максимально серьезно.

Вопрос: Означает ли это, что такое мнение не изменится, что не будет перемирия и что ваша группа расколет КПСС до XXVIII съезда партии?

Афанасьев: 10 февраля мы соберем координационный совет нашей фракции для обсуждения итогов Пленума ЦК КПСС. Затем, как я полагаю, мы начнем сбор подписей среди коммунистов за «Демократическую платформу». Тогда в партии будут две альтернативные и соперничающие программы: официальная, КПСС, и наша. Каждый коммунист сможет выбрать, какую из двух поддержать. Затем мы созовем конференцию для решения вопроса о том, представлять ли себя на XXVIII съезде КПСС или же приняться за работу по созыву I съезда новой партии — не обязательно коммунистической».

Пройдет еще несколько месяцев, и Юрий Афанасьев, ректор Московского историко-архивного института, заявит о своем выходе из КПСС. И новая встреча с тем же корреспондентом «Республики»:

Вопрос: 18 апреля вы вышли из КПСС. В то же время такие лидеры радикалов, как Ельцин и Попов, остаются в ее рядах. Почему же все-таки вы вышли из партии?

Ответ: За одну минуту ответить на вопрос о том, почему я вышел из партии, где пробыл тридцать лет, задача довольно сложная, но тем не менее я попытаюсь. Прежде всего я считаю, что политика, осуществляемая руководством КПСС, уже не способствует преобразованию нашего общества. В этих условиях оставаться в КПСС — это значит нести моральную, нравственную ответственность за ту политику, в выработке которой ты не принимаешь участия, отвечать за действия, которые идут, мягко говоря, не на пользу народу. То есть оставаться в этой партии — я, по крайней мере, так понял для себя — это значит сеять иллюзии в обществе, что эта партия может коренным образом перестроиться и способствовать делу преобразования нашего общества. Вот это главная причина. Есть, конечно, и другие глубокие причины. Я понял, что партия Ленина по сути своей, по структуре, по устройству, по целям — это больше не моя партия. Что касается того факта, что не все сторонники и моей «Демократической платформы» не вышли из партии, то я считаю, что тут групповой подход не годится. Это дело совести каждого. Стадное начало и привычка тут не советчики. Каждый действует по-своему, но мы продолжаем действовать в одном направлении. То есть мы полагаем, что надо показать людям, что партия как социально-политический институт уже не способна осуществлять преобразования в обществе.

Вопрос: Мы слышали, что «Демократическая платформа» в мае собирается созвать съезд, чтобы создать новую партию. Но существуют опасения, что в условиях нынешних разногласий создать такую партию будет невозможно. Что вы скажете по этому поводу?

Ответ: Наперед что-то трудно загадывать. Действительно, съезд или конгресс соберется в мае — ему решать вопросы создания новой партии. Я, например, убежден, что это надо сделать и надо сделать именно до XXVIII съезда КПСС. Но это мое мнение. Решать будет все-таки будущий съезд.

Вопрос: В СССР, чтобы купить мыло, нужно стоять в очереди. Члены вашей семьи тоже стоят в очереди, когда покупают мыло?

Ответ: Естественно, весь набор этих талончиков лежит у меня в коридоре. Мы покупаем и мыло, и сахар, и другие товары так же, как и все.

Вопрос: Близок ли, по вашему мнению, распад Советского Союза?

Ответ: Тот Союз, который сейчас существует, непременно должен распасться, потому что в Советском Союзе или под видом Советского Союза продолжается, в сущности, российская империя. Это тема огромная, большая и ее, конечно, в нашей беседе не исчерпать. Но важно, чтобы то, о чем вы говорите, происходило бы не в форме самораспада, саморазвала, как сейчас это происходит. Мы не можем себе позволить такую беспечность, допустить этот саморазвал, потому что мы этак невзначай можем и весь мир взорвать, этот хрупкий мир. Поэтому дело глубинных преобразований Советского Союза должно быть на первом месте во всей стратегии, во всей политике. А то, что его не будет в таком виде, я в этом не сомневаюсь, конечно. И тут не предмет для печали. Это повод порадоваться, что мы, наконец, сможем организовать сообщество, огромное евразийское сообщество на принципиально иных целях, когда республики будут сотрудничать между собой и стремиться друг к другу и когда все это евразийское сообщество, которое называется СССР, будет плавно вливаться и врастать, допустим, в азиатско-тихоокеанский регион, где не будет таких резких, четких границ и разграничений, а где будут, может быть, и совместные предприятия, и очень мощная приграничная торговля, и культурный обмен. Не будет границ, можно будет свободно ездить. К этому, я думаю, надо стремиться всем.

Вопрос: Какую позицию вы как историк занимаете по вопросу «северных территорий»?

Ответ: Я высказался и письменно, и в публикациях своих и в Советском Союзе, и в Японии. Я остаюсь убежденным сторон-

ником необходимости возвращения Японии «северных территорий». Кроме справедливого акта, такое решение было бы взаимовыгодно и Советскому Союзу, и Японии. Я понимаю, что это сделать непросто. Может быть, тут будут какие-то этапы, какая-то последовательность. Но я убежден, что такое решение было бы и в интересах советского народа, а не только Японии». (Последний вопрос из интервью Ю.Афанасьева японской телекомпании Эн-эйч-кей, 24 апреля 1990 года)[1].

Между тем среди сопредседателей МДГ начались разногласия по поводу лидерства, Ельцин со своими амбициозными устремлениями особенно не импонировал академику Сахарову. Вдова академика Е. Боннер вспоминала, как ее муж тяготился сотрудничеством с Ельциным.

Услышав однажды, по радио, что в МДГ грядут перемены и вместо пяти сопредседателей к власти приходит один — Ельцин — он даже вздохнул с облегчением: «Вот и хорошо, мне можно уйти. Я в этой компании под руководством секретаря обкома не работаю».

Но не все разделяли подобный идеалистический подход. Однажды горбачевский помощник Георгий Шахназаров подошел во время заседания к Гавриилу Попову. «Что вы нашли в Ельцине? — откровенно поинтересовался он. — Вы же совсем разные люди».

«Народу нравиться, — цинично ухмыльнулся Гавриил Харитонович. — Смел, круче всех рубит систему».

«А если он, что называется, решит пойти своим путем?»

«Мы его в таком случае просто сбросим, и все тут».

Демократы явно недооценивали Бориса Николаевича, считая его неотесанным простаком; партократом из плотников.

Из всех театров Ельцин предпочитал оперетту режиссера Курочкина. Классическую музыку — не слушал. В литературе понимал не больше, чем в высшей математике. У него, как у гоголевского Манилова, «всегда лежала какая-то книжка, заложенная закладкою на 14 странице, которую он постоянно читал уже два года»; в данном случае — роман Ю. Бондарева, что для либеральной интеллигенции уже само по себе вызывало пренебрежительное отторжение. О «начитанности» Б. Ельцина упоминает в своих мемуарах А. Коржаков:

«Я никогда не видел, чтобы он читал какие-нибудь серьезные книжки. Только детективы типа Чейза, да и то — на отдыхе.

Хотя дома у него была хорошая библиотека. В основном собрания сочинений. Но он получал их по выписке. Это было тогда модно и престижно.

---

[1] Там же. С. 173—175.

Сомневаюсь, чтобы хоть одну из этих книг он читал…

Единственная книга, которая на моей памяти ему очень понравилась, была подарена Хазановым: томик произведений какого-то классика. Открываешь, а внутри — спрятана бутылка водки…»[1]

«Есть такой термин в карточной игре — держать за болвана. Так вот, за этого самого болвана держали они Ельцина. Но кто из них был истинным болваном, показало время.

Умные, интеллигентные, начитанные, привыкшие к накрахмаленным манишкам и консоме из фарфоровой супницы: против драчуна и выпивохи Ельцина эти профессора оказались пустым местом.

Большинство из них вскоре сойдет с дистанции. Из четырех сопредседателей МДГ — скоропостижно умерший Сахаров, понятно, не в счет — в большой политике не останется ни один. Афанасьев удовлетворится местом ректора Историко-архивного института [ныне РГГУ], Попов и двух лет не просидит мэром Москвы, эстонец Пальм вернется к себе в Тарту.

И только Ельцин — барачная шпана, с перебитой оглоблей переносицей и сиплым испитым голосом — на долгие годы сумеет удержаться на этом чертовом колесе, именуемом властью.»[2]

Однако некоторое время в МДГ лидирующую роль играл Юрий Афанасьев, который считал Б. Ельцина не совсем подходящей фигурой в качестве вождя оппозиции. При этом Ю. Афанасьев упорно разыгрывал прибалтийскую карту. На встрече с трудящимися в г. Таллине он заявил: «Я историк. С точки зрения исторической, мне представляется, что пакт Молотова — Риббентропа решил судьбу Эстонии. За ним последовала по существу оккупация. Многие приучены к мысли, что республики Прибалтики в 1940 году тоже пережили и революционную ситуацию, и социалистическую революцию. Но сегодня трактовать так происшедшее бесперспективно. Речь надо вести об исторической несправедливости в условиях исторической необратимости».

Ю. Афанасьев, развивая эту мысль, призывал признать «совершившуюся несправедливость по отношению к народам Прибалтики в период сталинизма». Из этого высказывания логически вытекает: «если «признать совершившуюся несправедливость по отношению к народам Прибалтики, если констатировать реальную оккупацию», то она продолжается и сегодня».

Далее автор рассуждает: «Мы обсуждаем исторические несправедливости — это бесспорно. Но мы обсуждаем их в рамках

---

[1] Цит. по: *А. Хинштейн.* Ельцин. Кремль. История болезни. М.: «Олма Медиа Групп». 2008. С. 160.

[2] Там же. С. 159.

необратимого процесса. Это порой трудно осознать, но необходимо. Мы живем в мире, где перерешения силой означают уничтожение жизни». Следовательно, Прибалтика по-прежнему оккупирована, поскольку процесс этот необратим, а «перерешение» этого вопроса означало бы «уничтожение жизней».

И, наконец, давая интервью парижскому журналу «Пуэн», Ю. Афанасьев говорит, что «Ленин создал недемократический и репрессивный режим. Движение власти невозможно: исторический процесс необратим. Если этот режим боится правды о прошлом, то он тем самым признается, что он недемократичен и что он частично незаконен. Потому что, если история должна оправдывать прошлое, то она перестает быть историей, становится религией»[1].

И здесь, как видим, проводится мысль о недемократичности, частичной незаконности Советской власти как в целом в стране, так, стало быть, и в республиках, в том числе и прибалтийских, которые, как он указывал ранее, оккупированы.

Эти голословные утверждения Ю. Афанасьева, профессионального историка, ректора столичного историко-архипного института, многими людьми воспринимались на веру и, смыкаясь с позициями националистов из прибалтийских республик, способствовали разжиганию национализма в Эстонии, Латвии и Литве. Тезис об оккупации Прибалтики подхватили местные средства массовой информации и начали муссировать его, вызывая ненависть к русским.

Другой козырной картой в руках этого шулера были так называемые «северные территории» Японии, то есть острова Курильской гряды. Посетив Японию, Афанасьев заявил, что Курильские острова давно пора отдать Японии. Но вот это его заявление не понравилось в России. После этого влияние Афанасьева начало падать.

МДГ разыграла и шахтерскую карту. На первых порах шахтеры не выдвигали политических требований. Г. Старовойтова, как рассказывали тульские лидеры рабочего движения, плотно работала с ними. В Донбассе высадился Станкевич. С шахтерскими лидерами «беседовали» Гавриил Попов и Николай Травкин.

Внимательно анализируя ситуацию, Ельцин и его сподвижники повели атаку на Горбачева, обвиняя его во всем. МДГ решила включить в повестку дня очередного Съезда народных депутатов СССР проекты законов о земле, о собственности, о пред-

---

[1] Цит. по: *В. Андриянов, А. Черняк.* Одинокий царь в Кремле. Кн. 1. М.: «Правда». С. 230—231.

приятии и, главное, — торпедировать 6-ю статью Конституции СССР о руководящей роли КПСС. По стране гастролировали, выступая на митингах, Гдлян и Иванов, Старовойтова и Собчак, Бочаров и Полторанин, Заславский и Станкевич, Попов и Афанасьев, Адамович и Новодворская...

О разном они говорили, но надо признать: тогда им удавалось владеть умами людей. У времени свои законы — оно способно менять настроения людей от минуса к плюсу, героев превращать в злодеев, подвиги называть преступлениями. Все зависит от общественного настроя, который создается в стране. Люди сами по себе доверчивы, и во времена общественного психоза им можно вбить в голову, что только хочешь.

И вбивали! Вбивали, что мы зря побеждали фашистов, дескать, вон как они живут сейчас! Если бы не победили, то и мы сейчас так бы жили. Вбивали, что Павлик Морозов и Зоя Космодемьянская враги, а не патриоты. Вбивали, что немедленно надо разогнать все колхозы и совхозы и отдать землю фермерам... Много чего вбивали!

Вернувшись из Америки, 24 сентября Ельцин отчитался перед МДГ о своей поездке и получил одобрение. Решено было активизировать работу МГД, раскрутить маховик кампании против Горбачева, а по существу — по смене политической системы страны (подробнее о поездке Б. Ельцина в США в следующем разделе настоящей главы).

В Москве появились разного рода листовки, прокламации. Одна из них предлагала «для достижения всеобщего народного возмущения довести систему торговли до такого состояния, чтобы ничего невозможно было приобрести». Таким образом, считала МДГ, можно добиться всеобщей забастовки.

Выступая в Высшей партийной школе, народный депутат СССР М. Полторанин предрекал гражданскую войну и введение чрезвычайного военного положения, «которое продлится 1,5—2 года и после этого начнется развал нашей империи. Прежде всего отойдут прибалтийские республики, среднеазиатские, Закавказье. И мы с вами останемся одни, — говорил он, — и, может быть, Россия расколется на Сибирскую республику и Московию. Наша задача спасти страну от крупного разрушения. Конечно, столкновения неминуемы, но мы, скажем, за то, чтобы погибли 5 миллионов человек, а не 100 миллионов в результате всех этих смут, бунтов и т.д. А если мы сегодня будем продолжать цепляться за власть, то мы тянем страну к краю пропасти...».

Почувствовав, что предложения МДГ II Съезду народных депутатов СССР могут не пройти, Координационный совет решил обратиться к избирателям с призывом к двухчасовой предупре-

дительной забастовке: 1 декабря 1989 года обращение подписали пять народных депутатов: А.Д. Сахаров, В.А. Тихонов, Г.Х. Попов, А. Н. Мурашев, Ю. Д. Черниченко. 2 декабря к ним присоединился Ю. Н. Афанасьев. Стачка как таковая не состоялась. Проанализировав все «за» и «против», МДГ решила завоевать влияние в местных Советах и на выборах весной 1990 года добиться избрания Ельцина лидером России.

Вот как описывает политическую ситуацию, сложившуюся в стране накануне выборов в Верховный Совет РСФСР, один из лидеров МДГ Г. Попов:

«От тактики оппозиции, на которую мы предполагали, пойти летом 1989 года, мы перешли к тактике борьбы за власть на ее нижних этажах.

Было ли это решение правильным? Сегодня я уже не так уверен. Мы недоучли в полной мере, во-первых, того, что выборы в республиках неизбежно усилят силы национального освобождения или заставят коммунистов-националистов самих в погоне за голосами — выдвинуть лозунги национального возрождения. Да и в России этот аспект — упор на возрождение именно России — стал играть важную роль. Все это стало серьезным фактором будущего развития. Мы избрали тот путь борьбы за власть, который уже содержал вариант отказа от СССР. От этого проекта никуда не уйти.

Во-вторых, мы не вдумывались в то, что, получив даже большинство в местных Советах, мы еще власть не берем. Власть останется у аппарата. А вот народ будет считать, что мы власть взяли.

В-третьих, мы недостаточно продумали и то, что даже если после победы на местах мы получим право чистить местный аппарат, все равно у нас нет своих аппаратчиков и кандидатов на посты в аппарате. Резервов для создания новой бюрократии у нас не было.

Словом, много из того, что выяснилось в последующие годы, мы не предусмотрели...

Для организации выборов парламента России мы создали из всех организаций, поддерживающих нас, единый блок «Демократическая Россия». Мы достаточно продуманно выдвинули кандидатов, обеспечили их регистрацию и включение в списки. И потом боролись за их победу.

...Трудностей было много — уже в том, как подсказать избирателям, что такой-то кандидат от «Демократической России». Выход был найден. Если избирателям были неизвестны фамилии Иванов, Петров, Сидоров, то подписывали обращение к избирателям Ельцин, Травкин, Попов, Афанасьев, Станкевич, Мурашев. Это означало, что это наш кандидат».

Как видим, очередная предвыборная кампания была разработана окружением Ельцина в деталях. Только он сам совершал

иногда не предусмотренные никем кульбиты. Очередной скандал разыгрался осенью того же 1989 года. Шла сессия Верховного Совета СССР. Борис Николаевич не пришел на одно заседание, другое. Не было его и на третьем. По Москве поползли слухи о покушении на народного депутата...

15 октября «Московские новости» публикуют следующую информацию: «На протяжении нескольких дней в редакции раздаются звонки читателей: правда ли, что на Бориса Ельцина было совершено хулиганское нападение и он находится в тяжелом состоянии?

Мы обратились в Главное управление внутренних дел Мосгорисполкома. По словам заместителя начальника управления охраны общественного порядка В. Бондарева, до ГУВД тоже дошли слухи о якобы имевшем место инциденте, но информации о происшествии у московской милиции нет.

Тогда пришлось обратиться к самому Ельцину. Он подошел к домашнему телефону:

— Я уже знаю об этой новой волне слухов, «к которым с недавнего времени мне приходится привыкать. Сейчас я немного приболел, видимо, в Америке простудился и теперь вот вынужден сидеть дома». В тот же день собирается митинг протеста. Выступающие требуют расследования и наказания виновных в преступлении. Оказывается, никто не читал то, что сообщали «Московские новости».

Новая информация в «Комсомольской правде»: «В редакции раздаются многочисленные звонки: почему Ельцина нет на сессии? Ходят слухи, что кто-то сбросил его в реку...

Мы позвонили Борису Николаевичу домой. Вот что он ответил:

— Чуть ли не каждую неделю до меня доходят такие слухи; то у меня инсульт, то я попал в автомобильную катастрофу, и даже что меня убили. Но все это, конечно, слухи, не более. На самом деле со мной все нормально. В поездке по Америке я, вероятно, простудился и сейчас приболел. Но температура уже спала. Лечащий врач сказал, что с 16 октября могу приступить к работе. Так что в понедельник буду участвовать в работе сессии Верховного Совета СССР»[1].

Подробнее о «мокром деле» в отношении Б. Ельцина в следующем разделе настоящей главы.

В период предвыборной кампании Б. Ельцин совершает ряд поездок в зарубежные страны, с руководителями которых он де-

---

[1] Цит. по: *В. Андриянов, А. Черняк.* Одинокий царь в Кремле. Кн. 1. М.: «Правда». С. 232—234.

лится своими политическими планами, налегая при этом на критику политического курса М. Горбачева.

...В январе 1990 года Ельцин вылетел в Японию. С первого же дня пребывания в стране он заявил две вещи: восхищался Страной восходящего солнца и резко отрицательно отзывался о своем государстве и особенно о М. Горбачеве. Чтобы иметь полное представление о позиции Ельцина, о том, что он говорил, достаточно познакомиться с материалами одной лишь пресс-конференции, которая была дана 23 января 1990 года в клубе иностранных корреспондентов в Токио.

Он был в Японии, а на Родине разворачивались трагические события. Началась война между Азербайджаном и Арменией. В Азербайджан были введены войска для обеспечения порядка.

«Вопрос: Согласны ли вы с решением Горбачева направить войска в Азербайджан или выступите против этого решения? Что Вы можете сказать по поводу имевших место жертв?

Ответ: Конечно, несколько затруднительно отвечать на такие вопросы, находясь здесь, а не там, в стране, не участвуя в обсуждении как член Президиума Верховного Совета СССР. Но в принципе я против того, чтобы армия использовалась против мирного населения...

Вопрос: Ваша группа известна тем, что она выступает за предоставление большей автономии регионам. Консерваторы в Советском Союзе утверждают, что те уступки, которые уже были сделаны руководством в направлении предоставления большей автономии регионам, лишь высвободили джинна из бутылки и способствовали активизации требований о выходе республик из состава СССР, что может привести к распаду Советского Союза. Поддерживаете ли вы эти требования? И второе, считаете ли вы такой процесс дезинтеграции неизбежным следствием перестройки и гласности?

Ответ: Я действительно выступаю за максимальную самостоятельность в рамках федерации республик как государств, имеющих свою Конституцию. Именно сверхцентрализация и монополия одной партии на власть привела к такому положению нашу страну. В отношении джинна из бутылки. Да, надо его постепенно все равно выпускать, потому что если продолжать держать так, как держали 72 года, то мы бы неизбежно через какое-то время, и достаточно короткое, получили бы Румынию. Только еще в более крупных масштабах, учитывая нашу страну. Безусловно, я не поддерживаю тех, кто выступает за выход отдельных республик из Союза. Мне кажется, мы неправильной тактикой перестройки сами создали такую ситуацию. Когда с 1985 года обще-

ство стало демократизироваться и расти гласность, народ стал раскрепощаться, у народов республик появилось чувство национального достоинства. А мы все-таки продолжали распределять мыло и гвозди из Москвы вместо того, чтобы три года назад принять закон о разделении функций между Центром и республиками, чтобы дать предельную самостоятельность республикам, а Центру оставить только узкий луч стратегического планирования. Но народ все-таки уже глотнул немного свободы.

И еще очень важное условие — уйти в основном от централизованного планирования, перейти на договорную систему между республиками так, как было задумано в 1922 году. Ну а с другой стороны, зачем же в Конституции есть право на самоопределение вплоть до отделения, если не будет такого случая, что какая-то республика выйдет из состава? Тогда что, в Конституции ради, так сказать, только декларирования этого вопроса? Я не исключаю, короче говоря, такую возможность. И при этом надо сдержать свои эмоции и уж никак не пугать войсками».

На вопрос о судьбе «северных территорий» он не дал четкого ответа в «духе Ю. Афанасьева», а отделался критикой позиции М. Горбачева, в которой он не видит «подвижки в территориальном вопросе». Но главное в его выступлении — это критика консервативного крыла Политбюро ЦК КПСС.

«Вопрос: Вы упоминаете аппаратчиков и консерваторов, когда говорите о правой части партии. Я понимаю, что опасно навешивать ярлыки на людей или группы людей. Но не могли бы вы назвать по именам консервативные элементы в Коммунистической партии?

Ответ: Вы имеете в виду из всех 20 миллионов? Из какого состава вы имеете в виду назвать? Политбюро? (Получил утвердительный ответ). Политбюро. Нет, я не потому, что меня смущает, так сказать, назвать фамилии. Меня это не смущает, тем более на меня столько ярлыков навесили, что я *пока* еще не отыгрался (Выделено мной. — *А.К.*).

Консервативная часть Политбюро. Самый ярый — Лигачев. Без порток, без штанов, но обязательно строить коммунизм. Он будет выполнять указания Маркса до конца своей жизни. Если его вывели бы из состава Политбюро года три назад, перестройка бы очень здорово выиграла. Остальные, не буду их дифференцировать между собой, а скажу, что, так сказать, на каком-то усредненном уровне консерватизма и догматизма: Зайков, Воротников, Медведев, Крючков как исполнитель. Рыжков... Много еще членов Политбюро. Рыжков вообще склонен был бы изменить свою позицию, не будь он уж очень и очень исполнительным воли Гор-

бачева. Маслюков только что вошел в состав Политбюро, оглядывается, куда бы ему примкнуть. Шеварднадзе — умный политик, он держит линию Горбачева. Не свою, а Горбачева. Горбачев. Был в начале перестройки чуть левее центра, потом сместился на центр, сейчас сместился правее центра. Я не говорю о кандидатах и секретарях ЦК.

Вопрос: Какие шаги вы намерены предпринять, когда вы вернетесь домой? Скажете ли вы Горбачеву, что ему следует уйти от власти, или вы поддержите его, поскольку ситуация весьма критическая, и вам нужно будет оказать ему поддержку?

Ответ: Я, по-моему, уже очень четко выразился: это будет зависеть от позиции Горбачева. Пойдет он в сторону радикальных реформ — безусловно, его поддержу. И я, и те, кто меня поддерживает, и народ поддержит. А если не пойдет, тогда — размежевание. И важно: мы создаем не партию, а учредительный съезд союза всех демократических обществ и образований нашей страны. Это будет мощная сила»[1].

Как видим, Ельцин повторялся в Японии, о многом он уже говорил в США, его выступления, лекции не содержат никаких теоретических посылок, не видно и каких-то глобальных программных положений. Тем не менее он активно выступает против Горбачева. И не только в японских СМИ. 20 января голландский еженедельник «Эльзервист» помещает интервью с Ельциным под заголовком «Мы сыты Горбачевым». «Мы только что основали демократический фронт, — сообщает еженедельнику Борис Ельцин. — Это союз различных организаций, Межрегиональной группы, народного фронта, литовского «Саюдиса» и организации критически настроенных офицеров «Щит». ...Нас объединяет неудовлетворенность медленными темпами преобразований. Перестройка не удалась. Руководство провалилось».

На следующий день в беседе с корреспондентом «Радио Канады» Борис Ельцин назвал «ошибкой посылку войск, чтобы положить конец фактически гражданской войне между Азербайджаном и Арменией. Он подчеркнул, что нельзя использовать войска для решения межнациональных проблем».

Вернувшись ненадолго в Советский Союз и выступив на предвыборных собраниях (Ельцин баллотировался в Верховный Совет РСФСР, на этот раз в Свердловске), он снова устремляется за границу. Вышла его книга, и он хочет представить ее. Ельцин стал своего рода звездой. На страницах газет появляется, пожалуй,

---

[1] Цит. по: *В. Андриянов, А. Черняк.* Одинокий царь в Кремле. Кн. 1. М.: «Правда». С. 240—242.

ежедневно. Один из французских журналов посвятил ему весь номер. Ельцин дома, в кругу семьи, вот он собирается на заседание в Кремль, идет по улице... Есть снимок на рыбалке.

Рекламируя книгу, Ельцин совершает стремительную поездку по шести странам, дает автографы, беседует с журналистами. Он доступен, прост.

Об издании этой книги в Советском Союзе никто не знает. За границей же она, похоже, становится бестселлером: в США и ФРГ цены достигли соответственно 20 долларов и 36 марок. Доверенное лицо автора — А. Музыкантский — сообщает одному из западных журналистов, что, кроме США, книга вышла еще в восьми европейских странах. Все гонорары якобы идут на покупку одноразовых шприцев[1].

Справедливости ради надо сказать, что книга пользуется спросом. Но летят и критические стрелы. Ведущая французская газета «Монд» считает, что «книга не содержит никакой программы. Читатель, который хотел бы найти в ней авторское видение будущего СССР, останется разочарованным. Нет и ответов — или они весьма приблизительны — на вопрос, как решить национальные проблемы, нарастающие экономические трудности».

«276 страниц книги не дают читателю ответ на вопрос, какова программа этого политика, — пишет «Юманите». — Ельцин, изображенный им самим, предстает человеком правильным, смелым, простым, любезным, компетентным во всех вопросах. Одновременно он в пух и прах разносит всех руководителей КПСС».

Джон Ллойд из «Файнэншл таймс», ознакомившись с книгой Ельцина, пришел в ужас: «Биография Бориса Ельцина внушает страх».

В конце апреля Ельцин залетел в Англию. Залетел, чтобы побыть на презентации книги, открыть счет в банке якобы для борьбы со СПИДом, а главное, чтобы встретиться с «железной леди». Маргарет Тэтчер боготворила Горбачева и на дух не переносила смутьяна, так что приближенным стоило немалых усилий уговорить ее принять его.

Вот что писала об этом английская «Санди корреспондент» в марте 1990 года: «Г-жа Тэтчер согласилась принять Бориса Ельцина. Полагают, что решение Тэтчер встретиться с Ельциным, прибывающим в Англию, было принято после нелегких размышлений на Даунинг-стрит, потому что премьер-министр решительно поддерживает Горбачева и намерена это подчеркнуть во время предстоящих переговоров».

---

[1] Речь идет о мемуарах Б. Ельцина «Исповедь на заданную тему», фрагменты из которой цитируются в настоящем сочинении.

Встреча состоялась. «Железная леди» чуть-чуть попеняла Ельцину за нападки на Горбачева. Правда, он не особенно переживал, ему был важен сам факт приема. В глазах мировой общественности он все больше прибавлял в весе. Кстати, в сообщении о визите Ельцина в Великобританию другая влиятельная газета «Санди таймс» отозвалась о Ельцине как о второй по значению политической фигуре в СССР. Советский парламентарий, отмечалось в статье, производил во время пребывания в Лондоне впечатление уверенного в себе человека, который, вырвавшись из плена политического забвения, выступает в роли кандидата на пост Президента РСФСР. Как видим, то, о чем дома говорилось намеками, за границей транслировалось во весь голос.

Из Англии Б. Ельцин направился в Испанию. Но тут случилось несчастье, и опять-таки ему хватило того самого спасительного волоска, чтобы остаться живым.

Шестиместный самолет, на котором предстояло лететь в Барселону, вызвал у Ельцина удивление, рассказывает его попутчик В. Ярошенко.

Пилоты заверили, что это — одна из самых надежных машин. Однако, поднявшись в воздух, самолет начал падать. Полностью вышла из строя система электропитания, оборвалась связь с землей. Парашютов на борту не было, планировать летчикам тоже было некуда — кругом одни скалы. В последний момент летчики все-таки присмотрели небольшую равнинку. Но как выпустить шасси, если не работает блок электропитания? И все-таки пилоты умудрились с помощью ручной лебедки и троса вытянуть шасси. Кончалось топливо. К счастью, внизу показался небольшой аэродром. Правда, нормально приземлиться не удалось — самолет потерял скорость и рухнул на бетонку. Ельцин сидел в хвосте, на хвост и пришелся основной удар.

Узнав о катастрофе, президент Каталонии прислал за Ельциным свой самолет с охраной. Поздно вечером Ельцина доставили в Барселону. Ему становилось все хуже, но он отказывался от помощи, сам вышел из самолета, а потом и из машины, которая доставила его в гостиницу.

Рано утром поехал давать интервью на радио, но чувствовал себя очень плохо, иногда терял сознание. Срочно вернулись в гостиницу, вызвали врача: тот определил травму позвоночника и предложил лечь в больницу. Ельцин запротестовал, он просил отправить его в Москву. Пока шла перепалка, его состояние ухудшилось, он вновь потерял сознание. Приехала «скорая», но он сел в обычную легковую машину, согласившись ехать в больницу. А тут — «час пик»! Когда его привезли в госпиталь, он уже был час-

тично парализован — от сильного удара раздробился один и межпозвоночных дисков. Осколки костной ткани позвоночника при малейшем движении травмировали и защемляли нерв.

В больнице, придя в себя, Ельцин снова потребовал отправить его в Москву. Всю ответственность взяли на себя Федосков и Ярошенко. Сложная операция продолжалась несколько часов. Если бы с ней затянули, он остался бы паралитиком на всю жизнь. К счастью, все обошлось благополучно. Кто бы мог представить тогда в Барселоне, что через две недели после вынужденной посадки на горном аэродроме, после уникальной операции, после нескольких туров голосования, на I Съезде народных депутатов 29 мая 1990 года Ельцин будет избран Председателем Верховного Совета.

И в Барселоне, и в Москве, на I Съезде народных депутатов РСФСР Ельцин прошел по лезвию.

Как и в других случаях, сторонники Ельцина тут же объявили о преднамеренной аварии самолета, т. е. обвинили спецслужбы в покушении на Ельцина на испанской земле. КГБ СССР вынужден был опубликовать заявление: «19 мая в ленинградской газете «Смена» появилась публикация за подписью В. Мезенцева, в которой, в частности, говорится следующее: «В пресс-центр МДГ поступила информация о причастности КГБ к аварии самолета, на котором Борис Ельцин направился в Барселону». Далее, как утверждается в этой публикации, «во время полета на борту отказало навигационное оборудование, выключилось питание, не сработало шасси. Пересев на другой самолет, пассажиры едва вновь не попали в сложнейшую ситуацию. Вибрация корпуса достигла неимоверной амплитуды. По словам участников этого рейса, новый самолет также был непригоден для эксплуатации...»

Сообщив эти и некоторые другие подробности, автор статьи заключает: «Конечно, для того, чтобы утверждать, что КГБ причастен к попытке совершения катастрофы, надо обладать неопровержимыми фактами. Пресс-центр МДГ, по понятным причинам, не может взять на себя подобной ответственности. Однако этот и другие сигналы, поступающие к нам, подтверждают неоспоримую истину: когда речь идет о власти, аппарат не выбирает средств».

В связи с этим заявлением пресс-центра МДГ, КГБ хотел бы сообщить, что ему ничего не известно, что произошло на самом деле, какие технические неполадки были на борту самолета, в котором летел народный депутат СССР.

Заранее сняв с себя всякую ответственность и прикрываясь именем пресс-центра МДГ, В. Мезенцев беззастенчиво идет на заведомый обман с расчетом взбудоражить общественное мнение.

Комитет государственной безопасности СССР официально заявляет, что никакого отношения к «инциденту» с самолетом не имеет и рассматривает публикацию об этом как грубую клевету, как оскорбительный прием нечистоплотного политиканства. КГБ СССР обратился в Прокуратуру СССР с просьбой провести расследование обстоятельств, связанных с публикацией в газете «Смена»».

Возвращаясь из очередной зарубежной поездки, Б. Ельцин активно включался в предвыборную кампанию. Кампания проходила в условиях дальнейшей политизации общества, по новому, более демократичному закону о выборах. В 1086 округах баллотировалось 6705 претендентов на депутатский мандат. По одному кандидату оказалось только в 33 округах, а в иных округах было зарегистрировано 20—30 кандидатов. В первом туре голосования, который состоялся 4 марта 1990 года было избрано лишь 11 процентов депутатского корпуса, в их числе был Ельцин, который победил в родном Свердловске, набрав 95 процентов голосов, больше, чем он набрал в Москве на выборах в Верховный совет СССР.

Вообще, к выборам этим Ельцин и его команда готовились куда более основательно. Созданное на базе Межрегиональной депутатской группы движение «Демократическая Россия» выставила своих кандидатов практически по всем округам.

У «ДемРоссии» не было ни особых денег, ни административного ресурса. И тем не менее она одержала сокрушительную победу: демократы выиграли в каждом третьем округе. Крупные города — Москва, Ленинград, Свердловск — поголовно отдали свое предпочтение выдвиженцам Ельцина: именно выдвиженцам, ибо все обращения в поддержку кандидатов были подписаны им лично, и это во многом определило исход битвы.

Если в союзный парламент Ельцин пришел один-одинешенек, то теперь за ним стояла уже целая команда. В основном, это были те, с кем сошелся он в Верховном Совете СССР: люди яркие, неординарные, а потому очень быстро выкинутые за борт. Александр Коржаков вспоминал:

«Умные люди уходили от Ельцина сами. Первым, помню, все прочувствовал Александр Музыкантский: он был одним из десяти его доверенных лиц. Когда Музыкантский поближе присмотрелся к Ельцину, он сказал своим товарищам: все, ребята, оставаться там не стоит.

Это был сигнал, но его почти никто тогда услышал»[1].

---

[1] Цит. по: *А. Хинштейн*. Ельцин. Кремль. История болезни. М.: «Олма Медиа Групп». 2008. С. 231.

Но все это случиться гораздо позже, а пока Ельцин торжествовал, вызывая недоумение у своего оппонента, который начал понимать, что Ельцин рвется к власти вопреки их тайному сговору — идти вместе. Помощник Горбачева Г. Шахназаров вспоминает, как на одном из заседаний Политбюро Генсек принялся вдруг размышлять вслух:

«Странные вещи в народе происходят! Что творит Ельцин — уму непостижимо. За границей, да и дома, не просыхает, говорит косноязычно, несет порой вздор, как заигранная пластинка. А народ все твердит: «Наш человек!»«[1]

А «Наш человек» набирал политические очки не только на выборах. Популярности ему добавляли различные слухи и мифы, которые при любом раскладе толковались в пользу «народного любимца». Не успели утихнуть слухи о «покушении», устроенном, якобы, агентами КГБ в Испании, как Ельцин попадает уже в Москве в ДТП. Прямо у своего дома, на улице Горького, в его «Волгу» врезался старый «жигуленок» — эта пустяковая, в общем ситуация стала предметом многомесячного народного обсуждения.

И хотя виноват был ельцинский шофер, слухи — один кошмарнее другого — будоражили общество. Журналисты пронюхали, что фамилия водителя «Жигулей» Ерин, тут же вспомнилось, что в руководстве МВД работает какой-то Ерин, и пошло-поехало…

«Из десяти москвичей, — констатирует Суханов, — девять верили, что это настоящее покушение. Даже через полгода многие люди всерьез думали, что это КГБ хотел расправиться с неугодным лидером демократов».

Последствия этого ДТП скажутся потом на всей стране. От удара Ельцин получил сотрясение мозга, и ему пришлось даже ненадолго залечь в больницу. У него и так — то психика была надорванной, а вкупе с сотрясением…

Россию ждало веселенькое будущее…

А вот как комментирует это ДТП Александр Коржаков:

«Никакого сотрясения у Ельцина не было. Вообще, вся эта история с ДТП происходила на моих глазах.

Борис Николаевич сидел в «Волге» на переднем сиденье: я сзади. Когда «Жигули» врезались в нас, а мы — в забор, Ельцина ударило виском о верхнюю ручку. Он так закричал, что я подумал: все, конец! Пулей выскакиваю из машины, а дверь у него заклинило. Лезу через разбитое стекло, отдираю обшивку… Хотел вынуть его: бесполезно. Пока не приехала сменная машина, он вы-

[1] Там же. С. 207.

ходить из салона отказывался и беспрерывно стонал, хотя ничего серьезного у него не было: просто вскочила шишка.

Врачи, сколь не пытались, найти у него сотрясения так и не смогли. Но шум поднялся страшный. Все кричали: покушение, покушение!

Именно после этого случая Ельцин и пересел на «Чайку»: якобы его депутаты уговорили озаботиться своей безопасностью…»[1]

Между тем после трех туров голосования был избран депутатский корпус, который, к сожалению, не отразил социального состава общества. Так, женщин было избрано только 5,3 процента, рабочих — 5,6 процента, колхозников — 6. Всего шесть! Но не процентов — человек!

Членов и кандидатов в члены КПСС избрано 86,3 процента. Но далеко не все из них оставались коммунистами. Люди верили в своих избранников, не скрывали своих надежд.

16 мая в Большом Кремлевском дворце открылся I Съезд народных депутатов РСФСР. Многие были настроены избрать Председателем Бориса Ельцина. Они и думать не думали, что спустя некоторое время он расстреляет Верховный Совет из танков. Но это будет в 1993-м, а пока сиренью полыхал в Москве май 1990 года. На съезде предстояло избрать новый российский парламент. Со времен февральской революции 1917 года это было первое голосование в новейшей истории России, когда депутатов избирали исключительно на альтернативной основе.

С первых же дней, даже минут началась борьба между Компартией и объединением «Демократическая Россия», которое было создано Межрегиональной депутатской группой. *21* мая на Съезде выступил Ельцин. Он повел атаку на Центр, на Горбачева, заострил вопрос о суверенитете России и изложил 13 принципов самостоятельности. Среди них — единое республиканское гражданство, формирование республиканской собственности на землю, ее недра, воздушный бассейн, лесные, водные и другие природные ресурсы. Россия должна осуществлять самостоятельную внешнеторговую и валютно-финансовую политику. Она должна иметь свой Госбанк.

Ельцин пошел дальше в трактовке суверенитета и дал понять депутатам, что это не только его точка зрения, а она, мол, апробирована за «бугром»: «Считаю необходимым разорвать монополию Центра во внешнеэкономических связях. Россия должна как суве-

---

[1] Цит. по: *А. Хинштейн.* Ельцин. Кремль. История болезни. М.: «Олма Медиа Групп». 2008. С. 231.

ренное государство самостоятельно заключать договора и соглашения с другими государствами по экономическому, научно-техническому, культурному сотрудничеству, по торговым сделкам и т. д. Даже предварительный обмен мнений с президентом США Дж. Бушем, премьер министром Великобритании М. Тэтчер, политическими деятелями Японии, который у меня состоялся за последние месяцы, показал, что в принципе на Западе положительно оценивают такую возможность прямых контактов с Россией. Думаю, что МИД РСФСР, не дублируя общесоюзный МИД, мог бы расширить свои полномочия. Но это зависит уже от того, как российская Конституция не будет дублировать Конституцию СССР»[1]. Далее Б. Ельцин заявил, что вот основные тезисы из его выступления на съезде:

«России нужен полнокровный суверенитет!

... Многолетняя имперская политика центра привела к неопределенности нынешнего положения союзных республик, к неясности их прав, обязанностей и ответственности. Прежде всего это относится к России, которая понесла наибольший ущерб от изжившей себя, но все еще цепляющейся за жизнь административно-командной системы.

Нельзя мириться с положением, когда по производительности труда республика находится на первом месте в стране, а по удельному весу расходов на социальные нужды — на последнем, пятнадцатом. Единодушное голосование народных депутатов по включению обсуждаемого вопроса в повестку дня говорит о том, что всем нам до предела ясно, что один из важнейших тактических путей выхода из кризиса — обеспечение реального народовластия в России. Средством достижения этой цели является обеспечение реального суверенитета России, равной среди равных союзных республик. Но нужен такой суверенитет, который не означал бы перетягивания власти и привилегий от союзных бюрократов к российским. Проблемы республики нельзя решить, не обладая полнокровным политическим суверенитетом. Только он позволит гармонизировать отношения России и Союза, между автономными территориями внутри России. Необходим политический суверенитет России и в международных делах.

Политическими основами новой Конституции республики, которая должна быть принята раньше новой Конституции Союза, думаю, в текущем году, должны стать следующие принципиальные положения.

---

[1] Из выступления на I Съезде народных депутатов РСФСР, 21 мая 1990г. // Известия. 1990. 25 мая.

1. Российская республика — суверенное демократическое правовое государство добровольно объединившихся в нем равноправных народов.

2. Вся власть в республике принадлежит народу, который осуществляет ее непосредственно и через Советы народных депутатов.

3. Отношения России с другими союзными республиками регулируются отдельными договорами, отношения с Союзом также регулируются специальным отдельным договором.

Сегодня центр для России — и жестокий эксплуататор, и скупой благодетель, и временщик, не думающий о будущем. С несправедливостью этих отношений необходимо покончить. Сегодня не центр, а Россия должна подумать о том, какие функции передать центру, а какие оставить себе. Не нора ли поставить вопрос и о том, а какой центр нужен России и другим республикам Союза. (Аплодисменты.)

4. Акты, принимаемые Союзом, не должны противоречить новой Конституции России и договору с Союзом.

5. Вне делегируемых Союзу полномочий республика самостоятельно осуществляет внутреннюю и внешнюю политику.

6. Отношения между субъектами федерации внутри России регулируются на основе федеративного договора, по которому им гарантируются суверенитет, экономическая самостоятельность автономий, их культурная, национальная самобытность, право на справедливое и равноправное представительство во всех органах федерации.

7. В России устанавливается единое республиканское гражданство. Никто не может быть лишен этого гражданства.

8. Конституция республики гарантирует политический плюрализм, многопартийную систему, действующую в рамках парламентской демократии. Исключается монополия любой партии на власть. Партии и общественные организации действуют в рамках специального закона. (Аплодисменты.)

9. Гражданам России, гражданам других союзных республик, проживающим на ее территории, гарантированы все гражданские, политические и имущественные права.

10. Все формы собственности граждан России защищаются законом.

11. В республике осуществляется полное и безусловное разделение законодательной, исполнительной и судебной властей.

12. Выборы в представительные органы государственной власти являются всеобщими, равными, прямыми и тайными.

13. Пересмотреть атрибутику России, предусмотрев, в частности, создание республиканского гимна.

Экономический суверенитет России возможен лишь при условии формирования республиканской собственности, основу которой должны составить земля, ее недра, воздушный бассейн, лесные, водные и другие природные ресурсы, предприятия, вся производимая продукция, весь научно-технический и интеллектуальный потенциал. Необходимо законодательно обеспечить их использование исключительно в интересах России.

Передача принадлежащих республике природных и других ресурсов в пользование Союзу, другим союзным республикам может производиться на возмездной, выгодной для республики основе только парламентом России.

Очевидно, что этот же принцип должен быть распространен и «вниз», на субъекты Российской Федерации. Субъектами Федерации могут быть не только национально-автономные, но и территориально-экономические образования.

Считаю необходимым обеспечить реальную хозяйственную самостоятельность предприятий, независимо от форм их собственности. Схема такова: самый главный первичный суверенитет в России — это человек, его права. Дальше — предприятие, колхоз, совхоз, любая другая организация — вот где должен быть первичный и самый сильный суверенитет. И конечно, суверенитет районного Совета или какого-то другого первичного Совета».

24 мая началось выдвижение кандидатов на пост Председателя Верховного Совета РСФСР.

Несмотря на внушительную победу демократов, за свое владычество Ельцину предстояло еще побороться. Контрольного пакета голосов не было ни у одной из политических сил. Для того чтобы провести любое решение, требовался 531 голос. «ДемРоссия» же располагала 465 мандатами, а коммунисты — 417; еще 176 депутатов ни к одной из сторон не примыкали.

Но Борис Николаевич не думает сдаваться. В отличие от Горбачева, еще до окончания выборов он успел создать штаб по подготовке съезда. Штаб размещается на базе Комитета по строительству и архитектуре Верховного Совета СССР, которым пока руководит Ельцин, а во главу его поставлен верный соратник, союзный депутат — строитель Михаил Бочаров.

Никакой внятной программы у Ельцина нет. Все его помыслы сведены к одному: получить кресло спикера.

В качестве альтернативы Ельцину коммунисты выдвинули кандидатуру Ивана Кузьмича Полозкова — первого секретаря Краснодарского крайкома КПСС. В первом туре голосования за Ельцина проголосовало 497 депутатов, за Полозкова — 473. во втором туре Ельцин набирает 503 голоса, Полозков — 458. Кандидатура Полозкова явно не проходная, поэтому вместо него вы-

ставлен другой кандидат — Александр Власов, бывший Министр внутренних дел СССР, а затем Председатель правительства РСФСР.

«Существуй в природе термометр для измерения политической температуры, этот столбик зашкалил бы до предела. Нервное напряжение достигло апогея. Для того чтобы наговориться, депутатам не хватало целого дня. Голосования проходили ночью, причем большинство ельцинских сторонников по домам не расходились, дожидаясь итогового подсчета: спали на лестницах, лавках, столах.

За Кремлевской стеной, прямо на Красной площади, бушевали стихийные митинги. Тысячи москвичей пришли выразить поддержку своему любимцу.

Сам Ельцин старался демонстрировать стоическое спокойствие, хотя внутри него бушевали невиданные страсти. Окружение даже боялось, как бы не надломился он, не лишился разума. «Все ждали, — вспоминал его помощник Суханов, — кто первым не выдержит: Ельцин или съезд».

Вечером после одного из голосований, описывает тот же Суханов, вместе с патроном он отправился домой.

«Когда мы немного отъехали, он как жахнет кулаком по передней панели… Я уж думал — машина развалится… Смотрю, слезинка по щеке шефа покатилась…»«[1]

Но в итоге, после горячих дебатов, чуть не закончившихся рукопашной, эта порядком затянувшаяся история подошла к концу. 29 мая, с третьей попытки, новым председателем Верховною Совета РСФСР был избран Борис Николаевич Ельцин. Он набрал семь голосов сверх положенной отметки, а его соперник — Власов — не получил и того, что имелось прежде у Полозкова: 535 голосов против 467.

М С. Горбачев узнал об избрании Б. Н. Ельцина Председателем Верховного Совета РСФСР в Канаде. Официального поздравления от Президента СССР победителю не последовало.

«Неожиданно Михаилу Горбачеву появилась альтернатива, — заметила тогда газета «Таймс». — В течение пяти лет советский Президент разыгрывал на политической сцене спектакль. И все говорили, что альтернативы ему нет. Но вот она появилась — это 59-летний Борис Ельцин».

В мировой печати замелькало непривычное для слуха россиян определение успеха, выпавшего на долю Б. Ельцина, как «харизматического лидера». Таковым, по меркам западноевропейского менталитета, является политический лидер, в котором на какой-то мо-

---

[1] Цит. по: *А. Хинштейн.* Ельцин. Кремль. История болезни. М.: «Олма Медиа Групп». 2008. С. 217.

мент концентрируются самые сокровенные народные чаяния. Другой вопрос — насколько такой лидер эти чаяния оправдывает.

Действительно, на какой-то момент в новейшей истории России Б. Ельцин оказался именно таким харизматическим лидером, или, проще говоря, Мессией. Что бы ни говорили потом, и как бы ни развивались политические события, в центре которых на десять лет оказался Б. Ельцин, однако некая могучая волна, поднявшаяся в России за два года до провозглашения независимости, подхватила именно Ельцина.

Феномен харизмы Б. Ельцина, достигший своего апогея в середине 1990 года, некоторые исследователи сравнивают с всенародным признанием лидерства В.И. Ленина в середине 1917 года, накануне Великой Октябрьской социалистической революции. Так, А. Бушков считает, что с Ельциным произошло: «…в точности, как это было с Лениным в семнадцатом году: он почувствовал эту войну — и сумел ее оседлать»[1].

29 мая 1990 г. Б. Ельцин стал во главе России.

— Смотрите, Борис Николаевич, какой кабинет отхватили! — восхищенно воскликнул помощник Ельцина Лев Суханов, когда они впервые вошли в Белом доме в кабинет Воротникова, бывшего Председателя Совета Министров РСФСР.

Кабинет был действительно огромный, похлеще, чем в Свердловске и в Московском горкоме, ну и, конечно же, ни в какое сравнение не шел с той каморкой, в которой Ельцин прозябал в Госстрое. Так что восхищение Л.Суханова понять можно.

Более сдержано отреагировал на это сам Б. Ельцин:

«Я в своей жизни успел повидать много кабинетов. И все-таки этот мягкий, современный лоск, весь этот блеск и комфорт как-то кольнули. «Ну и что дальше? — подумал я. — Ведь мы не просто кабинет, целую Россию отхватили». И сам испугался этой крамольной мысли».

Испугался? Задуматься тут есть над чем. Хорошо, отхватил Россию, надо ею управлять, надо выполнять, что пообещал людям. А пообещал улучшать жизнь. Так теперь и действуй, чего бояться?

А может, испугался, что настал час расплаты? Пришла пора выполнять обещания, которые дал тем, кто привел к власти, кто сделал хозяином этого кабинета? Если верить Ю. Воронину, прежде первому заместителю Председателя Верховного Совета СССР, «еще в феврале-марте 1990 года Верховному Совету СССР стало известно о подготовке «демократами» совместно с американ-

---

[1] *А. Бушков*. Хроника мутного времени (Дом с привидениями). М.: «Олма Медиа Групп», 2008. С. 288.

скими и германскими службами особого плана стратегического развития России. Он охватывал широкий круг политических и экономических проблем России сначала в рамках СССР, а затем и РСФСР как суверенного государства».

Ю. Воронин приводит некоторые фрагменты из этого плана.

После избрания Б. Ельцина Председателем Верховного Совета РСФСР предполагалось:

1) Сокрушение КПСС и СССР с последующим устранением от власти М. Горбачева.

2) Поощрение центробежных сил в Союзе, объявление России суверенным государством.

3) Президентские выборы в России. Для победы на них выдвинуть лозунги: «Побольше суверенитета каждой территории», «Берите столько прав, сколько сможете реализовать, проглотить», даже если развалится Россия.

О том, как были реализованы эти планы в течение одного лишь 1991 года, речь пойдет в следующей главе. Трагические последствия этой «реализации» для судеб СССР и России не идут ни в какое сравнение даже с ущербом, нанесенном четырьмя годами Великой Отечественной войны (1941 — 1945 гг.).

«Россия так устроена, что в ней все, что можно, персонифицировано. И она очередной раз подняла и вознесла на гребне волны одного человека, и этим одним оказался Б. Ельцин. То, что ожидания многих не оправдались — это уже их личное дело, как ни цинично это может кому-то показаться. Как выражаются украинцы, «бачилы очи, що куповалы»…[1]

3.4. Сентябрьские «каникулы» 1989 года. Горячие встречи в Америке и холодное купанье в Подмосковье

Тайны друзьям поверять нельзя,
Ибо у друзей тоже есть друзья,
Старательно тайны свои береги.
Сболтнешь — и тебя одолеют враги.

Саади

Ельцин практически никогда не был за рубежом, если только таковой считать его поездку в составе группы свердловчан в Че-

[1] *А. Бушков*. Хроника мутного времени (Дом с привидениями). М.: «Олма Медиа Групп», 2008. С. 288.

хословакию, о которой нами упоминалось выше. Его очень интересовала Америка. Поездку в США помог ему организовать народный депутат СССР Виктор Ярошенко через правление Фонда социальных изобретений (председатель фонда — Геннадий Олиференко). Активно помогал устроить эту поездку специальный корреспондент «Комсомольской правды» Павел Вощанов, который вскоре станет пресс-секретарем Ельцина. В своей «Исповеди…» Б.Н. Ельцин вспоминает:

«После окончания работы Межрегиональной депутатской группы наступили короткие парламентские каникулы, а уже в середине сентября я оказался в Америке, и эта короткая поездка — всего на девять дней — наделала много шума.

В США я оказался по просьбе нескольких общественных организаций, университетов, ряда политических деятелей, всего я получил около пятнадцати приглашений. Предполагалось, что поездка будет продолжаться две недели, однако в ЦК партии решили отпустить меня только на одну. Для организаторов это известие стало катастрофой, и они попросили меня, не срывая программы, попытаться уместить большинство запланированных встреч, лекций и т. д. в одну неделю. Когда-то в школе, а потом в институте я проходил теоретический постулат об эксплуатации человека человеком при капитализме. Теперь же этот неоспоримый тезис я испытал на собственной шкуре. Я спал по два-три часа в сутки, перелетал из одного штата в другой, за день проходило по пять-семь встреч и выступлений, и так всю неделю без остановки. Очнулся от этой спринтерской гонки я лишь в самолете, который уносил меня в Москву, и теперь у меня есть мечта побывать в Америке еще раз, но только увидеть ее не как в убыстренном кино, а спокойно, не спеша, рассмотрев детали, на которые в этот раз времени не хватило.

О моей поездке в Штаты много писали и в самих США, и у нас в стране, поэтому об основных ее итогах вряд ли стоит распространяться. Было много интересных встреч, начиная от президента Буша и заканчивая простыми американцами на улицах городов. И я наверняка покажусь банальным, но все же больше всего меня поразили именно простые люди, американцы, излучающие удивительный оптимизм, веру в себя и в свою страну. Хотя, конечно, были и другие потрясения, от супермаркета, например... Когда я увидел эти полки с сотнями, тысячами баночек, коробочек и т. д. и т. п., мне впервые стало откровенно больно за нас, за нашу страну. Довести такую богатейшую державу до такой нищеты... Страшно…

…Конечно знал, что моя поездка в официальных верхах вызовет бурную негативную реакцию. Я подозревал, что будут по-

пытки скомпрометировать и меня, и мое путешествие в США. Но что мои недоброжелатели опустятся до столь откровенной глупости и беззастенчивой лжи, честно говоря, этого я не ожидал.

Реакция москвичей и многих-многих людей со всех уголков страны была однозначной. Я получил тысячи телеграмм с поддержкой в свой адрес. Провокация на этот раз не удалась»[1].

В отличие от Ельцина Ярошенко уже бывал в Америке. Восхищался страной, ее экономикой, сошелся с рядом влиятельных лиц. По признанию самого Ярошенко, команда «решила сделать все возможное, чтобы Ельцин посетил Соединенные Штаты и лично убедился в перспективах непривычной для нас рыночной экономики».

Ярошенко и Вощанов занимались встречами Ельцина с зарубежной прессой. В ходе одной из таких встреч с известным американским журналистом Джеком Андерсеном, тем самым, который провел независимое расследование «Уотергейтского дела», стоившего поста президенту США Никсону, Ярошенко попросил его организовать поездку Ельцина в США. Тот выдвинул встречные предложения: да, я готов взяться за это дело, но прежде должен сам встретиться с Ельциным. Когда Ярошенко сказал об этом своему протеже, тот сразу согласился дать аудиенцию Андерсену, хотя высказал сомнение, что ЦК разрешит ему поездку в Америку.

Тем не менее машина завертелась. Какие силы ее двигали, неизвестно, но приглашение Ельцину привез лично исполнительный директор института «Эсален» Джим Гаррисон, занимавшийся советско-американскими обменами. Подобные организации как у нас, так и у них сами по себе не существовали. Потому и предложение было сделано по всем правилам. Не от мало кому известного института Ельцина пригласили пожаловать в Америку, а члены сената и палаты представителей США, Фонд братьев Рокфеллеров, Фонд Форда, колледж Оберлин, университет Хопкинса и только потом шел институт «Эсален».

Джим Гаррисон, кстати, никогда не глядевший собеседнику прямо в глаза, вместе с приглашением привез и программу двухнедельного пребывания Ельцина в Штатах. В ней значились выступления в университетах, различных фондах, административных учреждениях, клубах, а также встречи с политиками и бизнесменами. Получив такую бумагу, в ЦК КПСС зачесали головы. И разрешишь — скандал, и не разрешишь — еще больший скандал! Клерки понесли от кабинета к кабинету записку, которая обрастала все более важными подписями.

---

[1] *Б. Ельцин.* Исповедь на заданную тему. Ассоциация уральских издателей. 1990. С. 226—228.

За двое суток до вылета Ельцин еще не знал, полетит или нет. Визу получил в день вылета. Правда, не на две недели, а на одну, ибо ровно через 7 дней должен был вернуться на пленум ЦК.

В Нью-Йорк они прилетели ночью 9 сентября 1989 года. И сразу же их взяли в оборот. Организаторы не стали ломать программу, а решили уплотнить ее. Ельцину действительно пришлось туго. Не успел толком оклематься после самолета — в 7 утра его уже подали на телевидении — в программе «Доброе утро, Америка!». И пошло-поехало! Вот, например, программа первого дня пребывания Б. Ельцина в Нью-Йорке:

7.15 — Интервью телекомпании Эй-би-си.

9.00 — Деловая встреча с президентом Нью-Йоркской фондовой биржи, на которой обсуждался вопрос об участии американских финансистов в создании аналогичной биржи в СССР.

11.00 — Интервью телекомпании Си-би-эс.

12.15 — Встреча и лекция в совете по внешним сношениям США.

14.15 — Интервью для телепрограммы «Час новостей».

17.00 — Двухчасовая лекция перед преподавателями, студентами и аспирантами Колумбийского университета.

19.30 — Встреча с руководителями крупнейшего в США благотворительного Фонда братьев Рокфеллеров.

22.30 — Вылет в Балтимор.

Да, можно посочувствовать Ельцину, но есть тут и маленькая деталька. Он делал это не бескорыстно. Во-первых, понимал, что зарабатывает политический капитал, а во-вторых, получил и наличные:

«По условиям, оговоренным организаторами поездки, за чтение лекций в университетах мне выплачивались гонорары. В последний день выяснилось, что за вычетом всех расходов по пребыванию нашей группы из четырех человек, сумма, которой я могу распоряжаться, составила сто тысяч долларов»[1].

Вряд ли хоть один выдающийся ученый, писатель, нобелевский лауреат получал такие гонорары за «чтение лекций». Тогда что это? Думайте сами, гадайте сами. Как говорил Штирлиц, это хорошая информация к размышлению.

В Нью-Йорке Ельцин по инициативе одного из руководителей «всемирного» института «Эсален» Боба Шварца облетел на вертолете статую Свободы, после чего лукаво приподнял правую бровь и, сделав всем известную гримасу, бросил фразу, похоже, из домашней заготовки: «Это никакая не ведьма, а весьма привлекательная дама».

---

[1] Цит. по: *В. Андриянов, А. Черняк.* Одинокий царь в Кремле. Кн. 1. М.: «Правда». С. 190.

Подобными заявлениями высокий гость то и дело шокировал американцев. Но это мелочи. А вообще-то программа, как уже говорилось, была далеко не простой. И в первый же день Ельцину пришлось вспотеть не столько от юпитеров телекомпании Эй-би-си, сколько от вопросов ведущего Чарльза Гибсона. Эта беседа имеет некоторые ключевые моменты. Во-первых, будущий властитель России излагал в ней свою программу, а во-вторых, он говорил о своем отношении к США.

Отвечая на вопрос, сколько, по его мнению, времени отпущено М.С.Горбачеву для достижения какого-то успеха в проведении реформ, Ельцин ответил: «Более реально полгода, но, может быть, год, но не более», — как в воду глядел, эдакий пророк!

Вопрос: «Вы думаете, это все время, которое у нас есть?»

Ельцин: «Да».

Вопрос: «*Если* за этот период времени прогресс не будет достигнут, то что произойдет?»

Ельцин: «Тогда будут трудные временя. И об этом надо посоветоваться, в том числе и с руководством администрации США». — Вон оно что!

Вопрос: «Что вы имеете в виду, когда говорите «трудные времена»?»

Ельцин: «Это значит кризис. Это значит движение снизу. Это значит революция снизу».

Вопрос: «В какой форме? Горбачев тоже в субботу говорил об атмосфере тревоги в обществе. Какого рода революцию снизу вы предвидите?»

Ельцин: «Я имею в виду... Уже начало есть. Это забастовки. Сегодня забастовки — это отдельные «горячие точки» нашей страны, а революция — когда это охватывает всю страну».

Вопрос: «Вы выступаете за шаги к предоставлению большей автономии, как, например, требуют прибалтийские республики?»

Ельцин: «Да, у них есть такое стремление. Сейчас оценивается примерно 54 процента от населения прибалтийских республик. Но благодаря законам, которые принял Верховный Совет, об экономической самостоятельности и хозрасчете, повышается национальное самосознание, их независимость обеспечивается. И на этом фоне, я думаю, что снизится процент желающих выйти из страны».

Вопрос: «Касаясь того периода времени, который остается у Горбачева, вы говорили о революции снизу, о большей автономии для некоторых районов Советского Союза. Но вы не имели в виду какой-то переворот сверху, например, партия наносит удар, и сторонники жесткой политики возвращаются к власти? Или военные применяют силу?»

Ельцин: «Нет, ни в коем случае нельзя, чтобы возникла гражданская война. Ни в коем случае нельзя, чтобы войска бы и введены в Прибалтику. Нам достаточно Тбилиси, где свои убили 20 человек своих. Это — преступление против своего народа»

Вопрос: «Вы пробыли в США всего 36 часов. У вас появились уже какие-то первые впечатления о стране?»

Ельцин: «Да, конечно. Первое впечатление — это люди. Я у вас в первый раз. Мне все время вбивали в голову с помощью « Краткого курса истории ВКП(б)» — капитализм гниет, американцы — грубые, воинственные и бесцеремонные люди, а их города и дома, как надгробные памятники. За полтора дня у меня это мнение изменилось на 180 градусов. Капитализм процветает. Американцы — добродушный, гостеприимный и очень приветливый пород. Америка — это великая страна, а города и дома — очень интересные архитектурные сооружения»[1].

Уже в ходе этой короткой беседы Ельцин польстил американцам. Изложил видение развития событий в СССР. Только ли свое? Нет, и Межрегиональной группы. Но, как заметил читатель, оказывается, он приехал советоваться с американским правительством. О чем и с кем советоваться? Об этом, как видите, сказано ничего не было.

А теперь проанализируем лекцию, которую прочитал Ельцин 11 сентября в Колумбийском университете. Кстати, в печати она раньше не появлялась. Лекцией, правда, это назвать трудно, поскольку монолог длился чуть больше десяти минут, а дальше шли вопросы. «Лекция» имела вполне научное название: «Границы советской демократии», в ходе которой Ельцин сказал:

«Сначала несколько слов о впечатлениях первых двух дней пребывания на земле США — великой страны и великого народа. Воспитанный и пронизанный с помощью «Краткого курса истории ВКП(б)», где говорилось, что капитализм загнивает и сгниет если не завтра, то послезавтра точно, американцы — люди злые, агрессивные и бесцеремонные, а Нью-Йорк — это просто набросанные надгробные памятники.

И вот два дня. Первое: капитализм процветает. Американский народ — а я был и встречался и с деловыми кругами за эти двое суток, и ночью с бездомными, которые спят на тротуарах, и с другими людьми, и со мной здоровались на улицах, будто я в Москве, — все это говорит о том, что американцы — трудолюбивый, дружелюбный и сердечный народ, а Нью-Йорк — это не камни. Мне рассказывали, будто Пятая авеню –— это просто ка-

---

[1] Цит. по: *В. Андриянов, А. Черняк.* Одинокий царь в Кремле. Кн. 1. М.: «Правда». С. 191—192.

кая-то щель, а не улица. На самом деле это прекрасная улица, а магазин архитектора Трампа (в зале раздался смех, голоса: он не архитектор. Дональд Трамп — миллиардер, финансирует крупные строительные проекты, в том числе сооружение самого высокого и фешенебельного здания в мире) — Ну 42 года... у вас самый молодой и талантливый архитектор страны Трамп. Да? (Смех). Со вкусом запроектированное, построенное здание, сооружение — и таких много. Хотя и есть так называемые «хрущевки», но они бы у нас сошли за комфортабельное жилье.

О состоянии нашего общества, о состоянии перестройки. Да, мы тоже великая страна с трудолюбивым народом, но, к сожалению, не везет с руководством. Поэтому, хотя мы и прошли 72 года, мы моложе американской демократии, которой более двухсот лет, и сколько бы мы ни пытались догнать и перегнать Америку, этот образ, наоборот, отодвигается от нас. То есть такую задачу, наверное, сейчас уже просто не надо ставить, чтобы не оболванивать народ.

Мы все время строили социализм. Причем каждый лидер страны перед смертью — а он обязательно заканчивал лидерство, только умирая — обязательно давал своим ученым задание придумать, какой этап социализма под его руководством построен, Так мы начали строить социализм, потом его построили, потом его построили окончательно и бесповоротно, потом построили развитой социализм, хотя никто знать не знает, что это такое. Пришел новый лидер — стали думать, какой следующий этап. В лексиконе слов не нашлось. На самом деле из пяти классических составляющих социализма выполнено только одно — обобществили собственность, да и то сделали это настолько коряво, что уже трудно править. Поэтому, хотя о покойниках всегда говорят только хорошее, у нас о лидерах скончавшихся ничего хорошего (не говорят). Началась перестройка. Хотя набор из лексики: перестройка, гласность, ускорение, кстати, есть у Канта. Я в свое время думал: откуда Горбачев эти слова взял? А потом, когда Канта почитаешь (представляете, перед сном Канта, наверное, почитывал. — А.К.). Оказывается, там все эти слова есть. Началась она действительно достаточно успешно, особенно в вопросах гласности и демократизации общества. Газеты даже стали печатать критику — правда, ни в коем случае не членов Политбюро и уж, конечно, не Генерального секретаря. При первой же попытке его покритиковать на октябрьском Пленуме ЦК 1987 года меня выбили со всех постов. Демократизация пошла в гору, появилось у людей чувство собственного достоинства, которое растаптывалось десятилетиями. Люди стали иметь гражданскую по-

зицию. Народ стал политизироваться. Интересоваться политикой, которой никогда не интересовался, рассуждая так: думает только один вождь, а все остальные должны думать так же, как и он. Создаются различные неформальные общественные организации, не боясь КГБ. Все это является вполне реальной силой.

Да, у нас абсолютная у руководства аллергия к словам «оппозиция», «фракции». Эти слова не произносятся, перед ними страх.

Но мы научились уже произносить слова «альтернатива» и «плюрализм», а кое в чем и реализовывать. Это выборы руководителей предприятий, организаций и особенно выборы народных депутатов СССР из альтернативных кандидатур. Но — кроме партии. Партия сто (человек) выдвинула — сто и избрали. Сто из ста. Потому что, если бы был хотя бы сто один, сто первым оказался бы мой оппонент Лигачев.

Ну а дальше началось торможение... И вот сегодня экономика в кризисе, финансы в кризисе, национальные вопросы в кризисе, уровень жизни, социальная сфера в кризисе (48 млн. человек живут ниже черты бедности), партия в кризисе, общество в кризисе. Думаю, что, если за год не произойдет каких-либо существенных изменений в уровне жизни людей, начнется мощное движение снизу, то есть революция снизу. Перестройку надо спасать. Я думаю, что США могли бы тоже в этом принять активное участие. Сейчас идет обсуждение — в данный час — между президентом и вице-президентом: принимать меня или не принимать. Все-таки в определенной степени фамилия прокаженная. Ну решат, кому принять. Рассчитываю на мудрость и дальновидность вашего руководства.

Я бы на этом вступительное слово закончил, потому что ответы на вопросы — это как раз, наверное, то, что вас будет интересовать. Поэтому прошу, пожалуйста, без записок, кто хочет — с записками, как угодно»[1].

Далее последовали вопросы, которые иногда ставили Ельцина в тупик, заставляли его, как бы это поделикатнее выразиться, говорить не всю правду, а порой откровенно лгать.

Вопрос: «Какие действия Советское правительство может предпринять для решения национальных проблем?»

Ответ: «Дело в том, что за последние десятилетия к национальному вопросу было нулевое внимание. Опять же, как всегда, слишком самоуверенно считали, что национальный вопрос у нас решен окончательно и бесповоротно и вообще его не суще-

---

[1] Цит. по: *В. Андриянов, А. Черняк.* Одинокий царь в Кремле. Кн. 1. М.: «Правда». С. 192—194.

ствует — не так, как в Америке. Ну это, конечно, недопонимание и невнимание, когда не анализировались процессы, которые идут в республиках, их социальное развитие, равномерность этого социального развития. Ну и плюс, конечно, демократизация сейчас дала большую свободу волеизъявления народов. Это привело к тому, что у нас появилось 20 с лишним «горячих точек».

Вместо двух недель, которые предусматривались для моего пребывания здесь, поездка была сокращена в два раза в связи с тем, что будет пленум ЦК, который будет обсуждать национальный вопрос. Хотя, конечно, с учетом того, что это государственный вопрос, его нужно было обсуждать на Съезде народных депутатов. Партия — 20 миллионов — это все-таки часть общества из 280 миллионов.

Конечно, там будет вырабатываться определенная политика, но если коротко, то я бы считал главным то, что постоянно ущемлялись национальный суверенитет и чувство национального достоинства. Если в республике надо было, допустим, школу построить, то надо было ехать добывать деньги в Москве и ходить с протянутой рукой. Это оскорбляет национальные чувства. Поэтому нужно демонополизировать и децентрализовать власть, политику, экономику, социальную сферу. За Центром оставить только разработку луча стратегическою направления: под каким углом и какую цель и задачу ставить. Когда республики будут сами решать свои проблемы своими силами, своими средствами, то есть имея экономическую самостоятельность, имея хозрасчет, имея независимость, реальный суверенитет и реальную независимость, то... Да, и плюс к этому автономным республикам дать права или такие, как у союзных республик, или близкие к ним, потому что болевые точки возникают как раз больше в автономных республиках.

Постепенно вопрос решается, по прибалтийским республикам такое решение принято, хотя и не полностью, опять половинчатое, политика полумер и постоянных компромиссов. Все это должно ослабить напряжение. А выходить прибалтийским республикам из состава СССР или не выходить — это дело каждой республики. Я понимаю, что на ваших картах нарисовано, что это территория, оккупированная СССР. Я это знаю». — Как видим, он высказал здесь разрушительные для Советского Союза, и прежде всего Российской Федерации, идеи предоставления автономным образованиям статуса союзных республик, что в последующем позволило запустить необратимый процесс распада советской империи. Высказался он также фактически за отделение от СССР прибалтийских республик.

Вопрос: «Некоторые утверждают, что в однопартийном государстве газеты выполняют жизненно важную функцию. Но критика — не обязательно программа. Какова альтернативная программа по своей сути и кто может ее возглавить?»

Ответ: «Я так понимаю, что вы меня записали в оппозицию Горбачеву, раз вы спрашиваете, какая у вас альтернативная программа. Поэтому я хотел бы пояснить: я поддерживаю Горбачева. Я поддерживаю его стратегическую линию на перестройку и обновление общества в целом. Но у нас есть несовпадение в вопросах тактики перестройки. Я считаю, что она была ошибочной, и об этом я говорил два с половиной года назад, выстраивая программу. Она имеется, но я не думаю, что вам сейчас надо здесь и политическую программу, и так далее. Это целая особая лекция.

Но в принципе по тактике перестройки у меня было мнение, и оно остается до сих пор, что с учетом того, что нам не хватает для продвижения перестройки широким фронтом просто ни материальных, ни трудовых сил... Это вроде того, что солдат от солдата в армии в наступление идет на расстоянии в два километра. Разве можно выиграть бой при такой ситуации? Невозможно.

Потом надо иметь в виду психологический вопрос. Народ терпелив, но не бесконечно. И если ему сейчас говорить, что колбаса появится в 2010 году, это мало кого утешит. Поэтому мое предложение было таково: провести политическую реформу как базу. Затем фронт перестройки резко сузить и сосредоточить на трех направлениях:

— продовольствие;

— товары народного потребления;

— сфера услуг и жилье.

За счет других отраслей, за счет экономики, сокращения средств на оборону, за счет того, чтобы на пять, семь, может быть десять лет отодвинуть ряд космических программ. (Кстати, некоторые из них в техническом отношении просто не нужны. А важно то, что вот мы должны быть первыми — и все тут). Когда большую реку вдруг пускают в узкое ущелье, резко возрастает скорость потока, возрастает удельное давление, и вот, сузив таким образом фронт перестройки на этих вопросах, мы бы за 4 года по уровню жизни все-таки продвинулись, мы бы его реально подняли. И тогда веру людей в перестройку, которая сейчас начинает падать, мы могли бы продлить еще на пять-семь лет. А у нас сейчас в запасе остается, это мое мнение, год. Вряд ли больше. А может быть, процесс начнется и раньше».

Вопрос о программе реформ — коренной вопрос. И здесь Ельцин, не имеющий никакого понятия в вопросах экономики,

плутает в трех соснах. А вопрос был задан с подтекстом — готовы ли вы, господин Ельцин, возглавить экономическую программу перевода экономики СССР на рыночные рельсы. Политически это означает смену общественного строя.

Вопрос: «Номенклатура добровольно от своей монополии на привилегии и власть не откажется. Ее можно только сместить на свободных выборах».

Ответ: «Вы практически ответили на свой вопрос. Нужны свободные выборы. Нужен внеочередной XXVIII съезд партии, который бы обсудил положение в партии, обсудил вопрос и о многопартийной системе, переизбрал консервативный сегодня состав ЦК и в очень большой степени обновил состав Политбюро. Некоторые фамилии там уже настолько одиозны и настолько некомпетентны, что создают только вопросы, а не решают их. Сами они догадаться, конечно, не догадаются — слишком они держатся за свое кресло, за привилегии — и их нужно только вместе с креслом катапультировать. Нужен смелый человек, который надавил бы эту кнопку. По привилегиям сейчас специально создана комиссия Верховного Совета СССР, которая будет рассматривать вопросы отмены привилегий элиты и аппарата».

Вопрос: «Г-н Ельцин, в сегодняшних газетах я прочитал ваши слова о том, что Америка — здоровое общество. Сегодня вы сказали, что американские трущобы в вашей стране были бы удобным жильем. Мой вопрос в том, были ли вы в Гарлеме, в Южном Бронксе, видели ли дома с заколоченными проемами окон, видели ли нищую Америку? Мой второй вопрос: вы высоко отозвались о Трампе, сказали, что вы хотели бы встретиться с Джорджем Бушем. А встречались ли вы с кем-нибудь из тех 500 тысяч рабочих, которые сейчас бастуют? Поддерживаете ли вы этих рабочих или капиталиста Буша?»

Ответ: «Наших забастовщиков я поддерживаю. У меня были забастовочные комитеты шахтеров и Кузбасса, и Донбасса. По их инициативе. У нас шли интересные дискуссии, поскольку их требования — 42 в одном случае, 47 в другом — все до единого справедливы. Говоря о том, что здоровое общество, я, конечно, не имел в виду, что у вас нет проблем. У вас есть проблемы, есть забастовки, есть трущобы, Есть бездомные, с которыми я встречался. А поддерживаю ли я Буша или забастовщиков? Ну как это вы так ставите вопрос? Поддерживать Буша или не поддерживать — это ваше дело: вы его избрали, вы и решайте».

Это был убийственный для Ельцина вопрос, напомнивший ему, что он представляет страну победившего народа в противостоянии с угнетателями, которыми он так шумно восхищался. Он не готов был к ответу на этот вопрос и, по существу, ушел в сторону от ответа.

Вопрос: «Г-н Ельцин, считаете ли вы себя все еще коммунистом?»

Ответ: «Ну... *(Смех)*. Я не знаю, что произойдет после приезда из Америки».

Вопрос: «Одно из требований шахтеров, поддерживаемых г-ном Ельциным, заключается в установлении жесткого контроля над индивидуальными предпринимателями. Откуда у вас уверенность, что советский рабочий готов поддержать перестройку с ее «ножницами» доходов?»

Ответ: «О кооперативах. Да, действительно, у нас опыта не было после нэпа. Уже принято шесть правительственных постановлений по кооперативам, но никак мы не можем найти оптимальное решение, чтобы были удовлетворены три стороны, то есть люди, государство и кооператоры. Шесть постановлений, и обязательно кто-то один не удовлетворен. Сейчас такое оптимальное решение мы ищем. Конечно, надо ликвидировать такие кооперативы, которые, можно сказать, спекулируют, а не работают,

Я недавно был в Кировской области. Там года два назад был зарегистрирован первый кооператив по изготовлению шашлыков. Но в Кирове мяса нет. Поэтому у них группа сидит в Москве, закупает мясо в магазинах по государственной цене, потом это мясо перевозят в Киров, поджаривают и продают в 10 раз дороже. Это называется уже не кооперация, а спекуляция, за это надо судить. Вот против таких кооперативов выступили шахтеры, а не против тех производственных кооперативов, которые продают свою продукцию по государственной цене — строительные, производственные, их тысячи и тысячи». — Вот еще пример того, что Ельцин не ведает, что творит. Он видите ли за рынок, но без спекуляции. Но так не бывает, то что рыночники называют предпринимательской прибылью, это и есть зачастую спекулятивный капитал. Таким образом, Россию втягивал в капитализм экономически безграмотный человек, не знающий даже азов экономической теории (или, как это тогда называлось в Советском Союзе — политической экономии).

Вопрос: «Насколько я понимаю, у вас самого еще есть привилегии. Вы живете в хорошем доме, ездите в лимузине. Готовы ли вы поддержать известное предложение Ленина о том, чтобы зарплата официальных лиц не превышала зарплаты рабочего?»

Ответ: «Я полностью добровольно отказался от всех привилегий. Привилегий не имею. К сожалению, дальнейших добровольцев не нашлось, и никто моему примеру не последовал. Но все-таки это брошенное зерно прорастает. Я уже сказал, что создана комиссия по привилегиям. Во многих областях уже отказались от спецболь-

ниц и отдали их детям и т.д. Конечно, это не просто. Скажем, я был министром и отказался пользоваться спецполиклиникой и больницей 4-го управления, а закрепился в районной поликлинике. Когда я в первый раз туда пришел на прием к участковому врачу, ко мне было вопросов значительно больше, чем у меня. Трубы текут, пол провалился, кочегаров нет, угля нет. Надо помогать. Я уж не говорю об одноразовых шприцах. Один гвоздь на всех».

На голубом глазу, ни разу не поперхнувшись, Ельцин беззастенчиво вешает на уши американским слушателям лапшу об «отказе» от привилегий, якобы совершенном им в знак солидарности с народом. Более неприкрытого цинизма и откровенной лжи трудно было представить сопровождавшим в его поездке лицам, прекрасно осведомленным об истинном отношении Ельцина к земным благам и роскоши.

После официального завершения лекции, которая длилась около двух часов, Б.Н. Ельцин продолжил ответы на вопросы, но не с трибуны, а в частном порядке.

Отвечая на вопрос о его здоровье и увлечениях, Ельцин напомнил, что раньше занимался волейболом, но сейчас переключился на теннис. «Я бы с удовольствием встретился на теннисной площадке с президентом Бушем», — сказал он. (Навязчивое состояние — встреча с президентом США.)

Затронув проблему отношения к нему со стороны советского партийного руководства, Б.Н. Ельцин, в частности, отметил:

«Политику в отношении меня можно охарактеризовать как принижение. Конечно, подкидываются различные версии верхним эшелоном и другими органами, которые снизили бы авторитет и популярность. Скажем, первую версию бросили о том, что я сталинист или сторонник «Памяти», хотя я с ними встречался всего лишь один раз, поговорил и более знать не знаю. Потом обвинили в том, что я популист, стараюсь заработать себе дешевый авторитет у народа. Это, конечно, не так, потому что программа включает в себя экономические серьезные вопросы, политические и финансовые и прочие.

Я сказал Горбачеву (мы перед съездом встречались, беседовали часа полтора, выясняя те вопросы, по которым у нас разные точки зрения), почему меня решили определить на должность председателя комитета по архитектуре, где тысячи и тысячи вопросов. Меня решили завалить ими и от политической борьбы отодвинуть. Я предупредил, что от политической борьбы не уйду и буду в ней активно участвовать».

Отвечая на вопрос, где можно ознакомиться с деталями его политической платформы, Б.Н. Ельцин заметил: «Одно американ-

ское издательство предложило мне написать книгу. По воскресеньям я занимаюсь этим делом, ну а что получится, не знаю».

Вопрос: «Вы запросили встречу с Бушем как частное лицо, как депутат Верховного Совета или как один из лидеров Межрегиональной группы депутатов?»

Ответ: «Какая разница? Человек, как он есть, его же не разделить. Вот тут есть одно, здесь другое, а там есть третье. Ну ладно, я думаю, что, скорее всего, как член Президиума Верховного Совета СССР. Вот это самый высокий, так сказать, ранг, который меня есть».

Отвечая на ряд вопросов о праве советских республик на отделение от СССР, Ельцин сказал, что право выхода должны иметь все республики без исключения: «Но все-таки я надеюсь, что этим правом не воспользуются, что этого не произойдет. Вот если мы решим те вопросы, о которых я говорил в отношении самостоятельности, реальной независимости, то таким образом успокоятся националистические настроения, и если 54 процента по опросу считают, что надо выйти из состава страны, то этот процент резко снизится. Я так считаю. Но в любом случае применение армии здесь недопустимо. Вообще против мирного населения».

В других городах, других аудиториях Ельцин только повторял то, что сказал в Нью-Йорке. Выступал, кстати, с успехом в различных аудиториях, а они не всегда были дружественно настроены, умудрялся в основном находить общий язык, но все время ждал встречи с президентом Бушем. Для него эта встреча была своего рода политической реабилитацией, которую ему не дали в Союзе на XIX партконференции. Если Буш принимает, значит, его признают как политика, как оппозиционера. Уже сам факт приема — это признание, с которым Горбачеву придется считаться. И еще он кое о чем хотел посоветоваться с Бушем.

Что и говорить, трудная ситуация была у президента США. Принять Ельцина — дать пощечину Горбачеву. Не принять, — как там будет в этой непонятной России завтра, — может себе пощечина? Буш долго раздумывал. Наконец, 12 сентября распорядился позвонить Ельцину и пригласить его в Белый дом.

От этого сообщения Ельцин был на седьмом небе. Позже он рассказывал, что обсудил с Бушем десять предложений, но ни в какие подробности на этот счет не вдавался.

О том, как проходила встреча Б. Ельцина в Белом доме свидетельствуют высокопоставленные американские чиновники Майкл Бешлюсс и Строуб Тэлбот, присутствующие на встрече:

«Во вторник, 12 сентября, Борис Ельцин подъехал на своем лимузине к западному крылу Белого дома с получасовым опозданием. Группа наиболее активных членов Съезда народных депу-

татов впервые приехала в Соединенные Штаты на восемь дней и должна была выступать в Нью-Йорке, Балтиморе, Вашингтоне, Чикаго, Филадельфии, Миннеаполисе, Индианаполисе, Сан-Франциско и Лос-Анджелесе.

Финансировали эту поездку калифорнийский институт «Эсален» и советский Фонд по изучению и лечению СПИДа. Ельцин получал за свои выступления по двадцать пять тысяч долларов.

Буш не очень стремился принимать Ельцина. Он опасался, как бы официальная встреча не вызвала у Горбачева подозрения, что Соединенные Штаты занимаются политиканством, вмешиваясь в советские внутренние дела за его спиной. Буш считал Ельцина — при его репутации человека пьющего, несдержанного и неуместно вспыльчивого — чем-то вроде незакрепленной пушки на скользкой, покачивающейся палубе советской политики. Что если он устроит на этой встрече спектакль, который потом поставит в ложное положение и Буша, и Горбачева?

Роберт Гейтс, никак не разделявший то, что он называл «горбоцентризмом» в политике США, попросил президента все-таки встретиться с Ельциным. Фриц Эрмарт, председатель Национального совета по разведке, поддержал это предложение. Эрмарт не считал, что Горбачев долго продержится в политике и что он действительно вступил на путь радикальных реформ; к тому же на него произвело впечатление возвращение Ельцина на политическую арену. Он сказал Кондолизе Райс, что Ельцин, возможно, эксцентричен и самоуверен, но он выказывает большое мужество — куда большее, чем Горбачев, выступая по тем же позициям, какие должны поддерживать и Соединенные Штаты.

Скоукрофт согласился, что надо бы устроить неприметную встречу между Ельциным и Бушем. В 1975 году, когда Скоукрофт был советником президента по национальной безопасности, Джералду Форду пришлось решать, следует ли ему встречаться с Александром Солженицыным, Нобелевским лауреатом, писателем, изгнанным из Советского Союза в предшествующий год. Генри Киссинджер, бывший тогда госсекретарем, заявил, что Форду «не выгодно» принимать столь видного критика Кремля, и Форд с ним согласился. К возмущению многих консерваторов, Солженицына не впускали в Белый дом.

Теперь Скоукрофт напомнил своим помощникам, как они с Фордом «обожглись» тогда на Солженицыне. Не желая ставить себя и Буша в такое же положение с Ельциным, Скоукрофт попросил Блэкуилла и Райс придумать форму встречи, которая всех бы удовлетворила. Они предложили Скоукрофту принять гостя в угловом кабинете западного крыла. Поскольку Ельцин был просто

членом парламента, президент не обязан уделять ему время — Буш и Куэйл могут порознь просто «заглянуть» туда, так что потом не будет ни оповещения в печати о приеме, ни серьезных разговоров на эту тему.

Райс встречала Ельцина у бокового входа, и Ельцин бросил ей: «Когда гости приезжают к президенту, они входят не здесь». Она сказала: «У вас встреча с генералом Скоукрофтом». Ельцин скрестил на груди руки и высокомерно объявил: «Я не сдвинусь с места, пока не получу заверения, что встречусь с президентом!» Райс, говорившая по-русски, попыталась убедить Ельцина войти в здание, но он продолжал неподвижно стоять.

Наконец она сказала: «К сожалению, генерал Скоукрофт — человек очень занятой, и если мы не собираемся к нему идти, надо об этом сообщить». Ельцин сдался: «Ну хорошо, пошли», — сказал он.

Райс провела его в кабинет Скоукрофта с большими окнами до полу, выходящими на старое серое здание аппарата президента и северную часть участка, окружающего Белый дом. Буш зашел минут на пятнадцать и постарался подчеркнуть «свои очень позитивные отношения» с Горбачевым: американский народ, сказал он, разделяет надежды советского лидера на «успех реформ в Советском Союзе». Ельцин вел себя безупречно. Впоследствии Буш сказал своим помощникам, что гость показался ему «славным малым».

Когда Буш ушел, Скоукрофт задал Ельцину один-единственный вопрос: «Каковы цели вашей поездки?» Ответ Ельцина продолжался почти час: он изложил свои мысли о реформе цен, о конвертируемости рубля, о возможности совместного американо-советского полета па Марс. Нехватку жилья в Москве он намерен решить, «пригласив» западных специалистов, чтобы они построили миллион квартир. Он намерен поощрять приток западных капиталов, передав в частную собственность пятнадцать процентов советской экономики.

На середине этого монолога Скоукрофт заснул. А Ельцин, казалось, и не заметил. За десять минут до конца встречи зашел Куэйл. Намекая на не слишком благоприятные для него самого и для Ельцина статьи в американской прессе, Куэйл сказал: «Я читал про вас в печати. А вы читали про меня?» — Ельцин лишь рассмеялся в ответ.

Скоукрофт так организовал эту встречу, чтобы у репортеров не было возможности говорить, что Буш имел серьезную беседу с наиболее видным критиком Горбачева. А Ельцин, выйдя из западного крыла, сообщил собравшимся журналистам, что он пред-

ставил Бушу и Куэйлу «план из десяти пунктов» для «спасения перестройки». Скоукрофт, сидя в своем кабинете, возмутился: Ельцин — «ловкач» и «гонится за двухгрошовой рекламой в газетах».

Следующей остановкой Ельцина был госдепартамент. Скоукрофт сообщил Бейкеру о тактике парового катка, примененной Ельциным в Белом доме. Госсекретарь устроил чрезвычайно изощренное представление: он то и дело прерывал Ельцина, оспаривая наивность его представлений об экономике и предлагая собственные решения по части реформы цен и конвертируемости рубля.

После встречи Бейкер, обращаясь к своим помощникам, воскликнул: «Ну и щелкопер! Горбачев на его фоне отлично выглядит, верно? К тому же Горбачеву можно посочувствовать, если ему приходится иметь дело с таким человеком». Росс же заметил, что Ельцин показался ему совсем не таким ужасным, каким представил его Скоукрофт. А Бейкер ответил: «Это правда, но он, безусловно, ничего не понимает в рыночной экономике. По сравнению с ним Горбачев просто эксперт!»[1]

Добавим от себя примечательную деталь к характеристике «эксперта». По свидетельству очевидцев, после встречи на Мальте Буш сказал о Горбачеве: «Он ничего не понимает в экономике».

Дальше по Америке Ельцин парил уже на крыльях. Он беспощадно критиковал Советский Союз, но с особым наслаждением своего соперника — Михаила Горбачева.

Приведем несколько свидетельств американской и мировой печати.

Газета «Филадельфия инкуатер»: «Борис Ельцин, внешне похожий на О'Нила, сейчас возглавляет радикальную группировку депутатов. Безусловно, это человек, который, каким бы ни был его стиль, лелеет мечту стать первым советским президентом».

Американский журнал «Ю.С.Ньюс энд уорлд рипорт»: «Возможно, Ельцин и является героем в своем московском избирательном округе, но его пребывание в Вашингтоне постигло фиаско. Американские официальные лица, с которыми он встречался, сказали, что Ельцин слишком много говорил, слишком часто льстил и был слишком настойчив в требованиях встретиться с президентом Бушем и госсекретарем Бейкером. Ельцин высказал также слишком много взятых с потолка предсказаний о неминуемом крахе советской экономики и смещении Михаила Горбачева. Один из принимавших Ельцина людей в конечном итоге счел его

---

[1] Цит. по: *В. Андриянов, А. Черняк.* Одинокий царь в Кремле. Кн. 1. М.: «Правда». С. 199—202.

«диким и безумным человеком», а президент, который намеренно принизил значение своей короткой беседы с Ельциным, встретившись с ним в комнате помощников, а не в Овальном кабинете, счел, что он, в отличие от Горбачева, не является «господином приятность».

Газета «Даллас морнинг ньюс»: «Выступая примерно перед тысячью человек на завтраке в далласском совете по международным делам, Ельцин призвал Центральный Комитет Коммунистической партии освободиться от сторонников жесткой линии, которые блокируют проводимую советским президентом Горбачевым перестройку. «В Политбюро есть пять человек, которых необходимо убрать, — сказал он. — И единственный путь, как мы можем это сделать, схож с катапультированием кресла из боевого самолета. Мы должны найти какой-то способ нажать кнопку».

Газета «Вельт» (Бонн): «Мы находимся на краю пропасти, из которой будет очень трудно выбраться, во всяком случае, очень долгое время». Эти слова Бориса Ельцина сказаны в условиях всеобщей эйфории на Западе по поводу перестройки и восхищения ее «главным архитектором» Михаилом Горбачевым. Ельцин уже три дня в Америке; в эти 72 часа он говорил и делал все, что делает честь его имени и славе о нем. Он спешил от одной телевизионной камеры к другой, вел дискуссии с лучшими американскими знатоками Кремля от Джорджа Кеннана до Сайруса Вэнса, облетел статую Свободы, с волнением осмотрел святая святых капитализма — биржу на Уолл-стрит и каждый раз в своих заявлениях давал неслыханные формулировки.

«Люди в Советском Союзе стали очень нетерпеливы, — сказал этот деятель-популист из Москвы относительно будущего перестройки. — Они ждали четыре года. Они не могут ждать еще год». Вот уже три дня он является любимцем журналистов в США, поскольку не уклоняется ни от одного вопроса, как бы зло и коварно он ни был сформулирован. При этом он спокойно игнорирует те правила, перед которыми в большинстве своем пасуют даже оппозиционные политические деятели демократических государств, а именно: не ругать собственное правительство за границей.

Лишь один раз в круговороте своих интервью он помедлил с ответом: «Считаете ли вы себя по-прежнему коммунистом?» — после некоторого колебания последовал лукавый ответ: Меня пока еще не выгнали из партии». И затем признание — «Коммунизм — идея, мечта. Мы можем его нести в себе, но не использовать».

Были и другие публикации. Так, газета «Вашингтон пост» 13 сентября дала статью под огромным заголовком «Пьяный медведь обнимает капитализм». В ней трагичный рассказ о том, как

ночью, когда все уже спали, Борис Ельцин в одиночку выпил полторы бутылки виски «Джек Дэниэл» с черной этикеткой, в просторечии именуемого «Черным Джеком».

Но эта статья прошла незамеченной. Настоящий скандал разразился после другой публикации о похождениях Ельцина — в итальянской газете «Репубблика». Кстати, и она бы прошла незамеченной, если бы ее полностью 18 сентября 1989 года не перепечатала «Правда».

Корреспондент газеты Витторио Дзукконе в своей статье писал не о произведенном Ельциным фуроре на американцев, не о его встречах со студентами и политической элитой, прочитанных лекциях и сделанных заявлениях. Репортера светской хроники интересовало совсем другое. Ниже приводятся основные фрагменты этой скандальной статьи:

«Американская ночь «перестройки» пахнет виски, долларами и освещается светом прожекторов», — писала «Репубблика». Борис Ельцин, народный герой Москвы, Кассандра Горбачева, обличитель гласности, проносится над Америкой, как вихрь; его слова вылетают и возвращаются обратно. Он оставляет за собой след в виде предсказаний катастроф, сумасшедших трат, интервью и особенно запах знаменитого кентуккского виски «Джек Дэниэл» с черной этикеткой. Пол-литровые бутылки он выпивает в одиночестве за одну ночь в своем гостиничном номере в Балтиморе, куда он приехал по приглашению факультета политических наук университета Джонса Гопкинса. Ошалевшего «почетного профессора», который рано утром приехал за ним, чтобы отвезти его в конференц-зал университета, Ельцин одарил слюнявым пьяным поцелуем и наполовину опорожненной бутылкой виски. «Выпьем за свободу», — предложил ему Ельцин в половине седьмого утра, размахивая наполненным стаканом, одним из тех, в которых обычно хранятся зубные щетки и паста в ванной комнате. Но выпил он в одиночестве.

Он обрушился на Вашингтон с яростью бури, и Вашингтон, хотя и привыкший каждый день видеть пьяниц-сенаторов, а в прошлом видевший даже руководителя аппарата сотрудников Белого дома Гамильтона Джордана, бесстрастно ласкающего женщин в баре, с трудом переносит теперь «шок Ельцина».

«Я не подозревал, сколько стаканов вмещает в себя гласность, — скаламбурил продюсер телекомпании Эй-би-си, который тщетно пытался привести Ельцина в чувство и придать ему приличный вид поздно вечером для очередного ночного интервью. «Стакан» по-английски — «глас». Ельцину пришлось отменить интервью.

За 5 дней и 5 ночей, проведенных в Соединенных Штатах Америки, он спал в среднем два часа в сутки и опорожнил две бутылки водки, четыре бутылки виски и несметное число коктейлей на официальных приемах. Из-за разницы во времени в 8 часов между Москвой и Вашингтоном он просыпается глубокой ночью, когда в России утро, но это его не огорчает. «Когда живешь в рамках советской политической жизни, постоянно ощущаешь тяжесть и усталость», — со смехом ответил он сопровождающему, который заботливо советовал ему отдохнуть. «А потом, кто знает, когда я снова приеду в Америку, каждый лишний час сна — это час, отнятый от моего визита».

Телекомпании рвут его друг у друга из рук. Только за один день, в понедельник, он, не слишком сопротивляясь, дал семь прямых интервью. И невозможно было включить телевизор, чтобы на экране не показалось лицо Бориса Ельцина. Он начал в 7 часов утра в «утренних новостях» коммерческих компаний, свеженький после последнего ночного стакана виски. Он кончил в 8 часов вечера на государственной телекомпании Би-би-эс. Если бы он не заснул в своем гостиничном номере, он дал бы еще одно интервью в половине двенадцатого ночи, но продолжительный футбольный матч отодвинул его выход в эфир на один час ночи, а к этому времени он уже не смог побороть сон.

Журналисты обожают его, потому что он рубит сплеча, предрекает в скором времени катастрофы, сыплет «афоризмами» — длинными фразами, произносимыми всего за несколько секунд, которые можно потом цитировать во всех телепрограммах и повторять до бесконечности. «У Горбачева осталось полгода, максимум год, а затем разразится революция снизу» — вот «афоризм», который в течение двух дней отскакивал от всех телеэкранов от Вашингтона до Лос-Анджелеса. «Коммунистические руководители и брошюры всегда внушали мне, что Америка плохая и загнивает. Однако мне кажется, что люди здесь очень любезны, а страна отменно здорова». Там можно увидеть умерших от голодной смерти на тротуарах Нью-Йорка. «Умершие от голода? Они все в отличном настроении и имеют вполне довольный вид».

Для Ельцина Америка праздник, сценические подмостки, бар длиной в 5 тыс. км. А для Америки Ельцин — новая чудесная игрушка, кукла с типично русским лицом, которая говорит то, что ни один русский не решался сказать раньше. Даже Буш не устоял перед соблазном немного порезвиться и пригласил его на несколько минут в Белый дом, чтобы «еще раз продемонстрировать нашу поддержку Горбачеву и его политике реформ», как пытался оправдаться Буш, но это был всего лишь прием вежливости. Но не

для Бориса Ельцина, который тут же объявил, что он вручил президенту список из «десяти конкретных предложений», среди которых много денежных средств и много прямых вложений в поддержку перестройки.

Ему не хватало только толпы, объятия масс, которые не могли отличить машину Ельцина среди целого кортежа черных автомобилей, которые проезжали по Вашингтону, совсем как правительственные «ЗИЛы» и «Чайки» в Москве. Лишь в одном торговом центре на окраине Вашингтона, после очередного набега на прилавки, Ельцин пожал руки Дорит Гурфель. Она — русская эмигрантка, которая в молодости была знакома с Ельциным, когда они вместе работали на свердловской стройке на Урале. «Как ты растолстел, Борис Николаевич», — оглядывая его с ног до головы, сказала женщина. «Ты тоже, Дорит Максимовна», — ответил Ельцин и быстро ретировался на своем «Кадиллаке»[1].

Но не только «Вашингтон пост» и «Репубблика» критически оценивали поездку Ельцина. По свидетельству журнала «Шпигель», Стивена Мюллера, президента университета им. Джонса Гопкинса в Балтиморе, охватило сознание приближающейся катастрофы. Объявленная лекция не состоится. Выделенные гонорары придется вернуть. Университет, заплативший за это выступление 5 тыс. долларов, оказался на грани страшного провала.

Спутники Ельцина пытались успокоить Мюллера: «Борис Николаевич вот-вот появится и даже порадует вас небольшим сюрпризом». Накануне Павел Вощанов старательно учил шефа: «Выйдете утром и скажите всем: гуд монинг — доброе утро». Шеф кивал головой... И вот настало утро. Один за другим прибегали гонцы: одевается, причесывается... Наконец Б.Н. появился в холле. «Вижу, как у него что-то проворачивается в голове, — рассказывал нам Павел, — и вдруг он победно изрекает: «Гутен морген!»

В назначенные 7.30 утра, писал «Шпигель», «Ельцин, народный герой из Москвы, радикальный диссидент в Верховном Совете, смелый критик Горбачева и нетерпеливый поборник перестройки, находился в невменяемом состоянии».

«Дело не в том, что этот русский спал всего два часа и за день до этого выполнил в Нью-Йорке «сумасшедшую программу», как готов был поверить Мюллер, аккуратный и дисциплинированный человек с тонким вкусом. Причина, продолжает «Шпигель», несомненно, заключалась в виски — почти полутора бутылках виски «Джек Дэниэл» с черной этикеткой. Ельцин выпил все это коли-

---

[1] Цит. по: *В. Андриянов, А. Черняк.* Одинокий царь в Кремле. Кн. 1. М.: «Правда». С. 204—206.

чество с часу ночи до половины пятого утра, напрасно прождав сообщения о себе по какой-либо из телевизионных программ в доме для гостей университетского городка.

Неужели это тот самый человек, который может спаси реформу российской империи в случае неудачи Горбачева? В этот момент американцу непротрезвевший гость показался цирковым медведем, который пытается удержать равновесие на качающейся доске. Но медведь не упал, хотя его порядком шатало.

Полтора часа спустя защитник перестройки, возрожденный к жизни изрядным количеством кофе, изобразив на эластичном лице дружелюбную гримасу, тяжелым шагом ступал перед аудиторией — лишь с едва заметным покачиванием. Он знает, что хотят услышать капиталисты, и полон решимости удовлетворить их желания.

Зачем вообще говорить о коммунизме? Это слишком скучно: «Коммунизм — это лишь красивая мечта, воздушный замок, на который мы можем взирать снизу вверх, но на земле нам его никогда не построить». Аплодисменты, давай еще, Борис!

«Более 50 лет мне вбивали в голову, что капитализм обречен на гибель. Я здесь уже два дня — и что я вижу? Капитализм процветает!» У американцев» он хотел бы «поучиться, как нужно работать и как нужно наслаждаться жизнью».

Этого гостя все восхищает в капиталистической системе: блюда в китайском ресторане («в десять раз вкуснее, чем в московских кооперативных ресторанах»), муниципальные квартиры в нью-йоркском районе Ист-Ривер («комфортабельнее, чем наши»). Даже обитатели ночлежек, с которыми он мило шутит. Кажутся ему не убогими, а «добродушными».

Дома он, напротив, видит лишь кризис и мрак.

В своей «Исповеди…» Б. Ельцин упоминает скандальную статью, опубликованную в «Репубблике», в следующем контексте:

«По условиям, оговоренным организаторами поездки, за чтение лекций в университетах мне выплачивались гонорары. В последний день выяснилось, что за вычетом всех расходов на пребывание нашей группы из четырех человек сумма, которой я могу распоряжаться, составила сто тысяч долларов. Я решил приобрести в рамках акции «АнтиСПИД» одноразовые шприцы, и уже через неделю первая партия в сто тысяч одноразовых шприцев поступила в Москву, в одну из детских больниц. Всего был закуплен миллион шприцев, на всю сумму, до цента.

Рассказываю об этом только лишь потому, что как раз в тот самый момент, когда я ставил свою подпись на документе, в котором давал распоряжение заработанные деньги истратить на приобре-

тение шприцев, в киоски «Союзпечати» Москвы поступили первые утренние номера газеты «Правда» с перепечаткой статьи о моей поездке из итальянской газеты. В публикации сообщалось, что я все время, пока был в Америке, пребывал в беспробудном пьянстве, притом приводилось точное количество выпитого за все дни, и тут итальянец явно недофантазировал, подсчитанное могло бы свалить с ног только слабенького иностранца. А кроме того, оказывается, зря в Москве кто-то ждет шприцы, я истратил все деньги на видеомагнитофоны и видеокассеты, на подарки самому себе, костюмы, белые рубашки, туфли и прочую мелочь, я не вылезал из универсамов и только успевал твердить — это мне, это и это! В общем, в статье, очень оперативно перепечатанной «Правдой», я походил на привычного пьяного, невоспитанного русского медведя, впервые очутившегося в цивилизованном обществе»[1].

Однако, как мы видим в вышеприведенной статье ни о каких покупках речи не было.

Но «Шпигель» и «Вашингтон пост» в Советском Союзе читали, естественно, единицы. А перепечатку в «Правде» статьи из «Республики» прочитали все. На газету обрушился шквал негодующих звонков, писем. Вот документ того времени — сводка, в которой обобщены мнения читателей «Правды» по поводу публикации «Репубблики» о Б.Н. Ельцине».

За несколько дней «Правда» получила более 7000 откликов. Из них 92 процента писем, авторы которых безоговорочно осуждают публикацию в газете. Остальная группа читателей (примерно 8 процентов) считает публикацию заслуживающей внимания или находятся в недоумении, не зная, верить ли ей. Вот несколько характерных откликов на публикацию в «Правде», осуждающих ее:

Газета «Вперед» — орган Обнинского горкома КПСС: «Бюро горкома КПСС считает недопустимым появление материалов, подобных статье о визите В.Н.Ельцина из газеты «Репубблика», в печатном органе ЦК КПСС. Сложнейшая ситуация в партии и стране требует не только призывов к консолидации всех прогрессивных сил, но и последовательности проведения этого лозунга в жизнь. Данная публикация работает на раскол, бьет но авторитету ЦК, всей партии».

Пономарева Л.И. и др. — всего 20 подписей. Пермская обл., Березники, химзавод: «Этой публикацией газета бросила тень не на Б.Н.Ельцина, а на себя и ЦК КПСС. Сложилось мнение, что «Правда» выступает в качестве «дубинки» в руках аппарата, кото-

---

[1] *Б. Ельцин.* Исповедь на заданную тему. Ассоциация уральских издателей. 1990. С. 227.

рой время от времени обхаживают «неугодных». После таких материалов тираж газеты упадет. Уже сейчас желающих выписывать «Правду» в коллективе мало».

Смирнов Ю.В., секретарь парткома радиозавода, г. Петрозаводск: «Стыдно за нашу «Правду». Появление в центральном печатном органе статьи из «Репубблики» — сильнейший удар по авторитету партии. Можно соглашаться или нет с политическим деятелем Ельциным, критиковать его за высказывания и поступки, но то, что появилось в «Правде», — это не политическая борьба, а унижающая партию политическая интрига».

Бармина С.А., Москва: «Как же надо бояться таких людей, как Б.Н.Ельцин, чтобы опуститься так низко. Каждому, не потерявшему совесть, стыдно за газету, взявшую на себя столь неблаговидную роль. Не уважаете себя и подписчиков, так хотя бы не срамите ЦК КПСС».

Чеботарев О.Е. и другие — всего 335 подписей, Москва: «Считаем, что «Правда» не должна жертвовать своим авторитетом ради сомнительных публикаций. Если газета стала освещать неофициальный визит Б.Н.Ельцина, следует поместить полный объективный обзор всей западной периодики, высказать и свою позицию по отношению к этому визиту, предоставить свои страницы Б.Ельцину».

Однако были и другие отклики, на наш взгляд, более трезво оценивающие поведение Б. Ельцина за рубежом и публикацию о его «похождениях» в «Правде»:

Стогова А.В., Москва: «Я и мои единомышленники благодарны газете за то, что поместили статью из «Репубблики» Это пример подлинной демократии и гласности — поместить статью полностью без комментариев, тем более, что у нас нет никакой информации о том, что думают о наших политических деятелях за рубежом».

Федоров Б.И., Москва: «Верю «Правде», давшей на своих страницах публикацию из «Репубблики» о Ельцине. Полагаю, что для этого имелись веские основания, и «Правда» не ошиблась, показав, кто есть кто. Народ должен знать своих «героев» и воздавать им должное за их «деяния».

Петренко А.А., Кемеровская обл., г. Междуреченск: «Возмущен выступлением Ельцина в США. Жаль, что в депутатском корпусе страны есть такие, как он. Должен огорчить Ельцина — в нашем городе костры из «Правды» не жгут, подписка идет нормально».

Иванов В., г. Минск: «Прочитав в «Правде» материал о пребывании Ельцина в США, многие были возмущены, считая это клеветой, обвиняя во всем «Правду». Но вот по телевидению были

показаны фрагменты телезаписи... Увы, то, что сообщила газета, верно. Обидно за недостойное поведение народного депутата».

Такой вот был читательский резонанс. Отчитал главного редактора за эту перепечатку и М.Горбачев. Перечитывая сейчас письма, видишь, как люди были ослеплены. Сотворив себе кумира, они в упор не хотели видеть в нем изъянов, давать его кому-нибудь в обиду. К сожалению, тогда это было ясно далеко не всем. Редколлегия «Правды» не могла не учесть мнение большинства своих читателей и признала перепечатку статьи из итальянской газеты «Репубблика» о визите в США Б.Н.Ельцина серьезной ошибкой. Однако решение редколлегии — документ внутреннего пользования. А надо было как-то объясняться с читателями. Был понедельник, шел Пленум ЦК КПСС, на него прилетел из Америки и Б.Ельцин. Ответственный секретарь «Правды» предложил главному редактору встретиться с Ельциным на Пленуме ЦК КПСС и дать ему слово, пусть расскажет, как все было на самом деле. Это снимет, во-первых, остроту, а во-вторых, и по-газетному хороший ход.

Афанасьев выслушал собеседника, в его глазах появилась живинка, потом он опустил голову и тихо сказал:

— Да, это неплохой выход из положения. Но воспользоваться им, к сожалению, мы не сможем. Горбачев, хоть и примерно ругал меня за это, но один на один сказал «спасибо». Он очень заинтересован в компрометации Ельцина и всеми силами и средствами пытается уничтожить его как политика. Вляпались мы основательно, брат, руки у нас связаны, так что не просто будет выбраться. И потом, как ты заметил, в Америке Ельцин по существу начал кампанию за власть, начал атаку на Горбачева, КПСС.

На следующий день «Правда» дала извинение по поводу перепечатки статьи из итальянской газеты «Репубблика»:

«По поручению редакции наш корреспондент в США В. Линник разговаривал с Витторио Дзукконе, автором статьи в итальянской газете «Репубблика», перепечатанной «Правдой». На вопрос, ручается ли он за все, написанное им о Б.Н.Ельцине в своем материале, Дзукконе ответил, что делал его, основываясь на вторичных источниках: публикации в газете «Вашингтон пост» от 13 сентября, озаглавленной «С пьяными объятиями к капиталистам», плюс свидетельства эмигрантов из СССР, слышавших разговоры о поведении Ельцина в Балтиморе.

Редакция «Правды» приносит свои извинения Б.Н.Ельцину. Полагаем, что это сделает за своего корреспондента и редакция «Репубблики».

Тяжелым это было признание для правдистов. С одной стороны, они вроде и правы, тем более, что через некоторое время был по-

казан телефильм о поездке Ельцина в США, и он подтверждал материалы «Репубблики», но сторонники Ельцина ссылались на использование психотропных таблеток. Через месяц после публикации опровержения главный редактор газеты «Правда» Виктор Афанасьев был снят с работы. А что Ельцин? А с него как с гуся вода, он в своей «Исповеди…» продолжает дурачить своих поклонников:

«Я уже рассказывал, что в Америке у меня был сумасшедший график, плюс смена временных поясов, усталость, недомогание — все это накопилось до такой степени, что однажды ночью, чтобы хорошо уснуть, я выпил пару таблеток снотворного и моментально провалился... А в шесть утра меня уже принялись будить — в семь одна официальная встреча, а в восемь выступление в институте Гопкинса. Я чувствую, что не смогу подняться, совершенно разбитый. Прошу отменить встречу. Мне говорят — это невозможно, будет скандал, хозяева этого не переживут. Я говорю, это я не переживу сегодняшний день. И вот, абсолютно без сил, собрав всю свою волю, провел первую встречу, затем вторую, ну а дальше было легче, я разошелся, да и действие таблеток прошло»[1].

Как ни печально, но на развесистую клюкву Б. Ельцина, которую он впаривал наивному обывателю по поводу своего позорного поведения во время визита в США, клюнуло руководство Верховного Совета СССР (то бишь сам М.С. Горбачев), создавшего специальную комиссию для разборки с «Правдой», заключение которой приводится ниже:

«ЗАКЛЮЧЕНИЕ КОМИССИИ ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР
ПО ВОПРОСАМ, ВОЗНИКШИМ В СВЯЗИ С ОСВЕЩЕНИЕМ В ПЕЧАТИ
ПОЕЗДКИ В СОЕДИНЕННЫЕ ШТАТЫ АМЕРИКИ
НАРОДНОГО ДЕПУТАТА СССР Б. Н. ЕЛЬЦИНА

Октябрь 1989 г.

Ознакомившись с сообщением ТАСС для советских средств массовой информации, передачами иновещания и телевидения о визите Б. Н. Ельцина в США, проведя беседы с главным редактором газеты «Правда» В. Г. Афанасьевым и Б. Н. Ельциным, комиссия констатирует следующее:

Учитывая неофициальный характер визита Б. Н. Ельцина по частному приглашению, советские средства массой информации не публиковали материалы о его пребывании в этой стране. Поэтому перепечатка «Правдой» статьи из итальянской газеты «Ре-

[1] *Б. Ельцин.* Исповедь на заданную тему. Ассоциация уральских издателей. 1990. С. 228.

публика» выглядит тенденциозной и односторонней, поскольку в сообщениях ТАСС для печати имелись отклики иностранной прессы и противоположного содержания, например, о приобретении Б. Н. Ельциным одноразовых шприцев для детей. Газете следовало либо привести и такие отклики, либо полемизировать по существу высказываний Б. Н. Ельцина во время визита в США, опубликовав прежде сами эти высказывания.

Все это создало простор для домыслов, слухов и негативно сказалось на репутации политики гласности. Поэтому речь идет о попытке газеты опорочить народного депутата Б. Н. Ельцина, за что работники «Правды» должны нести ответственность в соответствии с законом. Публикация нанесла ущерб репутации «Правды» и вызвала поток читательских требований наказать виновных.

В то же время некоторые высказывания и аспекты поведения Б. Н. Ельцина в США, зафиксированные средствами массовой информации, дали повод для нареканий, что проявилось во множестве телеграмм в адрес Верховного Совета, в том числе со стороны его избирателей.

Комиссия считает, что, несмотря на частный характер визита, члену Президиума Верховного Совета СССР необходимо более ответственно подходить к зарубежным поездкам. Что касается предложений, содержащихся в письмах граждан, то избиратели должны сами определить свое отношение к Б. Н. Ельцину в соответствии с существующим законодательством.

Что касается Верховного Совета, то отсутствие законодательно утвержденных норм поведения депутата ставит вопрос о разработке соответствующего положения»[1].

После такого заключения комиссии, опубликованного с явного разрешения Горбачева, невольно начинаешь сомневаться в искренности слов В. Афанасьева, что он (М.С. Горбачев) «очень заинтересован в компрометации Ельцина и всеми силами и средствами пытается уничтожить его как политика». Это не компрометация, это дополнительная реклама «народному любимцу», поскольку обвинения Ельцина в пьянстве были восприняты народом с небывалым воодушевлением.

«Наш человек, плоть от плоти народа! Не какой-нибудь там заумный болтун со своей ненавистной Райкой. Исконно русский мужик, великан двухметрового роста. Он и в отдыхе, и в работе не знает полумер. Работать — так до упаду, пить — так до потери пульса».

---

[1] Цит. по: *А. Хинштейн.* Ельцин. Кремль. История болезни. М.: «Олма Медиа Групп». 2008. С. 529—530.

Ельцина полюбили ровно за то, за что раньше возненавидели Горбачева. Не начни в 1985 году генсек бездумной антиалкогольной кампании, не подними цены на водку, не введи талоны — может быть, история пошла совсем по другому пути.

Недаром даже Андропов, на которого Горбачев так хотел быть похожим, свое правление начал с массового выпуска нового сорта водки — в народе ее так и назвали «Андроповкой», — потому и остался в массовом сознании добрым, справедливым правителем[1]. А водка под названием «Путинка» сыграла не последнюю роль в зарождении и развитии культа личности второго президента России.

Если бы М. Горбачев действительно хотел уничтожить Ельцина как политика, то ему стоило не опровергать публикацию в «Правде», а давать ежедневно информацию о его визите в США, о чем американская пресса писала довольно активно. Или взять откровения координатора поездки Ельцина в США Джима Гаррисона, который, в частности, писал:

«Приблизительно в 11 часов вечера Ельцин и его делегация из восьми человек вылетели из Нью-Йорка в Балтимор на частном самолете Дэвида Рокфеллера-старшего…

Когда самолет приземлился, Ельцин спустился с трапа, но вместо того чтобы приветствовать ожидавшую его делегацию, прошел по взлетно-посадочной полосе к хвосту самолета и, повернувшись спиной к нам, стал мочиться на задние колеса самолета. Потрясенные, мы стояли в неловком молчании, не зная, что и думать. Ельцин вернулся, не сказав ни слова, пожал руки должностным лицам, получил букет цветов от молодой женщины и сел в ожидавший его лимузин. Все сделали вид, как будто ничего не произошло»[2].

Пожалуй, это самый проницательный портрет Ельцина, просвеченного, словно рентгеновским лучом. Но за что же тогда извинялась «Правда»? Разве ошиблась вся пресса Запада? Разве ошибся Гаррисон? Или под взрывом общественного мнения был потерян здравый смысл? Скорее, последнее. Тем более, что последующие события еще раз показали, на какие «художества» способен Ельцин. Вспомним хотя бы то, как он дирижировал оркестром в Берлине… Вот как об этом свидетельствует писатель Владимир Максимов:

«В Берлине состоялись торжества в связи с окончательным выводом российских войск из Германии. И на них, этих торжест-

---

[1] Там же. С. 185.

[2] Цит. по: *А. Хинштейн*. Ельцин. Кремль. История болезни. М.: «Олма Медиа Групп». 2008. С. 186.

вах, наш Президент показал себя в полном блеске. Видимо, «взяв на грудь» более, чем смог выдержать его могучий организм, Борис Николаевич сначала вырвал из рук ведущего микрофон и попытался нечленораздельно пропеть «Калинку», затем с таким же успехом пустился в пляс, попутно схватился с одним из охранников, робко попытавшимся сдержать праздничный пыл патрона, после чего принялся размашисто дирижировать немецким оркестром.

Представляю, с каким, мягко говоря, недоумением следили за этим «чисто русским» непотребством миллионы немецких (и не только немецких) телезрителей. А ведь за годы выпавшего ему президентства этот лихой плясун вкупе с соратниками нам всю плешь проел своими призывами к «цивилизованности». Господи, когда же ты избавишь Россию от этого унижения, этого позора, этого стыда!

Еще раз повторяю: мародеры. Вечно пьяные, бесстыдные, сорвавшиеся с цепи мародеры!»[1]

И лишь по прошествии нескольких лет, когда первый президент страны стал «откалывать» подобные коленца, не смену всеобщему восхищению по поводу неадекватного поведения Ельцина, придет сначала разочарование, а потом досадный стыд. На что способен этот уральский медведь, мы знаем теперь отменно, но тогда, в 1989 году, радостная эйфория и любовный хмель затмевали голос разума, народ не хотел верить ни в публикации, подобные той злополучной заметке в «Правде», ни в показанный по телевидению сюжет о встрече обезумевшего от ночной пьянки Ельцина в Институте им. Гопкинса. Вся страна видела эти позорные кадры, но…не поверила, а поверила беспомощным оправданиям своего кумира.

По ельцинской версии, выглядел он в тот день не лучшим образом, ибо долго не мог накануне уснуть, «растревоженный впечатлениями, физической нагрузкой, усугубляющимся перепадом во времени».

Лишь в четыре утра Борис Николаевич якобы забылся, наглотавшись транквилизаторов, а уже в семь надо было ему вставать.

«Ну так вот, именно эту передачу из десятков возможных показало наше телевидение советским телезрителям, причем получив техническую запись неизвестно откуда. Впрочем, можно догадаться, откуда.

К тому же, специальные мастера произвели с видеопленкой особый монтаж — где надо замедляя на доли секунды изображение, а где надо — растягивая слова, буквы. Об этом мне сообщили

---

[1] *В. Андриянов, А. Черняк.* Одинокий царь в Кремле. Кн. 1. М.: «Правда». С. 218.

видеоинженеры из Останкино. Они даже написали письмо, которое было передано в комиссию, разбиравшую предвзятое освещение в прессе моей поездки. Но, естественно, этот вопиющий факт с пленкой разбирать и проверять никто не стал. К тому же, главная цель была достигнута, растерянные люди, их было немного, но они были — говорили — а может, он действительно был пьяный?.. Объяснять, оправдываться я считал неуместным»[1].

А чего тут объяснять, если все сказанное выше об «особом монтаже» видеопленки, когда действия одного персонажа показываются в замедленном темпе, а других это не касается, есть нечто иное, как несусветная чушь.

Увещевания специалистов, что такое, в принципе, невозможно — никто и слушать не желал.

«Нет у нас такой аппаратуры, — объяснял председатель Гостелерадио Ненашев, — чтобы изобразить человека пьяным, если он на самом деле трезв. И никакое замедление звука тут не поможет — заметно будет. В телевизионной записи была представлена встреча, а не просто монолог… Технически невозможно… исказить манеру поведения и речи одного человека, не трогая других»[2].

Люди хотели верить в то, во что хотели верить. Пьяные выходки Ельцина никак его не компрометировали: пусть знают сытые капиталисты, как умеют гулять русские люди. Лишь спустя годы до народа дойдет, что президент-алкоголик — это позор для России и народа, избравшего его на этот пост, да и не единожды! Вот несколько фрагментов из книги заместителя госсекретаря США Строуба Тэлбота «Рука России», вышедшей уже после отставки Ельцина:

«На первой встрече с Клинтоном в Ванкувере на обеде Ельцин опрокинул три рюмки виски и четыре бокала вина и почти ничего не ел. Уоррен Кристофер передал записку: «Ничего не ест. Плохой знак». Считать, сколько Ельцин принял, станет нашей привычкой на саммитах…

…Той ночью в «Блэр Хаус» Ельцин с пьяным рыком шатался по комнатам в трусах. Спотыкаясь, он спустился на первый этаж и стал приставать с разговорами к агенту американской Службы безопасности. Тому удалось убедить Ельцина вернуться наверх под попечительство своего телохранителя, но скоро Ельцин пришел снова, твердя: «Пицца! Пицца!» Наконец, русская Служба

---

[1] *Б. Ельцин.* Исповедь на заданную тему. Ассоциация уральских издателей. 1990. С. 228—229.

[2] Цит. по: *А. Хинштейн.* Ельцин. Кремль. История болезни. М.: «Олма Медиа Групп». 2008. С. 194.

безопасности крепко взяла его под руки и, пытаясь успокоить, быстро отвела наверх»[1].

Стыдись Россия, кого ты терпела в качестве гонимого властями «непогрешимого» кумира, а затем в течение 8 лет в качестве Первого Президента России (ППР).

Однако на этом «художества» Б. Ельцина во время «сентябрьских каникул» 1989 года не закончились. Вот как он сам пишет в «Исповеди…» по поводу купания в холодной воде подмосковной речушки:

«А скоро произошел еще один эпизод, который гораздо сильнее ударил по мне. И опять это была организованная, чистейшая провокация.

После встречи с избирателями я поехал в машине к своему старому свердловскому другу на дачу в подмосковный поселок Успенское. Недалеко от дома я отпустил водителя, так я делаю почти всегда, чтобы пройти несколько сот метров пешком. «Волга» уехала, я прошел несколько метров, вдруг сзади появилась другая машина. И... я оказался в реке. Я здесь не вдаюсь в эмоции, то, что в эти минуты я пережил, — это совсем другая история.

Вода была страшно холодная. Судорогой сводило ноги, я еле доплыл до берега, хотя до него всего несколько метров. Выбравшись на берег, повалился на землю и пролежал на ней какое-то время, приходя в себя. Потом встал, от холода меня трясло, температура воздуха, по-моему, была около нуля. Я понял, что самому мне до дома не добраться, и побрел к посту милиции.

Ребята-милиционеры, дежурившие на посту, сразу же меня узнали. Вопросов они не задавали, поскольку я сразу же сказал, что никому ничего сообщать не надо. Пока пил чай, который ребята мне дали, пока хоть чуть-чуть просыхала одежда, про себя ругался — до чего дошли, но заявления не делал. Через некоторое время за мной приехали жена и дочь, и, прощаясь, я еще раз попросил милиционеров о происшедшем никому не сообщать.

Почему же я принял такое решение? Я легко предвидел реакцию людей, которые с большим трудом терпят моральные провокации против меня, но спокойно воспринять весть о попытке физической расправы они уже не смогут. В знак протеста мог остановиться Зеленоград, а там большинство оборонных, электронных и научных предприятий, остановился бы Свердловск, а там еще больше военных заводов, остановилось бы пол-Москвы... И после этого, в связи с забастовками на стратегических предпри-

---

[1] Цит. по: *А. Хинштейн*. Ельцин. Кремль. История болезни. М.: «Олма Медиа Групп». 2008. С. 195.

ятиях, в стране вводится чрезвычайное положение. Начинается «вечный и идеальный порядок». Так, благодаря тому, что Ельцин поддался на провокацию, перестройка в стране могла «успешно завершиться».

Возможно, я не прав. Возможно, мой принцип всегда и везде говорить правду и ничего не скрывать от людей не подвел бы меня и в этот раз. Именно это больше всего и поразило моих избирателей: я что-то скрываю, чего-то недоговариваю...

Все-таки считал, что люди сами все поймут, сами во всем разберутся. Тем более когда министр внутренних дел СССР Бакатин на сессии Верховного Совета СССР докладывал, что на меня не было совершено покушений, и в доказательство сообщал фальсифицированную информацию, это еще больше вселяло в меня уверенность — народ во всем разберется. Бакатин почему-то вводил людей в заблуждение даже там, где факты легко проверялись. Он говорил, например, если бы потерпевшего действительно сбросили с моста, он бы сильно разбился, так как высота — 15 метров. Высота моста на самом деле — 5 метров. И теперь, чтобы слова министра выглядели правдивыми, надо срочно строить новый мост, на десять метров выше прежнего. А этого делать никто не хочет. Даже с целью опорочить Ельцина»[1].

В тот день, как потом выяснится, Ельцин с Полтораниным встречались с избирателями в столичном микрорайоне Раменки.

«Зал не мог вместить всех желающих, — читаем в отчете о встрече в малотиражке МИФИ «Инженер-физик» — и жители района собрались на площади перед ДК «Высотник», где шла трансляция… Б. Н. Ельцин отчитался по итогам своей поездки в США… высказал свое возмущение публикацией в «Правде»».

Откуда слушателям было знать, сколь драматично завершится этот вечер, который породит новые «чудовищные» обвинения в адрес их любимца.

Верный помощник и наперсник его Лев Суханов, присутствовавший на мероприятии, говорит, что посадил Ельцина в служебную «Волгу», а сам, с другими доверенными лицами, отправился домой. Больше патрона никто в тот вечер не видел…

Л. Суханов:

«Вечером мне позвонила Наина Иосифовна и спросила — где Борис Николаевич?.. Я позвонил водителю Ельцина и попросил того объяснить ситуацию. Оказывается, он довез Бориса Николаевича до Успенских дач, где тот вышел из машины и дальше пошел пешком».

---

[1] *Б. Ельцин*. Исповедь на заданную тему. Ассоциация уральских издателей. 1990. С. 229—231.

Пошел, значит, себе «к старому свердловскому другу», в правительственный дачный поселок. А около полуночи позвонил домой и дрожащим голосом попросил его забрать.

— Где ты? — враз охрипнув от ужаса, кричала в трубку Наина Иосифовна.

— На КПП в Успенском…[1]

Встревоженная Наина Иосифовна вместе с зятем, Татьяниным мужем помчалась на выручку супруга. Как они добирались до Успенского, лучше всех поведал А. Коржаков:

«Жена прибежала в ванную:

— Таня звонит, говорит, что Борис Николаевич пропал. Уехал после встречи с общественностью в Раменках, и нет его нигде до сих пор. Должен был появиться на даче в Успенском, но не появился. Они туда уже много раз звонили...

Из ванной советую жене:

— Пусть Татьяна позвонит на милицейский пост около дачных ворот в Успенском и спросит, проезжал ли отец через пост. Если бы Ельцин проехал мимо милиционеров, они бы наверняка запомнили. Но в душе я на это не рассчитывал. Недоброе предчувствие, когда я из душа услышан поздний звонок, теперь сменилось нешуточным беспокойством. Из ванной комнаты я вышел с твердой решимостью срочно куда-то ехать искать Ельцина. Но куда?

Таня тем временем переговорила с милицейским постом и опять позвонила, сообщив убитым голосом:

— Папу сбросили с моста... У Николиной горы, прямо в реку. Он сейчас на этом посту лежит в ужасном состоянии. Надо что-то делать, а у нас ничего нет. Сейчас Леша поедет в гараж за машиной.

Леша это Татьянин муж. Мы же с Ириной от рассказа про мост, и Бориса Николаевича, пребывающего ночью в милицейской будке в ужасном состоянии, на мгновение оцепенели. Смотрели друг на друга и думали: наконец-то Горбачев решил окончательно покончить с опасным конкурентом. А может, заодно и с нами. Стало жутко.

Я сказал:

— Ириша, собирай теплые вещи, положи в сумку мои носки и свитер афганский.

В старой литровой бутыли из-под вермута я хранил самогон. Когда Лигачев боролся против пьянства, Ирина научилась гнать самогон отменного качества. Я тоже принимал участие в запрещенном процессе — собирал зверобой в лесу, выращивал тархун

---

[1] Цит. по: *А. Хинштейн.* Ельцин. Кремль. История болезни. М.: «Олма Медиа Групп». 2008. С. 17.

на даче, а потом мы настаивали самодельное спиртное на этих целебных травах.

Вместо закуски я бросил несколько яблок в сумку, а жена, сломя голову, побежала к машине. Гнал на своей «Ниве» до 120 километров в час. Прежде и не подозревал, что моя машина способна развивать такую приличную скорость. Мотор, как потом выяснилось, я почти загнал. Но я бы пожертвовал сотней моторов лишь бы спасти шефа.

Машин на шоссе ночью почти не было, но в одном месте меня остановил инспектор ГАИ. Я ему представился и говорю:

— Ельцина в реку бросили.

Он козырнул и с неподдельным сочувствием в голос ответил:

— Давай, гони!

К Борису Николаевичу тогда относились с любовью и надеждой. Он был символом настоящей «перестройки», а не болтовни, затеянной Горбачевым.

Примчался я к посту в Успенском и увидел жалкую картину. Борис Николаевич лежал на лавке в милицейской будке неподвижно, в одних мокрых белых трусах. Растерянные милиционеры накрыли его бушлатом, а рядом с лавкой поставили обогреватель. Но тело Ельцина было непривычно синим, будто его специально чернилами облили. Заметив меня, Борис Николаевич заплакал:

— Санек, посмотри, что со мной сделали...

Я ему тут же налил стакан самогона. Приподнял голову и фактически влил содержимое в рот. Борис Николаевич так сильно замерз, что не почувствовал крепости напитка. Закусил яблоком и опять неподвижно застыл на лавке. Я сбросил бушлат, снял мокрые трусы и начал растирать тело шефа самогоном. Натер ноги и натянул толстые, из овечьей шерсти, носки. Затем энергично, до красноты, растер грудь, спину, надел свитер.

Мокрый костюм Ельцина висел на гвозде. Я заметил на одежде следы крови и остатки речной травы. Его пребывание в воде сомнений не вызывало. Борис Николаевич изложил свою версию происшедшего.

Он шел на дачу пешком от перекрестка, где его высадила служебная машина, мирно, в хорошем настроении — хотел зайти в гости к приятелям Башиловым. Вдруг рядом резко затормозили «Жигули» красного цвета. Из машины выскочили четверо здоровяков. Они набросили мешок на голову Борису Николаевичу и, словно овцу, запихнули в салон. Он приготовился к жесткой расправе — думал, что сейчас завезут в лес и убьют. Но похитители поступили проще — сбросили человека с моста в реку и уехали.

Мне в этом рассказе почти все показалось странным. Если бы Ельцина действительно хотели убить, то для надежности ме-

роприятия перед броском обязательно стукнули бы по голове. И откуда люди из машины знали, что Борис Николаевич пойдет на дачу пешком? Его ведь всегда подвозили на машине до места.

Тогда я спросил:

— Мешок завязали?

— Да.

Оказывается, уже в воде Борис Николаевич попытался развязать мешок, когда почувствовал, что тонет.

Эта информация озадачила меня еще больше — странные здоровяки попались, мешок на голове завязать не могут. Я спросил у сотрудников милиции:

— Вы видели хоть одну машину здесь?

— Очень давно проехала одна, но светлая. Мы точно ее запомнили.

Минут через пять после первого стакана я влил в шефа второй, а потом и третий. Щеки у Бориса Николаевича раскраснелись, он повеселел. Сидит в носках, жует яблоки и шутит...

Позднее подъехали Наина Иосифовна, Татьяна с Лешей на «Волге». Выходят из машины и уже заранее рыдают. Вслед за ними прибыла еще одна машина — милицейская: в компетентные органы поступила информация, что пьяный Ельцин заблудился в лесу.

Наина Иосифовна бросилась к мужу:

— Боря, Боря, что с тобой?

У Бори слезы выступили, но он уже согрелся, пришел в чувство. Полупьяного, слегка шатающегося, мы довели его до машины. На следующее утро ближайшие соратники и единомышленники собрались у Бориса Николаевича дома, на Тверской, Ельцин лежал в кровати, вокруг него суетились врачи. Они опасались воспаления легких, но все обошлось обычной простудой»[1].

Что же случилось с «народным трибуном» после того, как он…уехал со встречи в Раменках, «слегка возбужденный», как пишет А. Коржаков. Но возбужденный итогами встречи, а не алкоголем, поскольку тот же А. Коржаков утверждал, что: «На той встрече в Раменках, Ельцин не пил. Редкий случай, но он уехал за город ни в одном глазу. Поэтому все, что случилось потом, придумано было абсолютно на трезвую голову». Сам «пострадавший» своей репликой: «До чего дошли», — явно намекал на заплечных дел мастеров с Лубянки.

Как водится, слухи об успенском падении Ельцина разлетелись по стране в считанные дни. В очередях, на кухнях, в курилках и банях люди обсуждали новые козни Кремля и Лубянки.

---

[1] *А. Коржаков.* Борис Ельцин. От рассвета до заката. М.: «Интербук», 1997. С. 71—74.

Резонанс достиг такого размаха, что вопрос вынесли даже на Политбюро. Спикер российского парламента Виталий Воротников записал в своем дневнике, что 16 октября у Горбачева до членов Политбюро довели обстоятельства «мокрого» дела.

Сам Борис Николаевич шумной огласке был поначалу не рад. На другой же день после случившегося он позвонил министру внутренних дел Бакатину и попросил расследования не проводить. Мол, ничего страшного не произошло; незачем поднимать сыр-бор.

Однако МВД не вняло его мольбам. Формально у Бакатина имелись на то все основания. В соответствии с УПК, для того, чтобы начинать расследование, вполне достаточно и устного заявления о преступлении.

Заявление такое было. Первым ведь полудетективную историю похищения Ельцин поведал сотрудникам отделения по охране спецдач Одинцовского УВД. Те и соответствующие рапорты написали. Цитата из показаний милиционера отделения по охране спецдач Одинцовского УВД В. Костикова:

«28 сентября в 23 часа 15 минут совместно с сержантом милиции Макеевым А. Я. я находился у проходной госдач Успенское. Вовнутрь помещения со стороны улицы зашел народный депутат Ельцин Б. Н., одетый в костюм темного цвета, светлую рубашку. Одежда была совершенно мокрая, с нее капала вода. Мы помогли ему снять пиджак, ботинки, напоили горячим чаем...»

Как видно, показания Ельцина и милиционеров совпадают в точности. Но лишь с того момента, когда приплелся он на КПП. Ни похищения его, ни драматического заплыва не видела ни одна живая душа. Водитель, как мы помним, уехал, высадив патрона на повороте. Милиционеры — узрели, уже полумертвого, вымокшим с головы до пят.

Все, что происходило до и после, известно со слов исключительно Бориса Николаевича, верить которому на слово — дело неблагодарное. И вот, на сессии Верховного Совета СССР — ясно не без ведома Горбачева — милицейский министр Бакатин делает сенсационное заявление. Когда его спрашивают о таинственном покушении, министр охотно пускается в откровения. Сначала он воспроизводит рассказ самого Ельцина. Затем уточняет:

«Что касается версии Ельцина, то никто — ни его водитель, ни пост ГАИ, мимо которого якобы шел Борис Николаевич, ни фактическая обстановка (высота моста около 15 метров), ни время происшествия ее не подтверждают».

Это выступление дорого потом обойдется Бакатину: в 1991 году, когда тот станет последним председателем КГБ, именно Ельцин добьется его отставки.

Между тем, как бы Ельцин к нему ни относился, но в той мокрой ситуации Бакатин повел себя достаточно щепетильно, и в секретном докладе, отправленном Горбачеву, министр внутренних дел настаивал даже на прекращении дела:

«Совершенно секретно!
Генеральному секретарю ЦК КПСС,
Председателю Президиума Верховного Совета СССР
тов. М. С. Горбачеву

Уважаемый Михаил Сергеевич!

В соответствии с Вашим поручением по поводу распространившихся в Москве слухов о якобы имевшей место попытке нападения на депутата Верховного Совета т. Ельцина Б. Н. докладываю:

6 октября заместитель начальника Следственного управления ГУВД Мособлисполкома т. Ануфриев А. Т., в производстве которого находится данное уголовное дело, в целях выяснения обстоятельств происшедшего разговаривал с Ельциным Б. Н. по телефону. Тов. Ельцин заявил: «Никакого нападения на меня не было. О том, что случилось, я никогда не заявлял и не сообщал и делать этого не собираюсь. Я и работники милиции не поняли друг друга, когда я вошел в сторожку. Никакого заявления писать не буду, т. к. не вижу в этом логики: не было нападения, следовательно, и нет необходимости письменно излагать то, чего не было на самом деле». С учетом изложенных обстоятельств уголовное дело принадлежит прекращению. Поводом для распространения слухов о якобы имевшем место нападении на т. Ельцина Б. Н. является его заявление, не нашедшее своего подтверждения.

Министр внутренних дел СССР
генерал-лейтенант милиции *В. Бакатин».*

Как следует из вышеприведенного доклада Бакатина, никаких компрометирующих материалов, затрагивающих честь и достоинство Б. Ельцина, в дополнение к уже обнародованному на сессии ВС СССР материалу, не появилось. Тем не менее Ельцин обратился к средствам массовой информации со следующим заявлением:

«16 октября 1989 года на сессии Верховного Совета СССР под председательством М. С. Горбачева был обнародован инцидент, затрагивающий мои честь и достоинство. Против моей воли к разбору данного вопроса был привлечен министр МВД СССР товарищ Бакатин, который, смешивая ложь с правдой, не имел морального права способствовать распространению слухов, порочащих меня в глазах общественности. Более того, товарищ Бакатин ранее за-

верил, что никакого расследования, а также оглашения информации, касающейся лично меня, проводиться не будет.

Новый политический фарс, разыгранный М. С. Горбачевым на сессии Верховного Совета и раздуваемый официальной прессой как событие первой величины в стране, объясняется, конечно, не заботой о моем здоровье и безопасности, не стремлением успокоить избирателей, а новой попыткой подорвать здоровье, вывести меня из сферы политической борьбы.

Создание Межрегиональной депутатской группы, сплотившей на своей платформе почти 400 народных депутатов СССР, избрание меня одним из руководителей ее координационного совета, независимость нашей позиции, альтернативные предложения, идущие вразрез с консервативной точкой зрения сторонников административно — командной системы, и даже моя частная поездка в США — все это вызывает яростное озлобление аппарата. По его команде была состряпана целая серия провокационных, лживых, тенденциозно настроенных публикаций в советской печати, в передачах Центрального телевидения, распускались среди населения самые невероятные слухи о моем поведении и частной жизни.

В связи с вышеизложенным считаю необходимым заявить следующее:

1) все это является звеньями одной цепи акции травли меня и творится это под руководством товарища Горбачева М. С.;

2) вопросы моей безопасности и моей частной жизни касаются только меня и должны конституционно ограждаться от любых посягательств, в том числе со стороны партийного руководства;

3) в случае продолжения политической травли я оставляю за собой право предпринимать соответствующие шаги в отношении лиц, покушающихся на мои честь и достоинство как гражданина и депутата;

4) считаю неприемлемым и опасным перенос акцентов с методов политической борьбы на безнравственность, беспринципные методы морального и психологического уничтожения оппонента. Это ведет к полному краху морально — этических установок, к демонтажу демократических начал перестройки и в конечном итоге — к жестокому тоталитарному диктату.

Народный депутат СССР *Б. Н. Ельцин*.

17.10.89 г.».

Спрашивается, чем же министр опорочил Ельцина «в глазах общественности»? только и всего, что назвал вещи своими име-

нами, уличив, таким образом, «пострадавшего» в несусветной лжи.

Борис Николаевич в который по счету раз противоречит самому себе. Если покушение, действительно, произошло — МВД просто-таки обязано искать преступников. Народный депутат, член ЦК — это не какой-нибудь пудель; его не пристало безнаказанно швырять в реки с мостов.

Наоборот даже, пострадавший еще и благодарен должен быть за «заботу о здоровье и безопасности».

А он вместо этого — раздувает целое политическое дело, обвиняет Горбачева и министра МВД в разыгрывании «политического фарса», хотя авторство фарса этого в действительности принадлежит ему самому. При этом Ельцин не лукавит, он беззастенчиво лжет. Он нахально лгал и «Московским новостям», и «Комсомолке», зарубежным газетам и агентствам, всем своим избирателям, народным депутатам. По требованию общественности, народных депутатов была создана комиссия, которая расследовала этот случай. В Москве проводились пресс-конференции с участием и без участия Ельцина. Западные журналисты проводили свои собственные расследования. Из Москвы шла противоречивая информация. Вот характерные примеры. Первый материал подготовлен английской радиостанцией Би-би-си 19 октября.

«Министр внутренних дел СССР Бакатин выступил сегодня на пресс-конференции и обвинил депутата Верховного Совета СССР Ельцина во лжи. Бакатин заявил, что Ельцин выдумал историю о якобы имевшем место покушении на его жизнь с целью повысить свою политическую популярность. Сотрудник русской службы Би-би-си Тим Хьюэл пытается разобраться в цепи таинственных событий, которые действительно могут бросить тень на репутацию Бориса Ельцина, а его многие рассматривают как самого серьезного политического соперника Горбачева».

«И прежде в Ельцина метили грязью, но она к нему как-то не приставала. Исход нынешней ссоры не столь очевиден прежде всего из-за отказа Ельцина изложить происшедшее так, как он видит его сам, иными словами, объяснить, каким образом он появился совершенно мокрый в 23 часа 10 минут вечером 28 сентября за пределами Москвы у поста ГАИ.

Ельцин признал, что поначалу рассказал милиционеру о том, как его втащили в машину, а затем, надев на голову мешок, сбродили в реку. Как бы там ни было, позднее Ельцин скажет, что он пошутил. По его словам, он просил милицию не сообщать ни о каком инциденте, а затем попросил Горбачева сделать так, чтобы дело это не обсуждалось на заседании Верховного Совета СССР.

Как говорит Ельцин, обе его просьбы были отклонены, поскольку политический истеблишмент, возглавляемый самим Горбачевым, воспользовался представившейся возможностью, чтобы дискредитировать Ельцина.

Вне зависимости от того, правда это или нет, изложенное не объясняет, что же именно случилось той ночью 28 сентября. У сторонников Ельцина есть простой ответ. Они говорят, что их герой на самом деле стал жертвой нападения, подстроенного консервативными политическими силами. Но Ельцин, продолжают они свое объяснение, понял, что если случай получит освещение в прессе, состоятся массовые общественные демонстрации в его поддержку, а это может послужить для консерваторов предлогом для того, чтобы провозгласить в стране чрезвычайное положение. Таким образом, в интересах политической стабильности Ельцин попытался замять инцидент.

«Я легко предвидел реакцию людей, которые с большим трудом терпят моральные провокации против меня, но спокойно воспринять весть о попытке физической расправы они уже не смогут, — на голубом глазу, — пишет Ельцин в «Исповеди...». — В знак протеста мог остановиться Зеленоград, а там большинство оборонных, электронных и научных предприятии, остановился бы Свердловск, а там еще больше военных заводов, остановилось бы пол-Москвы... И после этого, в связи с забастовками на стратегических предприятиях, в стране вводится чрезвычайное положение. Начинается «вечный и идеальный порядок»».

Спасибо вам, Борис Николаевич! Низкий земной поклон! Если б не ваша ленинская скромность, страна непременно была бы ввергнута в пучину путча.

Это, оказывается, так легко — совершить ползучий переворот. Кинули депутата в подернутый ряской прудик, и дело с концом.

Непонятно лишь, почему злодеи эти остановились на полдороге. Что мешало им окунуть Ельцина снова? Или вовсе — отравить угарными газами, уколоть ядовитым зонтиком, бросить в клетку к голодным хищникам, раздавить башенным краном; да мало ли вариантов. Когда на кону стоит судьба страны и всего человечества, любые средства хороши.

«Конечно, если бы захотели Ельцина по-настоящему угробить, угробили бы элементарно, — походя замечает на сей счет его помощник Суханов, — Борис Николаевич был почти беззащитен, но при этом надо учитывать два обстоятельства. Во-первых, мой шеф везунчик и, во-вторых, физическое его устранение всколыхнуло бы всю Россию что вызвало бы непредсказуемые последствия».

Похоже, Суханов «Исповеди…» своего патрона не читал. Откуда ему было знать, что именно этого — «непредсказуемых последствий» как раз и добивались коварные демоны из Кремля и с Лубянки…

...Борис Николаевич напрасно мандражировал. Эта скандальная история не только не убавила ему популярности, а совсем наоборот.

Ельцина стали любить еще сильнее. «Мокрое» дело широко шагнуло в народ, о нем слагали анекдоты и даже поэмы»[1].

Однако вопрос о том, что произошло в тот злополучный вечер в Успенском, требовал какого-либо внятного объяснения. Неопределенность ситуации заключалась в том, что первоначальное объяснение происшедшего, данное Ельциным милиции, противоречит показаниям различных свидетелей. Вот и получается, что либо свидетели лгут, либо Ельцин на самом деле все выдумал. В последнем случае он должен был или каким-то образом облить себя водой, или же промок до нитки в результате какого-то не связанного с этим личного происшествия, которое он хотел бы скрыть.

Какая бы из этих версий ни оказалась истиной, ясно одно: Ельцин во всем этом деле допустил серьезный просчет. Было бы наивно думать, что история, рассказанная милиционеру, не получит широкого распространения, как на то надеялся Ельцин, а если же он сам хотел, чтобы эта история стала известна всем, так же наивно было думать, что ему удастся избежать подробных расспросов.

С другой стороны, недоверие к властям столь глубоко укоренилось в Советском Союзе, что многие из сторонников Ельцина ничтоже сумняшеся поверят, что он действительно попал в подстроенную ловушку. Вот почему как политик он уцелеет и, возможно, даже будет процветать, но нет никакого сомнения в том, что в отношениях с Горбачевым все мосты сожжены, а разрыв между Ельциным и Горбачевым ускорит ту самую политическую нестабильность, возникновение которой Ельцин, по его утверждению, хотел избежать».

Примерно о том же вел речь и корреспондент Международного французского радио Родо Алой:

«Дело Бориса Ельцина, разбиравшееся сессией Верховного Совета, пополнилось заявлениями самого Ельцина, а также пресс-конференцией министра внутренних дел СССР Вадима Бакатина. Нельзя, однако, сказать, чтобы что-то прояснилось в этой невероятно странной истории.

---

[1] Цит. по: *А. Хинштейн*. Ельцин. Кремль. История болезни. М.: «Олма Медиа Групп», 2008. С. 181.

Что же все-таки произошло в ночь на 29 сентября в районе подмосковных дач советской номенклатуры? — спрашивает корреспондент. — Единственное, о чем, пожалуй, можно сказать с уверенностью, это то, что Ельцин был избит и в весьма плачевном виде, насквозь промокший, предстал перед двумя милиционерами. Далее версии расходятся. Тем не менее все эти версии выводят Ельцина в довольно нелепом виде, особенно представленные по требованию Горбачева перед всем честным народом на сессии Верховного Совета.

Теперь Ельцин перешел в контратаку. В своем письменном заявлении он утверждает, что явился жертвой нового политического фарса, разыгранного Горбачевым на сессии Верховного Совета и преувеличенного официальной прессой.

Сейчас Ельцин обвиняет Бакатина в том, что он смешал правду с ложью в своем выступлении перед депутатами, при этом Ельцин вовсе не сообщает, что же было правдой в словах Бакатина, а что нет. Милиционерам он сообщил, что стал жертвой покушения, был сброшен с моста, но затем сам же объявил свое признание шуткой и сказал, что милиционеры его неправильно поняли.

На организованной утром пресс-конференции Бакатин подчеркнул противоречия в заявлении Ельцина. Ельцин солгал, по крайней мере, один раз между понедельником и средой, утверждает Бакатин. «Со своей стороны, я только огласил акт, сделанный милиционерами. Мы не имели права не расследовать это дело, но при этом не вторгались в его личную жизнь». Бакатин подчеркнул, что милиционеры про мокрого Ельцина сказали, что он был очень возбужден, но не пьян.

В редакциях московских газет и журналов, где Ельцин имеет много сторонников, царит некоторое замешательство. Только три газеты дали отчет об этом деле в строгом соответствии с дебатами на заседании Верховного Совета…

…Вокруг этого 58-летнего человека разгорелись (и уже довольно давно) такие страсти, что не остается места ни для какого разумного аргумента.

Интеллигенты, сторонники Межрегиональной парламентской группы явились жертвами этого. Не слишком доверяя Борису Ельцину, они тем не менее избрали его одним из сопредседателей. Однако никто из них не бросился на защиту побитого и вымокшего компаньона. Так что Борису Ельцину самому приходится отбиваться от того, что он называет неправдоподобными слухами о поведении и личной жизни»[1].

---

[1] Цит. по: *В. Андриянов, А. Черняк.* Одинокий царь в Кремле. Кн. 1. М.: «Правда». С. 236—237.

Как видим, страсти нагнетались. Вот еще одно сообщение, на этот раз «Радио Канады», того же 20 октября:

«Борис Ельцин заявил, что КГБ угрожает убить его при помощи прибора, способного остановить работу человеческого сердца. Это заявление было еще одним выпадом в словесной перестрелке между Ельциным и министром внутренних дел Вадимом Бакатиным».

Попав, мягко говоря, в некрасивую историю, Ельцин всячески изворачивался, делая упор на провокацию. Что произошло на самом деле, толком так и не установлено.

«Лично я слышал до полусотни различных версий «покушения», — пишет Суханов, — в которых были замешаны не только его недоброжелатели, но и хорошенькие обольстительницы, ненавидящие его гэбисты и даже пришельцы с летающих тарелок...»

Это еще доктор Геббельс сказал: чем чудовищней ложь — тем легче в нее верится...

Несмотря на обилие вариаций и версий, правды об осеннем падении мы не узнали до сих пор. Нам представляется наиболее правдоподобной версия, выдвинутая Львом Демидовым, бывшим доверенным лицом Б. Ельцина в трех выборных кампаниях (1989, 1991, 1996 годов), и впервые обнародованная Александром Хинштейном:

«Демидов тоже присутствовал на эпохальной встрече в Раменках. Он хорошо помнит, в каком возбуждении Ельцин вышел из зала. Вся машина была завалена цветами. Его только что не качали на руках.

«Он шел и думал: как же так! Народ меня обожает. Я — самый популярный человек в стране. А Горбачев — не ставит и в грош.

И вот эта жалость к самому себе, неудовлетворенность амбиций и могла толкнуть его на неожиданный поступок: сымитировать собственное покушение, чтобы привлечь к себе повышенное внимание. Учитывая его склонность к суициду, Ельцин вполне мог попросту залезть в реку, а потом придумать историю про таинственных злоумышленников и пыльный мешок».

Если принять эту неожиданную версию за основу, все окончательно встает на свои места…»[1]

Кстати, впоследствии эту версию признал также Александр Коржаков, знаток тонкостей психологического портрета Ельцина и темных закоулков его души:

«После долгих раздумий я тоже склоняюсь к этому варианту: Ельцин решил в очередной раз покончить жизнь самоубийст-

---

[1] Цит. по: *А. Хинштейн*. Ельцин. Кремль. История болезни. М.: «Олма Медиа Групп», 2008. С. 182.

вом — но так, чтоб не до смерти, а просто попугать. Скорее всего, он просто спустился к реке, окунулся прямо в одежде, а потом придумал историю со своим похищением»[1].

Конечно, задним умом мы все крепки. Вряд ли сегодня кто-то будет сомневаться, что в американском вояже Ельцин действительно упивался в стельку, и с моста никто его не кидал.

Слава богу, за годы, прошедшие с того славного времени, мы имели возможность увидеть истинное лицо нашего национального героя.

В заключение еще один пример из арсенала неуемной ельцинской фантазии на тему, как его пытались прикончить наемные убийцы не то Кремля, не то Лубянки, что, впрочем, одно и то же. «Два бандита с финками наголо попытались пырнуть народного трибуна». Он, понятно, расшвырял их, как котят, но ножом все-таки успели его задеть. Вот как прокомментировал этот «эпизод» А. Коржаков:

«Ельцин даже мне пытался рассказывать «сказки» об этих мифических хулиганах. От «харакири» у него на животе остался шрам. И вот всякий раз, когда мы шли с ним в баню, Ельцин гордо говорил: видите след? это на меня в подземном переходе напали… я их всех раскидал, но успели, сволочи, задеть…

Проходит пара недель. Борис Николаевич в бане опять заводит: знаете, откуда шрам?.. бандиты напали… выхожу я из гостиницы «Москва», после Межрегиональной депутатской группы, а они — уже с ножом поджидают… всех разбросал, конечно…»[2]

Эту красивую сказку про бандитское нападение на Ельцина придумал Михаил Полторанин.

Самое поразительное, что люди в нее поверили и мгновенно заподозрили в случившемся длинную руку Лубянки.

А чью же еще? Этот синдром — тотальной чекистскофобии — замечательно описал писатель Довлатов:

«Пожар случился — КГБ тому виной. Издательство рукопись вернуло — под нажимом КГБ. Жена сбежала — не иначе, как Андропов ее ублудил. Холода наступили — знаем, откуда ветер дует!»

Сказку про ножи Борис Николаевич, естественно, тоже не отрицал. В его «Исповеди…» есть даже короткое упоминание о ране на груди, полученной в результате столкновения с хулиганами. Иными словами, один и тот же инцидент подается им, как два, а то и три совершенно разных события, и в каждом — ни слова правды…[3]

---

[1] Там же. С. 196.

[2] Цит. по: *А. Хинштейн*. Ельцин. Кремль. История болезни. М.: «Олма Медиа Групп», 2008. С. 195.

[3] Там же. С. 167.

Глава 4
ТРАГИЧЕСКИЙ ДЕВЯНОСТО ПЕРВЫЙ ГОД

4.1. Канун трагедии, или «Кто вы, Президент Горбачев?»

Позорить свое отечество — значит предавать его.

Виктор Гюго

Сразу же после избрания на пост Председателя Верховного Совета РСФСР Б. Ельцин повел решительную борьбу за выход России из состава Советского Союза. Он во всеуслышание объявил, что: «Россия будет самостоятельной во всем и ее решения должны быть выше союзных». Он прекрасно понимал, что только после того, как Россия избавится от диктата Центра, он может стать полновластным «хозяином» России. А кресло спикера Российского парламента в рамках единого Советского государства — это всего лишь промежуточная инстанция на пути к «обладанию» Россией. Начинается подготовка к принятию Декларации о государственном суверенитете, идея принятия которой опьянила практически не только весь состав Верховного Совета, но стала популярной у большинства населения России, зомбированного неустанной пропагандой этой «идеи» в средствах массовой информации.

Еще до принятия Декларации о суверенитете России начался знаменитый парад суверенитетов национальных образований (автономий) России. С одной стороны, Б. Ельцин стимулировал этот процесс, провозгласив свой «знаменитый» лозунг: «Берите независимости, сколько можете унести» (в других вариациях — «проглотить», «переварить»), добавляя при этом: «Но и ответственность пусть возлагают на себя за благосостояние народа, проживающего в республике»[1]. С другой стороны, не малую, а скорее всего решающую, роль в возбуждении сепаратистских настроений у руководителей автономий сыграл не кто иной, как М.С. Горбачев.

Стремясь ослабить позиции Б. Ельцина в его устремлении к выходу России из Союза, Горбачев протащил через союзный пар-

[1] Из выступления но Второй сессии Верховного Совета РСФСР. «Советская Россия». 1990. 22, 27 сентября.

ламент крайне взрывоопасный закон от 26 апреля 1990 года, который поднимал статус автономий внутри РСФСР до статуса союзных республик (в равной степени это касалось Грузии, Армении, Азербайджана, Таджикистана и Узбекистана, имеющих в своем составе автономные образования). Поскольку в это же время вовсю муссировалась идея подписания нового союзного договора, то число возможных «подписантов» резко увеличивалось (около 40 субъектов), что делало принятие такого «договора» практически невозможным. Таким образом, оба руководителя, словно сговорившись (по всему видать без «словно») стали, образно говоря, поливать бензином начавший разгораться костер национальных конфликтов на территории Советского Союза. Лучшего сценария для развала Советской империи трудно было придумать.

Декларация «О государственном суверенитете Российской Советской Федеральной Социалистической Республики» была принята 12 июня 1990 года на Первом Съезде народных депутатов РСФСР. По общепринятому убеждению, именно принятие этой Декларации поступило стартовым сигналом для развала Советского Союза, который произошел через полтора года в трагическом 1991 году. Однако в тексте Декларации не было ни слова о выходе России из состава СССР, но при этом провозглашалось верховенство российских законов над общесоюзными. Именно этот тезис провозглашал 5-й пункт Декларации:

«5. Для обеспечения политических, экономических и правовых гарантий суверенитета РСФСР устанавливается:

— полнота власти РСФСР при решении всех вопросов государственной и общественной жизни, за исключением тех, который добровольно передаются в ведение Союза ССР;

— верховенство Конституции РСФСР и Законов РСФСР на всей территории РСФСР; действие актов Союза ССР, вступающих в противоречие с суверенными правами РСФСР, приостанавливаются Республикой на всей территории. Разногласия между Республикой и Союзом разрешаются в порядке, устанавливаемом Союзным договором;

— исключительное право народа на владение, пользование и распоряжение национальным богатством России;

— полномочное представительство РСФСР в других союзных республиках и зарубежных странах;

— права Республики участвовать в осуществлении полномочий, переданных ею Союзу ССР.»

Официальный доклад о суверенитете делал на съезде верный ленинец, бывший уже Председатель бывшего Президиума Верховного Совета РСФСР Виталий Воротников. За этот документ

проголосовало подавляющее большинство депутатов — 907 — соответственно, включая и коммунистов, против — всего 15, воздержались — 9.

Каждая из сторон, как уже повелось, исходила из собственных интересов, свято полагая, что сумеет переиграть противника.

Ельцин — стремился максимально вывести Россию из-под союзного контроля.

Горбачев — заигрывал с национальными автономиями, пытаясь отколоть их от Ельцина и ослабить его влияние.

Но первым — факт непреложный — эту рискованную игру в «царя горы» затеял все же Михаил Сергеевич, по замыслу которого грядущая власть Ельцина мгновенно превратилась бы в пшик, в том случае, если свыше 20 автономных образований получали бы равные с Россией права.

«Хитроумный замысел удался на славу. Уже к осени 1990 года добрая половина автономных республик объявили о своем суверенитете (в том числе и безмятежная еще пока Чечено-Ингушетия). Однако, засеяв поле, собрать с него обильный урожай Горбачев уже не сумел. Ему попросту стало не до того, ибо наряду с автономиями декларации о государственной независимости кинулись принимать и республики союзные: все до единой (последней стала вечно нищая Киргизия).

Поначалу эти декларации казались лишь звучными, но бесполезными — простите уж за тавтологию — декларациями. Но когда Россия объявила о том, что резко сокращает выплаты в союзный бюджет, стало уже не до смеха.

Испокон веку союзный бюджет формировался преимущественно за счет РСФСР. На эти деньги жили почти все другие республики. Такого удара Горбачев точно не ожидал, но злиться теперь он мог исключительно на самого себя. Принятая с его подачи Декларация, предусматривала подобную ситуацию.

Вообще, если разобраться, более бредовой идеи, чем признание суверенитета живущих в едином государстве республик, трудно себе вообразить.

Представьте себе большую, дружную семью, в которой жена вдруг объявляет, что будет спать, с кем пожелает, муж — отказывается приносить зарплату, сын — демонстративно не приходит ночевать, дочь, напротив, водит клиентов домой, а старая бабка перегораживает общий коридор, требуя плату за проход. Но при этом все продолжают наперебой уверять, что они — единая семья, спаянная узами родства и взаимной любви.

То же самое начало происходить — в другом, понятно, масштабе — и в Советском Союзе. В борьбе за престол и Ельцин, и Гор-

бачев жили не завтрашним днем, а исключительно сегодняшним, руководствуясь нехитрым принципом: чем хуже — тем лучше.

Ни у одного, ни у второго не было никакой внятной политической и экономической программы. Горбачев откровенно не понимал, что делать ему с разваливающейся державой. Ельцин же, напротив, предпринимал все возможное, дабы усугубить и без того незавидное положение противника: в этом и заключалась его политическая программа…»[1]

Эйфория от практически единогласного голосования за принятие Декларации была настолько велика, что впоследствии было принято решение считать 12 июня праздничным днем. Мало кто может объяснить, что это за праздник. Со временем российские граждане стали забывать, что же такое сверхреволюционное произошло в тот день, и стали воспринимать этот день, как дополнительный выходной. Так, на вопрос корреспондента радиостанции «Маяк», — «Как Вы отмечаете этот праздник?», — известный политический деятель, директор Института диаспоры и интеграции Константин Затулин ответил: «…я данный праздник не отмечаю, просто использую выходной день». И вот почему:

«…это очень странный праздник. С одной стороны, 12 июня — это день принятия документа, то есть бумаги. В составе Советского Союза одна из союзных республик — Российская Федерация — заявила о своем суверенитете. В то время это было очень модным. Если говорить о реальной независимости России от Советского Союза, то есть о его прекращении, то люди, которые считают это праздником, должны были бы отмечать данную дату 8 или 9 декабря, когда были подписаны Беловежские соглашения, или, может быть, день, когда они были ратифицированы в Верховном Совете. Не совсем понятно, почему нужно праздновать намерения. У России точно должны быть праздники. Но совсем не обязательно считать праздником день, когда политическая элита России в Москве решила, что справиться со всем тем, что ей досталось в наследство от прежних времен, она не может. Вот она и расписалась в своем бессилии, назвав это независимостью»[2].

Действительно, называть этот, по существу, трагический для России день праздником, это что-то из области сюрреализма.

Декларация 12 июня воспринималась как защитная мера, которая должна была спасти Россию от распада. За декларацию голосовали и коммунисты, и демократы, и сторонники Ельцина, и

---

[1] *А. Хинштейн.* Ельцин. Кремль. История болезни. М.: «Олма Медиа Групп», 2008. С. 219—220.

[2] http://old.radiomayak.ru/schedules/51/9792.html.

его яростные противники. Все хватались за соломинку — положение в стране становилось все более отчаянным. Казалось, что если нельзя спастись всем вместе, то надо, по крайней мере, спасти себя.

Летом в Москве все продукты и товары стали продавать при предъявлении паспорта со столичной пропиской, чтобы ничего не доставалось приезжим. Москвичи были довольны, хотя еды от этого не прибавилось.

Декларацию о суверенитете поддержал и главный противник Ельцина на выборах Иван Полозков, который вскоре станет первым секретарем ЦК компартии РСФСР. Валентин Купцов, один из будущих руководителей российской компартии и яростный оппонент Ельцина, говорил тогда:

— Моя личная оценка: принятие Декларации о суверенитете — главный итог работы Первого съезда народных депутатов Российской Федерации. Важно, что этот принципиальный документ поддержан практически всем народом России...

А как же тогда тринадцать депутатов, что голосовали — против? По словам В.Б. Исакова, который на тот момент был ярым сторонником Б.Н. Ельцина, это те депутаты, в том числе и он сам, которые были против цитированного выше 5-го пункта Декларации о верховенстве законов России над союзными законами. Именно это положение Декларации послужило началом целого этапа, так называемого, «войны законов», вплоть до распада СССР в декабре 1991 года, который окончательно развалил сначала экономику, а затем уже и страну. Вот уж поистине «праздник» со слезами на глазах. Ну, «попраздновали» при Ельцине 8 лет, пора бы и честь знать. Неужели его преемнику на посту Президента России в течение последующих 8 лет его президентства не пришла в голову простая мысль, что пора отменить этот фарс и вернуть народу праздник в честь Великой Октябрьской Социалистической революции. Что из того, что произошла смена политического строя? В истории многих народов происходили подобные катаклизмы, взять ту же Францию. После Великой французской революции, провозгласившей день взятия Бастилии национальным праздником, а Марсельезу («Вставай, поднимайся, рабочий народ…») государственным гимном, пять раз происходила смена общественного строя (республика, империя, возврат монархии, снова республика), но никто не покушался ни на государственный праздник, ни на гимн страны, провозглашенные Парижской Коммуной.

Сейчас уже правит второй, после преступника Ельцина, президент России. Год его правления показал, что он вполне вменяемый человек, но как бы возрос его имидж, если бы он нашел

в себе мужество отменить этот позорный для России праздник, вернуть «красный день календаря» — 7 Ноября и возвратить легендарному городу на волге имя — Сталинград. И пусть не захлебывается в бессильной злобе определенная категория людей, названная известным русским писателем-публицистом Владимиром Бушиным собирательным именем «сванидзы», речь не идет о возрождении культа великому вождю. Речь идет о тех сотнях тысяч солдат и офицеров, что пали на подступах и в самом Сталинграде, грудью защитившие страну от фашистского порабощения. Россия! Бери пример с Великой Франции, которая не только не запятнала позором своих революционных знамен, но и воздала должное городу, битва за который положила начало коренному перелому Второй мировой войны, назвав его именем один из проспектов своей столицы.

Однако, за три месяца до принятия Декларации о государственном суверенитете РСФСР в масштабе СССР произошло еще одно важное событие, значительно повлиявшее на дальнейших ход политической жизни в стране. В марте 1990 года был учрежден пост Президента СССР, на который был избран М.С. Горбачев. К этому времени авторитет Горбачева значительно пошатнулся и поэтому на избрание на пост Президента СССР путем всенародного голосования он пойти побоялся, избрание проходило путем тайного голосования народных депутатов Верховного Совета СССР. В книге воспоминаний «Крушение пьедестала» бывший руководитель администрации президента В.И. Болдин довольно красочно описывает процедуру восхождения Горбачева на этот пост:

«Хождение в президенты

27 марта 1990 года. Утром этого дня народные депутаты СССР непрерывным потоком шли из гостиниц «Россия» и «Москва» в Кремль. В 10 часов в Кремлевском Дворце съездов начнется заседание, на котором будут объявлены результаты вечернего голосования по выборам президента СССР. Огромный зал полон народу. Сюда собрались не только депутаты, но и большое количество гостей: министров, работников различных ведомств, дипломатических представителей десятков государств мира. И кругом пресса: телевидение, радио, фотокорреспонденты.

Зал гудит, как огромный растревоженный улей. Ночная работа счетной комиссии не осталась тайной, и результаты выборов тихонько расползаются по депутациям. Но опыт кое-чему уже научил, и до официального сообщения слухам не слишком верят.

В фойе гремят звонки, призывающие депутатов занять места. Сажусь и я на свое место среди представителей Северной Осе-

тии. Только что обошел Дворец съездов, был в месте сбора президиума. Члены Политбюро ЦК, собравшиеся в своей комнате, уже знают результаты подсчета голосов. М.С. Горбачеву об этом, видимо, сообщили еще на рассвете. И он хотя и уставший, невыспавшийся, но, чувствуется, удовлетворен итогами голосования. На лице его рассеянная улыбка, он небрежно принимает поздравления, отзывает в сторону помощников и дает поручение готовить текст присяги. Эта процедура для него и страны внове. Но помощники знают практику США и трудностей не видят. Впрочем, у них кое-что уже и заготовлено — за словами клятвы на верность народу Советского Союза дело не станет...

...Члены президиума съезда занимают свои места. Слово предоставляется председателю счетной комиссии. Зал замирает, слышно, как работают кондиционеры. И вот сообщение: М.С. Горбачев избран первым Президентом СССР, набрав 1834 голоса из 2486. Депутаты встают, аплодируя новому главе государства. Теперь ему предстоит принять присягу, и 28 мая Президент СССР, держа руку на Конституции СССР, клянется стоять на страже соблюдения ее духа и буквы. Так в Советском Союзе появился первый Президент. Республики решили не отставать, и через полгода президентов в СССР было уже больше десятка»[1].

Напомним биографию первого и последнего Президента СССР Михаила Сергеевича Горбачева.

Родился 2 марта 1931 года в селе Привольное Красногвардейского района Ставропольского края, в крестьянской семье.

Горбачев рано начал трудиться в поле. Впрочем, это было характерно для тех трудных военных лет: деревня обезлюдела. Война нанесла серьезные раны селу. Оставила она глубокий след и в характере Михаила. Он часто вспоминал о той поре, рассказывал, как прятался на дальних фермах от угона в фашистскую Германию. Конечно, это были не те зверства, которые немцы чинили в Белоруссии и многих западных районах, но и они оставили свою метину в характере Горбачева.

В послевоенные годы, помогая отцу на комбайне, Михаил смог завоевать признание не только среди сверстников. В свои 16 лет он получил правительственную награду — орден Трудового Красного Знамени — как помощник комбайнера. В трудные военные годы еще до возвращения отца из армии на нем лежала посильная забота и о хлебе насущном, так что трудовая закалка была довольно солидная и проверялась возможность выжить в пору голода, разрухи и разорения.

---

[1] *В. Болдин.* Крушение пьедестала. М.: «Республика», 1995. С. 367—368.

Неплохие наследственные качества, закрепленные тяжелыми условиями военной поры, стали той стартовой площадкой, с которой он поднялся, как говорится, выше собственной крыши.

Серебряная медаль, полученная им за хорошие знания, позволила Мише выбирать учебное заведение по душе. Домашние посоветовали ехать учиться в столичный университет. Это был добрый совет. В ту пору в печати много писалось о строительстве нового здания МГУ на Воробьевых горах. В газетах и журналах публиковались снимки макетов нового здания, рассказывалось о великолепных условиях жизни студентов.

В общем, все сходилось на том, что надо поступать в МГУ, но на какой факультет? Почему молодой абитуриент выбрал юрфак? Что бы ни говорили по этому поводу, но кто помнит ту пору, хорошо знает, что кроме МИДовского института международных отношений, куда из-за незнания языка Миша поступить при всем желании не мог, престижной считалась работа в правоохранительных органах — МГБ, МВД, прокуратуре. Да и впечатляюще — перед всесильными органами внутренних дел и прокуратуры в те времена робели.

Разумеется, ничего предосудительного в желаниях крестьянского паренька выбиться в люди нет. Молодости свойственно сначала видеть форму, а потом содержание. И Миша поступил на юридический факультет. Московский факультет дал Горбачеву нечто большее, чем юридические знания, — здесь он опробовал силы как политический боец молодежного движения, и эта возможность лидировать среди студентов, конечно же, была заманчивой, удовлетворяла тщеславие и амбиции, которые у него, как у немалой части молодых, были весьма сильны.

Общественная работа в МГУ дала возможность расширить круг знакомств Горбачева, приобщиться к деятельности университетской молодежной элиты, и это было, с точки зрения будущего, крайне полезное дело, позволявшее видеть механизмы восхождения во власть пусть на комсомольском, но столичном уровне.

Вкусивший прелести столичной жизни Горбачев беспокоился по поводу неопределенности в своей судьбе. Молодого юриста волновало это теперь вдвойне. В сентябре 1953 года он женился на Раисе Титаренко, студентке философского факультета МГУ. Судьба улыбнулась Горбачеву, и его сразу утвердили в должности заведующего отделом пропаганды крайкома ВЛКСМ. Это была должность, которая даже для выпускника Московского вуза считалась весьма солидной. Горбачев с головой окунулся в круговерть комсомольской жизни. Та пора оставила в его душе много добрых воспоминаний. Нередко вечерами уже в должности генсека он вспо-

минал эти годы, рассказывал, как мотался по станицам, проводил собрания, организовывал диспуты и ответы на вопросы. Время тогда было необыкновенным. Начиналась оттепель. Повсюду царил оптимизм. Страна расправляла плечи, быстро развивалась промышленность, улучшалось дело на селе, возводились новые города, создавались научные центры. В небо взмывали ракеты, советские люди осваивали космос, время рождало таланты.

И вот тут надо сказать еще об одном, как говорил Горбачев, судьбоносном факторе. Трудно сказать, как бы сложилось будущее Михаила Сергеевича, если бы его в его жизни не появилась Раиса Максимовна. Может показаться удивительным, но позиция, характер жены сыграли определяющую роль в судьбе Горбачева и, в значительной мере, в судьбе партии, всей страны.

Раиса Максимовна — человек с твердым, жестким и властным характером — умела подчинять своей воле других, добиваться желаемого всеми силами и средствами. Она быстро стала первой дамой страны, во всяком случае, значительно быстрее, чем М.С. Горбачев по-настоящему почувствовал себя лидером партии и государства. Не стесняясь, звонила и давала поручения помощникам генсека и некоторым членам руководства страны, особенно тем, кого знала. Как полновластная хозяйка, Раиса Максимовна немедля взяла на себя функции лидера и организатора созвездия супруг руководителей партии. Заняла руководящий пост в союзном фонде культуры, а по существу была его лидером. По ее поручениям во многих структурах и органах культуры, массовой информации устанавливались правительственные телефоны. Связью на уровне генсека была оборудована и ее машина, машины сопровождения охраны КГБ.

По своему образованию, опыту работы преподавателя в высшем учебном заведении, где Раиса Максимовна читала курс марксистско-ленинской философии, она была преданной сторонницей коммунистического мировоззрения, не раз отстаивая, в том числе публично, свои убеждения. Этому она учила и сотни студентов, воспитывая их в духе верности марксизму-ленинизму. Как говорил Михаил Сергеевич о своей семье, где все, разве кроме малолетних внучек, являлись преданными членами КПСС, Раиса Максимовна возглавляла «нашу домашнюю партийную ячейку». И не только возглавляла, но и была ее душой и идеологическим знаменем. И определяла политику не только на уровне домашней партячейки, но и, принимая какие-то решения, добивалась, чтобы член домашней ячейки М.С. Горбачев проводил выработанную линию на уровне всей Компартии Советского Союза. И это не слишком большое преувеличение.

Нэнси Рейган, рассказывая о встречах с Раисой Максимовной, обратила внимание на ее нравоучительную манеру разговора и барское отношение к тем, кто окружал ее. За те короткие минуты встреч Нэнси Рейган поняла ее манеры и характер. Р.М. Горбачева предстала перед ней как человек, который хочет поведать миру нечто необыкновенное: «Если я нервничала перед первой встречей с Раисой Горбачевой, — вспоминает Нэнси Рейган, — а я нервничала, то она, должно быть, нервничала еще больше перед встречей со мной. Я не знала, о чем буду говорить с ней, но скоро выяснилось, что это не имеет никакого значения. С первой минуты она сама говорила, говорила — так много, что мне едва удавалось вставить словечко. Быть может, это было от неуверенности, которую она испытывала, но после дюжины наших встреч в трех разных странах основное впечатление, которое осталось у меня от Раисы Горбачевой, — что она никогда не перестает говорить.

В тот первый раз в Женеве, придя на чай, поразила меня тем, что явно хотела казаться женщиной, чье слово — закон. Ей не понравился стул, на котором она сидела, — она щелкнула пальцами. Охранники из КГБ тут же подали ей другой. Я глазам своим не поверила. Я видела первых леди, принцесс, королев, но никогда не видела, чтобы кто-то из них вел себя подобным образом».

В общем, Раиса Максимовна на протяжении многих лет правила не только домашним хозяйством, но и всем балом перестройки. Она участвовала в формировании политики, где это, разумеется, было возможно, и расстановке кадров. Но главное — она формировала характер генсека-президента, помогала ему искать путь в бурном море политических течений в надежде привести государственный корабль к намеченным целям. И это можно оценивать по-разному; и как желание разделить ответственность, и как вмешательство в компетенцию президента, может и с его согласия, но ограничивающее его свободу действий и власть.

Горбачев наследовал от дедов и родителей противоречивый характер. В нем сочетались неуверенность, мягкость, дар организатора и краснобая, крестьянская сметливость и скаредность. Даже в должности генсека он не мог отказаться от любого подношения.

Природой ему была дана светлая голова, отличная память и немалая хитрость, которая с годами была доведена до высот совершенства, хотя для тех, кто знал его ближе, комбинации, изобретаемые им, были довольно просты, легко разгадывались. Что больше всего поражало — так это умение не просто обыгрывать противника, а создавать беспроигрышную ситуацию при любом

обороте дела. И разобраться в этих хитросплетенных комбинациях новому человеку было довольно сложно. Он умел навязывать оппоненту линию беседы, свою позицию и ставил того в положение обороняющегося.

Эту черту характера Горбачева раскусили помощники Рейгана еще при встрече в Женеве и всячески советовали американскому президенту не принимать навязанный Горбачевым план бесед, перечень вопросов для обсуждения, уходить от них на переговорах, либо чаще менять темы. Совершенства подобная тактика достигла у Горбачева на посту генсека, но корни ее, безусловно, тянулись вглубь, закладывались в период политического возмужания в годы работы на Ставрополье.

Поначалу превращение Горбачева — молодого секретаря крайкома — в члены Политбюро гарантировало ему только огромный объем работы, но не давало шансов подниматься на более высокие ступени. Для этого надо было пройти еще школу аппаратной работы, «притереться» во всех московских конторах. Ему и здесь помогло то, что многие министры отдыхали в предгорьях Кавказа и с нужными людьми он часто встречался «на водах» в неформальной обстановке. Правда, делал это не со всеми. Коллег-секретарей обкомов партии особенно не жаловал. И те, не дождавшись приглашения, порой звонили ему сами и звали на встречу. Встречаться, налаживать связи, быть приветливым Михаил Сергеевич знал с кем. С переездом Горбачева в Москву все эти связи оказали неоценимую услугу, и он сравнительно быстро завоевал прочные позиции в чиновничьем мире.

Знание расстановки сил в ЦК КПСС, Совете Министров СССР, Верховном Совете СССР, министерствах и ведомствах, среди руководителей общественных организаций — непременное условие восхождения на вершину пирамиды власти. Не овладев искусством контактирования, не завоевав поддержку как «своего человека», нечего рассчитывать на движение «наверх». И Горбачеву потребовалось несколько лет, чтобы получить минимум того, что необходимо в данном случае. К нему пристально приглядывались, испытывали разными методами и только тогда формировали мнение.

Искусством лавирования, компромисса, умением со всеми поладить Михаил Сергеевич овладел быстро и — видимо — в совершенстве. Скорее всего, это умение было приобретено еще в крае. Он сравнительно успешно постиг и азы столичного уровня интриганства, существовавшего на разных этажах власти, умения говорить одно, подразумевая другое, блефовать и широко улыбаться, располагая к себе людей.

Начинал Михаил Сергеевич штурмовать последнюю высоту довольно «сырым» политиком, не успев привести в порядок свою речь. Он нервничал, неумело читал тексты выступлений на широких заседаниях, но, как уже говорилось, очень быстро прогрессировал.

Немало сил и энергии уходило у него на обеспечение импозантности, приобретение лоска. Но без прирожденной склонности достичь этого было вообще невозможно.

Одним из важнейших источников возвышения и карьерного роста Михаила Сергеевича явилась его сравнительно неплохая марксистско-ленинская подготовка, знание ленинского теоретического наследия. Он достаточно хорошо знал историю партии, труды В.И. Ленина, часто пользовался этим багажом, что заметно выделяло его среди многих партийных и хозяйственных деятелей Ставрополья, да и не только Ставрополья, но и московских руководителей. Особенно если учесть, что многие члены Политбюро, и, прежде всего Л.И. Брежнев, настолько давно читали работы Ленина, что вспомнить что-то из них затруднялись. В этом не было ничего удивительного: за долгие годы работы на руководящих должностях, занятий главным образом хозяйственными вопросами, у части членов Политбюро «повыветрились» знания основ марксизма-ленинизма. Некоторые из них, кроме первого тома «Капитала», вообще не читали Маркса, а из Ленина подбирали только подходящие к случаю цитаты. Впрочем, труды Маркса, Энгельса, и их предшественников не знал и М.С. Горбачев. Конечно, у секретарей ЦК были помощники, довольно грамотные и теоретически подготовленные люди, но это никак не могло заменить первоисточников того учения, на базе которого руководители партии формировали новое бесклассовое общество. Но он уловил главное, что прикрываясь марксистско-ленинской фразеологией, можно какое-то время представить себя не только в качестве горячего сторонника и последователя этого «исторически верного учения», но и предстать в роли реформатора учения в новых, исторически обусловленных, условиях.

В этом нет ничего предосудительного, поскольку марксизм-ленинизм, как и любое фундаментальное учение, нуждался в дальнейшем развитии, ибо в противном случае он превратился бы в догму, что уже фактически и происходило, поскольку после смерти И.В. Сталина ни один из руководителей страны не обращался к теоретическому обоснованию своих действий по строительству коммунистического общества. Напротив, новые руководители, ослепленные азартом борьбы с культом личности И.В, Сталина, вместе с водой выплеснули и ребенка. Что мог, например, внести в развитие революционной теории Н.С. Хрущев, имея

за плечами три класса церковно-приходской школы? Развенчав сталинизм, он фактически отверг и саму основу сталинизма — марксистско-ленинское учение о построении бесклассового общества. Дело по разрушению революционной теории «успешно» продолжил Л.И. Брежнев, и лишь Ю.В. Андропов, словно очнувшись от летаргического сна, вдруг задался вопросом, а в каком обществе мы живем, какой общественно-экономический строй во дворе? Он первым понял, что на базе существующего «развитого социализма» ничего путного построить невозможно, разве что под марксистско-ленинскими лозунгами ввести в стране рыночные отношения, как прямой путь к реставрации капитализма. Что он и задумал совершить, но преждевременная смерть прервала его планы. И лишь с приходом к власти М.С. Горбачева «триумфальное» движение назад к капитализму под красным знаменем в руке и с «Лениным в башке» возобновилось под фиговым листком «перестройки».

Завиральная идея перестройки, спеленутая в одежды марксистско-ленинской фразеологии, пришлась по душе как ортодоксальным коммунистам страны, предчувствующим близкий крах командно-административной системы, так и идеологам Запада, уловившим куда дует ветер намечаемых в Советском Союзе перемен. Нового «реформатора» поддерживали как доморощенные «демократы» западного либерального толка, так и консервативно настроенные большевики, увидевшие в Горбачеве твердого ленинца, который стремится теоретически обосновать свои «перестроечные» идеи и планы, опираясь на учение основоположников марксизма — ленинизма.

Не случайно, выступая с докладом на торжественном заседании в Москве, посвященном 113-й годовщине со дня рождения В.И. Ленина, Михаил Сергеевич начал с того, что охарактеризовал Ленина как человека, «чье имя стало символом революционного обновления мира, чье учение владеет умами передового человечества, воплощается в общественную практику всемирно — исторических масштабов… Ленин — не меркнущий образец для его учеников и последователей. Он всегда с нами. …Обветшало и рассыпалось немало концепций и доктрин о локальной ограниченности ленинизма, о его мнимой «устарелости». А ленинские идеи живут и побеждают».

В 1987 году, в день 70-летия Октября, он, как и раньше, казалось был верен ленинским идеям и заветам. Свой юбилейный доклад, посвященный этой дате, он начинает так:

«Семь десятилетий отделяют нас от незабываемых дней Октября 1917 года. Тех легендарных дней, которые начали свой от-

счет новой эпохе общественного прогресса, подлинной человеческой истории. Октябрь — поистине «звездный час» человечества — это революция народа и для народа, для человека, его освобождения и развития.

Семь десятилетий — совсем небольшой отрезок времени в многовековом восхождении мировой цивилизации, но по масштабам свершений история еще не знала такого периода, который прошла наша страна после победы Великого Октября. И нет выше чести, чем идти путем первопроходцев, отдавать все силы, энергию, знания, способности во имя торжества идей и цели Октября».

На что рассчитывал политический хамелеон, произнося такие слова, если всего лишь несколько месяцев тому назад он заключил с Ельциным негласный договор по разрушению того, что было заложено Лениным 70-лет назад.

Наверное, историки еще разберутся, когда и почему резко изменилась позиция Горбачева, чем это мотивировано. Как мог генсек превратиться из сторонника социализма, коммунистической перспективы в почитателя концепции капиталистического пути развития? Но главное, когда произошла эта метаморфоза? Скорее всего перерождение коммуниста началось не на посту генсека, а гораздо раньше, в противном случае он не объявил бы о планах «перестройки» буквально через несколько дней по восшествии на партийный престол. Полагаем, что к этому времени он был уже ортодоксальным антикоммунистом, задумавшим вписать свое имя в историю борьбы с коммунизмом, что ему удалось, на горе великой страны и ее многострадальному народу.

Время заставит М.С. Горбачева объяснить миру столь резкую перемену воззрений, принципов. Нельзя оставить о себе впечатление флюгера, который вертится в зависимости от того, куда дует ветер. Можно лишь присоединиться к выводам тех аналитиков, которые полагают, что это был уже не его выбор. Генсек оказался повязанным теми силами в стране и за рубежом, которые давно расставили для него силки, и он был вынужден вести свою партийную паству на ту морально-физическую живодерню, из которой невредимым и обогащенным выходил он один. Возможно, чтобы начать все с начала… Однако этому помешал Б. Ельцин.

В книге Р.М. Горбачевой, вышедшей в свет накануне августовских событий, есть такие строки:

«Вера в партию пришла к моему отцу вместе с Михаилом Сергеевичем, моим мужем. Несмотря на разницу в возрасте, он стал для него коммунистом, олицетворяющим правду и справедливость». «Отец Раисы Максимовны не дожил до дня ликвидации партии. Он никогда уже не сможет узнать, кто из «олицетворяю-

щих правду и справедливость» приложил к этому руку. Зато это хорошо знают земляки Михаила Сергеевича. Друг его юности, одновременно с Горбачевым награжденный за ударный труд на жатве орденом Трудового Красного Знамени, Александр Яковенко оценил действия своего односельчанина как предательство:

— Если бы дядя Сережа узнал, что сотворит его сын со страной, за которую он проливал кровь на фронте, он своими руками его…

А дальше следовали слова из лексикона Тараса Бульбы»[1].

На наш взгляд стоит повнимательнее рассмотреть вопрос о степени влияния на процесс перерождения Горбачева, «олицетворяющего правду и справедливость» коммуниста, в махрового антикоммуниста, его жены Раисы Максимовны, которая «одобрила его выбор».

Прохождение к высотам партийной власти шло по ступенькам партийной иерархии в следующем порядке:

С 1979-го по 1980-й — кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС. С октября 1980-го по август 1991-го — член Политбюро ЦК КПСС, с декабря 1989-го по июнь 1990-го — Председатель Российского бюро ЦК КПСС, с марта 1985-го (обошел на выборах Гришина) по август 1991-го — Генеральный секретарь ЦК КПСС. Во время попытки государственного переворота в 1991-м был отстранен от власти вице-президентом Геннадием Янаевым и изолирован в Форосе, после восстановления законной власти вернулся на свой пост, который занимал до распада СССР в декабре 1991-го 15 марта 1990 г. Михаил Горбачев был избран Президентом СССР Одновременно до декабря 1991-го являлся Председателем Совета обороны СССР, Верховным Главнокомандующим Вооруженных Сил СССР.

Находясь на вершине власти, Горбачев проводил многочисленные реформы и кампании, которые в дальнейшем привели страну к рыночной экономике, уничтожению монопольной власти КПСС и распаду СССР.

Консервативные политики критиковали его за экономическую разруху, развал Союза и прочие последствия перестройки. Радикальные политики критиковали его за непоследовательность реформ и попытку сохранить прежнюю административно-командную систему и социализм.

Инициативы Горбачева.

Антиалкогольная кампания, начатая 17 мая 1985 г. Противодействие коррумпированных чиновников (будущих олигархов)

---

[1] Публикация в Интернете. Штрихи к портрету М.С. Горбачева. http://student.km.ru/ref

привело к резкому повышению цен на алкогольные напитки, сокращению производства алкоголя, вырубанию виноградников, исчезновению сахара в магазинах и вводу карточек на сахар.

«Ускорение» — этот лозунг был связан с обещаниями резко поднять промышленность и благосостояние народа за короткие сроки; кампания привела к ускоренному выбыванию производственных мощностей.

«Гласность» — фактическое снятие цензуры на средства массовой информации.

Подавление локальных национальных конфликтов, в которых властями принимались жестокие меры, в частности силовой разгон митинга молодежи в Алма-Ате, ввод войск в Азербайджан, разгон демонстрации в Грузии, разворачивание многолетнего конфликта в Нагорном Карабахе, подавление сепаратистских устремлений прибалтийских республик.

Исчезновение продуктов из магазинов, скрытая инфляция, введение карточной системы на многие виды продовольствия (1989).

При Горбачеве внешний долг Советскою Союза достиг рекордной отметки. Долги брались Горбачевым под высокие проценты — более 8% годовых — у разных стран. С долгами, сделанными Горбачевым, Россия смогла рассчитаться только через 15 лет после его отстранения от власти. Параллельно золотой запас СССР уменьшился десятикратно: с более 2000 тонн до 200. Официально утверждалось, что все эти огромные средства были потрачены на закупку товаров массового потребления. Примерные данные такие: 1985 год — внешний долг 25 млрд. долл., золотой запас 2000 т; 1991 год — внешний долг 120 млрд. долл., золотой запас — 80 т.

Реформа КПСС, которая привела к образованию нескольких платформ, а в дальнейшем отмена однопартийной системы и снятие с КПСС конституционного статуса «ведущей и организующей силы».

Реабилитация жертв сталинских репрессий, не реабилитированных при Хрущеве.

Ослабление контроля над социалистическим лагерем, что привело, в частности, к смене власти в большинстве социалистических стран, объединению Германии (1990). Окончание холодной войны в США обычно расценивается как победа американского блока.

Прекращение войны в Афганистане и вывод советских войск (1988—1989).

После подписания Беловежских соглашений и фактической денонсации Союзного договора, 25 декабря 1991 г. Михаил Горба-

чев сложил с себя полномочия главы государства. С января 1992-го по настоящее время — Президент Международного фонда социально экономических и политологических исследований (Горбачев-Фонд). Одновременно с 1996-го председатель правления Международного Зеленого Креста.

В 1996 г. выставлял свою кандидатуру на выборах Президента Российской Федерации и по результатам голосования набрал 386 069 голосов (0,51%).

«В знак признания его ведущей роли в мирном процессе, который сегодня характеризует важную составную часть жизни международного сообщества», 15 октября 1990 г. он был удостоен Нобелевской премии мира.

Итак, 28 мая 1990 года М.С. Горбачев вступил в должность Президента СССР, оставаясь Генеральным секретарем КПСС. Близился XXVIII — съезд КПСС, которому будет суждено историей стать последним. Горбачев усиленно готовился к съезду партии, одновременно занимаясь формированием президентского аппарата. Предстояло сформировать отделы, обеспечивающие все высшие звенья руководства — президента и вице-президента СССР, Совет Безопасности, Совет Обороны, институт помощников и советников М. С. Горбачева и Г. И. Янаева. Численность этого института была по прежним стандартам огромна. В последнее время туда только у президента входили В. А. Медведев, А. Н. Яковлев, Г. И. Ревенко, С. Ф. Ахромеев, В, В. Загладин, В. Г. Егоров, В. И. Карасев, В. Н. Игнатенко, В. А. Ожерельев, А. С. Черняев, Г. Х. Шахназаров, а также Г. В, Пряхин, В. С. Гусенков и несколько референтов. К аппарату помощников на американский манер относились и их собственные службы, включающие помощников, консультантов, референтов, секретарей, машинисток-стенографисток. Своим распоряжением М. С. Горбачев утвердил также большое количество своих внештатных советников. Это были — Л. И. Абалкин, С. А. Ситарян, В. П. Осипян и ряд других видных ученых, экономистов, политологов.

Скоро М. С. Горбачев утвердил схему президентского аппарата, но жизнь постоянно вносила в нее коррективы. Поначалу Кабинет министров, должен был быть целиком подчинен президенту и состоять из шести — восьми министерств. Но намерения быстро разошлись с делами. Был сформирован аппарат правительства под стать прежнему Совету Министров СССР. Как у простейших живых организмов из одной клетки воссоздается нечто целое, так здесь возродилась мощная управленческая структура. С «подачи» премьера В. С. Павлова, всего Кабинета министров М. С. Горбачев вносил предложения, а Верховный Совет СССР утвер-

ждал образование все новых и новых министерств. Они практически не отличались от прежних.

Соответственно рухнула и идея создания единого «небольшого и эффективного» аппарата управления и обслуживания. Аппарат Кабинета министров превышал две тысячи человек, и обслуживало его вместе с министерствами около 16 тысяч хозяйственных и технических работников. В аппарате президента СССР в августе 1991 года вместе с техническим персоналом насчитывалось не менее 400 человек. Поэтому никакого объединения, а следовательно, и сокращения этих структур быть не могло. Распоряжения о создании совместного аппарата, подписанные М. С. Горбачевым, игнорировались.

Превращение генсека партии в президента СССР происходило тяжело и непоследовательно. Многие методы, стиль работы, замашки, приобретенные за долгие годы секретарствования в Ставрополье и Москве, остались неизменными в деятельности высшего руководителя государства. М. С. Горбачеву требовалась и какая-то структура наподобие Политбюро ЦК, где можно выступать и давать поручения, рассматривать возникающие вопросы и прежде всего законодательные акты по различным проблемам жизни общества. Такую идею подсказал ему, видимо, А. Н. Яковлев, и она, как хорошее семя, пала на добрую почву и дала всходы. Вскоре был создан Президентский совет. В него вошли как представители правительства, так и общественные деятели — Ч. Айтматов, Н. Рыжков, В. Ярин, А. Яковлев, В. Распутин, С. Шаталин, В. Медведев и некоторые другие.

Далее предоставим слово В.И. Болдину, который также вошел в состав Президентского совета:

«Идея создания подобного совета была хороша, но он представлял некую добровольческую организацию. В Конституции СССР такой орган не предусмотрен, численность и состав его определялись целиком президентом. Не было у совета и четких обязанностей. Он собирался всего раз пять — семь, на нем рассматривались некоторые текущие вопросы, проблемы конверсии оборонной промышленности, экономики. Но ни квалификация участников заседания, ни положение их не позволяли решать проблемы глубоко и серьезно. Давать же какие-то советы М. С. Горбачеву стало пустым занятием. Михаил Сергеевич в них не нуждался. Так что заседания совета велись нерегулярно, а скорее хаотично. Я заметил, что собирать его было в тягость президенту, а скоро он просто стал ему мешать. Наглядно это проявилось, когда однажды М. С. Горбачев попросил высказаться по обстановке в стране. Впервые члены совета почувствовали, что они нужны и

могут обрисовать ситуацию и высказать предложения, как улучшить дела.

Вот тогда-то президент услышал то, чего совершенно не ожидал. В. Ярин, В. Распутин и некоторые другие говорили о том, что творится в стране, что народ устал от экспериментов, шатаний и от болтовни. Слово «перестройка» у большинства вызывает аллергию, ибо хорошее дело запакощено, стало издевательством над здравым смыслом. Я видел как М. С. Горбачев багровел, и знал, что это дурной знак. Не дав высказаться всем, президент прервал заседание и больше не спешил его собирать.

— Ты посмотри, какую чушь они несли, — нервно ходя по кабинету, говорил позже Горбачев. — И это люди, которым я доверял, вытащил их черт знает откуда. А Ярин-то, ну хорош! От Валентина Распутина я, правда, другого и не ожидал.

Судьба Президентского совета была предрешена. То ли понимая никчемность этого органа, то ли испытывая неудовлетворенность его составом, а может быть, в результате критики в Верховном Совете СССР, депутаты которого считали, что многие никчемные решения рождаются в Президентском совете, но М. С. Горбачев скоро его упразднил. Причем сделано это было второпях, настолько быстро, что члены совета узнали о своей отставке после принятия решения. Знаю, что многих такая бесцеремонность, обидела до глубины души.

— А ты-то хоть знал, что нас упразднили? — спрашивал меня А. Н. Яковлев.

Я отрицательно качал головой, не меньше их обескураженный случившимся.

— Чудны дела твои, Господи, — говорил А. Н. Яковлев, жестоко уязвленный неожиданным разгоном совета. Впрочем, скоро у него состоялся разговор с президентом. М. С. Горбачев пытался загладить эту бестактность. Обещал сохранить за А. Н. Яковлевым все материальное обеспечение и предложил ему возглавить вновь создаваемый институт президентских советников. Однако этого слова сдержать ему не удалось. Советником становился и В. А. Медведев, в прошлом, как и А. Н. Яковлев, член Политбюро ЦК и член Президентского совета. Он, конечно не хотел и не мог попасть в подчинение к А. Н. Яковлеву, поэтому пришлось и того и другого делать старшими советниками.

А.Н. Яковлев тяготился своими новыми обязанностями, и в середине лета 1991 года пришел к Горбачеву с заявлением об уходе (мавр сделал свое дело).

— Приходил Александр, — сказал он, — оставил заявление об уходе и обстоятельную записку, мотивирующую этот его шаг.

Я просил не торопиться, подумать. Возьми заявление, но хода ему не давай.

В начале июля А. Н. Яковлев уехал в отпуск на Валдай и оттуда прислал Горбачеву новое заявление об отставке. На этот раз М. С. Горбачев вернул его подписанным.

Меня это обеспокоило, но не удивило. После неожиданного заявления Э. А. Шеварднадзе об отставке удивляться было нечему. Обстановка вокруг президента была давно нездоровой, какой-то неискренней и гнетущей. Он никому и, полагаю, никогда не доверял, ревниво относился к деятельности и успехам других. Но внешне это не всегда бросалось в глаза, и люди поначалу тянулись к нему...

Это был период, когда большинство верило в возможности улучшения жизни в стране при Горбачеве, создания свободной творческой обстановки во всех сферах общества. Однако уже тогда настораживала некоторая скованность Михаила Сергеевича по отношению к тем, кто пришел помогать ему. Было такое ощущение, что он не до конца им верит, сомневается в их искренности и потому никогда не говорит откровенно. Эта стена отчужденности, бездеятельности, некорректность в отношениях вели к тому, что многие стали искать предлоги для ухода от Горбачева»[1].

Несмотря на то, что отношения между Горбачевым и А. И. Лукьяновым были очень близкими, начиная со студенческих времен, он очень подозрительно относился к тому, что у Председателя Верховного Совета СССР росла популярность в народе. Раздражала Горбачева также начитанность и образованность Лукьянова. Несмотря на то, что Анатолий Иванович был беспредельно предан Президенту, тот без всякого сожаления сдал его следственным органам, настояв на его виновности в августовских событиях 1991 года.

Своего помощника по международным вопросам А. Черняева он подозревал в возможности измены, поскольку по словам Горбачева: «У него в семье пятый пункт не в порядке, так что ты строго секретную информацию (ему) не посылай, может далеко «убежать»»[2].

В отношении своего помощника В.Н. Игнатенко он утверждал, что последний получает деньги от некоторых зарубежных средств массовой информации, устраивая с их представителями заказные интервью. Самого преданного своего помощника Г.Х. Шахназарова он упрекал в том, что тот своей эрудицией «затмевает» Президента

---

[1] *В. Болдин*. Крушение пьедестала. М.: «Республика», 1995. С. 373—375.

[2] Там же. С. 376.

и Генсека: «…поменьше бы ему председательствовать в международных организациях и болтать, особенно по телевидению»[1].

Короче говоря, практически всех своих соратников и преданных помощников он подозревал в неверности и корысти, желании лишить его власти. Чувствуя к себе такое негативное отношение многие помощники под различными предлогами стали покидать Горбачева — покинули президента помощники по экономическим вопросам академики Н.Я Петраков и С.С. Шаталин. Сложили свои полномочия Э.А. Шеварднадзе и А.Н. Яковлев, ушел Н.И. Рыжков, решил покинуть Горбачева помощник по военным вопросам Маршал Советского Союза С.Ф. Ахромеев. «Его, солдата прошедшего всю войну, достигшего высших военных должностей и почестей за службу народу, за заботу об обороне страны, теперь шельмовали за то, что приобрел какую-то утварь для дачи. Стыдно было читать в печати, слышать из уст народных депутатов, не знающих, что такое война, но превратившихся в пламенных борцов с привилегиями, о мифических «злоупотреблениях» маршала. Эта мелочность низких людей, у которых не хватило мужества если не защитить Ахромеева, то хотя бы избавить его от наскоков. Никто из них не возвысил голос и не сказал: люди, что же мы делаем с фронтовиком, человеком, которому столь многим обязаны? Где теперь эти люди? История поднимет из архивов стенограммы выступлений и назовет имена тех, кто травил нашу армию, ее заслуженных военачальников.

Меня, да и других поражала, глубоко уязвляла и позиция Верховного Главнокомандующего Вооруженными Силами страны, Председателя Совета Обороны, Президента СССР М. С. Горбачева, который отступился от своего помощника, Маршала Советского Союза, широко известного во всем мире.

Мне пришлось быть вместе с Сергеем Федоровичем в США. Я видел, как американские военные, Р. Рейган с уважением и вниманием относились к С. Ф. Ахромееву. С почетом его встречали и тогда, когда он уже не был начальником Генерального штаба страны. И вот теперь его отдали на съедение мелким крохоборам. Разве такое предательство президента не могло не нанести незаживающей раны ветерану, старому солдату в маршальских погонах? И разве не наплевательское отношение лидеров государства, не пожелавших проститься с ним, привело к тому, что над могилой С. Ф. Ахромеева так преступно и грязно надругались мародеры?»[2]

---

[1] Там же. С. 378.

[2] *В. Болдин.* Крушение пьедестала. М.: «Республика», 1995. С. 381—382.

То есть, М.С. Горбачев безжалостно расставался со своими преданными соратниками, с которыми он вершил «перестроечные» дела, поскольку они прекрасно знали о его недостатках и порочных методах руководства партией и страной. Поэтому Президент постоянно менял «свою команду». Безоговорочно он доверял только «силовикам», которых подобрал себе сам (Д.Т. Язов, В.А. Крючков, Б.К. Пуго).

Вместо упраздненного Президентского совета был образован и утвержден на сессии Верховного Совета СССР Совет Безопасности. Это был уже конституционный орган. В него вошли В.В. Бакатин, А.А. Бессмертных, В.А. Крючков, В.С. Павлов, Б.К. Пуго, Е.М. Примаков, Д.Т. Язов, Г.И. Янаев. Большинство из них были привержены идеям реформирования жизни общества, укрепления могущества страны. Они поддерживали М.С. Горбачева в его борьбе с возникающими трудностями до тех пор, пока дело не дошло до распада государства, экономического хаоса и кровопролития. И здесь пути их не могли не разойтись.

«Силовые» министры, вошедшие в Совет Безопасности, до поры до времени безоговорочно доверяли Горбачеву, однако со временем им стало ясно, что со страной, армией и обществом может случиться беда, грозящая расколом Союза, развалом экономики, межнациональным столкновениями. Председатель КГБ В.А. Крючков докладывал президенту добытую нашей разведкой информацию западных спецслужб о целях развала СССР, необходимых мерах по уничтожению нашего государства, как великой державы.

Несмотря на то, что Совет Безопасности был утвержден как конституционный орган, серьезно влиять на практические дела ни в какой области он не мог. Положения о Совете Безопасности не было, и, чем ему надо заниматься, никто не знал. И меньше всею знал об этом Михаил Сергеевич, поскольку, собрав Совет несколько раз, он убедился, что, кроме хлопот и дополнительной нагрузки, ничего не будет. Президент уже давно решал все вопросы самостоятельно, либо выходя непосредственно на того или иного исполнителя, и в советах не нуждался. Демократические принципы, которые он исповедовал на публике, ему давно мешали. Президент СССР практически перестал информировать членов Совета, руководителей правительства но большинству внутренних и международных вопросов, рассылать записки бесед с тем или иным государственным или общественным деятелем, как это практиковалось в прошлом. Собрав 1 августа 1991 года Совет Безопасности, М. С. Горбачев буквально в двух словах сказал о визите Д. Буша в Москву. Создалось впечатление, что президент

США приезжал посмотреть Кремль и пройтись с Горбачевым по Красной площади. Итоги этого визита так и остались тайной для членов Совета Безопасности, не говоря уже о руководстве партии, Верховного Совета.

В.И. Болдин вспоминает, что члены Совета Безопасности пытались выяснить у него детали этой «исторической» встречи: «Кстати, это был необычный визит. М. С. Горбачев привлек к переговорам с Д. Бушем очень узкий круг доверенных лиц, а чаще всего беседовал с ним вообще с глазу на глаз, старался при первой возможности уединиться. Так, однажды за обедом, когда еще официанты разносили кофе, Михаил Сергеевич, вставая из-за стола, сказал: «Джордж, я прошу вас пройти со мной».

Они вышли из-за стола и черным ходом одни с переводчиком спустились из кремлевских палат на Ивановскую площадь Кремля, а затем прошли на Красную площадь. У них уже давно установились доверительные отношения и шел откровенный разговор. Начало ему было положено еще во время визита Горбачева в Вашингтон. Там во время поездок его сопровождал Дж. Буш. Михаил Сергеевич отлично понимал, что время Р. Рейгана истекает и нужно налаживать отношения с его преемником. Д. Буш, вице-президент США, имел тогда неплохие шансы стать президентом, о чем не стесняясь говорил в своем окружении. Знал об этом и генсек.

И вот как-то, когда Дж. Буш сопровождал Горбачева в Вашингтоне в машине, направлявшейся от советского посольства до Белого дома, между ними состоялся откровенный и доверительный разговор, смысл которого, как рассказывал Михаил Сергеевич, заключался в том, чтобы очертить перспективы перестройки. Он не сказал, в чем заключаются эти перспективы, но несколько раз я был свидетелем, как он просил своих личных посланников, направляющихся в Вашингтон, передать Дж. Бушу, что «договоренности в машине остаются в силе и он будет следовать их выполнению до конца». Видимо, в ту поездку М. С. Горбачев принял на себя какие-то обязательства, о выполнении которых регулярно информировал американского президента.

Эта личная и тесная связь Горбачева и Буша придавала уверенность генсеку-президенту в реализации курса, который он вел, начиная с поездки в Вашингтон. Однако в США лидеры государства и бизнеса были прагматиками и раскошеливались охотнее на различные денежные премии М. С. Горбачеву, другие личные награды, чем на обещанные кредиты, — за малым исключением они так и не дошли до нашей страны. Кредиты были заморожены и не позволили нам облегчить экономическое положение, которое с каждым месяцем ухудшалось. Я думаю, это понимал М. С. Горбачев, осознавая, что дружба дружбой, а табачок врозь. Поли-

тику, которая выписывает вензеля, подвержена шараханьям, Запад не хотел, да и не мог кредитовать»[1].

Истинные результаты многих переговоров и обязательств оставались недостаточно ясными для руководства страны, Верховного Совета. Совету Безопасности вообще придавалось малое значение. Заседания его были нерегулярными. На них чаще всего выносились второстепенные, а подчас и случайные вопросы.

Решений никаких не принималось, заседания носили чисто информационный характер. Кстати сказать, по сельскому хозяйству не мог принять должное решение и Кабинет министров СССР. Рычаги управления оказались уже в республиках, поэтому вопрос был передан на рассмотрение Совета Федерации.

Центральная власть оказалась бессильной противостоять надвигающимся кризисным явлениям в экономике и социальной жизни великой страны. И это бессилие лишь подчеркивало глубину кризиса власти, неспособность ее навести порядок. По существу, блокированными оставались деятельность Кабинета министров и указы президента СССР. Руководители глав государств, некогда входивших в Советский Союз, все чаще встречались без Горбачева и вопреки его желанию. Президент СССР действиями республиканского руководства был объективно отстранен от принятия решений. Но М. С. Горбачев до конца этого еще не понимал. Ему казалось, что, сосредоточив партийную и государственную власть, получив чрезвычайные полномочия, генсек-президент безоговорочно управляет великой страной. На самом деле М. С. Горбачев крепко держал только вожжи, а коней его экипажа давно выпрягли и они тащили теперь чужую телегу в другую сторону.

Приближалась трагическая развязка — август 1991 года. Но пока еще идет лето 1990 года, еще не прошел XXVIII съезд КПСС, сыгравший трагическую роль по распаду самой партии и развалу великой советской империи. Генеральному секретарю еще кажется, что он владеет ситуацией, он как дирижер балансирует между теми, кто скрепя сердце и соглашаясь на «человеческое лицо» социализма, требовал, чтобы оно оставалось лицом партийного аппарата, и теми, кто рвал постромки, устремляясь в пучину либеральных реформ с целью построения «капиталистического светлого будущего». Первых представлял Лигачев, который был «душой» предстоящего партийного съезда, который за это и отправит его в политическое небытие. Вторых представлял Ельцин, который к началу съезда окончательно определился в своих предпочтениях, решив, что дальше ему с Горбачевым уже не по

[1] *В. Болдин.* Крушение пьедестала. М.: «Республика», 1995. С. 388—389.

пути, поскольку свои обязательства по тайному сговору с Горбачевым он выполнил сполна.

В начале марта 2001 года М.С. Горбачев отмечал свое 70-летие. Он приложил много усилий, затратил немало денег, чтобы эта дата не прошла незамеченной. Он на несколько дней вышел из политического небытия, попал на телеэкраны, на страницы газет и журналов, на сайты сети Интернет. Буржуазная пресса соблюдала по отношению к юбиляру рамки приличия, но не более. В оценках его деятельности обошлось без превосходных степеней. Левая пресса еще раз подтвердила, что в сознании масс Горбачев существует только с отрицательными характеристиками, среди которых «разрушитель», «предатель», «иуда» — не самые резкие. Отвержение Горбачева обществом наглядно проявилось на организованных им юбилейных мероприятиях. В репортаже с самой массовой из них тележурналисты смогли показать только несколько десятков молодых людей, сосредоточенно отплясывающих в современных ритмах вокруг столов с богатой закуской и выпивкой и совершенно не обращающих внимание на юбиляра. Единственным известным гостем был Владимир Жириновский. Юбиляра окружали в основном люди из прежней предательской команды, которых на другие, приличные торжества просто не приглашают. Ну кто может пожать руку Бакатину или «отцу российской демократии» Яковлеву? Был и свадебный зарубежный генерал. Все это напоминало дешевый фарс. Подсластило горькую пилюлю присутствие Путина.

О Горбачеве написаны десятки книг: панегирические, уничижительные, объективно правдивые. Особое место в их ряду занимает книга В.И. Болдина «Крушение пьедестала», вышедшая в 1995 году. Десять лет проработав с Горбачевым, начиная с должности помощника и кончая руководителем его администрации, он смог изнутри показать историю восхождения Горбачева к вершине власти, его предательские шаги, развал державы и крушение надежд миллионов. Автор подробно описывает то, чему сам был свидетелем за эти годы. По информационной насыщенности и достоверности с «Крушением пьедестала» не может сравниться ни одна другая работа о Горбачеве.

Тем более было интересно прочитать материалы беседы, состоявшейся в юбилейные для Горбачева дни между Валерием Ивановичем Болдиным и редактором газеты «Досье» Ю.П. Изюмовым, опубликованные в одиннадцатом номере газеты за 2001 год. Отдельные фрагменты этой беседы приводятся ниже:

« — Что бы вы могли сказать о нем в связи с прошедшим юбилеем? — с этого вопроса началась наша беседа с Валерием Ивановичем Болдиным.

— Сам факт этого юбилея надо рассматривать как счастливое стечение обстоятельств для Горбачева. Несмотря на все катаклизмы, огромные потери для страны и народа, связанные с его деятельностью, он сохранил в 70 лет достаточно физических сил. Вряд ли кто из руководителей прошлого мог похвастаться такой формой в этом возрасте.

— Что он из себя представляет как человек?

— Горбачев — довольно заурядная личность, в прошлом амбициозная. Сегодня, полагаю, он понимает свои скромные возможности. Последний раз даже не стал выдвигаться в кандидаты на президентскую должность. И если оценивать его теперешнюю деятельность, то можно только приветствовать, что он не вдается глубоко в политику, а просто старается как-то держаться на виду. Как сейчас говорят, тусуется. В этом качестве он очень многим нравится — своей общительностью, словоохотливостью, умением обаять собеседника, легко обсуждать любые вопросы, даже непонятные ему самому. Его ничуть не мучает совесть за предательство возглавляемой им партии, армии, соратников, народа, поверившего в него. Хотя благоприятное впечатление производил он на доверчивых людей и в прошлом. И его судьба сложилась бы, наверное, вполне благополучно, если бы он остался комбайнером. Стал бы уважаемым человеком, как его отец. Но были амбиции, он взбирался по служебной лестнице, подошел к ее вершине. В его судьбе сыграла огромную роль Раиса Максимовна, женщина с твердым характером, трезвым умом и блестящим организаторским талантом. Она имела философское образование, обладала твердыми коммунистическими убеждениями. Вносившиеся ею в тексты докладов, документы Политбюро формулировки ни разу не давали повода подумать о буржуазном перерождении супруга. Надо прямо сказать, что не будь Раисы Максимовны, не было бы и Горбачева таким, каким мы его знаем. Он создан, выпестован ею.

Амбиции семьи и в совершенстве освоенное искусство карьеризма привели Горбачева в 70-х годах на первую роль в Ставропольском крае. А потом в результате интриг, курортного характера его бытия ему удалось подняться значительно выше. Это вполне естественное желание возвыситься привело его в Москву, на пост секретаря ЦК КПСС по сельскому хозяйству. О его желании подняться вверх рассказывал мне В. Мураховский, которому Горбачев жаловался на то, что его зажимают: на каком-то этапе перестал принимать Андропов, интригует Тихонов.

Когда я стал его помощником, то увидел человека, целиком углубившегося в сельскохозяйственные проблемы, и, следова-

тельно, не имеющего возможности подняться выше. Он обаял меня своей молодостью, говорливостью, способностью связать пусть не очень грамотно, но самостоятельно немало фраз. Это так контрастировало с тем, что я видел вокруг! Брежнев был тяжело болен. Пришедший ему на смену Андропов был тоже не в лучшей форме. Еще хуже обстояло дело со здоровьем у Черненко. В общем к 1985 году обстановка в партии и в обществе была такова, что еще одного престарелого лидера страна не выдержала бы. Члены ЦК это понимали, и Горбачев был обречен на избрание, хотя у него были противники — Тихонов, Громыко, Гришин, а также Щербицкий, Кунаев и некоторые другие. Но в результате интриг удалось привлечь на сторону Горбачева Громыко. Образовался прорыв в монолитной обороне престарелых вождей.

Горбачева избрали Генсеком. И вот здесь-то довольно скоро выяснилось, что потенциал Горбачева очень невелик, что его подготовка, уровень знаний, личные качества не соответствуют тому посту, на который он попал.

— Тут надо многим покаяться, и прежде всего мне. Когда Горбачев пришел в ЦК, то был настолько провинциален и настолько молод по сравнению с людьми, стоявшими тогда у власти, что хотелось ему помочь. И я совершенно искренне делал все, чтобы он занял соответствующее положение в партийной иерархии. Дело в том, что образовательный и культурный уровень Горбачева был значительно ниже, чем у других руководителей партии и государства, особенно работников аппарата ЦК КПСС. Он никогда не работал в Москве, не имел политического опыта, широты взгляда, стратегического мышления. Короче говоря, начал борьбу за высший пост, сам находясь на сельском уровне.

Когда Горбачев достиг высокого положения, все эти недостатки сказались роковым образом и привели к тому, что он очень быстро выпустил из рук вожжи.

Первое, с чего следовало начать, — создать концепцию развития страны и общества. Я настоятельно предлагал, чтобы она включала меры по ускорению этого развития. И как следствие — по борьбе с инфляцией, а в последующем более глубокое реформирование по китайскому методу. Такой путь был наиболее приемлем.

В последние годы жизни Брежнева, да и при Андропове темпы развития народного хозяйства все заметнее снижались. В первый период работы Горбачева, когда у людей в связи с его приходом появились какие-то надежды, некоторое улучшение наметилось. Но очень ненадолго.

Горбачев скоро понял, что вопросы экономики ему не по силам. Далее политическая линия начала вилять. Шел судорожный

поиск чуда, которое позволило бы сразу решить все проблемы. Принимались скоропалительные решения. Однако рост экономики приостановился, развилась инфляция, обесценивались деньги, в стране не хватало продовольствия, самых элементарных товаров.

Потом все это ставили в вину правительству Рыжкова. Но Рыжков исполнял то, что ему предписывал Горбачев. Николай Иванович вообще очень дисциплинированный человек, а в ту пору ему еще очень недоставало опыта руководства народным хозяйством страны, он не приобрел должного авторитета.

Министры потом откровенно рассказывали, что, пользуясь слабой осведомленностью премьера во многих вопросах, они зачастую ему нагло врали, выдумывали всяческие причины невыполнения принятых решений. «При Сталине, — вспоминал Байбаков, — мы стремились во что бы то ни стало хотя бы на день, на два раньше срока выполнить самые трудные, почти невыполнимые поручения. А теперь, как только выходит решение, мы сразу начинаем искать аргументы, почему его нельзя выполнить».

Всех этих тонкостей Горбачев не понимал. А поскольку политические амбиции были большие, он очень скоро от конкретных народнохозяйственных вопросов, от забот о повышении уровня жизни населения ушел. Видя, что в этой сфере только проигрывает, бросился туда, где надеялся показать свои возможности: во внешнюю политику, сферу общечеловеческих ценностей — так, как он их понимал.

После 1987 года народ начал его ругать, и Горбачев это страшно переживал. Но куда уйти от критики? Через себя не перепрыгнешь, ума, характера прибавить невозможно.

В определенной степени к разрушению державы его подталкивали помощники и советники. Вокруг Горбачева образовалась к тому времени группа людей старше его по возрасту, которые готовы были на все лишь бы удержаться хотя бы еще год в окружении генсека. Это вообще большая трагедия для государстве, когда его лидер выбирает себе очень старых помощников. Смотреть вперед, критически оценивать положение они уже не могут, а только говорят: «Будет сделано». И подсказывают лидеру, может быть внешне эффектные, а на деле опрометчивые шаги. Так случилось, например, когда сохранившаяся при Горбачеве команда посоветовала, во всяком случае, не отговорила экс-генсека принять участие в выборах президента, что кончилось позорным провалом.

Именно эти люди вели Горбачева последние годы его работы, определили его ориентацию на Запад, по их советам он все

больше и больше сдавал внутриполитические позиции нечистоплотной публике, которая тут же их захватывала и образовала определенную фронду, впоследствии дружно растащившую государственный пирог. На Западе его сразу начали подхваливать. Горбачев этими похвалами упивался. Иногда он часами читал мне телеграммы послов, сообщавших, в какой западной газете как его похвалили. Хотя, видимо, и понимал, что эти льстивые статьи оплачены КГБ, а часто его сотрудниками и написаны.

— Три первых десятилетия Советской власти политическая и государственная система СССР строилась вокруг выдающихся лидеров, какими были Ленин и Сталин. Но после Сталина к власти привели хотя и самобытного, но невежественного, недалекого Хрущева, хорошо умевшего бороться за свою власть. Тут же возникло стремление к «коллективному руководству». Однако дальше разговоров дело не пошло. И Брежнев, и последующие генсеки обладали почти такой же неограниченной властью, как их великие предшественники. Партия, к сожалению, не смогла перестроить систему с учетом деградации лидеров. Что ее и погубило.

— Повторяю, в личном плане Горбачев был неплохим, может быть, даже хорошим человеком. Если у него и была непорядочность, то это скорее должностная функция, которая, видимо. превратилась во вторую натуру. Конечно, не со всеми недостатками можно руководить огромным государством, мировой державой. Слабость характера, незнание обстановки, робость привели к тому, что он начал сдавать позиции Ельцину. Когда а 1991 году дело дошло до написания текста нового союзного договора, главная роль уже принадлежала Ельцину. На председательском месте сидел Горбачев, но все слушали, что скажет Ельцина. Он был уже «всенародно избранным», спал и видел, как сбросить Горбачева. Его амбиции сыграли в развале Союза роль не меньшую, чем горбачевские. То, что тогда происходило, было прежде всего борьбой этих двух людей. Стремящегося сохранить власть Горбачева и мстительного, ни перед чем не останавливающегося реваншиста Ельцина, который не мог простить ему вывода из Политбюро.

Ельцин нашел, чем больнее всего ударить по Горбачеву: объявил, что не будет выделять средства в союзный бюджет без указания статей их расхода. Сразу образовалось напряжение в дотационных регионах — Средней Азии. Закавказье, частично в Прибалтике. Там перестали выплачивать зарплату, в том числе и войскам, возникли серьезные трудности с кооперационными поставками. Руководители республик теперь чувствовали сильную власть Ельцина, зависели от того, поставит он им, скажем, зерно или нет. И каждый руководитель республики начал строить поли-

тику, исходя из своих интересов. Одновременно в республиках стали подогреваться антироссийские настроения: дескать Россия выкачивает все наши ресурсы, нас объедает и обирает. На Украине, например, просто криком кричали, что «клятые москали» съели все украинское сало. Ну, и гонора у руководителей республик было предостаточно. Все, кроме Белоруссии, сваливали собственные провалы на Россию.

— В своей книге вы очень хорошо показали, как, провалившись перед своим народом, Горбачев бросился искать спасения на Западе. Принял его условия и уже осознанно пошел путем Герострата, надеясь стяжать там славу разрушением того, что создали и отстояли несколько поколений советских людей. С какого момента Горбачев прямо встал на путь предательства?

— С 1989 года. До этого он был ортодоксальным марксистом. При первой возможности обращался к Ленину. Часто говорил мне: «Посмотри том такой-то, страницу такую-то. Там сказано то-то и то-то». Не знаю, может быть, заранее готовился, но у него поначалу была очень неплохая память.

Он действительно чувствовал себя в осаде, видел, что его могут снять, и дело шло к тому. Вновь избранные члены ЦК все делали, чтобы спасти Горбачева, но это могло помочь только на определенном этапе. Горбачев тем временем сговорился сначала с Рейганом, а позже с Бушем, что расколет соцлагерь, выведет войска из Восточной Европы, сдаст ГДР и так далее. Он постоянно вел тайные переговоры и добросовестно выполнял достигнутые договоренности.

Внутри страны уже никому не верил и заботился только о том, как сохранить власть. Прежде всего надо было убрать Ельцина, и Горбачев предпринимал для этого большие усилия. Во-первых, решил, что ему тоже надо избраться «всенародно», в масштабах всего Союза ССР. Во-вторых, искал способ избавиться от Ельцина. Но когда увидел, что даже в его родном Ставрополье Ельцин получил подавляющее большинство на президентских выборах, понял, что обычным путем с ним ничего не сделаешь.

Борьба за власть двух лидеров вступила в решающий этап. Горбачев образовал ГКЧП — вроде бы для того, чтобы удержать от расползания республики. Он объявил, что это будет орган, обязанный отслеживать положение. По его рекомендации в необходимых случаях будет вводиться чрезвычайное положение. Были конкретно названы лица, включенные в Состав комитета — Крючков, Язов, Пуго и другие. — Изготовлены соответствующие бланки, печать и т. д. Горбачев попросил и меня участвовать в этом ор-

гане. Я колебался, говоря, что не располагаю властью, и вообще кроме бумаг у меня ничего нет.

— Ничего, — сказал он. — Во-первых, потребуется подготовка документов, а во-вторых, надо обо всем знать из первоисточника.

Вскоре произошли известные события в Вильнюсе. Когда ситуация стала развиваться в негативном направлении, Горбачев позвонил Язову и потребовал объяснений, почему так происходит. Язов начал объяснять. На что Горбачев выругался:

— Даже такого простого дела довести до конца не можете!

— Вы верховный главнокомандующий, дайте приказ. — отвечает Язов. — Все выполню. Размолочу до основания.

— Тебе что, мало моего слова?

И никакого приказа не отдал. Потом звонит Крючкову:

— Почему там все так происходит, почему вы прошляпили?

Тот объясняет, что это не его вопрос, а военных. КГБ только наблюдает за ситуацией, готов вмешаться, но речь идет уже не об оперативных мерах, а о боевых действиях. И тоже не получил никаких конкретных приказов.

Горбачев все больше нервничал. Он чувствовал, что на политическом Олимпе ему оставаться недолго. Суетился, метался, все время менял кадры. Одновременно решал личные вопросы. Задолго до 1991 года поручил мне, например, прописать его в «запасной», меньшей, чем президентская, квартире (именно в нее и переселил чету Горбачевых Ельцин после ликвидации поста Президента СССР). Вместе с Раисой Максимовной выбирал проект для строительства личной дачи. Последние указания о доработке проекта я получил от него между 10 и 11 августа 1991 года.

В Форос Горбачев уехал не случайно. Вместе с ним из Москвы исчезло все его ближайшее окружение. Отключение связи после введения чрезвычайного положения было произведено, скорее всего, по договоренности с ним или по его указанию. Хотя и тогда, как я узнал позже, не все телефоны отключались и у него под рукой был мобильный пункт президентской связи. По сути, одобрив действия членов созданного им ГКЧП, он дал несколько советов. Отказался лететь в Москву и стал ждать развития событий. В ту пору он был уверен, что в Алма-Ате Ельцин собрал всех руководителей республик и готовит захват власти. Во всяком случае, видимо, еще и по этой причине не решался вернуться в Москву. И все время спрашивал, что происходит в Алма-Ате. Горбачев сидел и ждал. Ждал, справятся ли Крючков и Язов с поставленной перед ними задачей обуздать Ельцина или нет. Все презирали Горбачева, даже не скрывали этого.

— Горбачев — выдвиженец Андропова. Некоторые деятели того времени называют его любимцем Юрия Владимировича. Что вы об этом думаете?

— Да, Горбачев после смерти Брежнева и избрания генсеком Андропова стал везде говорить, что они с ним большие друзья, дружат семьями и так далее. Зная подноготную данной ситуации, могу сказать, что это был большой блеф. Если первое время после переезда Горбачева в Москву Андропов относился к нему лояльно (именно лояльно, не более), то потом отношение изменилось до такой степени, что он перестал Горбачева принимать.

Андропов был очень непростой личностью. Он обычно разговаривал с людьми доброжелательно, с некоторыми — ласково. Но воспринимать тональность разговора как поддержку мог только наивный человек.

В последние месяцы жизни Андропов приглашал к себе в больницу других членов Политбюро, но не Горбачева и только накануне ухода от нас он встретился с Горбачевым и Лигачевым. Никакого письма о том, что власть надо передать Горбачеву, не было. Это сознательная дезинформация, подхваченная горбачевской командой.

Не было и многих других вещей, якобы свидетельствующих о предназначенности Горбачеву быть генсеком. Это решилось только после того, как он пообещал Громыко в случае своего избрания пост Председателя Президиума Верховного Совета СССР. Все было не так, как пишут теперь деятели, приведшие Горбачева на вершину власти. Против него в ЦК уже тогда была большая оппозиция. Она усилилась после назначения Черненко, который не хотел выдвижения Горбачева.

Выражалось это в следующем. Поскольку Константин Устинович уже серьезно болел, вести заседания секретариата ЦК КПСС в последний момент поручали Горбачеву. Вроде бы определили его вторым лицом в партии. По давней традиции член Политбюро, занимающий такое положение, сидит на заседаниях по правую руку от Генерального секретаря. Горбачева же с его обычного места где-то в конце стола не пересадили. И только незадолго до смерти Черненко стал поручать Горбачеву изредка провести заседание Политбюро. Сторонники Горбачева пытались это узаконить, но старые члены Политбюро — Тихонов. Гришин и другие — возражали: он аграрник, общеполитическими вопросами не владеет. Черненко не спешил с решением, пока всех не допек Устинов. «Если у нас есть человек, которому доверяют вести Секретариат ЦК, — говорил он. — То он должен быть и заместителем Генсека в Политбюро и сидеть на соответствующем месте». Устинова то-

гда очень боялись. Он был человек решительный, за ним стояли большие силы: и армия, и весь военно-промышленный комплекс. Члены Политбюро сказали «да», Горбачев пересел на другое место, но вести заседания ему официально так и не поручили. Просто в случае отсутствия Черненко за 15—20 минут до заседания сообщали, что он будет председательствовать. И Горбачев всякий раз возмущался, так как не мог подготовиться к рассмотрению вопросов, включенных в повестку.

— Есть ли в его характере предательство?

— Еще со Ставрополья Горбачев был известен тем, что в случае нужды переступал через людей, не считаясь ни с их прошлыми заслугами, ни с личными отношениями. В Москве это качество проявилось еще заметнее. Взять того же Громыко. Как только Горбачев укрепился на новом посту, он отправил его в отставку. Так же поступил со многими другими. Показательна судьба Лигачева. Он был у Горбачева правой рукой, у него по существу была вся власть. А уж кадры во всяком случае. Лигачев сыграл важнейшую роль в возвышении Горбачева, в укреплении его позиций. Но и по отношению к нему Горбачев повел себя предательски, выкинул его отовсюду.

— Как можно назвать Горбачева после всего, что он натворил? Величайшим предателем всех времен и народов? Просто слабаком? Или вообще пустоцветом?

— По отношению к партии, к Советскому Союзу он, конечно, предатель. Но это следствие. Следствие слабости его характера. Когда человек входит в политику, он отвечает уже не за себя, а за миллионы людей, за страну, за международное сообщество, которое возглавляет. Его начинают мерить совсем другими мерками. Это очень трудная ноша, и надо рассчитывать свои силы. Желания, благих намерений тут мало. Надо иметь характер, силу воли и способность стратегически, системно мыслить. Ничего этого у Горбачева не оказалось, и он покатился по пути уступок и предательства.

Люди, не имеющие сильной воли, чаще всего стараются прильнуть к кому-нибудь. Перебросить решение вопросов на других, а самим, как зайчикам, выглядывать из норки и ждать, когда можно седлать белого коня. Я вообще склонен делить вождей на волков и ягнят. Ельцин был матерый волчище. А Горбачев, доведись ему попасть в ситуацию осени 1993 года, собрал бы Пленум, потом Политбюро, неделю думал, а потом бы сдался. Впрочем, каждый остается в истории в силу сделанного и несделанного им. Спустя годы, я все больше думаю, что каждому свое. Жизнь не ос-

танавливается. Другое дело, что волки пожирают все, что могут и не могут проглотить. Где уж тут о порядочности говорить. Многие не знают или забыли, что это значит. Каждому свое...

— Можно ли говорить об ответственности членов Политбюро, избравших Горбачева генсеком?

— Говорить можно. Но в 1985 году избрание Горбачева не выглядело так, как мы его оцениваем сейчас. Почему именно он выскочил, как черт из табакерки? Потому что все остальные члены Политбюро были престарелыми. А генсеки? Брежнев умер, почти ничего не соображая. Андропов последние три месяца не выходил из больничной палаты. Состояние Черненко перед смертью было еще хуже. И всем это так надоело, что избирать очередного старца — Тихонова, Гришина, Громыко — было просто невозможно. Кандидатура Горбачева отвечала чаяниям членов партии и народа. Все были им просто очарованы, и я в том числе. Я совершенно искренне до 1987 года отдавал все свои силы, знания, опыт, чтобы помочь Горбачеву в работе. Вкалывая с раннего утра до поздней ночи, иногда сутками, без выходных — только бы лучше шло дело. Но все мои старания разбивались, как об стенку, потому что Горбачев как не владел ситуацией сначала, так и не овладел ею. И события стали развиваться совсем в другую сторону»[1].

Редким людям судьба открывает такие возможности, как Горбачеву. Но много дав, она строго спрашивает. И вот итог. Собственный народ в массе его презирает и ненавидит. Бедняга боится показаться вне среды людей, которые грабят и угнетают Россию. В других аудиториях ему уже не раз публично били морду, больше не хочет. Позади у Горбачева проданная и преданная им, разоренная, обесчещенная держава, над которой издеваются все — от чеченских бандитов до американских толстосумов. Что впереди, кроме славы нового Герострата?

В феврале 2006 года ушел из жизни Валерий Иванович Болдин, который в качестве покаяния за долголетнее сотрудничество с Горбачевым оставил замечательное произведение, достойно венчающее его жизненный путь. Ушел замечательный писатель, не до конца раскрывший свой талант в силу сложившихся жизненных обстоятельств. Разрушив пьедестал Горбачева, он невольно воздвиг свой собственный пьедестал, низвергнуть с которого его не удастся тем темным силам, которые продолжают петь осанну клятвоотступнику.

Под некрологом, опубликованном в газете «Завтра», подпишется любой честный гражданин России.

---

[1] «Путь в Герострaты». // «Досье». 2001. №11.

4.2. Канун трагедии. Еще один Президент!

> При плохих законах и хороших политиках управлять государством еще можно, но с плохими политиками управлять государством невозможно даже при хороших законах.
>
> *Бисмарк*

Генеральный секретарь компартии М.С. Горбачев был избран первым Президентом Советского Союза и дал присягу на верность Конституции и народу за полтора месяца до открытия XXVIII съезда КПСС. Генсек-президент сосредоточил в своих руках беспредельную власть, а получив чрезвычайные полномочия, мог осуществить в стране любе реформы, довести до конца перестройку, добиться того, чего добился, например, за короткое время Китай, не разрушая страну, не четвертуя и не разделывая ее так, как разделывают для продажи говяжью тушу. Но двинуть страну по пути, проторенному коммунистами Китая, он и не пытался, поскольку, связав себя обязательствами с руководством западных стран и, прежде всего, с Дж. Бушем (старшим) и Маргарет Тэтчер («железной леди») — вывести страну на «магистральный капиталистический путь», он превратился в ярого антикоммуниста, хотя до поры до времени скрывал свое позорное перерождение. Это уже потом, годы спустя он кликушествал по всему миру, что именно он является могильщиком коммунизма: «Когда Ельцин разрушил СССР (подумать только, а он, сосредоточивший в своих руках необъятную власть, тут оказывается ни при чем. — *А.К.*), я покинул Кремль, и некоторые журналисты высказывали предположение, что я буду при этом плакать. Но я не плакал, ибо я покончил с коммунизмом в Европе. Но с ним нужно также покончить и в Азии, ибо он является основным препятствием на пути достижения человечеством идеалов всеобщего мира и согласия… Путь народов к действительной свободе труден и долог, но он обязательно будет успешным. Только для этого весь мир должен освободиться от коммунизма»[1].

В.И. Болдин вспоминал: «После XIX партийной конференции в составе ЦК, среди руководителей местных партийных комитетов осталось достаточно много людей, которые хорошо пом-

---

[1] *М. Горбачев.* «Целью моей жизни было уничтожение коммунизма». Речь на семинаре в Американском университете в Турции. Публикация в газете «USVIT» («Заря»). № 24, 1999. Словакия.

нили март 1985 года, пленум, где избирался генсеком М. С. Горбачев. Запечатлелись у них в памяти и его первые довольно робкие шаги, неуверенность в своих действиях и потребность в помощи и советах. Как важна была эта помощь пять лет назад и как мешали теперь те же люди, которые помнили генсека слабым, ищущим поддержки! Драматизм положения, а может быть, и трагедия окружавших лидера людей — они были больше не нужны, потому что многое знали, не лебезили перед начальством. Теперь удобнее стали другие, молодые и старые, почитающие своего кумира. В 1990 году М С. Горбачев был уже иным человеком, и для задуманного им государственного переворота и смены общественного строя нужны были другие методы работы, новые люди в руководстве партии, в составе ЦК и правительстве. Но даже после серьезного обновления состава первых секретарей обкомов и крайкомов он продолжал негодовать.

— Разве можно с ними работать, — говорил он, расстроенный критическими выступлениями, в перерыве одного из пленумов. — Обновляться надо, скорее обновляться.

XXVIII съезд партии такую возможность предоставлял, и М.С. Горбачев всячески форсировал его подготовку. Ему хотелось сделать этот съезд столь же звонким и открытым, демократичным, как съезды народных депутатов СССР. Для этого был применен принцип альтернативы при выборе делегатов. И все действительно пошло по схеме работы Советов. Развернулась активная борьба за избрание делегатов на съезд. В партийных организациях, распаленных критикой недостатков в работе руководства, порой выдвигались и избирались делегатами не умудренные опытом люди, а те, кто мог произнести самые резкие слова, не взирая на лица.

Прежнего контроля и нужной помощи со стороны оргпартотдела ЦК теперь не было. Он существенно «похудел» после сокращения, работники его боялись вмешиваться в дела партийных комитетов и организаций, и тем более в выборы делегатов. Это и физически стало невозможно. В некоторых секторах отдела осталось но 4—5 человек, хотя курировали они регионы от Курска до Закавказья. В результате секретари ЦК лишились большого объема информации, не знали, что происходит на местах. А в ЦК компартий республик, обкомах и крайкомах КПСС не ведали о делах центра. Количество поездок работников ЦК на места сократилось, средства на телефонные разговоры резко уменьшились. Происходила та самая потеря рычагов управления, о которой я уже говорил.

В нормальных условиях для партийной организации это вроде бы и не страшно, но в системе, сложившейся за мно-

гие годы, когда все исходило из одного центра, самостоятельно решать вопросы на местах не привыкли. В парткомах царила растерянность. К этому следует добавить, что генсек после избрания Председателем Верховного Совета, а затем Президентом СССР потерял интерес к рассмотрению вопросов партии на заседаниях Секретариата и Политбюро ЦК. Они, как говорилось, проводились от случая к случаю, документы ЦК на места поступали все реже и не давали достаточно полной информации о том, что происходит в стране и КПСС, какие стоят задачи перед партийными организациями. Кроме того, резко сокращались районные комитеты, которые быстро утратили возможность влиять на обстановку.

В большинстве регионов страны выборы делегатов велись в условиях конкуренции и, конечно, не могли не отражать случайности выбора. Использование демагогических и популистских лозунгов было неприемлемо для серьезных людей, что вело к поражению многих коммунистов. Впрочем, не только это определяло позицию делегатов на съездах. Будь обстановка в стране и партии стабильнее, уверенности в правильности избранного пути больше, люди вряд ли бы изменили свою позицию. Не выборы на альтернативной основе виноваты, а те, кто нес ответственность за страну и партию.

И все-таки партийная конференция, съезды народных депутатов кое-чему научили руководство, во всяком случае лично генсека. В те предсъездовские дни М. С. Горбачев серьезно задумывается о своем дальнейшем положении в партии. Роль руководителя Верховного Совета и тем более Президента СССР генсека, безусловно, устраивает. Но заниматься партийными делами ему уже скучно и обременительно. Казалось бы, надо оставить пост лидера партии и полностью сосредоточиться на государственной деятельности. Об этом не раз говорилось народными депутатами и многими коммунистами с мест, а в последнее время и членами ЦК. Но такому решению мешают, по крайней мере, две причины. Во-первых, уход с поста генерального секретаря сильно ослабит позиции Горбачева и он может стать объектом критики и слева и справа. Появление нового лидера в партии может привести к полному развенчанию главного архитектора перестройки. И во-вторых, М. С. Горбачев сам соблазнял всех секретарей обкомов и крайкомов занять ключевые посты в партийных комитетах и Советах. А теперь получается, что добившись государственного поста, он оставляет поле деятельности партийного лидера, что являлось бы дополнительным аргументом для критики слева»[1].

[1] *В. Болдин.* Крушение пьедестала. М.: «Республика», С. 256—257.

Далее В.И. Болдин вспоминает, что накануне съезда М.С. Горбачев буквально принуждает своих помощников искать выход из создавшегося положения, или, как он любил выражаться, уподобляясь Ю.В. Андропову «гонять мысли вокруг этого вопроса».

«— А почему нельзя, покинув пост генсека, остаться лидером партии, — спрашивает он, — ведь Ленин был лидером партии, хотя и возглавлял правительство?

Он смотрит на своих помощников, ожидая ответа. Одни рассуждают, почему это трудно осуществить, другие считают такое предложение блестящим выходом из положения. А меня так и подмывает сказать, что мысль-то действительно неплохая и так можно сделать, но для этого нужна самая малость — быть хоть в чем-то Лениным. Но я молчу, чтобы не огорчать Михаила Сергеевича.

— А если ввести пост председателя партии? — спрашивает он, выслушав разные соображения.

Идея конечно, смелая, и даже очень смелая. Будь это год-два назад, она могла бы пройти, но теперь и в партии и в обществе отношение к Горбачеву, мягко говоря, испортилось. Провалиться с идеей нельзя — это политическая смерть. Значит, надо искать что-то попроще.

Рассуждения ведутся все более нереальные, с историческими аналогиями. Но как-то получается, что все аналогии деятелей прошлого смахивают на диктаторов. А это в условиях демократизации не очень подходяще. Поэтому принимается довольно скромное предложение: генерального секретаря избирать всем съездом и всем съездом избрать его заместителя, сосредоточив внимание и силы последнего на работе с партией, ведении заседаний Секретариата ЦК»[1].

Готовился к партсъезду и Б. Ельцин. Его избрали делегатом съезда от Свердловской парторганизации. Если Горбачев перед съездом метался, судорожно искал пути и способы укрепления своей власти, то Ельцин шел на съезд с твердой целью — нанести смертельный удар по партии, а это значит по Горбачеву. Ослабить партию, а пуще того распустить ее — означало лишить президента СССР мощного рычага управления страной.

Бытует версия, что на съезде Горбачев рассчитывал задобрить вконец разбушевавшегося оппонента — найти консенсус, как любил он говаривать. Генсек намеревался даже ввести его в состав Политбюро, искренне полагая, что брошенная кость удовлетворит неуемные ельцинские амбиции.

---

[1] Там же. С. 358.

Скорее всего это было не так, поскольку Горбачев понимал, что Ельцин уже далеко не тот кандидат в члены Политбюро, который спал и видел, как его переводят из кандидатов в члены Политбюро. Когда он всем жаловался, что вот Гришин, даром что бюрократ и ренегат, входил в Политбюро, а его, борца и трибуна, зажимают. Может, из-за этой обиды и пустился он во все тяжкие: начал скандалить, срываться, написал то злополучное письмо перед октябрьским пленумом. По крайней мере и Горбачев, и Лигачев по прошествии многих лет, уже в 90-е, сетовали, что недоглядели, недооценили. Кто знает: повысь они тогда уязвленного властолюбца, и Советский Союз, глядишь, не распался бы.

Но к лету 1990 года ситуация совсем уже иная, чем была 3—4 года тому назад. Ельцин движется к вершинам власти совсем иным путем, и связывать себя с компартией, катастрофически теряющей авторитет среди элиты общества — ему уже не с руки.

Если раньше, накануне каждого пленума, он страшно переживал, что вот сейчас его выведут, вышвырнут вон из ЦК («Почему вы не выходите из ЦК?» — спросили его на встрече в Зеленограде осенью 1989 года. А Ельцин в ответ: «Я думаю, они этого только и ждут»), то теперь от былых страданий не осталось и следа.

Но на съезд Ельцин отправляется все равно. Лев Суханов писал, что к съезду его патрон готовился очень эмоционально, переживал и даже не спал ночей. Якобы он давно уже размышлял о выходе из КПСС, но никак не мог определиться: устраивать демарш прямо на съезде или погодить.

«Трое суток, которые отделяли его от XXVIII съезда, — непрерывные терзания. И вдруг пришло решение. Он уселся за свой стол и написал заявление о выходе из КПСС».

По версии Суханова, это заявление Борис Николаевич публично и озвучил, чем спровоцировал новую бурю страстей.

Однако стенограмма съезда опровергает это утверждение Суханова, поскольку в большой и обстоятельной речи, с которой Ельцин выступил на съезде, о своем выходе из КПСС он не говорил ни слова. Однако вернемся к началу работы съезда, который открылся 2 июля 1990 года. В.И. Болдин вспоминает: «Выйдя к столу президиума, М.С. Горбачев сообщает, что на съезд избрано 4683 делегата, и, кроме 26 коммунистов, все они прибыли на съезд. Начинается избрание руководящих органов съезда. И сразу разворачивается дискуссия. Шахтер из Магадана предлагает всю полноту партийной власти передать съезду, объявив отставку ЦК КПСС и Политбюро, и не избирать их в члены руководящих органов за развал работы по выполнению решений XXVII съезда КПСС. Дать персональную оценку каждому секретарю и члену Политбюро ЦК.

М. С. Горбачев обещает к этому вопросу вернуться и маневрирует, снижает накал борьбы. Конечно же, он к этому вопросу никогда не возвращается, но пар спущен, накал эмоций приглушен. Президиум съезда избран сугубо рабочим, он на редкость малочислен. Утверждаются и другие руководящие органы съезда. Надо бы начинать работу, но выступающие от микрофонов постоянно подбрасывают «неуютные» вопросы, возбуждают аудиторию, раскаляют страсти. Лишь через два с половиной часа удается приблизиться к политическому отчету Центрального Комитета КПСС XXVIII съезду партии. Слово для доклада получает М. С. Горбачев. Доклад его еще дышал оптимизмом, обнадеживал, уверял в правильности избранного пути, невозможности действовать иначе. Но чем больше говорил об этом Горбачев тем сильнее росло напряжение в зале. Снова звучат слова о партии социалистического выбора и коммунистической перспективы, выражении интересов рабочего класса, крестьянства, интеллигенции. Перечисляется другие ценности, которые исповедует КПСС. Верил ли генсек сам в то, что говорил, или последующие практические действия, а скорее их отсутствие, были реакцией на изменение ситуации? Те, кто знал его близко, никогда не могли понять, где начиналась и кончалась его искренность.

Если на XXVII съезде М. С. Горбачев заявлял, что частнособственнические настроения означают неверно выбранные партией путь и средства в ее работе и это требует исправления, то в докладе на XXVIII съезде звучат мысли о необходимости разных форм собственности. Слово «рынок», произносимое в прошлом генсеком с опаской, теперь является панацеей от всех бед...

...Съезд настаивает на отчетах руководителей партии, и Горбачев уступает. Первым слово получает Н. И. Рыжков, затем В. А. Медведев, которого давно критикуют за развал идеологии, хотя он протестует, говоря, что ему этот развал достался по наследству. Выступали затем А. Н. Яковлев, Э. А. Шеварднадзе, Л. Н. Зайков, Е. К. Лигачев и другие члены Политбюро. Отчеты многих делегатов не удовлетворяют, слышны требования признать ошибки, покаяться. Впечатление от обстановки такое, что находишься на Съезде народных депутатов, — та же безапелляционность, борьба за микрофон. Может быть, это стиль времени, может быть, теперь так выражают свое мнение сторонники западных демократий? А может, настолько «припекло» людей, так надоела словесная болтовня и практическая немощь, что делегаты кричат, как от нестерпимой боли?

И так день за днем. Члены Политбюро раздосадованы и апатичны. Они догадываются, что для большинства из них это последний съезд. В комнате, где они собираются, можно увидеть и

услышать все: возбужденные голоса сомневающихся; равнодушие потерявших надежду, горящие борьбой глаза энтузиастов и потухшие взоры неверящих. М. С. Горбачев и сам озабочен. Все чаще выходит в зал во время перерыва, под софитами телевизионщиков дает интервью, с кем-то разговаривает. Этим методом он пользовался и в дни съездов народных депутатов. Многие хотят протиснуться поближе, «попасть в экран». Идет разговор, часто продолжающий те темы, которые только что звучали с трибун съезда. Эти выходы «в люди» М. С. Горбачев попробовал делать и на пленумах ЦК, но там вокруг него не толпились. С мест не вскакивали, а многие и не подходили к генсеку, и это его сильно тревожило. Он возвращался из зала, часто удрученный.

Энергичность, уверенность все больше покидают генсека. Порой чувствуешь, что ему это все давно надоело и он жалеет, что взвалил на себя непосильную ношу. Обвинения в бездеятельности ЦК и его лично звучат настолько часто и резко, что только хорошие нервы могут сдержать от резкостей. Но добираются и до болевых точек. Генсека призывают заняться внутренними делами и меньше путешествовать за границей. Это не в бровь, а в глаз. Горбачев не выдерживает и срывается, понося автора этого предложения. Он еще долго негодует по этому вопросу, и секретарь Алтайского райкома партии, указавший на этот его недостаток, еще раз выступает и подтверждает свою позицию»[1].

И вот на трибуну поднимается Б.Н. Ельцин, который олицетворял собой самую радикальную оппозицию Горбачеву. Говорил он тверже и увереннее, чем на XIX партконференции, слова его были резки до жестокости и обращены скорее к народу, чем к делегатам съезда. Он обвинял партийный аппарат в экономических и политических провалах, призвал к многопартийности и предложил переименовать КПСС в партию демократического социализма.

В противном случае, предрекал он, партия развалится, начнется национализация ее имущества, а вожди — пойдут под суд, ибо «народ спросит за все».

«Но все мы, отдавшие партии десятки лет жизни, сочли своим долгом прийти сюда, чтобы пытаться сказать, что выход для КПСС все же есть. Трудный, тяжелый, но выход… Партия должна освободить себя от любых государственных функций». Народ «поддержит только ту политическую организацию, которая позовет не в заоблачные коммунистические дали, а будет каждодневно делом защищать интересы каждого человека, помогать сделать его и всю страну нашу передовой, богатой и счастливой». Так закончил свое выступление Ельцин.

---

[1] *В. Болдин.* Крушение пьедестала. М.: «Республика», 1995. С. 360—362.

Но не прогнозы для страны и партии обеспокоили тогда Горбачева. Его взволновали слова Ельцина о перспективе нынешнего руководства КПСС. «Можно предположить, что начнется борьба за привлечение к суду руководителей партии всех уровней за ущерб, который они лично нанесли стране и народу. Могу назвать хотя бы одно из этих дел — об ущербе в результате антиалкогольной кампании. Народ спросит за все остальное: за провалы во внешней торговле, сельском хозяйстве, за национальную политику, политику в отношении армии и так далее и так далее. Страна должна знать, какое наследство оставила ей КПСС»[1].

Как видим, о собственном разводе с КПСС не было и тени намека.

А вот, когда зал принялся его освистывать, когда поднялась волна истерии и уничижения, только тогда он решился сделать ход конем.

12 июля, в предпоследний день съезда, смутьян вновь поднялся на трибуну и заявил о выходе из партии в связи с «огромной ответственностью перед народом и Россией, с учетом перехода общества на многопартийность». Причем заметьте: свой основной доклад Борис Николаевич делал 6 июля. А о разрыве с КПСС объявил лишь 12-го.

Как вспоминал Суханов, перед выходом Ельцина к микрофону делегаты буквально оцепенели. Ельцин поднял руку в момент, когда зачитывался новый состав ЦК, где фигурировала и его фамилия. Уже наученные горьким опытом партийцы поняли: сейчас что-то будет. И когда Борис Николаевич произнес последнюю строчку своего заявления, в зале раздались крики: «Позор предателю!»

«Надо было видеть выражение лица М. С. Горбачева! — констатирует Суханов. — Он, как никто другой, понимал, что Б. Н. Ельцин своим поступком выбил и без того прогнившую опору из-под крыши «руководящей». Борис Николаевич так и не вернулся на свое место. Он навсегда ушел не только из партии, но и покинул пространство, где эта партия заканчивала свое существование. Когда он шел по проходу, на него шипели, и это шипение напоминало пар, выходящий из зашедшего в тупик паровоза»[2].

А. Хинштейн не согласен с подобной аналогией, которую приводит Суханов:

«Честно говоря, эти «июльские тезисы» Суханова вызывают у меня некоторый скепсис. Ну, во-первых, образность аналогии:

---

[1] Там же. С. 363.

[2] Цит. по: *А. Хинштейн.* Ельцин. Кремль. История болезни. М.: «Олма Медиа Групп», 2008. С. 222.

не с шипящим паровозом просится здесь сравнение, а с бегством крысы с тонущего корабля, который, к слову, и на дно-то начал уходить не без ее (крысы) прямого вмешательства.

А во-вторых, весьма сомнительно, чтобы Горбачев почувствовал, как уходит из-под ног «и без того прогнившая опора».

Михаил Сергеевич до последнего дня — пока не пришли выселять его из кремлевского кабинета — упрямо отказывался верить в скорое свое падение. Напротив, он то и дело уверял соратников, что Ельцин вот-вот сломает себе шею.

В тот же вечер, когда Борис Николаевич предпринял свой демарш, помощник генсека Анатолий Черняев записал в дневнике, что «М. С.» позвонил ему и стал объяснять, что это «логический конец» для Ельцина.

Существует и еще одно, куда более весомое доказательство тому, что Борис Николаевич изначально не планировал хлопать дверью. В архиве Суханова сохранились неизвестные доселе черновики ельцинского заявления. Вопреки утверждениям самого же Суханова, писались они, похоже, уже после программного выступления 6 июля.

В самой первой, черновой версии — дата его написания отсутствует. Она появляется лишь в окончательном варианте: 12 июля 1990 года. А это значит, что скандальная бумага готовилась заранее, но Ельцин не спешил раньше времени сжигать мосты.

Да и сжег ли он их полностью? Как явствует из архива, до конца «идти на Вы» Ельцин так и не решился.

Изначально заявление его оканчивалось тем, что он призывал последовать своему примеру «всех руководителей Советов, а также Президента СССР Горбачева М. С». Но в итоговый документ фронда эта не вышла. В последний момент Ельцин жирно перечеркнул эту фразу и размашисто начертал прямо противоположное: «Готов сотрудничать со всеми партиями и общественно-политическими организациями республики».

Выход Ельцина из КПСС был мощным, неожиданным, но вместе с тем вынужденным шагом: в шахматах подобное именуется «цугцвангом». Не сделай он его, промолчи, это означало бы, что Ельцин фактически примирился со всеми упреками и выпадами. Сносить плевки было не в его характере.

Ельцин оказался первым общенациональным политиком, осмелившимся публично отмежеваться от коммунистов. Это уже потом сжигание партбилетов войдет в моду, станет явлением повсеместным.

Будущий президент России вновь обошел всех на повороте. Пожалуй, в том и заключалось одно из главных слагаемых его ус-

пеха: умение опередить, обогнать свое время; первым уловить веяние конъюнктуры; пойти наперекор стереотипам; сделать то, чего ждет — само, возможно, еще не осознавая — общество»[1].

Вот как писал впоследствии о выступлении Б.Н. Ельцина на съезде и о дальнейшем ходе его работы В. Болдин.

«Это (выступление) было предупреждением лично генсеку, и, как мне казалось, он хорошо запомнил пункты обвинения, стремясь поправить все, что еще мог сделать в тот период. Что касается выступления Ельцина, то по всему было видно, что оно последнее на партийных форумах. Он прощался с партией, предупреждая, что может ждать КПСС и ее лидеров. В конце концов так и случилось. Он заявил о своем выходе из партии, а мандатная комиссия съезда признала его полномочия как делегата утратившими силу.

Как бы ни был тяжел конфликт Горбачева и Ельцина, Ельцина и ЦК, демонстративный выход из партии произвел впечатление на многих делегатов и коммунистов, сыграл немалую роль в создании обстановки неуверенности, а затем и в развале партии. Разумеется, такому исходу дела способствовало и безвольное поведение Горбачева.

Съезд продолжал работу. Он принял много важных решений по самым разнообразным вопросам, волнующим партию и народ страны. Наметил новые пути дальнейшего реформирования государства. Но, думаю, каждый чувствовал, что намеченные постановления нежизнеспособны, их некому выполнять, за их реализацию некому бороться и некому требовать их осуществления.

И вот наступает финал. Предстоят выборы генерального секретаря ЦК и его заместителя. Мнения разделились с первых минут обсуждения кандидатур. Одни хотят, чтобы дело перестройки до конца доводил М. С. Горбачев, другие говорят о невозможности и некорректности сочетания двух постов. Кое-кто утверждает, что генсек не занимается партией, некоторые — что будет, если Верховный Совет СССР запретит совмещения должностей. Но Михаил Сергеевич выбор сделал и отказываться от поста лидера не собирается. Начинается выдвижение кандидатов. Назвали многих, но все они отказались, остался только Т. Г. Авалиани, первый секретарь Киселевского городского комитета партии из Кемеровской области. Он прошел нелегкий жизненный путь и не дрогнул в «соревновании» с Горбачевым. Правда, Т. Г. Авалиани при голосовании набрал 501 голос. Но удивительно не это, а то, что из 4683 делегатов против Горбачева проголосовало 1116 человек. Это не

[1] Там же. С. 222—224.

сотня-другая заблудших, из-за которых, как утверждают некоторые, Сталин уничтожил чуть ли не всех делегатов XVII съезда партии, — сегодня такой результат выглядит как серьезный сигнал. По существу — крупное моральное поражение: четверть состава съезда отказала в доверии...

Внутренне Горбачев потрясен. Он, конечно, знал, что спокойно дело не закончится и без борьбы не обойтись, но такого политического нокдауна, который открыл счет оставшимся дням, он не ожидал.

Впереди было еще одно испытание — выборы заместителя генсека. Наряду с «запланированным» В. А. Ивашко кандидатом был назван и Е. К. Лигачев. В отведенном времени для изложения своих концепций и ответов на вопросы и тот и другой довольно удачно преодолели «сито» проверки. Чувствовалось, что к Е. К. Лигачеву зубастых вопросов больше и трудности у него при избрании еще впереди. Так и получилось: съезд предпочел заместителем генсека ЦК В. А. Ивашко. Е. К. Лигачев получил всего 776 голосов «за» и 3642 «против».

Я был невольным свидетелем последней сцены, завершающей взаимоотношения Е. К. Лигачева и М. С. Горбачева. Генсек возвращался после голосования за своего «зама» и неожиданно в узком переходе из Георгиевского зала Кремля во Дворец съездов столкнулся с Е. К. Лигачевым. Лишь на мгновение он растерялся, но неожиданно сказал:

— Я голосовал против тебя, Егор.

— А я, Михаил Сергеевич, — ответил Е. К. Лигачев, — голосовал за ваше избрание генеральным секретарем…

И они разошлись в противоположные стороны. Разошлись навсегда. Я вспомнил, сколько делал Е. К. Лигачев для избрания генсеком М. С. Горбачева в весенние дни 1985 года. В ту пору «кадры партии» были в его руках, и он беседовал не с одним десятком членов ЦК, секретарей обкомов и крайкомов, прося их о поддержке при избрании Горбачева генсеком на внеочередном Пленуме в 1985 году. Прошли пять лет, и мировоззрения, характеры, принципы развели этих людей. М. С. Горбачев легко перешагивал через прошлые связи, своих товарищей по работе. А друзей у него, по-моему, никогда и не было. Во всяком случае, в Москве. Да еще большой вопрос: были ли у него вообще товарищи? Вроде не меня надо было спрашивать, но приходилось слышать от членов Политбюро, секретарей ЦК: почему М. С. Горбачев сторонится человеческого общения? Есть ли у него близкие товарищи, или он исповедует философию британских политиков, которые утверждали, что у Англии нет друзей и нет врагов, но у нее есть интересы.

...И вот разошлись в стороны два человека, два лидера, в душе которых вряд ли осталась теплота отношений. Неужели политическая борьба выше нормальных человеческих чувств? Или я ничего не понимаю, или есть люди, которые ради власти готовы забыть обо всем другом, а возможно, ничего другого у них и нет?

Вскоре после избрания членов ЦК на XXVIII съезде, проходившем в крайне трудной психологической обстановке, состоялся Пленум. На нем были избраны члены Политбюро и Секретариата ЦК. В Политбюро избирался и Горбачев, так как забыли предусмотреть, что на съезде генсек выбирается не только членом ЦК, но и членом Политбюро. Состав новых высших органов партии сильно изменился. В нем практически не остались прежних лидеров. Не было Рыжкова, Лигачева, Медведева, Яковлева, Зайкова, Слюнькова и многих других. Пришли «свежие» люди с иными достоинствами и недостатками, о которых я говорил. В составе Политбюро ЦК были и все первые секретари компартий союзных республик. Серьезно изменился и состав ЦК. По существу там процентов на восемьдесят были новые люди.

Как-то в дни съезда я зашел в комнату, где уединился М.С. Горбачев, и застал его за подготовкой списка членов ЦК. Теперь он не доверял эту работу никому. Не мог Горбачев и советоваться с нынешним составом Политбюро, так как знал, что оно практически все уйдет с политической арены. Не мог он советоваться и с Разумовским, который давно просился в отставку по состоянию здоровья, да и не устраивал Горбачева. Все ясно было и с Лигачевым. И вот Михаил Сергеевич сидел один в меленькой комнатке, какой-то покинутый и печальный, и составлял список членов ЦК — органа, многие десятилетия выше и могущественнее которою никогда не было в нашей стране.

Смотрел я на фамилии, написанные неразборчивым почерком на листах бумаги, и мне вдруг показалось, что на них начертаны последние сцены огромной трагедии, глубину которой тогда никто еще не знал. Это был уже не «монолитный» состав Пленума, а собрание представителей разных платформ некогда великой партии, что скоро и проявилось в бескомпромиссных дискуссиях и острой политической борьбе.

Но виделось во всем этом и другое, нечто зловещее. М. С. Горбачев, растерявший авторитет в народе, утративший даже влияние в партии, все еще мог единолично формировать руководство КПСС, а следовательно, и великой державы, исполнителей своей воли. И это было еще одним свидетельством несовершенства, порочности действовавшей системы, позволявшей одному

человеку определять судьбы сотен миллионов сограждан, будущее огромной страны»[1].

Помощник М.С. Горбачева Анатолий Черняев так оценил итоги XXVIII съезда КПСС:

«Скопище обезумевших провинциалов и столичных демагогов... На съезде шел разгром горбачевской команды. А она оказалась несостоятельной в защите, не говоря уже о неспособности к нападению (если пользоваться футбольной терминологией). И понятно почему: держалась за партию, не мыслила себя вне партии, тем более в позиции против партии, олицетворяемой съездом.

Только Ельцин звериным своим чутьем ощутил «гул истории». И когда на него после его «бонапартистской» речи (так ее назвал один из делегатов) «покатили бочку», он заявил с трибуны, что уходит из партии. И покинул ошеломленный зал под редкие выкрики «Позор!». Он определенен, и это выгодно отличает его от Горбачева с его «компромиссной» тактикой...»

Многие писали потом, что Михаилу Сергеевичу следовало поступить так, как Ельцин, который плюнул аппарату в лицо и пошел делать дело, которое надо бы делать Горбачеву. Если бы Горбачев вовремя порвал с партией, назначил президентские выборы и приступил к преобразованию Советского Союза, тогда бы он сохранил единое государство — в форме более свободной федерации или конфедерации. И сохранил бы себя как действующего политика.

Но Горбачев продолжал заниматься тактикой, а не стратегией. И все тактические бои он выигрывал. Голова у него работала лучше, чем у его соперников и противников. А стратегически он вскоре потерпит поражение...»[2]

В это время Б. Ельцин, расхаживая по своему огромному кабинету в «Белом доме», продумывал стратегию окончательного захвата власти в России и низвержения Горбачева, которого он уже сбросил со счетов, как бывшего подельника по развалу КПСС и Советского Союза. По всему получалось, чтобы воцариться на российском Олимпе, необходимо уничтожить Советский Союз вместе с Горбачевым.

В начале 1991 года — самого тяжелого года в новейшей российской истории — Ельцин переходит к публичной критике Горбачева. Стоило последнему обратиться к союзному парламенту с просьбой дать ему дополнительные полномочия в связи с возник-

---

[1] *В. Болдин*. Крушение пьедестала. М., «Республика», 1995. С. 363—367.

[2] Цит. по: *Л. Млечин*. Борис Ельцин. Послесловие. М.: «Центрполиграф», 2007. С. 131—132.

новением кровавых межнациональных конфликтов в ряде регионов Советского Союза, Ельцин незамедлительно отреагировал:

«Такого объема законодательно оформленной власти не имели ни Сталин, ни Брежнев. Фактически центр стремится сделать конституционное оформление неограниченного авторитарного режима».

Тезис о надвигающейся горбачевской диктатуре и унижениях, которые терпит обворовываемая Россия, становится главным лейтмотивом всех его выступлений. Через пару лет, когда Горбачева уже не станет, его самого примутся постоянно — и, прямо скажем, не без оснований — обвинять в узурпации власти. Но об этом пока никто еще не знает.

В январе 1991 года Горбачев вводит войска в Литву. Президент СССР мечется. Он судорожно пытается сохранить страну, совершая ошибку за ошибкой. Ельцин незамедлительно воспользовался нерешительностью Горбачева в отношении открытого сепаратизма прибалтийских республик. Он делал все, чтобы как можно больше насолить Горбачеву и показать свою независимость. Прибалтийские республики, добиваясь независимости любой ценой, действовали своевольно, нарушали законы. Они шли на прямые конфликты с союзным Центром, потому что получали поддержку российского руководства. Сразу после событий в Вильнюсе Ельцин вылетел в Таллин, встретился с руководителями трех прибалтийских республик и подписал документ о признании Россией их суверенитета.

Альфред Петрович Рубикс — бывший первый секретарь ЦК Компартии Латвии, так оценил это событие:

«Президент Союза М. Горбачев промолчал. На мой взгляд, он первый и главный предатель СССР. Но все бывшие советские граждане должны знать: 13 января 1991 года — день сговора, пролог к Беловежской пуще».

Этот мужественный человек и несгибаемый коммунист стал первым политзаключенным в независимой Латвии. Он проведет в тюрьме 6 лет, из них 4 года в одиночной камере.

В те же дни руководители России и трех прибалтийских республик обратились к генеральному секретарю ООН с предложением созвать Международную конференцию по урегулированию проблем прибалтийских государств. Собственно говоря, это было приглашением к прямому вмешательству во внутренние дела СССР.

Таким образом, российские «демократы» всячески подталкивали прибалтийские республики к отделению, но при этом активно использовали вильнюсский и рижский инциденты в интересах укрепления своих позиций и давления не Центр. 20 января в Москве состоялась демонстрация в знак протеста против собы-

тий в Вильнюсе, и здесь же раздавались требования об отставке Горбачева, Язова, Пуго.

Как заметил М.Горбачев, в январе и феврале 1991 года Ельцин и его компания в полном объеме вели артиллерийский обстрел позиций союзных властей, рассчитывая «выбить Центр из седла», лишить воли к сопротивлению и в конечном счете уничтожить!

И тогда Верховный Совет СССР поддержал предложение Президента СССР о проведении референдума. 16 января был опубликован Указ, назначавший проведение референдума на 17 марта. Первоначально Ельцин и его команда сепаратистов в других республиках старались его всячески сорвать. Оппозиционные СМИ с подачи Ельцина встретили референдум в штыки. Во-первых, журналисты намекали на то, что в одну связку соединены вопросы о сохранении СССР и его обновлении, преобразовании в федерацию: такая-де расплывчивость формулировки может подтолкнуть многих проголосовать «за» и в будущем послужит основой альтернативных трактовок опроса. А другой довод зиждился на том, что-де воля народов малых республик будет искажена, поскольку в численном отношении их население несопоставимо с населением России. Русские же люди, скорее всего, выскажутся за сохранение Союза, и это решит дело.

Как только стало ясно, что референдума не избежать, демократы развернули бешеную кампанию, чтобы убедить избирателей дать негативный ответ на вопросы референдума. Они призвали провести 10 и 16 марта политические акции под лозунгом «Нет — вопросам союзного референдума!» и «Поддержка — Председателю Верховного Совета РСФСР Борису Ельцину».

Ельцин пошел ва-банк. 19 февраля он выступил с сенсационным заявлением по телевидению, потребовав отставки Президента СССР и передачи всей власти Совету Федерации.

Свидетельствует М.Горбачев:

«Его речь была переполнена грубыми, оскорбительными замечаниями в мой адрес. Руки дрожали! Видно было, что он не владел полностью собой и с усилием, с натугой читал заготовленный заранее текст. Спустя 20 дней, 9 марта в очередном своем выступлении в Доме кино Ельцин уже призвал своих сторонников «объявить войну руководству страны, которое ведет нас в болото». Заявил, что Горбачев «обманывает народ и демократию». 10 марта в Москве демократы собрали митинг в поддержку Ельцина, шахтеров, суверенитета России.

Смысл этих конфронтационных действий был ясен. За ними стояло стремление заранее обесценить результаты референдума,

помешать использованию его в интересах укрепления Союза, Очевидно, в штабе демократов имели сведения о настроении людей и чувствовали, что ответ на вопросы референдума будет, бесспорно, положительным. Успех референдума они расценивали как успех Горбачева, а это не согласовывалось с их расчетами».

— Откровенно говоря, — продолжает Горбачев, — я и раньше предвидел, как отреагирует Ельцин на референдум. В президиуме он сидел справа от меня и даже от злости бросил наушники, когда съезд все-таки проголосовал за проведение всенародного опроса. Считал, что Горбачев таким образом «перехитрил», наберет себе «очки», а в итоге его честолюбивые планы будут перечеркнуты. В кругу моих советников мы говорили и о том, что выступление Ельцина по телевидению было составлено в привычном для его окружения стиле. Ударить слушателя обухом по голове, привести в шоковое состояние — вот излюбленный их прием. Конечно, они отдавали себе отчет, что разумные, серьезные люди не примут на веру бездоказательность обвинений и будут обеспокоены явной конфронтацией этого выступления. Ведь кому не ясно, что если Председатель Верховного Совета России призывает идти войной на Президента СССР, то добра от этого стране не будет.

А вот позиция Б. Ельцина по этому вопросу:

«Для чего был нужен референдум, все понимали. Во-первых, чтобы придать легитимность чрезвычайному положению уже в масштабах страны. И, во-вторых, чтобы получить «законное право» бороться с российской независимостью.

Каждый день телекомментаторы запугивали народ развалом Союза, гражданской войной. Нашу позицию представляли как чисто деструктивную, разрушительную. Пугать гражданской войной — это просто. По-моему, многие уже всерьез ждали ее. Поэтому я испытывал острую необходимость объясниться. Объяснить, что реформы Союза — это не его развал...

... Стало совершенно очевидным, сказал я телезрителям, что, сохраняя слово «перестройка», Горбачев хочет не перестраиваться по существу, а сохранить систему, сохранить жесткую централизованную власть, не дать самостоятельности республикам, а России прежде всего... Я отмежевывался от позиции и политики президента, выступаю за его немедленную отставку...

Заглядывая вперед, могу сказать, что последствия этого шага были благоприятными — как и некоторые другие мои резкие заявления. В конечном итоге мое выступление не осложнило, а разрядило обстановку в стране. Хотя и страшно оскорбило Горбачева».

В этот период обострения борьбы с Горбачевым Ельцин кинулся за поддержкой за рубеж, поехал в Страсбург, на сессию Ев-

ропарламента. Но, к своему удивлению, встретил не то, что поддержку, а получил головомойку, оказался под холодным, даже, можно сказать, ледяным душем. Особенно неприятным для Ельцина, писала французская газета «Монд», был понедельник, когда его подвергла суровому испытанию группа социалистов Европарламента. Ельцин не ожидал, что его будут называть «дельцом» и «безответственным человеком», что председатель группы социалистов Жан-Пьер Кот упрекнет его в том, что он «представляет собой оппозицию Горбачеву», с которым, как он сказал, «мы чувствуем себя увереннее».

Депутаты Европарламента в очень недипломатических выражениях, если верить «Берлинер цайтунг», дали понять «главному сопернику» М. Горбачева, что его единоборство с Горбачевым не находит понимания. Его стремление установить прямые отношения между Страсбургом и российским парламентом было отклонено.

Забегая несколько вперед, отметим, что не в пример чопорным европейцам президент США Дж. Буш пристально присматривался к «боевым действиям» Ельцина по свержению режима Горбачева. Как мы помним он не хотел принимать Ельцина в сентябре 1989 года, но переступил через себя, принял. Сразу же после августовских событий 1991 года Дж. Буш, как бывший директор ЦРУ публично заявил, что приход к власти режима Ельцина — это «наша победа — победа ЦРУ». Между правительством США, ЦРУ с представителями режима Ельцина устанавливаются самые тесные контакты.

В октябре 1992 года тогдашний директор ЦРУ масон Р. Гейтс в обстановке строгой секретности встречается с Ельциным с глазу на глаз. Причем Ельцину даже не дают возможности пользоваться услугами своего переводчика, которого просто выставляют за дверь, и весь перевод, поскольку Ельцин в английском ни «бэ», ни, «мэ», осуществляет переводчик директора ЦРУ.

За «подвиги» в борьбе против русского народа и русского государства мировая закулиса награждает Ельцина званием, которое носит почти каждый член мирового масонского правительства, рыцаря-командора Мальтийского ордена. Его он получает 16 ноября 1991 года. Чуть-чуть стесняясь, Ельцин напяливает на себя атрибуты масона и позирует перед корреспондентами в этом обличье. В августе 1992 года Ельцин подписывает Указ №827 «О восстановлении официальных отношений с Мальтийским орденом».

Но все это будет потом, а пока, вернувшись из поездки в Страсбург и только-только отойдя от ледяного душа, которым его окатили, Ельцин получает пощечину от своих ближайших соратников. Шесть членов Президиума Верховного Совета РСФСР вы-

ступили с заявлением, в котором осуждали действия своего лидера и потребовали его отставки. «Политическое заявление Верховному Совету РСФСР, народным депутатам РСФСР» подписали заместители Председателя Верховного Совета РСФСР С. Горячева и Б. Исаев, председатели палат Верховного Совета Р. Абдулатипов и В. Исаков, заместители председателей палат ВС А. Вешняков и В. Сыроватко:

«Выражая волю народов России, I Съезд народных депутатов РСФСР избрал Председателем Верховного Совета РСФСР Бориса Николаевича Ельцина, — говорилось в заявлении. — В нем увидели человека, умудренного жизненным и политическим опытом, смело выступившего против устаревших официальных структур, способного осуществить радикальную, но реалистическую программу вывода России из кризиса. Именно *с* ним многие россияне, народные депутаты РСФСР и мы в том числе связали свои надежды на возрождение России, восстановление достоинства ее народов, экономического и политического суверенитета.

Пришло время сказать, что эти надежды не оправдались...

Исходя из чувства долга, стараясь остановить дальнейшее сползание к развалу и хаосу, мы считаем назревшим вопрос о безотлагательном созыве внеочередного Съезда народных депутатов РСФСР с повесткой дня о деятельности Председателя Верховного Совета РСФСР».

Так заканчивался этот документ, подписанный 21 февраля 1991 года. И, как показали дальнейшие события, авторы «Политического заявления» были правы в своих опасениях и предупреждениях. Но тогда страна к ним не прислушалась, не оценила их мужественный шаг.

Заявление зачитала от имени шести, поднявшись на трибуну сессии Верховного Совета РСФСР, Светлана Петровна Горячева, Это был беспрецедентный, смелый поступок. Характерно, что все шестеро первое время сами были сторонниками Ельцина, души, как говорится, в нем не чаяли.

Председатель Совета Республики Верховного Совета РСФСР В.Б. Исаков на заданный ему на одной из встреч вопрос: «Что заставило вас в рядах инакомыслящих вновь стать инакомыслящим?» — ответил: «На первом съезде — несогласие с юридическими ошибками в документах и в выступлениях нашего руководителя, на втором — несогласие с методами и средствами осуществления правильного в целом курса, сейчас — несогласие с самим политическим курсом Бориса Николаевича, ведущим к идеологической конфронтации и развалу Союза ССР. Это узкопартийный курс, отвечающий интересам блока новых политиче-

ских сил, но противоречащий коренным интересам России. Похоже, что жизнь сыграла с нами злую шутку: вырвавшись из лап одной партийной диктатуры, мы сейчас стремительно приближаемся не к демократии, а к другой партийной диктатуре, перекрашенной в иной цвет, но такой же жесткой, непримиримой, искореняющей всякое инакомыслие.

...Борис Николаевич не желает замечать, что его действия разрушают всю совместно проделанную республиками работу, вносят смуту в души людей и раскалывают общество. Естественно, у всех у нас есть немало претензий к тому Союзу, в котором еще сохраняются консервативные бюрократические структуры но другого то Союза у нас пока нет. Разрушим этот, но создадим ли новый?

Председатель опирается на узкий круг приближенных лиц и сплошь и рядом нарушается закон.

...Нам не просто далось прозрение. Для меня точки над «i» поставило выступление Бориса Николаевича в Доме кино 9 марта, где в крайней форме была выражена его позиция. Я понял то, что чувствовал: Борис Николаевич все больше выступает не как национальный лидер, не как руководитель высшего органа государственной власти, а как партийный лидер, который сводит счеты со своими политическими противниками, без колебаний принося на заклание в этой борьбе самые коренные, самые жизненно важные интересы российского народа. И чем дальше, тем больше втягивается в эту партийную борьбу.

...Мы пришли к власти, под лозунгами борьбы за демократию, права человека, за правовое государство, но, утвердившись, все эти лозунги практически забыли и восстановили один к одному, и даже еще хуже — те аппаратные порядки, которые существовали до нас. Вот такой грустный выводу меня...»[1]

Владимир Борисович Исаков из Свердловска, юрист, типичный «неформал». Еще в 1987 году после октябрьского Пленума ЦК КПСС и изгнания Ельцина из Московского горкома стал под его знамена. Участвовал в митингах и демонстрациях, протестовал против их запрещения. Выдвигал свою кандидатуру в народные депутаты СССР, но проиграл. Спустя время стал народным депутатом России. Избран Председателем Совета Республики Верховного Совета РСФСР. Владимир Исаков был одним из самых близких к Ельцину людей в период I Съезда народных депутатов России. Он был при Ельцине на правах поводыря в паутине рег-

[1] Цит. по: *В. Андриянов, А. Черняк*. Одинокий царь в Кремле. Кн. 1. М.: «Правда». С. 290—293.

ламентских превратностей, заметил другой демократ Олег Попцев. Ельцин безмерно доверял ему: как-никак земляки, оба долгое время в неформалах числились. К тому же Исаков — доктор юридических наук. Еще одна черта роднящая — оба упрямы.

Однако Ельцин и на сей раз вышел, как говорится, сухим из воды. Более того, он использовал заявления «шестерки» в своих целях, объявив, что против Председателя Верховного Совета России готовится заговор, инспирированный Кремлем. Демократы, мобилизовав все свои силы, организовали в Москве несколько демонстраций в защиту вождя.

Третий Съезд народных депутатов России открылся в накаленной обстановке. Митингующие угрожали «идти на штурм Кремля». Во избежание беспорядков, утверждает М.Горбачев, в день открытия съезда в столицу были введены дополнительные силы милиции и подразделения Внутренних войск. Противостояние достигло опасной черты. Трудно сказать, как бы дело повернулось, если бы Ельцина не поддержали, к изумлению всех, коммунисты. Во-первых, Александр Руцкой заявил о создании депутатской группы «Коммунисты за демократию», которая поддерживает Председателя Верховного Совета России. А во-вторых, неожиданно сделал царский подарок Ельцину лидер РКП Иван Полозков, заявивший от микрофона, что отвергает упреки в адрес фракции коммунистов, будто бы требующей отставки Председателя. Такая мощная поддержка дала возможность Ельцину не только удержаться в седле, но и добиться от съезда дополнительных полномочий, принять решение о необходимости иметь и в России Президента.

Пошел на очередные уступки Ельцину и Горбачев. На встрече в Ново-Огареве, куда пригласил и Ельцина, он сообщил, что согласен на подписание нового союзного договора, который значительно ослабит влияние Центра на союзные республики. Горбачев заявил также, что решительно выступает за принятие новой Конституции, после чего существующий законодательный орган — Съезд народных депутатов и Верховный Совет СССР — будет распущен и состоятся прямые выборы нового Президента. Такого поворота событий Ельцин никак не ожидал. Он, не раздумывая, поставил свою подпись под заранее составленным совместным заявлением руководителей республик. В Ново-Огареве Ельцин подписал и соглашение о моратории на политические забастовки, после чего вылетел в Кузбасс и предложил шахтерам спуститься в забои.

17 марта состоялся референдум. Он убедительно показал, что люди не хотят разрушать наш общий дом — СССР. Абсолютное большинство граждан Советского Союза — 76 процентов, приняв-

ших участие во всенародном голосовании, ответило «за» на поставленный в бюллетене вопрос о сохранении Союза. Результаты российского референдума: 71,34 процента высказались за сохранение Союза.

Горбачев праздновал победу. Но на поверку она оказалась поистине пирровой, ибо наряду с общими для всей страны вопросами, жители РСФСР отвечали еще на один, дополнительный: нужно ли учредить пост российского президента. Результат был понятен заранее: более 70 процентов с таким поворотом согласились.

Ельцин начал готовиться к новой избирательной кампании — президентской. Была запущена и уже разворачивалась вовсю избирательная кампания по выборам Президента и вице-президента России. Ельцин мучился, кого взять к себе в особо приближенные, кого благословить на пост вице-президента. Свою кандидатуру предложил Гавриил Попов, в ближайшем окружении Ельцина советовали взять Юрия Рыжова — но тот не рискнул... Сроки подачи документов в Центральную избирательную комиссию по выборам Президента России уже истекали, а он все тянул. Этого решения с замиранием ждали многие россияне. Во-первых, этим, им казалось, определялось будущее России, ибо много разговоров ходило о совсем плохом здоровье Ельцина, а, во-вторых, вице-президент, правая рука, по существу — организатор всей державной работы. Особенно волновались те из окружения Ельцина, кто считал, что только он достоин быть избранным.

В своей книге мемуаров «Записки президента» Ельцин вспоминает:

«Ситуация с каждым днем становилась все более двусмысленной. Было уже как-то неловко приходить на работу, смотреть людям в глаза — ведь нельзя, образно выражаясь, на такой скорости, с работающим на все сто мотором, ехать без колеса! Я кожей чувствовал, как напряженно ждут моего решения два человека: Геннадий Бурбулис и Руслан Хасбулатов.

Но ни один из них меня не устраивал. Что греха таить, я опасался чисто иррациональной антипатии народа. Меня не устраивал невыигрышный имидж обоих. Ну и самое главное: я чувствовал, что резко нарушу тем самым какое-то силовое равновесие в своей команде, одним махом решу их (тогда еще) подспудное соперничество и именно сейчас, когда это так не ко времени, наживу себе нового врага!

Руцкой был выдвинут кандидатом на пост вице-президента за несколько часов до истечения официального срока подачи заявления в Центральную избирательную комиссию»[1].

---

[1] *Б. Ельцин*. Записки президента. Публикация в Интернете.

По общепринятой версии, кандидатуру Руцкого Ельцину назвали Людмила Пихоя и Геннадий Хорин, спичрайтеры Ельцина. Они писали шефу все речи. Собственно, они собирали идеи у всей команды, сводили все до кучи, анализировали справки, заметки, предложения, статьи в газетах и телерадиопередачи, выуживали что-либо мало-мальски интересное и предлагали Ельцину. Это были свои люди, свердловчане, преподаватели вузов — они и там еще были известны своим свободомыслием, в первые годы горбачевской перестройки, и Ельцин им вполне доверял. Как доверял и своему пресс-секретарю Павлу Вощанову, выходцу из «Комсомолки», и еще одному журналисту, который все время крутился вокруг него, — Валентину Юмашеву, тоже поработавшему в «Комсомольской правде».

Рано утром Людмила Пихоя и Геннадий Хорин примчались в кабинет Ельцина с идеей насчет Руцкого как вице-президента. Идея боссу понравилась. Во-первых, неожиданная фигура; во-вторых, привлекательный для дам и военных, боевой полковник, Герой Советского Союза, говорун — курский соловей, одним словом — гусар. И еще неожиданный шанс — углубить раскол в монолитной полозковской фракции. Ведь Руцкой уже создал группку «Коммунисты за демократию», значит, у него есть сторонники и среди избирателей.

Этой же версии придерживается и А. Хинштейн:

«Ельцин долго метался, не решаясь остановить выбор на комто из верных соратников. Варианты рассматривались самые разные: Собчак, Попов. «Серый кардинал» Бурбулис — и вовсе без лишней скромности предлагал сам себя.

Велись переговоры с Вадимом Бакатиным — Горбачев выдвигал его, дабы оторвать у демократов часть голосов — но тот вежливо отказался.

Наступил уже заключительный день регистрации, а Ельцин все не мог определиться. Тут-то его спичрайтер (или, говоря попростому, литературный негр) Людмила Пихоя и предложила кандидатуру Руцкого. Он, дескать, красивый, видный, усатый; опять же — форма к лицу. Все бабы и коммунисты — наши (в Верховном Совете Руцкой образовал группу «Коммунисты за демократию»). И Ельцин, на свою голову, согласился. («Идея сразу понравилась мне своей полной неожиданностью», пишет он в «Записках президента».)»[1]

Как-то уж все очень просто разрешилось? Столько времени «метался» не мог решиться с выбором кандидата в вице-прези-

[1] *А. Хинштейн*. Ельцин. Кремль. История болезни. М.: «Олма Медиа Групп», 2008. С. 227.

денты среди своих самых преданных соратников и вдруг! Подходит к нему Людмила Пихоя буквально за несколько часов до окончания регистрации и предлагает практически неизвестного ему человека и он хватается за это предложение, как утопающий за соломинку. Что-то здесь не так, слабоваты больно аргументы А. Хинштейна типа: «…все бабы будут наши», или «…в тандеме с Ельциным мог выступать кто угодно, хоть черт в ступе. При ельцинской популярности, максимум, на что способен был его напарник — добавить каких-нибудь пару процентов голосов». И тут же мораль в отношении «высокой» политики:

«…для того, чтобы стать вице-президентом огромной страны — фактически вторым человеком в государстве — не нужно ни способностей, ни особых талантов. Пышные усы да красивый мундир: вот и все слагаемые успеха.

Похоже, Борис Николаевич, как и большинство не служивших в армии мужчин, питал патологическую страсть к военной форме»[1].

Не так уж прост был Ельцин, чтобы эти аргументы сыграли решающую роль при принятии окончательного решения, было что-то еще? Разгадку находим в книге Анны Гранатовой, которая глубоко изучила тонкости взаимоотношений между членами семьи Ельциных. Мы уже не раз приводили примеры того, как «политтехнолог от природы» — Наина Иосифовна ненавязчиво давала советы мужу в те самые моменты, когда перед ним стояла проблема выбора. И Борис Николаевич, конечно не сразу, конечно покуражившись над наивными («наининами») советами жены, хорошенько подумав, принимал эти советы, выдавая их уже за свои собственные «находки». Так было и на этот раз. Наина Иосифовна видела, как мучительно искал ее муж выход из создавшегося тупикового положения. Она своим нутром уловила, какого рода имидж нужен для политической победы:

«Образ ее мужа-ледокола — было бы не плохо уравновесить имиджем человека, несущего в себе элемент стабильности, защиты. К примеру, подойдет образ бравого военного, желательно реального участника конфликтов в горячих точках... Таких людей в народе считают честными, справедливыми и очаровывающими избирателей чувством безопасности.

И вот однажды за завтраком, Наина Иосифовна, подавая мужу крепкий чай и свежие творожники со сметаной, ненавязчиво спросила:

— Боря, а какие у тебя отношения с Руцким?

---

[1] Там же. С. 228.

Ельцин фыркнул:

— Да никаких!

В тот момент его взгляд был направлен на совсем другие кандидатуры.

— А почему это тебя интересует, Ная?!

— Мне кажется... Он хорошо сработал бы с тобой в паре...

Борис отломил ложкой подрумянившийся кусочек творожника, отправил в рот и запил крепким чаем.

— Ты думаешь? В самом деле?

Наина кивнула:

— Он ведь в Афганистане служил, был ранен... Народ таких любит — раз воевал, проливал кровь, значит, честный и смелый..

— Да... я слышал по поводу того, как его истребитель был обстрелян и упал на землю, загорелся... Руцкой из него чудом выбрался живым... — Ельцин старался говорить это равнодушным тоном...

— Он сам водит самолет, представляешь? Да не просто самолет — боевой истребитель! Женщины без ума от пилотов...

— Ты имеешь в виду нашу Ленку? — сыронизировал Ельцин.

— Да хоть бы Ленку! Она же нашла свое счастье с Валеркой Окуловым! Вот, вышла замуж за пилота — и жизнь у нее наладилась. Все голоса женщин на выборах будут твоими! Так что очень тебе советую — приглядись к Руцкому...

— Ох, тяжело это будет. Не в моем он вкусе.

— Боря! Речь идет о президентском кресле. Главное сейчас — победить, а там видно будет... Может, вам и не придется вместе работать... А может, наоборот... он окажется лучше, чем ты думаешь...»[1]

Зерно, брошенное за семейным чаепитием, упало на унавоженную почву. Как же он сам не додумался до столь простого решения? А ведь Ельцин любил такие решения, о чем, ничтоже сумняшеся, писал уже в своей третьей книге мемуаров «Президентский марафон»: «Я всегда был склонен к простым решениям. Всегда мне казалось, что разрубить гордиев узел легче, чем его распутывать». И он, уподобившись Александру Македонскому рубил эти самые «гордиевы узлы». Правда великий полководец древности проделал это единственный раз и всего-то с даром никому не нужным мотком веревки, а наш то «македонец» неоднократно «рубил» по собственной многострадальной стране:

«Вякнул против меня Дудаев? Не буду садиться с ним за стол переговоров, а сразу объявлю войну.

---

[1] *А. Гранатова.* Клан Ельциных. М.: «Алгоритм». 2008. С. 115—116.

Возомнил о себе Хасбулатов? Вперед, на разгон Верховного Совета.

Пытаются трепыхаться коммунисты? Значит, будем запрещать КПРФ и распускать Госдуму.»[1]

Так и в этом случае, подумав ночью над предложением Наины Иосифовны, он к утру уже принял решение о Руцком. А тут еще Людмила Пихоя под руку талдычит о том же. И вот оно готовое решение. Продолжим начатое выше цитирование Б. Ельцина:

«Руцкой был просто создан для избирательной кампании. Он как будто родился специально для того, чтобы быть запечатленным на глянцевых цветных плакатах, участвовать в телевизионных трансляциях, выступать перед большим скоплением народа. Внешность заслуженного артиста, боевой летчик — Герой Советского Союза, говорит резко и красиво. Одним словом — орел!.. Женщины средних лет будут просто млеть от восторга при виде такого вице-президента! А голоса армии!..

Не раз и не два я возвращался в памяти к этому эпизоду, осознавая горький урок: нельзя тянуться за красивой формой. Простая логика может оказаться обманчивой — в жизни ничего не бывает просто. За всякое слишком простое решение потом приходится дорого платить.

Лишь много месяцев спустя я осознал, что Руцкой никогда не был мне близок и чисто психологически, что называется, по душе, но тяжесть от общения с ним сказалась потом, когда исправлять ошибки было уже поздно.

Наша психологическая несовместимость проявлялась во многом, даже в мелочах. С Руцким мы не сошлись».

Александр Руцкой командовал полком штурмовой авиации в Афганистане. В 1986-м был сбит «стингером» и повредил позвоночник. Его отстранили от полетов, но он добился своего и вновь стал летать. В 1988-м вернулся в Афганистан заместителем командующего военно-воздушными силами 40-й армии. И вновь был сбит на границе с Пакистаном, где бомбил склады с боеприпасами моджахедов. Моджахеды передали его пакистанской разведке. Москва обменяла его на пакистанского разведчика. Президент Афганистана Наджибулла уверял потом, что за Руцкого заплатили большие деньги.

В тот день, когда Ельцин сделал свой выбор, Александр Владимирович Руцкой, председатель одного из комитетов Верховного Совета, как обычно, находился в Белом доме со своими по-

---

[1] *А. Хинштейн.* Ельцин. Кремль. История болезни. М.: «Олма Медиа Групп», 2008. С. 226.

мощниками. Неожиданно последовал звонок от Председателя Верховного Совета Ельцина, который пригласил зайти.

Руцкой вернулся только через два с лишним часа.

— А знаете, что он мне предложил? — торжествующе спросил он с порога. И, не дожидаясь ответа, выпалил: — Вице-президента!

— Ну и как?

— Я согласился, — важно сказал Руцкой. — Правда, я его предупредил, что китайским болванчиком не буду, что у меня есть свое мнение по многим вопросам, и я буду его отстаивать.

— Ну и что он?

— Он сказал, что такой человек ему и нужен. Но еще я сказал, — добавил Руцкой, — что, что бы ни случилось, я пойду с ним до конца. Ведь я офицер..[1].

Пройдет совсем немного времени, и Борис Ельцин, который станет президентом России, в какой-то степени благодаря выигрышному имиджу своего боевого «вице», идущему с ним в паре, повернется к Александру Руцкому спиной. Вначале он Руцкого будет «загонять в угол» заведомо невыполнимыми поручениями: неведением порядка в сельском хозяйстве и в вопросах коррупции высших эшелонов власти. К изумлению всех Руцкой не обиделся, даже не стушевался, а рьяно взялся за дело. Правда, как язвительно замечал Василий Селюнин, не стяжал себе славы генерал в агросражениях, ох, не стяжал. А все оттого, что при текучести натуры он был и пребывает дилетантом. Губернаторская деятельность Руцкого в Курске вполне подтвердила это наблюдение Селюнина. Но от губернаторского кабинета в Курске Руцкого отделяют еще несколько лет. Пока же, убедившись, что царь Борис его ни в грош не ставит, он занялся борьбой с коррупцией, сбором компромата на «безусых ефрейторов» и самозваных генералов власти. Собрал аж 11 чемоданов. В октябре 1993 года, когда Руцкой вместе с Хасбулатовым воспротивятся пресловутому ельцинскому указу № 1400 о роспуске парламента, Ельцин отдаст приказ палить из танковых пушек по Белому дому. Боевого генерала Руцкого, сумевшего остаться в живых на войне, выбравшегося из горящего, сбитого истребителя, политика, смело вскрывающего гнойники коррупции и сумевшего избежать жернов аппарата, — в тот холодный октябрьский день Борис Ельцин прикажет вывести словно вора, пойманного с поличным, из Белого дома под прицел снайперов... Но все это будет потом...

Драма А. Руцкого, как несостоявшегося вице-президента России, была предопределена двумя обстоятельствами. Во-первых,

---

[1] *Л. Млечин.* Борис Ельцин. Послесловие. М.: «Центрполиграф», 2007. С. 135.

он совершенно неожиданно попал в окружение Ельцина, которое уже давно сложилось, но среди членов которого были весьма непростые отношения. В частности, Геннадий Бурбулис, сам мечтавший заполучить этот пост, начал плести интриги вокруг Руцкого. Он полагал, что Руцкой займется армией и только. Но Руцкой считал себя заместителем Ельцина и пытался лезть во все дырки. Бурбулис провел ряд искусных интриг и отлучил «усатое голенище», как прозвали Руцкого в Кремле, от всякого участия в делах правительства и администрации Президента.

Во-вторых, совершенно не зная крутой характер президента, он с солдатской прямотой стал давать ему «советы» и рекомендации в том числе и личного плана. Так, А. Руцкой решил «поработать» над имиджем Ельцина:

«Борис Николаевич, где вы взяли эти ботинки? Вам нельзя носить такие ботинки! Вы же Президент! Так, завтра будем выбирать вам обувь!» И на следующий день Руцкой предложил Ельцину не одну, а пар шесть новенькой итальянской обуви. То же самое с костюмом: «Этот цвет вам не идет. Будем выбирать...»

Ельцин подобного панибратства не допускает. Даже любимая дочь Татьяна, когда особенно перестарается, получает по ушам. Однажды за вмешательство в его личные дела, дескать, галстук не тот надел, запретил дочери вообще появляться в Кремле, дал Коржакову команду лишить ее права пользования автомашиной.

А тут какой-то Руцкой лезет в душу. Словом, отношения не сложились с самого начала. Да еще Руцкой вздумал считать, что вице-президент — это не просто паж, кукла при Президенте, а его первый заместитель. Он выполняет разовые поручения, задания Президента. Никакой самостоятельной политической позиции он, по убеждению босса, занимать не должен.

Руцкой не желал принимать ситуацию, при которой несколько ключевых фигур в российском руководстве в звании ефрейторов или в лучшем случае капитанов играли в политике гораздо более весомую роль, чем он — боевой полковник, всенародно избранный вице-президент.

Придет время и уже А. Руцкой «сдаст» своего патрона, которому он клялся в верности своей офицерской честью. Так что в плане предательств своих приближенных или кумиров эти два человека, волею судьбы или случая оказавшиеся на вершине российского Олимпа, мало отличались друг от друга.

Вернемся однако к выборам Первого Президента России (ППР). Кто же был соперником Ельцина? Наиболее серьезным претендентом на звание ППР был земляк Б. Ельцина, бывший директор «Уралмаша» Николай Иванович Рыжков. Теперь это уже быв-

ший Председатель Совета Министров СССР, беспредельно преданный ранее генсеку Горбачеву, но тем не менее изгнанный им из своего окружения. Рыжков конечно фигура авторитетная, его рейтинг был особенно высок после трагического землетрясения в Армении. Он проявил себя там крупным организатором, но его все время затенял Горбачев, не давал самостоятельности, держал на вторых ролях. На выборах избиратели посчитали Рыжкова человеком Горбачева, которого уже большинство не воспринимало, и потому он, на наш взгляд, уступил Ельцину.

Еще одним соперником Б.Ельцина был уже прямой выдвиженец М.Горбачева — Вадим Бакатин. Ничем особым он не выделялся, но был почему-то любимчиком прессы. Но выдвижение это было чисто формальным. Сам Бакатин в ответ на вопрос корреспондента телевидения, за кого он лично отдаст голос, если станет ясно, что у него нет шансов, ответил:

— За Ельцина!

В гонке за президентский титул участвовали также Аман Тулеев, Альберт Макашов и Владимир Жириновский. Кстати, Владимир Вольфович вышел на третье место.

Что же предопределило победу Ельцина 12 июня 1991 года? Все, кроме, разумеется, самого Ельцина, считают, что главенствующую роль сыграло заступничество народа за гонимого, обиженного. Во-вторых, всем надоели затянувшиеся перепевы Горбачева, который все обещал и обещал близкий рай, но вольготно жила лишь его Раиса, а жизнь людей все ухудшалась. Избиратели голосовали не столько за Ельцина, сколько против Горбачева.

Правда, у Б.Н. на этот счет есть своя точка зрения. И в ней тоже есть своя правда.

Вот как он делится «своей правдой» в книге мемуаров «Записки президента»:

«Самым важным политическим мотивом этих выборов я считаю разделение ролей: Горбачев представлял собой Союз, империю, старую державу, а я — Россию, независимую республику, новую и даже пока еще не существующую страну. Появления этой страны все ждали с нетерпением.

Большая часть российского общества подошла к июню 91-го с ощущением финала советского периода истории. Само слово «советский» уже невозможно было произносить. Оно исчерпало свой ресурс. Во всем мире образ СССР был неразрывно связан с образом военной силы. «Советский человек» и «советский танк» — оба эти понятия находились в каком-то немыслимом, сложном, неразрывном единстве. Изменив в рамках своей глобальной стратегии наш образ в мировом сообществе, зачехлив пушки у наших тан-

ков, Горбачев продолжал твердить о социализме, о дружбе советских народов, о достижениях советского образа жизни, которые нужно развивать и обогащать, не понимая, что зашел в тупик.

Я пришел с идеей самого радикального освобождения от «советского» наследия — не просто путем различных реформ, а путем изменения державной, несущей, строительной функции России».

Лукавит, ох как лукавит Борис Николаевич. Ведь только в марте, три месяца назад, подавляющее большинство россиян, всех советских людей высказались за сохранение Советского Союза, а он твердит, что все «советское» изжило себя. Надо же дойти до такого цинизма!

На выборах 12 июня 1991 года (дата выбрана не случайно — год назад в этот же день была принята Декларация о суверенитете России) Ельцин собрал 57,35 процента голосов. 19 июля на торжественном заседании Верховного Совета РСФСР состоялась инаугурация Ельцина. Она проходила в Кремлевском дворце съездов.

Президентскую присягу Борис Николаевич произнес, положив руку на Конституцию РСФСР и Декларацию о государственном суверенитете России. Ельцин произносил присягу один. Вице-президент Александр Руцкой сидел в зале, тогда как в Соединенных Штатах американские вице-президенты стоят рядом с президентом. Но кто же принимал Руцкого в расчет? Эта ошибка потом дорого обойдется Ельцину и его окружению.

Интересно, о чем думал он, когда, положив руку на российскую Конституцию, произносил слова президентской клятвы?

Может быть, о том, что в этом же самом Кремле, каких-то четыре года назад, его принародно втаптывали в грязь, и даже сам он не верил, что когда-нибудь поднимется уже с колен?

Человек злопамятный и мстительный, он поименно помнил всех своих загонщиков и мучителей, но главный из них — корень его взлетов и падений стоял сейчас за спиной, переминаясь с ноги на ногу. И чем сильнее торжествовал Ельцин, тем кислее делалась мина у Горбачева, который специально, чтоб лишний раз насолить, демонстративно опоздал даже на инаугурацию.

Народный депутат СССР Рой Медведев, присутствовавший на этой церемонии, писал:

«Всем нам… была очевидна разница в настроениях двух этих лидеров. Ельцин был на вершине успеха, и он торжествовал… Горбачев был удручен»[1].

---

[1] Цит. по: *А. Хинштейн*. Ельцин. Кремль. История болезни. М.: «Олма Медиа Групп», 2008. С. 229.

Ему было от чего загрустить. Свою работу на новом поприще первый в истории российский Президент начал с того, что продолжил отъем былого могущества у союзной власти.

Сразу после вступления в должность, Ельцин выпускает указ о департизации предприятий и госучреждений. Шаг этот был тщательно продуман. Бывший секретарь горкома Ельцин отлично понимал, что без партячеек КПСС обречена на умирание; это все равно, что лишить мозг связи с мышцами.

Ельцина благословил Патриарх Московский и всея Руси Алексий II. Он сказал:

— Вы принимаете на себя огромную ответственность, вы берете на себя не честь и славу, а берете огромный подвиг и крест, ответственность перед Богом, перед историей и перед народом, который вас избрал.

По православным канонам, когда патриарх его благословлял, Борис Николаевич должен был поцеловать благословляющую его руку, но не решился или не захотел. Ельцин выглядел внушительно — высокий, широкоплечий, седовласый. Отец нации. Поздравлявший его союзный президент Горбачев выглядел неуверенным и неловким.

Невиданная в нашей стране церемония произвела впечатление. Инаугурация сопровождалась хоровым исполнением «Славься» из оперы Глинки «Жизнь за царя». Отныне в Москве стало сразу два Президента.

4.3. Новоогаревский процесс — прямой путь к августовскому мятежу

Это не конец и даже не начало конца.
Но это конец начала.

Уинстон Черчилль

После избрания Б. Ельцина Президентом Российской Федерации резко изменились в худшую сторону взаимоотношения двух президентов, их противостояние достигло точки кипения. Ельцина «угнетало» то, что он, — всенародно признанный Президент, вынужден пребывать в Белом доме, в то время как «назначенный» парламентом страны Президент Горбачев восседал в Кремле. Занять свое «законное» место в Кремле — вот что стало голубой мечтой Ельцина, но, как известно, «Боливар двоих не вынесет», и двум медведям в одной берлоге не ужиться. Выход был один, чтобы избавиться от Горбачева, нужно было избавиться от

государства, которое он возглавлял. Глобальный поход на СССР Ельцин начал сразу же после принятия Декларации о государственном суверенитете Российской Федерации, послужившей сильнейшим импульсом для генерации центробежных настроений у руководителей союзных, а также и автономных республик.

Председатель Совета Республики Верховного Совета РСФСР В.Б. Исаков вспоминает:

«Съезд шел к концу (1-й съезд народных депутатов РСФСР, принявший Декларацию, завершил свою работу 22 июня 1990 года. — *А.К.*). В один из последних дней меня вновь вызвал Ельцин и вручил несколько густо написанных листков: «Вот написал ночью. Надо успеть принять». Это был написанный лично им проект постановления «О разграничении функций управления организациями на территории РСФСР». С трудом разбирая ломаный почерк, я переписал проект на машинке, исправив в нем неточности терминологии и явные погрешности стиля.

С первого взгляда было видно, что проект носит конфронтационный характер. Совет Министров РСФСР выводился из подчинения союзного правительства и передавался в ведение Съезда народных депутатов и Верховного Совета РСФСР. Тем самым рушилась единая вертикаль исполнительной власти. В юрисдикции Союза ССР оставлялись лишь девять министерств и ведомств — все остальные переводились в ведение России. МВД РСФСР подчинялось Совету Министров РСФСР. Учреждались российская банковская и таможенная системы. Совету Министров РСФСР предлагалось заключить прямые договоры с союзными республиками и иностранными государствами, оформить в договорном порядке с правительством СССР отношения по управлению союзной собственностью, осуществлению функций союзных ведомств на территории РСФСР...

Куда ведет этот шаг?.. Подзаголовок постановления — «Основа нового Союзного договора» — успокаивал...

Постановление было вынесено на голосование в последний день работы... Уставшие от заседаний депутаты поверили на слово: все будет нормально»[1].

Этой запиской, написанной корявым почерком, по существу, началась планомерная работа Ельцина по развалу Советского Союза, а фарисейская ссылка на то, что эти предложения составляют «Основу нового Союзного договора» есть глумливое

---

[1] Цит. по: Сборник: Союз можно было сохранить. Белая книга. Документы и факты о политике М.С. Горбачева по реформированию и сохранению многонационального государства (далее: Сборник. Белая книга). М.: «АСТ». 2007. С. 160.

прикрытие коварного замысла, убедившего сначала В. Исакова, а затем и народы России, что мол Ельцин выступал за подписание нового Союзного договора — основы для сохранения великой имперской державы.

Вслед за Россией началась стремительная «суверенизация» Союзных республик, а также автономных образований в составе Союзных республик и даже отдельных областей и неконституционных национальных анклавов:

— 20 июня 1990 года Декларацию о суверенитете Узбекской ССР принял Верховный Совет Узбекистана;

— 23 июня Верховный Совет Молдавии принял Декларацию «О государственном суверенитете ССР Молдова»;

— 16 июля Верховный Совет Украинской ССР принял Декларацию о государственном суверенитете Украины;

— 20 июля Верховный Совет Северо-Осетинской АССР принял Декларацию о государственном суверенитете республики;

— 27 июля Верховный Совет Белоруссии принял Декларацию о государственном суверенитете Белорусской ССР;

— 22 августа Туркмения приняла Декларацию о государственном суверенитете Туркменской ССР;

— 23 августа Верховный Совет Армянской ССР принял Декларацию о независимости Армении;

— 24 августа Верховный Совет Таджикистана принял Декларацию о государственном суверенитете Таджикской ССР.

В августе 1990 года начался лавинообразный процесс провозглашения суверенитетов автономных образований в составе России и других союзных республик, а также отдельных регионов России. На местах принимаются решения об изменении (повышении) статуса автономных образований. Провозглашаются новые национально-государственные образования.

Принята Декларация о государственном суверенитете Карельской АССР, провозглашен государственный суверенитет Коми ССР, Татарской ССР. На юге Молдавии провозглашена Гагаузская Республика в составе Союза. Принятая Абхазией Декларация о суверенитете признана неправомочной Президиумом Верховного Совета Грузии.

В сентябре 1990 года «парад суверенитетов» продолжается. Провозглашены государственные суверенитеты Удмуртской Республики и Якутской — Саха ССР. Принята Декларация о создании Приднепровской Молдавской Советской Социалистической Республики. Провозглашен суверенитет Автономной демократической Республики Южная Осетия. Верховный Совет Грузии аннулировал это решение. Чукотский автономный округ объявил о своем суверенитете и статусе автономной республики.

При обсуждении вопроса о подходах к разработке нового Союзного договора на сессии ВС СССР 25 сентября 1990 года М.С. Горбачев заявил:

«Я — за Союз суверенных государств, обновленный союз, где бы все чувствовали себя хорошо, все народы, каждая нация реализовали свой интеллектуальный потенциал, все, что заложено в народе. Каждый народ по-своему уникален и велик. И я рассматриваю Союз суверенных государств как единое многонациональное государство»[1].

Сессия приняла постановление «О ходе консультаций и разработке концепции нового Союзного договора», в котором поддерживалось предложение Президента СССР о создании подготовительного комитета по разработке нового Союзного договора.

Итак, сделан ответный ход Горбачевым на пути развала Советского Союза. Вместо того, чтобы предпринимать хотя бы какие-то шаги по предупреждению «парада суверенитетов» (грубые действия Грузии по отмене Деклараций о суверенитете своих автономий — не в счет, хотя это уже какие-то шаги по сохранению целостности республики), он приглашает все бывшие и вновь провозглашенные суверенные государственные образования к столу переговоров для подписания нового Союзного договора. Это было с его стороны грубой политической ошибкой. Во-первых, это был шаг в сторону нарушения действующей Конституции СССР, в которой не был предусмотрен такой вариант событий, когда автономные образования, самостоятельно повысив свой статус, на равных с государствами-учредителями СССР по договору 1922 года и государствами, присоединившимися впоследствии к этому Договору, приглашались де факто к денонсированию Договора. Во-вторых, подписание «обновленного» Союзного договора задним числом узаконит де факто состоявшийся выход из состава Советского Союза шести из пятнадцати Союзных республик, не принявших участие в общесоюзном референдуме, состоявшемся 17 марта 1990 года (три прибалтийских республики, Молдавия, Грузия и Армения).

В это же время Б. Ельцин на встрече с руководством «суверенных» государств и общественностью ведет активную подрывную работу, которая, с одной стороны, способствует центробежным устремлениям прибалтов, а, с другой стороны, укрепляет веру руководства российских автономий в провозглашенный ими суверенитет, хотя это уже мина замедленного действия под единство самой России.

---

[1] «Правда», 1990, 26 сентября.

На встрече с депутатами Верховного Совета Латвийской Республики он заявляет: «…Мы считаем, что надо идти к развитию горизонтальных связей. Надо разрушать этот вертикальный жесткий стержень. Разрушить — и идти на прямые связи добровольных, суверенных, независимых государств, на договоры, которые не диктовались бы из Центра». — И относительно участия России в Союзном договоре — «Россия, возможно, будет участвовать в Союзном договоре. Но, мне кажется, на таких условиях, на которые Центр или не пойдет, или, по крайней мере, очень долго не пойдет. Поскольку проект, который подготовил Центр, мы считаем, не может удовлетворить Россию, а наверное, и другие суверенные государства» — далее он заверил слушателей, что заключив «горизонтальные» договоры с прибалтийскими республиками, Россия укрепит их силы в противостоянии с Центром, — «И тогда наш фронт, тот фронт, как бы обороны трех прибалтийских республик, был все-таки маловат, и напор Центр был велик. И стала рядом Россия. И Центр уже серьезно забеспокоился. Ему сейчас наступать будет трудно на эту укрепленную цепь обороны»[1].

В августе Б. Ельцин совершил поездку по Татарии, Башкирии и Приморскому краю. Побывал в Воркуте, Сыктывкаре, Свердловске, Кузбассе, на Сахалине и Камчатке. Будучи в Татарии, он так ответил на вопрос о своем отношении к объявленному государственному суверенитету республики: «Вполне нормально. Повторю еще раз, что говорил на Съезде народных депутатов при избрании (Президентом России. — *А.К.*): формирование доли власти должно идти снизу вверх — от города к республике. Какую самостоятельность изберет для себя Татария, ту мы и будем приветствовать»[2].

На встрече с общественностью города Уфы он заявил: «…Мы говорим башкирскому народу, народам Башкирии: возьмите ту долю власти, которую сами сможете проглотить. И мы согласимся с этой долей, с этим решением…мы просим вас, уважаемые граждане Башкирии, дать нам кредит доверия. Два года на стабилизацию, третий год — на повышение жизненного уровня»[3].

Будучи в Республике Коми, Ельцин заявил: «…Учитывая, что мы от союзной структуры отказываемся, от всех министров союзных отказываемся, все на себя берем, в России не будет этой бюрократии…»[4]

Между тем «парад суверенитетов» продолжался...

---

[1] Цит. по: Белая книга. М.: «АСТ», 2007. С. 163—164.

[2] Там же. С. 164—165.

[3] Там же. С. 166.

[4] Там же.

— 25 октября Верховный Совет Казахской ССР принял Декларацию о государственном суверенитете республики;

— 31 октября Верховный Совет РСФСР принял Закон «Об обеспечении экономической основы суверенитета РСФСР», объявленный затем союзными властями недействительным.

В октябре Верховными Советами автономных республик приняты Декларации о государственном суверенитете с повышением государственного статуса Башкирской ССР, Бурятской ССР, Калмыцкой ССР, Марийской ССР (Марий-Эл), Чувашской ССР. Приняты Декларации о суверенитете и статусе автономной республики Адыгея, Декларации о суверенитете и статусе автономной республики Корякского автономного округа, Декларация суверенитете и статусе автономной республики области Коми-Пермяцкого автономного округа, Декларация о суверенитете и статусе автономной республики Ямало-Ненецкого автономного округа, Декларация о суверенитете и статусе автономной республики Горно-Алтайского автономного округа, Декларация о суверенитете Иркутского региона. Наконец, 15 декабря Верховный Совет Республики Кыргызстан принял Декларация о суверенитете республики. Таким образом, к началу 1991 года практически все автономные образования России объявили о своем суверенитете и в одностороннем порядке повысил свой государственный статус:

— автономные республики до уровня Союзных республик;

— автономные области до уровня автономных республик;

— автономные округа до уровня автономных республик или автономных областей.

Не объявляла о государственном суверенитете и не меняла своего статуса пожалуй только Еврейская автономная область в составе Хабаровского края (ходила шутка — из-за отсутствия в области представителей «титульной» нации).

16 октября по телевидению было передано резкое, конфронтационное выступление Б. Ельцина, которое по своей сути и формату было ультиматумом с объявлением войны Центру под предлогом непринятия им российской экономической программы перехода к рынку — «500 дней». Позже, в своих мемуарах «Записки президента», Б. Ельцин писал:

«Приближался мартовский референдум 91-го, со страшной силой прогремели события в Прибалтике. Общество бурлило.

Каждый день телекомментаторы запугивали народ развалом Союза, гражданской войной. Нашу позицию представляли как чисто деструктивную, разрушительную. Пугать гражданской войной — это просто. По-моему, многие уже всерьез ждали ее. И тут у меня и созрела эта мысль. Вы боитесь Ельцина? Ну так получите того Ельцина, которого боитесь!

«Стало совершенно очевидным, — сказал я телезрителям, — что, сохраняя слово «перестройка», Горбачев хочет не перестраиваться по существу, а сохранить систему, сохранить жесткую централизованную власть, не дать самостоятельности республикам, а России прежде всего... Я отмежевываюсь от позиции и политики президента, выступаю за его немедленную отставку...»

Вот что писали газеты мира после моего выступления: «Уход Горбачева в отставку вряд ли откроет путь к демократии» («Берлинер цайтунг»). «Решение Ельцина пойти в открытую атаку отражает скорее его слабость, чем силу» («Крисчен сайенс монитор»). «Иностранные дипломаты считают, что Горбачев остается самой подходящей кандидатурой, если не с точки зрения прогресса, то, во всяком случае, предотвращения там хаоса. Ельцин остается неизвестной величиной и может привести к анархии» («Таймс»). «Необходимо помнить следующее: не располагающий опытом деятельности демократических институтов, Советский Союз может стремительно погрузиться в состояние кровопролития, голода, холода, анархии, если позиции Горбачева и нынешнего правительства, сколь бы слабыми они ни были, окажутся подорваны. Стремление Горбачева предотвратить развал СССР осуществимо лишь в случае сохранения политических реформ и определенного улучшения экономического положения. По мере своих возможностей США и другие страны Запада должны помочь Горбачеву в осуществлении этих целей — «Нью-Йорк дейли ньюс».»

На следующий день после выступления Б. Ельцина по телевидению Президентский совет осудил его заявление как антиконституционное и провокационное. Наиболее резко высказались в адрес Б. Ельцина Н. Рыжков и А. Лукьянов. Н. Рыжков, в частности сказал:

«У Ельцина одно на уме — рваться к власти. Во что бы то ни стало. Добиваться вот этого места! (Указывает на Горбачева.) Никакого согласия с Ельциным быть не может. Ельцин — разрушитель. Ваш (Горбачева) компромисс с Ельциным вам ничего не добавил. Он вышел вам боком. Но если пойдем «в лоб» — проиграем. «Пришел царь. Он нас спасет!» — вот как, по сути, СМИ и оппозиция представляют Ельцина стране. А страна становится неуправляемой. Она на грани развала. Мы можем остаться у власти в пределах Кремля, Садового кольца. И только. Государственная система разрушена? Нужно показать власть! Снимать и снимать тех, кто ее подрывает, кто не выполняет ее решений. Иначе дождемся того, что нас в лучшем случае расстреляют, в худшем — повесят на фонарных столбах? Может, пойти на создание коалиционного правительства, — но не с Ельциным!

...В Верховном Совете нет у нас парламентского большинства. Люди, особенно на заводах, просто озверели. Надо обратиться к народу, но не с разъяснениями, а выдвинуть четкие, чрезвычайные предложения.

В отношении телевидения надо принять меры... Противно смотреть, с каким придыханием дикторша произносит имя Ельцина! Убрать половину людей с телевидения! И из газет повыгонять всех этих!..»

После этих слов, буквально выкрикнутых расходившемся в своем гневе Рыжковым, член Президентского совета академик С. Шаталин с места выкрикнул: «Я против всего этого!» вскоре он покинет команду М.С. Горбачева и переметнется в стан «демократов».

Более рассудительный и умеющий сдерживать свои эмоции А. Лукьянов заявил: «То, что он выступил, — хорошо. Карты выложены на стол. Парадокс Ельцина — он пришел к власти, но остался в оппозиции. Есть ли еще место для компромисса с ним и для компромисса вообще? Нет. Надо сегодня дать ответ, пока не подняли волну митингов. Средства информации нам уже не принадлежат.

За что критиковать Ельцина? Во-первых, он пытается призвать к неконституционным действиям. Во-вторых, не увидев программы (заключения обновленного Союзного договора. — *А.К.*), уже наносит удар по ней, компрометирует ее (не пройдет и года, как А. Лукьянов окажется среди активных сторонников ГКЧП, выступивших против подписания Союзного договора. — *А.К.*). В-третьих, снимает с себя ответственность в расчете на то, что Президент провалится и они возьмут власть. В-четвертых, держит курс на развал Союза. Фактически предъявил нам ультиматум».

Наивный Анатолий Иванович! Развертывая работу по подготовке проекта нового Союзного договора, команда Горбачева также поступала и антиконституционно и вопреки мнению народа, выступившего за сохранение СССР. Зачем нужно было проводить референдум, если к мнению народа горбачевская команда и Вы, уважаемый Анатолий Иванович, в том числе, не прислушались, проигнорировали его результаты. Разве не ясно было, что «отложившиеся» шесть союзных республик, проигнорировавшие участие своих граждан в референдуме, это грозный сигнал о том, что Союз и без того трещит по швам. Нужно было принимать срочные меры, чтобы сохранить то, что осталось после референдума (9+1, как это потом чисто арифметически оценивали «горбачевцы»), а не будировать подписание документа представителями сорока с лишним Суверенных Советских республик (даже аббревиатуру СССР сохраняем, гордился своим «открытием» Гор-

бачев). Потом, правда, слово «советских» незаметно испарилось и осталось ССР (Союз Суверенных Республик) — как в детской считалочке: «А» — упало, «Б» — пропало, — а потом ССР трансформировалась в ССГ (Союз Суверенных Государств) — все это далеко не детские игры!

Между тем «угрозы» в адрес «разрушителя Союза» Б. Ельцина со стороны команды Горбачева сыпались как из рога изобилия.

Бакатин: «Это выступление Ельцина — подстрекательство к мятежу, антисоветская позиция… Уход от позитивных предложений и решений, попытка снять с себя ответственность. Но не надо слишком резко реагировать на этот выпад. Надо разложить Ельцина через средства массовой информации».

Медведев: «Ельцин не верит в успех программы и пытается перевалить ответственность на Центр. Расчет на то, чтобы выбить руководство из колеи. Идти на конфронтацию — значит потерпеть поражение. Но отвечать на провокации надо, призывая к согласию, к политическим методам».

Болдин: «Надо расстаться с иллюзиями в отношении Ельцина. Он никогда не будет работать вместе с нами. Человек не вполне здоровый и видит себя только в конфронтации. Медведев строит свою позицию на том, как лучше сдаться. А нужна твердость, прежде всего закрепление власти. Если будет допущено, что Верховный Совет России будет ратифицировать союзные законы и указы, — тогда нам лучше уйти…»

Что-то более конструктивное внес известный писатель Валентин Распутин: «Хорошо, что Ельцин выступил и собрал нас тем самым. Он бросил перчатку. Популярность Ельцина преувеличена средствами массовой информации. Но Центр безынициативен. Мы не принимаем нужных мер. 90% прессы нам не принадлежит, а мы миримся… надо сказать народу всю правду, в том числе о травле Президента и правительства. Принять Обращение Верховного Совета к народу. Мы преувеличиваем свои потери. Призвать народ выйти на улицы 7 ноября».

Критических слов в адрес Б. Ельцина было сказано не мало, но каких-либо решительных действий по предотвращению «разбегания» союзных республик от Центра о стороны Горбачева не предпринималось.

Как будто какая-то невидимая рука рулила нашим «перестроечным» правительством. Мол, что бы там народ ни говорил, мы все равно все сделаем по своему. Так, как мы уже решили. А решили мы, что дни Союза сочтены. Вместо единого монолита, объединенного армией, границами, национальной валютой, будет феодальное сообщество местных князьков, которым для повышения статуса можно дать, звания президентов.

Было очевидно, что за проект Союзного договора Горбачев ухватился во многом ради создания видимости серьезной работы. Его перестройка пробуксовывала, уровень жизни населения падал, товарный дефицит усиливался, там и сям шли взрывы национальных волнений...

И вот, дабы оправдать свое пребывание на посту главы страны, Горбачев затеял яркую игру в Союзный договор.

Но по собственной ли воле или ему проект этого договора кем-то был подсказан? Какова была степень воздействия заокеанских «агентов влияния» на последнего Генсека Союза? В чем это выражалось?

Безусловно это не был собственным «изобретением» Горбачева. Над проектом развала Советского Союза в поте лица трудились многочисленные спецслужбы США, а доказательством этого факта служили регулярные «отчеты» о проделанной работе перед президентом США Дж. Бушем.

Приведем для примера содержание телефонного разговора М.С. Горбачева с Дж. Бушем, состоявшегося 1 января 1991 года. Время 16:00—16:40.

«Буш. Мне, конечно, интересно знать, как у вас дела, что происходит.

Горбачев. Кроме тех рыночных процессов, которые мы привели в движение, пришлось пойти на экстраординарные меры для сохранения хозяйственных связей. Так что процессы противоречивые... Завтра я буду вести заседание Совета Федерации, представлю кандидатов на пост нового премьер-министра и его заместителей. Мы также обсудим вопрос о продолжении работы над Союзным договором — как ускорить эту работу. Есть у нас серьезные проблемы в Прибалтике, особенно в Литве, а также в Грузии, Нагорном Карабахе. Я стремлюсь делать все, чтобы избежать крутых поворотов. Но это нелегко.

Буш. Меня беспокоят и даже мучают ваши внутренние проблемы... Как человек посторонний, могу лишь сказать, что если вы сможете избежать применения силы, то это будет хорошо для ваших отношений с нами, да и не только с нами...

Горбачев. Именно к этому мы стремимся. И вмешиваемся мы только в том случае, если прольется кровь или возникнут такие беспорядки, которые поставят под угрозу не только нашу Конституцию, по и жизни людей. Сейчас на меня и на Верховный Совет оказывается колоссальное давление в пользу введения в Литве президентского правления. Я пока держусь, но, откровенно говоря, Верховный Совет Литвы и Ландсбергис, похоже, не способны на какое-то конструктивное встречное движение... Ситуа-

ция и сегодня развивается неблагоприятно. В Литве забастовки, нарастают трудности... Я постараюсь исчерпать все возможности политического решения, лишь в случае очень серьезной угрозы пойду на какие-то крутые шаги.

Буш. ...Я ценю ваши разъяснения.

Горбачев. Мы будем действовать ответственно, но не все зависит от нас. Сегодня там уже стреляли... Я сделаю все, чтобы развитие событий не сопровождалось крайностями. Но естественно, если возникнет серьезная угроза, определенные шаги станут необходимыми»[1].

Получив молчаливое согласие Дж. Буша, Горбачев прилагает максимум усилий для форсирования работы над Союзным договором, проект концепции которого 18—19 октября направляется в Верховные Советы СССР и союзных республик. На четвертом Съезде народных депутатов СССР, проходившем с 17 по 27 декабря 1990 года, был обсужден вопрос об общей концепции нового Союзного договора и порядке его заключения и принято соответствующее Постановление съезда народных депутатов СССР:

««Об общей концепции нового Союзного Договора и порядке его заключения»

1. Съезд народных депутатов СССР, исходя из исторической общности народов, веками складывавшихся между ними связей, высказывается за сохранение целостности страны и ее названия — Союз Советских Социалистических Республик, за преобразование нашего многонационального государства в добровольный равноправный союз суверенных республик — демократическое федеративное государство ..

2. Признать целесообразным, чтобы организацию дальнейшей работы над проектом нового Союзного Договора, определение порядка его заключения осуществлял Подготовительный комитет в составе высших должностных лиц субъектов федерации — республик и автономных образований, Президента СССР, Председателя Верховного Совета СССР и Председателя Совета Национальностей Верховного Совета СССР. При разработке текста проекта основываться на представленной Съезду общей концепции, а также концепциях, имеющихся у субъектов федерации, с учетом предложений и замечаний, высказанных народными депутатами СССР и общественностью.

Рекомендовать Подготовительному комитету приступить к работе в январе 1991 года.

3. Поручить Верховному Совету СССР и Президенту СССР совместно с высшими органами государственной власти республик

---

[1] Цит. по: Белая книга. М.: «АСТ», 2007. С. 196—197.

незамедлительно определить меры по обеспечению нормального функционирования всех звеньев системы государственных органов в период до заключения нового Союзного Договора. В первоочередном порядке согласовать разграничение полномочий между Союзом и субъектами федерации, между Союзом и каждым субъектом федерации в отдельности.

Съезд подчеркивает, что главным условием достижения согласия является соблюдение до подписания нового Союзного Договора всеми государственными органами действующих Конституции СССР и союзных законов, недопущения принятия решений, ущемляющих суверенные права и законные интересы субъектов федерации.

4. Съезд народных депутатов СССР, рассматривая заключение нового Союзного Договора как важнейший фактор нормализации обстановки в стране, консолидации общества, обращается к представительным органам государственной власти субъектов федерации с призывом обеспечить подготовку и заключение Союзного Договора. Съезд выражает надежду, что в этот исторический момент все граждане, политические партии, общественные движения проявят высокую активность, гражданскую ответственность за судьбу страны, будущее наших народов».

Последний день работы съезда протекал весьма драматично, отмечает в своем дневнике В.А. Медведев:

«Началось с выступления министра финансов Павлова о разногласиях, возникших в ходе подготовки экономического соглашения между республиками на 1991 год. Многие вопросы согласованы, но по бюджетным делам Россия заняла непримиримую позицию, сократив на 100 млрд рублей в свою пользу поступления средств в союзный бюджет. Эта позиция подтверждена решением Российского Верховного Совета. По сути дела, речь идет о том, будет ли вообще союзный бюджет или нет. Если в России 100 процентов налога с оборота будет направляться в ее бюджет, то, конечно же, так поступят и все остальные республики. Это ставит под угрозу само существование Союза»[1].

Вскоре Валентин Палов будет назначен Премьер-министром правительства СССР в связи с тем, что в период работы съезда 25 декабря на встрече с членами Президиума Правительства у Н.И. Рыжкова случиться инфаркт миокарда. В. Павлову суждено было стать последним главой Правительства СССР. Пробыв на этой должности менее года, ему пришлось сменить кресло Премьер-министра на камеру в Лефортовской тюрьме.

---

[1] Цит. по: Белая книга. М.: «АСТ», 2007. С. 195.

Интересно отметить, что после эмоционального выступления В. Павлова на Съезде, Председатель КГБ СССР В.А. Крючков дал указание своим подчиненным генералам В.И. Жижкину (заместитель начальника ПГУ КГБ СССР) и А.Г. Егорову (помощник первого заместителя Председателя КГБ СССР В.Ф. Грушко) проработать вопросы, связанные с возможностью введения в стране чрезвычайного положения.

В начале апреля 1991 года на заседании Совета безопасности при обсуждении политической ситуации в стране и предложения оппозиции по «круглому столу» было принято решение о начале конкретной работы по разработке проекта нового Союзного договора. Срочно была сформирована группа специалистов под руководством вице-президента Академии наук СССР академика В.Н. Кудрявцева. Заместителями его были два представителя президента — бывший первый секретарь Киевского обкома партии Г.И. Ревенко и Г.Х. Шахназаров. Работа предстояла длительная и кропотливая. К участию в ней приглашались экономисты, юристы, политологи из разных республик. Представленный на рассмотрение группе разработчиков первоначальный вариант проекта Договора нуждался в политической проработке на высшем уровне. Возникала потребность обсудить проект с первыми руководителями союзных и автономных республик и высказать принципиальные замечания. М.С. Горбачев решил собрать всех в одной из своих загородных резиденций.

Выбор пал на Ново-Огарево. Что собой представляла эта резиденция и почему именно ее выбрал Горбачев?

Ново-Огарево расположено в 35 километрах от Москвы. Это огромная старинная усадьба размещенная в сосновом бору на высоком берегу Москвы-реки. Некогда часть ее принадлежала российскому промышленнику и имела несколько великолепных строений. В глубине ее расположен особняк старой каменной постройки в готическом стиле. После революции здесь жили руководители партии и государства. Работники службы безопасности рассказывали, что когда-то это была дача Ворошилова, затем Хрущева, Черненко. В последние годы ее использовал М. С. Горбачев для «личных домашних» встреч с Р. Рейганом и другими политическими деятелями стран Запада. Ближе к Успенскому шоссе размещается двухэтажный дом приемов, всего с одним кабинетом и спальней, с несколькими обеденными залами. На крытых и утепленных верандах также стоят огромные столы, где можно разместить 70—80 гостей. В этом доме приемов, в зале второго этажа, и было решено проводить заседания Совета Федерации по доработке проекта нового Союзного договора.

Добираться до резиденции было неудобно. Глав республик привозили на автобусах, как экскурсантов, а потом так же отправляли в Москву. Но были и свои преимущества. Прежде всего, подготовка такого рода документов носила затяжной характер и часто заседания заканчивались далеко за полночь и желающие могли там переночевать. Во-вторых, Ново-Огарево, по мнению организаторов, могло бы войти в историю и стать символом нового мышления, демократического подхода к формированию иного сообщества на осколках прежней империи. Новоогаревский документ, будь он принятым, должен был напоминать кэмпдэвидское соглашение, которое вошло в историю мирового сообщества. В-третьих, дом приемов хотя и был не совсем удобен для заседаний, но располагал всем необходимым для их обеспечения, включая хорошую кухню, и многие наиболее сложные вопросы находили продвижение за обеденным столом. И, наконец, в-четвертых, Ново-Огарево располагалось недалеко от резиденции президента СССР, что, было не так существенно, но все-таки позволяло ему быстро добираться «туда и обратно». Возможно, были и другие причины для загородной работы над проектом.

Так было положено начало Новоогаревскому процессу, который впоследствии журналисты окрестили в «новоогаревские посиделки», чем подчеркивалась не только бесплодность этого мероприятия, но и пагубность для судеб страны. Новоогаревский процесс действительно оставил заметный след и не только в отечественной истории. Он стал символом капитуляции центральной власти, развала государственности великой державы, символом разгорания межнациональных конфликтов, увековечив имя архитектора этого процесса — М.С. Горбачева. Новоогаревский процесс явился своего рода спусковым крючком для последующих трагических необратимых процессов для судеб страны, таких как августовский мятеж (путч) и беловежские соглашения.

Юридическим оправданием Новоогаревских посиделок должен был стать новый Союзный договор, регулирующий взаимоотношения бывших союзных и автономных республик, необходимость подготовки которого не вызывалась ни политическими, ни тем более экономическими обстоятельствами. Напротив, на фоне системного кризиса как в политической, так и в экономической сферах, охватившего страну, всякие дискуссии, затрагивающие чувствительные национальные и межнациональные вопросы, еще больше накаляли страсти, исключающие спокойное и взвешенное решение острых вопросов. Вместо того, чтобы на местах решать возникшие проблемы, первые руководители суверенных государственных образований отвлекались на бесплодные дис-

куссии, острота которых порой была таковой, что о подписании какого-то согласованного документа руководителями республик, договорившихся до того, что кто-то кого-то «кормит», или, напротив, «объедает» — можно было только мечтать. Причина «кормления» или «объедания», кстати, являлась одной из важнейших и в росте националистических настроений населения, возникновении кровавых, этнических конфликтов, что подхлестывало центробежные силы в стране.

Надо сказать, этому во многом «помог» сам Горбачев. Решив однажды посетить Прибалтику, генсек прибыл в Таллин и там, может быть, непроизвольно поддался на провокационные утверждения некоторой части озлобленной националистической интеллигенции, которая распространяла измышления о том, что русские их объедают. С упорством, достойным лучшего применения, генсек начал доказывать, что все совсем наоборот, что Россия кормит Эстонию. Видимо, провокаторам только этого и надо было. Теперь обиделись все слои общества прибалтийской республики, и началось выяснение того, кто кого кормит. Полился поток грязи на русских. Горбачев мобилизовал тогда экономистов в поддержку своего утверждения. Он приводил цифры, факты, расчеты межотраслевого и межреспубликанского балансов, и, чем больше он демонстрировал доказательств, тем упорнее становились его оппоненты. Да и какой народ согласится, чтобы его считали иждивенцем? И какой руководитель станет на этом настаивать? В общем, генсек проиграл, как говорится, по всем статьям, озлобился сам и еще больше разжег антирусские настроения среди эстонцев. Но так и не осознал этого.

— Я их фактами, расчетами к стенке припер. Понимаешь, они ведь непросвещенные, таких балансов в руках не держали. Вижу — задумались. Среди эстонских экономистов есть и люди разумные, понимают, что к чему. А остальные — так, дилетанты. Больше на горло давят, — делился Горбачев но возвращении в Москву своей, как он считал, убедительной победой, вспоминает впоследствии В.И. Болдин[1].

Новый договор был следствием развала народного хозяйства, неэффективной внутренней политики, неспособности реализовать декларированные реформы. Но отсюда же вытекало и другое следствие — неспособность руководства страны осуществить намеченные меры, консолидировать силы общества.

«Большинство трезвомыслящих людей понимало, что самоизоляция в национальных квартирах может только усугубить со-

[1] *В. Болдин.* Крушение пьедестала. М.: «Республика», 1995. С. 394—395.

циально-экономическое положение народов. Не раз звучали предостережения о том, что в одиночку не выжить. В одиночку можно только доломать то, что еще осталось. Но в период, когда заговорили политические амбиции руководителей, когда разжигались националистические настроения, людей трудно в чем-либо убедить разумными доводами. И чем больше захватывается плацдарм самостийными силами, тем больше усиливаются их аппетиты, и тогда, как иногда происходит с химической реакцией, процесс становится неуправляемым. Вслед за собственной армией и оборонной промышленностью возникает потребность «в своих» деньгах, границе, таможне, атрибутике и т. п.

Слабость центра, его неспособность руководить державой практически требовали раздачи полномочий более сильным местным лидерам. И в этом многие видели хоть какое-то спасение от гибели. Единственное, на что был еще способен президент СССР, это оставить за собой хотя бы некоторые полномочия, поддерживавшие сам институт президентской власти, и те символы, которые позволили бы сохранить ему лицо. Но чтобы выторговать это для центра, предстояло еще бороться, бороться всеми силами, всеми допустимыми средствами. Для проведения этого поединка и было избрано Ново-Огарево»[1].

Первая встреча руководителей союзных республик в Ново-Огарево состоялась 23 апреля 1991 года, на которой было принято, так называемое, «Совместное заявление», или «Заявление «9+1»« с подписями Горбачева, Ельцина и руководителей других союзных республик. Подписание этого документа вдохновило Горбачева и его ближайших соратников. Так В.А. Медведев с восторгом записал в своем дневнике: «Заявление «9+1» с подписями Горбачева, Ельцина и руководителей других республик появилось неожиданно для всех. Это, конечно, ошеломляющая новость.

Работа шла в довольно конструктивном духе. Это видно и по тому, что итоговое Заявление в общем-то в своей основе не так уж сильно отличается от проекта. Заседали в узком составе. Даже Болдин, Шахназаров и Ревенко находились не в зале заседания, а в другой комнате, там получали и реализовывали указания. Конечно, в Заявлении есть и ряд уступок (Союз суверенных государств; в числе тех, кто будет подписывать Союзный договор, не упомянуты, автономии), но зато по всем другим пунктам получено согласие, и это открывает новую страницу в политике и практических действиях. По сути дела, «круглый стол» состоялся»[2].

---

[1] *В. Болдин.* Крушение пьедестала. М.: «Республика», 1995. С. 195.

[2] Цит. по: Белая книга. М.: «АСТ», 2007. С. 228.

Для закрепления успеха, достигнутого подписанием Заявления «9+1», Горбачев созывает объединенный Пленум ЦК и ЦКК, который состоялся 24—25 апреля 1991 года. Пленум начался развернутым, откровенным и очень острым докладом Горбачева. Все находились под впечатлением опубликованного Заявления «9+1».

Однако, на второй день с выступления первого секретаря ЦК РКП И.К. Полозкова началась массированная атака на Горбачева и его окружение (Яковлева, Шеварднадзе, Бакатина, Медведева). Горбачев не ожидал столь яростной критики в свой адрес и в адрес Новоогаревского процесса. Коммунисты требовали от центрального руководства принятия действенных мер против надвигающейся экономической и социально-политической катастрофы, а не прикрываться фиговым листком Новоогаревских намерений, противоречащих волеизлиянию граждан Советского Союза, высказанному на референдуме 17 марта, и Конституции СССР.

Далее события на Пленуме развивались весьма драматично:

Горбачев спустился к трибуне и произнес: «При таком отношении я не могу дальше выполнять свои функции, предлагаю прекратить прения и заявляю об отставке».

Был объявлен перерыв. За обедом в комнате президиума пытались уговаривать Горбачева отказаться от заявления. Он сказал им: «Вы тут решайте, а я пошел».

Ивашко (заместитель Генерального секретаря ЦК КПСС) взял на себя председательство на Пленуме. Решили поставить на голосование вопрос не о самом вотуме доверия, а о том, обсуждать этот вопрос или снять его.

Решили снять. Против проголосовали 13 человек и 14 воздержались.

Возобновили обсуждение антикризисной программы.

В принятом Пленумом ЦК и ЦКК КПСС постановлении говорилось:

«...Пленум ЦК и ЦКК поддерживает совместное Заявление Президента СССР и руководителей девяти союзных республик о безотлагательных мерах по стабилизации обстановки в стране и преодолению кризиса. Мы обращаемся к Советам всех уровней, ко всем политическим и общественным силам с настоятельным призывом использовать свои полномочия и влияние для последовательной реализации этой согласованной стратегии.

...Пленум подчеркивает, что в целях предотвращения назревающей катастрофы жизненно необходимо: подписать Союзный договор па основе результатов общенародного референдума о сохранении Союза Советских Социалистических Республик; восстановить конституционный порядок и законность в стране.

...Пленум призывает партийные организации в рамках конституционных норм и с учетом суверенитета республик решительно противодействовать всем силам, разрушающим единство Союза ССР, возрождающим в ряде случаев на республиканском уровне административно-командные, а то и тоталитарные структуры»[1].

Таким образом, Пленум не прислушался к тем участникам, которые высказали свое критическое отношение к новоогаревскому процессу и страна, ведомая обанкротившимися руководителями КПСС и прежде всего Президентом Горбачевым, стремительно покатилась к августовской катастрофе.

Горбачев снова склонил ситуацию в свою сторону, но и ликовать по этому поводу не было причин. Напротив, ситуация, сложившаяся на Пленуме, как в капле воды отражала накал страстей, охвативших страну. Он был напуган, возможностью своего изгнания с властного Олимпа и стал обдумывать возможность использования чрезвычайных мер для спасения своего политического и властного имиджа.

Именно в тот период он поручил ряду членов Совета Безопасности разработать меры по введению в соответствующих условиях чрезвычайного положения на отдельных территориях и в целом по стране. Была ли это подготовка к сохранению Союза или меры против развала центра, утраты своего президентского поста, — сказать трудно. Последнее больше похоже на правду, если учесть последующие события. И вот теперь готовилось заседание, призванное определить судьбу Родины.

24 мая в Ново-Огареве под председательством Президента СССР состоялось заседание подготовительного комитета, созванного в соответствии с решением IV Съезда народных депутатов СССР для работы над проектом нового Союзного договора и определения порядка его заключения.

Накануне, 12 мая Горбачев встречался с руководителями автономных республик РСФСР, которые позиционировали себя как руководители суверенных государственных республик. Прежде всего Горбачев проинформировал собравшихся, что Президент США Дж. Буш положительно оценивает его деятельность по «сохранению» Союза:

«Вчера я беседовал в течение 50 минут с Бушем. Он, да и многие в мире, особенно в азиатской, африканской его части, заинтересованы в сохранении Союза. Конечно, кое-кто в окружении президента США смотрит на дело иначе... Есть перспектива нашего участия в какой-то форме в «семерке». Вчера я эту идею под-

[1] Цит. по: Белая книга. М.: «АСТ», 2007. С. 229—230.

бросил Бушу. Появилась идея энергичного сотрудничества с Западной Европой.

Если мы что-то не улавливаем — скажите прямо, что надо отразить в Российском договоре, в Союзном договоре»[1].

Все как один руководители российских автономий высказались за участие в Новоогаревском процессе и за подписание Союзного договора. Так, Президент Татарстана М. Шаймиев высказался на этот счет наиболее радикально и решительно:

«Наш Верховный Совет принял решение о вхождении в Союз в качестве самостоятельного государства. Процессы суверенизации необратимы. Мы за укрепление Союза. Но если не будет возможности подписать Союзный договор, мы не сможем подписать договор с Россией. Силой сейчас ничего не сделаешь. 80 процентов предприятий у нас — союзного подчинения»[2].

Заседание подготовительного комитета 24 мая проходило бурно, с частыми перерывами, чтобы немного охладить страсти. Атмосферу этого заседания хорошо передает В. Болдин — участник Новоогаревского процесса с самого начала и до конца:

«24 мая 1991 года. День был теплый, солнечный. Микроавтобусы с членами Совета из союзных и автономных республик уже прибыли, и руководители республик прохаживались по парковым аллеям в ожидании прибытия руководства. Представители России, Украины, Казахстана добирались своим персональным транспортом, вскоре подъехал и президент СССР. Все поднимаются в зал второго этажа. Зал сравнительно небольшой, но 50 человек за большим столом свободно размещаются. Здесь много хрустальных люстр, великолепная мебель, ковры. Но для работы не очень удобно. Плохая слышимость, низкие потолки, да и слишком рассеян свет. Все рассаживаются. М. С. Горбачев — за небольшим столом председателя в торце стола заседаний. Справа от него сидит А. И. Лукьянов, слева — В. С. Павлов, затем Б. Н. Ельцин, Н. Дементей, Н. Назарбаев и далее по перечню республик в союзной Конституции. В конце стола размещаются руководители бывших автономных республик.

Заседание открывается. Президент СССР предлагает обсудить на нем вопросы, касающиеся названия нового Союзного договора, субъектов, подписывающих документы, принципов формирования нового Союза, устройства его высших органов, налогов и собственности. Это были важнейшие вопросы проекта Договора, и вокруг них шел непрекращающийся спор на всех заседаниях Совета Федерации.

---

[1] Цит. по: Белая книга. М.: «АСТ», 2007. С. 236.

[2] Там же. С. 237.

В проекте представленного документа предлагается назвать договор «О Союзе суверенных социалистических республик. Это сохраняет аббревиатуру СССР. Намечается и впредь сохранить федеративное устройство, иметь необходимые центральные органы управления важнейшими отраслями экономики. М. С. Горбачев начинает обсуждение, говорит, что по поводу ряда принципиальных позиций поступили замечания и нужно найти подходы для решения вопросов и продвижении вперед. В этом обсуждении важна позиция России, поэтому все внимательно слушают замечания Б. И. Ельцина. Он говорит о том, что нужно обстоятельное обсуждение проекта, но российское руководство стоит за Союз суверенных государств. Центр должен быть таким, каким захотят его видеть республики и что сочтут возможным передать для управления Президенту СССР. Максимум полномочий следует делегировать на места. Подписывать Договор можно, определившись в вопросах собственности, налогов. Налог должен быть одноканальный, и необходимую сумму будет перечислять центру каждое суверенное государство. Для России важно, чтобы сначала был подписан подобный Договор республиками, составляющими федерацию.

Жесткую и близкую к российской позицию занимает Украина.

Собравшиеся хорошо понимают, что подписать Союзный договор будет не так-то просто. Руководители многих бывших автономий также выступают за подписание договора в качестве суверенного государства. И мнение их выражает Председатель Верховного Совета Татарии М.Ш. Шаймиев. Он настаивает на том, что идти на принятие документа следует при условии самостоятельного подписания договора республикой.

— Мне нравится, как защищается суверенитет России, — говорит он. — Но такие же процессы идут и в Татарстане, и мы не отступим от своего суверенитета. Если мы принцип не отстоим, то народ нас не поймет и возмутится. Есть и экономические вопросы. Почему химический и оборонный комплекс должен перейти под юрисдикцию России? Ряд отраслей следует подчинить напрямую центру...

Подобные заявления с первого заседания до предела раскалили обстановку. Разговор становится все более острым. Президент СССР предлагает поработать над проектом документа, сблизить позиции и продолжить обсуждение на следующем заседании.

Но прежде чем разъехаться, все собираются в банкетном зале. Членов Совета Федерации, всех присутствующих приглашают отобедать. Столы накрыты в застекленных верандах. Официанты разносят блюда без особых деликатесов, но добротные и

обильные. Желающие могли выпить водки или коньяку. В центре стола садится М. С. Горбачев, рядом руководители России и Украины, Белоруссии, союзного правительства и Верховного Совета СССР. Застолье обычно смягчало противоречия. Непримиримые стороны добрели или делали вид, что соглашаются в тех вопросах, по которым они были непримиримы в ходе заседания. Разговор все больше становился общим, с шутками и тостами. М. С. Горбачев часто пользовался такими перерывами в работе, приглашал обедать, когда накал страстей был особенно велик. Но, пожалуй, ему лишь казалось, что таким путем можно согласовать Союзный договор. Наступало новое заседание, и все возвращалось на «круги своя».»[1]

Третьего июня новоогаревские посиделки продолжаются. Никакого прогресса по достижению договоренности по содержательной части Договора не было достигнуто. Между тем сначала Верховный Совет России, а 7 июня Верховный Совет Украины принимают решения о передаче всех государственных предприятий и организаций союзного подчинения на своих территориях под контроль республики. Судьба Союзного Договора практически была предрешена.

На заседании присутствуют около 40 руководителей республик, и каждый имеет свой взгляд на проблему, свой подход, свои требования. В принципиальных вопросах никто уступать не желает. Постоянно вспыхивают острые перепалки. Заседание завершается за полночь, так и не продвинувшись вперед.

17 июня 1991 года члены Подготовительного комитета по проекту Союзного договора вновь собираются в Ново-Огарево. Б. Ельцин, теперь уже Президент России, в дискуссиях почти не участвовал, а затем вообще покинул совещание в связи с предстоящей поездкой в США.

Завязалась довольно острая дискуссия с «автономистами», которые потребовали перечислить все республики вначале, чтобы подчеркнуть, что они в числе учредителей Союза. Горбачев убедительно призывал к компромиссу, а Ельцин молчал. Затем было два тура: сначала сидели над текстом «автономисты», потом «союзники». Не обходилось без взаимных угроз и предостережений. Попытка обсуждать каждый отдельный пункт быстро срывается. Руководители бывших автономий возражают против ущемления их прав. Они считают себя суверенными республиками и просят так и относиться к ним при формулировании договора. «Иначе пусть девять союзных республик подписывают доку-

[1] *В. Болдин*. Крушение пьедестала. М.: «Республика», 1995. С. 399—401.

мент, а нам тут делать, нечего», — говорит представитель Северной Осетии.

Чтобы утихомирить страсти, объявляется перерыв. И хотя после этого разговор пошел спокойнее, но принципиальных уступок не следует. Создается ситуация, при которой в стране вместо 15 союзных республик может возникнуть более 30 суверенных государств. Это беспокоит российское руководство, и на заседании то и дело вспыхивают перепалки. Договор, который подпишут все республики, входящие в Российскую Федерацию, конечно, не устраивает ее руководство, и потому обсуждение проекта опять предлагается продолжить в другой день.

23 июля состоялась последняя встреча руководителей делегаций союзных и автономных республик в Ново-Огарево.

У президента СССР настроение мрачное. Обстановка в стране продолжает ухудшаться, накал политических страстей крайне высок. В печати усиливается критика М. С. Горбачева. Теперь его критикуют не только слева, но и справа, не только противники, но и соратники. В газете «Советская Россия» опубликован документ «Слово к народу», подписанный группой видных политических и общественных деятелей. Они выступают против беспринципного курса Горбачева. Таких заявлений в печати появлялось достаточно много и прежде, но сейчас его подписали Ю. Бондарев и заместитель президента по Совету Обороны О. Бакланов, многие другие политические и общественные деятели.

Обратимся к воспоминаниям В. Болдина:

«Нервозность председательствующего передается и участникам заседания. Обсуждение вопроса о членстве в Союзе заняло два с половиной часа и дело вперед не продвинулось. Но самый главный вопрос, который сегодня должен быть решен, это о финансовых платежах центру. Б.Н. Ельцин настаивает на одноканальных фиксированных платежах, которые будет отчислять каждая республика. М. С. Горбачев считает, что налог следует собирать центру с каждого предприятия, регулируя долю его отчислений.

Если мы этого не запишем в договоре, мне здесь делать нечего, — говорит М. С. Горбачев и начинает собирать свою папку.

Это заявление — его «домашняя заготовка», он придумал ее, чтобы надавить на участников заседания, напугать их своим уходом. Но Б. Н. Ельцина такая выходка не запугала.

— Не доводите нас до того, чтобы мы решили этот вопрос без вас, — говорит он.

М. С. Горбачев в смущении, он не знает, что делать. Уйти — смешно. Эта детская выходка большого политика никем не будет

понята. Видимо, дома он подумал мало или не учел своего изменившегося положения. Возвращаться будет трудно, а то и невозможно. А это уже политический некроз. Секунды бегут, и зал замер. У генсека даже не остается времени возмутиться словами российскою лидера. В последнее мгновение М. С. Горбачев не находит ничего лучшего, как объявить перерыв. Теперь все надежды на ужин.

На ужине достигнута договоренность: Ельцину, Лукьянову, Павлову, Дементею найти формулировку этого пункта договора.

Впереди еще много несогласованных вопросов и еще больше неясностей о судьбе нового Союза, его экономики, армии. Что остается центру? Сможет ли он объединить то, что некогда было Советским Союзом? Уже сейчас ряд республик не участвует в обсуждении проекта договора и не будет его подписывать. И речь не только о Прибалтике, Молдавии или Грузии. Не готова была к подписанию договора Украина. О своей независимости все чаще и настойчивее говорили многие бывшие автономии России. На этом настаивали не только Татария, но и Башкирия, Якутия; подобные вопросы все настойчивее ставили представители Карелии, Чувашии, Чечено-Ингушетии. Дискуссии на эту тему велись в Бурятии, Туве, Горно-Алтайской республике. Многое было непонятно тем, кто стоял за единый Союз. Проект договора закреплял устройство страны, напоминающее уже не федерацию и даже не конфедерацию, а нечто аморфное и усеченное. Россия и Украина противились отчислению средств в союзный бюджет непосредственно предприятиями, а предлагали направлять суммы после объяснения центром цели финансирования, а это требовало предварительно раскрыть бюджет армии, КГБ, других ведомств. Большинство отраслей и производств, включая оборонные заводы, земли и недра, отходили в подчинение республик»[1].

Весьма драматичным было начало этого заключительного заседания в Ново-Огарево. После того, как Президент СССР сделал краткий обзор замечаний и предложений, поступивших из республик, и поставил задачи для обсуждения на предстоящей встрече, неожиданно, вне всякого регламента, с места бросил гневную реплику Ислам Каримов. Вот как описывает эту неловкую ситуацию Ю.М. Батурин, присутствующий на этом заседании:

— Михаил Сергеевич, я хотел бы просто задать один вопрос. — Голос Каримова выражает неподдельное возмущение, и все заинтересованные слушают, потому что непонятно, куда он свернет, — ведь дискуссии еще не было. — Мы в этом самом зале

[1] *В. Болдин.* Крушение пьедестала. М.: «Республика», 1995. С. 402—403.

17-го числа договорились и приняли за основу документ, который был за вашей подписью разослан в республики. А что сейчас происходит? Откуда появился документ, который нам потом прислали для сегодняшнего обсуждения?

— Как откуда? — удивился Горбачев. Удивился, потому что схема подготовки и обсуждения была в точности, что и прежде: сначала согласованный текст, затем обобщение поступивших от республик замечаний, наконец, текст для обсуждения с подчеркнутыми предложенными изменениями и вариантами. Иначе обсудить за день несколько сотен замечаний в принципе невозможно, да и нелепо тратить время политиков на техническую, пусть и юридико-техническую работу. — Как откуда? Ты же помнишь — мне лично поручили, как всегда, учесть замечания и послать вам...

— Если так, Михаил Сергеевич, извините, я должен прямо вам сказать. Мы здесь в прошлый раз битый час спорили по каждой строчке, сделали документ, который сблизил нас. А сейчас появился новый... Я не хочу углубляться в конкретные пункты, но вот убедитесь, у меня здесь красными чернилами отмечено то, чего нет в замечаниях республик. И поэтому я предлагаю этот текст отложить, а взять вариант 17-го числа.

— Ну хорошо, хорошо... Давайте отложим все, что есть у нас, и вернемся к варианту 17-го числа.

Так первым же ходом Каримов поставил «фигуры» республик в активную позицию, а «Центр» в лице Горбачева, Комитета конституционного надзора, экспертов и других — в позицию слушающихся. И одновременно тем же самым ходом были проигнорированы десятки предложений республик, которые были учтены в отброшенном варианте, но до которых ни сегодня, 23 июля, ни позже, никогда уже не дойдут руки. Проиграно было и юридическое качество проекта. В этом смысле шутка Горбачева оказалась вещей (или зловещей, поскольку он-то имел в виду совсем другое)»[1].

В результате острых дискуссий, в ходе которых к единому мнению участники встречи по отдельным позициям проекта Союзного договора так и не пришли, было принято решение о дате подписания Договора — 20 августа 1991 года. Рабочие группы Г.Х. Шахназарова и Г.И. Ревенко подготовили документ, регламентирующий примерную процедуру подписания Союзного договора. До опубликования проекта Союзного договора в «Правде» 15 августа, продолжались попытки улучшить отдельные его положения, по которым на прошедшей встрече руководителей союзных и автономных республик не было достигнуто соглашение.

---

[1] Цит. по: Сборник. Белая книга. М.: «АСТ», 2007. С. 256—257.

Были у Ельцина с Горбачевым и неофициальные встречи. Иногда в них участвовали Н. Назарбаев и С.Шушкевич. Дело с подготовкой проекта договора между тем худо-бедно шло к концу. Спорили, торговались, но договаривались. 29 июля, например, удалось снять последнее препятствие для подписания Союзного договора. Дело в том, что российское руководство долго не соглашалось на установление союзного налога, без чего невозможно было существование федеративного государства, союзные органы становились в роли просителей у республик и не могли бы выполнять возложенные на них функции. В конце концов была найдена компромиссная формула, и Ельцин снял последнее возражение. В этот же день состоялась и конфиденциальная беседа, имеющая принципиальный характер. В этой беседе кроме Б. Ельцина участвовал Н. Назарбаев. Обсуждался план действий после подписания Союзного договора 20 августа. Весь разговор был записан соответствующими службами КГБ СССР. Вот, что писал в своих «Записках президента» об этой встрече сам Б.Н. Ельцин:

«Михаил Горбачев должен был уезжать в отпуск в Форос. Сразу же после его возвращения из Крыма на 20 августа было назначено подписание нового Союзного договора. Сейчас мы имели возможность еще раз обсудить самые острые вопросы, которые каждый из нас считал нерешенными.

Разговор начали в одном из залов особняка. Все шло нормально, но когда коснулись тем совсем конфиденциальных, я вдруг замолчал.

«Ты что, Борис?» — удивился Горбачев. Мне сложно сейчас вспомнить, какое чувство в тот момент я испытывал. Но было необъяснимое ощущение, будто за спиной кто-то стоит, кто-то за тобой неотступно подглядывает. Я сказал тогда: «Пойдемте на балкон, мне кажется, что нас подслушивают». Горбачев не слишком твердо ответил: «Да брось ты», — но все-таки пошел за мной.

А говорили мы вот о чем. Я стал убеждать Президента, что если он рассчитывает на обновленную федерацию, в нее республики войдут только в том случае, если он сменит хотя бы часть своего самого одиозного окружения. Кто поверит в новый Союзный договор, если председателем КГБ останется Крючков, на совести которого события в Литве. Ни одна республика не захочет войти в такой Союз. Или министр обороны Язов, — разве может быть в новом содружестве такой «ястреб» из старых, отживших уже времен.

Видно, Горбачеву нелегко давался этот разговор, он был напряжен. Меня поддержал Нурсултан Назарбаев, сказал, что надо обязательно сменить министра внутренних дел Пуго и председа-

теля Гостелерадио Кравченко. Потом добавил: «А какой вице-президент из Янаева?!» Михаил Сергеевич сказал: «Крючкова и Пуго мы уберем».

Я стал убеждать Горбачева отказаться от совмещения постов Генерального секретаря ЦК КПСС и Президента Союза. Удивительно, но на этот раз он впервые не отверг мое предложение. И даже посоветовался: «А может быть, мне пойти на всенародные выборы?»[1]

Все трое единодушно решили, что после подписания договора необходимо поменять Валентина Павлова, тогдашнего премьер министра. Горбачев спросил: «А кого вы видите на этой должности?» Я предложил Нурсултана Абишевича Назарбаева на должность премьер-министра нового Союза. Горбачев сильно удивился, потом быстро оценил этот вариант и сказал, что согласен. «Другие кандидатуры обсуждаем после 20 августа, — закончил этот разговор».

Можно было бы попытаться снова уличить в лукавстве Бориса Николаевича: он утверждает, что этот разговор был подслушан КГБ и, дескать, подводит базу под ГКЧП — якобы люди, цепляющиеся за власть, пошли на это. Но данный разговор практически точь-в-точь воспроизводит и Нурсултан Назарбаев.

Хотя Союзный договор был уже обсужден и в Советах, и на Пленуме ЦК КПСС, в других общественных организациях, нападки на него не прекращались. Особенно яростные атаки вели демократы, которые упирали на то, что договор якобы сохраняет всесилие Центра и господство коммунистической номенклатуры. Возглавляли компанию Ю.Афанасьев и Е.Боннэр, другие радикалы из «Демроссии».

Пятого августа было направлено Обращение к Президенту России Б.Н. Ельцину, которое подписали вышеуказанные радикалы из движения «Демроссия», а также Л. Тимофеев, Л. Баткин, В. Иванов, Ю. Буртин и В. Библер. Приведем ответ Президента России Б.Н. Ельцина на Обращение «Семи Демороссов»:

— Признаюсь, не очень удобно через газету вести диалог со столь уважаемыми и хорошо знакомыми мне людьми, коими являются авторы Обращения, опубликованного в «НГ» 8 августа. Достаточно близко зная друг друга, мы могли бы найти более удачную форму дискуссий. Даже нынешняя моя занятость не была бы препятствием для личной встречи, и, надеюсь, авторы не станут этого оспаривать. Но, думаю, ими ставилась иная задача: обратиться к демократической общественности с призывом скло-

---

[1] Цит. по: *В. Андриянов, А. Черняк.* Одинокий царь в Кремле. М.: «Правда», 1999. С. 300—301.

нить Президента РСФСР к отказу от подписания нового Союзного договора…

Авторы поставили много вопросов. Ответить на каждый не представляется возможным. Остановлюсь лишь на двух, как мне кажется, самых важных. Вопрос первый. Хотели того авторы или нет, но в их Обращении присутствует некий подтекст: мол, подписание нового Союзного договора ставит под сомнение суверенитет России. Хочу заявить: нет и еще раз нет. Напротив, до тех нор пока Договор не заключен, Россия будет оставаться заложницей центральных структур... Будем реалистами: союзные ведомства добровольно, без соответствующего правового давления но отдадут нам свои функции. Они будут использовать любую возможность, чтобы сохранить контроль над потенциалом России.

Если принять на вооружение все предлагаемое авторами Обращения, надо не только отложить подписание Договора, а более того — начать работу над ним практически сызнова. Лучшего подарка союзной бюрократии просто не найти! Как Президент Российской Федерации, я буквально каждый день ощущаю: чем дольше мы будем жить без нового Договора, тем дольше продлится диктат союзных ведомств…

...Скажу более — Президент СССР заверил меня, что после подписания нами Союзного договора он издаст Указ о переходе всего экономического потенциала России под юрисдикцию республики. Очевидно, кто-то усомнится: а что, если М. Горбачеву что-то помешает выполнить свое обещание? Что ж, тогда такой Указ подпишет Президент РСФСР. Новый Союзный договор делает такой шаг вполне правомерным.

Вопрос второй — о правомочности Президента РСФСР подписывать новый Союзный договор. Мысль авторов Обращения можно понять и так: мол, в России проект Договора никогда и никем не обсуждался, а потому Ельцин присваивает себе право, которое ему не дано. Как мне кажется, имеет место или неосведомленность, или искажение реального положения вещей.

Проект нового Союзного договора был опубликован, и каждый гражданин России мог с ним ознакомиться. Не думаю, что этот факт требует доказательств. Скажу о другом. Подготовка Договора — результат усилий большого числа российских парламентариев, а вовсе не итог закулисного торга Ельцина в Ново-Огареве, как это можно понять из Обращения.

...Два месяца борьбы буквально за каждую статью, каждую строку! Настойчивость и поиск разумного компромисса, не ставящего под сомнение идею суверенитета России, — вот что лежало в основе нашей стратегии. А потому и закономерен итог: в июне 1991 года Верховный Совет РСФСР, обсудив проект Союз-

ного договора и результаты работы над ним российской делегации, принял решение: «Признать возможным подписание Договора о Союзе Суверенных Государств с учетом внесенных Верховным Советом РСФСР изменений и дополнений»...

Мы, члены Государственной делегации России, идем к подписанию нового Союзного договора, убежденные в правильности этого шага. Думаю, что за последние годы это самый значительный шаг на пути к процветанию России. Не сделать его — значило бы обмануть всех россиян, уставших от ожидания перемен. Не уверен, что граждане России согласятся терпеть наши политические споры, от которых жизнь легче не становится.

Президент РСФСР Б. Ельцин. 10 августа 1991 г.

«Независимая газета», 13 августа 1991 г.

Из ответа на Обращение «Семи Демороссов» следует, что Б. Ельцин был готов подписать Союзный договор, хотя по воспоминаниям М.С. Горбачева он колебался. Это он почувствовал в разговоре с Б. Ельциным по телефону 14 августа, находясь на отдыхе в Форосе:

— Ельцин жаловался на атаки, говорил, что на него нажимают. Горбачев успокоил, пожаловался в свою очередь, что и он в таком же положении — нажим идет и на него со стороны консервативных сил. «Но раз недовольны и простые правые, и простые левые, то это свидетельствует, что мы на правильном пути», — заключил Горбачев. И завершил разговор словами:

— Борис Николаевич, мы не должны ни на шаг отступать от согласованных позиций, с какой бы стороны их ни атаковали Нужно сохранить хладнокровие и продолжать подготовку к подписанию.

«Но после этого разговора, как заявляет М.Горбачев, у него осталось впечатление, что Ельцин что-то недоговаривает. Впоследствии, пишет Горбачев в своих воспоминаниях, на одном из мероприятий еженедельника «Московские новости» Старовойтова в кругу единомышленников «раскрыла секрет», что Президент России вряд ли подписал бы договор в таком виде, как намечалось на 20 августа, он высказал бы какие-то оговорки.

Но история не имеет сослагательного наклонения, все это лишь суждения. Можно только гадать, как бы действовал Б.Ельцин. История же констатирует, что к августу 1991 года мы подошли практически с новым Союзным договором. Правда, во всей этой истории была одна маленькая-маленькая, но весьма существенная деталька — новый договор противоречил и Конституции СССР, и итогам референдума о Союзе»[1].

---

[1] Цит. по: *В. Андриянов, А. Черняк*. Одинокий царь в Кремле. М.: «Правда», 1999. С. 301—302.

4.4. Трехдневная «власть» ГКЧП

Мятеж не может кончиться удачей,
В противном случае его зовут иначе.

Р. Бёрнс

Итак, словно сговорившись, против подписания Союзного договора, рожденного в великих муках на новоогаревских посиделках, выступили как патриотически-настроенные «левые» и, прежде всего, ортодоксальные коммунисты, так и ведущие авторитеты правой «Демроссии». В то же время, учитывая, что среди руководителей союзных и автономных республик также не было единства по вопросу подписания Договора, налицо были все признаки того, что он никогда не будет подписан.

Похоже, что лучше всего понимали это и Горбачев и Ельцин, но каждый в силу ему только известных причин. Для Б. Ельцина подписание Договора было абсолютно нежелательно в силу уже вышеописанных причин. Хотя он и ответил лидерам «Демороссов», что готов подписать Договор, но он надеялся на Украину, без которой создавать некое жизнеспособное государственное образование не имело никакого смысла. Тем более, что для своего «воцарения» в Кремле нужно было «завалить» конечный продукт новоогаревских посиделок, за которым последует окончательный развал СССР и устранение его президента — главное препятствие для завоевания Кремля.

Совершенно по-иному чувствовал провал новоогаревского процесса М. Горбачев. Вся затея с разработкой проекта Союзного договора была обречена на провал изначально, поскольку начиная новоогаревский процесс, он отчетливо осознавал его неконституционность, но пытался выиграть время. Он надеялся отвлечь внимание от разрушительного системного кризиса, охватившего страну в процессе выработки проекта Договора, его подписания и последующих новых выборов. То есть, пошел по пути, который вел страну даже не в тупик, а в пропасть. И когда в конце этого опасного пути он увидел, что даже самые ближайшие его соратники выступили против Договора, когда за его спиной замаячил сговор по введению в стране чрезвычайного положения, который он фактически поддерживал своей нерешительностью, он понял, что дни его сочтены. Как утопающий хватается за любую соломинку, он ухватился за идею введения чрезвычайного положения, но сделал это чисто по-горбачевски, решив наблюдать за развитием событий со стороны. Дистанцируясь от прямого уча-

стия в мероприятиях по введению ЧП, тем более от руководства этим процессом, он пустил события на самотек, чтобы в случае неудачи свалить вину на организаторов «путча». Понятно, что в случае победы, то есть уничтожения демократической оппозиции и прежде всего Ельцина, он становился бы героем, выйдя на авансцену из форосской тени.

А как еще иначе можно было расценивать поступок Горбачева, который буквально за две недели до подписания Договора отправился на отдых в Крым? Перед самым отъездом, 2 августа, Горбачев выступил по Центральному телевидению — «Союзный договор открыт к подписанию», как бы заранее дистанцируясь от активно начавшегося процесса по введению в стране чрезвычайного положения, о чем ему почти открыто говорили В. Крючков и В. Болдин. В своем выступлении М. Горбачев, в частности, сказал:

«…Сегодня я направил письмо руководителям делегаций, уполномоченных Верховными Советами республик, с предложением открыть договор для подписания 20 августа нынешнего года.

Письмо направлено и республикам, которым еще предстоит определить свою позицию. Имеется в виду, что первыми договор подпишут делегации Российской Федерации, Казахстана и Узбекистана. Затем, через определенные промежутки времени — представители других республик, принимавших активное участие в разработке и согласовании договора. Такой порядок даст возможность Верховному Совету Украины завершить рассмотрение проекта. За это время состоится референдум в Армении. Примет решение об отношении к Союзному договору Молдова. Смогут определиться в этом жизненном вопросе и народы Грузии, Латвии, Литвы, Эстонии.

Итак, мы вступаем в решающий этап преобразования нашего многонационального государства в демократическую федерацию равноправных советских суверенных республик. Что означает для жизни страны заключение нового Союзного договора? Прежде всего это — реализация воли народа, выраженной на референдуме 17 марта. Договор предполагает преобразование Союза на основе преемственности и обновления.

Сохраняется союзная государственность, в которой воплощен труд многих поколений людей, всех народов нашего Отечества. И вместе с тем — создается новое, действительно добровольное объединение суверенных государств, в котором все народы самостоятельно управляют своими делами, свободно развивают свою культуру, язык, традиции.

Конечно, не следует упрощать дело. Договор предусматривает значительную реконструкцию органов власти и управления.

Потребуется разработать и принять новую конституцию, обновить избирательный закон, провести выборы, перестроить судебную систему. Пока этот процесс будет разворачиваться, должны активно действовать Съезд народных депутатов, Верховный Совет СССР, правительство, другие союзные органы.

…Мы встали на путь реформ, нужных всей стране. И новый Союзный договор поможет быстрее преодолеть кризис, ввести жизнь в нормальную колею. А это — думаю, вы со мной согласитесь — сейчас самое главное»[1].

Уже из текста этого телевизионного обращения Президента следует, что дело с предстоящим подписанием Союзного договора идет из рук вон плохо. Только наивный человек мог поверить, что шесть союзных республик, отказавшиеся участвовать в референдуме 17 марта, могут «определиться» с подписанием Договора. Но самое главное, Горбачев фактически признал, что Украина выступает против подписания Договора — пока там не будет проведен референдум о независимости. Но где Украина, там и Россия. Напрасно он заявляет, что Россия первой подпишет Договор. Хотя Б. Ельцин и склонен к суициду (это когда ножницами по коже, или в одежде в водоем, глубиной по колено воробью), но насколько нужно быть наивным, чтобы заподозрить его в политическом самоубийстве.

Итак, Горбачев отправился в Форос греться на крымском солнышке, а «заговорщики» с его благословления за дело:

5—8 августа. К разработке плана введения в стране чрезвычайного положения Председатель КГБ СССР В.А. Крючков привлек, помимо сотрудников КГБ, представителя Министерства обороны СССР, командующего ВДВ П.С.Грачева;

14 августа Председатель КГБ СССР В.А.Крючков дал указание о предоставлении ему плана первоочередных мероприятий по введению в стране чрезвычайного положения;

15 августа сотрудниками КГБ СССР совместно с сотрудниками Министерства обороны СССР (Грачев, Ачалов) подготовлен план первоочередных мероприятий по введению в стране чрезвычайного положения;

15—17 августа Председателем КГБ СССР В.А.Крючковым даны указания о прослушивании телефонов руководителей СССР и РСФСР и подготовке интернирования ряда народных депутатов СССР и РСФСР;

16 августа на объекте КГБ состоялась встреча В.А. Крючкова, Д.Т. Язова, О.С. Шенина, О.Д.Бакланова, В.И.Болдина, принявших

[1] «Правда», 1991, 3 августа.

решение о недопустимости подписания Союзного договора 20 августа;

17 августа на объекте КГБ состоялась встреча В.С.Павлова, В.А. Крючкова, О.Д.Бакланова, О.С. Шенина, В.И.Болдина, Д.Т. Язова, В.А. Ачалова, В.Ф. Грушко, В.И.Варенникова, принявших конкретные решения о введении в стране чрезвычайного положения и действиях по нейтрализации Президента СССР;

17 августа подготовлены тезисы выступления председателя КГБ В.А. Крючкова по Центральному телевидению о введении в стране чрезвычайного положения;

18 августа в 16:30 по указанию Ю.С.Плеханова, А.С.Глущенко отдано распоряжение начальнику 21-го отделения УПС КГБ СССР о выключении всех видов связи на даче Президента СССР в Форосе[1].

То есть идет нормальный рабочий процесс по подготовке введения в стране чрезвычайного положения в соответствии с Законом СССР «О правовом режиме чрезвычайного положения», принятого Верховным Советом СССР летом 1990 года. О каком путче или мятеже, перевороте, если хотите, может идти речь, если в подготовке этого мероприятия принимают участие все без исключения руководители государства: вице-президент, спикер парламента, премьер-министр, силовые министры. В этом списке явно отсутствует лишь один человек — Президент Горбачев. Но он зорко отслеживает ситуацию из Фороса, мало того, группа «путчистов» по завершении подготовительных мероприятий вылетела 18 августа в Крым для доклада Горбачеву о проделанной работе, а также с предложением утвердить план введения в стране чрезвычайного положения. Вспоминает генерал армии В.Варенников:

«17 августа было проведено совещание у председателя КГБ Владимира Крючкова. Встреча проходила на закрытом объекте КГБ, который назывался АБЦ. Было десять участников встречи: Владимир Крючков, его зам. Грушко, Павлов, Шенин, Бакланов, Болдин, Язов, Ачалов, Варенников. О социально-политической обстановке информацию дал председатель КГБ Владимир Александрович Крючков. Он говорил о том, что из-за порочного действия властей и неправильного толкования демократии в стране фактически утрачено управление. Идет война законов. Над государством нависла большая опасность. Начатая по инициативе Горбачева перестройка фактически зашла в тупик.

По второму, экономическому, направлению докладывал председатель правительства СССР Валентин Сергеевич Павлов.

[1] Цит. по: Сборник Белая книга, М.: «АСТ», 2007, С.285; 284—290.

Он нарисовал удручающую картину положения дел в экономике и финансах. Отметил, что тот кризис, в который мы уже вошли, может приобрести еще большие размеры. Подчеркнул, что коль мы неплатежеспособное государство, то и кредитов нам больше давать никто не намерен. Хаос в экономике приобретает угрожающие формы, а предложения правительства не находят поддержки у Горбачева.

О третьем, правовом, направлении информацию дали Крючков и Павлов, сосредоточив внимание на проекте Союзного договора. Они акцентировали: его подписанием узаконивается выпадение из СССР большей части союзных республик. Оба особо подчеркнули нарушение прав человека, поскольку игнорируются результаты референдума 17 марта 1991 года.

Таким образом, было решено, что к М. Горбачеву в Крым на его дачу в Форосе летят Бакланов, Шенин, Болдин, Варенников и Плеханов. Цель поездки — убедить Горбачева в необходимости принятия решения о введении чрезвычайного положения в некоторых районах страны. Предполагалось, что Горбачев сделает это своим распоряжением или поручит кому-то это. Кроме того, важно убедить Горбачева пока не подписывать новый Союзный договор»[1].

Вопрос о введении в отдельных районах страны режима чрезвычайного положения со всей прямотой встал сразу же после того, как летом 1991 года верховный Совет СССР принял закон «О правовом режиме чрезвычайного положения».

Летом 1991 года премьер-министр Валентин Павлов понял, что ждать от Горбачева радикальных мер по пресечению развала властных структур бесполезно, и решил апеллировать непосредственно к Верховному Совету СССР, который согласно закону правомочен вводить в стране режим чрезвычайного положения. Лейтмотивом своего выступления Павлов сделал требования чрезвычайных полномочий для кабинета министров. Он заявил, что только в 1991 году дефицит союзного бюджета достиг 39 млрд. рублей. Была также названа огромная, в 200 млрд. рублей, сумма ущерба, нанесенного стране от антиалкогольной кампании, затеянной Горбачевым и Лигачевым. Выступление В. Павлова было решительно поддержано А.И.Лукьяновым, Д.Т. Язовым, В.А.Крючковым и Б.К. Пуго, то есть всеми «силовыми» министрами.

Б.Н.Ельцин, вспоминая то время, напишет в своих мемуарах:

«Новый премьер Павлов за период с апреля по июнь очень резко обозначил независимость своей позиции, «особое мнение»

---

[1] *В. Варенников.* Неповторимое. Цит. по: *А. Гранатова.* Клан Ельциных. М.: «Алгоритм», 2008 С. 130—131.

по многим экономическим и политическим вопросам, противодействие общему курсу горбачевской администрации»[1].

В.А.Крючков, в частности, в своем выступлении сказал: «…Наше отечество находится на грани катастрофы… Главная причина нынешней критической ситуации кроется в целенаправленных, последовательных действиях антигосударственных, сепаратистских и других экстремистских сил, развернувших непримиримую борьбу за власть.

Эти силы открыто взяли курс на захват власти в стране. Для реализации своих амбициозных планов они не остановятся перед попытками ввергнуть страну в пучину крайнего обострения обстановки»[2].

После подобных выступлений можно уверенно сказать, что мосты уже сожжены, открытым текстом первые лица государства требовали у Верховного Совета чрезвычайных полномочий, которые они самостоятельно реализовали через два месяца на три августовских дня. Настроение большинства депутатов было таково, чтобы дать эти полномочия уже сейчас, как это требовал премьер-министр. Надо отметить, что рейтинг В.Павлова после такого эмоционального выступления резко пошел вверх. В нем увидели лидера, решительности и смелости которого, так не хватало Горбачеву.

Вот как оценивал это В.А. Крючков: «Решительно контрастировала манера ведения заседаний Кабинета министров Горбачева с Павловым. Выступления Горбачева отличались аморфностью, неопределенностью, вилянием, неточностью в изложении своей позиции и фактической ситуации в стране. Выступления же Павлова были содержательными, компетентными, логичными, нередко концептуальными, с предложением конкретных мер по выводу из кризиса. Сравнения были явно не в пользу Горбачева, что раздражало последнего, особенно если иметь в виду его самолюбие»[3].

А президента Горбачева, как всегда в ответственный момент, нет в эпицентре событий (т.е. в зале заседаний ВС). Согласованы ли были с ним столь резкие выступления премьера и силовиков? Если согласованы, то это вполне в духе Горбачева — дать «добро», а потом от всего отказаться, сделав вид, что ничего не давал, ничего не слышал.

Если такие выступления им не санкционированы, то он получает убедительное доказательство подготовки к отстранению его

---

[1] *Б.Ельцин.* Записки президента. М.: «Огонек», 1994. С.76.

[2] *В. Крючков.* Личное дело. М.: «Олимп», 1996. Т.2. С. 387—388.

[3] Там же. С. 54.

от власти. Надо быть глупцом, чтобы этого не понимать, поскольку это уже начало заговора. Безусловно, Горбачев знал о планах премьера и «силовиков», о чем убедительно поведал в своей книге «Снова в оппозиции» Г.Х. Попов. Он, якобы, получил информацию, что правительство СССР, получив чрезвычайные полномочия, введет чрезвычайное положение, направленное против Ельцина. Антиельцинская направленность заговора более убедительна и тогда становится понятным, что у истоков его стоял именно Горбачев, поскольку упрямый и самодовольный Ельцин порядком надоел теряющему популярность Горбачеву.

По совету Евгения Савостьянова Г. Попов обратился в посольство США и сообщил послу Мэтлоку версию о заговоре против Ельцина. Посол пообещал передать информацию в Вашингтон, чтобы там предупредили Ельцина о грозящей ему опасности (Ельцин в это время находился с визитом в США). Интересно отметить, что совет обратиться в посольство США дал будущий заместитель министра госбезопасности России.

Тем временем дебаты в Верховном Совете СССР подходят к концу и дальнейшие события в изложении Попова выглядят следующим образом: «После перерыва, когда вот-вот должно было состояться голосование, исход которого был предрешен, произошло неожиданное. Появился на сессии президент Горбачев и попросил слово. Я не помню точно его речь, но смысл ее был очевиден: он считал просьбу Павлова о дополнительных полномочиях объяснимой, но в данный момент все же можно формальное решение не принимать, ограничившись тем обменом мнений, который состоялся»[1].

То есть все по-горбачевски: «В огороде бузина, а в Киеве дядька». Только в данном случае «дядька» не в Киеве, а в Вашингтоне. И вот почему. Обратимся к мемуарам В.С. Павлова, где он утверждает: «Думаю, что Попов был достаточно информирован о степени влияния США на депутатский корпус и на некоторых влиятельных политических деятелей СССР. Его сегодняшнее утверждение, что он поехал только для того, чтобы срочно проинформировать находившегося в США Ельцина, не слишком убедительны… Попов сознательно дал американцам искаженную информацию, дабы те оказали необходимый ему нажим через своих людей в структурах власти Советского Союза»[2].

И те его любезно оказали, поскольку тут же состоялась встреча Горбачева с послом США в СССР Мэтлоком, о чем пишет

---

[1] *Г. Попов*. Снова в оппозиции. М.: «Галактика», 1994. С. 207.

[2] *В. Павлов.* Август изнутри. Горбачев путч. М.: «Деловой мир», 1993, С.79.

уже помощник Горбачева А.Черняев: «Горбачев демонстративно назвал посла товарищем, подчеркнув тем самым хорошие с ним отношения. Выслушал предупреждение о том, что 21 июня будет предпринята попытка отстранить его от власти, и рассмеялся. Но посла и президента США Дж. Буша поблагодарил за заботу»[1].

Вот она, истинная дружба. Правда, потом друг Джорж точно так же будет дружить со злейшим врагом Горбачева — Ельциным. Принцип: враг моего друга — мой враг, здесь не срабатывает. А на дружбу с Бушем Ельцин напрашивался давно, еще с памятной поездки в США осенью 1989 года. А тут, не успели его избрать Президентом России, как он помчался в США. Позже он снова не раз будет прежде всего информировать «друга Буша» перед и после своих «важных шагов» по пути захвата власти и других преступлений. Вернувшись из этой поездки в США, Ельцин нанесет полусмертельный удар по КПСС.

Таким образом, после встречи с послом США Горбачев заминает инициативу будущих гекачепистов. Инициативу, которая, по всему видать, от него же и исходила. А если это так, то получается, что посол иностранной державы практически управляет главой пока еще существующего СССР? Ведь именно после этой встречи Горбачев круто меняет свою позицию. Валентин Павлов комментирует очередной пируэт Генсека: «…Появляется Горбачев, произносит обо всем и, как всегда, ни о чем пламенную речь (в артистизме ему не откажешь), и рассмотрение вопросов как-то непонятно повисает в воздухе»[2].

Удивительно, как те июньские дни напоминают ситуацию 19—21 августа. В июне премьер-министр Павлов и «силовики» как бы самостоятельно требуют дать дополнительные полномочия (в августе они как бы введут чрезвычайное положение). Горбачев как бы в стороне. Но на него успевают оказать давление (вот чем опасен телефон, и это в августе попытались учесть). Горбачев делает вид, что разворачивается в другую сторону, однако своих людей («силовиков») все равно тогда не сдал, что очень удивило людей из его ближайшего окружения. Так, тот же Черняев описывает, как Горбачев был обижен на «силовиков»: «Он долго не мог успокоиться после этой стычки, вечером мне позвонил, крыл «этих подонков и сволочей» матерно.»[3]

Как это понимать? Если так недоволен «силовиками» (проявили самоуправство), то надо немедленно реагировать. Не до-

---

[1] *А. Черняев.* Шесть лет с Горбачевым. М.: « Прогресс», 1993, С.451—452.

[2] *В. Павлов.* Август изнутри. Горбачев путч. М.: «Деловой мир», 1993, С. 79.

[3] *А. Черняев.* Шесть лет с Горбачевым. М.: «Прогресс», 1993, С. 453.

верять и снимать с должностей. Однако ничего подобного президент не делает. Похоже, что Горбачев играет роль и сообщает Черняеву то, чего на самом деле нет. Иначе его поведение выглядит уж очень глупо.

Через несколько дней после июньского «несостоявшегося ГКЧП» Горбачев при встрече с Поповым попенял ему за обращение к послу и президенту США[1]. Получается, что просьба Попова (для Ельцина) была американцами передана Горбачеву, и в результате последний изменил планируемый вариант получения дополнительных полномочий.

Валентин Павлов оценил возникшую патовую ситуацию так: «…Представляют двойной интерес действия официальных лиц США… Слишком деликатная тема — по сути, прямое вмешательство в наши внутренние дела иностранного государства. И во имя чего — сохранить конкретного человека на своем посту и по его либо просьбе, либо согласию. Любому понятно, что на такие шаги идут лишь для кого-то очень нужного, можно сказать, слишком своего человека»[2].

Удивил Валентин Сергеевич вмешательством США в дела нашей страны! «У сильного всегда бессильный виноват». А вспомним вмешательство наших вождей в дела других стран, когда мы были сильными (Венгрия, Чехословакия, Афганистан и т.д. и т. п.). А вот то, что Горбачев нужный был им еще тогда — это в точку.

Ельцин и его демократические сторонники нашли свой способ нанести более сильный ответный удар, похоже, так же после консультаций с «другом Бушем».

20 июля президент РФ Б.Н.Ельцин подписал Указ «О прекращении деятельности организационных партийных структур политических партий и массовых общественных организаций в государственных органах, учреждениях и организациях РСФСР». Формально удар нанесен по партийным структурам всех партий, но фактически на 99,9 процента это был удар по КПСС.

Председатель Комитета по правам человека Верховного Совета РСФСР С.Ковалев так прокомментировал этот Указ: «Спору нет, указ Ельцина по законам политической борьбы провоцирует ответные меры, некую самозащиту партийцев. Но есть ведь и другая опасность, противоположная: вялость новой исполнительной власти может породить подготовленные, продуманные, хотя и закамуфлированные сопротивления компартии. Указ Ельцина — это, если хотите, открыто брошенная перчатка, решительный вызов»[3].

---

[1] *Г. Попов.* Снова в оппозиции. М.: «Галактика», 1994, С. 203—210.

[2] *В. Павлов.* Август изнутри. Горбачев путч. М.: «Деловой мир», 1993, С. 81.

[3] Новое время, 1991, №9, С.9.

Вызов был действительно брошен и брошен решительно, он понимал, что победа на выборах — успех кратковременный. Тем более, что за него проголосовало чуть больше половины избирателей. Для того, чтобы заморочить головы большинству населения страны нужна конфронтация — излюбленное состояние Ельцина, как политического бойца.

Тот же С.Ковалев косвенно расшифровывал спешку президента: «…От Ельцина как раз ждут решительных шагов. Ждут противники — ждут и избиратели.

Народ выбирал президента не для того, чтобы он бездействовал, — об этом факторе нельзя забывать. Когда впереди предстоят неизбежные, но непопулярные экономические меры, доверие избирателей надо постоянно оправдывать, поддерживать.

Вся президентская рать не сможет быстро поднять наш уровень жизни, наполнить магазины. В такой ситуации нужно принимать политические решения — то, что не требует долгой раскачки»[1].

Все так, но не указана еще одна причина (пожалуй, самая важная) — департизация нужна была для того, чтобы под шумок победы на президентских выборах, резко ослабить позиции главного противника — компартию России, к которой симпатии населения неизбежно возрастали бы уже в самом начале экономических преобразований, подготавливаемых ельцинскими соратниками. Известно, что практически все реформы сначала резко ухудшают экономическое положение населения, и лишь затем некоторые из них приносят ожидаемые плоды.

Маятник народных симпатий неизбежно пошел бы в другую сторону. И тут самая мощная партия, опирающаяся на существующую структуру парткомов и первичных парторганизаций в производственных коллективах, быстро взяла бы реванш. Однако Б.Ельцин со товарищи пришел к власти не для того, чтобы ее кому-то отдавать.

Российские власти, не находя взаимопонимания в дележе власти с союзным руководством, которое было сплошь из членов КПСС, понимали, что принадлежность к одной партии цементирует и саму партию и реальную власть. А раз так, то необходимо этот цемент разрушить. Тем более, что популярности идей коммунизма уже был нанесен серьезный удар средствами массовой информации.

Ельцин упредил своих конкурентов в лице КПСС и КПРФ, тем более, что отдельные их руководители открыто призывали и аги-

[1] Там же.

тировали за немедленное введение режима чрезвычайного положения. Так, секретарь ЦК КПСС О.С. Шенин, выступая на партийной конференции аппарата войск КГБ СССР в апреле 1991 года, практически агитировал за введение чрезвычайного положения и рассказывал, какие меры следует принять:

«Впереди российский съезд. Впереди выборы президента. Есть тут над чем работать Компартии РСФСР, всей партии, ЦК КПСС и ЦК РСФСР. Но если мы проиграем на этом этапе и съезд, и выборы, то ясно, что мы идем к структуре совершенно несоветской. Таким образом, если говорить об экономике, о политической стабилизации, без чего невозможно развитие экономики, то что все-таки может стабилизировать? Я сторонник только одного решения. Все, что я говорил раньше, меня в этом поддерживают многие товарищи. Точно такого же мнения Секретариат ЦК. То, что сейчас я скажу, это мнение более узкого круга товарищей. Я без введения режима чрезвычайного положения не вижу нашего дальнейшего развития, не вижу возможности политической стабилизации и стабилизации экономики»[1].

Сказано довольно откровенно, настолько, что не вполне верится, что эта речь была произнесена в апреле 1991 года, а не придумана позже. Уж больно в ней все пророчески подтверждается. Да, и партконференция не должна быть этаким собранием узкого круга доверенных лиц, утечка информации была очень вероятна. Но, с другой стороны, это пророчество стало сбываться уже сразу после победы Ельцина на выборах президента РФ, когда на Верховном Совете СССР встал вопрос о даче дополнительных полномочий по наведению порядка.

Интересно отметить, что сотрудники госбезопасности свои тревоги за судьбу страны (СССР) доводили до руководства России. Так, в июле 1991 года было проведено совещание руководящих органов госбезопасности РСФСР. Присутствовали на совещании Б.Н.Ельцин, И.С.Силаев, А.В.Руцкой, В.А.Крючков, представители российских парламентских комитетов. Речи звучали достаточно тревожные. Так, руководитель ПГУ (разведка) КГБ СССР Леонид Владимирович Шебаршин в своем выступлении сказал: «Думаю, что разведка и органы госбезопасности в целом не могут поддаваться той эйфории, которая характеризует оценку международного положения частью нашей общественности…

Хотел бы привлечь внимание к такому обстоятельству: на Западе все чаще и все более открыто констатируют, что причиной

---

[1] Цит. по: *Е.Стригин*. КГБ был, есть и будет. От КГБ СССР до МБРФ (1991—1993). М.: «Алгоритм», 2004, С. 568.

уходящей в прошлое конфронтации были совсем не различия в идеологиях. США и Запад не могут смириться с существованием мощного государства на стыке Европы и Азии, государства, способного влиять на состояние дел в мире…

Наше общество стало примером открытости и беспредельной демократии при дефиците дисциплины и порядка… Из-за рубежа идет подпитка сепаратистских, националистических сил, создаются, своего рода, лобби, группы и слои влияния, которые невольно, а зачастую вольно выступают в качестве проводников чуждых интересов в нашей стране… Мы вынуждены констатировать, что деятельность американской и других западных разведок против нашей страны не сокращается, а принимает все более наступательный и масштабный характер»[1].

Сказано откровенно и смело, но кто из присутствующих высокопоставленных лиц, а прежде всего Президент России, прислушался к этим словам? В стране решался главный вопрос — о власти. Кто же в это время думает о самой стране, судьбах и нуждах ее народа? Впрочем, похоже, что это выступление Л.В. Шебаршина все-таки не осталось незамеченным. Не это ли выступление в августе припомнит ему Борис Николаевич, когда сделает все, чтобы он покинул пост главы КГБ СССР, пробыв в этом качестве всего несколько дней.

В «Обращении к советскому народу», с которым выступили руководители ГКЧП, говорилось, что «над нашей великой Родиной нависла смертельная опасность»! И это было так на самом деле, поскольку весь 1991 год в стране явно назревала ситуация возможного резкого поворота в политике.

Уже в середине этого «года великого перелома» стало резко нарастать общественное противодействие затянувшимся квазиреформам, именуемым горбачевской перестройкой. Оппоненты реформ по Горбачеву писали: «С апреля 1985 года поэтапно, в полном соответствии с графиком, а не стихийно, как нам пытаются внушить сегодня, стал воплощаться в жизнь глобальный план уничтожения СССР, разработанный и неоднократно публично обсуждаемый крупнейшими специалистами Запада еще в 70-х годах и уже тогда получивший название «перестройка». Главным пунктом этого плана являлась ограниченная гражданская война на территории России, имеющая целью ликвидацию активной патриотической части общества без применения средств массового уничтожения и установления марионеточных диктатур фашистского толка в многочисленных вновь образовавшихся го-

[1] Там же. С. 88—89.

сударствах»[1]. Это написано было тогда, когда и в страшном сне не могло присниться, что могучий Советский Союз может распасться на «многочисленные вновь образовавшиеся государства».

И вот уже в июле 1991 года в обращении «Слово к народу», подписанном Юрием Бондаревым, Валентином Варенниковым, Эдуардом Володиным, Борисом Громовым, Геннадием Зюгановым, Александром Прохановым, Валентином Распутиным, Василием Стародубцевым и Александром Тизяковым, сказано, что «случилось огромное, небывалое горе. Родина, страна наша, государство великое, данное нам в сбережение историей, природой, славными предками, гибнет, ломается, погружается во тьму и небытие. И эта погибель происходит при нашем молчании, попустительстве и согласии»… И далее в документе содержались призывы встать в народное движение.

«Так жить нельзя» — под таким заголовком вышел в 1990 году фильм Станислава Говорухина, который, по существу, этими словами выразил состояние умов практически всего советского народа. Однако способы выхода из сложившегося положения многие видели по-разному. Одни — в необходимости крутых реформ, другие — в наведении жесткого порядка, но большинство сбитых с толку людей метались между этими крайностями. Но постепенно недовольство горбачевской перестройкой стало охватывать все больше и больше людей, за исключением, тех что безоглядно верили пустослову Горбачеву. Но и их становилось все меньше.

Идейные противники нового советского президента не без основания писали: «В доисторические времена Господь карал, согласно Библии, народы мором, голодом, трясением земли, потопом, войнами. В СССР все это оказалось лишним, ибо оказалось достаточно появиться Горбачеву, и все пришло само собой — войны внутри страны, всеобщий дефицит, катастрофы, крушение государственности, анархия…»[2] Но сменить его сама правящая партия уже не смогла или не успела. Его сменила сама судьба.

Порой высказываются предположения, что о перевороте больше говорили те, кто своими разговорами и действиями пытался его не допустить. Существует также версия, что к совершению переворота подталкивали те силы и лидеры этих сил, против которых он, казалось бы и был направлен. Так, известный журналист Павел Вощанов писал: «…Путч был нужен не столько тем, кто

---

[1] Юность, 1994, № 9, С. 90.

[2] *С. Кислицын, В. Крикунов, В. Кураев.* Геннадий Зюганов. Краснодар. «Флер-1», 1999. С. 38—39.

его затеял, сколько тем, кто с ним героически боролся. Берусь утверждать, именно такое развитие событий в том же российском Белом доме предполагали задолго до 19—22 августа. И делали все, чтобы эти события стали неотвратимыми. Тому в подтверждение есть факты, они известны многим из тех, кто в ту пору работал в команде Ельцина и провел в Белом доме три незабываемых по величию и лицемерию дня»[1]. Вторит В. Вощанову и Г.Х. Попов, который писал: «ГКЧП сумел из всех возможных вариантов избрать такой, о котором мы могли только мечтать, — не просто против Горбачева, а еще с его изоляцией. Получив такой прекрасный пас, Ельцин не мог не нанести великолепный удар.

Я не хочу сказать, что все эти соображения были «просчитаны» утром 19 августа за два часа. Работа велась в эти часы очень напряженная, но не на пустом месте.

Стратегия Ельцина была также четкой. Воспользовавшись путчем, объявить лидеров ГКЧП нарушителями законности. И вместе с восстановлением норм Конституции разгромить верхушку и всю структуру КПСС, которая, конечно же, не посмеет выступить против ГКЧП как минимум, а как максимум — поддержит ГКЧП и подставит себя под сокрушительный удар. Одновременно перехватить у КПСС руководство армией, ГБ, МВД, печатью»[2].

Именно те люди, которые воспользовались «плодами» бездарных руководителей ГКЧП, накануне очень много и активно через СМИ говорили и внушали населению страны неприятие военного решения общественного кризиса начала 90-х годов. Вот, например, что писали о польском военном перевороте образца 1981 года: «Военное положение — мера крайняя. Жест бессилия и отчаяния, когда все иные средства — политические, экономические, пропагандистские больше не действуют. И как показал последний польский опыт, шаг последний, ведущий в тупик… Военное положение, за которое ратуют сторонники силовых методов, погрузит Россию в ненависть, кровь и безвыходность… Никакое военное вмешательство уже не спасет в России коммунистическую систему, давно разминувшуюся с жизнью и ставшую тормозом общественного развития»[3]. Разумеется, в таком же духе писал не только журнал «Новое время», так писали практически все газеты и журналы, так же говорили по радио и телевидению.

Был перед глазами и более близкий «опыт» распада многонациональной страны в результате вмешательства в политику мас-

---

[1] «Деловой вторник», 21.08.2001, С. 1.

[2] *Г. Попов.* Снова в оппозиции. М.: «Галактика». 1994. С. 253.

[3] Новое время, 1991, № 16, С. 22.

штабного кризиса военных — Югославия. Ситуация в этой стране развивалась по очень похожему сценарию, но раньше, чем в России, так что была возможность «учиться» на чужом горьком опыте. «Поскольку в нашей стране с некоторым запаздыванием повторяются многие процессы, которые привели Югославию к ее нынешнему итогу, логично взглянуть на СФРЮ как на лабораторную модель для Советского Союза»[1].

Горбачев всячески оттягивал очевидную трагическую развязку разразившегося, прежде всего по его вине, системного кризиса, затеяв игру с заключением Союзного договора. Он сумел выиграть время, но переиграть его было уже невозможно. За обещание предоставить больше свобод республиканским «князьям» была куплена их лояльность Президенту Союза. Куплена, но ненадолго, как выяснилось очень скоро, на весьма малое время. Именно этот договор стал формальным поводом к созданию ГКЧП, поскольку его предстоящее подписание не снимало, а, напротив, усугубляло возникшие проблемы во взаимоотношениях между республиками.

Прогнозы возможного переворота давали и известные политики. За несколько дней до наступления времени ГКЧП президент Казахстана Нурсултан Назарбаев сказал корреспонденту «Комсомольской правды»: «Горбачев как человек не поведет нас к диктатуре. Его характер, склад не ориентирован на это. Уверен, что он привержен демократическим преобразованиям и реформе в экономике. Но сейчас вокруг него группируются силы, которые подталкивают его на какие-то жесткие методы»[2]. Одним словом, воздух был перенасыщен думами о перевороте и было от чего.

Кризис в 1991 году был системным, он охватил буквально все стороны общественной жизни и усугублялся тем, что своим острием был направлен на главу государства. Бывший руководитель охраны президента Владимир Медведев писал: «Отношение народа к лидерам — чуткий барометр. Если к Брежневу даже в худшие годы относились с иронией и насмешкой, то к Горбачеву — с враждой и злобой»[3].

Популярность Горбачева, которому в начале «перестройки» народ поверил, приближалась к нулю. Самое страшное, что своему верховному главнокомандующему перестали верить люди в погонах — государственники по определению. Среди военных, так же как и в иных кругах, постоянно говорили о близком пе-

---

[1] Там же. С. 18.

[2] Комсомольская правда 09.08.1991, С.1

[3] *В.Медведев.* Человек за спиной. М.: «Русский», 1994. С.14

перевороте, но чаще о перевороте, организованном не вооруженными силами. Так, маршал Ахромеев весной 1991 года сказал: «Уже три года твердят, что Вооруженные Силы готовят и могут совершить переворот. Кто об этом говорит? Вы вежливо молчите, а я скажу прямо: Ельцин Б.Н., Собчак А.А., Арбатов А.Г»[1]. Высшее военное руководство, как видим, успокаивало народ, но думали они, похоже, иначе. И события трехдневного путча тому подтверждение, поскольку душой, мотором и мозгами его были люди в погонах и, прежде всего, высокопоставленные сотрудники органов госбезопасности.

Подполковник КГБ Александр Кичихин (известный критик этих органов) на вопрос о подготовке руководства своих сотрудников к участию в путче ответил: «…Аморфную массу, конечно же, обрабатывали в нужном направлении. Несколько лет подряд им внушали, что демократы — враги. В апреле-мае 1991 года нам стали устраивать «встречи с интересными людьми». Раньше приглашали спортсменов, космонавтов, артистов. А тут вдруг зовут редколлегию газеты «Советская Россия». И полный зал сотрудников КГБ встал, приветствуя их. На «ура» прошла и встреча с депутатами Алкснисом и Коганом. Алкснис, выступая, сказал, что президент Горбачев не соответствует интересам общества, и зал взорвался аплодисментами. Иначе говоря, сотрудники важнейшего правоохранительного органа приветствовали выступление против законного президента. Помните, Владимир Крючков произнес на закрытом заседании Верховного Совета СССР большую речь, направленную против реформ Горбачева? Речь не публиковали, а у нас разослали по всем подразделениям и приказали ознакомить каждого сотрудника комитета. Это было не что иное как промывание мозгов»[2].

Когда встают, чтобы приветствовать, это признают интерес и симпатии еще до того, как проведена встреча. Ведь и приглашают обычно тех, кого хотят в тот период слушать, отвести душу. Так что особой корысти у руководства могло и не быть. Но ведь без разрешения руководства такие встречи и не проводили бы. И это верно, так что симпатии, вероятно, были и у самого руководства.

Г. Попов писал: «Путч или репетировали, или даже пытались начать событиями в Вильнюсе зимой 1991 года, введением войск в Москву 27 марта 1991 года, демаршем премьера Павлова 17 июня 1991 года»[3].

---

[1] Новое время, 1991, №15. С.15.

[2] Цит. по: *Е. Стригин*. КГБ был, есть и будет. От КГБ СССР до МБРФ (1991—1993). М.: «Алгоритм», С. 569—570.

[3] *Г. Попов.* Снова в оппозиции. М.: «Галактика», 1994, С.241.

Таким образом, в течение 1991 года минимум два-три раза складывалась такая ситуация, когда шла то ли подготовка к резкому наведению порядка, то ли делались попытки его навести, но всякий раз Горбачев на полпути менял направление. Если внимательно прочитать все, что говорил Михаил Сергеевич за годы перестройки, то можно увидеть, что свои взгляды он менял столь часто и столь радикально, что невольно приходишь к неутешительному выводу, что он не имел сколько-нибудь осознанного плана преобразований. Не мудрено, что главным результатом перестройки стало полное банкротство не только самой идеи реформирования советского общества, но и реформатора. Так что ГКЧП августа 1991 года явился венцом обанкротившейся политики горбачевской перестройки, с одной стороны, а с другой, он нес в себе как родимые пятна характерные черты своего духовного родителя: неуверенность, неподготовленность, трусость, предательство.

Существует несколько версий возникновения ГКЧП именно в это время и именно в столь необычном оформлении. Первая версия — ельцинская. В своих мемуарах Б. Ельцин высказал предположение, что его разговоры с Горбачевым, проходившие 29 июля, о необходимости смены Павлова, Янаева и «силовиков» были записаны и, возможно, стали спусковым крючком начала августовского путча. Впоследствии записи бесед якобы были найдены в кабинете одного из членов ГКЧП — Болдина, хотя Болдин это решительно отрицал[1]. Отрицал не только Болдин, который утверждал, что такой записи не было[2], но и В. Крючков, который в своем выступлении в суде сказал:

«…В средствах массовой информации появилось сообщение о том, что КГБ прослушивал встречу Горбачева, Ельцина и Назарбаева 29 июля 1991 года в Ново-Огарево, что под Москвой. В связи с этим я обратился к генеральному прокурору России с опровержением и требованием проверить эту информацию, возбудить уголовное дело. Генеральная прокуратура осуществила проверку и официально сообщила мне, что информация о прослушивании не получила подтверждения, о чем было даже помещено сообщение в печати. А тем временем эта ложь обыгрывалась в средствах массовой информации в негативном для меня и моих товарищей плане»[3].

Если все это так, то получается, что Ельцин ошибается в своих воспоминаниях. Маловероятно, что он осознанно лжет. Скорее,

---

[1] *Б.Ельцин.* Записи президента. М.: «Огонек», 1994, С. 55—56.

[2] «Комсомольская правда», 19.08.1998, С. 2.

[3] *В. Крючков.* Личное дело. М.: «Олимп», 1996, Т. 2, С. 419.

его подставил подлинный автор текста, который сам попался в ловушку, устроенную для других. Но ведь Борис Николаевич все это признал в своих воспоминаниях! Кстати, даже в случае несоответствии реальности ельцинских слов, полной гарантии неверности его версии о причинах создания ГКЧП в августе 1991 года нет. Ведь информация о возможной их замене могла дойти до будущих гекачепистов иным путем.

В любом случае мотив выступления основных фигурантов ГКЧП вполне понятен — они поняли, что их ожидает в самое ближайшее время, и хотели удержаться у власти, вот, вроде, и весь их патриотический пыл. Версия очень выгодная для лиц, которые после августа 1991 года получили неограниченную власть. Как бы это ни звучало парадоксально, но версия выгодна и для тех, кто в августе потерял реальную власть, а в декабре — официальную, и прежде всего Горбачеву.

Пресс-секретарь М.С.Горбачева А. Грачев, например, по этому поводу писал:

«На радостях «три богатыря» — Горбачев, Ельцин и Назарбаев, чей альянс обеспечил согласие остальных республиканских лидеров, оставшись на даче после заседания, по-русски отметили достигнутый успех. Потеряв осторожность, не смущаясь открытых дачных окон и расставленной за каждым кустом охраны, они во весь голос обсуждали будущие кадровые замены в Кремле…

Ночной «пир победителей» в Ново-Огареве обошелся дорого. Их беспечность позволила шефу охраны Горбачева, начальнику «девятки» КГБ Юрию Плеханову на следующий же день доложить своему руководителю Крючкову детали кадровой перетряски, назначенной вслед за подписанием нового Союзного договора 20 августа. Тем самым организация антигорбачевского путча оказалась установлена им самим — часовой механизм подготовки августовского взрыва был запущен»[1].

Однако, не только пресс-секретарь, сам Горбачев придерживается этой версии. В десятую годовщину ГКЧП он сказал: «когда им стало ясно, что договор будет подписан, а за ними состоятся выборы новых органов, на которых вряд ли они добьются успеха, они пошли на путч»[2].

Эта версия довольно распространена. А.Н.Яковлев повторил ее, как и М.Горбачев, через 10 лет[3].

Версия вторая — гэкачепистская. В.А.Крючков, естественно, все карьеристские причины отвергает. Что тоже ясно — кто же

---

[1] А.Грачев. Кремлевская хроника. М.: «Эксмо», 1994, С. 130.

[2] «Союз: Беларусь — Россия», 16.08.2001, С. 3.

[3] «Демократический выбор», 2001, № 32. С. 1.

признается, что из-за кресла пошел на переворот. В своих мемуарах он писал: «Предстояло принять тяжелейшее, но исторически необходимое решение, касающееся судьбы Союза. Если оставаться в роли свидетелей, то крушение СССР неизбежно, и тогда мы будем виновниками происшедшего»[1]. Такова его благородная версия. Ее он подкрепляет словами о том, что несколько раз говорил Горбачеву о своем желании уйти на покой. В своих воспоминаниях Крючков писал:

«С конца 1990 года стал просить Горбачева отпустить меня на пенсию. В 1991 году дважды повторял эту просьбу и получил согласие в начале 1992 года вернуться к рассмотрению этого вопроса»[2].

Кстати, как казалось бы ни странно, но о патриотической основе создания ГКЧП написал и известный демократ — Гавриил Попов, которому сподручнее было бы отстаивать именно первую ельцинскую версию. Однако верный ельцинист, он еще и ученый — поэтому подход к вопросу в качестве аналитика исключал политический расчет: «Я склонен считать, — писал Гавриил Харитонович, — что организаторы путча — по преимуществу люди идеи, верные слуги поднявшей их к своей вершине аппаратной пирамиды. Они думали об интересах страны в своем коммунистическом понимании этих интересов»…[3]

Поскольку суда над членами ГКЧП, по существу, так и не состоялось, то и официальной точки зрения на две названные версии нет.

На наш взгляд, истина, как всегда, где-то посередине. То есть в данном случае наиболее вероятной версией является симбиоз двух вышеназванных версий. Основные участники ГКЧП действительно знали, что в самое ближайшее время они могут лишиться своих кресел, а возможно, и заслуженной и обеспеченной старости. Но кто может отвергнуть предположение о наличии у них хоть какого-нибудь благородного побуждения?

Существуют и другие версии. В том числе и менее удобная для многих версия о том, что ГКЧП создавался верными слугами президента СССР с его полумолчаливого согласия и в его интересах (чтобы удержаться у власти). Молчаливым согласие было из-за нелюбви Горбачева к радикальным шагам и опасения не получить западную экономическую поддержку, которую давали под обещание проводить процесс демократизации. Однако в определенный момент президент предал своих слуг.

---

[1] *В.Крючков.* Личное дело. М.: «Олимп», 1996, Т. 2, С. 162.

[2] Там же. С. 233.

[3] *Г. Попов.* Снова в оппозиции. М.: «Галактика», 1994. С. 196.

Эта версия не устраивает ни Горбачева (он выглядит тайным гэкачепистом и предателем), ни Ельцина с его окружением (они оказываются не столько спасителями демократии, сколько сознательными лжецами), ни самих членов ГКЧП (они выглядят обманутыми слугами, а не спасителями Отечества). Эту версию действительно сложно признать, хотя некоторые, весьма компетентные лица находят аргументы в ее пользу.

Так, не последний человек в бывшем руководстве КГБ СССР генерал А.Г. Михайлов утверждает, что: «Зная осторожность Крючкова, можно предположить, что шеф Лубянки не сделал бы ничего без высочайшей воли генсека»[1].

Существует и вовсе уж экзотическая версия, что организатором событий 19-21 августа 1991 года был… Ельцин. Эту версию, возможно в качестве курьеза проводит в своей книге Александр Хинштейн.

«Это предположение абсурдно лишь на первый взгляд. Еще с античных времен существует в юриспруденции классическая формула: «CUI PRODEST?» — «Кому выгодно?».

Сиречь, кому выгодно преступление, тот и является первейшим подозреваемым.

А кто, простите, собрал самый обильный урожай с августовских полей? Горе-путчисты? Вот уж нет. Они-то как раз потеряли власть навсегда, из теплых кабинетов переехав в тюремные казематы.

Горбачев? Тем более. И полугода не прошло, как выкинули его из Кремля пинком под зад.

Максимальную пользу от этих событий получил именно Борис Николаевич Ельцин. Одним махом он изничтожил КПСС, ликвидировал Советский Союз, избавился от Горбачева и компании, мертвым грузом висевших на его ногах, да еще и крайне невыгодный для себя Союзный договор заблокировал. Из номинального президента номинально суверенной республики Ельцин в одночасье превратился в полноправного владыку сверхдержавы — нового русского царя.

То есть, переводя эту ситуацию в приземленную плоскость, если раньше владел он всего лишь комнатой в коммуналке, — пусть и самой объемной по площади, то теперь ответственного съемщика больше не стало, а комнату вкупе с местами общего пользования жилец успешно приватизировал, прорубил отдельный вход и зажил кум королю.

---

[1] *А.Михайлов.* Портрет министра в контексте смутного времени. Сергей Степашин. М.: «Олма-пресс», 2001, С. 70.

Если бы путча не случилось, Ельцину просто следовало его придумать. Без августа 1991 года он никогда не стал бы тем, кем стал; и Горбачев власти ему столь легко не отдал бы.

Не случайно один из участников тех событий покойный генерал Лебедь писал дословно следующее:

«Путча как такового не было. Была гениально спланированная и блестяще осуществленная, не имеющая аналогов провокация, где роли были расписаны на умных и дураков. И все они, умные и дураки, сознательно и бессознательно свои роли выполнили».

Ельцин, надо полагать, относился, по классификации генерала, к «умным». Большинство остальных, включая и самого Лебедя, — к «дуракам»…»[1]

Резюмируя все сказанное по поводу версий ГКЧП, приходим к выводу, что все участники трехдневных августовских событий блестяще отыграли свои роли: Президент СССР — в качестве жертвы борьбы за демократию; Президент РСФСР — героя-защитника демократии; а члены ГКЧП — борцов с разрушителями Отечества. При этом всех указанные роли по-своему устраивали. А вот истина, похоже, их всех совсем не устраивала, а посему, вряд ли мы когда-нибудь эту истину узнаем.

Однако версии версиями, а факты фактами. Интересы у всех названных лиц были разные, а результат оказался единым. Страна давно катилась к катастрофе, которую не мог остановить новоогаревский процесс. И она до этой катастрофы докатилась, в том числе, благодаря неудачно (вернее незаконно) введенному чрезвычайному положению и трехдневной «власти» организаторов ГКЧП.

Как только не называли, сначала в средствах массовой информации, а затем в многочисленных воспоминаниях и мемуарах людей, в той или иной степени бывших участников или свидетелей этих трагических для страны дней, события 19—21 августа 1991 года.

Александр Лебедь одну из глав своей книги «За державу обидно» назвал так: «Спектакль под названием «Путч»[2]. И он был не одинок в столь критической оценке ГКЧП.

Кирилл Столяров назвал в своей книге одну главу, посвященную ГКЧП, «инсценировкой»[3]. «Опереточным путчем» назвал ГКЧП Никита Моисеев («Наш современник», 1994, № 3, С. 114), которое,

---

[1] *А. Хинштейн.* Ельцин. Кремль. История болезни. М.: «Олма Медиа Групп», 2008. С. 234—235.

[2] *А. Лебедь.* За державу обидно. М.: «Московская правда», 1995, С. 383.

[3] *К.Столяров.* Распад: От Нагорного Карабаха до Беловежской Пущи. М.: «Олма-пресс», 2001, С. 177.

очевидно, очень понравилось Александру Хинштейну, озаглавившему шестую главу своего «медицинского» исследования феномена Б.Ельцина «Опереточный путч»[1].

«Спектакль» же оказался триумфальным для одних и трагическим для других, а вернее для большинства советских людей. Это был звездный час для тех, кто ненавидел коммунистический режим, а конкретнее, — Советскую власть. Причем это были совершенно разные люди, да и ненавидели они Советскую власть по-разному. Некоторые за давно уже репрессированных родственников. Например, В.В.Бакатин, всю свою сознательную жизнь собирал материал, посвященный своему роду и прежде всего своему деду Александру Петровичу Бакатину, который был репрессирован в 1937 году. В книге «Покоренные Сибирью (История нашего рода)» В.В.Бакатин пишет: «Если есть среди моих предков человек, о котором я чаще всего думал, который очень интересовал меня с раннего отроческого возраста, которого я никогда не видел, но любил, то это расстрелянный в 1937 году мой дед Александр Петрович Бакатин».

Другие потому, что свято верили в газетные строки, много сделавшие для дискредитации КПСС и Советской власти. Третьи потому, что надоели очереди и пустые полки магазинов. Некоторые, глядя на раскормленную, обуржуазившуюся партийную и советскую номенклатуру, которой наплевать было на нужды простого народа. Некоторые… Впрочем, стоит ли перечислять всех, они слишком разные, но их объединяло одно — ненависть была своего рода местью за неудавшуюся жизнь в стране «развитого социализма». Но была ненависть и как средство достижения цели, — пожить при «реальном коммунизме» при котором жила высшая, да и средняя партгосноменклатура.

Это был также звездный час многих отечественных соискателей высоких должностей, ибо предстояла грандиозная замена одних привилегированных лиц другими. И они сполна воспользовались освободившимися «кормушками», восстав из «грязи в князи». Но назвать то, что случилось в эти трагические дни, звездным часом для страны было бы кощунством, поскольку бездарные перевороты не красят ни их участников, ни страну, которая позволила над собой такой эксперимент.

Убежденные противники российских демократов доказывали и продолжают считать, что ГКЧП был упущенным шансом спасти страну. Возможно, хотя история не любит сослагательного наклонения. Представим на минуту, что лидеры ГКЧП действовали ре-

---

[1] *А. Хинштейн.* Цитированное произведение. С. 233.

шительно, скажем, как генерал Пиночет в Чили: разгромили Белый дом, убили Ельцина и все его белодомовское застолье, разорвали Союзный договор, решительно подавили все очаги сопротивления, в том числе и в «отложившихся» де факто Союзных республиках. Словом сделали все, чтобы полететь в Форос не каяться перед Горбачевым о содеянном, а привести ему все атрибуты власти — царствуй на здоровье. Шесть лет с небольшим было у Горбачева для успешного реформирования страны. А каков результат? Все его «успехи» сводились к болтовне о демократизации, гласности и плюрализме (слово-то какое). В целом это положительный процесс, но ни гласность, ни демократизацию нельзя рассматривать в качестве цели. Это не цель, а условие для развития и совершенствования общества и каждой личности. Этими категориями сыт не будешь, когда экономика страны за годы перестройки претерпевала системный кризис. Неужели нужно было еще давать Горбачеву время для окончательного развала экономики и, как следствие, страны?

Возразят, что в случае успеха ГКЧП, организаторы этого комитета обошлись бы без самого главного перестройщика, и страна прямиком шагнула бы к «зияющим вершинам» коммунизма (по А.Зиновьеву). Допустим такое, хотя это и маловероятно. Внимательно посмотрев на лидеров ГКЧП, каждый задаст сакраментальный вопрос — а лидер кто? Ведь это же все верные слуги Горбачева, и могли ли они выправить тяжелейшую ситуацию, созданную Горбачевым при их непосредственной «помощи». А они действительно были верными слугами и упорно доказывали на следствии, что все делали для него, с его благословления и согласия, только вот при случившемся провале столь грандиозного замысла он их всех благополучно предал и «сдал» ельцинскому правосудию. И только потом, когда общественное настроение стало быстро меняться, лидеры ГКЧП начали проклинать того, кому преданно служили до последнего момента. У преданных слуг просто не было иного выбора, как ругать хозяина, после того, как он их выкинул.

Однако роль преданных, но проданных устроить не может никого, и стали появляться «труды» отдельных гэкачепистов, в которых они давали довольно убедительные объяснения того, как все было.

Так, Валентин Павлов, который, на наш взгляд, был наиболее последовательным сторонником свержения не только Ельцина, но, в первую очередь, Горбачева, писал: «…Парадокс был в том, что для преодоления… кризиса в кратчайший срок и с наименьшими потерями для экономики и населения страны нужны были западные кредиты и поставки. Запад же делал вид, что верит в

свой миф о Горбачеве, или рассматривал его как своего рода гаранта событий, соответствующих их интересам. Создан был стереотип поведения, когда верили Горбачеву, а не стране. Во многом это, конечно, создавалось и поддерживалось по инициативе и при помощи самого Горбачева именно для укрепления, удержания его личной власти. Нужно было укрепить его реальную власть внутри страны, сохранив при этом имидж демократа и миротворца. Вот почему основной вариант августа предусматривал его временное отсутствие. Поэтому и необходимо было ограничить его возможности связаться с миром, но сделать это надо было так, чтобы он мог в то же время связаться с кем потребуется в любой момент»[1].

Все верно. Все было затеяно ради Горбачева, но так, чтобы, по первости, то есть до победы над Ельциным, держать его в тени. Ну, а потом, — как говорится, победителей не судят. То есть, иного варианта и не предвиделось, кроме как оставить первого президента СССР у власти.

Вроде бы все логично, но уж больно примитивно. Неужели все лидеры путча столь недалекие люди, что не понимали явно прозападной ориентации Горбачева? Возможно, что ставка была сделана все-таки именно на В.Павлова, который на фоне дрожащих рук Янаева смотрелся, как неофициальный лидер. И не случись внезапного сердечного приступа у В.Павлова, еще неизвестно, как бы развивались дальнейшие события. Увы! Это все сослагательные наклонения.

Версий по поводу этих «загадочных» событий, связанных с ГКЧП, как видим, много, однако факты — вещь упрямая. А факты не говорят, а кричат за то, что именно Горбачев не хотел, чтобы новый союзный договор был подписан. Косвенно это признают даже самые ярые противники ГКЧП. Г.Х.Попов писал, например, что: «О своих планах вернуть Горбачева на место после победы путча ГКЧП, конечно, умалчивал. Это он от Ельцина скрывал. Но Ельцин эту игру разгадал. Сначала якобы устраняем Горбачева, путч побеждает, а с возвращением Горбачева устраняем Ельцина»[2].

Такой же вывод можно сделать по воспоминаниям участников встречи с Горбачевым, прилетевших к нему 18 августа в Форос для согласования предстоящих действий по введению в стране режима чрезвычайного положения.

Свидетельствует В.Болдин:

«Выглядел Горбачев болезненно, передвигался с трудом, на лице, багровом не столько от загара, сколько, видимо, от повы-

---

[1] *В. Павлов.* Август изнутри. Горбачев путч. М.: «Деловой мир». 1993. С. 65—66.

[2] *Г.Попов.* Снова в оппозиции. М.: «Галактика», 1994. С.251

шенного давления, выражалось чувство боли и недовольства. Он быстро со всеми поздоровался за руку и с гневом спросил, ни к кому не обращаясь:

— Что случилось? Почему без предупреждения? Почему не работают телефоны?

— Надо, Михаил Сергеевич, обсудить ряд вопросов.

— Каких вопросов?

— Мы приехали, чтобы обсудить ряд вопросов о положении в стране, — начал О. Шенин.

— Кого вы представляете, от чьего имени говорите? — прервал Горбачев.

Бакланов сообщил, что создан комитет по чрезвычайному положению. Страна катится к катастрофе, другие меры не помогли, Президент должен подписать Указ о введении ЧП.

Бакланов перечислил состав ГКЧП, причем назвал в числе его членов Лукьянова. Сказал, что Ельцин арестован, хотя тут же поправился: будет арестован по пути (из Алма-Аты, откуда он возвращался в Москву).

Реакция, тон Горбачева были неожиданны для приехавших. Проигрывая не один раз сценарий встречи, они рассчитывали на взаимозаинтересованное обсуждение вопроса в духе аналогичным встречам в прошлом и поручений, которые давал Горбачев о готовности введения чрезвычайного положения в стране. А тут сразу — отлуп. Узнав, кто входит в состав комитета, а главное, узнав, что прибывшие не представляют руководство России, Горбачев стал мягче. Убедившись, что меры чрезвычайного положения распространяются и на российское руководство, успокоился окончательно.

— Все, что вы предлагаете, лучше осуществить максимально демократическим путем, поэтому я советую, как можно сделать то, что намечается».

Дальше, как утверждает В. Болдин, пошел спокойный и деловой разговор. Михаил Сергеевич говорил, как нужно решать предполагаемые вопросы, пояснил, почему он занимает такую позицию. Пожимая на прощанье руки, говорит:

— Черт с вами, действуйте»[1].

Однако Горбачев излагает окончание встречи по-своему, но нужно учитывать, что все это было сказано post factum:

— Не хотите сами подписывать Указ о введении чрезвычайного положения, передайте свои полномочия Янаеву — предложил Бакланов. И добавил: — Отдохните, мы сделаем «грязную работу», а потом вы сможете вернуться.

---

[1] Цит. по: *В. Андриянов, А. Черняк.* Одинокий царь в Кремле. М.: «Правда», 1999. С. 343.

Я, разумеется, отверг это гнусное предложение.

— Тогда пойдете в отставку, — проговорил Варенников.

— Не рассчитывайте. Вы — преступники, ответите за свою авантюру.

На этом разговор закончился. Мы попрощались. Когда они уходили, не сдержался и отругал их «по-русски»[1].

То есть, матом. На это Генеральный был мастак. Итак, визитеры разочарованы. Надо же, ведь совсем недавно сам Горбачев считал введение режима чрезвычайного положения единственным выходом из тупика. Однако Горбачев после этой встречи повеселел, на вечер заказал приключенческий фильм. Затем ужин — с винами. К отключению телефонов отнесся довольно спокойно, как к шагу, продиктованному заботой об его же имидже. Тем более, что связь в помещении охраны работала безупречно, и после убытия «визитеров» Горбачев сделал оттуда несколько звонков, в том числе А. Вольскому и первому зампредсовмина СССР В. Щербакову. При этом он предупредил А. Вольского, что он жив и здоров, несмотря на то, что по радио объявят о якобы его болезни.

Около 22 часов 18 августа «визитеры» вернулись в Москву с «довольно кислыми физиономиями», как вспоминал маршал Язов. Однако Крючков не унывал, он уже получил информацию об итогах визита от Плеханова и решил, что: «президент страны поддержит введение чрезвычайных мер, если они будут успешными»[2]. Его вдохновила фраза, брошенная Горбачевым по окончании встречи: «Черт с вами, действуйте». То, что Горбачев отказался от подписания Указа о введении ЧП и от передачи своих полномочий вице-президенту, его ни мало не смущало. Он знал прекрасно характер Горбачева, поскольку подобным образом, по принципу: «На телегу не лягу и пешком не пойду» — он действовал всегда.

И закрутилась работа. Правда пришлось немного «поработать» с Янаевым. Его еле-еле сумели найти и вытащить на экстренное заседание комитета с какого-то дачного сабантуя. К тому времени он уже был хорош, вошел в зал прыгающей, хмельной походкой и с трудом уселся в председательское кресло. Можно считать, что с этого момента замысел гэкачепистов покатился к своему закономерному провалу. Павлов вспоминал: «Мы тут сидим, важные дела обсуждаем, а вице-президент где-то гуляет».

Потом многие из участников этой тайной вечери будут говорить, что их не покидало ощущение какого-то дурного водевиля; пьяного застолья.

---

[1] Там же.

[2] *В. Крючков.* Личное дело. М.: «Олимп», 1996. Т.2. С. 160.

Никакого четкого плана действий у путчистов не было. Куда двигаться, с чего начинать — они попросту не понимали.

«Целый вечер 18 августа в кабинете… шел какой-то словесный базар, трудно было разобраться, кто и что здесь решает. Не видно было среди присутствующих государственных мужей…», — говорил на следствии замминистра обороны Владислав Ачалов.

Самым тяжелым делом оказалось уговорить Янаева подписать указ о вступлении в президентскую должность. Без этого формального акта любые ухищрения становились бессмысленными.

Вице-президент долго отнекивался. Он прикуривал одну сигарету от другой, заплетающимся языком уверял, что не готов к такой ответственной миссии, предлагал возглавить ГКЧП более достойным (например Лукьянову). И вообще: «пусть Михаил Сергеевич вернется, тогда и поговорим».

Соратники наперебой объясняли Янаеву, что никакой ответственности ему брать на себя не придется: его дело лишь подписывать указы, а все остальное они обеспечат сами; а как только Горбачев поправится, он тут же приступит к прежней работе. Наконец, Янаев согласился.

Подпись, поставленная им на подсунутом Крючковым указе, отменно характеризует состояние, в котором прибывал вице-президент: прыгающий, нерешительный росчерк, сделанный дрожащей рукой. Но этой хмельной закорючки вполне хватило, чтобы изменить ход мировой истории[1].

Всех удивил А.Лукьянов — он категорически отказался войти в состав ГКЧП, заявив, что как глава парламента он не может сделать этого. Отказался в него войти и министр иностранных дел А.Бессмертных, прибывший на заседание из отпуска, который он проводил в Минске, в джинсах и спортивной куртке. Отказ мотивировал тем, что в противном случае ему трудно будет устанавливать контакты с МИД других стран, особенно тех, чья реакция на ГКЧП будет отрицательной.

Подготовили «Заявление советского руководства о введении в стране чрезвычайного положения в отдельных местностях СССР» на срок 6 месяцев с 4 часов по московскому времени 19 августа 1991 года. Подчеркивалось, что на всей территории Советского Союза безусловное верховенство имеют Конституция СССР и законы СССР. Третьим пунктом заявления сообщалось о создании Государственного комитета по чрезвычайному положению в

---

[1] *А. Хинштейн.* Ельцин. Кремль. История болезни. М.: «Олма Медиа Групп», 2008. С. 242.

СССР (ГКЧП СССР) из 8 человек, включая председателя КГБ СССР В.А. Крючкова. Заявление было подписано Г. Янаевым, В.Павловым, и О.Баклановым. Вот состав ГКЧП в алфавитном порядке: Бакланов О.Д. — первый заместитель председателя Совета обороны СССР, Павлов В.С. — премьер-министр СССР, Пуго Б.К. — министр внутренних дел СССР, Стародубцев В.А. — председатель Крестьянского союза СССР, Тизяков А.И. — президент Ассоциации государственных предприятий и объектов промышленности, строительства, транспорта и связи СССР, Язов Д.Т. — министр обороны СССР, Янаев Г.И. — вице-президент СССР.

ГКЧП принял «Обращение к советскому народу», которое начинается так: «Соотечественники! Граждане Советского Союза!

В тяжкий, критический для судеб отечества час обращаемся мы к вам! Над нашей великой Родиной нависла смертельная опасность!»

Далее в «Обращении» содержалась оценка положения в обществе и государстве. В частности, отмечалось, что игнорированы результаты общенационального референдума о единстве страны, однако, — «Ни сегодняшние беды своих народов, ни их завтрашний день не беспокоят политических авантюристов». Говорилось также о гибели многих сотен людей в межнациональных конфликтах, о более, чем о полумиллионе беженцев. «Кризис власти, — подчеркивалось в «Обращении»,— катастрофически сказался на экономике. Хаотическое, стихийное скольжение к рынку вызвало взрыв эгоизма — регионального, ведомственного, группового и личного». И далее: «Долгие годы со всех сторон мы слышали заклинания о приверженности интересам личности, заботе о ее правах, социальной защищенности. На деле же человек оказался униженным, ущемленным в реальных правах и возможностях, доведенным до отчаяния. Это результат целенаправленных действий тех, кто попирая Основной Закон СССР, фактически совершает антиконституционный переворот и тянет к необузданной личной диктатуре». И далее: «Даже элементарная личная безопасность людей все больше и больше оказывается под угрозой. Преступность быстро растет, организуется и политизируется. Страна погружается в пучину насилия и беззакония».

«Кое-где послышались реваншистские нотки, выдвигаются требования о пересмотре наших границ. Раздаются даже голоса о расчленении Советского Союза и о возможности установления международной опеки над отдельными объектами и районами страны, Такова горькая реальность...»

Поздно вечером 18 августа ГКЧП подготовил и «Обращение к главам государств и правительств и генеральному секретарю Ор-

ганизации Объединенных Наций», в котором сообщалось, что 19 августа 1991 года в соответствии с Конституцией и законами СССР в отдельных местностях СССР сроком на 6 месяцев вводится чрезвычайное положение.

И еще один документ был принят 18 августа — Постановление № 1 ГКЧП. В нем определялись неотложные меры по стабилизации общества. Пункт 2, например, требовал: «Незамедлительно расформировать, структуры власти и управления, военизированные формирования, действующие вопреки Конституции СССР и законам СССР». Пункт 6 гласил: «Гражданам, учреждениям и организациям незамедлительно сдать незаконно находящиеся у них все виды огнестрельного оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ, военной техники и снаряжения. МВД, КГБ и Министерству обороны СССР обеспечить выполнение данного требования». Подписание документов сопровождалось бурным обсуждением. Янаев предложил ввести в Москву войска. «Тогда нужен режим чрезвычайного положения, иначе права на ввод войск не имеем...» — возразил Язов. Янаев согласился, Указ «О введении ЧП» последовал на следующий день. Лукьянов напомнил о неконституционности ГКЧП. Тут же предложили вынести документы на обсуждение сессии Верховного Совета СССР. У Лукьянова новые сомнения: едва ли сможем созвать сейчас парламент, да и набрать 2/3 голосов для принятия документов тоже едва ли удастся. Тем не менее решили рано утром 19 августа 1991 года огласить все эти документы по радио и телевидению, передать в редакции газет.

19 августа в 6.00 по радио и телевидению передано Заявление Председателя Верховного Совета СССР Лукьянова, содержащее замечания но проекту Союзного договора, требующие, по его мнению, нового рассмотрения документа на Верховном Совете, а затем на Съезде народных депутатов. Фактически это означало невозможность подписания Договора 20 августа. Заявление было датировано 16 августа, но, как впоследствии сообщил руководитель Секретариата Верховного Совета, оно было написано в ночь на 19 августа. Были обнародованы также указ Г.И. Янаева о принятии им на себя функций президента «в связи с невозможностью по состоянию здоровья» исполнения этих функций М.С. Горбачевым, «Обращение советского руководства» (подписанное Янаевым, Павловым и Баклановым) о создании ГКЧП для управления страной и эффективного осуществления режима чрезвычайного положения, «Обращение к советскому народу» и Постановление №1 Государственного комитета по чрезвычайному положению в СССР «О введении чрезвычайного положения».

В 10.00 утра 19 августа члены ГКЧП вновь собрались в Кремле. Выяснилось, что произошел первый сбой. Заболел премьер-министр Павлов. Это нарушало сценарий. Дело в том, что, по утверждению Крючкова, планировалось провести встречу с Ельциным. Собирались это сделать либо в Белом доме, либо в Архангельском — на даче. На встречу должны были ехать Павлов, Бакланов и Язов. Теперь она отодвигалась на неопределенный срок.

Подвели первые итоги. Ситуация в стране пока обнадеживала. Предприятия работали нормально.

Перешли к первоочередным шагам. Предлагалось снизить цены на отдельные товары, выбросить в магазины дефицит. И самое главное — собрать Верховный Совет СССР, с его помощью придать действиям ГКЧП законный характер. Но это лишь благие пожелания.

А что же Ельцин? Все то время, пока горе-путчисты уламывали сначала Горбачева, а потом Янаева, российский президент спокойно пребывал с визитом в Казахстане. Александр Хинштейн так описал возвращение президента России в Москву в ночь на 19 августа:

«Нурсултан Назарбаев принимал его столь радушно, что вылет в Москву пришлось даже отложить на пару часов: Ельцину требовалось хоть немного прийти в себя.

Потом, правда, в ход будет пущена версия, что вылет задержали специально, поскольку Ельцина вроде как собирались уничтожить прямо в воздухе. В своих мемуарах Борис Николаевич пишет об этом прямо, кидая камешки в назарбаевский огород.

«Вылет отложили на час. Потом еще на час. У Нурсултана Абишевича восточное гостеприимство… но хватка та же. И вот тут я почувствовал неладное. Какой-то перебор, пережим… Меня клонило в сон. Перед глазами — сплошные хороводы».

Ясное дело. Столько выпить на жаре, да еще под жирные азиатские яства — всякие там бешбармак, лагман, манты — не то что хороводы — черти перед глазами запляшут.

И тем не менее вопрос поставлен непраздный. Почему ГКЧП не уничтожило… ну ладно, хотя бы не изолировало Ельцина. Упрячь они его в какой-нибудь комфортабельный зиндан, развязка всего действа была бы совершенно иной.

Заговорщики не могли, просто не имели права недооценивать Ельцина. В конце концов, он был самым популярным политиком в России — истинным народным лидером.

Самое интересное, что понимать-то они понимали, но толку никакого с этого не было.

Начальник 7-го управления КГБ (наружное наблюдение) генерал Расщепов показывал на допросе, что еще 17 августа на со-

вещании у зам. министра обороны СССР Ачалова нейтрализация Ельцина обсуждалась детально.

Разумеется, об аресте или тем паче ликвидации речи не шло. Говорилось обтекаемо: нужно, мол, обеспечить безопасность переговоров советского руководства с Ельциным. А для этого ельцинский самолет следует под благовидным предлогом посадить не во «Внуково», а на военном аэродроме «Чкаловский».

Цитата из протокола допроса генерала Расщепова: «Командир особой дивизии КГБ должен был пригласить Ельцина в здание аэровокзала, где, как я понял из разговора, у него должен был состояться разговор с министром обороны Язовым. Перед подразделением ВДВ и Группой «А» ставилась задача нейтрализовать охрану Ельцина».

Группа «А» (она же «Альфа») знала в «Чкаловском» каждый камень. На этом аэродроме она регулярно проводила учения по захвату самолетов.

Однако в последний момент заговорщики дали вдруг слабину. Они будто бы опасались, что Ельцин заподозрит неладное и прикажет посадить самолет не на «Чкаловский», а в «Быково».

Объяснение довольно странное. Ельцин по определению не мог ничего заподозрить, ибо к моменту вылета из братского Казахстана был уже сильно, скажем так, возбужден. Да и зачем нужно было нейтрализовать его именно в «Чкаловском»? Почему не во «Внуково»? Если нейтрализация такая требовалась вообще.

Нет — говорит член ГКЧП Олег Шенин, не требовалась. «Необходимости в его аресте не было, достаточно было лишь задержать самолет. Или принять другие меры, чтобы на момент ГКЧП Ельцин не присутствовал в столице».

Но Ельцин почему-то спокойно приземляется в итоге во «Внуково». На ногах он еще держался. Других его соратников пришлось грузить в машину штабелями…

Служба наружного наблюдения КГБ довела президента до правительственного поселка «Архангельское», где жил он тогда. Еще раньше топтуны досконально обследовали территорию поселка.

История не донесла, каким был сон Ельцина в ночь на 19 августа. Возможно, после выпитого спал он без задних ног. А может быть, как раз мучился бессонницей»[1].

Итак, ранним утром, когда Ельцин и вся его семья безмятежно спали на даче в Архангельском, в дом вихрем влетел Коржаков с криком:

— Вставайте! В Москве переворот!

---

[1] *А. Хинштейн*. Ельцин. Кремль. История болезни. М.: «Олма Медиа Групп», 2008. С. 243—245.

Самого Коржакова, который с семьей жил здесь же, неподалеку от Ельцина, разбудил звонок дежурного из приемной Белого дома:

— Александр Васильевич, включайте телевизор, в стране произошел государственный переворот.

Вспоминает А.Коржаков: «Часы показывали начало седьмого утра. Я включил телевизор и сначала увидел фрагмент из балета «Лебединое озеро», а затем узнал о появлении ГКЧП. Быстро оделся, жену попросил собрать походные вещички — сразу понял, что одним днем путч не обойдется. Две мои дочки и супруга очень волновались. Я им сказал:

— Не беспокойтесь, я вам пришлю охрану.

Скоро к ним приехали двое ребят.

К Ельцину с известием о ГКЧП я пришел первым. Все в доме спали и ни о чем не ведали. Я позвонил в Службу и приказал по тревоге поднять всех ребят и, кого только можно, отправить на машинах в Архангельское. Остальным велел не покидать Белый дом.

В начале девятого Ельцин при мне позвонил Грачеву — в тот момент Павел Сергеевич занимал пост командующего воздушно-десантными войсками и был одним из заместителей министра обороны.

Весной 91-го мы побывали в воздушно-десантной дивизии в Туле, там шеф уединялся с Грачевым и с глазу на глаз они обговаривали, как лучше себя вести в подобной ситуации. Реального ГКЧП, конечно, никто не допускал, но профилактические разговоры велись на всякий случай.

Ельцин был первым руководителем высокого ранга, который разговаривал с Грачевым столь нежно и доверительно. Поэтому Павел Сергеевич еще за несколько месяцев до путча проникся уважением к Борису Николаевичу. После августа до меня доходили слухи о двойной и даже тройной игре, которую якобы вел Грачев. Но слухи эти никто не смог подтвердить документами.

У меня же главная забота была одна — обеспечить безопасность президента России. Я понимал: только переступив порог толстых стен Белого дома, можно было обеспечить хоть какие-то меры предосторожности. А на даче в Архангельском даже думать смешно.

Разведчики уже выезжали в город и доложили: танки повсюду, и на Калужском шоссе тоже — именно оно связывало дачу с городом. Конечно, я понимал: если на нас нападет спецподразделение или армейская часть, мы долго не продержимся, сможем лишь до последнего патрона отстреливаться из наших пистолетов и нескольких автоматов.

Младшая дочь Таня бросилась в спальню отца, начала тормошить его. Обычно Ельцин поднимается рано, но разбудить его после приличной пьянки не так-то просто. Тем более что накануне поздно ночью он вернулся из Казахстана — Президент России был там с первым официальным визитом. Нурсултан Назарбаев — человек гостеприимный. А тут он особо старался — надо было налаживать дружбу с сувереном[1].

Домашним наконец-то удалось растолкать Президента, но смысл слов еще не доходил до него. Он непонимающе смотрел на жену, дочерей, Коржакова, стараясь врубиться в смысл сказанного.

— Вы что, меня разыгрываете? — кинул грозный взгляд на них.

— Боря, кому позвонить? — спросила Наина Иосифовна, почти не разжимая губ.

Тут он, наконец, сообразил, что к чему. Обзвонил всех, кто был поблизости и мог срочно понадобиться. Подошли Полторанин, Хасбулатов, Кобец, Бурбулис, Шахрай, Силаев, Ярошенко, Илюшин, Вощанов. «Обозначился» Собчак, правда, он пробыл недолго, торопился уехать в Петербург. Не было Гавриила Попова, он отдыхал в Киргизии, на Иссык-Куле — позвонил, сказал, что постарается вылететь в Москву. Со своей подмосковной дачи добирался в столицу Егор Гайдар.

Коржаков связался со службой охраны и приказал поднять всех по тревоге и кого только можно отправить на машинах в Архангельское для защиты Президента России.

В своих мемуарах Б. Ельцин вспоминает:

«Решили писать «Обращение к гражданам России». Текст от руки записывал Хасбулатов, а диктовали, формулировали все, кто был рядом: Шахрай, Бурбулис, Силаев, Полторанин, Ярошенко. Затем обращение было перепечатано, помогли печатать дочери. Стали звонить по телефону знакомым, родственникам, друзьям, чтобы выяснить, куда в первую очередь можно передать текст. Передали в Зеленоград».

Они считали, что в предстоящей борьбе «Обращение...» Президента России должно стать основным оружием, которое поднимет массы на защиту Ельцина. Спорили о формулировках.

— Надо призвать россиян к двухчасовой предупредительной забастовке, — предложил Ельцин.

— Нет, надо объявлять бессрочную забастовку, — запротестовал Ярошенко.

В обращении давалась оценка последним событиям.

«Мы считали и считаем, что такие силовые методы неприемлемы, — говорилось в нем. — Они дискредитируют СССР пе-

---

[1] *А. Коржаков.* Борис Ельцин. От рассвета до заката. М.: «Интербук», 1997. С. 83—84.

ред всем миром, подрывают наш престиж в мировом сообществе, возвращают нас к эпохе холодной войны и изоляции Советского Союза от мирового сообщества.

Все это заставляет нас объявить незаконным пришедший к власти так называемый комитет. Соответственно, объявляем незаконными все решения и распоряжения этого комитета...»[1]

Аукалось двоевластие. Люди читали два обращения — ГКЧП и Ельцина и пожимали плечами. Но в политизированном обществе, каким было тогда советское, народ разделился, каждый поддерживал свою сторону.

Ельцин поговорил с Назарбаевым, рассказал ему о ситуации. Позвонил П. Грачеву, с которым у него сложились неплохие отношения. Грачев в то время возглавлял Воздушно-десантные войска. Он входил в группу по разработке сценария ГКЧП и, как потом выяснилось, вел двойную и даже тройную игру, т.е. постоянно информировал Ельцина о том, что собирается делать противоположная сторона. И наоборот. Ельцин спросил Грачева: «Что происходит?» Тот изложил версию о болезни Президента СССР, о создании ГКЧП. Версию о болезни Ельцин отверг. Спросил: «На вас можно положиться? Выделите своих людей для охраны?» Грачев, по словам Ельцина, смутился, взял долгую паузу, было слышно на том конце провода, как он напряженно дышит, сказал о невозможности нарушить приказ, но потом согласился. Положил трубку и взял другую — доложил о разговоре с Ельциным министру обороны. Маршал несколько минут оценивал ситуацию, наверное, думал: «Один Бог знает, как дело распутать», потом отдал распоряжение направить к Белому дому батальон десантников во главе с заместителем Грачева генерал-майором А. Лебедем. Грачев в свою очередь направил отряд десантников, 50 бойцов, и на дачу в Архангельское, которые, кстати, прибыли туда уже после отъезда Ельцина.

В Архангельском между тем спорили: оставаться ли Ельцину здесь или же срочно перебираться в Белый дом. На последнем настаивал Ярошенко, доказывая, что там более широкий диапазон для действий — можно связаться с иностранной прессой, послами. И потом, Белый дом — символ российского суверенитета, демократии. К тому же, в случае чего, его можно использовать и как крепость. А если еще клич кинуть — людей на помощь призвать, живое кольцо вокруг дома образовать, то можно продержаться долго.

---

[1] Цит. по: *В. Андриянов, А. Черняк.* Одинокий царь в Кремле. М.: «Правда», 1999. С. 330—331.

В Архангельском же они по существу в мышеловке. Даже связи приличной нет. Коржаков тоже говорил, что в Архангельском об обороне думать смешно.

Решили ехать, благо и «Чайка» президентская пришла с российским флагом. Ельцину подали бронежилет. Наина Иосифовна резонно заметила: «Что вы защищаете этим бронежилетом? Голова-то открыта. А главное — голова». Он отмахнулся. Но Наина Иосифовна с другой стороны подступила: «Слушай, там танки, что толку от того, что вы едете? Танки же вас не пропустят». «Нет, меня они не остановят», — возразил Ельцин. «Двигай», — дал команду водителю.

С места взяли большую скорость, хотя это роли не играло. От ворот архангельских дач до въезда на шоссе дорога петляет по лесу, а в нем была «Альфа». Но спецназ игнорировал, как утверждает Коржаков, приказ своего начальника Карпухина арестовать Ельцина. Правда, Ельцин говорит, что у Карпухина был другой приказ — доставить Ельцина «с целью обеспечения безопасности переговоров с Советским правительством».

Так или иначе, но до Белого дома добрались без помех. Первым доехал Силаев, позвонил Ельцину: «Все в порядке».

С появлением Ельцина в Белом доме сразу же был создан штаб обороны. Его возглавил Александр Руцкой, заместителем стал генерал КГБ Стерлигов, от группы Коржакова — полковник Геннадий Захаров (тот самый, который в октябре 1993 года предложит план расстрела Белого дома).

Оперативно связались с иностранными послами. Ельцин немногословно изложил свое видение сути происходящего.

— В стране произошел государственный переворот, но я верю в наш народ. Он не подчинится мятежникам. Со своей стороны мы предпримем все необходимое, чтобы избежать малейшего кровопролития. Прошу каждого из вас передать своему правительству текст «Обращения к гражданам России».

После полудня обитатели Белого дома увидели, как к гостинице «Украина» подходили танки. Собственно, они шли и по Садовому кольцу, подойдя к площади Восстания, часть повернула влево, к Белому дому. Примерно в это же время к Коржакову поступила информация, что его разыскивает недавно назначенный заместителем П. Грачева генерал Александр Лебедь, бывший командир Тульской дивизии. Встретились. По словам А. Коржакова, Лебедь объяснил, что послан Павлом Грачевым. Пока обстановка неясная, еще не решено, будет штурм или нет, но Грачев прислал десантников по просьбе Президента России и попросил устроить ему личную встречу с Ельциным.

Как говорил потом Лебедь, приказ взять под охрану Белый дом, защитить его от беспорядков, расхищения и разграбления

имущества дал ему министр обороны маршал Язов. И он его выполнил. По этой же причине отказался принять звание Героя России, которое ему давал Ельцин. Лебедь подвел к зданию роту десантников. Машины расставили по углам Белого дома, в них сидели только экипажи.

Танки стояли и на других улицах, площадях. Во многих стволах были цветы. Вокруг солдат и офицеров толпились люди, подкармливали ребят шоколадками, мороженым, расспрашивали, зачем их прислали в столицу. Разные были разговоры. Одни подбадривали военных за то, что наконец-то взялись навести конституционный порядок в стране (и таких людей было большинство), другие же обзывали их жандармами, фашистами, которые готовы раздавить демократию гусеницами танков.

В 12.20 в Белом доме в конференц-зале собралась команда Ельцина. Ярошенко, сидевший в президиуме вместе с Силаевым, сказал ему:

— Если мы немедленно не обратимся за помощью к москвичам, то случится непоправимое.

Задействовали всех, чтобы созвать как можно больше людей к Белому дому.

Покинув кабинет, Ельцин пошел в народ. У Белого дома уже собрались примерно около тысячи человек. Забравшись на танк № 110 Таманской дивизии, Ельцин зачитал свое «Обращение...» перед телекамерами советских, а больше западных телекомпаний и призвал россиян к сопротивлению ГКЧП. Около 14.00 РИА передало указ Ельцина, квалифицирующий действия организаторов ГКЧП как государственный переворот. У Белого дома началось возведение баррикад. Журналисты закрытых газет («Московские новости», «Известия», «Куранты» и другие) под руководством Егора Яковлева приступили к выпуску «Общей газеты».

В 14.00 в Белом доме открылось заседание Совета Министров РСФСР. Наметили меры противодействия ГКЧП. Приняли решение о создании параллельного Совета Министров РСФСР во главе с первым заместителем Председателя Верховного Совета РСФСР О. Лобовым. Вместе с двадцатью замами разных министров он вылетел в Свердловск, занял специализированный, укрытый в подземелье, центр, оборудованный всеми видами связи. В случае ареста правительства России параллельная власть стала бы действовать от его имени. Министра иностранных дел А. Козырева срочно отправили во Францию — поднимать шум за рубежом.

В 17.10 Ельцин подписал «Обращение...» к военным. В нем говорилось, что назначен председатель Комитета РСФСР по оборонным вопросам генерал И. Кобец. Издан указ, согласно которому все территориальные и иные органы МВД, КГБ, МО па территории

России обязаны незамедлительно исполнять все распоряжения Президента РСФСР, КГБ РСФСР, МВД РСФСР, Госкомитета РСФСР по оборонным вопросам.

Ельцин осмотрел Белый дом, похвалил тех, кто возвел его:

— Молодец архитектор Чечулин, на славу потрудился. Пожалуй, в Москве это единственное здание такого масштаба. Как он все здорово придумал: чтобы обойти все его кабинеты, коридоры, потребуется не один день. А подземный бункер и выходы из здания — прекрасно созданная система безопасности. Уверен: чем дольше будет продолжаться наша осада, тем громче политический резонанс, а у нас больше шансов мобилизовать народ.

Всем обитателям Белого дома выдали оружие. Поздно вечером Ельцин подписал еще документ, в котором утверждалось, что военные, втянутые в действия органами ГКЧП, не будут привлекаться к ответственности, если станут немедленно и неукоснительно выполнять указы и распоряжения российского Президента, постановления Совета Министров РСФСР и других органов РСФСР[1].

На второй день ожидания штурма Белого дома генерал Лебедь получил приказ увести свое подразделение к месту дислокации части. Приказ он должен был выполнить к двум часам дня. «Сидельцы» поняли, что к этому часу готовится штурм здания. Свидетельствует А.Коржаков:

«Мы оценили приказ, полученный Лебедем, как предвестник штурма. Если уводят десантников, значит «Альфа» готова брать Белый дом… Я спросил (Лебедя):

— Кто может отменить приказ?

— Только Верховный главнокомандующий России.

Я доложил Борису Николаевичу об этом, и мы опять втроем собрались в задней комнате президентского кабинета. Лебедев повторил:

— Я получил приказ и обязан о нем доложить. Поскольку меня послали вас охранять, без предупреждения, не могу увести своих солдат…

Борис Николаевич сказал Лебедю:

— Я вам приказываю оставить десантников.

— Не могу не выполнить приказ, потому что давал присягу, — ответил генерал. — А присягу я давал Горбачеву. Сейчас Горбачева нет. Непонятно даже, где он. Но выход есть. Если вы, Борис Николаевич, президент России, сейчас издаете указ о назначении себя Верховным Главнокомандующим, то я буду подчиняться вам.

---

[1] Цит. по: *В. Андриянов, А. Черняк.* Одинокий царь в Кремле. М.: «Правда», 1999. С. 334—335, 347—348.

Но президент отклонил это предложение. Разговор закончился ничем. Лебедь на прощание еще раз напомнил, что не имеет права нарушать приказ, и нет для него ничего дороже офицерской чести.

…Ровно в два часа десантники построились, сели на свои машины и медленно ретировались… Многие почувствовали обреченность: раз солдаты ушли, значит, действительно произойдет что-то ужасное.

А Борис Николаевич обсудил предложение Лебедя с Шахраем и Бурбулисом, после чего к 17 часам родился указ о назначении Ельцина законным Верховным главнокомандующим»[1].

Увы, этот указ Б.Ельцина, как и все предыдущие, согласно которым все силовые структуры СССР на территории РСФСР переходили под юриспруденцию России, был неконституционным.

Мало того, и все последующие его указы, в том числе о запрете деятельности компартии России, были незаконными. Таким образом, в течение этих трех дней Б.Ельцин, а отнюдь не ГКЧП, совершил государственный переворот, то есть тягчайшее преступление по развалу страны.

С уходом десантников генерала Лебедя, штурма Белого дома не последовало, хотя напряжение час от часу нарастало, поскольку служба охраны президента России располагала полной информацией о действиях военных.

Продолжим цитирование А.Коржакова:

«Самой страшной оказалась вторая ночь (с 20 на 21 августа. — *А.К.*). Приходили офицеры КГБ, предупреждали нас о грядущем штурме по телефону. Даже с «Альфой» мы поддерживали связь. Бойцы группы сообщили, что сидят в полной готовности и ждут приказа.

Накануне я рассказал президенту о предложении американцев (о возможности предоставления президенту политического убежища. — *А.К.*).

— Борис Николаевич, если что-то произойдет, я вас разбужу. У нас два пути. Либо спуститься в подвал и выдержать несколько дней осады. Потом мы там сами, без посторонней помощи погибнем. Либо поедем в американское посольство. В нем можно скрываться долго и всему миру рассказывать о событиях в России.

Ельцин выслушал мои доводы и произнес только одно слово:

— Хорошо.

Я его ответ истолковал так: как решите, так и поступим»[2].

---

[1] *А. Коржаков.* От рассвета до заката. М.: «Интербук», 1997, С.92.

[2] Там же. С.93—94.

В ту ночь они приготовились к последнему и решающему бою. Даже человеку несведущему в военной науке было ясно, что любое сопротивление бессмысленно.

Первым не выдержали нервы у предсовмина Силаева. Он распустил по домам работников аппарата и трагическим тоном объявил Ельцину, что пусть лучше его возьмут дома, чем он погибнет в кровавой мешанине. «Сегодня ночью с нами будет покончено, — воскликнул отважный премьер. — Прощайте!»

Это малодушие Ельцин припомнит Силаеву очень скоро: уже через месяц его отправят в отставку…[1]

Решающую ночь Борис Николаевич провел в своем кабинете. На случай штурма был разработан план его срочной эвакуации в американское посольство, расположенное неподалеку. Американцы даже специально держали открытыми задние ворота, но Ельцин в последний момент от спасения отказался.

Когда раздались первые выстрелы, президент крепко спал прямо в одежде. Он даже ничего не успел понять, как Коржаков растолкал его и, спустив на лифте в гараж, посадил в машину.

«И тут Ельцин спрашивает:

— Подождите, а куда мы едем?

Видимо, только сейчас он окончательно проснулся.

— Как куда? — удивился я. — В американское посольство. Двести метров, и мы там.

— Какое посольство?!

— Борис Николаевич, я же вам вчера докладывал, что у нас есть два пути: или к американцам, или в свой собственный подвал. Больше некуда.

— Нет, никакого посольства не надо, поехали обратно.

— Ну вы же сами согласились с предложением американцев, они ждут, уже баррикаду разгородили!!!

— Возвращаемся назад, — твердо заявил Ельцин»[2].

Максимум, в чем удалось его убедить, так это спуститься в бомбоубежище, где и провел он всю ночь до рассвета, снимая стресс излюбленным своим методом.

Пресс-секретарь президента Павел Вощанов признавался позднее, что именно в ту ночь окончательно принял для себя решение уйти в отставку.

«Люди искренне решили защищать демократию, своего президента. Сидели на ступенях, жгли костры. А там был накрыт стол,

---

[1] *А. Хинштейн*. Ельцин. Кремль. История болезни. М.: «Олма Медиа Групп», 2008. С. 226.

[2] Там же. С.266—267.

и Борис Николаевич с ближайшим окружением «расслаблялись», ожидая разрешения ситуации. Когда я увидел это — мне не по себе стало…»[1]

Впрочем, у Ельцина имелась уважительная причина. Он «расслаблялся», веря, что это — последнее в его жизни застолье.

И то, что остался он в Белом доме накануне обещанного штурма, поступок — надо признать — довольно отчаянный. Впрочем, другого пути у Ельцина попросту не оставалось. Если б в ту ночь он дрогнул и сбежал в американское посольство, бросив десятки тысяч своих сторонников на произвол судьбы, его политическая карьера на этом и закончилась бы. Продолжая революционные аналогии, в истории страны Ельцин навсегда остался бы вторым Керенским — только что без женского платья, хотя тот же Коржаков и предлагал загримировать его, приклеив парик и усы: «Я, кстати, недавно разбирал свои вещи и неожиданно нашел эти исторические усы с париком. Почти как новенькие.

Эту идею с гримом я почерпнул когда-то из фильмов про Ленина. Подумал: вдруг нам тоже придется уходить от слежки. У знакомых артистов взял театральный набор. У меня были с собой 3—4 парика и всевозможные накладные усы: висящие, торчащие. Но Ельцин их ни разу так и не примерил»[2].

Б.Ельцин и сам упоминает об этом театральном реквизите:

«Почти все, находившиеся в Белом доме, понимали, что по логике вещей, штурм должен быть. Штурм был просто необходим этим проклятым путчистам…

Поэтому охрана собиралась спасать Президента. Я знал, что Коржаков придумывает один вариант за другим и отрабатывает каждый, пытаясь найти самый нужный… Например, я узнал, что он заказал для меня в гримерной театра на Таганке бороду, парик, усы…

…И внутри, и вокруг Белого дома у многих нервы не выдерживали. А кто-то просто не умел себя вести в подобной ситуации или не знал — как нужно. Были истерики. Было довольно много пьяных… Вообще любая толпа — вещь обоюдоострая. Мы пытались ею управлять, но не все ведь было нам подвластно. Я это понимал, и каждая минута ожидания давила на меня, как стопудовая гиря»[3].

Так, сидя за накрытым, ломившимся от коньячно-водочных бутылок, столом коротали эту последнюю ночь в Белом доме Ель-

---

[1] Там же. С. 226—227.

[2] Там же. С. 282.

[3] Цит.по: *В. Андриянов, А. Черняк.* Одинокий царь в Кремле. М.: «Правда», 1999. С.351—352

цин со своими приближенными. Там, кстати, сидел Юрий Лужков со своей беременной женой.

Пропустили по рюмочке-другой. Вскоре от этого разомлел Гавриил Попов, пришлось дюжим молодцам подымать его наверх. А уборщица жаловалась, что с трудом отмыла помещение после визита Гавриила Харитоновича.

В Кремле обстановка была похожей. Не зря ведь руки дрожали у Янаева на пресс-конференции. И не только у него. Нервы не выдерживали, и гэкачеписты принимали «наркомовскую норму». Тем более что между ними начался раздор. Поздно вечером 19 августа Бакланов сел писать заявление Янаеву. В связи с неспособностью ГКЧП стабилизировать ситуацию в стране он считал свое дальнейшее участие в его работе нецелесообразным. Не дописав заявление до конца, пошел к Янаеву объясняться лично.

Не в своей тарелке чувствовал себя Язов, но к бутылке не прибегал, держался внешне спокойно, уверенно. На его стол ложились все новые и новые доклады из частей, округов.

Штаб ЗакВО информировал, что на территории округа распространяли тексты указов Ельцина, в то же время нет руководящих документов ГКЧП.

Решительных действий требовал командующий Приволжско-Уральским военным округом генерал-полковник А. Макашов, командиры ряда соединений, частей... Так, генерал-полковник А. Макашов 20 августа дал Язову такую шифровку: «Военный округ и войска Приволжско-Уральского военного округа, верные патриотическом долгу перед родиной, приветствуют и поддерживают действия Комитета.

Одновременно обеспокоены нерешительностью по отношению к Ельцину и его окружению.

Промедление смерти подобно»[1].

Знакомясь с сообщениями, маршал испытывал двойственные чувства. Вроде бы ждать у моря погоды негоже. Но что делать? Быть решительнее, попытаться разогнать людей — неизбежны жертвы. Он видел: именно вокруг Ельцина группируются основные силы, противодействующие ГКЧП. Именно там эпицентр событий...

Крючков и Шенин переговорили с руководителями всех союзных республик, многих краев и областей. Их действия в основном поддержали. Одобрительно отозвались Назарбаев (Казахстан), Дементей (Белоруссия), Кравчук (Украина). Последний, кстати,

---

[1] Цит. по: *В. Андриянов, А. Черняк.* Одинокий царь в Кремле. М.: «Правда», 1999. С. 355.

даже сказал Крючкову, что он не исключает возможности введения чрезвычайных мер в западных областях республики, где обстановку считал настораживающей. В нормальном русле протекала жизнь в Ленинграде. Собчак же просто выжидал и, когда чаша весов пошла в сторону Ельцина, проявил завидную активность. Во всем Союзе не остановилось ни одно предприятие, ни один трудовой коллектив не вышел на митинг.

И Ельцин, и его сподвижники не раз писали и говорили о якобы планировавшемся штурме. Однако следствие и суд по делу ГКЧП подтвердили: вопрос о штурме Белого дома ни разу не обсуждался на заседаниях ГКЧП, никто этого вопроса даже не поднимал. На самом деле это не совсем так.

Тот же бравый генерал Лебедь, который покинул «свой пост» по охране Ельцина (фактически он был послан не Ельцина охранять в Белом доме, а Белый дом от окружавших его «ельцинистов». — А.К.), возвращается в Генштаб и сразу же садится чертить план захвата Белого дома, благо систему укреплений он видел собственными глазами. Согласно этому плану, фасад и правую часть здания должны были захватывать солдаты дивизии имени Дзержинского под прикрытием «Альфы», левую и тыльную — тульские десантники: то есть те самые защитники демократии, перешедшие якобы на сторону восставшего народа.

План Лебедя был мгновенно одобрен генералом Ачаловым и направлен на согласование в МВД. Ну а то, что не суждено ему было сбыться, вопрос — не к Лебедю, и уж тем более не к Грачеву…

Нет никаких сомнений: если бы ГКЧП решилось брать штурмом Белый дом, оплот демократии был повержен бы в считанные минуты, и тот же свободолюбивый Грачев стремглав встрепенулся, еще б и орден получил — за героизм и усердие.

«Один залп из БТРов — и вся начинка здания заполыхает, все ваши герои попрыгают из окон», — без обиняков заявлял тогда Ельцину генерал Лебедь.

Примерно то же говорит и руководивший обороной здания, генерал Кобец:

«Как военный человек, я понимал, что против профессионалов, несмотря на то что у нас активных штыков человек пятьсот было, нас хватит максимум на несколько минут».

План под кодовым названием «Гром» должен был вступить в силу в ночь с 20 на 21 августа. Но по устоявшейся уже традиции путчисты начали готовить его лишь в самый последний момент, верстая чуть ли не на коленках.

Решающая роль в операции «Гром» отводилась группе «Альфа».

«В течение получаса поставленная перед «Альфой» задача была бы выполнена, — констатировал сразу после провала ГКЧП командир группы Виктор Карпухин. — Правда, с очень многочисленными жертвами.

Мы знали, где находится Ельцин, другие руководители, имели поэтажный план. Каждый боец «Альфы» был обеспечен индивидуальной связью и мог действовать автономно»[1].

Так почему же «Гром» не прогремел?

Да очень просто. Первые же дни чрезвычайного положения показали всю беспомощность и несостоятельность новоявленных вождей. Если поначалу и возникали еще хоть какие-то иллюзии, то к исходу 20 августа они улетучились окончательно.

Вместо того чтобы железной рукой приступить к наведению порядка, горе — путчисты погрязли в бесчисленных совещаниях и словословиях. Вся их деятельность сводилась к выпуску указов и приказов, которые никем — хотя бы для виду — не выполнялись. Они даже не удосужились отключить телефоны и свет в Белом доме!

И когда генералы поняли, что крайними в очередной раз становятся они — армия, КГБ и МВД — реакция их была вполне понятной.

А тут еще и первые жертвы: когда в ночь на 21 августа колонна бронетехники пытается подойти к Белому дому, путь им преграждают ополченцы — три человека гибнут.

Самое поразительное — об этом сразу постарались забыть — колонна, на которую бросились защитники демократии, к готовящемуся штурму отношения никакого не имела: танкистов послали как раз на охрану Белого дома. По трагической иронии судьбы одни и те же солдаты и офицеры за одну ночь, сами того не подозревая, ухитрились одновременно оказаться и кровавыми палачами и героями, перешедшими на сторону революции. Кстати, четыре месяца спустя уголовное дело по факту гибели ополченцев было прекращено. Следствие вынуждено было признать, что военные действовали правомерно, ибо находились при исполнении, отражали нападение и за это достойны награды. Правда, к тому времени все погибшие — Усов, Комарь и Кричевский — указом Горбачева посмертно стали уже Героями Советского Союза: звание это присваивалось в истории в последний раз. (Горбачев хотел наградить звездой Героя еще и Ельцина, но тот в грубой форме от нее отказался.)

---

[1] Цит. по: *А. Хинштейн*. Ельцин. Кремль. История болезни. М.: «Олма Медиа Групп», 2008. С. 264—265.

Очередной абсурд, коих в августе 91-го набиралось с избытком: и убийцам, и их жертвам — по награде…

Узнав о гибели людей, министр обороны Язов отменяет приказ о начале операции «Гром».

Да, если б даже и не отменил: это все равно ничего уже не решило бы. Штурмовать Верховный Совет отказались по очереди внутренние войска, группа «Альфа». Против применения силы категорически возражал генерал Лебедь.

Итак, идти на штурм Белого дома гэкачеписты не решились, поскольку эта операция неминуемо закончилась бы кровавой свалкой (события октября 1993 года задним числом подтвердили это). Кстати, после путча, видимо, чтобы еще раз продемонстрировать свою симпатию Ельцину, маршал авиации Шапошников заявит, что он держал в резерве самолеты для нанесения удара по Кремлю в случае, если гэкачеписты попытаются штурмовать Белый дом. Так оно или нет, но от таких слов сердце леденеет. Ведь Кремль — это святыня России! Хотя чего там, пройдет несколько лет, и по другой святыне — Белому дому — Ельцин скомандует шарахнуть из танковых пушек, чтобы выбить оттуда непокорный парламент!

После обеда 20 августа Язов вызвал к себе главкома ВВС Шапошникова и приказал, чтобы ни один военный самолет и вертолет ни с какого аэродрома не поднимался. Далее, если верить Шапошникову (интервью его было опубликовано в «Комсомолке»), он предложил министру обороны достойно выйти из сложившегося положения.

— А разве есть достойные пути выхода? — поинтересовался Язов.

— Есть.

— Какие?

— Необходимо сейчас войска вернуть в пункты постоянной дислокации, необходимо разогнать, расформировать, объявить незаконным ГКЧП, передать власть Верховному Совету и вернуть Президента.

Язов ничего не ответил. Сказал только привычное армейское:

— Хорошо. Вы свободны.

Из Кремля ему то и дело шли звонки. «Шенин, Лукьянов, Бакланов», — докладывал дежурный офицер. Маршал на звонки не отвечал. Он принял решение дистанцироваться от ГКЧП. Утром к нему приехали Крючков, Шенин, Бакланов, Тизяков, первый секретарь МГК КПСС Прокофьев. Попытались надавить на Язова, но не тут-то было. Из кабинета Язова попросили подъехать в Минобороны Лукьянова. Детально все проанализировали и решили прекратить деятельность ГКЧП. Язов предложил лететь в Форос

к Горбачеву, еще раз попытаться убедить его предпринять какие-либо шаги для спасения государства.

Точно побитые собаки, лидеры ГКЧП наперегонки — кто быстрей –помчались каяться перед Горбачевым. «Полечу к Михаилу Сергеевичу виниться», — по-военному прямо рубанул маршал Язов. Вопрос только: в чем виниться? В 14.15 на борт Ил-62, принадлежащего Президенту СССР, по ковровой дорожке поднялись Крючков, Язов, Бакланов, Ивашко, Лукьянов, Тизяков. Самолет взял курс на Форос.

Ну а что же Горбачев?

Через своего помощника Черняева форосский «узник» в середине дня 19 августа передал охране записку с требованиями: предоставить ему самолет до Москвы, восстановить правительственную связь, доставить почту и газеты, включить телевизор. Ответов Михаил Сергеевич не получил. Старший по охране лишь сообщил, что с территории вывезли военных связистов. Значит, лишили Горбачева и «черного чемоданчика».

Услышав сообщение Би-би-си, что гэкачеписты летят в Крым, Горбачев отдал приказ охране блокировать вход в дом и без его разрешения никого не впускать. Заметалась в панике первая леди, так привыкшая всеми командовать, — Раиса Максимовна решила, что Горбачева решили арестовать. У нее случился сердечный приступ.

Пока лайнер Ил-62 с лидерами ГКЧП на борту летит «на покаяние» к Горбачеву в Форос, а российская делегация во главе с Силаевым и Руцким только поднимается на борт лайнера Ту-134, чтобы также направиться в Крым, порассуждаем о том, почему так бесславно закончилось трехдневное «правление» ГКЧП?

Уже отмечалось выше, что действия ГКЧП в союзных республиках в основном поддержали. В открытую против выступили только лидеры (заметим — лидеры, а не народы) двух республик: Киргизии и Молдавии. Выжидательную позицию заняла Армения, колебался Назарбаев (Казахстан). Азербайджан, Грузия и вся Средняя Азия поддержали ГКЧП.

«Помню, как утром 19 августа Ельцин и я звонили в республики, чтобы те поддержали нас против путча, — рассказывал по прошествии многих лет Силаев.

— Сначала Ельцин говорил с Каримовым. Тот отказался нас поддержать. Кравчук сказал: «А что такое? У меня пока никакой информации нет». Мы позвонили в 3—4 республики, и все безрезультатно. На мой взгляд они хотели, чтобы все шло по-старому…»[1].

---

[1] Цит. по: *А. Хинштейн*. Ельцин. Кремль. История болезни. М.: «Олма Медиа Групп», 2008. С.273.

Даже грузинский президент Звиад Гамсахурдиа — уж на что демократ и вольнодумец — и тот прислал ГКЧП восторженную телеграмму с докладом, что в республике приступили уже к разоружению незаконных вооруженных формирований: его же, демократической, гвардии.

И тем не менее в 5 утра 21 августа командующий Московским военным округом Калинин отдает приказ: вывести из города войска.

Спрашивается: почему? Не хотели стрелять по Белому дому, побоялись кровопролития? Так зачем стрелять, да вроде бы никто из танковых пушек палить и не собирался. Это вам не осень 1993 года, когда Ельцин отдал свой преступный приказ. Всех «сидельцев» тепленькими и пьяненькими взяли бы и вынесли на свежий воздух бойцы «Альфы» и спецназовцы внутренних войск МВД на своих руках. Испугались вооруженного формирования, которым руководил бравый Руцкой? Конечно, страшнее кошки зверя нет, но только с позиции мышей. Оружие раздавали всем, даже тем, кто не умеет его держать в руках. Так Силаев рассказывал, например, как его заместительница по социалке подошла к нему с наганом в руках: «Иван Степанович, вот мне Руцкой дал пистолет, а я его боюсь!» Обошедший весь мир видеоэпизод с виолончелистом Растроповичем, спящим в обнимку с автоматом — яркий пример того, что представляло «Иесусово войско» под командованием Руцкого. Все это лишь внешние эффекты и ничего более. Для окончательной завершенности образа не хватало лишь пулеметных лент, которыми члены правительства перетягивали бы себя.

Испугались «живого щита» вокруг Белого дома? Так не надо было его и трогать. Защитники Верховного Совета абсолютно никакой угрозы для ГКЧП не представляли. Люди на баррикадах и у костров за двое суток уже изрядно устали. Еще немного и они бы, пошумев и покричав для собственного имиджа, разошлись по домам: не вечно же им сидеть на баррикадах! Тем более, что многие из собравшихся были просто зеваками, некоторые из «убежденных» откровенно боялись штурма и постепенно расходились. Социальный взрыв не может быть длительным. Да и был этот взрыв только вокруг здания Верховного Совета РСФСР.

Вся остальная страна жила обычной жизнью. Открытую поддержку ГКЧП заявляли многие, особенно за пределами столицы. Кроме маленького островка недовольных вокруг Белого дома в Москве, никакого протеста по стране практически не было. Так, отдельные недовольные в отдельных местах огромной страны. В целом народ молчаливо поддержал ГКЧП, но без решительного лидера в самом составе ГКЧП эта поддержка была бессмысленна.

Так чего испугались, организаторы «путча», обратившиеся к народу с такими словами (из текста «Обращения»): ГКЧП «преисполнен решимости принять на себя самые серьезные меры по скорейшему выводу государства и общества из кризиса». Где эти меры? Бестолковое введение бронетехники на улицы Москвы — единственная мера, которую они осуществили, но бестолковость эту они сами же признали через пару дней. Никаких мер не было, сомнительно, что существовал ли сколько-нибудь продуманный план этих мер. По большому счету, само «Обращение» оказалось обманом, за которым стояло уже всем надоевшая отечественная привычка говорить то, чего нет. Дело хотели заменить словами. Наполненный патетикой документ призывал людей присоединиться к тому, что только в мечтах и собирались делать. Пособирались и через три дня передумали? Но почему именно через три дня? Даже если ничего существенного не предпринимать, то время все равно сработало бы на ГКЧП. Чего страшилось большинство людей? Репрессий, массовых арестов, казней — словом, всего того, чем сопровождаются военные перевороты. В памяти людей еще свежи были картины, которыми сопровождался военный переворот в Чили. Но где-нибудь через неделю, когда народу окончательно стало ясно, что репрессий никаких не последует, Ельцин автоматически начал бы терять свою привлекательность. Из борца с диктатурой он волей-неволей превратился бы амбициозного конфликтера, мешающего наведению долгожданного для большинства порядка: этакое бревно лежащее на дороге.

Никакой массовой поддержки у Ельцина не было — Москва, Питер и Свердловск не в счет. Ну и еще Прибалтика.

Призывы Бориса Николаевича к всеобщей бессрочной забастовке так и остались красивыми словами: практически ни одно предприятие зову его не вняло.

Почему, наконец, лидеры ГКЧП даже не попытались собрать народных депутатов СССР на съезд, который бы поддержал мероприятия по наведению в стране порядка. Народные депутаты СССР были близки к тому, чтобы поддержать ГКЧП и проголосовать в нужном русле, но с ними надо было как следует поработать. Своим официальным заявлением утром 19 августа Лукьянов практически начал это делать. Почему не продолжил?

На вопрос, почему ГКЧП оказался неудачником, один из его членов ответил: «Чтобы осуществить нечто реальное, нужна хорошая организационная работа. А ее… никто не проводил». Удивляют следующие его слова: «Дело было слишком серьезным, чтобы его можно было доверить генералам… Успеха можно было добиться только в том случае, если бы за дело взялись майоры

и подполковники. Такая же ошибка, кстати, повторилась и в октябре 1993 года»[1].

Сам Б.Н.Ельцин, для которого бездарный ГКЧП стал подарком судьбы, писал: «Публичный, внешне законный, «мягкий» и «плавный» характер путча выявил главную беду — это были аппаратчики, которые откровенно не подходили к роли политических лидеров, не были готовы к выступлениям, к какому-то отчетливому, внятному поведению»[2].

Зато к такому поведению был готов Ельцин и его окружение. Публично он обвинил членов ГКЧП в заговоре и лишении власти президента СССР, призвал не подчиняться решениям этого комитета. «Наше обращение ставило путч вне закона», — напишет позже Ельцин, немало не смущаясь того, что все его указы и распоряжения в этот период носили неконституционный характер, а конечный результат его деятельности — настоящий, а не мифический государственный переворот.

«…Реакция Ельцина на путч была вполне предсказуемой — свой выбор он сделал не на рассвете 19 августа, а гораздо раньше. Рисковал ли он? Да, без сомнения, однако риск Ельцина был рациональным: он прекрасно понимал, что его, легитимного президента России, ни убить, ни арестовать не посмеют — в противном случае Запад разом перекроет все каналы финансовой подпитки СССР и тем самым вызовет невиданный со времен Гражданской войны кризис экономики. И пассивно взирать, чья возьмет, Ельцин тоже не мог — это крест-накрест перечеркнуло бы его шансы перехватить власть у выдохшегося Горбачева»[3].

Бестолковость гэкачепистов признавалась многими. Сам бывший министр обороны бывшего Советского Союза, бывший член ГКЧП Дмитрий Язов признавал: «Объявили ГКЧП, а потом — «Лебединое озеро». А здесь Ельцин раскрутил ситуацию, хотя он только ночью прилетел из Алма-Аты. И тем не менее, они работали, а мы ждали, что все само собой как бы образуется. В этом была главная ошибка, серьезный просчет»[4].

Маршалу вторит активный участник событий, побывавший по ту и другую сторону «баррикад», генерал А.И.Лебедь: «Все жалкие попытки со стороны совершенно не готовых к крутому развороту событий государственных мужей овладеть ситуацией рухнули…

---

[1] «Комсомольская правда». 19.08.1998. С.2

[2] *Б. Ельцин.* Записки президента. М.: «Огонек», 1994. С. 108

[3] *К. Столяров.* Распад: от Нагорного Карабаха до Беловежской Пущи. М.: «Олма-пресс», 2001. С. 171.

[4] «Советская Россия». 20.08.1996. С. 3.

Не укладывается в голове ситуация, когда три силовых министра, обладая всей полнотой власти, имея в своем распоряжении фактически все, что угодно, вот так бездарно в течение трех дней просадили все!»[1] — (неплохо добавить бы, что они имели еще и «пятую колонну в лице высшего руководящего состава военных, как-то: Шапошников, Грачев, Лебедь, — действовавших по принципу «и вашим и нашим»).

Могли ли члены ГКЧП победить? Вопрос сложный, но скорее всего могли. Вспомним события в Китае, которые произошли не далее, как два года тому назад в 1989 году, когда в столице КНР сложилась примерно такая же ситуация. Площадь в центре Пекина залили кровью, но мир не перевернулся, мир смирился, а Китай продолжал успешно проводить реформы. Пример был. Но надо было иметь некабинетное мышление, чтобы пойти на такие меры. У членов ГКЧП такого мышления не было, оно было у Ельцина. Но умели ли они побеждать и хотели ли победы?

Задним числом один из основателей и лидеров ГКЧП Крючков писал, что хотели. И объясняет, почему не сумели. Через несколько лет после провала ГКЧП Крючков написал: «Причин провала выступления ГКЧП было немало. Это вопросы, над которыми еще следует основательно думать, но на некоторых из них мне хотелось бы остановиться, разумеется, не претендуя ни в коей мере на непререкаемость моих суждений»[2].

Далее бывший председатель КГБ бывшего Советского Союза, бывший член ГКЧП приводит десять причин, которые, по его мнению привели к столь позорному поражению ГКЧП. Не называет Крючков по «скромности» еще одну — одиннадцатую причину, которую, возможно, следовало выдвинуть на первое место — бездарное руководство ГКЧП. Именно эта причина послужила тому, что в рядах исполнителей «воли» этих руководителей возникла «пятая колонна» среди военных, которые не захотели стать козлами отпущения.

Однако есть мнение, что среди членов ГКЧП были все же люди, способные возглавить и победить. Ельцин, указывая на решающую роль в ГКЧП Крючкова, называет только двух лиц, готовых взять на себя ответственность — Валентина Павлова и Анатолия Лукьянова[3]. Решительность и способность идти на риск — эти качества нужны для успеха любых начинаний, а для введения чрезвычайного положения тем более.

---

[1] *А. Лебедь.* За державу обидно… М.: «Московская правда»,1995, С. 408.

[2] *В. Крючков.* Личное дело. М.: «Олимп», 1996, т. 2, С. 355.

[3] *Б.Ельцин.* Записки президента. М.: «Огонек», 1994, С. 97

«Утром 19 августа произошел первый сбой в работе ГКЧП: заболел премьер-министр Павлов»[1], — так пишет Крючков, и в его словах чувствуется значение этого события. Хотя прямо признавать незаменимость Павлова он не стал.

Оставшись без решительного лидера, гэкачеписты мялись, жались и не решались. Сам Крючков был не способен на то, чтобы жестко пойти на установление действительного чрезвычайного положения. Писали о «лисьих повадках Крючкова, тихой сапой отползавшего в тень»[2]. Пыла членам ГКЧП хватило только на три дня. Важную роль в окончании ГКЧП сыграл Д.Т. Язов, самостоятельно принявший решение о выводе войск из Москвы. Хотя ввод войск был совершенно бесполезным действием, которое лишь накалило обстановку, однако их вывод послужил сигналом о капитуляции ГКЧП. Когда стало ясно, что войска уходят и партия ГКЧП проиграна вчистую, один из «Героев Революции» и будущий арестант-коррупционер генерал Кобец воскликнул: «Мужики, писец. Мы победили»[3].

Правда, было еще одно обстоятельство, на которое не все обратили внимание. Противников ГКЧП довольно быстро поддержали из-за рубежа. И это было доказательством того, что интересы Запада были против стабилизации положения в стране. Но все же не в этом главная причина поражения ГКЧП, хотя Ельцин первым обратил внимание на это обстоятельство: «То, что западные страны не стали выжидать, оказалось неожиданностью для ГКЧП. Вечером того же дня они невнятно пробурчали на пресс-конференции о «преждевременной реакции» и «вмешательстве во внутренние дела»«.

«Теперь, задним числом, — писал Ельцин, — я понимаю причины такой быстрой и однозначной реакции. Ну, во-первых, западные аналитики давно уже «вычислили» путч, он для них неожиданностью не был. У нас в стране никто не верил, сама мысль об этом казалась дикостью, а со стороны-то виднее. И, наконец, несмотря на всю неясность ситуации с Горбачевым (которая, впрочем, для западных разведок, я думаю, стала ясна в считанные часы), путч выглядел хотя и страшно, но уж слишком карикатурно, грубо, я бы сказал, глупо, чтобы колебаться по вопросу о доверии к самозваному руководству СССР»[4].

---

[1] *В. Крючков.* Личное дело. М.: «Олимп», 1996, Т.2, С. 181.

[2] *К.Столяров.* Распад: от Карабаха до Беловежской Пущи. М.: «Олма-пресс», 2001, С. 188.

[3] Цит. по: *А. Хинштейн*. Ельцин Кремль. История болезни. М., «Олма Медиа Групп», 2008, С. 267.

[4] *Б. Ельцин*. Записки президента. М.: «Огонек», 1994, С. 172.

Убедительным доказательством негативного отношения Запада, в частности США, к ГКЧП служит благодарность, высказанная Дж. Бушем Ельцину, в телефонном разговоре 21 августа:

«Мой друг, — сказал Буш, — ваши ставки выросли здесь до небес. Вы проявили уважение к закону и отстояли демократические принципы. Мои поздравления. Это вы были на передовой, стояли на баррикадах — мы лишь поддержали вас. Вы вернули Горбачева невредимым. Вы восстановили его на посту. Вы завоевали множество друзей во всем мире. Мы поддерживаем вас, восхищаемся вашим мужеством и тем, что вы совершили. Позвольте сейчас дать вам дружеский совет: отдохните хоть немного, урвите хоть толику сна».

Отрицательное отношение Запада к ГКЧП много значило для Горбачева. Именно поэтому его и нужно было «изолировать». Не исключено, что негативная реакция Запада на путч оказала основное воздействие на поведение Горбачева 21 августа 1991 года, когда к нему прилетели «на покаяние» члены ГКЧП.

Непонятной кажется как сама поездка нескольких членов ГКЧП, так и поведение Горбачева, не пожелавшего с ними встречаться, пока не прибудет российская делегация. Как-то невнятно об этом пишет Крючков: «Обсудили обстановку, ночное кровопролитие и пришли к выводу, что дальше рисковать нельзя, и потому решили прекратить деятельность Государственного комитета по чрезвычайному положению в СССР, выехать в Форос к Горбачеву, еще раз доложить ему обстановку, попытаться убедить предпринять какие-то шаги для спасения государства от развала»[1].

Неубедительно объяснил Владимир Александрович. Похоже, что он чего-то не договаривает. Много неясного, о чем докладывать Горбачеву? Что не удалось его свергнуть? В чем его убеждать? Учредить новое ГКЧП, но уже под его (Горбачева) руководством? Вопросы, вопросы. На них ответить и выбрать одну-единственную и верную версию должно было следствие. Но правда, похоже, уже никому не была нужна.

Поездка в Форос наводит на мысль, что Горбачев ранее дал гэкачепистам какой-то срок (может быть, три дня) на их эксперимент или поставил условие (до первой крови). После чего будет видно. Через три дня они приехали доложить (кстати, первая кровь трех человек уже была). Но предварительно в тот же день президент страны договорился с другой стороной. А признать наличие прежней договоренности на существование ГКЧП для Горбачева было уже нельзя. И для членов же ГКЧП признать такую

[1] *В. Крючков.* Личное дело. М.: «Олимп», 1996, Т. 2. С. 202.

договоренность означало поставить себя в дурацкое положение прислужников Горбачева, который их же и цинично предал. Так что все молчали. Возможно, сказать гэкачеписты могли бы и вначале, но оказались под арестом, а потом стало уже слишком поздно признаваться в своей глупости.

Косвенных подтверждений этой версии немало. Например, О.Д. Калугин писал «о психологии Крючкова, сформировавшейся в течение длительного пребывания в аппарате ЦК КПСС в качестве помощника Андропова, то есть о психологии человека, познавшего искусство дворцовой интриги, но всегда знавшего свое место — исполнителя чужой воли»[1].

То есть, по Калугину, Крючков не мог действовать самостоятельно. Он либо действовал по чужой воле, либо был слишком нерешителен, чтобы сжечь мосты.

Еще более откровенен Г.Х. Попов, написавший: «...Требуя вернуть Михаила Сергеевича, Ельцин сразу же лишил ГКЧП возможности добиться в будущем соглашения с Горбачевым. А самого Горбачева ставил в положение, когда соглашение с ГКЧП стало бы предательством по отношению к сохранившей ему верность России»[2].

По Попову получается, что Горбачев должен был решать, кого ему предать. Это признает приближенный к Горбачеву Андрей Грачев, напасавший: «...Проявив в Форосе явно неожиданную для путчистов твердость, Горбачев создал необходимые предпосылки их поражения и тем самым спас Ельцина. Тот, в свою очередь, не остался в долгу, вернув президента в Москву на прежний пост, несмотря на массу вопросов и сомнений, которые вызвал визит гэкачепистов в Форос»[3].

Почему на умолчание истинной роли Горбачева решился Ельцин? Тут ответ прост: ему это было вначале крайне выгодно. Тот же Попов писал что еще до создания ГКЧП среди ельцинской команды думали, как о самом выгодном варианте путча, когда он формально направлен против Горбачева. «Скорее всего, таким он не будет, но, может быть, нам удастся представить его именно таким — и это будет наша большая удача»[4]. Откровенней сказать трудно.

Наиболее вероятной выглядит версия о том, что они просто выполняли волю Горбачева, верно служили ему и стали «героями» сопротивления Горбачеву лишь потому и после того, как

---

[1] *О. Калугин*. Прощай, Лубянка. М.: «Олимп», 1995. С. 226.

[2] *Г. Попов*. Снова в оппозиции. М.: «Галактика», 1994. С. 251—252.

[3] *А. Грачев.* Кремлевская хроника. М.: «Эксмо», 1994. С. 105.

[4] Цитируемое выше сочинение. С. 252.

он предал их, передав на расправу российским властям. И сама поездка в Форос — лучшее доказательство этой версии.

Через несколько лет Крючков задаст себе вопрос: разве не было оснований для постановки вопроса об отставки президента СССР? И тут же пояснит, что тогда у него были еще иллюзии[1].

Обладая властью руководителя мощнейшей мировой спецслужбы, можно было бы быть более понятливым в том, куда шла страна и кто ее к этому вел. И можно было бы быть более смелым в принятии решения о ее судьбе. Но вот такой у СССР был руководитель основной спецслужбы, отвечающей за безопасность страны. Иллюзии у него были тогда, когда их просто не должно было быть.

Так что не вызывает сомнения одно: 21 августа 1991 года перед Горбачевым был выбор. К нему прилетели две делегации. Он выбрал сторону Ельцина и через несколько месяцев лишился власти. Сложно гадать, что бы произошло, если бы он выбрал ГКЧП. История не знает сослагательного наклонения. Да и мог ли он выбрать другой вариант, сказать сложно.

Этот выбор есть, пожалуй, самый драматичный и важный момент, определивший ход развития будущих событий в стране.

Если верна версия о горбачевском участии в создании ГКЧП, то наиболее интересен момент встречи Горбачева с российской делегацией. Довольно естественно, что начать разговор он решил именно с нее. Вероятно, что беседа с приехавшими членами ГКЧП была для него не особенно интересна. Он должен догадываться о том, что они скажут. А вот доводы российской делегации он вряд ли знал. Именно после встречи с «россиянами» Горбачев и принимает решение сдать гэкачепистов. Так что доводы российской делегации, убедившей Горбачева встать на их сторону, самое интересное и загадочное в тех трех августовских днях. Конечно, можно предположить, что Горбачев был поставлен перед фактом признания Ельциным членов ГКЧП как преступников, перед фактом того, что это уже передано СМИ, перед фактом значительной поддержки Ельцина лидерами западных стран.

Горбачев, вероятно, понял: сделать вид, что ему почти ничего не было известно, и начать заминать «скандал в благородном семействе» не получится. Похоже, Горбачев понял, что переиграл и будет замаран сам. Раньше в подобных ситуациях он сдавал фигуры поменьше и поступал с ними помягче. Теперь он сделал более крутой шаг, но в том же своем горбачевском стиле.

Гэкачеписты, прилетевшие на два часа раньше, чем российская делегация, все это время ждали, что их примет Горбачев. Им

---

[1] *В. Крючков*. Личное дело. М.: «Олимп», 1996. Т. 2, С. 299.

почему-то важно было первыми доложить о чем-то Горбачеву. О чем? «Мы прибыли, — писал Крючков, — доложить обстановку, объяснить наши действия, рассказать, что произошло в стране за истекшие двое суток и какие выводы из всего этого напрашиваются»[1]. Обычный доклад обычных подчиненных. Словно и не было никакого путча?!

Нет, не ради такого доклада спешил Крючков опередить российскую делегацию. Ради этого он даже пошел на пошлый обман: когда предсовмина РСФСР Силаев сообщил ему утром, что российская делегация отправляется в Форос в 16 часов, Крючков попросил отсрочить вылет — иначе он не успеет к ним присоединиться.

Обман этот вскрылся, лишь когда Крючков с компанией поднялись уже в воздух. Ельцин рвал и метал. Он требовал любым путем остановить самолет, задержать путчистов, но было поздно. Правда, главком ВВС Шапошников предлагал ему сбить самолет — даже сам готов был тряхнуть стариной и сесть за штурвал (в прошлой жизни маршал командовал звеном истребительной авиации), — но такой разворот Ельцину точно был не с руки. Из героя он разом превратился бы в палача.

Невольно возникает вопрос: а почему, собственно, вожди ГКЧП так спешили? Что хотели донести — первыми, с глазу на глаз — Горбачеву?

Они что же, в самом деле, надеялись вымолить у генсека прощение? Вряд ли. Если горбачевская версия верна, и его действительно изолировали от внешнего мира, посадили под домашний арест («72 часа, как в Брестской крепости», — говорил он потом), то рассчитывать путчистам было не на что.

А вот, коли оттолкнуться от другого, поверить, что переворот начался с горбачевского благословления — прямого ли, косвенного: не суть — дело другое; все встает на законные места.

И тогда получается, что Крючков со товарищи мчались вовсе не замаливать грехи перед жертвой; они спешили уткнуться в колени своему духовному лидеру, гуру; спрятаться в домик, точно в разгар детской игры. Этакий вариант библейской легенды о возвращении блудного сына. «Папа, папа, мы не виноваты, мы старались как могли…»[2]

Похоже, что участники ГКЧП действительно рассчитывали, что Горбачев поведет себя как обычно, то есть сделает вид, что ему почти ничего не было известно, и начнет заминать «скандал

---

[1] Там же. С. 212.

[2] Цит. по: *А. Хинштейн.* Ельцин. Кремль. История болезни. М.: «Олма Медиа Групп», 2008. С. 274.

в благородном семействе». Они ждали прибалтийского (карабахского, бакинского, тбилисского и т.п.) варианта развития событий с возвращением на круги своя или на худой конец почетных отставок, а получили неожиданно российский вариант со следственным изолятором.

Между тем лайнер ИЛ-62 совершил посадку на аэродроме «Бельбек» в 16:08.

На аэродроме в Бельбеке прибывших встречали, как ни в чем не бывало: во фрунт стоял командующий Черноморским флотом, отдавала положенные почести охрана.

Охрана доложила Президенту о визитерах.

— Что у них за планы? — спросил Горбачев начальника охраны. — Зачем приехали? Взять под стражу! Передайте требование — принимать никого не буду до тех пор, пока не будет включена правительственная связь.

— Включение связи займет много времени, Приехавшие просят о встрече сейчас.

— Подождут.

В 17.45 связь была включена.

Почувствовав себя снова во власти, Горбачев начал отдавать распоряжения. Прежде всего отстранил Язова, возложив обязанности министра обороны на начальника Генштаба Моисеева. Дал указания начальнику правительственной связи отключить все телефоны у членов ГКЧП. Коменданту Кремля — арестовать всех путчистов.

В дом пытались пройти Плеханов и Ивашко.

У дверей остановил офицер:

— Приказ — никого не впускать. Будем стрелять!

Плеханов вздохнул:

— Я так и знал... Эти будут стрелять.

Развернулись и ушли.

Как только включили связь, Горбачев позвонил Ельцину, Назарбаеву, Дементею, другим руководителям республик. Поговорил с президентом США Бушем. Горбачеву передали записку от Ивашко и Лукьянова: «Уважаемый Михаил Сергеевич! Большая просьба по возможности принять нас сейчас. У нас есть что доложить вам».

Он показал записку Раисе Максимовне, прокомментировал:

— Вообще я не буду принимать Крючкова, Бакланова, Язова. Не о чем теперь с ними говорить. Лукьянов и Ивашко... Может быть, приму — потом. Жду российскую делегацию.

Действительно, о чем можно говорить с неудачниками? Снисхождение отдано лишь Лукьянову и Ивашко, то есть людям, формально в ГКЧП не входившим.

В 19.30 во двор въехало несколько «Волг» — прибыла группа «освободителей» — Руцкого, Силаева. Увидев вооруженного с ног до головы Руцкого, Раиса Максимовна испугалась:

— Вы что, нас арестовывать прилетели!

— Нет, — гордо ответил Руцкой. — Освобождать!

Дача наполнилась радостью. Объятия, поцелуи, рассказы и россказни о пережитом.

После обмена мнениями с российской делегацией Горбачев позвал Лукьянова и Ивашко. Беседовал с ними в присутствии Бакатина и Примакова. Вернее, ругал их по-черному. На полуслове оборвал Лукьянова: «Иди, посиди там, — резко указал ему на дверь, — тебе скажут, в каком самолете ты полетишь». С остальными Горбачев не счел нужным встречаться. Крючкова, Бакланова, Язова, Тизякова дальше прихожей не пустили. На полную громкость вещал телевизор. Дикторы, меняя тон, уже начали клеймить позором участников путча, требовали строго наказать виновных. Крючков как опытный психолог понял, чем дело пахнет. Еще перед отлетом он попрощался со всеми, сказав, что, по его мнению, в Москве всех ожидает задержание. Кстати, его сразу изолировали, в самолете, на котором Президент возвращался в Москву, его поместили в отдельном отсеке — видимо, в качестве заложника с целью возможного предотвращения диверсии в полете. Рядом с ним поместили Руцкого — сторожить.

Вылетели же в Москву бортом Руцкого. Горбачев пригласил к себе в салон Бакатина, Силаева, Примакова, Черняева... Спутники торопились заверить в своей верности и попутно заложить других. Так, Бакатин показал заявление, которое они сочинили с Примаковым, но отметил, что министр иностранных дел Бессмертных подписать его отказался.

В половине третьего ночи Ил-62 приземлился во «Внуково-2». По телевидению неоднократно показывали сюжет: Горбачев в спортивной куртке и, как написала одна газета, с «перевернутым» лицом боязливо спускается по трапу на московскую землю. Суетится, светится Руцкой...

Красиво написал Олег Попцов: «Президент, угодивший в плен, извлеченный оттуда своим соперником, в час своего возвращения в Москву еще не понимал, что настрадавшийся, измученный, он сходит не по ступенькам самолетного трапа, а спускается с Олимпа власти. В рассеянных вспышках блицев, одетый в походно-домашний костюм, он подарил образ экс-президента. Горбачев вернулся в другую страну»[1].

---

[1] *О. Попцов.* Хроника времен «царя Бориса». М.: «Совершенно секретно», 1996. С. 164.

Членов ГКЧП у трапа ожидали вооруженные люди. Язов, встряхнувшись, бодро заспешил к зданию аэровокзала. В холле его встретил заместитель начальника 9-го Управления КГБ:

— Дмитрий Тимофеевич, пройдите, пожалуйста, сюда, — и показал на дверь — там обычно перед вылетом собирались члены Политбюро и другие государственные деятели высокого ранга.

За дверью маршала ждал Генеральный прокурор России В. Степанков, который объявил о задержании его за участие в государственном перевороте.

Крючкова из самолета вывели не сразу, ждали, пока завершится церемония встречи Горбачева. Провели к машине «скорой помощи», где все тот же Степанков вторично сыграл свою роль. Крючков уточнил:

— От имени какой прокуратуры задерживают?

— От российской, — услышал в ответ.

Кстати, нормальной логики в этом нет никакой. «Преступление» совершено против властей СССР, а расследует прокуратура одной из республик. Но Ельцин и его окружение понимали, что нити следствия должны быть в их руках. А будущий экс-президент СССР в тот момент был как бы без власти и покорен любому, кто на него надавит. Указом президента СССР от 22 августа 1991 года был освобожден от должности премьер-министр Валентин Павлов « в связи с возбуждением Прокуратурой СССР уголовного дела за участие в антиконституционном заговоре»[1]. Так было уголовное дело возбуждено в Прокуратуре СССР или нет?

Так завершилось трехдневное правление ГКЧП.

4.5. Второй раунд Новоогаревского процесса — прямой путь к Беловежью

Пал, пал Вавилон, сделался жилищем бесов
и пристанищем всякому нечистому духу, пристанищем всякой нечистой и отвратительной птице.

Иоанн Богослов

Итак, вопрос об участии, вернее о степени участия Генерального секретаря ЦК КПСС в организации августовского мятежа по сей день остается загадкой. Загадкой Полишинеля? Сам Горбачев любые обвинения в свой адрес о причастности к ГКЧП решительно отметает. Так, в своей книге «Августовский путч» он пишет:

[1] *В. Павлов.* Август изнутри. Горбачев путч. М.: «Деловой мир», 1993. С. 124.

«Ходит и такое: я, мол, знал о предстоящем путче. Следствие покажет все. Также как и цену запущенного слуха, будто Горбачев имел ненарушенную связь, но устранился, чтобы отсидеться и приехать «на готовенькое». Так сказать, беспроигрышный вариант. Если путч удался, то президент, давший ГКЧП шанс, выигрывает. Если путч проваливается, он опять прав»[1].

Все так. Лучше не скажешь. И неважно, что Горбачев не сумел собрать урожая с августовских полей: все в одиночку присвоил Ельцин. Но откуда Президент СССР мог предположить, как поведет себя Президент России? Нейтрализуй его путчисты в первый же день мятежа, и не было бы никаких баррикад, «живого кольца», развивающихся бело-сине-красных полотнищ и жертвоприношения в качестве жизни трех юношей.

Сами гэкачеписты, оправившись от шока, вызванного предательством Горбачева, и осознав, что пути их разошлись навсегда, понемногу разговорились. Так, В.Болдин, один из самых доверенных Генсеку людей, напишет:

«Горбачев в начале 1990 года пригласил к себе группу членов Политбюро и Совета безопасности — всех тех, кто впоследствии вошел в ГКЧП (среди них были Крючков, Язов, Бакланов) — и поставил вопрос о введении чрезвычайного положения. Все, кого Горбачев тогда позвал, идею ЧП поддержали, особенно учитывая нарастание националистических, центробежных тенденций в Прибалтике и Закавказье. И у нас, в аппарате Горбачева, начали готовить концепцию ЧП.»[2]

Дальше, если следовать логике Болдина, события развивались так. Генсек окончательно осознал, что сепаратные переговоры Ельцина с лидерами республик приведут в итоге к его полному низложению и «вызвал тех, с кем уже обсуждал вопрос чрезвычайного положения, отдал им необходимые распоряжения и ушел в отпуск. Горбачев не хотел присутствовать при той драке, которая должна была разгореться. Он знал (а возможно, и сам дал команду), что во время его отпуска случится то, что случилось».

Болдин знает о чем говорит, и оснований не верить ему нет абсолютно никаких. Это был честнейший человек. А вот воспоминания другого путчиста, бывшего секретаря ЦК КПСС О. Бакланова:

«Я узнал о создании комитета от Горбачева, который еще за год или полтора до августа 1991 года, почувствовав, что его политика приходит в тупик, на одном из совещаний высказал мысль о создании некоего органа, который в случае чрезвычайной ситуации мог

---

[1] Цит. по: *А. Хинштейн*. Ельцин. Кремль. Хроника болезни. М.: «Олма Медиа Групп», 2008. С. 270.

[2] Там же. С. 271.

бы вмешаться, чтобы поправить положение в стране. Я знаю, что и Верховный Совет обсуждал и даже принял статус ГКЧП»[1].

Очень интересные наблюдения приводит Евгений Примаков, на тот момент член Президентского совета. Когда утром 20 августа он пришел к Янаеву и посоветовал немедленно вывести войска, вице — президент виновато потупился: дескать, сам все понимаю, но не могу, выкрутили руки.

« Потом, анализируя разговор, — замечает Примаков, — я особо выделил сказанное им: «В апреле я не поддался. А в этот раз не выдержал…» Значит, они собирались сделать это еще в апреле»[2].

Не менее конкретно формирует задачи созданного ГКЧП О. Шенин:

«ГКЧП — это несформированная структура, созданная с подачи Горбачева. Это он нас всех ранее не раз собирал в таком составе. Горбачев акцентировал внимание на том, что в стране ситуация может складываться не самым лучшим образом. Видимо, он имел в виду какие-то свои цели, а мы полагали, что речь шла о защите конституционного строя»[3].

Бессмертны слова Виктора Степановича: «Хотели, как лучше, а получилось, как всегда».

Все меньше и меньше остается вопросов об участии Горбачева в организации ГКЧП, но рано или поздно на все эти вопросы будут найдены ответы, в том числе и на эти два. Во-первых, зачем понадобилось генсеку и президенту страны — вполне здоровому и бодрому — оставлять Москву под предлогом надуманной болезни, когда под угрозой срыва находилось подписание Союзного договора — его же детища! И, во-вторых, что означает его загадочная фраза, брошенная журналистам сразу же после возвращения из форосского «заточения»: «Всего я вам все равно никогда не скажу...»

«На следующий день, осознав, что за двадцать дней отсутствия в Москве власть стремительно ускользает из его рук, Горбачев признался одному из западных корреспондентов: «Я приехал из Фороса в другую страну и сам уже не тот, кем был, другой человек». На этот раз он сказал чистую правду.

Как Ельцин после возвращения из Америки, так и Горбачев после Фороса совершенно изменился. Во-первых, он стал еще более боязливым и неуверенным в своих действиях, утратил ос-

---

[1] Цит. по: *А. Хинштейн*. Ельцин. Кремль. Хроника болезни. М.: «Олма Медиа Групп», 2008. С. 271.

[2] Там же.

[3] Там же. С. 272.

татки воли. Во-вторых, он понял, что проиграл и попал под каблук Ельцина.

— У нас есть горький опыт, август нас многому научил, потому, прошу вас, теперь любые кадровые изменения — только по согласованию со мной, –приказал Ельцин.

Горбачев внимательно посмотрел на собеседника. Это был взгляд сломленного, готового на уступки человека. И все же Президент Союза попытался взять инициативу в свои руки.

В первый же день после возвращения в 12.00 Горбачев созвал у себя совещание. Еще не все отошли от происшедшего. Говорили о том, что кто делал, где был в разгар событий, перемывали косточки вчерашним партсоратникам, которых арестовали ночью. Больше всех старался Яковлев.

Горбачев подписал первые после путча указы — министром обороны назначил Моисеева, председателем КГБ — Шебаршина.

Ельцин узнал об этом поздно вечером, после сообщения по ТВ. Несмотря на поздний час, он позвонил Горбачеву и тоном хозяина, нетерпящего возражений, спросил:

— Михаил Сергеевич, что вы делаете? Моисеев — один из организаторов путча. Шебаршин — ближайший человек Крючкова.

Горбачев стал оправдываться, что не знал этого. Но сейчас уже поздно, дело сделано, документы подписаны, а указы уже обнародованы, их передали по радио, телевидению.

— Так дело не пойдет, — заявил Ельцин. — Утром буду у вас. Утром прямо из дома Президент России поехал в Кремль, к Горбачеву. Первым делом потребовал отправить в отставку Моисеева. Хозяин кабинета, которому вскоре предстояло самому паковать чемоданы, пытался увернуться от прямого разговора. Дескать, неудобно отменять только что изданный указ, обещал подумать, как выйти из положения. Но с Ельциным его увертки, отговорки, уловки не проходили.

— Нет, — уперся Б.Н., — я не уйду, пока вы при мне этого не сделаете. Приглашайте Моисеева прямо сюда и отправляйте в отставку.

Пришлось Горбачеву уступить. Вызвали Моисеева, начальника Генштаба, лишь вчера назначенного министром. Он вошел в кабинет, где сидели оба президента. Горбачев за своим столом, в торце, Ельцин — рядом.

— Объясните ему, что он уже не министр, — кивнул Ельцин Горбачеву, показывая, кто тут главный.

Можете представить, что творилось в душе униженного Горбачева, но он безропотно повторил сказанное Ельциным. И генерал армии, один из самых способных наших военачальников, сдал пост министра обороны...

Коржаков передал Ельцину записку от Бурбулиса, шефа кадров, с предложением назначить министром обороны Шапошникова, главкома ВВС, который одним из первых поддержал решение о деполитизации армии и провел эту акцию в ВВС.

Ельцин знал о заслугах «человека, который смеется», и рассчитывал на его помощь в будущем.

Знал Борис Николаевич и о другом — в дни путча он определил министром обороны России генерала Кобеца. Назначение Шапошникова означало элементарное двоевластие в армии. Но это ему как раз и нужно было, а тут и человек подвернулся, готовый услуживать, а не служить.

Вскоре Шапошников тоже предстал пред очи двух президентов. Беседа была короткой: пост получил — действуй.

Снова записка от Бурбулиса: на пост председателя КГБ предлагался Бакатин. Ельцин знал Шебаршина лично и знал, что этот человек, кадровый разведчик, не прогнется ни перед кем, а тем более будет всячески противодействовать давно задуманному разгрому КГБ. Горбачев, услышав фамилию Бакатина, удивился: это было большой неожиданностью для него. Но тут же сообразил, что эта кандидатура подходящая — вроде свой человек. Так ушел в отставку еще один профессионал, пробывший во главе Комитета госбезопасности всего сутки.

— Надо решить вопрос и с министром иностранных дел, — нажимал Ельцин. — Бессмертных выполнял поручения ГКЧП, во все посольства ушли шифровки в поддержку гэкачепистов, и всю внешнеполитическую службу он ориентировал на то, чтобы помогать им.

— Кого вы предлагаете? — спросил Горбачев.

Ельцин призадумался. Хотел было назвать Козырева, но понимал, что бойкий мальчик еще не готов к такой роли. Сошлись на Борисе Панкине, который был послом в Чехословакии, а раньше в Швеции. Хорошо засветился он 19 августа, когда открыто выступил против путча в посольстве и прислал шифровку, в которой осуждал ГКЧП. Верность Ельцину была индульгенцией в эти дни для получения хлебной должности. Правда, Панкин недолго возглавлял МИД — не той школы, да и слишком самостоятелен. Его сплавили в Лондон, а в МИД все-таки подсадили Козырева.

Под диктовку Бурбулиса важнейшие государственные посты на первом этапе вроде бы разделили. Началась драка за кабинеты. Правда, у Ельцина кабинет в Кремле уже был. Почти сразу же после победы над ГКЧП он заговорил с Горбачевым о разделе Кремля. Президент СССР оставляет для себя первый корпус, а Ельцин въезжает со своей командой в четырнадцатый, где раньше был

Кремлевский театр. Президенту России выделили апартаменты на четвертом этаже. Рядом должны размещаться и помощники. Вот они-то и схватились в борьбе за место при теле вождя. Илюшин приглядел себе кабинет Примакова, отделанный в европейском стиле, с современной мебелью. К нему примыкали комнаты отдыха и мини-спортзал с тренажерами. Но на этот кабинет положил глаз и Бурбулис. Виктор Васильевич переиграл соперника. Может быть, с этого момента они и стали заклятыми друзьями?»[1]

А что же с членами ГКЧП? Следствие предъявило участникам событий 19-21 августа обвинение по статье 24 УК РСФСР — заговор с целью захвата власти. Конечно, формулировка звучит странно. Власть у всех у них была. Должностное «повышение» на три дня получил только вице-президент Г. Янаев, ставший и.о. Президента. Однако он и так оставался и.о., поскольку Президент находился в отпуске. Пытались притянуть к обвиняемым другую статью — «Государственная измена», но не прошло, поскольку они как раз действовали во имя спасения Советского Союза.

Суд долго ходил по лабиринтам следствия и УК РСФСР, наконец, в феврале 1993 года узникам «Матросской тишины» вручили обвинительное заключение в пяти томах. В каждом томе — 250 страниц.

В день начала слушания дела, 14 октября, у здания суда собрались несколько тысяч человек. Многие пришли с цветами. Были лозунги «Народ с вами», «Истинных преступников — к ответу!», «Не допустим расправы»...

«Суд идет. Прошу встать!» — прозвучало под сводами зала Верховного суда РФ. Здесь часто звучат эти слова. В тот день встали со скамьи подсудимых Янаев, Павлов, Крючков, Язов, Шенин, Бакланов, Варенников, Плеханов, Генералов, Тизяков и Стародубцев.

Председательствовал на суде Уколов, два народных заседателя — Зайцев и Соколов (все трое — генералы), девять государственных обвинителей во главе с заместителем Генерального прокурора России Денисовым. Подсудимых защищали 17 адвокатов.

Новые российские власти очень тщательно готовили сценарий этого судебного заседания, и все же казуса они не избежали. Устроители процесса задумали рассадить подсудимых по своему усмотрению. Но они заняли места как бы произвольно, в зависимости от того, кто первым вошел в зал. Их хотели пересадить, как замышлялось, но гэкачеписты возразили и остались там, где сидели.

---

[1] Цит. по: *В. Андриянов, А. Черняк*. Одинокий царь в Кремле. М.: «Правда», 1999. С. 362—364.

Председательствующий заметил это, на мгновение заколебался: пересаживать или нет? Но решил: пусть будет так, как есть.

С самого начала, как свидетельствует Крючков, суд принял строгую линию ведения процесса, но отнюдь не жесткую. Защита сразу же ходатайствовала об отводе всего состава суда — дескать, они все зависят от Министерства обороны, значит, и от министра П. Грачева, который проходит в качестве свидетеля, играя в деле ГКЧП не последнюю роль. Следующим шагом защиты было — отвод всех государственных обвинителей. Высшая коллегия Верховного суда дала объективную оценку действиям Генерального прокурора Степанкова и его заместителя Лисова, которые еще за 5 месяцев до окончания расследования дела написали книгу «Кремлевский заговор» и выпустили ее массовым тиражом. Суд согласился с защитой по поводу отвода государственных обвинителей и предложил Верховному Совету решить этот вопрос. Зал встретил это решение бурными аплодисментами.

Подсудимые вели себя достойно. Они аргументированно отвергали предъявленные им обвинения. Каждое выступление Язова, Крючкова, Шенина — это образец патриотизма, гражданственности. Так, Д.Т. Язов аргументированно изложил причины, вызвавшие в стране кризис, развал Союза, показал роль отдельных политиков. Подробно обрисовал ситуацию в Вооруженных Силах, показал, как падает наша обороноспособность.

Касаясь обвинений в неконституционности действии ГКЧП, Язов сказал: «Метод не предусмотрен Конституцией? А что, разве Конституция, на которой давал клятву Президент, предусматривала развал государства, армии и подрыв обороноспособности, невыполнение волеизъявления народа на референдуме?»

В заключение Язов сказал: «Обвинение меня в измене Родине это правотворчество угодливых людей, которые, как известно, сами оказались не у дел. На самом деле — какую власть захватил я? Действительно, парадокс. Пожалуй, это единственный в истории случай когда люди, движимые мотивами сохранения государства, привлекаются к уголовной ответственности по закону, который государство создало для своего Президента»[1].

Столь же сильно, страстно звучали и другие выступления. Как известно, гэкачеписты были выпущены на свободу по амнистии. Правда, один из них — генерал Варенников не признал амнистию и выиграл судебный процесс: он был оправдан. Протест Генеральной прокуратуры на приговор суда Президиумом Верховного суда РФ был оставлен без удовлетворения.

---

[1] Цит. по: *В. Андриянов, А. Черняк.* Одинокий царь в Кремле. М.: «Правда», 1999. С. 358—360.

Раз оправдали Варенникова, значит, оправданы, а не амнистированы все члены ГКЧП.

Так завершились августовские события. Впрочем, завершились ли? Завершились только для членов ГКЧП. Страну же они ввергли в пропасть.

Вернемся, однако, к первым «послепутчевым» дням, ввергнувшим великую страну в пучину хаоса и развала.

В ночь с 20 на 21 августа Белый дом праздновал победу. Среди «победителей» был и пресс-секретарь Б. Ельцина Павел Вощанов. Через несколько лет, отвечая на вопрос о самом трагичном и самом веселом моменте своей пресс-секретарской работы, он вспоминает ту ночь:

«Самый запомнившийся — это ночь с 20 на 21 августа 1991 года. В этом были и трагедия, и фарс. Трагедия — это люди, находящиеся вокруг Белого дома, а фарс — происходившее тоже самое в его пределах. Отцы русской демократии праздновали там победу над Горбачевым. Именно тогда я в первый раз в жизни понял, что я служу не тому человеку»[1].

А этот человек, упоенный победой над Горбачевым, решал стратегическую задачу — немедленно уничтожить КПСС. Активно помогал ему в этом главный теоретик «ельцинизма» Г.Х. Попов, который подготовил и осуществил «три акции»: «Во-первых, надо было попытаться заставить Горбачева самого объявить о выходе из КПСС, объявить о разрыве с ЦК, поддержавшим путчистов, о ликвидации аппарата КПСС. Но он был явно не готов к этому. Помню, мы с Юрием Лужковым зашли к нему в Кремль. Он обсуждал со своим окружением вопрос о том, оставаться ли Генсеком ЦК КПСС. Он пригласил нас поучаствовать в обсуждении. Мы быстро поняли, что Михаила Сергеевича его окружение почти убедило остаться на посту. Я резко высказался за немедленный уход с поста Генсека. Михаил Сергеевич слушал внимательно, но я чувствовал, что колебания есть. Тогда начал говорить Юрий Лужков с присущей ему жесткостью хозяйственника. Если мою позицию Горбачев предвидел, то напор Лужкова был для него полной неожиданностью, и решение об уходе было принято. Лужков практически продиктовал и текст заявления. Примечательно, что окружение Горбачева при нас молчало. А как только мы ушли, то они, видимо, принялись за свое. В итоге заявление было существенно ухудшено в политическом отношении. И его задержали на много часов, в результате оно появилось после Указа Ельцина о запрете КПСС. Горбачев еще раз упустил шанс включиться в по-

[1] Там же. С. 358.

слепутчевый процесс не в качестве плывущего по течению, а в качестве организатора.

Вторая акция касалась Москвы. 23 августа собралась сессия Моссовета. На ней я предложил взять под контроль здания райкомов КПСС, чтобы не дать им возможности уничтожить следы своего участия в путче. Депутаты меня поддержали. На этой же сессии мы сделали то, чего не сделал Верховный Совет России в отношении своих депутатов, — мы лишили депутатского мандата лидера МГК КПСС Юрия Прокофьева. Если бы у нас была директива Верховного Совета, мы бы изгнали тогда из Совета еще человек двадцать-тридцать. Думаю, что и руководство Моссовета сменилось бы, т.к. активно в дни путча действовал в президиуме Моссовета только Седых-Бондаренко. Он мужественно оставался в здании Моссовета вместе с заместителем премьера правительства Музыкантским после того, как мы с Лужковым перешли в Белый дом.

Словом, Моссовет действовал не в пример Верховному Совету активно. Хотя и он не начал с анализа того, чем занимался каждый его депутат в дни путча.

Третья акция касалась уже всей КПСС. Мы видели, что Верховный Совет России ничего не делает. Горбачев тоже готов только к личной акции — отказаться от поста Генсека. Вся надежда была на Бориса Ельцина. И он мужественно принял на себя всю ответственность за запрет КПСС. Он с присущим ему исключительным пониманием народных настроений видел, что народ недоволен. Он не знает, чем именно, но чувствует, что путч требует иной реакции, чем то, что он видит по телевизору. И Ельцин подготовил указ о КПСС.

Этот указ собирались огласить в зале Верховного Совета России именно тогда, когда будет встреча депутатов с Горбачевым. Депутаты сами указ не примут — это очевидно, но выступить против тоже не решатся — обстановка не та на улицах. А Горбачев будет недоволен, но и он в присутствии депутатов не решится протестовать.

Эту акцию Ельцина надо было мощно поддержать. Что можно было сделать в Москве? Наши размышления все больше концентрировались вокруг занятия базы КПСС — зданий ЦК и МГК.

Еще 23 августа народ собирался вокруг здания ЦК. Мне звонил сначала Примаков, затем Горбачев. Просили предотвратить погром. Я в тот день еще рассчитывал на нормальное развитие процесса ликвидации КПСС. Мы послали депутатов, сотрудников мэрии и префектур, активистов «Демократической России». Людей удалось передвинуть от здания ЦК КПСС на площадь Дзержинского.

Но 24 августа вновь усилилось стихийное недовольство масс характером развития послепутчевских событий. Людей можно было понять: для чего погибли ребята возле Белого дома, если все остается по-старому? Нужны были зримые, осязаемые, наглядные доказательства перемен. Памятники снести — но ведь это утешение для думающих на самом элементарном уровне. Все, кто размышлял — а это было подавляющее большинство, — понимали, что снятие мраморных или бронзовых фигур — итог явно недостаточный. Настроения подогревались крайними антикоммунистическими партиями и группировками. Кое-кто из структур КПСС хотел обострения ситуации, чтобы на фоне разгула и погромов акции ГКЧП выглядели бы невинными детскими забавами. Были и те, кто успел за три дня ГКЧП настрочить массу доносов и в ЦК, и в МГК, и в КГБ и теперь рвался первым войти в их здания, чтобы все сжечь.

Но к нам и на самом деле поступали сведения из достоверных источников, что везде — от ЦК до РК, от КГБ СССР до КГБ районов — жгут бумаги, пытаются что-то увозить и т.д.

И все же главной была мысль, что, когда Ельцин начнет зачитывать указ о приостановке деятельности КПСС, в Верховном Совете России должен уже быть весомый и, главное, не допускающий обратного хода аргумент. Таким аргументом могло стать именно взятие зданий ЦК КПСС и МГК.

Но чтобы войти в эти здания, недостаточно было решения мэра. Это ведь организация союзного уровня. С союзного уровня никакой поддержки мы получить не могли. Оставался российский. И опять-таки не парламент, а Президент. Но было неудобно, чтобы решения по зданиям принимал тот же Президент, который потом подпишет указ о КПСС. После переговоров с Бурбулисом договорились, что он как государственный секретарь подпишет бумагу, разрешающую нам занять здания ЦК. По МГК решали мы сами. Всей операцией руководил префект Центрального округа Александр Музыкантский (он же заместитель премьера правительства Москвы), управляющий делами мэрии Василий Шахновский и заместитель генерального директора департамента мэра Александр Соколов, депутат Моссовета, майор армии (он был потом назначен мною кем-то вроде коменданта комплекса ЦК КПСС). Надо было убедить части КГБ СССР, охранявшие ЦК (что само по себе было беззаконием — почему государственная власть охраняет помещение одной из партий страны?), уйти.

ЦК — это гигантский узел связи со страной, комплекс подземных сооружений, все системы обороны, включая ядерную. Договорились с КГБ, что они останутся охранять подземный комплекс, а из здания уйдут.

Далее надо было обеспечить безопасность уходящих из ЦК его сотрудников. Конечно, они могли быть соучастниками путча, но это — дело следствия и суда, никаких самосудов допустить нельзя. По нашим сведениям, лидеры в ЦК 24 августа уже не пришли, а вот в МГК Прокофьев находился в своем кабинете. Я поручил Шахновскому и Соколову лично обеспечить эвакуацию Прокофьева и других руководителей. Но при этом не допустить выноса каких-либо документов. Другими словами, обыск становился неизбежным.

Я думаю, что Музыкантский и другие участники этого события расскажут когда-нибудь много интересного. А меня тогда интересовало одно: темп. К моменту начала выступления Ельцина здания должны быть взяты.

Я понимал историческое значение происходящего. Передо мной был телевизор: шел репортаж о встрече депутатов Верховного Совета России с Горбачевым. А сбоку стоял телефон, по которому поступала информация со Старой площади.

Наконец каким-то усталым и будничным голосом мне сообщили: мы в здании ЦК. Охрана КГБ ушла. Персонал эвакуирован. Удалось вывести и Прокофьева. Мы звоним из бывшей приемной Генерального секретаря ЦК КПСС.

Свершилось. Я знал, что это удар. Изгнания из зданий КПСС уже не переживет.

Как и при взятии Зимнего дворца в 1917 году, взятие ЦК КПСС обошлось без жертв. Но, в отличие от 1917 года, не было ни залпов орудий, ни выстрелов. Это имело огромное значение для будущего. Закладывался фундамент российской демократии, нельзя было, чтобы в него попала хотя бы капля крови.

В эти минуты я понял: дело сделано. Величайшее событие конца XX века свершилось. Эксперимент с государственным тоталитарным социализмом закончен. Что бы ни было потом, сколько бы лет ни занял процесс, как бы ни было противоречиво развитие — начинается отсчет новой эпохи.

Я как ученый-экономист уже много лет назад пришел к выводу, что когда-то это обязательно произойдет. Что этот вид социализма обречен.

Я, занявшись политикой, старался приблизить его гибель, облегчить России муки родов нового общества.

Но я не верил, что это произойдет при моей жизни, при моем участии. Но — произошло. Если я ничего больше не сделаю для России и ее народов, этот час, час взятия зданий ЦК, оправдает, по крайней мере, для меня самого, всю мою жизнь, все ее беды, ошибки, противоречия.

Ельцин зачитывал на экране исторический указ о КПСС. Я подумал: это произошло. Господи, это произошло! Это ведь наша Россия. Здесь свои обычаи. Назад покойников не носят, говорит старая русская пословица. Разгром зданий — это конец.

Потом были митинги. Был митинг победы. Я выступал на нем. Я говорил о роли москвичей, о роли молодежи.

Потом были похороны павших героев. И опять я говорил. Кстати, именно я настоял на том, чтобы пригласили на похороны не только православных священников, но и иудейских. Ведь один из погибших был евреем»[1].

В этот день, то есть 23 августа, когда Попов руководил «третьей акцией» по захвату зданий ЦК КПСС и ЦК МГК, Ельцин вызывает президента СССР — именно вызывает, а не приглашает — на заседание Верховного Совета РСФСР.

Прямо у входа Горбачева ждет агрессивно настроенная толпа. Он продирается сквозь людей, бросающих ему в лицо оскорбления, точно сквозь строй шпицрутенов.

Центральное телевидение транслирует в прямом эфире его выступление, более похожее на публичную порку. Стоя на трибуне, Горбачев запинается, бормочет что-то несвязное. А Ельцин еще и прерывает его на полуслове — так же, как в 1987 году обрывал его во время пленума Горбачев, только теперь это выглядит намного жестче и унизительней.

Он требует, чтобы Горбачев публично утвердил все указы, изданные российской властью за три августовских дня. Это и передача под юрисдикцию РСФСР всех союзных министерств и ведомств, и принятие на себя Ельциным полномочий верховного главнокомандующего.

«Борис Николаевич, — чуть не плачет Горбачев. — Мы же не договаривались все сразу выдавать, все секреты».

Этих указов он даже не читал, но Ельцин под крики и аплодисменты депутатов с хамской усмешкой вручает ему весь пакет документов. «Ознакомьтесь прямо здесь, на трибуне».

Но на ознакомление у Горбачева просто не остается времени. Ельцин — вот уж демократ, так демократ — заставляет его вслух зачитывать какую-то стенограмму заседания союзного правительства, где говорится о поддержке ГКЧП.

Через несколько минут он вновь обрывает президента СССР, поскольку получил отмашку от Попова о захвате зданий ЦК КПСС:

---

[1] Цит. по: *В. Андриянов, А. Черняк.* Одинокий царь в Кремле. М.: «Правда», 1999. С. 365—369.

«Товарищи, для разрядки. Разрешите подписать указ о приостановлении деятельности российской компартии».

Под бурные овации зала Ельцин ставит свой размашистый автограф, нисколько не обращая внимания на жалкого, раздавленного Горбачева, который лишь испуганно повторяет: «Борис Николаич… Борис Николаич…»

Горбачев пытается еще что-то возразить — дескать не демократично преследовать людей за их убеждения, плюрализм мнений, все такое, — но Ельцина уже не остановить. Как танк, прет он без разбора вперед, добивая бывшего своего соперника. На глазах у зала, телезрителей он демонстративно подписывает Указ о приостановке деятельности КПСС. И с иезуитской ухмылкой:

— Указ вступает в силу с момента подписания.

Это был час его торжества, расплата, но еще не последняя, за октябрьский Пленум, за XIX партконференцию, за унижения. Ельцин торжествовал, но вряд ли понимал, что в эти минуты подписывает приговор и себе.

До Горбачева еще толком не дошло, что, собственно, произошло, он вяло пытается с трибуны протестовать, дескать, эта акция может вызвать волну антикоммунистической истерии, что было бы опасно и несправедливо. Ельцин машет рукой: полно тебе, Михаил Сергеевич. Кто-то из депутатов прорывается к микрофону и истерически кричит, что всех «коммунистов надо метлой из страны убрать».

Горбачев пытается урезонить его:

— До подобных предложений даже больной мозг Сталина не додумался, подобные призывы свидетельствуют, что у вас «крыша поехала». Вы что, собираетесь выгнать из страны 18 миллионов коммунистов, а с семьями — 50—70 миллионов человек? Если называете себя демократами, так будьте ими!

Поверженный Горбачев, красный от стыда, сходит с трибуны. Он пытается уйти, но Ельцин зовет его к себе в кабинет — поговорить с глазу на глаз, окончательно отправить в нокаут.

«Это как пойманную мышку кот гоняет: намял ей бока, уже с нее течет, а он все не хочет съедать, а хочет поиздеваться», — вспоминал отставной генсек об этих августовских унижениях по прошествии десятка лет[1].

Огромная страна рушилась на глазах. Указ за указом, Ельцин забивал гвозди в крышку гроба, где покоилось то, что вчера еще звалось Советским Союзом.

---

[1] Цит. по: *А. Хинштейн*. Ельцин. Кремль. Хроника болезни. М.: «Олма Медиа Групп», 2008, С. 277—278.

Деятельность компартии на территории РСФСР была запрещена. Все партийное имущество передавалось советам народных депутатов. Началось тотальное мародерство и погромы, пошла охота на ведьм.

Видя такое дело, Горбачев был вынужден добровольно сложить с себя полномочия генсека и призвать членов ЦК к самороспуску. Формально он остается еще президентом СССР, но власть его сокращается с каждым днем, точно шагреневая кожа.

Даже те республики, что вчера еще были готовы подписать Союзный договор, наблюдая крушение центральной власти, провозглашают свою независимость.

За десять августовских дней окончательный суверенитет обрели Латвия, Молдавия, Украина, Армения, Белоруссия, Азербайджан, Узбекистан, Киргизия. В октябре — последней — откололась Туркмения. Литва, Эстония и Грузия объявили о суверенитете еще раньше.

Все эти процессы происходили хаотично, на волне постреволюционной эйфории. Самое интересное, что Ельцин участия в них практически не принимал.

После того как он принародно размазал Горбачева и объявил КПСС вне закона, российский президент отправился бурно праздновать победу.

Борис Николаевич укрылся в Сочи, в будущей своей резиденции Бочаров ручей, на которую давно уже положил глаз. Чем занимался он там — доподлинно неизвестно, ибо даже самые близкие соратники связи с Ельциным не имели.

«Я вместе с другими коллегами предпринимал тогда усилия для того, чтобы вывести его из этого отпуска и побудить действовать решительно, — свидетельствует министр иностранных дел РСФСР Андрей Козырев. — Мы понимали, что страна теряет время».

А тем временем пламя пожара перекидывалось уже из других республик и в саму Россию. 1 сентября в наиболее спокойном северокавказском регионе — Чечено-Ингушетии — никому пока неизвестный отставной генерал Дудаев низвергает местный Верховный Совет. По всему Грозному полыхают митинги. Дудаевские гвардейцы захватывают объект за объектом, а под конец, распоясавшись окончательно, силой разгоняют парламент, выбрасывая депутатов из окон.

Но тщетно председатель российского КГБ Иваненко пытается связаться с президентом: Ельцин слишком упоен победой; он и на секунду отрываться от отдыха не хочет. Даже когда дудаевцы захватывают здание республиканского КГБ и растаскивают архивы и оружие, Борис Николаевич на звонки Иваненко не отвечает.

«В течение дня безуспешно я пытался связаться с президентом России, который в это время находился на отдыхе в городе Сочи, — говорит главный российский чекист. — Можно было поднять группу быстрого реагирования, выехать с ней…»

Если бы Ельцин дал спецслужбам хоть какую-нибудь установку, чеченского катаклизма никогда бы не случилось. Но слишком расслабляюще действовал на него щедрый черноморский климат. Ценой пары принятых на грудь бутылок стали две войны и десятки тысяч человеческих жизней.

Потом он, конечно, спохватился, только уже было поздно. Дудаева избрали уже президентом, вся власть в Чечне окончательно вышла из-под контроля Москвы.

Правда, в ноябре Ельцин еще пытается что-то изменить. Он выпускает указ о введении в Чечено-Ингушетии чрезвычайного положения, но тут же… уходит в очередной загул.

Вице-президент Руцкой, которому поручено было заниматься чеченской проблемой, в течение пяти дней не мог с ним связаться. Борис Николаевич отдыхал в Завидово и беспокоить себя никому не велел.

Кончилось все тем, что ЧП пришлось бесславно отменять, а крайним во всей истории был назначен вице-президент — единственный, кто, действительно, пытался изменить ход событий.

Ельцинский пресс-секретарь Павел Вощанов рассказывал, что когда исход ЧП стал понятен, президент позвонил ему и «велел сделать заявление, что, мол, президент России всегда выступал и выступает за мирное решение чеченской проблемы. Только за столом переговоров… А то у нас есть, понимашь, такие, которым, что в Афгане деревню разбомбить, что Чечню танками подавить…»[1]

Такое заявление абсолютно в духе Б. Ельцина. Он никогда не признавался в собственных ошибках и у него всегда находился стрелочник, который мог вообще к провалам ельцинской политики не иметь никакого отношения. Напротив, он любил уличать других людей в ошибках и грехах, свойственных ему самому. Когда в декабре 1991 года оформлял он *развод* с Горбачевым, присутствовавший на той исторической встрече «архитектор перестройки» Яковлев невинно поинтересовался: правда ли, что вы собираетесь снять Примакова? (Незадолго до того он был назначен главой внешней разведки.)

А Ельцин ему в ответ: «Примаков любит выпить. Это, понимашь, недопустимо…»[2]

---

[1] Цит. по: *А. Хинштейн.* Ельцин. Кремль. Хроника болезни. М.: «Олма Медиа Групп», 2008, С. 279—280.

[2] Там же. С. 281.

Итак, через публичное унижение М.С. Горбачева, Б. Ельцин совершил еще одно преступление памятного 1991 года — запрет на деятельность КПСС на всей территории России. Затем последовал запрет на печатные органы КПСС и КПРФ: «Правду», «Советскую Россию», «Гласность» и целый ряд других газет, что явилось грубым нарушением закона. В дни августовских событий ЦК КПСС, как орган коллективного руководства, поддержал ГКЧП, в его поддержку выступили и многие ЦК компартий республик, обкомы, горкомы, райкомы партии, первичные парторганизации. Но после разгрома ГКЧП корабль развернулся на 180 градусов. Произошла, как утверждает Е. Гайдар, «антикоммунистическая революция, и многие начали открещиваться напрочь от партии». Сложили с себя обязанности членов Политбюро Назарбаев, Каримов, ряд руководителей компартий республик вышли из состава ЦК.

Снова и снова вспоминается, как Ельцин подписывал партийный указ. Право, на его лице мелькнуло какое-то садистское наслаждение. Думается, такие же чувства испытывали, читая эти два указа, некоторые соратники Ельцина, и прежде всего бывший главный идеолог КПСС последних лет Александр Яковлев. Правда, он молча сидел в зале, но на лице было ликование! Почему такие, как Яковлев, люто ненавидели, да и сейчас ненавидят КПСС, взрастившую их и выведшую на вершины власти? Вопрос не простой. Ельцин пытался как-то объяснить это. Получилось невнятно, неправдоподобно. Дескать, КПСС изжила себя, не оправдала надежды людей. Распустив партию, мы, демократы, просто-напросто сделали то, что хотело большинство народа. И волю этого большинства почувствовали и путчисты — они сдались.

На самом деле — все не так. Есть люди, с детства обиженные Советской властью, которые не могут простить обид. Это мелочные, мстительные люди. Ельцин из таких. Он ведь никогда не был снисходительным к другим, старался переломить через колено, стереть в порошок. У него характер такой — обижен же Ельцин на Советскую власть за раскулаченного деда, за отца.

И сам он об этом говорит совершенно откровенно:

«Пожелтевшая, почти остывшая папиросная бумага. Канцелярский картон. Фиолетовые стойкие чернила. Передо мной «Дело № 5644», по которому в 1934 году проходила группа бывших крестьян, работавших на стройке в Казани. Среди них мой отец Ельцин Николай Игнатьевич.

Было ему в ту пору двадцать восемь лет. Почему он проходил вместе со своим братом Андреем? Брату было и того меньше — двадцать два.

Перед этим семью нашу «раскулачили». Сейчас мы все начинаем забывать, что это такое. А все было, как говорится, проще

пареной репы. Семья Ельцина, как написано в характеристике, которую прислал чекистам в Казань наш сельсовет, арендовала землю в количестве пяти гектаров. До революции хозяйство отца было кулацкое, имел водяную мельницу и ветряную, имел молотильную машину, имел постоянных батраков, посева имел 12 га, имел жатку-самовязку, имел лошадей до пяти штук, коров до четырех штук...»

Имел, имел, имел... Тем и был виноват — много работал, много брал на себя. А Советская власть любила скромных, незаметных, невысовывающихся. Сильных, умных, ярких людей всех не любили и не щадили.

В тридцатом году семью «выселили». Деда лишили гражданских прав. Обложили индивидуальным сельхозналогом. Словом, приставили штык к горлу, как умели это делать»[1].

Мог сын и внук любить власть, которая отняла у деда все, что он имел? Конечно же, не мог. Хотя обратите внимание на рассуждения Ельцина: «имел, имел, имел... Тем и был виноват — много работал...». А ведь чуть выше в деле № 5644, которое так усердно изучал Ельцин, сказано: «имел постоянных батраков». Вот ведь кто создавал богатство Ельцину-деду — батраки. И был он самым обыкновенным эксплуататором, против чего и боролась Советская власть.

Кстати, запрет партии пагубно отразился на миллионах и миллионах ни в чем не повинных ее членов. Демократы раздували шум вокруг мнимых миллиардов долларов, вывезенных за рубеж, вокруг золота партии. Гайдар даже нанял американских частных детективов, которые искали по всему миру партийные деньги, но нельзя найти того, чего нет, даже в угоду больному воображению. За эту гайдаровскую авантюру пришлось заплатить детективам несколько миллионов долларов из российского бюджета, т.е. из кармана налогоплательщиков.

Справедливости ради надо сказать, что не один Ельцин виноват в разгроме КПСС. Не меньшая вина тут и Горбачева, его предшественников. Коррозия некогда монолитной партии разъедала ее изнутри. С приходом Горбачева в партии начали образовываться фракции, различные течения, платформы. Он это всячески поощрял. К августу 91-го в КПСС состояло уже не 18 млн., а 14 с небольшим. Один вообще демонстративно вышли из рядов КПСС, как это сделали М. Захаров сотоварищи, сожгли партбилеты, другие разбрелись кто куда: к Нине Андреевой, Анпилову, Бузгалину и Косолапову, Зюганову, Медведеву и Денисову, Липицкому и Руцкому, а позднее к Лимонову, Тюлькину, Шенину, Умалатовой.

---

[1] Цит. по: *В. Андриянов, А. Черняк.* Одинокий царь в Кремле. М.: «Правда», 1999. С. 371.

Немалая часть присоединилась к Демократической партии Травкина, к Жириновскому, и т.д. и т.п. Одно это говорит о том, что внутри партии уже давно шли процессы, которые привели к столь печальному финалу. Эту боль за распадающуюся партию выразил известный советский (украинский) писатель, бывший заместитель Председателя Совета Национальностей Верховного Совета СССР, член ЦК КПСС Борис Ильич Олейник:

«Как бы там ни было, я несу моральную ответственность за несостоятельность ЦК, который должен уйти с политической сцены, естественно, вместе со мной, тем самым подтвердив и мое личное мнение о том, что в нашей партии с конца 20-х годов существовало две партии. Одна — номенклатура и другая — по существу, вся партия, добывающая хлеб насущный, уголь, металл, и о которой вспоминали верхи, когда наступал час уплаты взносов или когда составлялись поименные списки на расстрел в 1937 году, или когда надо было идти в смертельную атаку: «Коммунисты, три шага вперед!»

И снова эти же верхи подставили дважды расстрелянную партию под третий расстрел, пока что моральный. Когда же прекратится это издевательство?»[1].

Продолжим мысль Бориса Ильича. Да, были, по существу, две партии. И первая — номенклатурная жила уже в светлом будущем, построила для себя коммунизм. Многие коммунисты-руководители, носившие такие же партбилеты с силуэтом Ленина, как и все остальные, имели все, катались, как сыр в масле: хорошие квартиры у них были, служебные машины для себя и домочадцев, бесплатные номенклатурные здравницы 4-го Управления Минздрава. Все это было. И Борис Ельцин верно уловил настроение народа, его возмущение барскими привилегиями, о которых и сам Ельцин знал не понаслышке.

Партию развращали коррупция, зазнайство, формализм, чинопочитание. Коммунисты видели это зло, как могли, боролись с ним. И хотя КПСС Ельцин запретил, истинные коммунисты, борцы за справедливость, не покинули ее. Тот же Борис Олейник заявил в день приостановления деятельности КПСС, выступая в Верховном Совете СССР: «Наконец-то я смогу осуществить свою мечту: добиваться переименования партии, насчитывающей миллионы членов, в партию социальной справедливости. Я не отрекусь от нее. А потому хотел бы обратиться к коллеге из Самары (потребовавшему суда над КПСС наподобие Нюрнбергского суда над фашистскими главарями. — *А.К.*):

---

[1] Цит. по: *В. Андриянов, А. Черняк.* Одинокий царь в Кремле. М.: «Правда», 1999. С. 372.

Уважаемый коллега! Нюрнбергский процесс потому и состоялся, что в братских могилах, на полях сражений лежат коммунисты, которые сделали возможным провести этот Нюрнбергский процесс. В противном случае у вас не было бы на что ссылаться.

А теперь хочу обратиться к победителям. Больше всего бойтесь тех витязей, которые примазываются к вам. Они, привыкшие торговать, оттеснят вас, благородных рыцарей, и пожнут плоды ваши и сделают все, чтобы победители раскололись и пошли друг на друга. Это будет, ибо это уже было. Примазываясь, они начнут демонстрировать свою запоздалую лояльность президентам, вам, победители, старым испытанным способом — доносами на неуспевших написать доносы»[1].

Партия коммунистов пройдет еще через Конституционный суд, выиграет процесс и выйдет снова на прямую линию жизни. На этот раз, как и до 1917 года, в качестве оппозиционной партии.

В этот же день, когда с трибуны Верховного Совета СССР громили КПСС, ближе к вечеру состоялась своеобразная казнь КГБ СССР, который, кстати, во многом повинен в том, что происходило в 1991 году.

У органов госбезопасности СССР был своеобразный «ангел-покровитель», который выполнял социальную роль, сравнимую с христианскими святыми. Таким «святым» для них, а также для органов внутренних дел, был Ф.Э.Дзержинский, культ личности которого в советские времена был, пожалуй, третьим после Ленина и Сталина. Почти в каждом кабинете сотрудника органов госбезопасности и внутренних дел висел портрет «Железного Феликса», а на площади в центре Москвы, которая также носила его имя, возвышалась огромная статуя первого чекиста страны.

Именно эта статуя и была выбрана для публичного унижения КГБ СССР. В.Крючков еще утром 21 августа, улетая в Форос, получил сообщение «о начавшихся беспорядках в городе, в частности на Лубянке, у памятника Ф.Э.Дзержинскому. Группы экстремистски настроенной молодежи потянулись на площадь, раздавались призывы к захвату здания Комитета госбезопасности, высказывались угрозы разрушить памятник»[2]. Правда, В.Крючков ничего не предпринял для того, чтобы дать отпор надвигающимся на площадь хулиганам, которых к вечеру возглавит С.Б.Станкевич, тогда заместитель мэра Москвы — любимчик толпы, а в последующем эмигрант, — скрывающийся от уголовной ответственности за коррупцию.

---

[1] Там же. С. 373.

[2] *В. Крючков*. Личное дело. М.: «Олимп», 1996, Т. 2. С. 205.

А события между тем нарастали. Вот как их описывает бывший заместитель председателя КГБ СССР Шебаршин Л.В.: «Начальник комендантской службы В.Г. Опанасенко докладывает, что толпа на площади собирается идти на штурм КГБ. На стенах зданий пишут обидные лозунги, окружили памятник Дзержинскому.

— Что делать?

— Ни в коем случае, ни при каких обстоятельствах не применять оружие… Будем обращаться к московским властям и милиции. (Каково? Это, когда здание на Лубянке битком набито вооруженными офицерами и прапорщиками, взирающими на эту постыдную картину из его окон. — *А.К.*).

Отыскиваем милицию, но она на выручку не спешит…

Всем командует С.Б. Станкевич (а, ведь, он как раз и представляет московскую власть!. — А.К.), а милиция приглядывает за порядком.

По просьбе организаторов митинга мы включили прожектора на здании комитета («…не трогайте нас. Видите какие мы сознательные»…), но площадь освещена слабо. Кольцом, на некотором удалении от памятника, стоят люди. Сосчитать трудно, но это несколько десятков тысяч. Говорят речи, выкрикивают лозунги, а тем временем два мощных автокрана примериваются к чугунному монументу…

Краны взревели, толпа зашумела. Вспышки сотен блицев — и Железный Феликс, крепко схваченный за шею (он был обвязан канатами, но процедура казни подсказывает детали), повис над площадью, а под чугунной шинелью лишь обозначилась смертная судорога чугунных ног»[1].

Маленькая деталь. Газеты писали, а затем мэр Москвы Г.Х. Попов подтвердил, что: «Нужной мощности автокрана найти не могли. Посольство США предложило помощь. У них на строительстве (здания) посольства соответствующей мощности кран был»[2].

Символично. Техника американская, а исполнители — отечественные хулиганы. Один полковник госбезопасности констатировал: «В ночь с 22 на 23 августа под улюлюканье пьяной толпы был сдернут с пьедестала памятник рыцарю революции 1917 года — Феликсу Эдмундовичу Дзержинскому»[3].

Другой написал: «Невольно вспоминались кадры той трагической хроники — беснующаяся толпа вандалов и черные окна здания за спиной Феликса. Никто не пришел к нему на помощь»…[4]

---

[1] *Г. Попов.* Снова в оппозиции. М.: «Галактика», 1994. С. 229.

[2] *Г. Попов.* Снова в оппозиции. М.: «Галактика», 1994. С. 229.

[3] *А. Яровой.* Прощай, КГБ. М.: «Олма-пресс», 2001. С. 13.

[4] *А. Михайлов.* Портрет министра в контексте смутного времени. Сергей Степашин. М.: «Олма-пресс», 2001. С. 71.

Через несколько дней после «гражданской казни» «Комсомольская правда» писала: «КГБ СССР еще действует. Но можно сказать, что этой вчера еще могущественной организации уже не существует». Похоже, газета поставила верный диагноз. За три дня КГБ СССР потерял почти все.

«Гражданская казнь» КГБ окончилась относительно мирно, поскольку это закрытое ведомство было всего лишь исполнителем воли руководства КПСС.

«…Через месяц на площади остановилось несколько автобусов. Курсанты-пограничники и молодые слушатели Высшей школы КГБ стали тряпками и ацетоном смывать позор своих старших товарищей, приводя инвалидный памятник в приличное состояние. Закончив работу, они начертали: «Феликс, прости». Прохожие недоумевали, восхищаясь мужеством молодых юнкеров. Милиция отводила глаза, а чекисты…»[1]

Так и остался на долгие годы пустой постамент перед зданием бывшего КГБ СССР. Никто очень долго не решался что-либо сделать с пустым постаментом. Его так и не убрали. Он сам по себе снова стал памятником, но не Железному Феликсу, а унижению органов госбезопасности. Тот же А. Михайлов, бывший сотрудник органов написал: «Стоящий в центре площади пустой, изгаженный постамент был символом иного… Символом горячих голов и холодных сердец людей нового времени»[2].

Где-то, спустя десяток лет, мэр Москвы Ю.М. Лужков поднимет вопрос о восстановлении памятника Дзержинскому на его прежнем месте. Меняются времена — меняются люди. И хотя в предложении мэра Москвы, по всей вероятности, больше сиюминутной политической конъюнктуры (президентом страны стал бывший сотрудник, а затем и руководитель КГБ, и многие бывшие чекисты оказались среди его окружения), сам факт такого предложения о многом говорит, равно как и умолчание властей, и прежде всего президента Путина на протяжении восьми лет его правления, на это предложение. Нынешнего президента страны ничто не связывает с трагическими событиями 1991 года, и ему бы вернуться к предложению Лужкова (ранее с таким предложением неоднократно выступал коммунист Н. Харитонов), что безусловно способствовало бы укреплению его авторитета у большинства граждан России, но прежде всего у сотрудников спецслужб, большинство из которых по-прежнему называют себя «внуками Ф.Э. Дзержинского», как те юнкера, извинившиеся перед ним за допущенное публичное поругание несгибаемого рыцаря революции.

---

[1] *А. Михайлов.* Портрет министра в контексте смутного времени. С. 71.

[2] Там же.

События 19—21 августа 1991 года послужили мощным катализатором ускоренного распада великой Советской державы. «… История человечества не знала примеров, когда могучая, признанная в мире сверхдержава без войн и потрясений добровольно развалилась на куски», — написал бывший заместитель председателя КГБ СССР Ф.Д. Бобков[1]. Это о трагедии государства. Даже Б. Ельцин косвенно признал распад страны страшной драмой общества[2]. Факт распада признавали многие, но ответственность за его совершение никто на себя не брал.

В первые дни и недели после провала ГКЧП Горбачев проявляет завидную активность по возобновлению Новоогаревского процесса. 22 августа Президент СССР проводит совещание с руководителями девяти союзных республик, где обсуждается вопрос о необходимости скорейшего заключения Союзного договора. В совещании приняли участие Ельцин, Кравчук, Дементей, Каримов, Назарбаев, Муталибов, Акаев, Макхамов, Ниязов. На следующий день, принимая верительные грамоты у нового посла США в СССР Страусса, Горбачев заверил его, а вернее президента США Дж. Буша, о своей приверженности к сохранению курса Ново-Огарева:

«...Что касается нашей федерации, то мы подтвердили, что будем двигаться к Союзному договору. Причем на этот раз решили, что подписывать будем вместе, все республики, а не поочередно. Это означает, что некоторым придется немного подождать по сравнению с ранее назначенными сроками. А, например, Украине поторопиться с решением.

Что касается других республик, то я привержен тому, чтобы все происходило конституционным путем. Пусть определятся Армения, Молдова, Грузия, пусть окончательно определится и Прибалтика. Даже если бы сегодня все было окончательно ясно с выходом, все равно остаются экономические связи. И когда мы обсуждаем экономические проблемы, то участвуют представители всех пятнадцати республик. Мы, я думаю, договоримся на 1992 год о том, чтобы действовать в едином экономическом пространстве.

Думаю, что после подписания Союзного договора пойдут быстрее переговорные процессы со всеми республиками, независимо от их позиции в отношении Союза. Одни останутся в Союзе, другие будут устанавливать конфедеративные связи, третьи не захотят отделяться в экономическим отношении. Так или иначе республики будут определяться....»[3]

---

[1] *Ф. Бобков*. КГБ и власть. М.: «Ветеран МП», 1995. С. 362.

[2] *Б. Ельцин*. Записки Президента. М.: «Огонек», 1994. С. 78.

[3] Сборник: «Белая книга». М.: «АСТ», 2007. С. 309.

Горбачев, по-прежнему, строит иллюзии, в то время как Ельцин действует. 24 августа он заявил о признании независимости трех прибалтийских республик и издает Указ о передаче архивов центрального аппарата КГБ СССР и его управлений в республиках в составе РСФСР, краях, областях, городах Москве и Ленинграде в ведение архивных органов РСФСР. Издает в этот же день еще один Указ о передаче в ведение Министерства РСФСР по связи, информатике и космосу предприятий связи союзного подчинения, находящихся на территории РСФСР, в том числе в г. Москве.

Не отстает и Украина. Верховный Совет УССР провозгласил Украину независимым демократическим государством, заявив, что с 24 августа 1991 года действующими на ее территории являются лишь Конституция, законы, постановления правительства и другие акты законодательства республики. В постановлении, в частности, говорилось, что этот шаг предпринят, «исходя из смертельной опасности, нависшей над Украиной в связи с государственным переворотом в СССР 19 августа 1991 года»[1].

Президент Советского Союза медленно, но верно выпускал из-под контроля руководство страной, начиная с 1985 года, но в августе 1991 года он просто стал похож на литературного короля Лира:

«Республиканские органы власти были заинтересованы в кардинальном перераспределении властных полномочий в свою пользу еще задолго до осени 1991 года. За ними стояли интересы местных политических элит, как новых поднявшихся на волне перестройки, так и старых, партийно-номенклатурных. После подавления путча и те и другие использовали лозунг национальной независимости, одни чтобы получить власть, другие — чтобы сохранить ее. Ни тех, ни других не интересовали объективные интересы народов своих республик, опасность резкого обострения экономического кризиса с распадом СССР, падение уровня жизни населения, неизбежность обострения национальных конфликтов вплоть до гражданской войны и религиозных войн из-за взаимных территориальных претензий в связи с искусственно проведенными границами»[2]. «Независимость всегда была методом самоутверждения для честолюбивых политиков и уголовно-мафиозных структур»[3].

Великая держава доживала свои последние дни. На внеочередной сессии Верховного Совета СССР 26 августа Горбачев заявил: «Незамедлительное возобновление процедуры подписания Союзного договора — приоритетная задача». И в этот же

---

[1] «Правда», 1991. 2 сентября.

[2] *М. Зуев*. История России. М.: «Дрофа», 2001. С. 826—827.

[3] Наш современник, 1992, № 6. С. 145.

день было опубликовано Заявление пресс-секретаря Президента РСФСР Павла Вощанова, в котором говориться что республика не ставит под сомнение чье-либо право на самоопределение, «однако существует проблема границ, неурегулированность которой возможна и допустима только при наличии закрепленных соответствующим договором союзнических отношений. В случае их прекращения РСФСР оставляет за собой право поставить вопрос о пересмотре границ. Сказанное относится ко всем сопредельным республикам…» Заявление вызвало острую реакцию в республиках, граничащих с Россией, прежде всего в Казахстане и Украине[1].

Этим заявлением российское руководство попыталось угрожать, объявив, что пересмотра границ не будет, пока республики останутся в союзе с Россией. Тогда некоторые российские политики полагали, что «СССР является формой существования России», чему находилось и демократическое объяснение: «Историческая миссия России нести демократию в среднеазиатский оплот реакции»[2]. Однако все это уже было напрасно.

«Первые же попытки правительство России продекларировать курс на защиту национальных российских интересов были дружно встречены «в штыки» бывшими союзными, а ныне уже суверенными республиками. Последовали обвинения России в новых «имперских амбициях», стремление подменить собой бывший союзный центр»[3]. Вот как реагировали на выступление Вощанова противники такой роли Российской Федерации: «…26 августа Россия приняла на себя уже функции центра, собирателя земель. Ведь, иначе как давление на республики, провозглашающие свою независимость, расценить это заявление нельзя»[4].

Б. Ельцин на страницах своих мемуаров соглашался с тем, что СССР можно было сохранить путем реформирования России в центр:

«Попытаться легально занять место Горбачева. Встать во главе Союза, начав заново его реформу «сверху»…Постепенно, планомерно демонтируя имперскую машину, как это пытался делать Михаил Сергеевич».

И дальше:

«Возможности для этого были. Бороться за всенародные выборы Президента СССР. Сделать российский парламент правопреемником распущенного советского. Склонить Горбачева к передаче мне полномочий для временного исполнения его обязанностей».

---

[1] Сборник: Белая книга. М.: «АСТ», 2007. С. 314.

[2] *И. Долуцкий*. Отечественная история, XX век. М.: «Мнемозина», 1997. С. 365.

[3] История современной России (Под ред. В.В. Журавлева). М.: «Терра», 1995. С. 126.

[4] «Комсомольская правда», 29.08.1991. С.2.

Так в чем же дело? Что остановило его?

Ни за что не поверите.

«Этот путь для меня был заказан. Я психологически не мог занять место Горбачева».

Перечитайте этот абзац еще раз. По-моему, то, что пишет Ельцин, — это не из области психологии, а психиатрии.

Получается, он не захотел спасать огромную страну по одной лишь только причине: в силу комплексов своих и амбиций, в одном поле, мол, с Горбачевым не сяду.

Его сугубо личные заморочки оказались намного важнее миллионов человеческих судеб; национальных, государственных интересов, в конце концов[1].

Возможно, что все именно так и было, как пишет А. Хинштейн, но нельзя забывать, что у Б. Ельцина были свои «советчики». Члены группы «независимая гражданская инициатива», в которую входили: Афанасьев Ю.Н., Баткин Л.М., Библер В.С., Бонэр Е.Г., Буртин Ю.Г., Иванов Вяч. Вс, Тимофеев Л.М. подписали обращение:

«25—26 августа стало очевидно для всех, что мирная августовская революция в России, начавшаяся в ответ на попытку правящей коммунистической клики повернуть историю вспять и кладущая конец существованию КПСС, КГБ, всего режима, подводит черту также под историей последней мировой империи, т.е. государства СССР и его так называемого Центра...

Если мы, российские демократы, хотим — а мы, безусловно, этого хотим и добиваемся! — воссоздания после развала СССР содружества республик в совершенно новом и цивилизованном экономическом и геополитическом пространстве, путь к этому лежит только через безусловный мирный роспуск СССР...»[2]

Но, главное, было упущено время. После августовского путча затея интеграции союзных республик вокруг России была абсолютно бесплодной. Сам путч и особенно послепутчевые действия Ельцина оттолкнули лидеров суверенных государств не только от агонизирующего Центра во главе с Горбачевым, но и от России с непредсказуемым Ельциным.

А вот три месяца тому назад в разгар предвыборной кампании по избранию Ельцина на пост президента РСФСР, подобный поворот событий, когда Ельцин мог быть выдвинут и всенародно избран на пост Президента СССР, был вполне реальным. Вот, на-

---

[1] *А. Хинштейн*. Ельцин. Кремль. История болезни. М.: «Олма Медиа Групп», 2008. С. 291—292.

[2] «Независимая газета», 1991, 3 сентября.

пример, мнение по этому поводу Н.С. Леонова[1], которого трудно заподозрить в каких-либо симпатиях к Б. Ельцину:

«Мне вспоминается моя тщетная попытка, предпринятая еще в мае 1991 года, за 7 месяцев до Беловежья, повлиять хоть как-то на судьбу Советского Союза. Тогда, в связи с планом Б.Ельцина создать свой отдельный, российский Комитет государственной безопасности, В.Крючков договорился о личной встрече с Б.Ельциным в Белом доме. Он пригласил и меня (вместе с двумя другими генералами) принять участие в этой поездке. По дороге к Краснопресненской набережной я обратился к своему тогдашнему шефу со следующими словами: «Владимир Александрович! Сохранение СССР как великой державы превосходит по своей значимости все другие целеустановки, которые раздирают сейчас нашу политическую жизнь. Вы сейчас пойдете к Борису Николаевичу, предложите ему поддержку как единственному реальному кандидату на пост президента СССР вместо полностью изжившего себя М. Горбачева. Легитимность Горбачева условна, потому что он избран Съездом народных депутатов (да и то с немалым трудом), а страна нуждается в президенте, избранном всенародным прямым голосованием. Поставьте вопрос о проведении таких выборов и пообещайте поддержку Ельцину… Как бы ни был неприятен Борис Николаевич — сейчас он непобедим. Но он всего лишь человек, жизнь которого ограничена коротким сроком. Пусть будет он президентом всего СССР, но такой ценой будет сохранена держава. Для страны и народов — это безусловно плохой, но все-таки лучший вариант, нежели распад и гибель СССР. Я уверен, что он ухватится за это предложение». Я ссылался на библейскую притчу о Соломоновом суде, на котором две матери оспаривали право на ребенка и, когда Соломон вынес вердикт о том, чтобы разрубить дитя пополам и каждой претендентке отдать по одной половинке, то настоящая мать закричала, что пусть отдадут ребенка ее сопернице, но оставят в живых младенца.

По приезде в Белый дом В. Крючков уединился с Ельциным, а нам дали в собеседники Г. Бурбулиса. Я так и не узнал, сказал ли наш бывший шеф об этом варианте Б. Ельцину или нет. Скорее всего не сказал. До сих пор я не уверен, что это предложение было абсолютно нереальным»[2].

Патриотические лозунги были тогда не особенно популярными, и Б. Ельцин быстро учел критику. Патриотическая термино-

---

[1] Н.С. Леонов — генерал-лейтенант госбезопасности. В то время начальник информационно-аналитического Управления ПГУ КГБ СССР.

[2] *Н. Леонов.* Крестный путь России. М.: «Русский дом». 2003. С. 56—57.

логия в его речах исчезла, поскольку ему нужна была абсолютная власть, а для этого хороши были любые реальные союзники, которые поддерживали его в этих устремлениях. Следует при этом учитывать, что в окружении Ельцина всегда боролись как минимум две тенденции: космополитическая и патриотическая. Борис Николаевич, как опытный кукловод, периодически менял ориентацию своей политики, стремясь при этом не упустить нити из своих рук.

Даже политические противники Б. Ельцина соглашались с тем, что «вряд ли лично Ельцин был идейным противником Союза республик во главе с Россией, но ситуация обязывала его во имя власти делать ставку именно на развал союзного центра во главе с президентом Горбачевым. Политическая конъюнктура предопределила принципиальные решения о судьбе будущего государства»[1]. То есть, в принципе, существовал реально иной вариант предотвращения распада Советского Союза, через усиление роли Российской Федерации. Возможно ли было объединение республик вокруг нового центра — ельцинской России? Вполне, поскольку: «Ускользающая из рук союзного президента реальная власть все в большем объеме сосредоточивалась теперь в руках президента российского. И он демонстративно спешил воспользоваться этим... Издавались указы о переходе под юрисдикцию России одной отрасли хозяйства за другой. Было прекращено финансирование всех союзных министерств, кроме МО, МПС и Минатомэнерго, что означало смерть практически всех союзных структур...

Российские лидеры, воодушевленные собственной ролью в минувших событиях, полагая, что развал Союза уже свершившийся факт, стали делать некоторые поспешные и резкие заявления. В частности, о том, что правопреемницей исчезающего СССР может, и по праву, быть Россия»[2].

Но этого не произошло, и вряд ли причиной тому были «психологическое», или даже «психиатрические» комплексы Б. Ельцина. А.И. Лукьянов писал о болезни республиканских лидеров, что на смену власти союзного центра придет власть России, непредсказуемая власть Ельцина, которая уже маячила в лице российских министров, оседлавших союзные министерства. Поменять болтливого Горбачева на рубящего с плеча Ельцина руководители союзных республик не хотели. Шел относительно длительный (три с небольшим месяца) процесс распада страны. «…Они готовы, — писал А.С. Грачев, — были терпеть от союзного руководства то,

---

[1] *С. Кислицин, В. Крикунов, В. Кураев.* Геннадий Зюганов. Краснодар: «Флер-1», 1999. С. 65.

[2] История современной России / Под редакцией В.В. Журавлева. М.: «Терра», 1995. С. 125—126.

чего не могли бы снести от российского. Во всяком случае, официально признать, что среди равных республик есть одна более равная, чем все остальные, было бы для них неприемлемо»[1].

Аналогичные мысли высказывали совершенно разные люди. Так, Ф.Д. Бобков писал: «Суверенизация, а с ней и сохранение власти, была ускорена стремлением обеспечить независимость, прежде всего от Ельцина»[2]. Можно предположить, что приближенные нашептывали Б. Ельцину идеи о том, что через установление контроля над союзными структурами можно не только избавиться от первого президента СССР, но и потом возродить союзное государство под эгидой России. Теоретически это могло казаться вполне осуществимым. Но идея оказалась нереализованной, то ли так хотели, то ли не смогли. Но после этого в своей ошибке (или обмане) не сознаются ни обманывающие советники, ни обманутый «хозяин». Кому же хочется выглядеть дураком или обманщиком?

Не сыграв роль спасителя Советского Союза, первый президент РСФСР полностью переключился на роль полновластного правителя России по принципу: «не журавль в небе, так хоть синица в руках». Красивых слов при этом сказано было не мало. «Россия — единственная республика, которая могла бы и должна стать правопреемником Союза и всех его структур», — заявил государственный секретарь РСФСР Г. Бурбулис на встрече с депутатами парламента республики 2 октября 1991 года. А уже с 1 ноября Российская Федерация прекратила финансирование тех союзных министров, которые не были упомянуты в Договоре об экономическом сообществе, подписанном в Кремле 18 октября Президентом СССР и руководителями 8 союзных республик (без Украины, Молдавии, Грузии и Азербайджана). Прибалтийские республики к этому времени уже официально вышли из состава СССР.

Еще 1 сентября в интервью американской телекомпании Си-эн-эн и советскому телевидению Горбачев заявлял, что Союз должен быть сохранен, но процесс уже пошел, поскольку 6 сентября была признана независимость Латвии, Литвы и Эстонии. В. Илюхин по этому поводу написал: «6 сентября 1991 года в средствах массовой информации промелькнуло сообщение о признании Государственным Советом СССР независимости Латвии, Литвы, Эстонии. Это произошло буквально на следующий день после окончания работы пятого, внеочередного съезда. И что еще примечательно, после того как 5 сентября Буш заявил о признании независимости названных республик, Горбачев заторопился. Он

---

[1] *А. Грачев.* Кремлевская хроника. М.: «Эксмо», 1994. С. 273.

[2] *Ф. Бобков.* КГБ и власть. М.: «Ветеран МП», 1995. С. 380

не мог ослушаться, отстать от заокеанского президента, бывшего шефа ЦРУ. Черт с ней, с этой Прибалтикой. Сохранить бы властное кресло под собой»[1].

Из воспоминаний Дж. Буша: «Я направил Горбачеву телеграмму, в которой говорилось, что мы признаем прибалтийские государства 30 августа. Он спросил, не можем ли мы подождать до 2 сентября, потому что новый советский Государственный совет в тот день должен был принять решение но этому вопросу. Я согласился. Мне казалось, что намного лучше побудить их действовать самих, чем в одностороннем порядке признать прибалтийские страны — тем более что все знали, что мы в любом случае собирались это сделать...»[2]

Процесс распада страны пошел. Однако, при всей тяжести удара, нанесенного Союзу прибалтийскими республиками, он был далеко не смертельным для Союза. В конце концов, до 1940 года СССР существовал без этих республик. Хуже было то, что, объявив о создании обновленного Союза, остальные республики оказались неспособными договориться о таком объединении. Попытки (искренние и ложные) договориться об объединении после августа 1991 года были, но реального договора достигнуто не было. Бесплодные встречи глав республик отнимали много времени, но Новоогаревский процесс оказался тупиковым. И другим просто не мог быть. Горбачев все время придумывал для себя фантомы, по достижении которых он якобы должен решить многие проблемы. Возможно, что он был втянут на этот путь, ведущий в никуда, своими советникам, которые вряд ли понимали всю глупость своих всенародно объявленных мечтаний. Но все это было миражом в пустыне, и великая держава катилась в пропасть.

Кто в этом больше всего виноват? У этого вопроса есть и уголовный подтекст. Измена Родине, то есть деяние, умышленно совершенное гражданином СССР в ущерб суверенитету, территориальной неприкосновенности или государственной безопасности и обороноспособности СССР, признавалось преступлением по статье 64 УК РСФСР. Формой такого преступления мог быть заговор с целью захвата власти.

Так кто же? Вот как говорил по этому поводу В.В. Бакатин: «Я не считаю, что Горбачев главный виновник разрушения Союза. Конечно, своей нерешительностью, длительными маневрами влево и вправо он способствовал гибели СССР, но наибольшая заслуга в этом, несомненно, принадлежит Ельцину: он и идеолог

---

[1] *В. Илюхин*. Обвиняется президент. М.: «Палея», 1992. С. 33.

[2] *Дж. Буш, Б. Скоукрофт*. Мир стал другим. Перевод с английского. М., 2004. С. 477.

разрушения центра союзного государства, и его исполнитель. Это ради объективности надо признать»[1]. Правда, ради объективности следует признать, что у Бакатина были основания обижаться на Ельцина. Именно Ельцин удалил «разрушителя КГБ» от властных должностей.

Горбачев вел страну к катастрофе медленно. Ельцин быстро. Но быстрая катастрофа означает и возможность раньше начать выздоровление. При медленном же падении не всегда замечается сам факт этого процесса, а следовательно, замедляется реакция общества.

По мнению Георгия Пряхина: «…Последствия Фороса начали сказываться во всем. Кот за двери — мышки в пляс. Горбачева унизили Форосом. Не только сподвижники… Потом потоптался на нем и Ельцин. Все это создало предпосылки, чтобы каждый республиканский лидер стал мнить себя суверенным и независимым»[2].

«Сам президент после путча оказался низведенным до положения заложника республиканских «баронов». Он был вынужден зачитывать выработанные под их диктовку тексты и освящать своим авторитетом те действия, которые, он ясно это видел, все дальше уводили страну от, казалось бы, уже близкой цели — обновленного Союза, позволявшего хотя бы сохранить фасад единого государства»[3].

Из воспоминаний Брента Скоукрофта:

«...Ельцин воспользовался малейшей возможностью, чтобы унизить Горбачева и недвусмысленно дать понять, кто теперь будет отдавать приказы... Но Горбачев и сам усугубил свои проблемы, предприняв неуклюжую попытку защитить коммунизм во время пресс-конференции после возвращения в Москву, продолжая утверждать, что коммунизм можно трансформировать в позитивную силу. Это выступление показало, как далек он был от действительности, и выявило его истинные идеологические пристрастия. Это были безошибочные признаки. Эра Горбачева закончилась»[4].

Все вышеприведенное — слова современников падения Советского Союза, но вот воспоминания самого М.С. Горбачева: «А с Ельциным, знаете, мы вроде бы договорились. Но только он уходил, как сразу нарушал все, о чем мы говорили. Ненадежный человек, подверженный шараханьям, настроению, страху, влияниям. В то время он был интеллектуально зависим в первую очередь от

---

[1] *М. Ненашев*. Последнее правительство СССОР. М.: «КРОМ», 1993. С. 83—84.

[2] «Российская газета». 21.09.2001. С. 11.

[3] *А. Грачев.* Кремлевская хроника. М.: «Эксмо», 1994. С. 166—167.

[4] *Дж. Буш, Б. Скоукрофт*. Мир стал другим. Перевод с английского. М., 2004. С. 475.

Бурбулиса. Вроде бы согласился Ельцин с распределением полномочий между Центром и Россией, а ему нашептывают: давай быстрее брать под нашу юрисдикцию союзные предприятия на территории России. Я в Мадрид уехал, а он здесь провозглашает: лишить финансирования МИД. Волюнтарист по натуре. Взломщик и безумная жажда никому не подконтрольной власти»[1].

Насчет «безумной жажды власти» — это с равным успехом относится и к самому Горбачеву, который лучше других понимал бесперспективность новоогаревского процесса, но судорожно цеплялся за ускользавшую из его рук власть. С упорством, достойным иного применения, Горбачев продолжал муссировать вопрос о подписании Союзного договора. На какое-то время даже предлагалось назвать обновленный Союз — СССР (Союз Свободных Суверенных Республик), что в создавшихся условиях выглядело уже не иначе, как историческим фарсом.

А уж насчет «взломщика» помолчать бы нужно М. Горбачеву, поскольку именно это качество «уральского медвежатника» привело в свое время Б. Ельцина в союзника Генсека с целью разгрома Советского Союза. Преступный сговор идеолога и практика по уничтожению коммунизма «сработал» идеально, но бумерангом ударил по его организатору — поистине бог шельму метит.

Ну а сто же Ельцин? 28 октября он выступил на пятом Съезде народных депутатов РСФСР, изложив сумму мер, которые он предполагает принять. Де-факто эти меры подрывали Договор об экономическом сообществе, на который Горбачев возлагал большие надежды, считая, что этот Договор станет предлогом для подписания Союзного договора. Но Ельцин окатил его холодным душем, заявив:

«Межреспубликанские органы призваны играть только консультативно-координирующую роль. Реальную власть теперь осуществляют республики. И поэтому Российская Федерация должна будет вести самостоятельную политику, действовать, исходя из национальных интересов, а не по навязанному ей шаблону… Настало время сказать четко и ясно — в России одна власть: российский Съезд и Верховный Совет, российское Правительство, российский Президент!»[2] В этот момент Горбачев находился с официальным визитом в Испании и встречался там с Дж. Бушем, который, судя по содержанию состоявшихся между ними бесед, был осведомлен о проблемах Советского Союза не хуже самого Горбачева. В частности, американский президент знал позицию Кравчука о неприятии Союзного договора Украиной в то время

[1] Союз Беларусь — Россия, 16.08.2001. С. 3.

[2] Сборник: «Белая книга». М.: «АСТ», 2007. С. 354.

как Горбачев еще надеялся на положительные результаты референдума, который намечался провести 1 декабря 1991 года. Дж. Буш сделал для себя окончательный вывод, что дни Горбачева сочтены, о чем он и записал в своем дневнике:

«Перед ним стоят огромные проблемы, и я думаю, сбудутся ли предсказания некоторых о том, что, мол, «это будет последняя встреча Президента Буша и Президента Горбачева. Время идет слишком быстро для Горбачева, и он уже не является той силой, которой был когда-то. По сути, он сейчас только смотритель». Если Горбачев и осознавал, что его позиции весьма шатки, то, надо сказать, не подавал виду. Открыто признавая, что проблемы очень велики, он не выказывал волнения и не производил впечатление отработанного материала»[1].

Возвратившись в Москву 2 ноября Горбачев встречается с Ельциным, вызвав его на откровенный разговор, о содержании которого поведал своему помощнику Г.Х. Шахназарову, который сделал в своем дневнике следующую запись:

«Я, говорит, сказал ему: давай по-мужски. Ты меняешь политику, уходишь от всего, о чем мы условились. А раз так — теряет смысл и Госсовет, и Экономическое сообщество. Я подаю в отставку. Бери вожжи в руки, раз тебе этого хочется, правь в одиночку. Я в этой кутерьме участвовать не буду. Скажу всем так: вот, друзья, лидеры 15 республик, я вас подвел к независимости, теперь, похоже, вам Союз больше не нужен. Что ж, живите дальше как заблагорассудится, а меня увольте.

Ельцин стал горячо доказывать, что политику менять не собирается, верен обязательствам, слово у него твердое. Тогда я его спросил: значит ли это, что он согласует свои реформы с республиками? Обязательно, отвечал он, я их только решил прижать: дескать, не будете следовать за Россией в реформах — нам придется делать все без вас, и уж тогда не посетуйте, будем блюсти прежде всего свой интерес. Так что в ближайшие дни все согласуем, им деваться некуда.

Ладно, пошли дальше. Ты понимаешь, говорю я ему, что значит, когда Козырев заявляет, что обойдется без союзного МИДа? Кто будет участвовать в Хельсинкском процессе, представительствовать в ООН, вести разоруженческие дела? Ведь все это требует и опыта, и знаний кадров, а главное — право выступать от всех республик.

Ельцин согласился, сказал, что насчет сокращения на 90% мидовского персонала — это был образ, примерная цифра. Можно

[1] Сборник: «Белая книга». М.: «АСТ», 2007. С. 362.

и не на 90, а, скажем, на 70. «Ой, Борис, — возразил я ему, — кто-то тебя все время подначивает, толкает на крайние заявления, а потом тебе же приходится отступать. Зачем это? Будь аккуратнее в словесных заявлениях. МИД — это ведь русские люди, мощное, можно сказать, столетиями формировавшееся учреждение. Так зачем же его разорять? Уж лучше возьми целиком в Россию. Придет момент, так и будет. Но сейчас-то надо сохранить». Ельцин и с этим согласился. Так он но всем пунктам ретировался, обещал действовать согласованно.

...Между тем я слушал и думал, что Ельцин лукавит, завтра опять что-нибудь эдакое вытворит. Да что завтра! Он божился, что будет вести дело разумно, а в папке бумаг к заседанию Госсовета 4 ноября лежит его обращение к Президенту СССР с требованием передать России все торгпредства. Без каких-либо обещаний компенсировать другим республикам их долю; даже не потрудилась его молодая ватага напрячь мозги и выдавить 2—3 приличных довода. Просто так: мы забираем, и все! Вообще все сильнее ощущается невысокий класс этих «ребятишек», как их обозвал Хасбулатов. Однако сам вполне из того же разлива. Честное слово, и наша команда небезгреховна, но та такое натворит, что страна еще содрогнется и вздыбится.

Не стал я в этот раз расстраивать Горбачева. ...Я ушел с чувством, что все это прелюдия краха. Ельцин и особенно его команда — молодые волки, вроде Г. Бурбулиса, М. Полторанина, Н. Федорова, не успокоятся, пока нас не добьют»[1].

Прав оказался Шахназаров насчет того, что Ельцин «завтра опять что-нибудь эдакое вытворит», только он «вытворил» уже вчера.

31 октября в газете «Литературная Украина» опубликована статья научного сотрудника Лондонского университета В. Свободы и старшего научного сотрудника Института этнографии АН СССР, советника Б. Ельцина по вопросам межнациональных отношений Г. Старовойтовой, в которой создание СССР в 1922 году квалифицируется как «международное преступление»[2].

Такое выступление советника президента без его одобрения не могло состояться. Если образование СССР в декабре 1922 года квалифицируется как «международное преступление», то какой смысл заключать новый договор об образовании Союза Суверенных Государств (ССГ), то есть совершать новое «международное преступление»? До тайной вечери в беловежских Вискулях оставалось немногим больше месяца.

---

[1] Сборник: «Белая книга». М.: «АСТ», 2007. С. 366—367.

[2] Там же. С. 365.

14 ноября в Ново-Огареве состоялось предпоследнее заседание Госсовета СССР, на котором был рассмотрен проект Договора о Союзе Суверенных Государств, доработанный с учетом замечаний Республик. Присутствовали представители семи республик — России, Белоруссии, Казахстана, Кыргызстана, Туркменистана, Таджикистана и Узбекистана. При поддержке Белоруссии, которую представлял Шушкевич, Ельцин решительно выступил против формулы единого Государства. В ответ на недоумение Горбачева он сослался на то, что в своих поправках указал на несогласие с единой для всего Союза Конституцией. Короче он за Союз, но такой, который сам по себе государством уже не будет. Таким образом, стали отчетливо проявляться черты будущего государственного образования — Союза Независимых Государств (СНГ). С этого дня (14 ноября 1991 года) можно считать запущенным другой договорный процесс — Беловежские соглашения.

Новая инициатива Б. Ельцина, по существу, пускала под откос все доступные договоренности относительно ССГ. Ниже приводится фрагмент дискуссии, возникший сразу же после предложения Б. Ельцина об образовании негосударственного Союза:

«Горбачев. Надо определить, что, собственно, мы будем создавать. Да, после августа договорились отказаться от федерации, но не ради того, чтобы вместо этого соорудить нечто бесформенное, аморфное.

Назарбаев. Надо подтвердить, что у тех, кто здесь сегодня собрался, по крайней мере есть намерение и воля образовать политический союз, с единой армией, территорией, границами. Если мы не сделаем этого, за нас это сделают другие, те, кто придет после или вместо нас. Давайте же хоть раз будем крепки не задним умом.

Горбачев. Если откажемся от единого государства, то получим нечто неопределенное, никого ни к чему не обязывающее, но не особенно нужное. Даже международное сообщество предпочитает иметь дело с Союзом как с ответственным государством, хотя бы из-за ядерного оружия.

Термин «союз» — наиболее приемлемая формула, ибо позволяет интегрировать все виды связей — федеративных, конфедеративных, даже ассоциативных.

В конце концов, определяйтесь сами. Я убежден, что нам необходимо сохранить союзное государство, иначе погубим дело и в стране, и в мире. Если не удержим единое государство, я вам прогнозирую беду. Это главный вопрос.

Шушкевич. У конфедерации могут быть единые Вооруженные силы.

Ельцин. И транспорт, космос, экология.

Горбачев. Если не будет эффективных государственных структур, зачем тогда нужны президент и парламент? Если вы так решите, я готов уйти.

Ельцин. Ну, это эмоции.

Горбачев. Ничего подобного. ...Я не могу и не стану брать на себя ответственность за аморфное образование. Если президент вам нужен для свадьбы или чтобы об него ноги вытирать, — такое не для меня. Стране требуется избранный народом сильный руководитель, способный уравновесить ту новую степень децентрализации, на которую мы сейчас переходим. Уверен, что в народе нас поддержат. Повторяю, у меня нет амбиций претендовать на эту должность.

Пойми, Борис Николаевич, во что нас втягивают те, кто предлагает России сбросить всех и пойти вперед в одиночку... Колебания Украины — это дополнительный повод всем остальным объединиться.

На перерыв разошлись с двумя вариантами формулировки — номер 1 и номер 2: единое конфедеративное государство (по Горбачеву), Союз, лишенный единой конституции (по Ельцину).

После уточнения компромиссной формулировки договорились по принципиальным вопросам: об избрании президента не парламентом, а гражданами будущего Союза (через выборщиков); о двухлетнем парламенте, с депутатами, избираемыми от территориальных округов, а не только от республик; о правительстве и даже о столице (которую первоначально авторы российских поправок хотели окрестить «местом пребывания» центральных органов) и т.д.

Условились о том, что участие в будущем политическом Союзе должно быть сопряжено и с экономическими выгодами.

Ельцин. При заключении Экономического Соглашения мы подсчитали, что в пересчете на мировые цены взаимных обязательств между Украиной и Россией разница в нашу пользу должна составить 80 млрд долларов. Если Украина согласится войти в Союз, можем этот должок забыть, если нет — пусть платят (ухмыльнулся, довольный произведенным эффектом).

Договорились поскорее внести в текст согласованные поправки и направить договор на рассмотрение парламентов. По предложению Шушкевича условились собраться еще раз, чтобы парафировать текст и тем самым взять на себя обязательство защищать его перед своими парламентариями. Согласились провести подписание до конца года, а также внести в проект договора упоминание о Госсовете.

Когда после окончания заседания его участники начали спускаться по лестнице, внизу их ждали журналисты. Их первый во-

прос — как будет называться страна: Союзом, Содружеством, Конфедерацией или каким-нибудь еще термином?

Горбачев отвечать на этот вопрос предоставил Ельцину.

Ельцин. Договорились, что Союз будет — демократическое конфедеративное государство»[1].

Вроде бы «уломали» Ельцина, надолго ли? Л.М. Кравчук, который на этом совещании отсутствовал, считает, что ненадолго:

«Там, ясное дело, была настоящая борьба нервов... К тому времени Ельцин уже начал просто выводить из равновесия Михаила Сергеевича — сегодня Ельцин говорит одно, а завтра начинает склоняться на другую сторону; сегодня Борис Николаевич как будто бы дает согласие, а завтра, смотришь, будто бы ничего и не случилось, подбрасывает новую тему для дискуссии. Но вот решающая встреча. Она, к слову, едва ли не в полном объеме транслировалась Всесоюзным телевидением. Думаю, не случайно.

До сих пор помню те кадры: руководители республик выходят из зала заседаний, и Михаил Сергеевич каждого подводит к телекамере и каждому предоставляет слово: Ельцину, Назарбаеву, Шушкевичу, Акаеву... И все они, в том числе и Борис Николаевич, говорят всему народу, что решили подписать союзный договор. Меня там не было — я тогда в Москву не поехал. Знал, что встреча будет очень тяжелой. А точнее, догадывался. У меня, к счастью, нашлись убедительные аргументы — я ездил по Украине и выступал как кандидат в президенты... Однако телепередачу, естественно, не посмотреть не мог!..»[2]

Действительно, о каком Союзном государстве может идти речь, если Б. Ельцин, едва покинув совещание в Ново-Огареве, принялся «прибирать к рукам» хозяйство Советского Союза:

Постановлением Правительства РСФСР № 8 от 15 ноября ликвидировано Министерство финансов СССР, его предприятия и организации, включая Гохран и Гознак СССР, переведены в подчинение Министерства экономики и финансов РСФСР... Этим же постановлением прекращено финансирование большинства союзных министерств и ведомств, их имущество зачислено в резерв Правительства РСФСР.

Постановлением Верховного Совета РСФСР от 22 ноября ликвидирована сеть учреждений Госбанка СССР на территории РСФСР. Его предприятия, учреждения, материально-техническая база и ресурсы переданы в ведение Центрального банка РСФСР.

28 ноября В. Ельцин подписал Указ «О реорганизации центральных органов государственного управления РСФСР», кото-

---

[1] Сборник: «Белая книга». М.: «АСТ», 2007. С. 375—377.

[2] Там же. С. 382.

рым более семидесяти союзных министерств и ведомств были переведены под российскую юрисдикцию[1].

Метроном истории отсчитывал последние дни существования великой державы — Союза Советских Социалистических Республик. Но М.С. Горбачев был «неутомимым оптимистом», если за несколько дней до величайшей трагедии XX века писал:

«Итак, достигнута договоренность в главном: будет государство — субъект международного права. Однако у будущего ССГ (останется именно такое название) не будет своей конституции. Ее заменит сам договор о Союзе Суверенных Государств. Прорабатываются вопросы гражданства — оно также будет союзным. У Союза будет свой парламент — двухпалатный, а также правительство. ...У ССГ будет и свое высшее должностное лицо — Президент, предусматривается также и институт вице-президентства. Президент ССГ будет избираться гражданами республик, входящих в Союз.

...Нынешний проект Союзного договора и тот, который был готов к подписанию 20 августа, кардинально отличаются друг от друга. Но в принципиальном плане многие основополагающие пункты нового договора обсуждены и согласованы. ...Говорят, кто-то при обсуждении названия будущего Союза заметил: что-то не очень хорошо звучит «ССГ». «Ничего, привыкнем», — улыбнулся Б. Ельцин»[2].

Между тем «Беловежский процесс» идет своим чередом. В газете «Труд» за 19 ноября опубликована беседа Л.М. Кравчука с корреспондентом газеты, в которой уже более четко прорисованы контуры будущего негосударственного альянса — СНГ:

«...И я думаю, что было бы неплохо именно сейчас, когда накопилась масса труднорешаемых проблем, когда миллионы людей продолжают находиться в неопределенности, нескольким республикам, скажем, Украине, Беларуси и России, выступить инициатором создания такого сообщества, в котором все входящие в него государства были бы равноправными и использовали возможности для решения вопросов, в которых мы все вместе заинтересованы. И решать их сообща, дружно, оставаясь государствами без какого-либо политического центра»[3].

Последнее заседание Госсовета в Ново-Огареве состоялось 25 ноября. Оно прошло снова в горячих спорах, как по содержанию Договора о Союзе Суверенных Государств, так и по процедуре его подписания участниками Договора. Ельцин настаивал на замене названия «конфедеративное государство» на « конфе-

---

[1] Там же. С. 383.

[2] *М. Горбачев.* Декабрь-91. Моя позиция. М., 1992. С. 8—11.

[3] Сборник: «Белая книга». М.: «АСТ», 2007. С. 385.

дерацию демократических государств» и высказал сомнение, что без Украины, которая готовится к референдуму, никакого Союза вообще не может быть. Позиция, занятая Ельциным, грозила срывом всего Новоогаревского процесса. Горбачев очень нервничал и уже не в первый раз грозил своим уходом не только с заседания Госсовета, но вообще в отставку, в частности он сказал:

«Надо честно сказать, что россиянам (российским руководителям) не нужно союзное государство. Что мы людей мордуем?! Вы проталкиваете идею угробить союзное государство, берете на себя тяжелейшую ответственность. Нам нужно сохранить государство. Мы ничего не можем решить без этого, не можем двигать реформы. Нас поддержат.

Если вы считаете, что договор не нужен, скажите ясно.

Может быть, отдельно сами встретитесь и решите. Или здесь оставайтесь, мы вас покинем... Почувствуйте, что вам важнее — народ или сепаратисты... Если мы не выйдем с Госсовета с заявлением: «Государство будет, но другое — новое»...

Ельцин. Направить «в основном согласованный» проект.

Горбачев. У меня все это вызывает глубокую грусть и разочарование. Создать Союз, подобный богадельне... Придут силы, которые легко возьмут власть. Вы все ориентируетесь на крикунов, а не на массы.

Думаю, лучше разойтись. Я вас оставляю, решайте.

(«Аппаратчики» уходят вместе с Горбачевым наверх, в кабинет Горбачева. Внизу обмениваются репликами. Затем к Горбачеву приходят Ельцин с Шушкевичем.)

Ельцин. Ну вот, пришли мы к хану Союза — бери нас под свою высокую руку.

Горбачев. Видишь, царь Борис, все можно решить, если честно сотрудничать.

После непродолжительного обсуждения проект решения принимается[1].

27 ноября 1991 года был опубликован проект Договора о Союзе Суверенных Государств. Он оказался пятым и последним опубликованным вариантом Договора. Новый Договор формально соглашались подписать руководители семи Союзных республик, при этом практически лишь пять из них (Казахстан и Среднеазиатские республики) стояли на твердых позициях о сохранении Союза. Фактически всем было понятно, что Новоогаревский процесс потерпел провал. Лишь Горбачев на что-то надеялся, вернее делал вид, что все еще можно поправить. В большом интервью, ко-

[1] Сборник: «Белая книга». М.: «АСТ», 2007. С. 389.

торое он дал белорусской «Народной газете» 28 ноября, он рисовал мрачные картины последствий неподписания Договора:

«На фоне той катастрофы, которая у нас может произойти, блекнет даже трагедия Югославии, которая обернулась многочисленными смертями, разрушением многих ценностей, миллиардными потерями. Поэтому не нужно рвать материю, сформировавшуюся в веках. Не надо, повторяю, поддаваться давлению определенных сил, не дающих отчета в своих действиях. ...И напрасно в прессе, нашей и западной, раздули кампанию о провале новоогаревского процесса... Тут все ясно: кому-то хочется именно так все представить. А я все-таки уверен, что мои коллеги правильно понимают суть вещей. Кстати, под решением Госсовета все расписались, и я лично. Так что парафирование уже как бы произошло через общее решение...»[1]

В этом интервью, отвечая на вопрос об ответственности Президента СССР за судьбу Союза, Горбачев, хотя и косвенно, но признал свою вину за развал страны:

«...Несмотря на все критические замечания, которые раздаются в мой адрес: и страну развалил, и социализм погубил, и Восточную Европу отдал, и т.д., — это все досужие разговоры, часто с провокационным подтекстом.

...Что касается просчетов в тактике, то они были. ...Нам надо было пойти на более решительные шаги по формированию новой роли республик. Мы шли к этому, но на каком-то этапе потеряли темп, и тогда на арену выдвинулись оппозиционные силы, и процесс этот пошел уже с большими потерями и издержками. Или вот еще что — последние полтора года я видел, как укрепляется консервативный фронт, как они стремятся застопорить движение вперед. И в это время мне надо было занять более четкую позицию по объединению демократических сил. Как и в национальном вопросе»[2].

Сказано все верно, но практически не только ничего не было сделано для пересечения сепаратистских устремлений Б. Ельцина и Л. Кравчука, но Горбачев просто не хотел верить, что Украина, а за ней непременно Россия, выйдут после первого декабря из состава СССР. Буквально накануне всеукраинского референдума — 30 ноября Президент США Дж. Буш позвонил Горбачеву и фактически предупредил его, что он намерен признать независимость Украины по результатам референдума, на что Горбачев, как всегда многословно, заявил:

---

[1] Сборник: «Белая книга». М.: «АСТ», 2007. С. 406.

[2] «Народная газета», Минск, 1991, 30 ноября.

«Независимость, которую раньше провозгласили и другие республики, открывает еще больше возможности для свободного и абсолютно добровольного участия в формировании нового Союза, жизненно нужного для каждого и всех вместе. И решение граждан Украины о ее независимости я не склонен рассматривать как акт разрыва с Союзом. Подталкивать процессы в этом направлении означало бы вести дело к катастрофе и для Союза, и для самой Украины, и для России, для Европы и мира»[1].

Короче говоря, там в Вашингтоне уже все было решено, судьба Советского Союза висит на волоске, а ее Президент, словно страус, прячет голову в песок и утверждает, что спрятался, ушел от проблем. От проблем не уйдешь, они тебя сами найдут. Весь драматизм ситуации, сложившейся накануне трагического декабря 1991 года, невольно раскрыл американский президент в своих воспоминаниях, с головой выдав Б. Ельцина, который уже фактически «договорился» с Л. Кравчуком о совместных раскольничьих действиях по уничтожению Советского Союза. Итак, предоставляем слово Дж. Бушу:

«За день до референдума я позвонил Михаилу, чтобы сказать ему, что как демократическая страна мы должны поддерживать украинский народ вне зависимости от исхода референдума. Мы, однако, хотим делать это таким образом, чтобы поддержать мирный переход к новому порядку. Мне казалось, что признание Украины поможет вернуть ее в русло переговоров о Договоре, устранив любую двусмысленность в отношении ее суверенитета. Я добавил, что нам бы хотелось, чтобы были приняты вполне определенные решения: коллективный централизованный контроль над ядерными вооружениями, безъядерный статус для Украины, уважение прав человека и прав меньшинств... Михаила явно не порадовала новость о том, что мы серьезно обсуждаем возможность признания Украины (эта информация, к сожалению, просочилась в СМИ после моих встреч с представителями американцев украинского происхождения). «Похоже, что Соединенные Штаты не просто пытаются оказать влияние на развитие событий, но и прямо вмешаться в их ход», — выразил он свое недовольство. Он заявил, что, хотя большинство республик и провозгласило независимость, это не помешало им участвовать в создании Союза...

Очевидно, Горбачев все еще верил, что республики по своей воле останутся в составе Союза. Он призвал меня не предпринимать никаких шагов, которые могли бы подтолкнуть события в «неверном» направлении. Он подчеркнул, что если Украина уйдет, то живущие там русские и прочие неукраинцы станут гражданами иностранного государства. Далее, Крым (ранее принадле-

[1] Сборник: «Белая книга». М.: «АСТ», 2007. С. 414.

жавший России) в случае провозглашения республикой независимости грозился «пересмотреть» свой статус «как части Украины». Ельцин призывал к возвращению всех русских земель, включая расположенные в Казахстане, на Украине и повсюду, «Если этот процесс пойдет, — предупредил он, — то он принесет катастрофу для России, Украины и всего остального мира». Я заверил Михаила, что мы настроены сотрудничать, однако приветствуем независимость, полагая, что она поможет справиться с радикальными элементами в России и на Украине...

Примерно через три четверти часа я уже говорил с Ельциным. Мы обсудили с ним те же самые вопросы, что и с Горбачевым, и я выразил свою озабоченность по поводу стабильности Союза. Его взгляды заметно отличались от взглядов Горбачева. Он понял причины моей озабоченности, подчеркнув, что до сих пор за Союз высказались только семь республик — пять мусульманских и только две славянские (Белоруссия, теперь называющаяся Беларусью, и Россия). Это беспокоило его, так как означало, что два самых больших (и русских) государства останутся в меньшинстве.

«Я буду с вами, как всегда, откровенен, — сказал он. — Думаю, что если Украина не войдет... то такой Союз будет очень слабым. Я сказал сегодня Горбачеву, и сказал это вчера в газетном интервью, что если Украина не войдет в Союз, то это создаст проблемы для России». Он полагал, что если Украина проголосует за независимость, то она не будет подписывать новый договор. «Считаю, что новый украинский Президент не будет вести переговоры с Горбачевым, а начнет переговоры с Россией», — добавил он. Из-за важности российско-украинских отношений в случае, если украинцы выберут независимость, России придется признать Украину вне зависимости от того, подпишет это новое государство Союзный договор или нет. «Прямо сразу?» — спросил я. «Да, нам надо будет сделать это немедленно, — твердо сказал он. — ...Горбачев об этом еще не знает. Он все еще думает, что Украина подпишет договор». Ельцин добавил, что он встретится с новым Президентом Украины в декабре для обсуждения базы новых отношений между ними...

«Мы не можем рисковать разрывом связей между Россией и Украиной, — сказал он. — Сейчас я с узким кругом советников напряженно размышляю о том, как сохранить Союз... Отношения с Украиной для нас важнее, чем со среднеазиатскими республиками, которые мы только и делаем, что кормим». Он попросил меня не раскрывать содержания нашего разговора до тех пор, пока не будут опубликованы итоги референдума»«[1].

---

[1] *Дж. Буш, Б. Скоукрофт.* Мир стал другим. Перевод с английского. М., 2004. С. 489—490.

Первого декабря состоялся референдум на Украине. 90,32 процента голосовавших высказались за независимость республики. Л.И. Кравчук был избран Президентом Украины. На второй день Ельцин заявил о признании независимости Украины. Кстати, первого декабря состоялись также выборы президента в Казахстане. Н.А. Назарбаев получил 98,8 процента голосов избирателей. Ближайший сподвижник Горбачева В. Медведев так прокомментировал итоги референдума на Украине:

«Шок от итогов референдума и выборов на Украине. Даже Крым, не говоря о Юге и Востоке и тем более Западе, проголосовал за независимость республики. Говорят, что избиратели были поставлены в трудное положение самим вопросом: «Вы за или против акта Верховного Совета о независимости республики?» Может, это и так. Но главное, по-моему, в другом: на Украине не хотят быть «под Москвой» с ее полной неразберихой и угрозой диктатуры. К тому же и потребительский рынок на Украине не так сильно расстроен, как в России. Теперь весь вопрос — как поведет себя Кравчук, а это во многом зависит от Ельцина. Ведь и другие республики объявили о независимости, но не хотят выходить из Союза. Как будет с Украиной? Ельцин сразу же признал независимость Украины и выступил за установление дипотношений с ней. Об этом объявили и некоторые зарубежные государства»[1].

Не сложно ответить на вопрос «…как поведет себя Кравчук?» Он поведет себя согласно сценарию, заранее разработанному совместно с Б. Ельциным и одобренному в Вашингтоне. Третьего декабря Кравчук уже докладывал Дж. Бушу об итогах референдума. Он сообщил Президенту США о своей беседе с Ельциным, который сказал, что после обнародования официальных данных о референдуме Россия признает Украину как независимое государство. Кравчук информировал Буша и о том, что Ельцин и глава парламента Беларуси Шушкевич в ближайшую субботу встретятся в Минске для обсуждения внутренних и внешних вопросов политики возглавляемых ими государств[2]. Хотя Кравчук говорит о встрече в Минске Шушкевича и Ельцина, однако Дж, Буш знает уже, что это будет трехсторонняя встреча, что следует из его воспоминаний:

«1 декабря украинцы подавляющим большинством голосов — в 90% — поддержали независимость, и Кравчук был избран 62% голосов. Я позвонил 3 декабря и поздравил его. Он сказал, что Ельцин уже звонил ему и подтвердил, что Россия при-

[1] Сборник: «Белая книга». М.: «АСТ», 2007. С. 417.

[2] «Рабочая газета», Киев, 1991, 4 декабря.

знает Украину. 8 декабря должна будет состояться их встреча для координации политики — как и говорил Ельцин...»[1]

4 декабря в «Советской Белоруссии» опубликовано интервью В.Ф.Кебича, в котором, в частности, говорится, что приезд Б.Ельцина в Минск должен был состояться 29 ноября. Однако Президент России попросил перенести визит на начало декабря.

5 декабря Президент Украины Л.М. Кравчук приведен к присяге. Принято «Послание к парламентам и народам всех стран» Верховного Совета Украины. В нем говорилось, в частности, что Договор 1922 года утратил свою силу.

По одной из версий встреча «зубров» в Беловежской Пуще тщательно готовилась ближайшими помощниками российского и украинского президента. Так, А.С. Грачев писал: «...Не полагаясь больше на заочное взаимопонимание, установили между собой прямой контакт неофициальные штабы российского и украинского президентов. Кравчуку дали понять: сразу после его победы на референдуме Россия поддержит его толкование результатов как вотум на выход из Союза и, в свою очередь, воспользуется украинской позицией, чтобы окончательно заблокировать новоогаревские договоренности…

Поскольку же для российского руководства главной ставкой в этой партии была голова (и кремлевский кабинет) союзного президента — никакая цена на этом аукционе не могла показаться ему слишком высокой»[2].

Итак, демарш Украины против Союза послужил для Б. Ельцина убедительным аргументом, в свою очередь, «отложиться» от всех ранее согласованных с ним договоренностей относительно Новоогаревского Договора: «1 декабря на Украине состоялся референдум, на котором народ республики единодушно проголосовал за свою независимость. Затем Леонид Кравчук однозначно заявил, что его страна не будет участвовать в Новоогаревских договоренностях. Это была уже окончательная жирная точка в длинной истории горбачевской политики спасти разваливающийся Советский Союз.

Надо было искать другой путь»[3].

В каком-то смысле Ельцин был прав. Горбачев действительно завел ситуацию в тупик, из которой он не мог найти выхода. «Выход» нашли другие — «беловежские зубры».

Зададимся вопросами: чего хотел Ельцин? Самодержавной власти? Безусловно! Но хотел ли он распада страны? Вопрос по-

---

[1] *Дж. Буш, Б. Скоукрофт.* Мир стал другим. Перевод с английского. М., 2004. С. 492.

[2] *А. Грачев.* Кремлевская хроника. М.: «Эксмо», 1994. С. 319.

[3] *Б. Ельцин.* Записки президента. М.: «Огонек», 1994. С. 149—150.

сложнее. Но в создавшихся условиях, когда путь к самодержавию лежал через труп (естественно, политический) Горбачева, и на этот вопрос необходимо дать утвердительный ответ, хотя, как мы видели, он предпринимал некоторые попытки сохранить единство страны. Объективно он был втянут в процесс, ведущий к развалу страны. Слишком много у него было «советчиков», которым было наплевать на судьбы Родины.

«При всей очевидной зловредности, высокообразованные демократы из свиты президента России должны сесть на скамью подсудимых в суде истории где-то с краешку как наводчики и подстрекатели. Тем не менее подобная квалификация вины не принижает их роли в механике распада Советского Союза — именно они были генераторами разрушительной идеи»[1].

Бытует мнение, что беловежская встреча готовилась в глубокой тайне и Горбачев узнал об этом «пост фактум». По замыслу обсуждаемых вопросов это так, но формально Горбачеву все было известно заранее и у него была возможность предотвратить трагический сговор в Вискулях. Перед поездкой в Минск Ельцин встретился с Горбачевым и сказал, что цель его визита в Белоруссию — двусторонние российско-белорусские переговоры. Порознь они сообщили прессе, что «не мыслят Союза без Украины», при этом Ельцин сказал, что «надо будет все сделать, чтобы убедить украинцев присоединиться к Союзному договору». Правда, сделал оговорку, которая тогда не привлекла особого внимания: «Если этого не получится, надо будет подумать о других вариантах».

Не заблуждался о цели визита Ельцина в Белоруссию и Горбачев:

«...Я уже понимал, что Президент России хитрит, тянет время: значит, у него есть другой план. Поэтому я перед самой встречей в Минске прямо спросил его: с чем он едет? Мой подход: есть проект Договора, Украина может присоединиться ко всем его статьям или к части из них. Ельцин... сказал, что может встать вопрос о союзе славянских республик. Я заявил, что, на мой взгляд, это неприемлемо. И разговор мы должны продолжить в Москве на встрече президентов с участием руководителей Украины.

Тогда я подумал, что сепаратистская позиция руководства Украины — это «подарок» для Ельцина: в России не поддержат президента, выступающего против Союза. Недовольство россиян центром вовсе не означает отказ от Союза. Особая же позиция руководства Украины — спасательный круг для тех в Российской

---

[1] *К. Столяров.* Распад: от Нагорного Карабаха до Беловежской Пущи. М.: «ОЛМА-ПРЕСС», 2001. С. 307.

Федерации, кто против сохранения Союза... Как я убедился, Ельцин не склонен был обсуждать вопрос по существу, да ему, собственно, нечего было сказать. И потому твердил, задавая мне один и тот же вопрос: а вот Украина — вы гарантируете, что она будет в этом Договоре? Да, нажимал я на Ельцина, Украину можно вовлечь в договорный процесс, и главное тут в том, чтобы Российская Федерация первой обсудила и подписала Договор. И тогда Украина будет искать свое место. Никуда она не денется, если восемь республик подпишут.

Когда же я узнал, что в Минск поехали Бурбулис и Шахрай, мне все стало ясно. Бурбулис в свое время написал записку, она «гуляла» по столам у многих, хотя и под грифом «строго конфиденциально». В чем смысл этой записки? В том, мол, что Россия потеряла уже половину из того, что она выиграла после августовского путча, хитрый Горбачев плетет сети, реанимирует старый центр, и его будут поддерживать республики. Все это невыгодно России, и это надо остановить, прервать. План Явлинского — это, мол, сильный центр и т.п. Российский план состоит в другом: независимые республики и государства и некое образование для «бракоразводных» процессов. Не для того, чтобы сотрудничать, а для того, чтобы независимость превратилась в отделение»[1].

Насчет Бурбулиса рассуждения Горбачева в самую точку. Это был действительно «серый кардинал» Беловежской Пущи. Он и сам откровенно об этом говорил и писал в последствии. Никита Моисеев вспоминает: «В марте 1992 года было узкое совещание у Г.Э. Бурбулиса. Я уже не помню, по какому поводу, но зашел разговор о смысле Беловежской традиции. Геннадий Эдуардович начал было объяснять, что разрушение Советского Союза — это хорошо. Но вдруг остановился, воздел руки к небу и сказал: «Да неужели вы не понимаете, что теперь над нами уже никого нет!» Может быть — в этом и состояла истинная причина, — ведь Бурбулис был тогда вторым лицом в государстве!»[2]

Выступая на заседании клуба «Свободное слово» 17 февраля 1995 года во время дискуссии на тему: «Чем Россия лучше СССР: можно ли обмануть историю?», Г.Э. Бурбулис пафосно пытался «обмануть историю»:

«Мы руководствовались тем, что наша советская социалистическая система в конце 80-х годов оказалась в состоянии исторического тупика... К моменту Беловежского соглашения Советского Союза как целостного государства уже не существовало. Можно

---

[1] Сборник: «Белая книга». М.: «АСТ», 2007. С. 421—422.

[2] «Наш современник», 1994, № 3. С. 115.

сколько угодно писать книжек, вспоминать, — это все очень интересно и полезно, — но есть правовая реальность к тому моменту, есть экономическая реальность к тому моменту и есть социально-политическая реальность к тому моменту. Поэтому ничего спасать в том виде уже не представлялось возможным, и все усилия в этом направлении были бы бессмысленными...»[1]

Канадский журналист М. Ройз, несколько раз встречавшийся с Бурбулисом в 1991 году, свидетельствует:

«...Меня не покидало чувство, что Бурбулис вовсе не разделял общей эйфории и Россия отнюдь не рвалась подписывать Союзный договор: переговоры в Ново-Огареве были тактическим маневром с целью выиграть время, столь необходимое для укрепления демократических структур. Спустя год, в Архангельском, мы вновь вернулись к этому вопросу. Несмотря на то, что, как сказал Бурбулис, время еще не настало узнать все детали, предшествовавшие развалу СССР, я все же решил опубликовать запись нашего разговора, представляющего, по-моему, определенный интерес уже сегодня.

Он. ...И когда мы начали двусторонний переговорный процесс между республиками Союза, это был первый ход, так сказать, первый луч в непроницаемое бетонное царство коммунистического режима. И этот луч высвечивал какую-то перспективу с республиками.

Я. Когда начались первые контакты? После того, как Ельцин был избран Председателем Президиума Верховного Совета РСФСР?

Он. Ноябрь 1990 года. В Москве, вне зависимости от Союза, был подписан первый двусторонний договор между Россией и Казахстаном. Я расцениваю это событие как выдающееся, поскольку именно тогда была пробита первая брешь в системе. Потом этот договорный процесс стал развиваться уже в зависимости от инициативности и контактов между другими республиками. Далее, в феврале 91-го возникла идея и была сделана первая проба четырехсторонней встречи: Россия, Украина, Беларусь и Казахстан. Была уже пройдена тропка двусторонних переговоров, и мы увидели, что в этой сборке есть свое стимулирующее зерно, и начали его отрабатывать.

К сожалению, тогда еще не было Шушкевича, не был он избран, был, кажется, Дементей, которому и хотелось, и было боязно одновременно. Ну и ни для кого не было секретом, что Горбачев достаточно ревниво и, я бы даже сказал, разрушительно от-

[1] Цит. по: Сборник: «Белая книга». М.: «АСТ», 2007. С. 222.

носился к этим попыткам. Поодиночке беседовал с участниками, убеждал их, то есть всячески пытался приостановить процесс. Такое впечатление, что у него это получилось... Мы уже дошли практически до четырехстороннего документа, но потом это застопорилось. Кто-то засомневался, кто-то видел все это несколько по-иному...

Но проба состоялась. И кстати, когда мы раз за разом после путча отыскивали ответ на вопрос: «А как вообще приступить к экономическим реформам в этой структуре?», то сама идея в памяти нашей политической и духовной уже существовала. Надо было только найти, как ее возобновить и как реализовать. Вот тогда и выяснилось, что реализовать ее можно, только лишь ограничив круг тремя республиками… Тут речь идет о специфике Назарбаева, о его личностном качестве. Идея была такая: надо было все это подготовить без того, чтобы насторожить. А мы в принципе знали, что Назарбаев обязательно будет советоваться…

…Блестящая и, самое главное, бескровная операция по уничтожению империи вызвала у квасных патриотов не радость, а животную ненависть к тому, кто тайно претворил это в жизнь. Тем, кто не знает имени этого человека, открою тайну: Геннадий Эдуардович Бурбулис»[1].

Утром 7 декабря прибывший в Минск Б.Н. Ельцин выступил перед депутатами Верховного Совета Белоруссии и ответил на вопросы. В частности он сказал:

«Старого Союза уже нет, нового союза тоже пока нет.

Ушла в историю попытка воссоздания Союза ССР в ленинской интерпретации. Сегодня терпит неудачу идея полуфедерации, полуконфедерации. Если останется хотя бы небольшой элемент унитаризма, есть риск возрождения той системы, которая уже завела нас в тупик. Всех пугает наличие Центра и его возможное возрождение в старых формах. Участников переговоров становится все меньше. Если так будет продолжаться, за стол переговоров некому вообще будет сесть. В резиденции «Вискули» руководители славянских республик будут обсуждать 4—5 вариантов Союзного договора. Встреча трех руководителей государств, возможно, станет исторической»[2].

Действительно, встреча руководителей трех славянских республик бывшего Советского Союза стала «исторической», поскольку на ней было объявлено о прекращении существования СССР и подписано соглашение о создании Содружества Незави-

---

[1] Цит. по: Сборник: «Белая книга». М.: «АСТ», 2007. С. 422—424.

[2] «Советская Белоруссия», 10 декабря 1991 года.

симых Государств (СНГ). Поскольку место подписания этих документов произошло в охотничьем хозяйстве «Вискули», находящимся недалеко от Бреста, зачастую соглашение называют «Брестским миром-II».

Действительно, такая историческая аналогия просматривается. Возможно, что Ельцину было преподнесено это так, как он через несколько лет писал: «Идея заключалась в том, чтобы резко изменить политический климат. Вместо того чтобы тащить за уши республики к подписанию нового договора, показать, что мы, славянские государства, уже включили схему объединения, не предоставляя другим возможность долго колебаться и торговаться: хотите — присоединяйтесь, не хотите — ваше право.

…Беловежское соглашение, как мне тогда казалось, было нужно прежде всего для того, чтобы резко усилить центростремительную тенденцию в развалившемся Союзе, стимулировать договорный процесс»[1].

Короче говоря, получается строго по формуле: «Хотели как лучше, а получилось, как всегда». Благими намерениями вымощена дорога в ад.

4.6. Тайная вечеря в «Вискулях».

ПРЕДАТЕЛЯМ

Наступит день, и вы, проснувшись в ужасе,
Поймете, что никто вас не спасет.
Вас презирают даже те, кому вы верно служите,
И ненавидит вами преданный народ.
И никогда уже клеймо Иуды
С вас годы и событья не сотрут.
И будут вечно помнить вашу подлость люди,
А дети вас навеки проклянут.

Русский поэт Сергей Целых

Президент СССР М.С.Горбачев не мог смириться с мыслью, что Новоогаревский процесс, — его детище, идет к закономерному краху. 8 декабря он дал большое интервью Украинскому телевидению, в котором в последний раз призвал руководителей союзных республик подписать Союзный договор. Ни одна газета этой беседы не напечатала, хотя она передавалась по московскому и киевскому телевидению. Впоследствии он вспоминал:

---

[1] *Б. Ельцин.* Записки президента. М., «Огонек». 1994. С. 152.

«...Конечно, сразу же пошел разговор о референдуме в республике. Я откровенно сказал, что не согласен с теми, кто голосование за независимость хочет представить одновременно и как голосование за разрыв с Союзом, за выход из Союза...

У меня нет сомнений в том, что народ Украины за сотрудничество со всеми суверенными республиками, за новый Союз, за новые отношения. Не за разрушение, а за созидание нового. Я получаю на этот счет очень много информации. Месяц назад был опрос в Киеве, в Москве, в Ленинграде, в Красноярске, в Алма-Ате, в Новосибирске, кажется. Данные известны. Сейчас почти в тех же местах провели новый опрос. И вот: в Москве 80 процентов высказались за сохранение Союза, естественно, обновленного, нового. В Киеве — 64 процента опрошенных, в Алма-Ате — 72.

...Почему Украина или Россия, или Белоруссия, или Казахстан, или Кыргызстан потеряют свой суверенитет, если сами, независимо делают выбор? Почему не участвовать в создании, в строительстве нового Союза, такого Союза, который отвечал бы их интересам, причем нынешнему этапу развития Украины и других республик, нынешней их роли, их возможностям? Вместе определить круг вопросов, по которым надо сотрудничать на едином рынке. Иначе разрыв связей... Сотрудничать в делах обороны, а не тянуть каждому бремя вооружений.

...Удивительно: самостоятельные, независимые государства Европы видят свой интерес во все большей интеграции, а мы в этой трудной ситуации, когда надо менять экономику, когда идем к рынку и когда нужны новые структуры, когда конверсию надо проводить и такая нагрузка ложится на народ, на рабочий класс, на всех, мы в это время разделяемся, расходимся. Уже очевидны огромные тяготы от этих разрывов. Останавливаются шахты, домны, потому что не поступает кокс и многое другое. И все это потому, что нет согласованной политики, не функционируют государственные институты, которые должны обеспечивать сейчас работу экономики, создававшейся для одной страны. В такое время затевать раздел, я считаю, безумие»[1].

Удивительно верные слова сказаны были Горбачевым в тот самый день, когда в Вискулях не «затевали раздел», а словно большевики в подполье верстали документ, согласно которому раздел становился политическим актом, руководители трех славянских независимых государств, тайно собравшись в Беловежской Пуще. «Беловежская встреча проходила в обстановке секретности, резиденцию даже охраняло особое спецподразделение. Из-за этой

[1] Цит. по: Сборник: «Белая книга», М.: «АСТ», 2007, С. 424—425.

сверхсекретности порой возникали неожиданные ситуации. Например, вдруг выяснилось, что в резиденции нет ксерокса. Для того, чтобы получить копию документа, его каждый раз приходилось пропускать через два телефакса»[1].

Как рождался документ, подтверждавший факт развала Советского Союза, лучше всего расскажут непосредственные участники тайной вечери в Вискулях. Вот воспоминания «хозяина» встречи Председателя Верховного Совета Республики Беларусь С.С.Шушкевича:

«7 декабря. Минск. Сначала я пригласил в Беловежскую пущу только Ельцина. В первый раз еще в Ново-Огареве — в гости, поохотиться... Ближе к декабрю мы созвонились, и я повторил приглашение. И пошутил: спросил у Бориса Николаевича, не позвать ли Горбачева. Он шутку понял и ответил, что если будет Горбачев, тогда он не поедет.

7 декабря Ельцин прилетел в Минск. Мы встретились с ним в кабинете Председателя Совета министров Вячеслава Францевича Кебича (мой кабинет как председателя Верховного Совета был существенно более скромным). Я предложил принять трехстороннее коммюнике. На уровне совета Горбачеву, что нужно делать. Примерно так: «Горбачев, ты не правишь, опасность очень большая, хватит говорить о Союзном договоре...» То, что мы изначально предлагали, было значительно мягче подписанного в итоге в Вискулях соглашения. Прилетел Кравчук, я его встретил в аэропорту, и он сразу же сказал: ради коммюнике можно было бы и не приезжать. Мол, надо идти дальше. И мы полетели в Вискули...»[2]

Прервем на некоторое время воспоминания С.Шушкевича и предоставим слово Юрию Иванову, единственному минскому фотокорреспонденту АПН, попавшему на процедуру подписания Беловежского договора:

«…разговоры о возможной встрече четверки (Россия, Беларусь, Украина и Казахстан) в кулуарах президентской администрации Шушкевича стали витать в само начале 1991 года. Я подошел к тогдашнему премьеру Вячеславу Кебичу: «Когда встреча?» Тот удивился утечке информации, потом признался: «Сейчас не получается, будет позже».

Категорически отрицает спонтанность встречи и бывший директор музея-заповедника С.С. Балюк. Ему из Управления делами Совмина Белоруссии заблаговременно пришло указание: приедут гости — Шушкевич, Кравчук, Ельцин. И — подробный план, где и

---

[1] Б.Ельцин. Записки президента. М.: «Огонек». 1994. С. 149.

[2] Цит. по: Сборник: «Белая книга». М.: «АСТ», 2007, С. 232—233.

как их разместить. Более того, за два дня до начала переговоров в Вискули своим ходом прибыл «ЗИЛ» Президента России, для которого пришлось освобождать утепленный гараж. Вместе с машиной появилась и охрана. Если белорусы прислали пять человек, десяток делегировала Украина, то Россия — более двадцати охранников. Именно они стали распоряжаться в павильоне, менять гаишников на дорогах, проверять персонал. ...Поскольку гостей принимала белорусская сторона, С. Шушкевич с В. Кебичем первыми прилетели 7 декабря на ближайший к Вискулям военный аэродром в Зосимовичи. Через полтора часа там же приземлился самолет с Кравчуком и Фокиным. Оставалось ждать задержавшегося в Минске Б. Ельцина с командой. Крепчал мороз, пошел снег.

Так как украинская делегация прибыла без личного транспорта и, оказавшись «безлошадной», не могла ехать на аэродром встречать Президента России, Шушкевич мерз в ожидании самолета один. Кравчука и Фокина директор заповедника Сергей Сергеевич Балюк снарядил на быструю охоту. Фокин подстрелил кабанчика, Кравчук же остался без трофея...

Ельцин прилетел под вечер. И сразу казус: не устояв на шатком трапе, Борис Николаевич потерял равновесие и едва не слетел кубарем на гостеприимную белорусскую землю. Ситуацию спасла охрана, подхватив Бориса Николаевича под руки. Потом одни утверждали, что высокий гость, как нередко случалось при его перелетах, находился в неадекватном состоянии, другие — что всему виной был свет автомобильных фар, направленных на российский самолет. Но как бы то ни было, Ельцин не придал значения тому, что оступился в самом начале своего беловежского визита...»[1]

Продолжим цитирование воспоминаний С.Шушкевича:

« ...Вечером в резиденции мы сели работать — втроем: Ельцин, Кравчук и я. Но втроем мы договорились фактически только о том, что дальше будем работать вшестером. К нам присоединились премьер-министр Украины Фокин, председатель Совета министров Белоруссии Кебич и госсекретарь Бурбулис... Борис Николаевич пригласил не шефа правительства, а госсекретаря. Пост, занимаемый тогда Бурбулисом, был для нас не очень понятен. Но Бурбулис был вторым лицом в государстве — раз так счел Президент России, мы и воспринимали его как второе лицо.

Бурбулис был политически инициативен. Я помню, что именно он поставил перед нами вопрос: а вы согласитесь подписать, что СССР как геополитическая реальность (я помню, что «геополитическая реальность» — его слова) распался или прекратил свое существование?

---

[1] Цит. по: Сборник: «Белая книга», М.: «АСТ», 2007, С. 431—432.

Вечером мы для начала договорились концептуально: осознаем опасность неконтролируемого развала СССР, вправе констатировать, что СССР распался, должны сделать все, чтобы сохранить военную связку. Мы осознавали, что распадается ядерная держава и каждое из государств, принимающих участие во встрече, имеет на своей территории ядерное оружие... Мы сошлись на том, что это нужно оформить официальным документом, и дали поручения рабочей группе, в которую входили представители от каждой стороны.

И было сказано: за ночь — сделать»[1].

Отдельные детали «исторического» процесса мошеннического оформления развала Советского Союза уточняет Вячеслав Кебич, в то время Председатель Совета Министров Белорусской ССР:

«В то время Кравчук и Ельцин не дружили. Поэтому в Вискули летели на разных самолетах. Я сопровождал Ельцина, а Шушкевич — Кравчука. Прежде всего их надо было помирить. Когда прибыли, Кравчук с премьером Фокиным пошли на охоту. Потом провели ужин, ужин затянулся...

Во время работы над Соглашением, когда получалось сформулировать особенно сильную фразу, мне давали задание: иди налей по рюмке шампанского. Крепленые и крепкие напитки, когда мы работали, вообще не употребляли. Только потом, когда уже все закончилось...

Российская сторона занималась только теми параграфами, которые имели политические цели. Их не волновало, что мы напишем по экономическим вопросам. Поэтому экономическую часть создавали мы с Фокиным...

Больше всего обсуждалась судьба президента Горбачева, как быть с государствами, которые не участвуют в совещании, схема внешнеполитической деятельности и схема обороны страны.

Никогда не вставал вопрос о том, что у нас, например, разорвутся связи между заводами. Нам казалось, что это навечно, незыблемо... Соглашение было для нас больше политическим заявлением. В этом отношении мы оказались обманутыми... российской стороной. Ведь мы были возмущены поведением Горбачева и готовы были черт знает что подписать, лишь бы только от него избавиться»[2].

Не упомянул В. Кебич о такой «детали», как дискуссия, возникшая при подписании готового документа, о том, как пить — за все соглашение сразу, постранично или построчно. Об этой уни-

---

[1] Там же С. 433.

[2] Там же. С. 434.

кальной дискуссии напомнил В.Жириновский в своем выступлении на заседании Госдумы 15 марта 1996 года при обсуждении вопроса о денонсации Беловежских соглашений.

Из воспоминаний С. Шушкевича:

«Последний вечер. А наша шестерка, дав задание рабочей группе, отправилась в баню. Я впервые был в этой резиденции. Надо отдать должное нашему правительству, оно все подготовило по самому высшему разряду. Мне оставалось делать вид, что я тут хозяин и я всех приглашаю... В бане нас было больше, чем шестеро. С Борисом Николаевичем, например, были люди из его охраны. Но разговоры мы вели «банной шестеркой».

Хотя наутро нам нужно было решать судьбу страны, у меня чувства величественности события не было. Ведь еще совсем недавно я был простым проректором, но и проректором-то не хотел быть, меня больше тянуло к преподавательской, исследовательской работе. Правда, и в институте у меня было хобби; я очень любил делать такие прикладные договоры.

Должен сказать, что чувства судьбоносности момента не было ни у кого из шестерки, кроме, пожалуй, Бурбулиса»[1].

Наступило утро «стрелецкой казни», вспоминает С. Шушкевич:

«8 декабря. На охоту ушли только Фокин с Кравчуком. Ельцин от охоты отказался. К работе над документами мы приступили после завтрака. Что касается спиртного, то во время работы над Соглашением я был, как за рулем, а остальные вели себя почти так же. Только когда с трудом удавалось найти приемлемую для всех формулировку, мы позволяли по чуть-чуть хорошего коньяку. Я разрешил себе расслабиться только глубоким вечером, после подписания перед телекамерами — когда почувствовал, что «все, что мог, я уже совершил».

Я понимал, что документ нужно сделать аккуратно. И мы вычитывали каждое слово. Сначала мы писали само Соглашение. Получили от рабочей группы вариант преамбулы... Это нравится, это не нравится... Давайте попытаемся оттенить вот такой элемент, такой... Согласны. И преамбула уходит назад, в рабочую группу. И так с каждым пунктом Соглашения. Он принимался только тогда, когда вся шестерка была согласна.

Когда Соглашение было готово, решили, что Заявление мы подпишем тройкой — массовок устраивать не нужно. Ельцин во время работы над Соглашением ни в коем случае не претендовал на роль Старшего Брата. Он всегда мне импонировал: нормальный, не требующий никакой интеллектуальной помощи человек.

---

[1] Там же. С. 433—434.

Если я время от времени обращался к Кебичу: «Вячеслав Францевич, ну как тут нам?» — Ельцин всегда совершенно смело высказывал свое мнеие. Передо мной был человек свободно мыслящий, логично мыслящий. Потом много раз на саммитах мы видели, как ему подсказывал Козырев. А в Вискулях он все решения принимал сам.

Кравчук был таким сдерживающим. Он все время фильтровал пункты Соглашения с позиции прошедшего на Украине референдума.

Из рабочей группы мне особенно запомнился Шахрай. Когда мы с очередным пунктом заходили в «тупичок», Шахрай уходил на пять-десять минут и возвращался с приемлемой формулировкой. Он не был безропотным исполнителем, выяснял все до мелочи. И я вдруг увидел такого... игрока. И юриста очень высокого ранга. Это было неожиданностью.

Интересы. Когда Россия в лице Ельцина согласилась с признанием факта распада СССР, представители регионов пеклись о том, чтобы в формулировках больше учитывались их интересы. Мы могли туда включить любые фразы по интеграции и по взаимодействию. Но особая позиция Кравчука отметала любое «братское единение» Украины в рамках бывшего СССР. Белоруссии было нужно, чтобы Соглашение не противоречило нашей декларации о независимости: мы заявили в ней о стремлении к нейтральности и безъядерности.

Там не было наивных. Было ясно, что Борису Николаевичу больше всего мешает Горбачев. Украине нужно было для нормального становления признание ее независимости Россией — не как наследником бывшего СССР, а как главным правопреемником. Честно говоря, нам нужно было то же самое. Я ведь понимал, что если мы приняли декларацию о независимости, в признании нашей независимости нет проблем ни с одним государством, кроме России.

Мы оставили едиными фактически только военную структуру, стратегические вооруженные силы»[1].

Как видим из вышеизложенного особая роль на «Беловежском саммите» принадлежала Л.Кравчуку, который приехал в Вискули практически с готовым документом, который и был принят за основу «Соглашения». Для С.Шушкевича итоговый документ, который ему предстояло подписать, вообще был полной неожиданностью. Похоже, он действительно полагал, что основной целью встречи был отдых в сосновом бору и обмен мнениями по

[1] Там же. С. 443—444.

поводу зашедшего в тупик Новоогаревского процесса. Иначе как объяснить, что его подчиненные, великолепно подготовившие все для отдыха (охота, баня, стол, прогулки), не позаботились о техническом обеспечении столь серьезного мероприятия. Вспоминает секретарь Союза писателей России Николай Иванов, который занимался собственным расследованием Беловежского сговора. В частности, он встречался и беседовал с Евгенией Андреевной Патейчук, которая была привлечена к подготовке итогового документа в качестве машинистки:

«Прибывшие в Вискули гости, возможно, в самом деле не собирались ничего подписывать. Планировалось лишь встретиться, переговорить тет-а-тет (в смысле без М. Горбачева) и выработать единую стратегию поведения... Иначе уж о чем, о чем, а о пишущей машинке, флажках и авторучках позаботились бы... Евгению Андреевну Патейчук, секретаря С.С. Балюка, отыскали дома, в селе Каменюки — она в ожидании гостей собирала праздничный стол: отмечался юбилей мужа.

«Вас просит срочно приехать директор заповедника, надо отпечатать один документ», — сказал главный лесничий, приехавший к ней на «уазике».

Много разных срочных бумаг приходилось готовить за долгие годы Евгении Андреевне. Но тут времени и причесаться не дали — набросила шапку, пальто — и в машину. Заехали лишь в заповедник, взяли с собой электрическую «Оптиму» (ныне она, как последняя реликвия Советского Союза, хранится у автора этих строк), бумаги, копирку — и в Вискули.

А там... «А там десятки охранников, знакомые по телевизору лица. Меня завели в боковую комнатушку и приказали ждать. А я ведь непричесанная. Так и пришлось просидеть несколько часов в шапке... Нервничала: гости дома собираются, а где хозяйка — никто не знает. Попыталась пройти к телефону — они оказались отключены».

Первым к ней подошел московский комитетчик. Улыбнулся: «Ну что, теперь вы по всем Каменюкам будете рассказывать, что здесь печатали...»

Взорвалась: «Если бы я была такая разговорчивая, то, наверное, меня не пригласили бы». Первые листочки, которые принес ей Г. Бурбулис, повергли ее в шок: СССР распадается. «Вам лучше диктовать или сами разберетесь в почерке?» — полюбопытствовал Геннадий Эдуардович.

Ошибку сделала в первом же слове «Договор» — пальцы не слушались...»[1]

---

[1] «Век», № 40, 12—19 октября, 2001.

Да и сам Б.Н. Ельцин о том же, что самым пассивным «зубром» беловежской тройки был именно С. Шушкевич, себя же он видел вершителем судьбы великой страны:

«...Мне показалось, что Шушкевич представлял себе эту встречу несколько иначе, более раздумчивой, спокойной. Он предлагал поохотиться, походить по лесу. Но было не до прогулок. Мы работали как заведенные, в эмоциональном, приподнятом настроении.

Напряжение встречи усиливалось с каждой минутой. С нашей стороны над документами работали Бурбулис, Шахрай, Гайдар, Козырев, Илюшин. Была проделана гигантская работа над концепцией, формулами нового, Беловежского договора, и было ясно, что все эти соглашения надо подписывать здесь же, не откладывая.

…Глядя на внешне спокойные, но все-таки очень напряженные, даже возбужденные лица Кравчука и Шушкевича, я не мог не понимать, что мы всерьез и, пожалуй, навсегда «отпускаем» Украину с Белоруссией, предоставляя им закрепленный самим текстом договора равный статус с Россией.

…Пробил последний час советской империи.

Я понимал, что меня будут обвинять в том, что я свожу счеты с Горбачевым. Что сепаратное соглашение — лишь средство устранения его от власти. Я знал, что теперь эти обвинения будут звучать на протяжении всей моей жизни. Поэтому решение было вдвойне тяжелым. Помимо политической ответственности, предстояло принять еще и моральную.

Я хорошо помню: там, в Беловежской пуще, вдруг пришло ощущение какой-то свободы, легкости. Подписывая это соглашение, Россия выбирала иной путь развития. Дело было не в том, что от тела бывшей империи отделялись столетия назад завоеванные и присоединенные части. Культурная, бытовая, экономическая и политическая интеграция рано или поздно сделает свое дело — и эти части все равно останутся в зоне общего сотрудничества. Россия вступала на мирный, демократический, не имперский путь развития. Она выбирала новую глобальную стратегию. Она отказывалась от традиционного образа «властительницы полумира», от вооруженного противостояния с западной цивилизацией, от роли жандарма в решении национальных проблем.

Быть может, я и не мог до конца осознать и осмыслить всю глубину открывшейся мне перспективы. Но я почувствовал сердцем: большие решения надо принимать легко. Отдавал ли я себе отчет в том, что, не сохраняя единого правительства в Москве, мы не сохраняем и единую страну? Да, отдавал… Я был убежден,

что России нужно избавиться от своей имперской миссии, но при этом нужна и более сильная, жесткая, даже силовая на каком-то этапе политика, чтобы окончательно не потерять свое значение, свой авторитет, чтобы провести реформы.

…Когда документы были в основном готовы, мы решили связаться с Назарбаевым, чтобы пригласить его, Президента Казахстана, в учредители содружества. Как раз в этот момент Назарбаев находился в воздухе, в самолете, на пути к Москве. Это была заманчивая идея — повернуть его самолет, чтобы он прямо сейчас же прилетел к нам. Мы попытались связаться с его самолетом. Выясняется, что в нем нет такой системы связи, по которой мы могли бы соединиться. Тогда пытаемся это сделать через диспетчерскую Внукова. Это был реальный вариант, Назарбаев в кабине летчика мог бы переговорить с нами и развернуть самолет в нашу сторону. Однако вскоре выясняется, что руководство Министерства гражданской авиации Союза запретило диспетчерам аэропорта давать нам служебную радиосвязь. Пришлось дожидаться прилета Назарбаева, и он позвонил нам уже из Внукова.

Каждый из нас переговорил с ним по телефону. Я прочитал ему подготовленные для подписания документы. «Я поддерживаю идею создания СНГ, — сказал он. — Ждите меня, скоро к вам вылечу».

Однако Назарбаева мы в тот день так и не дождались. Чуть позже мне позвонил кто-то из его секретариата и передал, что Президент Казахстана не сможет прилететь… Назарбаев не приехал. И мы втроем закрепили своими подписями историческое беловежское соглашение»[1].

Нурсултан Назарбаев отрицает однако, что он якобы безоговорочно поддержал идею создания СНГ:

«Моей подписи под документами все равно не было бы, и, окажись я там, во всяком случае, пытался бы убедить участников Минской встречи все-таки провести консультации со всеми потенциальными членами Содружества Независимых Государств и только после этого принимать какое-то решение»[2].

Ниже мы еще вернемся к эпизоду, связанному с попыткой вовлечения Н. Назарбаева в беловежский сговор, а сейчас предоставим слово Л.М. Кравчуку. В 1994 году он написал книгу воспоминаний: «Останні дні імперії… Перші кроки надії» («Последние дни империи… Первые шаги надежды»), которая была переведена на русский язык и опубликована в «Крымской правде»

---

[1] *Б. Ельцин.* Записки президента. М.: «Огонек», 1994, С. 150—154.

[2] «Комсомольская правда», 20.21.1991.

23.03.1996 г. Первая глава этой книги, озаглавленная — «Тайна Беловежской Пущи» и выдержанная в стиле беседы автора книги с главным редактором «Киевских ведомостей» Сергеем Кичигиным, раскрывает многие тонкости беловежского сговора, отсутствующие в воспоминаниях других свидетелей этого «исторического» события. Приводим эту беседу практически без купюр (Л.К. — Леонид Кравчук; С.К. — Сергей Кичигин):

« Л.К. ...Встреча в Беловежской Пуще — не для людей со слабыми нервами. Состоялась она на базе заповедно-охотничьего хозяйства в комплексе, возведенном еще при Брежневе. Он там встречался с соседями — руководителями социалистических стран.

С.К. ...Кому принадлежит идея создания СНГ, кто первый ее сформулировал, кто был инициатором?

Л.К. Однозначно ответить трудно... Украинская сторона сразу отбросила федеративный принцип устройства будущего Союза. Мы с самого начала выступали за конфедерацию.

Нас поддержал Ельцин, поддержал пылко, и мы выступили вместе, единым фронтом. Не сразу и не так решительно, но все-таки поддержала нас и Белоруссия. Примеряясь к нашей идее, не спеша, но надежно подходил Назарбаев. Это было очень кстати. С нами вынуждены были считаться...

Идея конфедеративного устройства государства постепенно развивалась, однако в Москве, как в союзном центре, она поддержки не получила. Против нашей позиции очень резко выступил Горбачев. Словно по указке, против выступило и немало членов Совета Союза. Тогда-то мы в Киеве и взялись за более детальную разработку своего варианта.

С.К. Горбачев был против вашего варианта в принципе. Значит, дальнейшая детальная разработка делалась на всякий случай, в надежде на лучшие времена. Не так ли? И как вы действовали в такой ситуации — тайком, под грифом «Абсолютно секретно»?

Л.К. Секретов особых не было. Работали, но старались не привлекать лишнего внимания. Работали и верили, что лучшие времена наступят. А к ним нужно готовиться загодя. Был задействован очень узкий круг лиц. Просто мы понимали, что не следует нагнетать обстановку преждевременно.

С.К. А «мы» — это кто?

Л.К. В то время я был Председателем Верховного Совета Украины и соответственно с должностью возглавлял подготовку этого важного документа. Я поручил Владимиру Борисовичу Гриневу связаться с Верховными Советами других республик и учи-

тывать их предложения, уточнять их позиции по этому вопросу... Работа велась. У нас, в Киеве, состоялось несколько консультативных встреч — приезжали белорусы, представители других республик на уровне заместителей председателей Верховных Советов. В Киеве мы и завершили работу над проектом нового Союзного договора[1].

С.К. Итак, вы стали инициатором и архитектором разработки переустройства Союза?

Л.К. Скажем так — не я, а Украина. Украина выступила инициатором и до конца отстаивала свою точку зрения. И не только отстаивала. Поскольку нашу идею не понимали и не воспринимали в Москве, нам ничего не оставалось, как создать свой вариант договора у себя, в Киеве. Что мы шли правильной дорогой, лично у меня сомнений не возникало. Уверенность эта, кстати, придавала необходимые энергию, силу.

С.К. Кто же предложил собраться в Беловежской Пуще?

Л.К. Предложил я. Предложил сначала Шушкевичу, а затем через него — Ельцину. Все дали согласие. Ельцин поступил предусмотрительно: он соединил подписание двустороннего соглашения между Россией и Белоруссией с нашей встречей.

Мое появление там было мотивированным. Борис Николаевич имел поручение от Горбачева — поговорить со мной о подписании Союзного договора. Я вообще-то предлагал собраться раньше, но Ельцин не мог вырваться из Москвы — не находилось повода. Когда повод появился, Борис Николаевич сразу прилетел в Минск. Я же постоянно пребывал в состоянии полной боевой готовности. Припоминаю, звонит Шушкевич и говорит: «Борис Николаевич уже в Минске. Ждем вас, как и договаривались». Я сразу и вылетел. В аэропорту меня атаковали журналисты — с какой целью прибыл в Белоруссию? Я был не так уж далек от истины, когда отвечал им, что прилетел посоветоваться — как быть с Союзным договором.

В первый день обсудить самое главное так и не удалось — встреча в Минске, перелет в Беловежскую Пущу, а прибыли туда уже под вечер, ужин, белорусы, как и украинцы, пород гостеприимный...

С.К. Вы прилетели в Пущу вечером, а утром должна была быть встреча с Ельциным и Шушкевичем уже за столом переговоров. Как вам спалось в ту ночь на новом месте? Неспокойно?

---

[1] Если же знать, кто такой Гринев, то многое становится яснее. В. Гринев — один из основателей и руководителей в то время партии демократического возрождения Украины, своего рода украинский последователь Ельцина.

Л.К. Тогда все спали очень мало. Ужинали весьма поздно. Потом, перед сном, решили подышать свежим воздухом. Часа два, наверное, ходили своей, «украинской компанией». Понятно, говорили о будущей встрече. ...Когда пришел к себе в комнату, уже был второй час ночи. Спать не хотелось. Включил торшер и вынул из кармана пиджака свои записи, сделанные еще в Киеве. Снова перечитал их. У меня, должен сказать, память неплохая — в молодости я запоминал текст целыми страницами. Но дело не в этом — читал, задумываясь над каждым словом, чтобы лишний раз убедиться в том, что прав. ...Потом взял карандаш и подчеркнул ключевые положения. Еще раз пробежал глазами текст и снова спрятал записи. Лег, но уснуть не могу — мысли не дают покоя. Еще дважды вставал, вынимал записи и перечитывал текст. Нет, я не сомневался в правоте своей идеи и в том, выступать с нею или подождать. Я еще в Киеве для себя решил ждать лишь подходящего случая. И вот он представился. Нельзя было не воспользоваться им..[1].

...Наконец мы сели за стол переговоров. Ельцин, Гайдар и Бурбулис представляли на встрече Россию, я и Фокин — Украину, Шушкевич и Кебич — Белоруссию. Первым слово взял Борис Николаевич. Сразу сообщил, что имеет поручение Горбачева: договориться с Украиной о подписании нового Союзного договора.

С.К. Ельцин так серьезно воспринимал поручение Горбачева?

Л.К. Да, весьма серьезно. Я это сразу почувствовал, когда он начал тезисно излагать позицию Москвы. «Федерация или конфедерация. Здесь мы договоримся... Чего хочет Украина? Давайте рассмотрим... В чем может поступиться Украина...» Ну и все такое прочее. Все четко, конкретно — сразу видно, что подготовка проведена фундаментальная.

Ельцин спросил, согласны ли мы приступить к обсуждению, устраивает ли такая постановка вопроса. Я прямо сказал: «Нет, Борис Николаевич, не устраивает. На Украине ситуация уже изменилась. Состоялся референдум — пожалуйста, ознакомьтесь с результатами».

Ну и проинформировал всех присутствующих более детально — они тогда подробностей еще не знали. Зачитал полностью акт о независимости, познакомил с тем, как голосовали в регионах, за что голосовали, итоги в процентах назвал и так далее.

---

[1] Фактически первое заседание «шестерки» состоялось вечером 7 декабря, на котором были обговорены все принципиальные вопросы и рабочая группа отправилась готовить проект итоговых документов. Видимо свои ночные «метания» Л. Кравчук придумал для придания «судьбоносности» своего проекта, поскольку утром 8 декабря он спокойно вместе с Фокиным отправился на охоту (см. воспоминания С. Шушкевича).

Ельцин заинтересовался — даже отчеты взял посмотреть. «Таак, — говорит, — это просто непостижимо!» Белорусы тоже были удивлены. А Борис Николаевич никак не успокоится: «Что, и Донбасс проголосовал «за»?» «Да, — отвечаю. — Нет ни одного региона, где было бы менее половины голосов. Ситуация, как видите, изменилась существенно. Нужно искать другое решение».

А у самого в кармане вариант решения лежит. От руки написанный. Я его даже перепечатать не отдавал.

С.К. Боялись?

Л.К. Боялся. Наши служебные кабинеты имеют какую-то необыкновенную особенность: не успеешь какой-нибудь документ передать в машбюро, а уже все в курсе дела. Черт его знает, как это распространяется с такой быстротой! А здесь такой политический вопрос — не рискнул.

Начали обмениваться мнениями. Вопрос у всех один: как же теперь быть с Союзом?

Смотрю, Ельцин на меня поглядывает выжидательно. Я и решил — час пробил. И прочитал свои киевские заготовки. Очень было важно, как к ним отнесутся, поймут ли, что новое образование независимых государств должно разительно отличаться от схемы старого Союза, по своей сути должно быть ближе, наверное, к европейскому содружеству. (Кстати, аббревиатура СНГ к тому времени еще не родилась.) Волновался я, разумеется, как никогда в жизни. Но главное, думаю, мне удалось убедить всех присутствующих в том, что альтернативы у нас нет.

Я закончил –тишина. Поднимается Бурбулис и, доставая из кармана какие-то листки, говорит Ельцину: «Борис Николаевич, тут у нас тоже кое-что есть — мы вам докладывали... Можно?» Выслушал и Бурбулиса. Снова тишина. Тогда Шушкевич с Кебичем говорят нам, мол, это, очевидно, правильное направление в поиске решения — давайте обсуждать.

С.К. Вы вынесли на обсуждение свои конкретные предложения, но предложения имела и российская сторона. Насколько близкими оказались ваши позиции? Концептуально документы совпадали или нет?

Л.К. В ходе обсуждения я понял, что российская делегация готова к восприятию наших идей. Позиции оказались близкими, хотя и не совпадали по всем параметрам. Но концептуально документы совпадали. Были нюансы, но без существенных противоречий.

С.К. Это было случайностью?

Л.К. Безусловно, это была случайность. Если иметь в виду некоторые текстовые совпадения. Если же говорить о концепции —

тут дело сложнее. Есть элемент случайности, но есть и элемент закономерности. Судите сами: мы знали, что Союз обречен, а эти без конца и края обсуждения латаного-перелатаного проекта Союзного договора сами подтолкнули нас к поиску абсолютно иного решения. И неудивительно, что оно созрело в одночасье. А детали? Что ж до деталей, то всегда можно договориться — было бы желание и взаимопонимание. В Беловежской Пуще мне показалось, что наиболее подготовленным с точки зрения решительных перемен был Бурбулис. Он все понимал с полуслова. Ко всему, в команде Ельцина он был идеологом...

Все они перед народом, и звучат слова — я за Союз, я за... В пикантной ситуации оказались Ельцин и Шушкевич на встрече в Беловежской Пуще. Несколько дней назад они выступали за Союз, а сейчас приходится нарушать данное слово. Несолидно выходило. И все-таки истина дороже — они же видели, как тяжело, с беспрерывными пробуксовками шел процесс демократизации. По сути дела, мы оказались в глухом политическом углу. Нужно было срочно что-то делать, и они прекрасно это понимали. Потому я далек от мысли, что кто-то из них боялся. Нет, но они были крепко связаны своими обещаниями.

Именно так — связаны. Обещаниями подписать Союзный договор. Я таких цепей не имел. Я — свободный. Нигде ничего не обещал, не выступал с официальными заявлениями. Потому вполне логично выглядело то, что на встрече в Беловежской Пуще я выступил первым.

В ходе переговоров (а они скорее напоминали живой обмен мнениями) мы и пришли к окончательному выводу — модель Союза нас больше не может устраивать. И нет никакой необходимости включаться в процесс его реанимации. Второй наш вывод — республики должны стать по-настоящему полностью независимыми государствами, а связи между ними должны строиться на новых принципах сотрудничества. Часа два ушло на это обсуждение. Подняли на ноги юристов — имеем ли мы основания одобрять решения без участия союзного президента, без представителей других республик?

С.К. Говоря иными словами, вы заботились о легитимности?

Л.К. Именно так, мы хотели принять настоящий документ, документ, который бы ни у кого не вызывал никаких сомнений. Но сомнения возникли сразу — у наших юристов. Говорят, что нужно собрать всех, кто подписывал Союзный договор. Не три республики, а всех.

Мы решили зайти с другой стороны. Россия, Украина и Белоруссия стояли у колыбели Союза. Им и решать, ведь другие рес-

публики присоединились к договору потом. Юристы все же считали, что по такому поводу нужно собраться всем вместе. Ибо могут возникнуть проблемы, если нас не поддержат и выступят против.

С.К. Боялись, что Горбачев применит силу?

Л.К. Думаю, что проблема могла быть в другом. Боялись, что люди не воспримут наше решение как должное, будет ли документ легитимным для них. Сомнения оставались. И торопиться было опрометчиво, и времени для раскачки не было. Цейтнот. Именно поэтому окончательный документ был подписан лишь 22 декабря 1991 года на очередной встрече в Алма-Ате. И его подписали все республики.

А тогда, на встрече в Беловежской Пуще, мы формировали принципы взаимоотношений будущего содружества. Сидели и формировали. Писал я, Бурбулис — все участвовали. Писали, обсуждали и сразу отдавали на перепечатку. Работа была очень напряженной.

С.К. А помощники что, не помогали?

Л.К. Да не было никаких помощников, сами работали. Когда документ был готов, встал извечный вопрос: что делать? Объявлять? Где и кому? Решили и поступили так: все вышли к журналистам и проинформировали их. Ельцин, Шушкевич и я ответили на вопросы корреспондентов. В подробности посвящать не стали»[1].

А теперь предоставим слово представителям «второго эшелона» участников беловежского сговора, которые не только выполняли техническую сторону при подготовке документов, но и вносили порой весьма существенные поправки, в частности, по приданию хотя бы внешней легитимности беловежских соглашений. Кроме Г. Бурбулиса, который выступал в качестве идейного вдохновителя Б. Ельцина на подписание антиконституционных документов, значительную роль сыграл С. Шахрай, придававший им как бы юридическую состоятельность. Ему первому слово. Ниже приведены отдельные фрагменты из беседы С. Шахрая с корреспондентом «Независимой газеты»:

«Если диагноз Ельцина, Кравчука и Шушкевича был точен (а я считаю, что он был достаточно верен), то к 8 декабря геополитический выбор состоял в следующем: идем ли по югославскому пути братоубийственной войны всех со всеми или находим новую формулу содружества, в рамках которого решаем главные задачи — нераспространения ядерного оружия, сохранения геополитического пространства, военной безопасности, спасения экономики.

[1] Цит. по: Сборник: «Белая книга», М.: «АСТ», 2007. С. 438—443.

Не всё из соглашения до сих пор сработало, но... ядерное оружие осталось только в России. Не произошло образования еще одного клуба ядерных государств. Геополитическая стабильность была сохранена...

— Можно ли сказать, что украинская делегация сыграла решающую роль в том, что договор об СНГ получился таким, какой он есть?

— Если белорусская сторона готова была рассматривать вариант нового Союза, то украинская делегация приехала, чтобы «сделать всем ручкой». Состояние ее было эйфорическим. Работать было очень сложно. Я бы назвал роль Украины не решающей, но роковой.

— Могли бы вы подробнее рассказать, что происходило в Вискулях в те дни? Это событие обросло слухами и мифами. Например, говорят, что работа сопровождалась обильными возлияниями, которые помогли быстро все поделить.

— ...Я расскажу о том, что известно мне. Я был советником президента но правовой политике, заранее поручений по этой поездке у меня не было. Было так: вечером поступило предупреждение, что завтра вылетаем в Минск. Состав команды известен: Ельцин, Бурбулис, Гайдар, Козырев, Илюшин, Коржаков и я. Никакого документа из Москвы мы не везли (насколько это было известно мне). Есть легенда, что у Бурбулиса в компьютере был какой-то план. Не знаю. В Вискулях у нас компьютера не было. Проект соглашения печатался на электрической машинке, а размножали его на факсе — таково было техническое обеспечение. Когда мы приехали в Вискули, три лидера уединились, все остальные пребывали в ожидании. «Тройка» беседовала сначала в резиденции, потом они ходили на охоту, потом еще куда-то, в общем, разговор продолжался до вечера. Вечером была объявлена воля трех лидеров: экспертам готовить документ. Мы собрались на одной даче, украинская делегация пришла-ушла, фактически работали мы с белорусскими коллегами. Нам нужно было родить документ с политическим решением трех лидеров, но непонятно, с какой формой этого решения. Дискуссия продолжалась не один час. О чем шла речь? В 1922 году Союз образовали четыре республики: Россия, Украина, Белоруссия и Закавказская Советская Федеративная Социалистическая Республика (ЗСФСР). «ЗСФСР» в Вискули не приехала, но мы постепенно вышли на осознание факта, что здесь присутствует три государства — учредителя Союза в 22-м году. Если три государства-учредителя в лице своих лидеров осознают, что государство перестало существовать, то надо либо выписывать документ о смерти и расходиться, либо попытаться сделать шаг вперед.

В результате была найдена формула, соединяющая и то, и другое: государства — учредители Союза констатируют, что Союз ССР прекратил свое существование, и учреждают новое объединение — Содружество Независимых Государств. Текст писали от руки. С учетом моего почерка его переписывал, кажется, Гайдар. Уже было поздно, Козырев подсунул его под дверь не той дачи, где была машинистка, утром пришлось документ искать и срочно печатать. К нам уже присоединилась украинская делегация, мы делали пункт договора, несли его в зал, где сидели лидеры, его возвращали с поправками, перепечатывали, размножали на факсе. В таком ритме шла работа. В течение дня документ родился...

Что касается всего остального. Можно добавить баню и еще что-то, но я не видел ни одной встречи на высшем уровне, во время которой не было бы ужина. Как к этому относиться? В любом случае решение принималось по русской пословице «Утро вечера мудренее»: вечером — политическая задача в довольно абстрактной форме, утром — постатейное обсуждение документа, а уже потом — ужин. И еще один важный момент: возле каждой дачи стояли два сотрудника КГБ. Для всех нас это было признаком, что ничего противозаконного не делается. Было человеческое ощущение исторического момента и облегчение от того, что решение найдено.

Хочу вернуться к главной теме нашей беседы. Обычно на подписании документа в Вискулях ставят точку. Да, подписали, ну и что из этого? Это был проект, пока его не ратифицировали парламенты всех государств. И ратифицировали его с восторгом. Значит, это соответствовало общей тенденции, а не воле трех человек»[1].

Упомянутая С. Шахраем временная «потеря» рукописных материалов, которые до четырех часов утра ваяли ельцинские соратники — Шахрай, Гайдар, Бурбулис и Козырев, вызвала немалый переполох участников встречи. С присущим ему чувством юмора вот как описывает этот эпизод Александр Хинштейн:

«… утром случилось ужасное. Совершенно секретный документ таинственным образом исчез. Последним, его держал в руках министр иностранных дел Козырев. Белый, как полотно, министр божился, что в 4 утра он сунул черновик под дверь номера, где жила машинистка. Однако в комнате бумаг не было.

Поднялась страшная паника. Все мгновенно уверились, что документ выкрали агенты КГБ. А тут еще, как нарочно, раздался звонок Баранникова, который доложил, что Горбачев будто бы знает все замыслы заговорщиков, и уже с раннего утра ведет пе-

[1] «Независимая газета», 10 декабря 1996 года.

реговоры с Бушем и европейскими лидерами, убеждая их не признавать новый Союз. Тут было от чего прийти в ужас. Ликвидаторы уже ждали властного стука в дверь, представляли заранее, как повезут их, скованными кандалами прямиком в «Матросскую тишину» и поселят по соседству с Янаевым и Крючковым…

Спасение пришло в виде Коржакова, который, точно Шерлок Холмс в рассказе «Второе пятно», мгновенно отыскал пропавшие бумаги.

«Выяснилось, — вспоминал позднее Гайдар, — что Козырев не решился в 4 утра будить машинистку, засунул проект декларации под дверь, по ошибке не под ту».

Взрывоопасные черновики, порванные и уже частично использованные, преспокойно лежали в сортире у одного из президентских охранников: в корзинке для туалетной бумаги. Рождение «СНГ» начиналось, действительно, с «Г»…

Наскоро отпечатав злополучный документ, его принесли президентам. Те уже вовсю отмечали предстоящий распад империи»[1].

Вот так вершилось событие, изменившее ход мировой истории.

Днем 8 декабря, в воскресенье, президенты ознакомились с текстом, в который при обсуждении вносились согласованные поправки и уточнения, а затем уселись на дешевые табуретки за двумя сдвинутыми типовыми «общепитовскими» столами облегченной конструкции, поставили перед собой по государственному флажку и со скучными, смурными лицами в 14 часов 17 минут скрепили подписаниями машинописный текст исторического документа, которым извещали мир, что «Союз как субъект международного права и геополитическая реальность прекращает свое существование»[2].

Совершив государственно преступление, заговорщики, боясь ареста, испытывали животный страх, который не мог заглушить даже изрядно потребляемый алкоголь. Страх побудил сепаратистов сделать первый звонок министру обороны СССР Е. Шапошникову. Чтобы завоевать лояльность министра, Ельцин, при согласии Кравчука и Шушкевича, объявил о его назначении главнокомандующим объединенными вооруженными силами СНГ. Егор Гайдар свидетельствует: «…Больше всех, как мне кажется, переживал, волновался С. Шушкевич. В его словах звучал лейтмотив: мы маленькая страна, примем любое согласованное решение России и Украины. Но вы-то, большие, все продумали? …Сергей Шахрай предложил юридический механизм выхода из тупика — ситуа-

---

[1] *А. Хинштейн.* Ельцин. Кремль. История болезни. М.: «Олма Медиа Групп», 2008. С. 288.

[2] *А. Шутов.* На руинах великой державы, или Агония власти. М.: «Вече», 2004. С. 43.

ции, при которой Союз как бы легально существует, хотя ничем не управляет и управлять не может: формулу Беловежского соглашения, роспуска СССР тремя государствами, которые в 1922 году были его учредителями…»[1]

Как уже говорилось выше, Беловежская встреча проходила в обстановке секретности. Трудно определить, кто конкретно стал идеологом Беловежских соглашений, после которых Советского Союза не стало. Активную роль, без сомнения, сыграли Бурбулис, Шахрай и Козырев. До встречи в Вискулях Б. Ельцин проговаривал и с Шушкевичем, и с Кравчуком, и с Назарбаевым варианты разъединения. Но мало кто даже в мыслях допускал, что расставание произойдет столь скоро и непродуманно. Таким образом, фигуры второго рода и подтолкнули трех вождей на это позорное соглашение. Какова при этом была роль министра иностранных дел А. Козырева? Вот как он сам пишет в книге «Преображение» вышедшей в 1994 году:

«...Мы прибыли в, Беловежскую Пущу во второй половине дня и сели за дружеский стол ужинать. Б.Н. Ельцин и Г.Э. Бурбулис в тактичной, но весьма настойчивой форме постоянно возвращались к мысли о том, что как бы ни развивались дальше события в Советском Союзе, три славянские республики должны держаться вместе, потому что их объединяет историческое родство. Рефреном звучала и мысль о том, что не нужно строить свои взаимоотношения в ущерб отношениям с другими союзными республиками, хотя выбор, конечно, останется за ними.

Постепенно в ходе этого общего разговора появились элементы взаимопонимания. К Е.Т. Гайдару, С.М. Шахраю и ко мне (мы составляли «второй эшелон» делегации) подошли представители украинской делегации и спросили: ребята, с чем вы приехали? Если собираетесь давить в пользу Союза, то создавшийся сейчас благоприятный климат и, возможно, последний шанс действительно братской договоренности будет упущен. Ни Л. Кравчук, ни В. Фокин просто не смогут отреагировать иначе, как разрывом, потому что на них давят итоги общенародного референдума и жесткие решения Верховного Совета Украины в пользу ее «незалежности». Мы сказали, что отрицаем и силовое давление, и полный разрыв. И то и другое было бы безумием. Нужны другие варианты, нужен Союз по типу объединения независимых государств. Украинские эксперты на это быстро откликнулись. Мы вовлекли в разговор минчан. После этого шепнули Б.Н. Ельцину, что, видимо, в этой области, то есть где-то в создании содружества республик, но без подчинения центру, можно попробовать

[1] Цит. по: Сборник: «Белая книга». М.: «АСТ», 2007. С. 445.

нащупать компромисс. Тогда Борис Николаевич в свойственной ему манере через четкий прямой логический переход вывел общий разговор о братских традициях на конкретную идею — союза братских республик-стран...

Президенты и премьеры понимали, что начинать с переговоров на их уровне было бы рискованно: можно было выдать какие-то сокровенные идеи, которые напугали бы партнеров. В этой ситуации Президент России проявил находчивость и предложил выход: поскольку руководители республик нащупали главную путеводную нить, пусть, руководствуясь ею, министры, эксперты к утру выработают взаимоприемлемую концепцию, а еще лучше — проект соглашения о союзе братских стран, включая и окончательно отточенный вариант названия. С этим поручением мы и отправились работать.

Наша работа была построена следующим образом: Гайдар, Шахрай и я уединились в отведенном для российской делегации особняке и начали думать над основными элементами возможного проекта соглашения. Они сложились довольно быстро. Были использованы хорошо нам знакомые принципы построения Европейского сообщества. Были также учтены некоторые тезисы из последних вариантов Союзного договора, обсуждавшихся в Ново-Огареве... Когда набросок документа был готов, встал ключевой вопрос: как три союзные республики могут заключить договор без участия других республик и каким образом возникнет новая правосубъектность этого объединения и каждого его члена? Проще говоря, могут ли три республики действовать самостоятельно?

На этот вопрос лично у меня не было ответа, и, честно говоря, мне казалось, было бы необходимым требовать созыва очередной Новоогаревской встречи или, возможно, какого-то форума всех союзных республик, где окончательно и утвердить предлагавшийся проект нового союза. Но С.М. Шахрай оказался лучше нас подготовлен к постановке этого вопроса. Именно ему принадлежит (во всяком случае, если говорить о работе в Беловежской Пуще) следующий аргумент: СССР создавался в 1918—1921 годах четырьмя независимыми государствами — РСФСР, Украиной, Белоруссией и Закавказской Федерацией. Поскольку ЗСФСР перестала существовать, остались три субъекта, некогда образовавшие Союз, причем их право на самоопределение неизменно сохранялось и в вариантах союзных договоров, и в Конституции СССР. Таким образом, с чисто юридической точки зрения в Беловежской Пуще собрались полноправные руководители трех полноправных же субъектов объединения, называвшегося СССР. Поэтому они были вправе принять решение о расторжении связывавших их до этого союзных уз.

По-моему, для Гайдара такая логика была не менее неожиданной, чем для меня. Вместе с тем, несколько оправившись от шока, мы согласились с аргументацией, предложенной Шахраем. Примерно на этом этапе работы, около 12 часов ночи, к нам присоединились белорусские коллеги, которые, надо отдать им должное, внесли немалый вклад в доработку и шлифовку документа. Все это время украинские эксперты прогуливались где-то неподалеку, иногда засылая своих эмиссаров для того, чтобы узнать, что происходит в «творческой лаборатории» на российской даче. Убедившись в том, что работа кипит и идет в обещанном направлении, они, однако, категорически отказывались принять в ней практическое участие и продолжали свои прогулки. Лишь поздно ночью нам удалось собраться всем вместе и обсудить уже практически готовый проект Беловежского соглашения...

На следующее утро президенты и их премьеры (с нашей стороны — Ельцин и Бурбулис, позднее к ним присоединился Гайдар) заперлись в узком кругу и еще раз прошлись по подготовленному нами проекту документа. В него были внесены некоторые изменения и уточнения, и в частности была найдена формула Содружества Независимых Государств»[1].

Г. Бурбулис особо выделяет роль С. Шахрая в поиске юридического обоснования «законности» совершенного действа по уничтожению Советского Союза:

«Борис Николаевич поручил Сергею Шахраю проработать этот вопрос. Он собрал группу правоведов, которые выдали следующее обоснование: поскольку в 1922 году три советские республики — РСФСР, УССР и БССР подписали первыми Союзный договор, они же могут его и расторгнуть. И Ельцин, и Кравчук, и Шушкевич с этим согласились...»[2]

Итак, 8 декабря руководители России, Украины, Беларуси (Ельцин, Кравчук, Шушкевич) на встрече в Беловежской Пуще объявили: «Союз ССР как субъект международного права и геополитическая реальность прекращает свое существование». Они подписали Соглашение о создании Содружества Независимых Государств. В российскую делегацию на переговорах входили; Бурбулис, Шахрай, Гайдар, Козырев, Илюшин. По итогам встречи опубликованы Документы: Заявление глав государств об образовании Содружества Независимых Государств; О координации экономической политики; О событиях в Республике Молдова.

---

[1] *А. Козырев*. Преображение. М.: «Международные отношения», 1994. С. 168—173.

[2] *Г. Бурбулис*. «Была вечеря в Вискулях». Интервью «Общей газете», № 50, 19—25 декабря 1996 года.

ЗАЯВЛЕНИЕ ГЛАВ ГОСУДАРСТВ
РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ, РСФСР, УКРАИНЫ

Мы, руководители Республики Беларусь, РСФСР, Украины,

— отмечая, что переговоры о подготовке нового Союзного договора зашли в тупик, объективный процесс выхода республик из состава Союза ССР и образования независимых государств стал реальным фактом;

— констатируя, что недальновидная политика центра привела к глубокому экономическому и политическому кризису, к развалу производства, катастрофическому понижению жизненного уровня практически всех слоев общества;

— принимая во внимание возрастание социальной напряженности во многих регионах бывшего Союза ССР, что привело к межнациональным конфликтам с многочисленными человеческими жертвами;

— осознавая ответственность перед своими народами и мировым сообществом и назревшую потребность в практическом осуществлении политических и экономических реформ, заявляем об образовании Содружества Независимых Государств, о чем сторонами 8 декабря 1991 года подписано Соглашение.

Содружество Независимых Государств в составе Республики Беларусь, РСФСР, Украины является открытым для присоединения всех государств — членов Союза ССР, а также для иных государств, разделяющих цели и принципы настоящего Соглашения.

Государства — члены Содружества намерены проводить курс на укрепление международного мира и безопасности. Они гарантируют выполнение международных обязательств, вытекающих для них из договоров и соглашений бывшего Союза ССР, обеспечивают единый контроль за ядерным оружием и его нераспространение.

Председатель Верховного Совета
Республики Беларусь *С. Шушкевич,*
Президент РСФСР *Б. Ельцин,*
Президент Украины *Л. Кравчук.*

8 декабря 1991 года, г. Минск.
«Советская Беларусь», 1991, 10 декабря.

Дело сделано. Нужно было объявить об этом Президенту СССР и дать информацию в СМИ. Тут же между заговорщиками возникли разногласия по поводу кому и в какой форме делать соответствующие заявления. Снова предоставим слово «беловежским зубрам». Вспоминает С.Шушкевич:

«Звонки. И когда мы закончили, наступило облегчение — просто оттого, что мы наконец завершили эту работу.

И тогда мы собрались втроем в — не побоюсь этого слова — апартаментах Ельцина. Борис Николаевич сказал: «Так, теперь надо Михаилу Сергеевичу сообщить». Логичнее всего, продолжал Ельцин, поручить это Станиславу Станиславовичу — он всегда с ним много говорит. Кравчук высказался «за». Ну и мировую общественность надо было информировать. Решили, что логичнее всего позволить Бушу. Кто лучший друг Буша? Конечно, Борис Николаевич.

Я начинаю звонить Горбачеву. Входные, спецкоммутатор... В общем, соединяли меня довольно долго. А Борис Николаевич по своей спецсвязи — хлоп! — и раньше меня «зацепился» за Буша. Пока меня соединяли с Горбачевым, Ельцин уже вел разговор с американским президентом.

Горбачев всегда ко мне обращался на ты. И здесь он впервые сказал мне «вы». Я в двух словах его проинформировал: «Подписали вот такое Заявление, и суть его сводится к следующему... Мы надеемся на конструктивное продолжение такого подхода и другого не видим». Горбачев: «Да вы понимаете, что вы сделали?!» ...На том конце провода Горбачев устроил немую сцену... И мы попрощались.

Тогда же, не дожидаясь утра, мы вылетали обратно — нам предстояло ратифицировать Соглашение в парламентах....»[1]

Л. Кравчук также подтверждает, что подписав документ, «зубры» повели себя, как нашкодившие школьники младших классов, которые при «разборе полетов» в кабинете директора школы валят вину друг на друга. Так и непонятно, кто же предложил Шушкевичу сделать звонок М. Горбачеву.

«Закончилось это мероприятие, а что дальше? Молча смотрим друг на друга — нужно о принятом решении сообщать Горбачеву. Но никто не горел желанием разговаривать с ним. Пауза показалась тягостной. У Ельцина возникла идея сообщить о нашей встрече Бушу. На всякий случай. Приняли это предложение. Ни к кому конкретно не обращаясь, Ельцин вдруг говорит: «Я с Горбачевым разговаривать сегодня не буду».

Пришлось мне вносить предложение: «Тогда должен говорить Шушкевич». Шушкевич сразу возразил: «А почему я?» Мотивирую: «А кто? Мы же находимся в Беловежской Пуще, в Беларуси. Теперь это место историческое. Если бы встреча проходила в Киеве, то звонил бы в Москву я».

«Ладно», — согласился Шушкевич.

---

[1] Журнал «Огонек», № 49, декабрь 1996.

А тут сообщают, что ответил Вашингтон. Дело в том, что мы заказывали Москву и Вашингтон одновременно, но так получилось, чисто по техническим причинам, что раньше удалось связаться с Бушем.

Говорил с Бушем Ельцин. Через переводчика. Сообщил о принятом нами решении, рассказал о принципах, которые легли в основу модели будущего содружества. Буш ответил, дескать, дело ваше, мы не вмешиваемся, будем поддерживать ваше решение... Воспринял нашу информацию спокойно. Удивления не выразил.

Только закончил Борис Николаевич разговор — дают Москву. Настала очередь Шушкевича. Он четко и спокойно обо всем доложил Горбачеву. Тот сразу возмутился: «На каком основании! Почему меня не предупредили?! Почему решение приняли без меня?! Это произвол!» Ну, в общем, разговор получился очень крутой.

Мы стояли рядом, и я слышал голос Горбачева, отдельные слова и реплики. Шушкевич потом пересказал нам содержание разговора своими словами. Мы поняли, что дело может получить нежелательный поворот.

Ельцин тут же попросил, чтобы его связали с министром обороны Шапошниковым. Они были в хороших товарищеских отношениях. Борис Николаевич подробно рассказал Шапошникову о встрече в Беловежской Пуще, о принятом решении, о разговорах с Бушем и Горбачевым и попросил нас поддержать. Шапошников пообещал. Но мы все же чувствовали, что легитимность принятого документа недостаточна. Юристам удалось вбить это в наши головы. Тут же решили: давайте срочно приглашать Назарбаева. Звоним в Алма-Ату, а там отвечают, что Назарбаев как раз летит в Москву па встречу с Горбачевым. Стали думать, как его пораньше перехватить, до встречи с Михаилом Сергеевичем.

...Но в Москве нашли Назарбаева сразу же. Рассказали по телефону о наших делах, попросили прилететь в Беларусь. Первая реакция обнадеживала: хорошо, прилечу. А через полчаса перезвонил и сообщил, что не прилетит... Я думаю, обиделся, что его позвали не сразу, а на итоги встречи. А ко всему, он тоже был крепко связан словом, данным Горбачеву. Честно сказать — никому (пригласить Назарбаева раньше) и в голову не пришло. Я даже и не думал, что встреча наша в Беловежской Пуще завершится принятием конкретного документа. Полагал — просто поговорим и разойдемся.

Горбачев в тот памятный день в конце телефонного разговора сказал: «Пусть мне завтра доложат подробно». И снова возник вопрос — кто будет докладывать Горбачеву? Вроде бы всем полагается лететь в Москву. Вместе заварили кашу, вместе и расхлебывать. Но Шушкевич воспротивился — не следует нам лететь.

Нам уже поступили кое-какие сигналы, мол, будьте начеку, возможно противодействие... В памяти еще были свежи августовские события — прошло ведь всего чуть более трех месяцев. Поэтому мы с Шушкевичем и не полетели в Москву. А Ельцину ничего не оставалось делать — у него не было ни времени, ни места для маневра. Я сказал ему: «Борис Николаевич, нужно пройти и через это. Мы вас делегируем. У нас единая точка зрения, единая позиция. Отступать не будем». И он мне с грустью ответил: «Так не хочется лететь...»

Знаете, предстоял очень непростой разговор, очень тяжелый, прежде всего в моральном плане. Я по себе знаю. Одно дело, когда говоришь о приятных вещах, и совсем иное, когда приходится выступить против человека, тем более — против президента страны, который имеет огромную власть. Я понимал состояние Бориса Николаевича и всячески старался его приободрить. Вряд ли это мне удалось, но так действительно было. Я знал, что в случае чего — Ельцина защитят. И все же мы просили его быть осторожным. Учитывая ситуацию, я не стал задерживаться в Беларуси и улетел домой... Сохранялось в секретности, каким курсом летим и когда приземлимся. С аэродрома я сразу поехал на дачу в Кончу-Заспу. Туда для охраны был вызван спецназ — никогда ни до, ни после этих событий его там не было. Службу безопасности Украины еще возглавлял в то время Голушко — он контролировал ситуацию. Я в Конче вечерами выходил на прогулки в сопровождении охранников, вооруженных автоматами...»[1]

Чует кошка, чье мясо съела. Трусоват оказался на поверку «заединщик» состоявшегося позорного сговора.

«Не скрою, тревожно было на сердце. Все мы люди, все мы человеки. Была тревога. Но, знаете, в глубине души была и большая вера в последовательность Ельцина. Я знал, что Ельцин власть Горбачеву не отдаст — он уже был Президентом России не первый месяц. Я видел по газетам, по телевидению, знал по другим информационным каналам — события развивались так, что двум президентам в Москве не бывать. А Борис Николаевич — человек волевой, властный, умеющий полностью собраться в нужный момент. Плюс то обстоятельство, что с министром обороны у них было полное взаимопонимание. Это тоже важный момент... Но конечно, могло случиться и непредвиденное. Поэтому тревога оставалась.

...Почему эта встреча произошла не в Москве — какое это имеет значение? Беловежская Пуща — место известное. А теперь — тем более... А конфиденциальность была необходима. Что

[1] Цит. по: Сборник: «Белая книга». М. «АСТ». 2007. С. 456—458.

нам оставалось делать: сообщить куда следует о том, что вот едем разваливать Союз? Мол, не возражаете?

...Мы после встречались не раз... Говорили о том, что нам нельзя разрывать исторические, экономические и культурные связи... Но чтобы кто-то из нас сказал: «Что же это мы натворили?!» — такого не было...»[1]

Спрашивается: чем было Беловежское соглашение? «Это был настоящий заговор, и его авторы были бы в любом нормальном государстве немедленно арестованы и отданы под суд», — писал Николай Павлов[2]. В любом нормальном государстве — это так, но в тот момент наша страна таковой не являлась. Горбачев, по крайней мере на словах, начал сопротивляться и осуждать заговорщиков: «Судьба многонационального государства не может быть определена волей руководителей трех республик», — заявил он. Или в разговоре с Кравчуком: «Ну, что вы там придумали? У меня за спиной! Даже в известность не поставили… Совесть хоть у вас есть»?! И после того, как Л.Кравчук ответил, что они сразу же после подписания Соглашения ему позвонили, журналистов поставили в известность. Уже весь мир об этом знает — разве это «за спиной»?! Он уточняет: «Я спрашиваю: почему без меня? Почему не в Москве? Почему со мной никто не посоветовался? Как вы могли — без меня?!»[3] Ну чем не крыловский повар?!

Если верить Георгию Пряхину, Горбачеву предлагали арестовать беловежскую тройку силами роты почетного караула как заговорщиков. Не пошел Михаил Сергеевич на это[4]. Такое же предложение делал Горбачеву А Руцкой: «Узнав о случившемся, я стал звонить Горбачеву. После нескольких неудачных попыток меня с ним все же соединили. Я настоятельно попросил принять меня. Горбачев назначил встречу через час. Судя по интонации, делал он это с крайним нежеланием.

Я прибыл к нему в назначенное время. Михаил Сергеевич был на удивление спокоен. Я спросил у него, знал ли он о цели визита Ельцина в Минск и о заговоре по уничтожению Советского Союза. На вопрос он ответил уклончиво: «Не знал, но догадывался, что Ельцин, вернее, Бурбулис что-то задумал». После небольшой паузы он спросил меня, что я думаю по этому поводу. Я однозначно определил эти действия как преступление, государственный переворот. Видимо, ему не понравилось мое заключение и предложение проявить решительность, используя закон

---

[1] Там же. С. 459—460.

[2] «Наш современник». 1996. № 1, С. 149.

[3] Сборник: «Белая книга». М.: «АСТ». 2007. С. 458.

[4] «Российская газета». 21.09.2001. С. 11.

и власть президента СССР, арестовать эту пьяную троицу, подписавшую в угоду США позорный сговор. Побледнев, а затем засуетившись, он попрощался со мною и попросил не горячиться, сказав, что происшедшее не так драматично, как мне кажется, положение можно спасти...

Поведение Горбачева мне непонятно по сей день. Либо он все знал и был прямым участником сговора, либо попросту струсил в определенный момент, когда решалась судьба великого государства, с которым считался весь мир»[1].

Правда, все это А. Руцкой говорил спустя четыре года после описываемых событий, когда уже был в оппозиции к Ельцину, равно как и генерал КГБ А. Стерлигов, верой и правдой служивший Ельцину, но уйдя в оппозицию легко проводил исторические параллели: «Собственно говоря, они повторяют политику большевиков. Ленин для того, чтобы выжить самому, готов был вместе с Брестским миром — этим предательством национальных интересов — отдать и всю Украину. Нечто подобное сейчас совершают демократы с Бурбулисом, Гайдаром и Ельциным»[2].

Тема «заговорщицкого» характера проведения беловежской акции постфактум широко освещалась в СМИ. Как писал бывший председатель Совета Союза Верховного Совета СССР К.Д. Лубенченко: «Была завершена блестящая тайная и неожиданная политическая операция, совсем как в военное время»… Да и президент Украины Л.М.Кравчук пояснил, что выбор места в районе «самой маленькой из трех столиц» не в последнюю очередь объяснялся тем, что там «было больше шансов сохранить… встречу в тайне»[3]. А основной орган (то есть КГБ), призванный предотвратить этот заговор, был занят совсем другим делом. Собственно говоря, такого государственного органа в стране уже не существовало. Была его полудеморализованная тень, органы госбезопасности Советского Союза доживали последние дни. Впрочем это не относится к белорусским чекистам, которые, кстати, обеспечивали режим охраны и безопасности в Вискулях. Председатель Белорусского КГБ генерал Э. Ширковский (по его собственному признанию) уже в 12 ночи проинформировал Горбачева и попросил дать указания относительно дальнейших действий. Горбачев сказал, чтобы тот связался с ним через двадцать минут для получения соответствующих указаний. Генерал в течение двух часов названивал Михаилу Сергеевичу, но тот так и не вышел на связь[4].

---

[1] «Наш современник», 1995, № 12. С. 139.

[2] *Е. Стригин.* КГБ был, есть и будет. От КГБ СССР до МБРФ (1991—1993). М.: «Алгоритм». 2004. С. 169.

[3] История современной России / Под ред. В.В.Журавлева/. М., «Терра». 1995. С. 136.

[4] *А. Шутов.* На руинах великой державы или агония власти. М.: «Вече». 2004. С. 44.

Вместо того, чтобы дать команду генералу немедленно арестовать участников заговора, президент СССР предпочел уклониться от своих конституционных обязанностей по защите целостности возглавляемого им государства. Не приняв должных мер к государственным преступникам, президент СССР сам становился соучастником преступления.

Даже в последний момент он мог не допустить вступления в силу Беловежских соглашений, поскольку закон был на его стороне. Нужно было издать соответствующий указ и срочно созвать Съезд народных депутатов СССР или даже Верховный Совет СССР — и решения, принятые в Вискулях, были бы дезавуированы, чего так боялись участники сговора. К тому же и Уголовный кодекс РСФСР, своей 64-статьей стоял на страже интересов государства, предусматривая наказание за «деяние, умышленно совершенное гражданами СССР в ущерб государственной независимости, территориальной неприкосновенности или военной мощи СССР». Все силовые структуры еще контролировались союзным Центром.

Однако применением силовых санкций к заговорщикам Горбачев продолжил бы линию арестованных им «путчистов», выступавших за сохранение СССР, а это никак не соответствовало его «новому мышлению». Он боялся возможных политических осложнений, того, как воспримут беловежское соглашение руководители других союзных республик, но самое главное, он боялся вызвать неудовлетворение заокеанских друзей. Нет, он не «умывал руки», он прекрасно понимал, что цель его жизни — «уничтожение коммунизма» — достигнута, поскольку уничтожение Советского Союза и есть уничтожение коммунистического будущего народов, свято веривших в этот миф.

«Успех антигосударственного заговора был обусловлен, главным образом, следующими тремя факторами: выбором момента, когда общество и государство разъедали глубокие внутренние противоречия; наличием надежного гаранта развала — Соединенных Штатов Америки; предательским поведением лидера СССР Горбачева»[1].

По мнению Е.Т. Гайдара: «Авторитет Горбачева, как, впрочем, и авторитет всех союзных органов управления, стал абсолютно прозрачным, а армию, которую столь часто подставляли, вряд ли можно было сдвинуть с места. Все это чертовски напоминало ситуацию 1917 года, когда от Керенского после провала, так называемого, корниловского мятежа отступились практически все во-

[1] Там же.

енные. Свергнутый с поста, он едва сумел собрать несколько казачьих сотен, которые прекратили всякую борьбу, стоило только большевикам оказать самое первое сопротивление»[1].

Такие же безнадежные попытки остановить процесс распада Советского Союза тоже были сделаны. Группа народных депутатов СССР, «озабоченная сложившейся ситуацией», выступила с инициативой созыва съезда для принятия решения «по восстановлению конституционного порядка на всей территории СССР». А.Лукьянов писал о том, что через два дня после беловежского заявления депутат В.Самарин принес в кабинет Горбачева подписанные почти пятьюстами народными депутатами заявление о немедленном созыве чрезвычайного Съезда народных депутатов СССР. Горбачев не прореагировал[2].

Не лишне провести и такую историческую параллель. Ради сохранения единства страны Авраам Линкольн пошел на самую кровопролитную из всех войн, в которых принимали участие американцы, — Гражданскую войну Севера и Юга 1861—1865 годов. Именно за это он и считается одним из самых великих президентов США, хотя сам и послужил поводом для отделения южных штатов. Те ведь тоже хотели независимости, но янки указали своим южным соседям, что штаты (по-английски — государства) не могут быть самостоятельны, если Вашингтон — против. Вот она, логика великой политики: когда нужно, черное называется белым, а когда нужно другое, то наоборот. Впрочем, о какой параллели может идти речь, если президент СССР совсем не походил на знаменитого американца. Как уже выше упоминалось, он больше смахивал на известного российского премьер-министра. Хотя и тут различия налицо. Керенский хоть попытался реально сопротивляться большевикам, обратившись к армии. И даже получил хотя и жалкую, но поддержку. Новый Керенский даже и этого не сделал.

Впрочем, имеется весьма любопытная информация. 13 декабря 1991 года газета «Правда» сообщила: «Повышенный интерес к армии вдруг проявили наши президенты М.С. Горбачев и Б.Н. Ельцин. Во вторник Горбачев побывал и выступил с 50-минутной речью в Министерстве обороны на совещании руководящего состава Вооруженных сил. Как утверждают военные, это второе участие президента в подобном мероприятии. Первое состоялось летом 1985 года после учений в Белоруссии.

Президент вкратце охарактеризовал свое видение положения в стране, подчеркнув, что сейчас наступил трудный период,

---

[1] *Е.Гайдар*. Собрание сочинений в 2 т. М.: «Евразия». 1997. Т.1. С. 326.

[2] «Советская Россия». 26.08.1993. С. 2.

поскольку реформы идут нервно, иные политики ведут сепаратистский, дестабилизирующий курс. Михаил Сергеевич призвал сохранить Союз, взять то положительное, что есть в белорусском соглашении, обсудить и прийти к правовому решению.

Его монолог с военными не перерос в диалог, беседу, хотя вопросов у присутствующих было немало. Видимо, у президента сейчас острый дефицит времени.

Утром следующего дня с военными встретился и Б.Н. Ельцин. Он сам попросил считать встречу просто беседой но актуальным вопросам, которые волнуют армию. Ельцин изложил свою точку зрения на трехстороннее соглашение, принятое в Беловежской Пуще. Но главный упор сделал на социальной защите военнослужащих и их семей, подтвердив, что вопрос о повышении денежного содержания решен.

Как видим, оба президента ищут поддержки людей в погонах».

Видеть-то видим. Но зачем это они наперебой кинулись в Министерство обороны? Это вопрос первый. А вопрос второй состоит в том, что просто так упор на повышении денежного содержания не делают. Обычно так начинают, когда рассчитывают на армейскую поддержку. Однако фактов, чтобы делать выводы, явно маловато. Что хотел Горбачев от военных и почему к ним же кинулся Ельцин? «Армия не могла понять, в какую сторону поворачивать голову при равнении: с промежутком в одни сутки перед ее высшим командным составом выступили порознь оба президента»[1]. Об этом же писал и С. Шахрай:

«Узнав о случившемся, Горбачев сразу обратился к армии. Вплоть до своей отставки 25 декабря 1991 г. он обзванивал командующих округами, просил поддержки у маршала Евгения Шапошникова. Но военные его проигнорировали»[2].

Да и хотел ли Горбачев, чтобы военные вступились за сохранение СССР? Тем более, что шок от содеянного в Беловежье уже миновал. Да и был ли шок у Президента даже на второй день после подписанья Беловежского соглашения? Вот фрагмент телефонного разговора между Горбачевым и Л. Кравчуном, сидевшим на даче в Кончу-Заспу в окружении вооруженных до зубов спецназовцев. После того как Кравчук решительно отказался ехать в Москву на «разбор полетов», он продолжал чуть ли не упрашивать его: «В общем, так, — сказал официальным тоном, — я прошу срочно прибыть в Москву. Как член Совета Федерации вы обязаны прибыть в Москву. Здесь находится Назарбаев, здесь Ельцин, и вы с Шушкевичем также должны быть здесь. Вот мы собе-

---

[1] *А. Грачев.* Кремлевская хроника. М.: «Эксмо», 1994. С. 338.

[2] «Аргументы и факты», 2001, № 49. С. 4.

ремся впятером и еще раз обсудим этот вопрос. Это не рядовое дело. Вы ж посмотрите — мир содрогнулся...»

Я не стал увиливать от прямого ответа: «Михаил Сергеевич, я в Москву не поеду. К уже сказанному добавить мне нечего. Я поставил под документом свою подпись и дезавуировать ее не собираюсь, что бы вы мне ни говорили, как бы ни вынуждали. Дело сделано...»[1].

Дело сделано. Нужно было срочно оповестить об этом весь мир. Е. Гайдар: «...Подписав документ, В. Ельцин в присутствии Л. Кравчука и С. Шушкевича позвонил Е. Шапошникову, сказал о принятом решении, сообщил, что президенты договорились о его назначении главнокомандующим объединенных вооруженных сил Содружества. Потом последовал звонок Дж. Бушу, тот выслушал, принял информацию к сведению. Наконец звонок М. Горбачеву и тяжелый разговор с ним...»[2] На вопрос, почему сначала сообщили президенту США, он ответил:

«Речь шла о юридическом роспуске ядерной сверхдержавы, которая много лет рассматривалась в качестве главного потенциального военного противника США, а мы, в свою очередь, рассматривали их как главного военного противника. Отношения между этими двумя государствами определяли вообще — будет ли существовать мир или нет. Поэтому, подписывая соглашение, Ельцин и другие руководители, по существу, брали на себя ответственность за сохранение ядерной безопасности. Совершенно естественно, что первый звонок был тому человеку» который в высшей степени заинтересован, чтобы у нас ситуация была безопасной, а мы были заинтересованы в спокойной реакции этой стороны»[3]. Г.Э. Бурбулис: «...Сначала позвонили Шапошникову, потом Бушу, потом Горбачеву. Смысл слов Буша был таков: произошло то, чего давно ожидало мировое сообщество...»[4]

Как проходил разговор с Дж. Бушем лучше всего узнать из его собственных воспоминаний:

«8 декабря Ельцин позвонил мне, чтобы рассказать о своей встрече с Кравчуком и Президентом Беларуси Станиславом Шушкевичем. На самом деле он все еще находился с ними в охотничьем домике неподалеку от Бреста. «Сегодня в жизни нашей страны произошло очень важное событие, и я хочу рассказать вам о нем лично, прежде чем вы узнаете о нем из газет», — сказал

---

[1] «Киевские ведомости», 1994, 27 апреля.

[2] Цит. по: Сборник: «Белая книга». М.: «АСТ», 2007. С. 460.

[3] «Российская газета», 01.12.2001. С. 7.

[4] Интервью «Общей газете», «Была вечеря в Вискулях». № 50, 19—25 декабря 1996.

он напыщенно. По его словам, эта встреча продолжалась уже два дня, и они пришли к выводу, что «существующая система и Союзный договор, который все заставляют нас подписать, нас не устраивают. Именно поэтому мы собрались вместе и буквально несколько минут назад подписали совместное соглашение».

Было похоже, что Ельцин читал по бумаге заранее заготовленное заявление... «Это соглашение, — продекламировал он, — состоящее из шестнадцати статей, по сути, создает содружество или группу независимых государств». Короче, он только что сказал мне, что они с Президентами Украины и Беларуси решили распустить Советский Союз.

Когда он закончил читать подготовленный текст, его тон изменился. Он пояснил, что это соглашение содержит статью, которая открывает содружество для всех бывших республик. ... Этот документ был уже подписан тремя присутствовавшими руководителями республик. Он только что закончил разговор с Президентом Казахстана Назарбаевым, который полностью поддержал их действия и намеревался сам подписать соглашение как можно скорее.

...Я не хотел преждевременно выражать нашу поддержку или неодобрение, поэтому просто сказал: «Понятно».

...«Господин Президент, — добавил он, — должен сказать вам доверительно, что Президент Горбачев пока об этом не знает. Он знал, что мы собирались встретиться, я сам ему сказал об этой встрече. Разумеется, мы немедленно направим ему текст нашего соглашения, так как ему, несомненно, придется принимать решение на своем уровне. Господин Президент, сегодня я был с вами очень, очень откровенен. Мы, четыре государства, чувствуем, что это — единственный выход из критической ситуации. Мы не хотим ничего делать скрытно — мы прямо сейчас сделаем заявление для печати. Мы надеемся на ваше понимание».

«Дорогой Джордж, — сказал он. — Я закончил. Это исключительно, чрезвычайно важно. По сложившейся между нами традиции, я сразу позвонил тебе, не прошло и десяти минут». Я пообещал сразу же прочитать соглашение, как только он пошлет мне текст, и быстро отреагировать. Я ощущал некоторый дискомфорт. «Мы будем работать с вами и с другими по мере развития событий, — сказал я. — Разумеется, мы надеемся, что все эти преобразования пойдут мирным путем». Обойдя вопрос поддержки со стороны Америки действий Ельцина, я добавил, что, по нашему мнению, во всем этом должны разобраться прежде всего сами участники, а не сторонние силы вроде Соединенных Штатов»[1].

---

[1] *Дж. Буш, Б. Скоукрофт.* Мир стал другим. Перевод с английского. М., 2004.

Ельцин вилял хвостом перед Бушем, вызывая даже в нем чувство гадливости.

Президент США «ощущал некоторый дискомфорт» от столь унизительной формы доклада Б. Ельцин о содеянном. Удивительно, но никто из присутствующих при этом докладе никакого «дискомфорта» не ощутил. По крайней мере в своих воспоминаниях и многочисленных интервью об этом ни слова. Ельцин знал, кому нужно было звонить в первую очередь: не в Париж или Пекин и даже не в Москву, а именно в Вашингтон, тому, кто больше всех был заинтересован в гибели СССР и кому выражал (словно главному координатору заговора) свою преданность, стремясь одновременно заручиться его поддержкой в случае непредвиденного осложнения обстановки.

После докладов в Вашингтон и Москву состоялся праздничный обед, во время которого Ельцин, ободренный словами Буша, довел себя до такой кондиции, что ни о какой пресс-конференции, назначенной на 17 часов, не могло быть и речи. Она состоялась только в два часа ночи (причем Ельцина не сразу привели в чувство). Потом банкет, где Ельцин вновь быстро «дошел до кондиции», упал на ковер и облевался»[1].

Процедуру подписания исторического документа хорошо описал секретарь Союза писателей России Николай Иванов:

«...Ошалевших от важности и невероятности события журналистов ошалевшие же от собственной значимости клерки двух президентов и Председателя Верховного Совета Белоруссии впустили в павильон минут за пять до начала церемонии подписания. Единственная просьба в форме приказа — никаких вопросов Ельцину. Подписанты речей не произносили — ни перед кем: разработчики документов находились за спиной руководителей, а пятеро журналистов — не та аудитория. В гробовом молчании подписали бумаги. Все эти годы говорили, что под договором о распаде СССР стоят три подписи. На самом деле их шесть: свои автографы поставили также госсекретарь Российской Федерации Г. Бурбулис, Председатель Совета Министров Белоруссии В. Кебич и премьер Украины В. Фокин.

«Время! Засек ли кто-нибудь, когда подписали договор?» — засуетились через несколько минут в холле. По журналистской привычке фиксировать события, время отметил только Юрий Дроздов — 14 часов 17 минут. По иронии судьбы на циферблате его часов была символика СССР.

Юрий Иванов, помня об обещании не задавать вопросов Ельцину, попросил руководителей делегаций стать вместе хотя бы

---

[1] *А. Шутов.* На руинах великой державы, или агония власти. М.: «Вече», 2004. С. 44.

для совместного фотоснимка. Борис Николаевич буквально сграбастал Кравчука и Шушкевича, прижал к себе. Первый и последний снимок трех лидеров — больше они уже вместе не собирались. В идее Содружества Независимых Государств независимости оказалось больше, чем содружества.

В павильоне засуетились официанты с подносами с шампанским, а Сергей Балюк и Евгения Патейчук заторопились из душного и тесного зала на свежий воздух. Падал снежок, надвигались сумерки, особенно ранние в лесу. «Ну что, Сергей Сергеевич, натворили мы с вами дел?» — вздохнула машинистка»[1].

А теперь о позиции Н. Назарбаева, который, судя по докладу Б. Ельцина Дж. Бушу, «…полностью поддержал их действия и намерен сам подписать соглашение как можно скорее». В беседе с главными редакторами московских газет, состоявшейся 15 апреля 1995 года, он, в частности, сказал:

«Горбачев пригласил нас, глав союзных республик, на 9 декабря — обменяться мнениями, по поводу нового Союзного договора. А 6 декабря мне в Алма-Ату позвонил Ельцин и говорит: «Лечу в Белоруссию, к Шушкевичу, пригласил туда и Кравчука, надо подготовиться к встрече с Горбачевым, договориться о будущем Союзе Суверенных Государств». Просто уведомил меня, но в Минск не пригласил. 8 декабря я вылетел в Москву. Прибыл во Внуково вечером, и тут мне говорят: «Вас ищет Ельцин, ищет Руцкой, ищет Шушкевич, ищет Горбачев». Что такое? Не пойму — вдруг я всем понадобился! Прямо в аэропорт звонят из Минска. Беру трубку — говорит Кебич, хороший мой знакомый, добрый мужик: «Мне поручено тебя встретить. Скорее приезжай!» Я не понимаю: «Подожди! Кто меня приглашает?» — «Да вот Борис Николаевич...» Трубку взял Шушкевич: «Мы тут документ один подписали, реализовали вашу старую идею».

Дело в том, что еще в декабре 1990 года мы вчетвером — Ельцин, Кравчук, Шушкевич и я — подготовили четырехсторонний меморандум о том, что мы, четыре союзные республики, создаем Союз Суверенных Государств, признаем Горбачева его президентом и приглашаем всех остальных к нам присоединиться. Тогда это не прошло. Горбачев прочитал меморандум, запротестовал, но вскоре запустил Новоогаревский процесс. То есть мы его подтолкнули к идее подписания нового Союзного договора.

И вот теперь они из Минска мне об этом напомнили. Трубку взял Ельцин: «Нурсултан Абишевич, мы реализовали вашу идею, составили соглашение, все его подписали, для вашей подписи место оставлено, прилетайте скорее!» Я что-то засомневался: «Что

[1] «Век», № 40, 12—19 октября, 2001.

вы там подписали? Прочитайте текст!» Ельцин говорит: «Я не могу, вот пусть Шушкевич...» Шушкевич заплетающимся языком читал, читал... Я прослушал и спрашиваю: «Вы что, создали новое государство? Советского Союза больше нет?» «Ну вроде бы так», — отвечают. Я говорю: «Позовите Кравчука!» Очень тяжело мне было их понимать, не слишком связно говорили. Кравчук взял трубку, голос у него был пободрее. «Мы тут судили-рядили, выхода другого нет, Украина иначе не может, я тебе звонил, пытался пригласить, в общем, прилетай и подписывай!» Тут я еще сильнее засомневался и говорю: «Во-первых, вы могли бы еще позавчера меня об этом предупредить. А во-вторых, я один, без согласия своего парламента и правительства, ничего подписать не могу! Вы у Горбачева будете завтра? Там и поговорим». Кравчук отвечает: «Нет, я к Горбачеву не поеду, Шушкевич тоже не собирается, мы поручили Ельцину доложить о принятом решении». Вот так»[1].

Не до конца искренен и Нурсултан Абишевич. Человек Востока, он вел тонкую игру. Прежде чем ответить категоричным отказом прилететь в Минск, он успел посоветоваться с Горбачевым. По крайней мере, сам Горбачев об этом как-то обмолвился:

«В тот день в Москву по договоренности прилетел Назарбаев. Узнав о событиях в Минске, стал советоваться со мной, сказал, что его туда приглашают. Я поинтересовался. Что он сам думает. Видел: оскорбился случившимся. И вместе с тем почувствовал, что, если бы его позвали раньше, и он бы поехал. Наверное, это было бы лучше. Хотя трудно предугадать.

Свое официальное отношение к Беловежскому соглашению я выразил в заявлении Президента СССР, опубликованном 10 декабря. В нем подчеркивалось: Судьба многонационального государства не может быть определена волей руководителей трех республик. Вопрос этот должен решиться только конституционным путем с участием всех суверенных государств и с учетом воли их народов»[2].

Не беззубым заявлением должен был отделаться президент страны, а хотя бы воспользоваться советами своих ближайших помощников, предлагавших ему власть употребить. Так, Г.Х. Шахназаров, готовивший материалы совещания у Горбачева, состоявшегося на следующий день после Беловежской встречи, пишет:

«Горбачев просил подготовить выступление, в котором должны быть проставлены все точки над «i», прямо и без обиняков сказано о роли Кравчука и других участников минских соглашений.

---

[1] «Общая газета», 1995, 27 апреля — 3 мая.

[2] Цит. по: *В. Андриянов, А. Черняк.* Одинокий царь в Кремле. М.: «Правда», 1999. С. 414.

9-го перед встречами с Ельциным и Назарбаевым он позвонил и спросил: «Что будем делать?» Я сказал, что подготовил текст его заявления, которое завершается предложением созвать Съезд народных депутатов СССР и там предложить провести референдум. Одновременно я подготовил проект заявления Президента, дезавуирующего минские документы. Горбачев согласился.

С 12 часов он встречался сначала с Ельциным и Назарбаевым, затем с Муталибовым, Набиевым. Сообщил мне перед этим, что среднеазиатские лидеры просили Назарбаева вернуться домой, а сами приняли решение в Москву не приезжать»[1].

Из воспоминаний А. Грачева:

«9 декабря сразу после приезда президента в Кремль я вошел к нему в кабинет. Он полностью владел собой, был мобилизован и бодр. Горбачев ждал намеченную на 12 часов встречу с Ельциным и уже прилетевшим в Москву Назарбаевым. Мы обменялись мнениями по поводу произошедшего в Беловежской Пуще. Горбачев наступательно сказал мне:

— Пусть объяснят это всей стране, миру и мне. Я уже говорил с Назарбаевым — тот возмущен и тоже ждет объяснений от Ельцина. Должен прибыть к 12 часам, как и было условлено.

— А как Ельцин? — поинтересовался я.

— Обещал прийти, но потом перезвонил и сказал, что опасается за свою безопасность. Боится, что его здесь арестуют. Я ему: «Ты что, с ума сошел?» А он: «Может, не я, а кто-то еще». В общем, кажется, я его убедил, и он сейчас будет...»[2].

Удельные князья сговорились между собой развалить СССР ради удовлетворения своих политических амбиций, а Президент СССР Горбачев ограничился лишь заявлением, не проявив политической воли. А ведь у него была такая опора, как мартовский референдум, воля народа. Вместо того, чтобы арестовать беловежских «заговорщиков», он чуть ли не со слезами на глазах заискивает на встрече с Ельциным, начинает его упрекать, стыдить.

Из воспоминаний Н.А. Назарбаева:

«...Я пришел к Горбачеву. Через пять минут входит Ельцин. Смотреть на него было тяжело. Мне позднее Кравчук рассказывал: они там, в Беловежской Пуще, каждый абзац документа отдельно отмечали — а было в нем две с половиной страницы.

Хмурый Ельцин сел напротив Горбачева и доложил ему об упразднении Союза: мол, Кравчук иначе не соглашался. А Горбачев спрашивает: «Что теперь будет со стратегическими вооруженными силами? Что будет с гражданством? Что будет с границами?

---

[1] Цит. по: Сборник: «Белая книга», М.: «АСТ», 2007. С. 464—465.

[2] Там же. С. 465.

Что будет с остальными союзными республиками?» Ельцин рассердился: «Это что, допрос?» Горбачев смягчился: «Да ладно, садись. Но ты мне скажи, что завтра людям говорить?» Ельцин в ответ: «Я скажу, что займу ваше место». И так — сорок минут перебранки, мне даже стыдно стало присутствовать при этом...»[1].

Более красочно описывает это совещание у М.С. Горбачева Л.М. Кравчук, правда, со слов Б.Н. Ельцина:

«У меня состоялся телефонный разговор с Борисом Николаевичем после его встречи с Горбачевым, которая продолжалась два с половиной часа. Он рассказал, какой между ними вёлся сложный и удручающий диалог, и подчеркнул: «Леонид Макарович, никогда и ни с кем не хотел бы я больше иметь подобного разговора».

Туго ему пришлось. Назарбаев, то ли обидевшись, то ли по другой какой-то причине, занял выжидательную позицию, а Горбачев, поддерживаемый своими сторонниками, обрушился на Ельцина.

Ну вот, представьте себе, сидят приглашенные. Поднимается Михаил Сергеевич и говорит: «Товарищи, мы еще живем и работаем в Союзе. Вот мне тут передали материалы встречи Ельцина, Кравчука и Шушкевича в Беловежской Пуще. Любопытные, должен сказать, материалы. Оказывается, Союза, уже нет. Но он ведь есть. И никто не давал права от имени народа, как говорится, за закрытыми дверьми, даже не поставив в известность Президента Союза, пересматривать нашу историю, навязывать нам свою волю. Этот документ не имеет никакой юридической силы. На что вы рассчитывали?»

Встает Ельцин: «Михаил Сергеевич, ну зачем вы так? Этот документ законный. И если Россия, Украина и Беларусь приняли решение выйти из Союза, то с этим необходимо считаться». «Нет, подождите, Борис Николаевич! — возражает Горбачев. — Союзный договор в свое время подписывали все республики. А вы даже не удосужились проинформировать всех нас о своей затее! Если каждый будет делать все, что ему в голову взбредет, — далеко мы зайдем, знаете. Очень далеко. Где тут подпись, Назарбаева? Он еще ее не поставил. А где подпись Каримова? Подпись Акаева? Подпись Снегура? Где? Давайте не будем очередной ГКЧП устраивать...»

И пошло и поехало...»[2]

А поехало все в сторону признания Горбачевым Беловежских соглашений, которые, сразу же после ухода Ельцина и Назарбаева из его кабинета, будут оценены в качестве «инициативы». Свидетельствует А. Грачев:

---

[1] Цит. по: Сборник: «Белая книга», М.: «АСТ», 2007. С. 465—466.

[2] «Киевские ведомости», 1994, 27 апреля.

«Зайдя к Горбачеву сразу после выхода Назарбаева и Ельцина из кабинета, я застал его в задумчивости.

— Что мне сказать прессе, Михаил Сергеевич? Там уже целая толпа журналистов.

Горбачев, тщательно подбирая слова, начал диктовать сообщение для печати:

— Скажи, что на встрече Президента СССР с Ельциным и Назарбаевым была выслушана и подробно обсуждена информация Президента России о встрече в Бресте. Были заданы многочисленные вопросы с целью прояснения различных аспектов достигнутых там договоренностей. Условились, что инициатива лидеров трех республик (Горбачев сделал ударение на слове «инициатива») будет разослана Президентом СССР в парламенты остальных республик для рассмотрения одновременно с начавшимся изучением разосланного ранее проекта Союзного договора...

Выплеснув на меня лишь малую часть своих эмоций по поводу встречи в белорусской глуши и ее участников, благосклонно улыбнувшись родившейся шутке — «Без Мишки в лесу», — Горбачев сказал, что, видимо, в течение дня сделает свое официальное заявление. Оно было опубликовано на следующий день».

9 декабря М.С. Горбачев выступил с Заявлением в связи с Соглашением глав трех государств о создании СНГ, в котором фактически признал легитимность этого документа:

«8 декабря 1991 года в Минске руководители Беларуси, РСФСР и Украины заключили соглашение о создании Содружества Независимых Государств.

Для меня, как Президента страны, главным критерием оценки этого документа является то, насколько он отвечает интересам безопасности граждан, задачам преодоления нынешнего кризиса, сохранения государственности и продолжения демократических преобразований.

Это соглашение имеет позитивные моменты. Участие в нем приняло украинское руководство, которое в последнее время не проявляло активности в договорном процессе. В документе подчеркивается необходимость создания единого экономического пространства, функционирующего на согласованных принципах, при единой валюте и финансово-банковской системе. Выражается готовность к сотрудничеству в области науки, образования, культуры и других сферах. Предлагается определенная формула взаимодействия в военно-стратегической области.

Однако это документ такого значения, он настолько глубоко затрагивает интересы народов нашей страны, всего мирового сообщества, что требует всесторонней политической и правовой оценки.

В любом случае для меня очевидно следующее. Соглашение прямо объявляет о прекращении существования Союза ССР. Безусловно, каждая республика имеет право выхода из Союза, но судьба многонационального государства не может быть определена волей руководителей трех республик. Вопрос этот должен решаться только конституционным путем с участием всех суверенных государств и учетом воли их народов. Неправомерно и опасно также заявление о прекращении действия общесоюзных правовых норм, что может лишь усилить хаос и анархию в обществе.

Вызывает недоумение скоропалительность появления документа. Он не был обсужден ни населением, ни Верховными Советами республик, от имени которых подписан. Тем более это произошло в тот момент, когда в парламентах республик обсуждается проект Договора о Союзе Суверенных Государств, разработанный Государственным Советом СССР.

В создавшейся ситуации, по моему глубокому убеждению, необходимо, чтобы все Верховные Советы республик и Верховный Совет СССР обсудил и как проект Договора о Союзе Суверенных Государств, так и соглашение, заключенное в Минске. Поскольку в соглашении предлагается иная формула государственности, что является компетенцией Съезда народных депутатов СССР, необходимо созвать такой Съезд. Кроме того, я бы не исключал и проведение всенародного референдума (плебисцита) по этому вопросу.

М. Горбачев»[1].

Парламентарии союзных республик восприняли Заявление Горбачева в качестве отмашки на признание Беловежского Соглашения. Уже на второй день после Заявления Горбачева Верховный Совет Республики Беларусь ратифицировал Соглашение о создании СНГ и принял постановления о денонсации Договора 1922 года об образовании СССР. Против Беловежских соглашений проголосовал один депутат — Александр Лукашенко[2].

В этот же день Верховный Совет Украины ратифицировал Беловежское Соглашение. Против проголосовало три депутата[3]. Выступая на четвертой сессии ВС Украины, президент Л. Кравчук в резкой форме обрушился против Центра и лично Горбачева, против обвинений в развале Союза.

11 декабря Киргизия и Армения заявили о присоединении к СНГ.

---

[1] «Известия», 1991, 10 декабря.

[2] «Наш современник», 1995, № 12. С. 142.

[3] Там же.

12 декабря газета «Советская Белоруссия» поместила статью Л. Федорова «Союз умер — да здравствует Сотрудничество», в которой, в частности, говорилось, что под Новоогаревский процесс были заложены две мощные мины. Прежде всего неудавшийся августовский путч.

«А второй миной, бабахнувшей в самый неподходящий момент, многие считают понятную психологически, но совершенно недопустимую политически послепутчевую линию «старшего брата», реакцию победившей российской демократии». Демарш России насчет возможных пограничных претензий к соседям, единоличная (без консультаций и уведомления других республик) «приватизация» ею бывшей общесоюзной собственности, в том числе Гознака, Гохрана, науки, оборонного комплекса, и т.д. Жесткая экономическая политика России. Отсюда — опасения других республик в отношении нового диктата Кремля и Старой площади. «В суверенных ныне столицах были просто шокированы столь откровенной демонстрацией российской великодержавности. Разве можно было в таких условиях ждать иных результатов референдума на Украине?»

12 декабря Верховные Советы Беларуси и РСФСР приняли решение об отзыве своих представителей из Верховного Совета СССР, с уходом которых Советский парламент утратил свою легитимность.

Наконец, в этот же день Верховный Совет РСФСР принял постановление о денонсации договора об образовании СССР и о ратификации Соглашения о создании Содружества Независимых государств, которые приводятся ниже.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ВЕРХОВНОГО СОВЕТА РСФСР О ДЕНОНСАЦИИ ДОГОВОРА ОБ ОБРАЗОВАНИИ СССР

Руководствуясь Декларацией о государственном суверенитете РСФСР и в соответствии с пунктом 15 статьи 109 Конституции (Основного Закона) РСФСР, Верховный Совет РСФСР постановляет:

Денонсировать Договор об образовании Союза Советских Социалистических Республик, утвержденный I Съездом Советов СССР 30 декабря 1922 года в городе Москве.

Председатель Верховного Совета РСФСР *Р.И.Хасбулатов.*

Москва, Дом Советов РСФСР. 12 декабря 1991 года.

«Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР», № 51, 19 декабря 1991 года, с. 2050.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ВЕРХОВНОГО СОВЕТА РСФСР О РАТИФИКАЦИИ СОГЛАШЕНИЯ О СОЗДАНИИ СОДРУЖЕСТВА НЕЗАВИСИМЫХ ГОСУДАРСТВ

Верховный Совет Российской Советской Федеративной Социалистической Республики, руководствуясь пунктом 15 статьи 109 Конституции (Основного Закона) РСФСР, постановляет:

1. Ратифицировать Соглашение между Республикой Беларусью, Российской Федерацией (РСФСР) и Украиной о создании Содружества Независимых Государств, подписанное в г. Минске 8 декабря 1991 года.

2. В целях создания условий, необходимых для реализации статьи 11 названного Соглашения, установить, что на территории РСФСР до принятия соответствующих законодательных актов РСФСР нормы бывшего Союза ССР применяются в части, не противоречащей Конституции РСФСР, законодательству РСФСР и настоящему Соглашению,

3. Президиуму Верховного Совета РСФСР во взаимодействии с Президентом РСФСР и Правительством РСФСР обеспечить представление Верховному Совету РСФСР проектов нормативных актов, вытекающих из положений Соглашения о создании Содружества Независимых Государств.

Верховный Совет РСФСР обращается ко всем государствам — бывшим союзным республикам СССР, независимо от их национальных, религиозных и иных различий, разделяющим идеи Соглашения, с предложением присоединиться к Содружеству Независимых Государств для взаимовыгодного сотрудничества в интересах всех народов.

Председатель Верховного Совета РСФСР *Р.И. Хасбулатов*.

Москва, Дом Советов РСФСР, 12 декабря 1991 года.

«Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР», № 51, 19 декабря 1991 года, с. 2050.

Документ был ратифицирован практически без обсуждения. На все выступления был отведен один час. Некоторые депутаты возражали против такого режима работы и требовали созвать Съезд для ратификации Соглашения.

Результаты голосования: из 201 человека (81,4%) «за» голосовало 188 человек (76,1%), воздержались — 7 человек (2,8%), «против» — 6 человек (2,4%): Бабурин С.Н., Исаков В.Б., Константинов И.В., Полозков С.А., Лысов П.А. и Павлов Н.А.

Четвертая сессия Верховного Совета РСФСР.

Бюллетень № 21. 12 декабря 1991 года, с. 17, 20, 47—48.

Лишь один депутат — С.Н. Бабурин — публично осудил преступление, совершенное в Беловежье. Он жестко и аргументировано разгромил Соглашение, назвав его «позорным Брестским миром». В целом весь состав Верховного Совета проявил удивительное равнодушие к судьбе Отечества, привычку всегда и во всем повиноваться воли властей, как и ныне действует думское большинство. Председатель Верховного Совета РСФСР Р. Хасбулатов, в тот момент верно служивший Б. Ельцину, торопил депутатов быстрее решить вопрос. Трудно согласиться с мнением о том, что «в случае попытки выступить против заговора» Хасбулатов оказался бы «в полном одиночестве, и потому, словно против своей воли «Нехотя призвал депутатов ратифицировать договор о СНГ»[1]. Хасбулатов отвел на ратификацию Беловежских соглашений всего один час. Однако уложились досрочно: противозаконный документ, практически без обсуждения, под овации, был «проштампован» за двадцать минут. Запоздалая попытка генерала В. И. Варенникова объяснить в 1996 году ратификацию документа тем, «что депутаты были введены в заблуждение руководством этого Верховного Совета» представляется малоубедительным аргументом[2]. Напомним читателям, что Герой Советского Союза, участник Парада Победы в 1945 году, генерал армии Валентин Иванович Варенников на этой сессии ВС РСФСР отсутствовал, поскольку находился в следственном изоляторе «Матросской тишины».

Мы подошли, таким образом, к загадке, которую очень многие политики не хотели бы предавать гласности, не говоря уже о ее разгадке. Дело не в том, что «12 декабря Верховный Совет РСФСР незаконно, поскольку полномочия на это имел только Съезд народных депутатов, принял решение о выходе России из состава СССР»[3]. Дело в другом.

Почему российский парламент, наполненный коммунистами (считая фракцию «Коммунисты России», и не только эту фракцию), так дружно поддержал Брестский мир-2? По аналогии с тем, что большевики поддержали Брестский мир-1 в 1918 году? Но тогда большевики, кстати, сначала сильно сопротивлялись идее Ленина о мире с Германией на столь грабительских для России условиях.

Дело ведь еще в том, что через пару месяцев, уже вначале 1992 года, российские парламентарии стали быстро дрейфовать в сторону противодействия исполнительной власти и прежде всего президенту Б. Ельцину. Вскоре Беловежское Соглашение было заклеймено как предательский акт, а через 4 года и 3 месяца поста-

---

[1] *Ю. Мареченков.* Руслан Хасбулатов. Политический портрет.

[2] Цит. по: *А. Шутов.* На руинах великой державы, или агония власти. М.: «Вече», 2004. С. 73—74.

[3] «Наш современник», 1995, № 12. С. 140.

новлением Государственной Думы было отменено постановление Верховного Совета РСФСР от 12 декабря 1991 года «О денонсации Договора об образовании СССР». Другим постановлением государственной Думы «О юридической силе для Российской Федерации — России результатов референдума СССР 17 марта 1991 года по вопросу сохранения Союза СССР» устанавливалась: «…3. Подтвердить, что Соглашения о создании Содружества Независимых Государств от 8 декабря 1991 года, подписанное Президентом РСФСР Б.Н. Ельциным и государственным секретарем РСФСР Г.Э. Бурбулисом и не утвержденное Съездом народных депутатов РСФСР — высшим органом государственной власти РСФСР, не имело и не имеет юридической силы в части, относящейся к прекращению существования Союза ССР» (Об этих решениях Государственной Думы разговор впереди).

Однако критики Соглашения предпочитали не уточнять, что такими предателями были не только Президент СССР, не принявший мер по аресту заговорщиков, не только три республиканских президента, его придумавших, но и депутаты российского парламента, дружно проголосовавшие за его ратификацию (равно как и депутаты парламентов Украины и Беларуси).

«Один из самых распространенных штампов оппозиционной идеологии — «беловежское похмелье», «распивали на троих». Но оказывается, что если следовать не партийным, а документальным фактам, то «распивавших» и «похмельных» — намного больше. Включая тех, кто ныне предпочитает считать только до трех»…[1] — так в 1995 году написал А.Руцкой.

Коммунистические вожди парламента и за его пределами, пусть даже временно потеряв ориентир после запрета компартии, не потеряли контроля над голосами членов фракции «коммунисты России», и не только их. Без сговора внутри фракции, без одобрения решения поддержать ратификацию, такой дружной поддержки в парламенте не получилось бы.

Если бы вообще Беловежское соглашение было ратифицировано. Ведь дружное разъяснение членами фракции «Коммунисты России» (а активно присоединились как минимум С. Бабурин и его окружение) другим парламентариям пагубности Соглашения могло привести к срыву ратификации. Руцкой писал о том, что коммуно-патриотическая оппозиция вообще имела большинство в парламенте и даже не нуждалась в привлечении других голосов, чтобы заблокировать ратификацию[2]. Нельзя не отметить позицию самого А. Руцкого, который резко обвинил «ком-

[1] «Наш современник». 1995. № 2. С. 141.

[2] Там же.

муно-патриотическую оппозицию» в предательстве лишь спустя 4 года после описываемых событий, когда он сам ушел в оппозицию президенту Б. Ельцину. А в декабре 1991 года его протестного голоса не было слышно, хотя он формально, а до избрания вице-президентом 12 июня этого года фактически, возглавлял им же созданную фракцию «Коммунисты России», дружно проголосовавшую за ратификацию Беловежского соглашения. Вот тогда его протестный голос был бы весьма весом и фракция безусловно пошла бы за своим лидером.

Нужно было только начать. В предлагаемом на ратификацию документе было слишком много вопросов, чтобы многие депутаты не могли их не заметить, если бы началось нормальное обсуждение. Понять это можно было. Но поступили совершенно по-другому.

Поскольку после октябрьского запрета деятельности компартии, она прочно ассоциируется с именем его будущего руководителя Г.Зюганова, то зачастую позорное поведение коммунистов при ратификации Беловежских соглашений также увязывается с его именем. Так, сам Горбачев публично заявлял о причастности Зюганова к одобрению Верховным Советом этих документов. На самом деле Зюганов был категорически против такого предложения. Он выступал на одном из крупных совещаний депутатов-коммунистов и призвал отвергнуть антиправовое решение, нарушившее действующую тогда советскую Конституцию[1]. Но тогда он еще не был ни руководителем КПРФ, ни членом парламента.

Однако, зададимся еще одним непростым вопросом. Как же реагировал народ на решение своей судьбы? Это даже не загадка, это феномен. «Народ безмолвствует» — именно этими словами заканчивается трагедия А.С.Пушкина «Борис Годунов». Один из бояр, участвовавший в убийстве наследников царя Бориса, сообщает это толпе и призывает поддержать нового царя. Но в пьесе народ молчит. Промолчал народ и в декабре 1991 года, молчит и по сегодняшний день.

«Распад СССР, являвшегося фактически геополитическим преемником Российской империи, русский народ воспринял, как всегда, инфантильно, надеясь, что ничего принципиально нельзя изменить, что все утрясется само собой, все как-то образуется»…[2] Этот ответ ничего не объясняет.

Можно лишь согласиться, что многие надеялись на то, что все действительно утрясется, образуется. Но почему они были так безразличны? Первое же объяснение, которое приходит на ум: народ

---

[1] *С. Кислицин, В.Крикунов, В. Кураев.* Геннадий Зюганов. Краснодар: «Флер-1». 1999. С. 78.

[2] *С. Кислицин, В. Крикунов, В. Кураев.* Геннадий Зюганов. Краснодар: «Флер-1». 1999. С. 78.

устал от потрясений, в 1991 году их было слишком много. Второе объяснение — люди все еще верили в своего кумира, первого президента Российской Федерации, который обещал через «500 дней» райские кущи западного образа жизни. А может все не так? Не настолько был в своей основной массе просвещен народ о «западном рае», находясь за «железным занавесом», чтобы своим молчанием приветствовать реставрацию капитализма, стыдливо скрываемую мудрыми демократами словесами о наступлении рыночной экономики. Но народ хорошо знал, что нельзя верить скоропалительным обещаниям о наступлении рая на земле, поскольку уже несколько «поколений советских людей жили при коммунизме», обещанном Н.С. Хрущевым на внеочередном XXII съезде КПСС.

Русский, а ныне советский, народ молчалив, это правда, но не в этом ли заключается его историческая мудрость? Народ, вынесший на своих плечах бесконечные тяготы самой смертоносной в истории человечества войны и понесший самые ужасные потери, спасая все человечество от коричневой чумы, может позволить себе, взирая на этот шабаш, молча думать — лишь бы не было войны! А что хотели вы, кто упрекает народ в безразличии, чтобы разразилась гражданская война по югославскому сценарию?! Народ, генофонд которого был истощен кровавым XX веком, думал о будущем. Еще одна война, а гражданские войны самые кровавые, и ни о каком будущем нации можно было уже вообще не заикаться. Народ не просто безмолвствовал, как и тот народ на московской площади в начале XVII века, он молча решал свалившуюся на него по воле безумствующих бояр (элиты) задачу — как пережить смутное время с наименьшими потерями своего генофонда. Будет жив русский народ — возродится и Государство Российское. Так было в истории уже не единожды, так будет и впредь. Гитлеры (Хрущевы, Горбачевы, Ельцины) приходят и уходят, а немецкий (русский) народ остается. Так, перефразируя слова великого И.В. Сталине, можно кратко ответить на вопрос об «инфантильности» и «безразличии» народа, «безмолвно взиравшего на шабаш «демократов» и примкнувших к ним «коммунистов», по кускам растаскивающих великую советскую империю.

Лишь 12 декабря, когда произошли необратимые процессы распада СССР, Горбачев решил собрать сессию Верховного Совета СССР. Из дневника В.А.Медведева:

«...Во второй половине дня предпринята попытка собрать сессию Верховного Совета Союза. Но законного статуса он уже не имеет, так как ряд республик отозвал своих депутатов. Это было просто собрание группы депутатов. В ряде выступлений (Самарин и др.) содержалась резкая критика в адрес Ельцина. В деловую струю пытался повернуть разговор Собчак — обсудить про-

блему правопреемственности, пролонгации союзного законодательства и т.д. Но это не получило поддержки»[1].

Да и поздно уже было, поскольку стремительно нарастал процесс дезинтеграции Союза в связи с признанием Союзными республиками СНГ.

13 декабря 1991 года. Информация, поступившая в канцелярию Президента: «Восточные республики присоединяются к «тройке», но только в качестве соучредителей. Армения и Азербайджан сделали это еще ранее. Снегур, избранный только что президентом Молдовы, объезжает столицы «тройки» с вероятным намерением присоединиться к ней, но вынужден прервать визит из-за кровавых столкновений в Дубоссарах. Молдаване, пользуясь моментом, атакуют Приднестровскую республику.

Кравчук объявил себя Верховным главнокомандующим с подчинением себе трех округов и Черноморского флота, оставив в центральном подчинении лишь стратегические войска. Выходит, тактическое ядерное оружие –в его руках. Это — прямое нарушение Беловежских соглашений о «сохранении и поддержании под объединенным командованием общего военно-стратегического пространства, включая единый контроль над ядерным оружием». Ельцин тоже готовится объявить себя Верховным главнокомандующим. В интервью Шапошникова при упоминании Верховного главнокомандующего фамилия Горбачева не упоминается»[2].

13 декабря в Ашхабаде состоялась встреча глав государств Средней Азии и Казахстана. Стороны в основном одобрили инициативу создания СНГ, однако подчеркнули, что должно быть обеспечено равное участие всех бывших республик Союза в процессе выработки документов и решений о новом формировании.

Из воспоминаний Н.А. Назарбаева:

«...Мы собрались у Ниязова в Ашхабаде, до трех часов утра обсуждали ситуацию: то ли мы не признаем упразднения Союза, а Горбачева признаем Президентом — но какой Союз без России? То ли создаем среднеазиатскую конфедерацию — это Ниязов предложил, но экономика-то у нас общая, армия единая, рубль один и тот же, 1150 боеголовок в Казахстане... Как же можно вставать в конфронтацию с Россией? Результат вы знаете: договор о создании СНГ все подписали, теперь расхлебываем»[3]. В интервью газете «Казахстанская правда» в связи с пятилетней годовщиной независимости Казахстана президент Н.А.Назарбаев сказал: «Беловежская встреча вызвала далеко не однозначную реакцию. Кое-

---

[1] Цит. по: Сборник: «Белая книга», М.: «АСТ», 2007. С. 481.

[2] Там же. С. 485—486.

[3] «Общая газета», 1995, 27 апреля — 3 мая.

кто стал эксплуатировать «жареную» идею славянского государственного образования и предлагать в противовес ему немедленно создать «туркестанскую конфедерацию». Страшно подумать, что бы случилось, пойди мы на поводу у подобных провокаторов, стремившихся разделить наши народы по этническому и конфессиональному признакам. Руководители пяти независимых государств, собравшиеся в Ашхабаде, категорически отвергли мысль о создании альтернативного блока, проявив разумный, взвешенный подход к нынешним реалиям. Было принято заявление, предварительные поправки и предложения к подписанному в Минске соглашению о СНГ. Главы государств Казахстана и Средней Азии подчеркнули, что с пониманием относятся к стремлению лидеров России, Украины и Беларуси создать на месте ранее бесправных республик независимые правовые государства, удовлетворены возвращением Украины в русло интеграционного процесса»[1].

16 декабря Верховный Совет Казахстана принял Закон «О государственной независимости республики».

17 декабря. Прекращение деятельности союзных структур. Российские власти взяли под контроль, т.е. попросту захватили, здание Верховного Совета СССР. Во второй половине дня Ельцин встречался с Горбачевым. Обсуждали вопрос о прекращении деятельности союзных структур. Уже переведены в российское подчинение службы охраны и правительственной связи.

В этот же день М.С. Горбачев встретился с руководителями палат Верховного Совета СССР, проинформировав их о своем послании главам государств — участникам встречи, которая намечена в Алма-Ате.

18 декабря М.С. Горбачев направил послание участникам встречи в Алма-Ате по созданию Содружества независимых государств:

«Уважаемые товарищи!

Перед встречей, которая определит, каковы будут отношения между новыми суверенными государствами и какое место они вместе и раздельно займут в мировом сообществе, хочу поделиться с вами некоторыми соображениями.

Полагаю, у меня есть на это право — и моральное, и политическое.

Ратификация соглашения о создании содружества независимых государств Верховными Советами РСФСР, Украины, Беларуси и готовность Казахстана, Кыргызстана, Таджикистана и Туркменистана войти в состав учредителей содружества коренным образом изменили ситуацию. Государственная форма жизни многочислен-

[1] Цит. по: Сборник: «Белая книга», М.: «АСТ», 2007. С. 487.

ных народов великой страны начинает свою новую историю. На ее территории образуются несколько независимых государств. На смену длительному и трудному историческому процессу формирования единой страны приходит процесс ее разъединения, расчленения. И он также не будет легким. Тут не должно быть никаких иллюзий. Очевидно, что общество еще не осознало, что это — поворот колоссального масштаба, затрагивающий основы жизни народов и граждан.

С самого начала перестройки мы шаг за шагом шли к тому, чтобы все республики обрели подлинную независимость. Но я все время настаивал на том, что нельзя допустить распада страны...

Пишу вам не для того, чтобы возвращаться к дискуссии на эту тему. Сейчас реальностью становится идея содружества независимых государств. И важно, жизненно важно, чтобы этот сложнейший процесс не усилил разрушительные тенденции, наметившиеся в обществе. Ведь для всех очевидно, что переход будет происходить в обстановке глубочайшего экономического, политического и межнационального кризиса, значительного снижения жизненного уровня.

Со всей серьезностью я отнесся к тому, что содержится в документах, принятых в Бресте и Ашхабаде, в ратификационных постановлениях Верховных Советов трех республик. Обдумывая свои соображения, я учитывал и общественную реакцию внутри и вне страны, вопросы, которые остались открытыми. Смысл соображений в том, чтобы очертить минимум положений, без которых содружество в современных условиях, как мне представляется, не сможет стать жизнеспособным.

Среди них, оговорюсь сразу, есть вещи очевидные, которые все вы признаете. Но я тоже не могу их не зафиксировать в своем послании».

Далее Горбачев приводит семь «соображений», которые должны были учесть участники встречи в Алма-Ате, в том числе «наиболее подходящее название для содружества»: «Содружество европейских и азиатских государств (СЕАГ). Свое послание заканчивает Президент СССР на «оптимистической ноте»: «Таковы мои самые общие соображения. Они продиктованы ответственностью за конечный успех великого дела, начатого в 1985 году»[1].

Навряд ли участники Алма-атинской встречи скрупулезно изучали послание пока еще действующего президента СССР, если никому из них не пришла в голову мысль пригласить его на «закрытие СССР». Для них он уже был «хромой уткой».

---

[1] «Правда». 1991. 20 декабря.

18 декабря Совет Республик Верховного Совета СССР в составе входящих в Него депутаций суверенных государств принял заявление, в котором выразил понимание соглашения Республики Беларусь, РСФСР и Украины о создании Содружества независимых государств, как реальной гарантии выхода из острейшего политического и экономического кризиса. Совет Республик выразил надежду на продолжение начатого процесса формирования и укрепления Содружества независимых государств, их правопреемственности. Отметил, что «переход от союзной государственности к Содружеству независимых государств, правопреемственность в деятельности Верховного Совета СССР и координирующих институтов содружества должны осуществляться только на правовой основе. Недопустимы антиконституционные действия по отношению к Верховному Совету СССР и Президенту СССР»[1].

19 декабря Б.Н. Ельцин объявил о прекращении деятельности МИДа СССР.

20 декабря Президиум Верховного Совета РСФСР принял постановление об упразднении Государственного банка СССР.

21 декабря в Алма-Ате состоялось совещание глав одиннадцати государств, бывших советских республик (не участвовали прибалтийские государства, Грузия была представлена наблюдателем). Совещание началось в 11.30 по местному времени в резиденции Президента Казахстана Н. Назарбаева. В 15.00 документы были отданы на распечатку. Торжественная церемония подписания открылась в 17.00 в столичном Доме Дружбы. Потом в резиденции Президента провели пресс-конференцию, на которой были оглашены документы, подписанные руководителями теперь уже стран СНГ:

— Алма-Атинская декларация;

— Протокол к Соглашению о создании Содружества Независимых Государств, подписанному 8 декабря 1991 года в г. Минске Республикой Беларусь, Российской Федерацией (РСФСР), Украиной;

— Протокол Совещания глав Независимых Государств;

— Решение Совета глав государств Содружества Независимых Государств;

— Соглашение о координационных институтах Содружества Независимых Государств;

— Соглашение о совместных мерах в отношении ядерного оружия;

— Соглашение о создании Содружества Независимых Государств, подписанное 8 декабря 1991 года в г. Минске Республикой

[1] «Правда». 1991. 19 декабря.

Беларусь, Российской Федерацией (РСФСР), Украиной, к которому присоединились восемь бывших Союзных республик;

23 декабря во время встречи М.С. Горбачева и Б.Н. Ельцина согласован документ о прекращении деятельности МЭК с 30 декабря. Обсуждены вопросы, связанные с прекращением деятельности других союзных структур.

24 декабря «Комсомольская правда» опубликовала интервью «с первым и последним Президентом СССР» (беседа состоялась 18 и 23декабря).

«У людей даже появилось ощущение, что это своеобразный переворот, только без танков». Однако «я не скажу, что это государственный переворот, я не пойду на это. Союз трансформируется в Содружество»[1].

24 декабря Ельцин вселился в кабинет Горбачева.

24 декабря 1991 года в 17.00 Советский Союз перестал быть членом ООН. Его место заняла Российская Федерация.

С 25 декабря Россия перестала быть советской и социалистической, оставшись просто Российской Федерацией в границах начала XVII века на Западе и начала XVIII-века на остальных рубежах. Хотя Б. Ельцин и писал впоследствии «…об отделении завоеванных и присоединенных частей», но это было не совсем так. Просто Борису Николаевичу нужно моральное оправдание, скорее всего, даже для себя.

Процесс создания российской державы шел гораздо более сложными путями, чем создание Британской или Французской империй. Совсем не мало стран и народов сами просились в состав все время расширяющейся России.

Да и границы РСФСР были явно не соответствующими ни истории, ни географии, ничему, кроме самоуправства коммунистических вождей, которые проводили эти границы как им заблагорассудится.

25 декабря Горбачев подписал Указ о сложении с себя полномочий Верховного Главнокомандующего Вооруженными Силами и передал чемоданчик с ядерной кнопкой Ельцину. Вечером этого же дня (19 часов) Горбачев выступил по телевидению с заявлением о своем уходе с поста Президента СССР. По окончании его выступления с флагштока над Большим Кремлевским дворцом, бывшим десятилетия символом сильнейшей державы мира, был спущен красный флаг СССР и поднят бело-сине-красный, никем не утвержденный российский флаг. Миллионы советских людей кто с грустью, кто с тревогой, ну а кто и с ликованием наблю-

[1] Сборник: «Белая книга», М.: «АСТ», 2007. С. 503.

дали трагический уход в небытие Союза Советских Социалистических Республик. Случилось это в 19 часов 38 минут московского времени 25 декабря 1991 года.

Однако формальности все же пытались соблюсти. 26 декабря 1991 года одна из двух палат Верховного Совета фактически уже бывшего СССР, которую, якобы, удалось собрать, — Совет Республик принял формальную декларацию о прекращении существования Союза Советских Социалистических Республик. На языке геополитики это называется катастрофой. На языке простых людей — трагедией миллионов.

«Крушение великой державы обернулось для ее народов драмой, масштабы которой трудно даже осознать. Миллионы людей лишились Родины, а есть ли что-либо более ценное для нравственного человека? Оказались разорванными не только экономические и культурные связи, но и связи семейные, дружеские. Родители и дети оказались по разные стороны границ, вчерашние соседи принялись, хватаясь за ружья, делить некогда общую землю, кто-то из них стал «хозяином страны», а кто-то приживалом, человеком «второго сорта», лишенным элементарных гражданских прав. Полились кровь, слезы, дороги заполнили беженцы… Страдал человек, тот самый простой советский человек, во имя счастья и лучшей доли которого заявил в 1985 г. о перестройке с трибуны партийного Пленума седьмой в истории страны лидер, только что сложивший с себя полномочия первого и последнего президента СССР. Уходя, он объявил своим главным историческим достижением «мирный (?) демонтаж тоталитарного государства» (видимо кровавые столкновения на национальной почве не в счет)»[1].

Кто виноват в этой трагедии? Ответить на этот вопрос и просто, и сложно. В начале горбачевской перестройки был такой, широко раздутый рекламой, кинофильм «Покаяние». Тема покаяния, ответственности за развал страны невольно сквозит также у многих главных действующих лиц этой драмы. Так, Б.Н.Ельцин писал:

«Я понимал, что меня будут обвинять в том, что я свожу счеты с Горбачевым. Что сепаратное соглашение — лишь средство устранения его от власти. Я знал, что теперь эти обвинения будут звучать на протяжении всей моей жизни. Поэтому решение было вдвойне тяжелым. Помимо политической ответственности, предстояло принять еще и моральную»[2].

---

[1] История современной России / Под ред. В.В.Журавлева. М.: «Терра». 1995. С. 139.
[2] *Б. Ельцин.* Записки президента. М.: «Огонек». 1994. С. 151.

Позже, в июне 1995 года, он так прокомментировал причины распада СССР:

«Последний шанс сохранить Союз исчез после того, как Украина на референдуме проголосовала за выход из него… После путча союзная власть фактически оказалась в коме, утратила способность управлять страной, потеряла контроль за происходящим. И это обернулось прежде всего против России. Ведь самая крупная, самая могучая республика Союза имела наименее развитую государственность.

Это был самый драматичный период. Впереди зима, нет запаса валюты, почти исчерпан золотой запас — ведь нам оставили одни долги. Союзные чиновники разбежались в коммерческие структуры, которые они уже успели для себя насоздавать. Даже дозвониться в то или иное союзное ведомство стало проблемой — некому взять трубку.

Выбора не было, нужно было формировать, максимально ускорять строительство российской государственности, иначе анархия, развал. Но здесь уже ни о каком разграничении полномочий не могло быть и речи. С кем разграничивать»? [1]

Не правда ли, что это звучит как оправдание? А когда оправдываешься, в душе обычно чувствуешь себя виноватым. Как всегда витиевато, но заговорил о покаянии даже Г. Бурбулис, который в интервью «Общей газете» в декабре 1996 года сказал:

«Беда в том, что не сложилась вдумчивая ежедневная работа по наполнению идеи содружества практическим содержанием. А там, где что-то делалось, делалось корыстно и весьма пристрастно. И пришлось года два с половиной переболеть наивностью суверенного самочувствия. Только потом начали понимать, что есть непреодолимые никаким политическим пафосом жизненные обстоятельства и обязательства, соединяющие нас изнутри. Это большая боль для меня. Нет, удовлетворенности никакой нет. Есть сожаление об упущенном шансе»[2].

Но Б.Н.Ельцин так и не был осужден. В отличие от ГКЧП, здесь даже формально не было проведено расследование, поскольку у нас судят не тех, кто у власти, а тех, кто эту власть потерял.

В то же время, противозаконность Беловежских соглашений настолько очевидна, что иное определение к ним просто не применимо. Не случайно, во время заседания Госдумы 15 марта 1996 года, на котором обсуждали вопрос о денонсации Беловеж-

---

[1] «Известия». 10.06.1995. С. 1—2.

[2] Цит. по: Сборник: «Белая книга». М.: «АСТ». 2007. С. 458.

ских соглашений (об отмене постановления Верховного Совета РСФСР от 12 декабря 1991 г.), раздавались голоса о привлечении к ответственности по статье 64 УК РСФСР лиц, причастных к подготовке Беловежских документов, а депутат В.Жириновский символически потрясал наручниками для виновников гибели СССР.

Б.Ельцин, подписав Соглашение в Беловежье об уничтожении СССР, преступно нарушил Конституцию СССР и РСФСР, Союзный договор 1922 года, принятые законы о порядке выхода республик из Союза, фактически совершил государственный переворот. Беловежский документ не был осужден ни гражданами России, ни Верховным Советом, от имени которого подписан. Не был проведен референдум. За развал СССР могло быть лишь одно решение — отстранение Ельцина от должности Президента России. Но, к сожалению, этого не произошло, поскольку, в то время всеобщее недовольство было направлено на Горбачева. Нередко задают вопрос: «Есть ли разница в позициях Горбачева и Ельцина по проблемам союзной государственности»? На этот вопрос дает ответ сам Горбачев. В интервью Эн-Би-Си и «Независимой газете» 11 декабря 1991 года он говорил:

«Мы с Ельциным сотрудничали… и в плане направленности, видения перспектив у нас принципиальных расхождений с ним нет, в методах, способах решения задач — есть».

Горбачев и Ельцин вели борьбу с так называемыми консервативными силами, открыв простор для антикоммунизма и национал-сепаратизма.

«Между тем «консерваторы», — писал Е. Лигачев, — выступали за обновление советской Федерации, а не ее демонтаж.

Каковы последствия разрушительной деятельности Ельцина и его окружения? Развал СССР. Так называемые реформы погрузили Россию, десятки миллионов граждан в нищету и бесправие, вызвали гибель сотен тысяч людей, горе и страдания трудового народа. Нанесен удар по новой уникальной цивилизации, сформировавшейся в Советском Союзе, — социалистическому содружеству. Не только советские народы, но и мировое сообщество в целом совершают огромный зигзаг в своей истории.

Нынешние правители пытаются навязать мысль о том, что якобы Советский Союз был империей, и потому развал страны был неизбежен. В Советском Союзе не было ни господствующей, ни угнетенной нации. Это и понятно. Что могло быть у Советского Союза общего с империей, если Советская власть, Коммунистическая партия сохранили все 130 национальностей, населяющих нашу страну, многие из них получили впервые письменность и го-

сударственность. Между тем в США от коренного населения остались скальпы и резервации»[1].

С принятием Беловежских соглашений закончилась «историческая» миссия Горбачева, как разрушителя: эстафета для продолжения «перестройки» полностью перешла к Б.Ельцину. Слов нет, без Горбачева не было бы и Ельцина. Именно Горбачев расчистил почву, подготовил плацдарм для его «деяний». «Без подготовительной работы Горбачева, — отмечает профессор Фроянов, — не было бы никаких последующих либерально-демократических реформ, проводимых Ельциным, не было бы никакой форсированной с 1994 года перестройки России на капиталистический лад. Следовательно, Горбачев и Ельцин стоят друг другу не в оппозиции, а в преемственности»[2]. Профессор Фроянов дает верное видение сущности и роли Горбачева в развале СССР, отметивший инерционную силу представлений о нем, «который, якобы, не справился с обязанностями лидера партии и главы государства» и «в результате неразумности» погубил и партию и СССР. На самом деле «действия Горбачева по отношению к КПСС станут понятными и объяснимыми, если видеть в нем не лидера, а ликвидатора партии». Только в этом случае «будет ясно, что он не ускорил падение партии», а под видом реформирования «устроил это падение».

И он блестяще справился с этой задачей. В 1992 году, выступая в Конгрессе США, Горбачев подвел итог содеянному:

«Мир может вздохнуть спокойно. Идол коммунизма, распространявший повсеместно социальное напряжение, враждебность и не сравнимую ни с чем жестокость, вселявший в человечество страх, рухнул»[3].

Разрушительная работа, которую проделал Горбачев, была не только продолжена Ельциным, но и щедро оплачена, поскольку после развала СССР встал вопрос о содержании первого и последнего в истории этого государства президента. «Список претензий Горбачева — его «отступная», изложенная на нескольких страницах, был огромен. И практически весь список состоял из материальных требований. Пенсия в размере президентского оклада с последующей индексацией, президентская квартира, машина для жены и для себя, но главное — Фонд. Большое здание в центре Москвы, бывшая Академия общественных наук, транспорт, оборудование. Охрана. Психологически его расчет был

---

[1] Цит. по: *В. Андриянов, А. Черняк*. Одинокий царь в Кремле. М.: «Правда», 1999. С. 428.

[2] *И. Фроянов*. Погружение в бездну. М.: «Алгоритм». 2002. С. 416.

[3] Там же. С. 102.

очень прост: раз вы так хотите от меня избавиться, тогда извольте раскошелиться»[1].

Вопрос о содержании М.Горбачева и его семьи специально обсуждался на Совете глав государств СНГ. Все бывшие Союзные республики от содержания экс-президента дружно отказались, свалив все на Российскую Федерацию. Все, что запросил Горбачев, Ельцин ему дал, хотя руководитель его охраны А.Коржаков писал, что: «Шеф постоянно старался в чем-нибудь урезать предшественника… Борис Николаевич подписал указ, согласно которому комплекс зданий на Ленинградском проспекте переходил в ведение Фонда Горбачева. Ельцин явно не представлял в тот момент истинных размеров этого комплекса… Когда через некоторое время Горбачев начал «показывать зубы» — выступать с критикой Ельцина, то шеф одним распоряжением сократил ему количество помещений и оставил ровно столько, сколько необходимо для деятельности фонда»[2].

1991 год будет, безусловно, отмечен в анналах русской истории, как один из самых трагических. По разрушительности последствий, происшедших в этот короткий период событий для судеб страны и народа, он может быть сравнен с 1237-1238 годами, когда обрушившаяся на Русь татаро-монгольская орда уничтожила политическую независимость русских княжеств, ополовинила население и оставила на месте процветающих городов и сел дымящиеся пепелища.

Как писал Н.С.Леонов: «Особенность нашей национальной катастрофы 1991 г. состоит в том, что огромное государство рухнуло без воздействия каких-либо мощных внешних сил, не было войны, опустошительных географических или биологических катастроф, внутренних взрывов и гражданских войн. Государство исчезло даже не в момент смерти всемогущего тирана — диктатора, доселе силой державшего в узде обширную страну и многочисленные народы. Исследователи нашей истории будут долго ломать голову над истинными причинами распада СССР и, возможно, так и не найдут однозначного ответа. Мы, свидетели и очевидцы этого всемирного геополитического катаклизма, первыми стали задавать себе вопрос: был ли распад СССР исторически детерминирован, предопределен, а следовательно, объективно неотвратим, или же исторически сложившееся государство в границах Российской империи, затем СССР, пало в результате действия

---

[1] *Б. Ельцин*. Записки президента. М.: «Огонек». 1994. С. 159.

[2] *А. Коржаков.* Борис Ельцин: от рассвета до заката. М.: «Интербрук». 1997. С. 129—130.

субъективных факторов, т.е. действия лиц, которые оказались в тот момент во главе государства и в верхнем эшелоне власти в Центре и на местах?»[1]

Поставив так вопрос о причинах падения Советского Союза, генерал-лейтенант госбезопасности Н. Леонов, возможно сам того не осознавая, дает нам в руки «нить Ариадны», чтобы в потемках и закоулках новейшей российской истории нащупать ответ на него, поскольку относит нас к памятным событиям середины 50-х годов прошлого столетия. То есть, к заключительному этапу XX съезда КПСС, когда на трибуну поднялся Н.С.Хрущев, чтобы озвучить «закрытый» доклад о культе личности Сталина и его последствиях. Не будем судить строго блестящего аналитика, мимоходом лягнувшего «всемогущего тирана-диктатора», ибо, будучи патриотом России, Н.Леонов, тем не менее, остался ярым антисталинистом. Бог ему судья.

А вот то, что мина под фундамент великой империи была заложена еще более ярым антисталинистом Н.С. Хрущевым через три года с момента смерти Сталина, державшего, согласно Н. Леонову, «в узде обширную страну и многочисленные народы» — это в точку. В разделе 6.1. «Причины появления «закрытого доклада на XX съезде КПСС и его трагические последствия» моей книги «Культ личности. Истоки, генезис, персоналии» подробно анализируется исторически феноменальный факт, когда, сводя личные счеты со Сталиным, Н.С.Хрущев разбудил силы, приведшие через 35 лет к падению великой державы:

«Отвергнув зачатки демократических реформ, и законсервировав руководящую роль КПСС во всех сферах деятельности советского государства, Хрущев открыл дорогу брежневскому «застою», который в свою очередь дал «зеленый» горбачевской «перестройке» и далее к развалу СССР, совершенному тремя высшими функционерами — наследниками Хрущева в Беловежской Пуще, что было уже «делом техники»»[2].

Любопытного читателя отсылаем к указанному сочинению, а на «диалектически» поставленный вопрос Н.Леонова дадим следующий, возможно «эклектический», ответ: «исторически сложившееся государство в границах Российской империи, затем СССР, пало в результате субъективных факторов, то есть действия лиц», назовем их поименно: Н.С. Хрущева, Л.И. Брежнева, М.С. Горбачева, Б.Н. Ельцина, которых объединял «дремучий антистали-

---

[1] *Н. Леонов.* Крестный путь России 1991—2000. М.: «Русский дом», 2003. С. 58.

[2] *А.Костин*. Культ личности. Истоки, генезис, персоналии. М.: «Перспектива». 2009. С. 394—395.

низм», совокупные действия которых предопределили всемирно-геополитический катаклизм, то есть детерминированный уже распад Союза Советских Социалистических Республик.

По большому счету не Б. Ельцин разрушил Советский Союз, на его долю выпала лишь заключительная («техническая») часть по реализации грандиозного проекта, задуманного международным империализмом и успешно претворяемого в жизнь его предшественниками, которые, кто по неведению, а кто сознательно, крушили здание Советской Империи, фундамент которого заложил В.И. Ленин, а выстроил на страх врагам, как внешним, так и внутренним, великий планировщик Советской цивилизации — Иосиф Виссарионович Сталин.

СОДЕРЖАНИЕ

Глава I. *Уральский самородок*
1.1. Суровое детство, бесшабашная юность 5
1.2. Годы студенческие, дела строительные 21
1.3. Вверх по партийной лестнице 44
Глава II. *Взятие Москвы*
2.1. Кремлевские интриги 84
2.2. Хозяин Москвы 125
2.3. Октябрьский тупик 167
Глава III. *Политический изгнанник*
3.1. Противостояние или сговор? 218
3.2. Борис, ты не прав! 250
3.3. Депутат двух парламентов 270
3.4. Сентябрьские каникулы 1989 года. Горячие встречи в Америке и холодное купанье в Подмосковье 311
Глава IV. *Трагический девяносто первый год*
4.1. Канун трагедии, или «Кто Вы, президент Горбачев?» . . . 355
4.2. Канун трагедии. Еще один Президент! 389
4.3. Новоогаревский процесс — прямой путь к августовскому путчу 418
4.4. Трехдневная «власть» ГКЧП 446
4.5. Второй раунд Новоогаревского процесса — прямой путь к Беловежью 502
4.6. Тайная вечеря в Вискулях 549